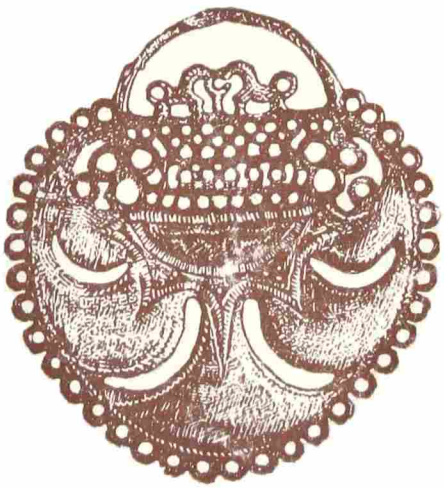
АКАДЕМИЯ НАУК СССР

СОВЕТСКАЯ АРХЕОЛОГИЯ



4

1978

АКАДЕМИЯ НАУК СССР
ИНСТИТУТ АРХЕОЛОГИИ

ИЗДАТЕЛЬСТВО «НАУКА» МОСКВА

СОВЕТСКАЯ АРХЕОЛОГИЯ

№ 4
1978

Журнал основан в 1957 году
Выходит четыре раза в год

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ:

А. В. Арциховский (главный редактор),
И. И. Артеменко, О. Н. Бадер, В. Д. Блаватский,
Ю. Н. Захарук (зам. главного редактора), *В. М. Массон,*
М. Г. Мошкова (отв. секретарь), *Р. М. Мунчаев,*
Б. Б. Пиотровский, С. А. Плетнева, Б. А. Рыбаков,
В. П. Шилов

СОДЕРЖАНИЕ

Смирнов С. В. (Киев). Значение леваллуазской техники в древнекаменном веке 5
Савватеев Ю. А., Девятова Э. И., Лийва А. А. (Петрозаводск, Тарту). Опыт датировки наскальных изображений Белого моря 16
Коробкова Г. Ф. (Ленинград). Древнейшие жатвенные орудия и их производительность (в свете экспериментально-трасологического изучения) . . 36
Черных Е. Н. (Москва). Металлургические провинции и периодизация эпохи раннего металла на территории СССР 53
Ольховский В. С. (Москва). Раннескифские погребальные сооружения по Геродоту и археологическим данным 83
Краснов Ю. А. (Москва). Опыт построения классификации наконечников пахотных орудий (по археологическим материалам Восточной Европы) 98
Обельченко О. В. (Москва). Мечи и кинжалы из курганов Согда 115
Новаковская С. М. (Ленинград). К вопросу о поздних рельефах в резьбе Дмитриевского собора во Владимире 128
К 70-летию академика А. П. Окладникова 142

Публикации

Заверняев Ф. М. (Брянск). Антропоморфная скульптура Хотылевской верхнепалеолитической стоянки 145
Григорьева Г. В., Филиппов А. К. (Ленинград). Пенская позднепалеолитическая стоянка (Курская область) 162
Лоллекова О. (Ленинград). Неолитическое поселение Песседжик-депе в Южном Туркменистане 176
Новгородова Э. А. (Москва). Древнейшие изображения колесниц в горах Монголии 192
Бадальянц Ю. С. (Рязань). Родосские амфорные клейма (раскопки 1970—1974 гг.) 207

© Издательство «Наука», «Советская археология», 1978 г.

Железчиков Б. Ф., Кригер В. А. (Уральск). Катакомбные захоронения Уральской области 218
Исмагилов Р. Б. (Стерлитамак). Кинжалы позднесавроматского времени из Башкирии 229

Заметки

Джафаров А. К. (Ленинград). Многослойная Тагларская мустьерская стоянка в Азербайджане 239
Сериков Ю. Б. (Нижний Тагил). О находках произведений искусства на стоянке Юрьино IV (Зауралье) 245
Никитин А. Л. (Москва). Стоянка Плещеево I 249
Татаринов С. И. (Артемовск, Донецкая обл.). Древний медный рудник «Выскривский» в Донецкой области 251
Иванов В. А., Пшеничнюк А. Х. (Уфа). Городище финальной бронзы на р. Миасс 255
Корепанов К. И. (Москва). Фигурка медведя с Верхне-Утчанского городища 260
Красильников К. И. (Ворошиловград). Раннепеченежское погребение в с. Горшковке 261

Критика и библиография

Березкин Ю. Е. (Ленинград). [Рец.]. Сб.: Первобытный Туркменистан. Ашхабад, 1976 265
Арутюнов С. А. (Москва.) Васильевский Р. С., Голубев В. А. Древние поселения на Сахалине (Сусуйская стоянка). Новосибирск, 1976 . . 269
Щербакова В. С. (Севастополь). Jh. Popilian. Ceramica Romana din Oltenia. Craiova, 1976 271
Щукин М. Б. (Ленинград). [Рец.]. Die Germanen. Geschichte und Kultur der germanischen Stämme in Mitteleuropa. Band I, Berlin, 1976 277
Борисевич Г. В. (Москва). Раппопорт П. А. Древнерусское жилище. САИ, вып. Е1-32, Л., 1975 282
Куза А. В. (Москва). [Рец.]. Русский город (историко-методологический сборник). М., 1976 288

Хроника

Лисицына Г. Н. (Москва). IV Международный симпозиум по палеоэтноботанике 292
Халикова Е. А. Еще раз о проблеме происхождения венгров (в связи с дискуссией на IV Международном конгрессе финно-угроведов) 294

Указатель статей, опубликованных в журнале «Советская археология» за 1978 год 301

SOMMAIRE

Smirnov S. V. (Kiev). L'importance de la technique du Levallois au début de l'Age de Pierre 5
Savvatiéev You. A., Déviatova E. I., Liiva A. A. (Pétrozavodsk, Tartu). Essai de datation des figures rupestres de la mer Blanche 16
Korobkova G. F. (Léningrad). Les plus anciennes faucilles, et leur fabrication. Etude expérimentale et traçologique 36
Tchernykh E. N. (Moscou). Les régions métallurgiques, et périodisation du début de l'Age des Métaux sur le territoire de l'URSS 53
Olkhovski V. S. (Moscou). Les anciennes tombes des Scythes selon Hérodote et selon les donnes archéologiques 83
Krasnov You. A. (Moscou). Pour une classification des socs à partir des pièces archéologiques de l'Europe orientale 98
Obeltchenko O. V. (Moscou). Les épées et les poignards des kourganes de la Sogdiane 115
Novakovskaïa S. M. (Léningrad). Les reliefs sculptés d'époque tardive de la cathédrale Saint-Dimitri à Vladimir 128
Le 70eme anniversaire de l'académicien A. P. Okladnikov 142

Publications

Zaverniaev F. M. (Briansk). La sculpture anthropomorphe du Paléolithique récent de la station de Khotylevo 145
Grigorieva G. V., Filippov A. K. (Léningrad). La station du Paléolithique récent de Pieny (district de Koursk) 162
Lollekova O. (Léningrad). Le village néolithique de Pessedjik-dépé (Sud du Turkménistan) 176
Novgorodova E. A. (Moscou). Les plus anciens dessins de chars des montagnes de Mongolie 192
Badaliantz You. S. (Riazan). Les marques des amphores de Rhodes trouvées à Nymphaeum (fouilles de 1970-1974) 207
Jéleztchikov B. F., Krigher V. A. (Ouralsk). Les sépultures en catacombes dans la région de l'Oural 218
Ismaghilov R. B. (Sterlitamak). Les poignards de Bachkirie de la fin de l'époque sarmate 229

Notices

Djafarov A. K. (Léningrad). Une station moustérienne à multiples couches découverte en Azerbaïdjan 239
Sérikov You. B. (Nijni Taghil). Découverte d'oeuvres d'art dans la station de Yourino IV (région transouralienne) 245
Nikitine A. L. (Moscou). La station de Pléchtchéiévo I 249
Tatarinov S. I. (Artémovsk, région de Donetsk). L'antique mine de cuivre Vyskrivski (district de Donetsk) 251
Ivanov V. A., Plénitchniouk A. Kh. (Oufa). Un goroditché de la fin de l'Age du Bronze sur la rivière Miass 255
Korépanov K. I. (Moscou). Une figurine d'ours trouvée dans le goroditché de Verkhnié-Outtchanskoïé 260
Krassilnikov K. I. (Vorochilovgrad). Les plus anciennes tombes des Pétchénègues (village de Gorchkovka) 261

Critique et bibliographie

Beriozkine You. E. (Léningrad). Critique de l'ouvrage: Le Turkménistan préhistorique. Achkhabad, 1976 265
Aroutiounov S. A. (Moscou). Vassilievski R. S., Goloubiev V. A. Les anciens villages de Sakhaline. La station de Sousouiskaïa. Novosibirsk, 1976 269
Chtcherbakova V. S. (Sébastopol). Jh. Popilian. Ceramica Romana din Oltenia. Craiova, 1976 271
Chtchoukine M. B. (Léningrad). Critique de l'ouvrage: Die Germanen. Geschichte und Kultur der germanischen Stämme in Mitteleuropa. Band I, Berlin, 1976 277
Borisevitch G. V. (Moscou). Rappoport P. A. Les vieilles habitation russes. SAI, fasc. EI-32, Léningrad, 1975 282
Kouza A. V. (Moscou). Critique du recueil: La ville russe (recueil d'histoire et de méthodologie). Moscou, 1976 288

Chronique

Lissitsyna G. N. (Moscou). Le IVe Symposium international de paléoethnobotanique 292
Halikova E. A. Encore quelques considérations sur le problème de l'origine des Hongrois, comme suite à la discussion qui a eu lieu au IVe Congrès International des questions finno-ougriennes 294

Указ Президиума Верховного Совета СССР
о присвоении звания Героя Социалистического Труда
академику РЫБАКОВУ Б. А.

За большие заслуги в области археологии и исторической науки, подготовке научных кадров и в связи с семидесятилетием со дня рождения присвоить академику **Рыбакову Борису Александровичу** звание **Героя Социалистического Труда** с вручением ему ордена **Ленина** и золотой медали **«Серп и Молот»**.

Председатель Президиума Верховного Совета СССР
Л. БРЕЖНЕВ

Секретарь Президиума Верховного Совета СССР
М. ГЕОРГАДЗЕ

Москва, Кремль, 2 июня 1978 г.

Коллектив Института археологии АН СССР и редакция журнала «Советская археология» горячо поздравляют

БОРИСА АЛЕКСАНДРОВИЧА РЫБАКОВА

с присвоением ему высокого звания Героя Социалистического Труда и желают крепкого здоровья и новых больших творческих успехов.

С. В. СМИРНОВ

ЗНАЧЕНИЕ ЛЕВАЛЛУАЗСКОЙ ТЕХНИКИ В ДРЕВНЕКАМЕННОМ ВЕКЕ

Еще в конце прошлого века в Леваллуа-Перре под Парижем в многометровых береговых отложениях Сены были обнаружены нижнепалеолитические изделия из камня совершенно необычного облика. Благодаря усилиям археолога Ребу, передавшего коллекцию этих изделий в парижский музей Карнавале, они быстро были введены в научный оборот. Наличие в Леваллуа-Перре широких овальных или удлиненных сколов, большие размеры которых сочетались с правильностью формы и совершенством обработки верхней поверхности, справедливо было оценено как свидетельство обнаружения своеобразных, ранее неизвестных приемов в нижнепалеолитической технике обработки камня [1].

Исходя из морфологического своеобразия находок из Леваллуа-Перре, их вслед за Мортилье стали сравнивать с расколотыми вдоль ручными рубилами и именовать леваллуазскими ножами или леваллуазскими остриями. Со временем термин «леваллуа» стали применять и для характеристики археологических комплексов с подобными находками в инвентаре. На основании этих памятников в рамках западноевропейского ашеля была выделена поздняя — леваллуазская ступень, причем эта точка зрения в начале века получила столь широкое распространение, что даже нашла отражение в изданиях энциклопедического характера [2]. Однако, несмотря на широкое использование термина «леваллуа» применительно к отдельным находкам и памятникам, четкого содержательного определения термина не было дано. Так продолжалось до 1950-х годов, ознаменовавшихся широким внедрением в практику археологических исследований типолого-статистического метода обработки коллекций и связанного с ним широкого распространения идеи культурно-исторического расчленения раннепалеолитических памятников. Эти прогрессивные сдвиги в науке о палеолите связаны в первую очередь с деятельностью французского исследователя Ф. Борда. Ему же принадлежит обоснование сущности техники леваллуа, что является одной из его главных научных заслуг [3].

По Ф. Борду, сущность техники леваллуа заключается в получении заготовок, форма которых предопределена заранее специальной подготовкой нуклеуса [4]. В этом лаконичном, но достаточно четком определении выделяется два момента. Первый момент объясняет цель существо-

---

[1] *Обермайер Г.* Доисторический человек. СПб., 1913, с. 145, 146.

[2] Reallexicon der Vorgeschichte. B. 1. Berlin, 1924, S. 8, 9.

[3] *Любин В. П.* К вопросу о методике изучения нижнепалеолитических каменных орудий. Палеолит и неолит СССР, т. 5.— МИА, № 131, 1965, с. 75.

[4] *Bordes F.* Principes d'une méthode d'étude des techniques de débitage et de la typologie du paléolithique ancien et moyen.— L'Anthropologie, t. 54, № 1—2, 1950; *idem.* Typologie du paléolithique ancien et moyen. Mémoire, № 1. Bordeaux, 1961.

вания леваллуазской техники — получение сколов с определенными заданными свойствами. Второй момент объясняет, каким образом достигается такое скалывание — при помощи специальной подготовки нуклеуса. Следовательно, леваллуазской заготовкой является всякая заготовка, качество которой определяется на этапе подготовки нуклеуса. Способ специальной подготовки нуклеуса здесь не имеет существенного значения. В соответствии с этим нуклеус, обеспечивающий получение с него заготовок с запланированными свойствами, должен считаться леваллуазским вне зависимости от способов подготовки его ударных площадок, рабочих поверхностей и других признаков.

Это необходимо подчеркнуть потому, что при выработке конкретных диагностических признаков, удовлетворяющих леваллуазским принципам, в науке наметились определенные разногласия, в которых фигурируют признаки, отсутствующие в определении Ф. Борда.

Опираясь на разработанные им принципы, Ф. Борд к нуклеусам леваллуа относит три категории изделий: черепаховидные нуклеусы (nucleus levallois à eclat), нуклеусы для треугольных острий (nucleus levallois à pointes) и нуклеусы для пластин (nucleus levallois à lames). Характерной чертой черепаховидных ядрищ является наличие одной ударной площадки и одной рабочей поверхности, предварительно оформленной сколами, направленными к центру. В нуклеусах леваллуа для острий имеется также одна ударная площадка и одна рабочая поверхность, однако она оформлена параллельными сколами, образующими межфасеточное ребро, совпадающее по направлению со скалывающим ударом. Нуклеусы леваллуа для пластин могут иметь одну или несколько рабочих поверхностей и одну или несколько ударных площадок. В отличие от черепаховидных нуклеусов и нуклеусов леваллуа для острий, где скалывание заготовок производилось только с одной стороны и в одном направлении, в нуклеусах леваллуа для пластин в зависимости от количества и расположения ударных площадок и рабочих поверхностей скалывание производилось как с одной, так и с разных сторон и как в одном, так и в разных направлениях. Нетрудно убедиться, что в отличие от черепаховидных нуклеусов и нуклеусов леваллуа для острий нуклеусы леваллуа для пластин являются морфологически более разнородными, что предполагает их дальнейшую дифференциацию.

Заканчивая краткую характеристику ядрищ, отнесенных Ф. Бордом к ядрищам леваллуазского характера, следовало бы отметить еще одно обстоятельство. С леваллуазских ядрищ скалывались не только заготовки леваллуазского типа. Как указывает Ф. Борд, в процессе подготовки этих нуклеусов скалывалось значительное количество нелеваллуазских сколов оформления, которые затем не использовались и должны рассматриваться в качестве отходов производства.

По системе Ф. Борда, удельный вес леваллуазских заготовок в комплексе в каждом конкретном случае определяется индексом леваллуа. Значение его огромно, поскольку он дает возможность в обобщенном, суммированном виде определить уровень развития леваллуазских приемов обработки камня [5]. Этого обобщенного показателя, однако, недостаточно, когда речь заходит о внутренних различиях в рамках техники леваллуа. Это видел и сам Ф. Борд. Чтобы найти выход из создавшегося положения, им был предложен индекс пластин, указывающий на долю пластин в комплексе. Введение индекса пластин несколько прояснило ситуацию, однако не привело к полному успеху, поскольку кроме леваллуазских пластин он фиксирует также наличие пластин нелеваллуазского типа. Большая емкость индекса леваллуа, невозможность за этим общим показателем увидеть внутренние различия и создает ряд трудностей в процессе углубленного изучения памятников [6].

[5] *Любин В. П.* Ук. соч., с. 50.
[6] Там же.

Наиболее логичным выходом в преодолении указанных трудностей была бы дифференциация леваллуазской техники на основные ее разновидности. Однако дальнейшая разработка проблемы леваллуа и связанной с ней методики обработки палеолитических коллекций пошла по иному пути — по пути сокращения леваллуазских форм.

Начало этому было положено работами Р. Х. Сулейманова и Н. Д. Праслова. В статье Р. Х. Сулейманова о нуклеусах стоянки Оби-Рахмат он в качестве леваллуазских рассматривает лишь нуклеусы черепаховидных форм, все прочие формы нуклеусов, в том числе и нуклеусы для пластин, рассматриваются вне рамок леваллуа [7]. Н. Д. Праслов на основании своего убеждения, что при системе параллельного скалывания нуклеуса нельзя предусмотреть форму заготовки, приходит к выводу, что она не согласуется с леваллуазским принципом обработки камня [8]. Наиболее полно стремление к сужению термина «леваллуа» за счет исключения приемов пластинчатого скалывания проявилось в монографии В. Н. Гладилина.

В. Н. Гладилин пишет, что в отличие от черепаховидных ядрищ и ядрищ леваллуа для острий нуклеусы леваллуа для пластин не требовали предварительного оформления их рабочих поверхностей [9]. Это не совсем так. Если нуклеус предназначался для получения пластин, то подготовленным для этой цели он мог считаться лишь после того, как его рабочая поверхность приобретала параллельное огранение, соответствующее конфигурации получаемых пластин. Чтобы достичь этого качества, требовалось сколоть определенное количество сколов оформления. Неподготовленный обломок или желвак не давал возможности производить скалывание пластин или пластинчатых отщепов.

Таким образом, как для черепаховидных нуклеусов и нуклеусов леваллуа для острий, так и для нуклеусов леваллуа для пластин подготовка рабочих поверхностей производилась в обязательном порядке. Различия касаются лишь способа подготовки рабочей поверхности, однако они, как уже указывалось выше, при решении вопроса о леваллуазской принадлежности нуклеусов не имеют решающего значения.

Характерной особенностью ядрищ леваллуа для пластин является многократность их использования. В. Н. Гладилин совершенно прав, когда указывает, что для «нуклеусов для пластин процесс получения заготовок был непрерывным с начала до конца утилизации ядрища», что «снятие каждого предшествующего скола-заготовки в той или иной мере предопределяло очертания последующих сколов», что «каждый удачный скол давал мастеру требуемую заготовку» [10]. Это чрезвычайно важный момент, ибо именно в нем кроются все необходимые условия для оценки системы параллельного скалывания.

Итак, во-первых, использование нуклеуса леваллуа для пластин давало возможность предопределять очертания каждого последующего скола и получить требуемую заготовку. Во-вторых, при параллельной системе скалывания получение каждого предыдущего скола одновременно означало подготовку рабочей поверхности нуклеуса для последующего скола. В таком случае, если следовать законам логики, параллельную систему

---

[7] *Сулейманов Р. Х.* О нуклеусах из пещерной стоянки Оби-Рахмат.— КСИА АН СССР, № 114, 1968, с. 124—130.

[8] *Праслов Н. Д.* Ранний палеолит Северо-Восточного Приазовья и Нижнего Дона.— МИА, № 157, 1968, с. 28, 29.

[9] *Гладилин В. Н.* Проблемы раннего палеолита Восточной Европы. Киев, 1976, с. 9.

[10] *Гладилин В. Н.* Ук. соч., с. 9. (Однако на с. 18 цитированной работы В. Н. Гладилин, впадая в противоречие, соглашается с Н. Д. Прасловым в том, что «параллельное скалывание не предопределяет заранее форму, которую хотелось бы получить мастеру».)

скалывания нельзя рассматривать вне рамок техники леваллуа, поскольку она характеризуется, как уже было отмечено выше, получением заготовок определенного, наперед заданного качества. В этой связи вывод В. Н. Гладилина о том, что леваллуазская техника должна быть ограничена приемами получения и использования черепаховидных и треугольных форм [11], представляется неверным.

Дело не только в том, что нет достаточных оснований считать параллельное скалывание не соответствующим сути леваллуазской техники. Этот ошибочный вывод приводит В. Н. Гладилина к другому ошибочному выводу о том, что суть техники леваллуа заключается не только в получении заготовок заданных свойств, но и в том, что с каждого нуклеуса «за один цикл можно снять одну-две заготовки» [12]. По В. Н. Гладилину, несоответствие параллельного скалывания сути леваллуазской техники означает, что определение этой сути нуждается в уточнении. Иными словами, принятие принципов Ф. Борда в данном случае является базой для их пересмотра.

Концепция «узкого леваллуа» искусственно сужает круг форм, в полной мере удовлетворяющих требованиям леваллуазской техники. Она своей непоследовательностью создает определенные препятствия в изучении особенностей и закономерностей становления и развития первобытного производства. Дальнейшая разработка проблемы леваллуа может быть плодотворной лишь при условии последовательного соблюдения технологического принципа Ф. Борда, ибо в нем заключено главное — цель существования леваллуазской техники, а именно получение заготовок с запланированными свойствами. Первостепенной задачей является оценка эффективности леваллуазской технологии в целом и применительно к различным ее разновидностям. Основу для решения этой задачи заложил сам Ф. Борд, разделив леваллуазские ядрища на типы по целевому признаку, т. е. в полном соответствии с целевым критерием определения сути леваллуазской техники [13].

Ашело-мустьерская техника требовала значительных трудовых затрат как на этапе получения заготовки, так и на этапе ее оформления при помощи ретуши. Напротив, в технике леваллуа значительные трудовые затраты распространялись лишь на этап получения заготовки, приемы ретуши здесь занимали весьма незначительное место. Ф. Борд подчеркивал, что многие леваллуазские сколы использовались в качестве готовых орудий труда вообще без какой-либо дополнительной подправки края.

Главная черта леваллуазской техники заключается в том, что она технологическую цепь от куска сырьевого материала до законченного орудия труда сделала более короткой, прямой и логически строгой. В отличие от других технических проявлений ашело-мустьерского времени в леваллуазской технике заранее установленная форма будущего орудия труда явилась определяющим моментом на всех этапах обработки камня, начиная с подготовки нуклеуса и заканчивая отделкой рабочих краев орудия. Появление леваллуазской техники знаменует собой начало нового технологического принципа изготовления производственного инвентаря. Дело не только в том, что формирующийся человек впервые получил стандартизованные заготовки, о чем писал В. П. Любин [14]. Несравненно более важное значение имеет тот факт, что эти заготовки

---

[11] *Гладилин В. Н.* Ук. соч., с. 8, 9, 21.

[12] Там же, с. 18.

[13] Использование здесь классификации леваллуазских нуклеусов Ф. Борда по целевому признаку ни в коей мере не является препятствием для других классификаций, и в том числе морфологической, необходимых для решения задач культурно-исторического сопоставления памятников. Классификация же нуклеусов по целевому признаку нужна для изучения общих технологических принципов обработки камня, в том числе для изучения леваллуазской технологии.

[14] *Любин В. П.* Ук. соч., с. 38.

максимально приближены по форме к изготовляемым орудиям труда, что делает их подлинными полуфабрикатами орудий. Изобретение приемов получения этого совершенно нового вида заготовок сократило до минимума завершающий этап изготовления орудия — нанесение ретуши с целью окончательного оформления рабочего края.

В рамках леваллуазской традиции выделяются две основные разновидности. Первая основывается на использовании черепаховидных нуклеусов, вторая — нуклеусов параллельного скалывания. В качестве промежуточного звена можно рассматривать использование нуклеусов для треугольных сколов. При этом следовало бы подчеркнуть, что в рамках пластинчатого леваллуа здесь рассматриваются не только уплощенные нуклеусы параллельного скалывания (нуклеусы леваллуа для пластин Ф. Борда), но и нуклеусы призматических и пирамидальных форм, которые Ф. Борд, допуская типологическую неточность, рассматривает вне рамок леваллуа. Такой подход соответствует имеющимся в литературе мнениям относительно их принципиальной близости. Так, В. П. Любин подчеркивает, что нуклеусы леваллуа для пластин Ф. Борда в крайних формах переходят в нуклеусы призматического типа [15]. В. Н. Гладилин приходит к выводу, что указанные формы нуклеусов дают не самостоятельные, качественно различные способы раскалывания, а частные вариации единого технического приема [16].

Заготовки, полученные с черепаховидного ядрища, при всех своих достоинствах имели один существенный недостаток: с одного нуклеуса можно было сколоть лишь одну заготовку. С нуклеуса для треугольного скола можно было получить одну, максимум две заготовки. Использование же нуклеуса параллельного скалывания, напротив, обеспечивало получение серии заготовок. Техника черепаховидных нуклеусов и треугольных сколов давала выигрыш в качестве, но ощутимо проигрывала в количестве заготовок, получаемых с одного нуклеуса. Поэтому здесь трудно говорить о ее преимуществах перед ашело-мустьерской техникой. Что же касается техники параллельного скалывания, то она, давая выигрыш в качестве заготовок, ни в чем не уступала ашело-мустьерской технике по их количеству.

Техника скалывания черепаховидных и треугольных сколов, ярко воплотившая в себе леваллуазские принципы, была по существу слишком расточительной как в смысле использования сырья, так и в смысле трудовых затрат. Совершенно иная картина вырисовывается при рассмотрении системы параллельного скалывания. Эта разновидность техники леваллуа в силу многочисленности заготовок, получаемых с одного нуклеуса, дает пример более экономного расходования сырья и труда. В процессе работы с черепаховидными ядрищами и ядрищами для острий один неудачно нанесенный удар с целью получения заготовки практически сводил к нулю всю предыдущую работу. При использовании нуклеусов для пластин один или два неверных, плохо рассчитанных удара не выводили нуклеус из строя: в этих случаях имелась возможность исправить положение при скалывании последующих заготовок.

Таким образом, в системе параллельного скалывания леваллуазские принципы самым выгодным образом сочетались с задачами экономного использования сырьевого материала, трудовых и временных затрат [17].

---

[15] Там же, с. 18.

[16] *Гладилин В. Н.* Ук. соч., с. 19.

[17] В этой связи широкое использование термина «классическое леваллуа» применительно к черепаховидным и треугольным заготовкам и соответствующим формам нуклеусов вызывает возражения. Ибо нелогично называть классическими способы, связанные с относительно расточительным отношением к сырью и труду, в то время когда имелись приемы более экономного использования сырьевого материала и трудовых усилий. Очевидно, этот термин имеет право на существование лишь в том плане, что именно с изучения черепаховидных форм началась разработка вопросов, переросших с течением времени в проблему леваллуа.

Этот вывод имеет принципиальное значение, поскольку определяет перспективы разработки нового научного направления — изучение проблемы становления человеческого общества сквозь призму эффективности материального производства и прежде всего в сфере производства орудий производства.

Рассмотрение системы параллельного скалывания в качестве наиболее эффективной разновидности производства нижнепалеолитических орудий труда является надежной основой для более глубокого и всестороннего анализа всей нижнепалеолитической эпохи. Судя по всему, раннепалеолитическая эпоха была временем интенсивных поисков более экономичных, следовательно, более прогрессивных, приемов обработки камня. В этих поисках можно отметить два чрезвычайно важных технических сдвига. Первым было изобретение и распространение техники леваллуа, означавшее качественно новое явление в первобытной технике. Его итогом явилось закрепление приемов получения заготовок совершенно нового качества, несущих в себе все основные технические характеристики изготовляемых орудий труда. Второй сдвиг означал поиск и закрепление уже среди найденных приемов леваллуазской техники наиболее прогрессивных способов, учитывающих, с одной стороны, необходимость получения заготовок-полуфабрикатов высокого качества, с другой — экономичность расходования сырья, труда и рабочего времени. Так, на протяжении длительного времени, охватывающего вторую половину ашеля и мустье, в результате длинной цепи поисков получила распространение техника параллельного скалывания, ставшая основой всего дальнейшего технического прогресса.

Не следует, однако, рассматривать эти явления как механически следующие одно за другим. Прежде всего нужно учесть, что появление леваллуазских приемов происходило на разных территориях не одновременно и в большинстве случаев, по-видимому, независимо друг от друга [18]. Распространение леваллуазской техники и значительно более быстрое развитие техники параллельного скалывания, как наиболее прогрессивного ее вида, происходит практически параллельно и в тесной взаимосвязи. Быстрое распространение и развитие параллельного скалывания отнюдь не означало, что другие виды леваллуазской техники перестали существовать, однако их развитие происходило значительно более медленными темпами. Очень важно подчеркнуть, что при оценке тех или иных индустрий нужно иметь в виду не только общий удельный вес пластинчатых форм в коллекции, но в обязательном порядке темпы роста уровня пластинчатости. Проследить это можно только на памятниках, генетически связанных между собой. Имеющиеся факты по мустьерским культурам Восточной Европы дают хорошую возможность для получения конкретных результатов в этом направлении.

Первый пример касается молодовской культуры, принадлежащей к археологическим культурам леваллуазского круга. Цифровые выкладки по XII и XI слоям стоянки Молодово V свидетельствуют, что если индекс леваллуа от слоя к слою изменился с 36,9 до 37,4, то индекс пластин — с 13,9 до 17,1 [19]. Несложные подсчеты показывают, что темпы возрастания показателя пластинчатости в 1,2 раза превосходят здесь темпы возрастания показателей леваллуа. За счет улучшения приемов получения пластин и их распространения изменяется соотношение между количеством нуклеусов и количеством заготовок. Если в нижнем XII слое на один нуклеус приходится 12 сколов различных видов, то в более позднем XI слое — уже 18. В этом можно наглядно увидеть свидетельство непосредственной прямой зависимости между возрастанием уровня

---

[18] *Григорьев Г. П.* Проблемы леваллуа. Палеолит и неолит СССР, т. 7,— МИА, № 185, 1972, с. 74.

[19] *Смирнов С. В.* Палеоліт дніпровського Надпоріжжя. Київ, 1973, с. 60.

параллельного скалывания и более экономным расходованием сырьевого материала и труда. В прямой связи с более интенсивным нарастанием пластинчатости следует, по-видимому, рассматривать наблюдение Ю. Г. Колосова относительно характера обработки поверхности черепаховидных сколов в молодовских памятниках. Он заметил, что многие сколы с черепаховидных нуклеусов имеют на верхней поверхности следы параллельного скалывания, что можно оценить как свидетельство перерастания черепаховидных ядрищ в ядрища для получения пластин [20].

Опережающие темпы развития параллельного скалывания хорошо видны также на материалах крымского грота Шайтан-Коба, оба горизонта которого относятся к разным этапам развития одного и того же культурного явления. По данным Ю. Г. Колосова, индекс леваллуа от нижнего культурного горизонта к верхнему возрастает с 40,1 до 60,2, а индекс пластин — с 9 до 16,4 [21]. Таким образом, и в Шайтан-Кобе темпы возрастания показателя пластинчатости в 1,2 раза выше темпов возрастания показателя леваллуа в технике. В связи с этим возрастает эффект использования нуклеусов: в нижнем культурном горизонте один нуклеус дает в среднем 26 заготовок, в верхнем — 37.

Интересные данные дает антоновская мустьерская культура в Донбассе. На основании цифровых данных, приводимых В. Н. Гладилиным, можно вывести такие показатели. Индекс леваллуа в Антоновке I составляет 18,9; в Антоновке II — памятнике более позднего времени — 38,7. Показатели пластинчатости характеризуются следующими цифрами: Антоновка I — 4,7; Антоновка II — 9,5 [22]. Таким образом, и показатели леваллуа в технике, и показатели пластинчатости возрастают одинаково — в два раза. Учитывая тот факт, что в антоновских памятниках леваллуазские заготовки черепаховидных форм представлены единичными находками и, по справедливому замечанию В. Н. Гладилина, имеют случайное происхождение [23], а вся группа леваллуазских заготовок получена в основном с нуклеусов параллельного снятия, можно заключить, что и в антоновской культуре налицо опережающее развитие системы параллельного скалывания. За счет возрастания уровня параллельного скалывания изменилось соотношение между количеством нуклеусов и заготовок. В Антоновке I на один нуклеус приходится пять заготовок, а в Антоновке II — уже десять, т. е. в два раза больше.

Отмеченные сдвиги в развитии техники раскалывания камня в мустье Восточной Европы находятся в противоречии с мнением Г. П. Григорьева о том, что в различных районах Старого Света в однокультурных слоях мустьерского времени изменения в технике обработки камня не прослеживаются [24]. С другой стороны, полученные выводы созвучны с мнением В. Н. Гладилина, что технический прогресс в раннем палеолите идет главным образом в направлении совершенствования техники раскалывания камня [25].

В свете перечисленных выше фактов и наблюдений становится понятной пестрота, столь характерная для эпохи мустье. Множественность проявлений материальной культуры этого времени объясняется сложным, растянутым во времени на многие тысячелетия, медленным, но не прекращающимся процессом выработки наиболее прогрессивных приемов изготовления производственного инвентаря. В этом процессе благодаря усилиям многих поколений неандертальского человека сложилось и полу-

---

[20] *Колосов Ю. Г.* Шайтан-Коба — мустьерська стоянка Криму. Київ, 1972, с. 130.
[21] *Колосов Ю. Г.* Ук. соч., с. 109.
[22] *Гладилин В. Н.* Ук. соч., с. 51—57. (В группу леваллуазских включены черепаховидные заготовки, протопризматические, по В. Н. Гладилину, отщепы и протопризматические пластины.)
[23] Там же, с. 52.
[24] *Григорьев Г. П.* Ук. соч., с. 74.
[25] *Гладилин В. Н.* Ук. соч., с. 117.

чило развитие несколько технологических направлений. Практически ни одно из них не существовало в чистом виде, т. е. без тесной взаимосвязи друг с другом в рамках определенной традиции, присущей тому или иному коллективу неандертальцев. Различные технологические направления обеспечивали неодинаковый уровень производительности труда. Поскольку уровень параллельного скалывания, обеспечивавшего наивысшую производительность труда, для различных раннепалеолитических памятников различен и колеблется в значительных пределах, уместно сделать заключение о неравномерности культурно-исторического развития групп неандертальского человека. Этот вывод не нов, однако в данном случае он опирается не на умозрительные построения, а на данные об эффективности производства орудий труда в рассматриваемое время. Неравномерность развития, сохраняющаяся на протяжении всей мустьерской эпохи, в свою очередь свидетельствует о том, что оно происходило в условиях относительной замкнутости, изолированности существования этих групп. В среде относительно замкнутых неандертальских коллективов, в большинстве случаев вне зависимости друг от друга, в процессе их трудовой деятельности и вырабатывались наиболее эффективные приемы изготовления производственного инвентаря. Перспективы прогресса в конечном счете определялись уровнем и темпами развития приемов пластинчатого скалывания.

Здесь представляется необходимым перейти к вопросу об истоках позднепалеолитической техники. Хотя ни у кого не вызывает сомнений, что техника позднего палеолита связана с техническими достижениями предшествующего времени, поставленный вопрос еще далек от своего решения. Некоторые важные выводы в этом направлении, однако, уже получены. В. П. Любин, основываясь на том, что нуклеусы леваллуа для острий и нуклеусы леваллуа для пластин в своих крайних формах переходят в призматические ядрища позднего палеолита, приходит к выводу, что прогресс в позднем палеолите проходил под знаком техники леваллуа [26]. Заслуживает внимания заключение В. Н. Гладилина о том, что принципы использования нуклеусов леваллуа для пластин наиболее ярко проявляются в позднепалеолитических нуклеусах призматического типа [27].

Эти наблюдения при всей их бесспорности оставляют в стороне решение вопроса о причинно-следственной связи этих двух явлений. Не подлежит никакому сомнению, что решение именно этого вопроса является ключевым моментом в раскрытии общих закономерностей генезиса позднего палеолита — эпохи окончательного становления человеческого общества. В этой связи прежде всего необходимо ответить на вопрос: почему сложившаяся в недрах раннего палеолита техника параллельного скалывания, занимавшая среди других технических проявлений этого времени весьма незначительное место, становится практически всеобщей технической основой перехода к позднему палеолиту? Нужно отыскать пружины того механизма, который приводит к господству параллельного скалывания в технике обработки камня и изготовления производственного инвентаря.

Решающее значение в поисках ответа на поставленные вопросы принадлежит оценке системы параллельного скалывания как наиболее эффективной разновидности техники раннепалеолитического времени. Именно более высокая эффективность изготовления производственного инвентаря в технике параллельного скалывания является главной причиной прогресса раннепалеолитической техники и культуры, обеспечившего быстрый переход к позднему палеолиту, что означало завершение

---

[26] *Любин В. П.* Ук. соч., с. 38.
[27] *Гладилин В. Н.* Ук. соч., с. 9.

самого длительного этапа в истории человечества — этапа становления самого человека и его общественной организации.

Опираясь на приведенные выше доказательства можно утверждать, что поздний палеолит является дальнейшим продолжением леваллуазской линии развития в той ее разновидности, которая на протяжении раннего палеолита обеспечивала наиболее быстрый прогресс производства. Иными словами, поздний палеолит является новым хронологическим этапом пластинчатого леваллуа. Развитие леваллуазской технической традиции в условиях позднего палеолита иллюстрируется на примере совершенно новых изделий, неизвестных в раннепалеолитическое время. Речь идет о так называемых составных орудиях позднего палеолита и мезолита, для изготовления которых использовались микропластинки высокого качества. Как принципы получения узких ножевидных микропластинок, так и принципы их использования без значительной подправки рабочего края ничем существенным не отличаются от принципов получения и использования леваллуазских заготовок раннего палеолита.

К сожалению, лишь немногие памятники дают материалы, на которых можно проследить технологию создания вкладышевых орудий. К таким памятникам относятся прежде всего стоянка Черноозерье II в Прииртышье, исследованная на площади 2150 *м*^{2} под руководством В. Ф. Генинга [28]. Здесь было обнаружено одно из лучших позднепалеолитических орудий вкладышевого типа, прекрасно сохранившееся до наших дней. Орудие выполнено в виде кинжала длиной более 50 *см*. Основу его составляет сужающийся кверху плоский вытянутый костяной клинок, с узкими пазами по обоим дугообразным краям. Лезвия оформлены за счет плотно подогнанных друг к другу фрагментированных узких необработанных ножевидных пластин, плотно закрепленных в пазах. Рядом с местом находки кинжала, у очага, находилось скопление кремней, представляющее собой остатки небольшой мастерской по изготовлению вкладышевых орудий. Здесь, в одном скоплении, имелись только целые ножевидные микропластинки высокого качества и обломанные верхние и нижние концы микропластинок, образовавшиеся в процессе их расчленения с целью получения фрагментов для составления лезвия. Скалывание микропластинок производилось в специально отведенных местах, на периферии стоянки, за пределами жилищно-бытовых комплексов. Состав находок, образовавшийся в местах скалывания микропластинок, весьма своеобразен: количество микропластинок здесь невелико — в среднем до 20% всех находок, качество их низкое, преобладают микроотщепы, не превышающие 6 *мм* в диаметре. Сопоставление состава находок с результатами экспериментальных работ, проведенных С. А. Семеновым [29], позволили В. Ф. Генингу утверждать, что в этих маленьких отщепах следует усматривать сколы от подправки ударных площадок нуклеусов, предназначенных для получения микропластинок. По материалам Черноозерья II можно проследить всю технологическую цепь изготовления вкладышевых орудий. Нуклеусы готовились на стороне, по-видимому, за пределами стоянки. Их использование для получения микропластинок производилось по мере необходимости на стоянке, но на некотором удалении от хозяйственно-бытовых комплексов. Завершающий этап — оформление лезвия и закрепление его в основе — производилось на центральной части стоянки, там, где была сосредоточена вся хозяйственная жизнь. Причем такое расчленение процесса создания орудий на этапы и по месту работы имеет свое четкое объяснение в результатах экспериментов С. А. Семенова.

---

[28] Данные по Черноозерью II взяты из рукописи статьи В. Ф. Генинга, подготовленной для печати. Автор выражает ему свою благодарность за возможность использовать их в настоящей работе.

[29] *Семенов С. А.* Развитие техники в каменном веке. Л., 1968, с. 48.

Материалы Черноозерья II дают пример совершенно нового этапа для развития техники леваллуа. Карандашевидный нуклеус по существу является не чем иным, как выполненным в миниатюре нуклеусом для параллельного скалывания, на котором можно предусмотреть форму и размеры будущей микропластинки с точностью до миллиметра. Микропластинки демонстрируют высшую форму стандартизации заготовок, основы которой были заложены еще в раннем палеолите.

Основное технологическое качество леваллуазских заготовок — использование их без значительной подправки или вообще без подправки — в микропластинках проявилось с особой силой. Длинное, острое, практически идеально ровное лезвие, образованное серией отдельных необработанных микропластинок, закрепленных в костяной основе, является наилучшим воплощением леваллуазского принципа использования заготовок.

В вопросе об историческом значении техники леваллуа в науке оформились две взаимно исключающие точки зрения. В. П. Любин считает, что изобретение леваллуазской техники означало существенный сдвиг в развитии производительных сил и что это вызвало определенные изменения в способе производства материальных благ[30]. По мнению Г. П. Григорьева, техника леваллуа не может считаться качественно новым явлением в развитии нижнепалеолитической техники, поскольку большинство позднепалеолитических культур сложилось на основе мустьерских культур, не принадлежащих к леваллуазскому пути развития[31].

Недостаточность этих построений заключается, с одной стороны, в том, что леваллуазская техника в данном случае рассматривается суммарно, без внутренних различий, с другой — в том, что при этом не учитывается наиболее важный показатель — эффективность производства орудий труда.

Выше уже отмечалось, что в процессе становления леваллуазской технологии было осуществлено два различных по значению технических сдвига. Если первый сдвиг, означавший изобретения леваллуазского принципа обработки камня, не привел к заметному изменению организации труда, то второй, означавший изобретение в рамках леваллуазской технологии приемов параллельного скалывания, обеспечил развитие леваллуазского технологического принципа в сочетании с экономным расходованием сырья, рабочего времени и производительного труда. Поэтому можно утверждать, что изобретение и широкое распространение системы параллельного скалывания является главным рубежом, определившим дальнейший прогресс в развитии складывающихся производительных сил.

Историческое значение техники леваллуа заключается в том, что на основе ее наиболее прогрессивной разновидности завершился процесс становления общественного производства. Выработанный в рамках леваллуазской традиции технологический принцип определил прогресс производства орудий производства не только в каменном веке, но также и в последующие эпохи. Все техническое развитие вплоть до наших дней связано со стремлением, с одной стороны, приблизить заготовку к запланированной форме изготовляемого орудия труда или его составной части, а с другой — максимально упростить этап превращения заготовки-полуфабриката в готовое изделие за счет сокращения временных, трудовых затрат и экономии сырьевых материалов. Не только древняя, но и современная технология обработки металла, стремящаяся к получению отливок, максимально близких по размерам и форме к изготовляемой детали, и на этой основе — к экономии металла и труда, восходит

---

[30] *Любин В. П.* Ук. соч., с. 38, 39.
[31] *Григорьев Г. П.* Ук. соч., с. 74.

в сущности к леваллуазскому принципу изготовления производственного инвентаря из камня. Иными словами, между основными технологическими принципами современного производства и леваллуазским принципом раннего палеолита существует непосредственная связь. В этом суть преемственности древнейшего и современного производства.

В свете изложенных фактов и наблюдений конкретизируется и наполняется более глубоким смыслом знаменитое выражение Ф. Энгельса: «...труд создал самого человека» [32]. С определенной точки зрения всю трудовую деятельность неандертальца можно оценить как неизвестный в более поздние эпохи, огромный по территориальному и временно́му охвату эксперимент по поиску наиболее эффективных способов изготовления производственного инвентаря. Опережающее развитие системы параллельного скалывания как наиболее эффективной разновидности производства орудий производства из камня является не чем иным, как медленными количественными накоплениями, приведшими к новому качеству, воплощенному в позднепалеолитической технике и означавшему окончание процесса становления человеческого общества.

Прогресс в производстве орудий производства раннего палеолита, осуществленный на основе опережающего развития системы параллельного скалывания, является надежной базой для разработки вопросов становления надстроечных институтов древнейшего человеческого общества. Изучение эффективности материального производства раннепалеолитической эпохи находится в самом начале своего пути, и нет никаких сомнений в том, что продолжение усилий в этом направлении ознаменуется новыми научными достижениями.

S. V. Smirnov

L'IMPORTANCE DE LA TECHNIQUE LEVALLOISIENNE AU DEBUT DE L'AGE DE PIERRE

Résumé

Ces derniers temps, dans la science du paléolithique se dessine la tendance à revoir les principes de division de la technique levalloisienne, avancés par F. Bordes Ceci s'est manifesté avant tout dans la recherche à limiter le cadre de la technique levalloisienne aux seuls silex triangulaires ou en carapace de tortue, c.à.d. à considérer l'obtention des silex du type lame comme une technique ne rentrant pas dans le cadre levalloisien. L'analyse des faits que l'on possède et des observations montrent que pour réviser l'essence de la technique levalloisienne il n'existe pas de bases suffisantes, étant donné que la définition de F. Bordes contient sa principale particularité technologique: l'obtention de silex à propriétés données. L'apparition de la technique levalloisienne signifiait l'invention par l'homme en formation d'un nouveau et plus progressif principe technologique, exigeant beaucoup de temps et d'efforts pour obtenir des silex se rapprochant au maximum des indices principaux des outils projetés. Cela fait que les silex levalloisies sont de vrais outils semi-finis. Elaboré dans le cadre de la tradition levalloisienne, le principe technologique d'obtention de produits semi-finis pour en faire des outils, a déterminé le progrès de la fabrication des moyens de production de toutes les époques suivantes. Tout le progrès technique, et jusqu'à l'époque contemporaine, est lié d'une part au désir d'obtenir des produits semi-finis se rapprochant le plus possible par la forme des détails d'exécution, et d'autre part simplifier au maximum l'étape de transformation du produit semi-fini en un outil achevé, en réduisant la dépense de temps, d'efforts et de matière première. Ces procédés technologiques de la production contemporaine remontent en fait au principe technologique levalloisien. C'est en cela que réside l'essence de cette succession de la production matérielle, depuis la plus ancienne qui se soit formée jusqu'à celle de nos jours.

[32] *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч., т. 20, с. 486.

Ю. А. САВВАТЕЕВ, Э. И. ДЕВЯТОВА, А. А. ЛИЙВА

ОПЫТ ДАТИРОВКИ НАСКАЛЬНЫХ ИЗОБРАЖЕНИЙ БЕЛОГО МОРЯ

Наскальные изображения (писаницы и петроглифы), которыми так богата наша страна, привлекают все большее внимание науки [1]. Детальные исследования многих памятников наскального творчества ведутся на территории Европейской части СССР, Кавказа, Средней Азии, Сибири, Дальнего Востока.

Одним из основных условий правильной интерпретации и дешифровки любого скопления наскальных изображений является выяснение их возраста. Между тем сами по себе они зачастую не имеют надежных хронологических признаков, что заставляет прибегать к сопоставлению их с другими, нередко далеко отстоящими, памятниками такого типа. Чрезвычайно важно поэтому получить твердые, хорошо датированные эталоны, которые помогли бы разработать периодизацию наскального творчества нашей страны, начиная с самых ранних этапов.

Данная статья представляет собой опыт датировки самого крупного скопления охотничьего наскального искусства Северной Европы — петроглифов Беломорья, получивших широкую известность в отечественной и мировой науке. Открытия последних лет (1963—1971 гг.), почти утроившие известный ранее изобразительный материал, еще больше усилили интерес к ним, заставили вновь вернуться к вопросу об абсолютной и относительной хронологии всего наскального комплекса. Обилие древних поселений, расположенных поблизости и на разной высоте над уровнем моря, находки значительной части наскальных полотен Новой Залавруги под культурным слоем стоянки, разнообразие самого петроглифического материала (систематика и изобразительный анализ которого тоже дает некоторые опорные точки для разработки хронологии), возможность сопоставления с наскальными изображениями других

[1] В Указателе, составленном старшим библиографом научной библиотеки Карельского филиала АН СССР Р. А. Нисканен, включающем литературу по наскальным изображениям нашей страны на русском и иностранных языках с 1692 по 1975 гг. значится 969 названий. В именном указателе значится более 400 исследований, касавшихся данной темы. Особенно много внимания ей уделяли и уделяют О. Н. Бадер, А. Н. Бернштам, А. Я. Брюсов, А. Д. Грач, М. П. Грязнов, Н. Н. Диков, А. М. Линевский, А. П. Окладников, В. И. Равдоникас, В. А. Ранов, А. Д. Столяр, В. Н. Чернецов, А. А. Формозов, Я. А. Шерр и ряд других. Современное состояние изученности наскальных изображений СССР нашло отражение в книге А. А. Формозова (*Формозов А. А.* Очерки по первобытному искусству. М., 1969) и его критическом обзоре (*Формозов А. А.* Новые книги о наскальных изображениях в СССР (обзор публикаций 1968–1972 гг.) – СА, 1973, № 3, с. 257–265). О проблематике, связанной с изучением наскальных изображений, дают представление материалы дискуссии, проведенной в конце 60-х годов журналом «Советская этнография».

районов, предметами искусства малых форм и орнаментальными фигурами на керамике создают благоприятные условия для решения поставленной задачи. Весь предшествующий опыт (работы А. М. Линевского, А. Я. Брюсова, В. И. Равдоникаса, Н. Н. Гуриной и др.) показал, что точный возраст петроглифов только методами археологии установить невозможно. По мнению А. Д. Столяра, приводимые в литературе даты слишком суммарны и приблизительны, и абсолютная хронология наскальных «галерей» в устье р. Выг выступает в качестве назревающей проблемной задачи, требующей построения более достоверной и уточненной хронологической шкалы до пределов в несколько столетий [2]. Поэтому нами был применен комплексный подход, включающий помимо археологических работ (Ю. А. Савватеев) геолого-палеогеографические исследования (Э. И. Девятова) с широким использованием абсолютных дат по C^{14} (А. А. Лийва).

Изучение палеогеографической обстановки с целенаправленным использованием спорово-пыльцевого анализа и серии радиоуглеродных определений позволило установить трансгрессивно-регрессивные стадии в развитии Белого моря и время формирования террас в низовье р. Выг в голоцене, часть которых занята древними стоянками (около 60) и петроглифами (32 группы, включающие около 2000 изображений). С учетом целого комплекса изменяющихся природных условий (климата, растительности, колебаний уровня моря, гидрологического режима реки, формирования террас) прослежена последовательность возникновения и развития древних поселений и петроглифов Беломорья, основанная на надежной увязке террас с расположенными на них памятниками с определенными стадиями в развитии долины р. Выг и Белого моря в послеледниковое время. Для уточнения возраста отдельных скоплений беломорских петроглифов определяющим является соотношение их с окружающими стоянками, среди которых в конечном итоге удается выявить те, что существовали до возникновения рисунков, синхронные им и, наконец, возникшие после прекращения традиции наскального творчества.

Подробнее методика, общие результаты, сам фактический материал изложены в книгах Э. И. Девятовой и Ю. А. Савватеева [3], но многолетние комплексные исследования продолжались и после их завершения. В итоге получено еще несколько спорово-пыльцевых диаграмм и четыре абсолютные даты по C^{14}, проведены определения древней фауны, представленной на нижневыгских стоянках. Кости очень мелкие, но все же по ним Н. К. Верещагину удалось определить ряд видов. На стоянке Ерпин Пудас (раскоп 1963 г.) основная масса костного материала принадлежит северному оленю, а 14 фрагментов — нерпе. Кости с той же стоянки (раскоп 1970 г.) принадлежат преимущественно тюленю и в семи случаях — нерпе. На стоянке Золотец I определено 50 фрагментов костей нерпы. На поселении Золотец VI кроме нерпы (41) представлены еще бобр (8) и северный олень (1), а на Золотец VII — нерпа (2). Сравнительно много материала (2126 мелких раздробленных косточек) дала стоянка Залавруга IV. Только в горизонте III раскопа 1970 г. представлено шесть промысловых видов: нерпа (311), гренландский тюлень (1), белуха (16), куница лесная (1), белка (3), бобр (27), северный олень (4).

Новые материалы еще больше укрепили документальную базу проведенных исследований и побудили авторов подвести итоги совместных

---

[2] *Столяр А. Д.* Рец.: *Формозов А. А.* Очерки по первобытному искусству. М., 1969.— СА, 1974, № 4, с. 310.

[3] *Девятова Э. И.* Геология и палинология голоцена и хронология памятников первобытной эпохи в юго-западном Беломорье. Л., 1976; *Савватеев Ю. А.* Залавруга (Археологические памятники низовья р. Выг. Ч. II. Стоянки). Л., 1977.

работ с тем, чтобы выяснить причины возникающих расхождений, обсудить пути их устранения, глубже синтезировать полученные результаты. С другой стороны, удалось лучше обосновать ранее высказанные предположения, например тезис о наличии разновременных напластований на таких поселениях, как Золотец VI и Залавруга IV, о необычайном разнообразии материалов эпохи раннего железа и т. д. Фауна стоянок позволяет полнее раскрыть основы хозяйства на разных этапах первобытной истории края и провести интересные сопоставления с сюжетами наскальных изображений (в известной степени помогающие понять сам принцип отбора и включения звериных сюжетов в репертуар наскального творчества Беломорья). Все это повышает ценность многолетних коллективных исследований в низовье р. Выг, интересных и по своим результатам, и в методическом плане. Они показали, что только в сочетании чисто археологических методов и данных естественных наук при широком применении радиоуглеродных определений возможна разработка надежной хронологии памятников низовья р. Выг. Синтез их, как и серия контрольных работ, позволяет снять многие из расхождений и получить более достоверные результаты по относительной и абсолютной датировке поселений и наскальных изображений Беломорья.

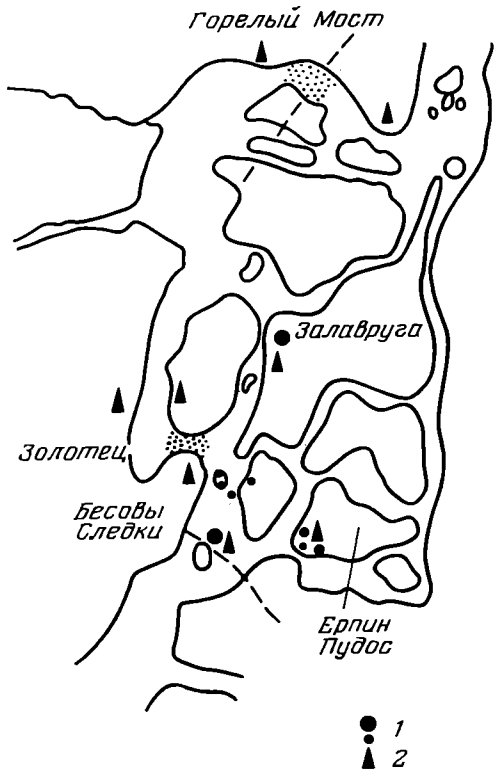


Рис. 1. Скопления петроглифов и стоянок в низовье р. Выг. *1* — петроглифы, *2* — стоянки

Как и в прежних наших работах, появление и развитие стоянок и петроглифов рассматривается на фоне позднe- и послеледниковой истории Белого моря[4], в частности последовательной послеледниковой регрессии (в значительной мере вследствие изостатичного поднятия Балтийского щита), имевшей затухающий характер и прерывающейся в отдельные периоды трансгрессивными стадиями. Об этом свидетельствует серия невысоких (1—2,5 *м*) и нешироких (от 10 до 250 *м*) террас и переслаивание осадков трансгрессивных и регрессивных стадий. Как показали исследования Э. И. Девятовой, крупные трансгрессивно-регрессивные стадии сопровождались более мелкими, менее продолжительными.

Стоянки и петроглифы находятся в приустьевой части р. Выг в 6—9 *км* от впадения ее в губу Белого моря. Сосредоточены они отдель-

---

[4] *Кошечкин Б. И., Девятова Э. И., Каган Л. Я., Пуннинг М. К.* Послеледниковые морские трансгрессии в южном Беломорье.— В сб.: Стратиграфия и палеогеография четвертичного периода Севера европейской части СССР. Петрозаводск, 1976; *Лаврова М. А.* Четвертичная геология Кольского полуострова. М.—Л., 1960; *ее же.* Позднеледниковая и послеледниковая история Белого моря.— В сб.: Неогеновые и четвертичные отложения Западной Сибири. М., 1968; *Медведев В. С., Невесский Е. Н.* О развитии осадкообразования в позднe- и послеледниковое время в Белом море.— В сб.: Новые исследования береговых процессов. М., 1971; *Чердынцев В. В., Алексеев В. А., Кинд Н. В. и др.* Сообщение 2. Данные лаборатории абсолютного возраста Геологического института АН СССР.— В сб.: Верхний плейстоцен. Стратиграфия и абсолютная геохронология. М., 1966 (подробнее библиография дана в книге Э. И. Девятовой).

Хронология археологических памятников и изменения природных условий в низовьях р. Выг, по Э. И. Девятовой

Время, тыс. лет назад	Голоцен	Климатические периоды	Террасы в долине р. Выг	Растительность и климат	Стоянки			Петроглифы			Керамика, возраст, тыс. лет до н. э.
					наименование	абс. отметка отбора проб	возраст, тыс. лет назад	наименование	абс. отметка отбора проб	возраст, тыс. лет назад	
1 2	Поздний	Субатлантический	Пойменная терраса	Преобладание березы и сосны, исчезновение древесных широколиственных пород и лещины, сокращение примеси ели. Похолодание, сужение лесных массивов, нарастание заболачиваемости	Ерпин Пудас То же	21,5 21,8	2040±60 (ТА-418) 2410±60 (ТА-446)				
3	Средний	Суббореальный	Нижняя ступень первой надпойменной террасы	Максимум ели, древесных широколиственных пород, и лещины; смешанные хвойно-лиственные леса с примесью широколиственных пород	Золотец VIII Золотец X Залавруга I Залавруга II Залавруга IV	12,6–13 14,4–15,5 15–16,7 17,6–18,3 19,4–20,0	2,8–2,5 3300±60 (ТА-390) 3,5–3,3 3,6–3,4 3700±100 (ТА-797)	Старая Залавруга Ерпин Пудас	15,6 19,5–21,0	3,5–3,3(?) 3,7–3,9(?)	С примесью растительности и асбестовая; 2,0(1,9)–1,0(?)
			Верхняя ступень первой надпойменной террасы		Золотец VI	18,5–18,8	3780±150 (ТА-801)				
			Восстановление русла		Залавруга IV Золотец IX	19,4–20 16,0	3810±50 (ТА-794) 3990±60 (ТА-789)	Новая Залавруга	15,3	4010±70 (ГИН-130) (4,0–4,3)	Ромбически-ямочная; 2,4(2,3)–2
			Иссушение русла	Ксеротермический период; частые пожары на стоянках	Золотец VI Залавруга II Залавруга IV	18,3–18,6 17,6–18,3 19,4–20,0	4150±80 (ТА-793) 4,3–4,2 4430±80 (ТА-392)	Острова северной группы Бесовы Следки	14,0–16,0 19,5–20,0	4,3–4,0 4495±60 (ТА-471)	

Продолжение

Время, тыс. лет назад	Голоцен	Климатические периоды	Террасы в долине р. Выг	Растительность и климат	Стоянки			Петроглифы			Керамика, возраст, тыс. лет до н. э.
					наименование	абс. отметка отбора проб	возраст, тыс. лет назад	наименование	абс. отметка отбора проб	возраст, тыс. лет назад	
4			Образование старицы у пос. Золотец		Золотец VI	18,0	4620±60 (ТА-391)	Ерпин Пудас	19,5–21,0	4,7–4,4(?)	Ямочно-гребенчатая; 2,9(3,0)–2
5		Атлантический	Нижняя ступень второй надпойменной террасы	Максимум березы и сосны, появление древесных широколиственных пород (главным образом вяза) и лещины; примесь ели незначительна	Залаврyга I	16,3	4775±70 (ТА-393)				
					Залаврyга III	20,2–20,8	4,7–4,8	Бесовы Следки	19,5–20,0	5000±60 (ТА-431)	
					Золотец VI	17,8	5160±150 (ТА-421)				Древняя ямочная; 3,1–2,8(2,7) Сперрингс и гребенчатая прибалтийско-финского типа; 3,2–3,1
					Ерпин Пудас	23,7	5240±50 (ТА-795)	То же		5180±60 (ТА-522)	
					То же	23,5	5460±80 (ТА-800)				
6			Верхняя ступень второй надпойменной террасы		»	21,5	5825±80 (ТА-413)				
					»	23,0	5860±100 (ТА-472)				
					»	23,2	5990±100 (ТА-799)				
					»	23,5	6510±120 (ТА-344)				
7					Ерпин Пудас (каменная кладка)	22,5					

ными скоплениями на террасах разных уровней: 1 — стоянки у дер. Выгостров вокруг Бесовых Следков; 2 — серия стоянок в 0,3 *км* севернее пос. Золотец на береговом склоне р. Выг; 3 — стоянки и петроглифы на о. Б. Малинин, чуть ниже по течению; 4 — скопление стоянок у ж/д станции Горелый мост (рис. 1).

Возникновение поселений и петроглифов регулировалось природными условиями и прежде всего колебанием уровня воды в котловине Белого моря, а значит, и в приустьевой части р. Выг, ставшей заливом эстуарного типа. Первые следы освоения низовьев Выга относятся к атлантическому периоду (5,7—2,7 тыс. лет до н. э.), когда произошли существенные изменения всего комплекса природных условий (табл. 1). Наступление его совпадает с трансгрессией Белого моря (море Тапес, синхронное литориновой стадии Балтики) и формированием второй надпойменной (атлантической) террасы с абсолютными отметками от 19,5 до 26,5 *м*. В ней выделяется две ступени: верхняя (5,6(5,5) — 3,8(3,7) тыс. лет до н. э.) и нижняя (3,6(3,5) — 2,8(2,5) тыс. лет до н. э.).

Возраст второй надпойменной террасы в целом определен по данным спорово-пыльцевого анализа и радиоуглеродными определениями образцов из подошвы торфяников, развитых на различных уровнях террасы: 6350±80(ТА—413); 5840±70(ТА—644); 5520±60(ТА—924); 4910±120. Он подтверждается и подкрепляется серией датировок угля с территории стоянки Ерпин Пудас (6510±120; 5990±100; 5860±100; 5825±80; 5460±±80; 5240±50) и древесины из местонахождения в русле р. Выг перед скалой с петроглифами (5430±30; 5180±60; 5000±60). Оба пункта расположены на различных уровнях данной террасы (рис. 2, таблица).

Палеогеографическая обстановка в низовье р. Выг в атлантическое время была весьма сложной. Уровень моря подвергался неоднократным колебаниям, что периодически приводило к смене фаз аккумуляции материала субаэральными условиями. Следы этих процессов, то способствующих возникновению поселений, то прерывавших их существование, установлены на памятниках, гипсометрически соответствующих второй надпойменной террасе р. Выг, таких, как Ерпин Пудас, Лисья Гора, Золотец XXI, группа островных памятников у Бесовых Следков.

Зависимость местоположений древних стойбищ и стоянок от колебаний уровня воды особенно отчетлива на о. Ерпин Пудас. Здесь наблюдаются явные следы замывов и размывов небольших, видимо временных, стоянок. В стадии трансгрессий и регрессий перепады уровня воды нередко достигали 5—7 *м*, вынуждая население в трансгрессивные периоды покидать на время обжитые места и переходить на более высокие террасы (за пределы исследуемого микрорайона), во время регрессии перемещаться вслед за понижающимся зеркалом воды на более низкие берега того же о. Ерпин Пудас или береговых склонов р. Выг с отметками, соответствующими стоянкам Золотец XXI (на левом берегу) и Лисья Гора (на правом берегу р. Выг). На о. Ерпин Пудас сохранились осадки наиболее ранней трансгрессивной стадии (синхронной морю Тапес I), когда уровень в низовье р. Выг повысился не менее чем до 27 *м* абсолютной высоты и все интересующие нас участки оказались под водой.

Возможно следы первоначального освоения человеком устья р. Выг обнаружены в кровле этих отложений в виде линзы углей, рассеянных в радиусе более 20 *м* и датированных временем 6510±120 лет назад. Не исключено, однако, что угли являются результатом лесного пожара, так как никаких следов деятельности человека в слое, вмещающем их, не обнаружено. Угли замыты и перекрыты песком при последующем подъеме уровня воды в низовье р. Выг (во время моря Тапес II).

В осадках, синхронных стадии Тапес II на том же о. Ерпин Пудас установлены наиболее достоверные следы освоения приустьевых участков Выга. Они фиксируются по углям, кухонным остаткам, орудиям из квар-

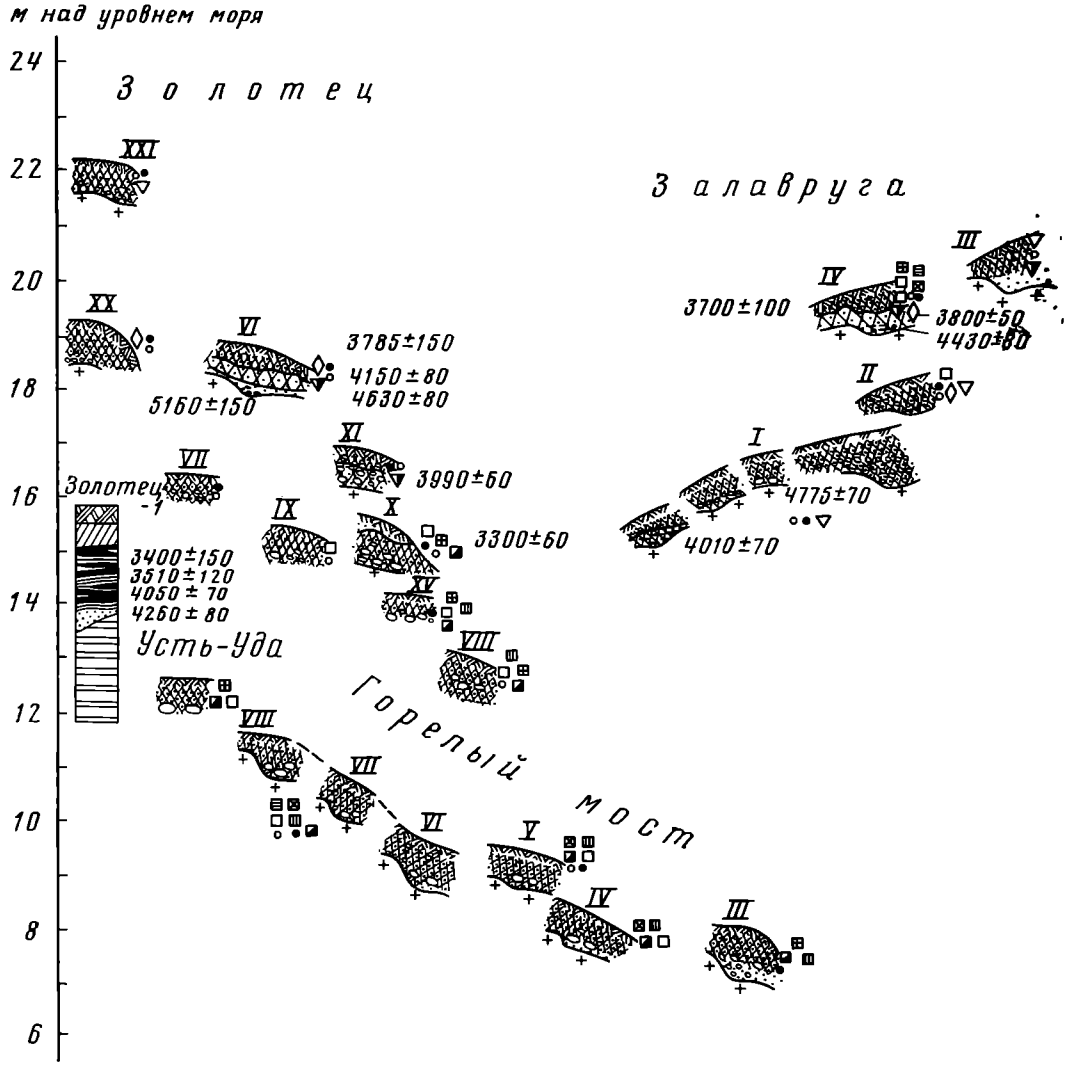
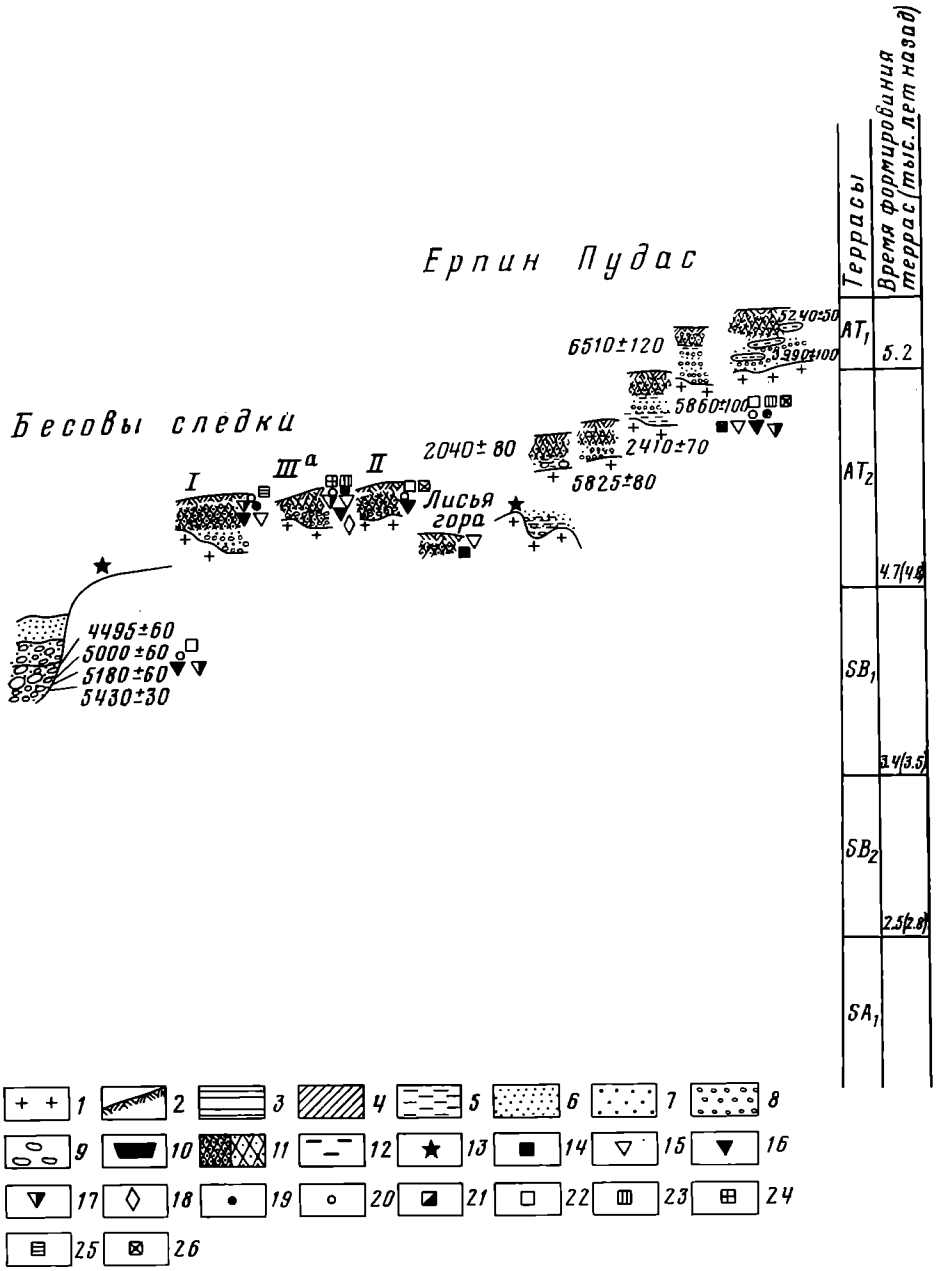


Рис. 2. Корреляционная схема археологических памятников низовья р. Выг, составленная Э. И. Девятовой. *1* — коренные породы, *2* — дерн, *3* — глины ленточные, *4* — суглинки, *5* — супеси, *6* — пески, *7* — гравий, *8* — галька, *9* — валуны, *10* — торф, *11* — культурный слой, *12* — включения углей, *13* — петроглифы, *14* — керамика сперрингс, *15* — ранняя ямочная, *16* — гребенчатая прибалтийско-финского типа, *17* — ямочно-гребенчатая, *18* — ромбически-ямочная, *19* — с растительной примесью, *20* — асбестовая, *21* — поздняя ямочно-гребенчатая, *22* — гладкая, *23* — штрихованная, *24* — сетчатая, *25* — шнуровая, *26* — средневековая

ца и кварцевым отщепам из очагов и кострищ, залегающих под культурным слоем на отметках 22,5—23,5 *м* абсолютной высоты и датированных временем 5990±100, 5460±80, 5240±50 лет назад. В стадию, синхронную Тапес II (литорин II), уровень водоема испытывал неоднократные колебания разного знака и амплитуды. Это видно по замыву указанных очагов, наличию очагов на более низких уровнях Ерпин Пудаса (5860±100, 5825±80) и находкам под скалой о. Шойрукшин (5430±30 лет назад) (рис. 1). Более значительное снижение уровня воды в р. Выг произошло в последней четверти IV тысячелетия до н. э. Именно тогда могли появиться первые временные поселения на более низких гипсометрических отметках, например на южной части о. Малинин (на участке Залаврута III), на о. Шойрукшин (где известны две группы петроглифов — «Святилище» и стоянка Остров Шойрукшин) и на близлежащих безымянных островках, где позднее находились стоянки Бесовы Следки I, II.



III, IV, V. И действительно, находки в русле реки перед скалой с Бесовыми следками, определение абсолютного возраста древесины, хорошо сохранившейся в илистых осадках (5180±60, 5000±60) показывают, что о. Шойрукшин вышел из-под уреза воды. Но стали ли его прибрежные скалы использоваться для гравировок именно в данный период или первый пласт изображений появился несколько позднее, выяснить гораздо труднее.

Начинает осваиваться и склон левого берега р. Выг за современным пос. Золотец в 1,5 *км* ниже по течению. Здесь, на месте возникшей позднее стоянки Золотец VI, расположенной на высоте 18,5 *м* над современным уровнем моря, обнаружены остатки кострища, датированного по C^{14} временем 5160±150 лет назад. Следовательно, ниже о. Шойрукшин простирался широкий и полноводный залив Белого моря, у которого и селились люди.

В начале III тысячелетия до н. э. период формирования второй надпойменной террасы р. Выг близился к завершению. Ее поверхность все чаще и чаще оказывалась вне зоны затопления. Тогда-то и создались наиболее благоприятные условия для появления на берегах и островах, гипсометрически соответствующих уровню данной террасы, долговременных поселений. Одно из них возникает и функционирует 2,9—2,3 тыс. лет до н. э. на юго-западной оконечности о. Ерпин Пудас, рассекающего русло р. Выг на два рукава. На прибрежном склоне, у южной окраины стоянки, в 1968—1970 гг. открыта новая, весьма своеобразная и выразительная группа петроглифов Ерпин Пудас, включающая около 120 фигур.

В материале раскопок поселения Ерпин Пудас преобладает развитая ямочно-гребенчатая неолитическая керамика, весьма разнообразная по орнаментации. Значительно меньшим числом сосудов представлена сперрингс и гребенчатая прибалтийско-финского типа, единичными черепками — сосуды с примесью растительности, асбеста, а также штрихованная, гладкостенная и лепная средневековая керамика. Значит, остров посещался неоднократно и на протяжении очень длительного времени. Но постоянные поселения здесь существовали только в эпоху неолита, в III тысячелетии до н. э. Их было не менее двух. Самое раннее, с керамикой сперрингс и гребенчатой, в основном занимало вершину острова, а более позднее, с ямочно-гребенчатой керамикой развитого облика, его склон.

Выше уже отмечалось, что геологические разрезы, спорово-пыльцевые анализы и абсолютные датировки по C^{14} свидетельствуют об освоении о. Ерпин Пудас еще в мезолитическую эпоху. Хотя явных мезолитических орудий и изделий в материалах раскопок пока не выделено, тем не менее находки их представляются теперь вполне вероятными. Остров Ерпин Пудас, как наиболее высокий и большой по площади, оставался едва ли не самым удобным местом для поселений в мезолитическое время. Но следы мезолитических стойбищ и кратковременных стоянок размыты, вещевой материал рассеян по территории острова и выявить его довольно трудно.

В рассматриваемый период в низовье р. Выг на уровне 25—26-метровой поверхности начиналось торфообразование. Подошва торфа на этих отметках датирована временем 3,5—3,9 тыс. лет до н. э. (5840±70, 5520±60 лет назад). Уровень воды в низовье Выга, бывшего тогда морским заливом, позднее уже никогда не доходил до названных отметок. Даже во время появления самой ранней неолитической стоянки на о. Ерпин Пудас он в фазу прилива не поднимался выше 23—24 *м*.

Заметим, кстати, что все стоянки долговременного характера в низовье Выга приурочены не к абразионным уступам террас, а тяготеют к пологим склонам, что позволяло маневрировать и при приливно-отливных процессах, и при более значительных изменениях уровня воды, связанных с паводками и другими явлениями.

В атлантическое время физико-географические условия в Прибеломорье, как и на территории Карелии, в целом благоприятствовали развитию хозяйства и культуры. Нарастало потепление климата, увеличились сроки вегетативного развития наземной растительности, которая стала заметно богаче и разнообразнее. В ее составе доминировали сосновые и березовые леса, а на более богатых почвах произрастала ель, массивы которой постепенно заняли господствующее положение. В виде примеси произрастали древесные широколиственные породы (вяз, дуб, липа, клен) и лещина. Разнообразие лесов порождало разнообразие фауны и способствовало развитию наземной охоты. С потеплением климата более длительное время стало свободным ото льда Белое море, что предрасполагало к развитию морского промысла, охоты на водоплавающую дичь, водившуюся здесь в изобилии.

Высокий уровень моря и общая обводненность территории облегчали связь по речным долинам и котловинам озер, способствовали обмену и продвижению населения из внутренних районов к морскому побережью. Чрезвычайно полноводная р. Выг представляла удобный водный путь к промысловым районам в приустьевой части, при впадении в море. В атлантическое время в прибрежной полосе Белого моря закладываются основы комплексного первобытного хозяйства, в котором наряду с охотой на лесного зверя и водоплавающую и лесную птицу и рыбной ловлей все более существенную роль начинает играть морской промысел, наложивший заметный отпечаток на весь быт и культуру приморского населения.

В суббореальный период (2,7—0,8 (0,5) тыс. лет до н. э.) базис эрозии несколько понизился, и в низовье Выга шло формирование следующей, первой надпойменной террасы, имеющей отметки 19(18,5) — 13,5 *м* абсолютной высоты. Возраст ее, как и предыдущей террасы, установлен по данным спорово-пыльцевого анализа и абсолютными датировками подошвы торфяников, развитых на ее поверхности (3630±80(ТА—646); 3415±70(ТА—894) лет назад). Его подтверждает и целая серия датировок образцов угля из стоянок, приуроченных к различным уровням данной террасы; стоянка Золотец VI (4620±60; 4150±80; 3780±150), Залавруга IV (4430±80; 3800±50; 3700±100), Золотец XI (3990±60); Золотец X (3150±200), а также материала из старичных отложений в окрестностях пос. Золотец, коррелянтных самой террасе (4260±80(ТА—635); 4050±80(ТА—634); 3150±120(ТА—785); 3400±150 (ТА—637) лет назад).

В течение первых трех-четырех столетий суббореала уровень воды в р. Выг в основном был еще невысоким — 16—16,5 *м* абсолютной высоты, а нередко достигал 17—18,5 *м*. В этих условиях могла продолжаться жизнь на о. Ерпин Пудас, но уже шло активное освоение островков вокруг Бесовых Следков[5], вызванное перемещением людей на участки, расположенные ближе к урезу воды и гипсометрически соответствующие верхнему уровню суббореальной террасы. Доступными и даже удобными становятся места, где позднее возникают поселения Залавруга III, Золотец XX, Залавруга IV и даже Золотец VI. О посещении их говорят абсолютные датировки образцов угля со стоянок Золотец VI (4630±80) и Залавруги IV (4430±80)[6]. Более регулярное заселение указанных мест, в частности территории поселения Золотца VI, происходит несколько позже — в самом конце III тысячелетия до н. э. Возраст углей, рассеянных в нижней части культурного слоя названной стоянки, соответствует 4150±80 лет назад. В эту же пору при уровне воды в реке не выше 16,5—17 м люди могли появиться и на самой возвышенной части Залавруги, где затем возникла стоянка Залавруга II, на территории которой вскрыто богатое погребение с каменной кладкой, янтарными украшениями (68 экз.) и великолепными наконечниками стрел (30 экз.).

В последние столетия атлантического времени (2,8—2,7 тысяч лет до н. э.) и особенно в начале суббореального периода (2,6—2,3 тысяч лет до н. э.) природная обстановка, включая гидрологический режим в р. Выг, была наиболее благоприятна для нанесения петроглифов. Многочисленные островки в районе Бесовых Следков, расположенные почти

---

[5] На основании материалов наших раскопок и серии абсолютных дат А. Д. Столяр не исключает принадлежности ядра Бесовых Следков к началу III и даже возможно к концу IV тысячелетия до н. э. Однако сами Бесовы Следки, по его мнению, не показывают еще начального генезиса такого специфического и по технике и по образным решениям творчества. Следовательно, становление канонов их архаичных фигур должно быть еще более древним и уходить в IV тысячелетие до н. э. (*Столяр А. Д.* Ук. рец., с. 310).

[6] Анализ палеогеографической обстановки допускает вывод о более раннем освоении участка со стоянкой Залавруга IV в сравнении с участком Золотца VI. Но явные свидетельства (археологические и геологические) в пользу такого вывода пока отсутствуют.

вплотную у Белого моря, удобного для морского промысла, давшего сильный импульс развитию наскального творчества, вышли из-под уреза воды и оказались вне зоны частого затопления. Именно этим промежутком времени (2,8—2,3 тыс. лет до н. э.) Ю. А. Савватеев склонен датировать самый ранний и средний пласты петроглифов. К последнему относится датировка 4495±60 лет назад, полученная по подъемному материалу, собранному под скалой с петроглифами.

Судя по одной из двух абсолютных дат (4775±70) для стоянки Залавруга I (точнее, для остатков кострищ, залегающих ниже ее основного культурного слоя, перекрывающего значительную часть петроглифов Новой Залавруги) в тот же период, но при максимальном понижении уровня воды в р. Выг, начала осваиваться вышедшая на какое-то время из-под уреза воды вершина этого урочища, являющегося частью о. Большой Малинин. Но стала ли она сразу же использоваться в качестве наскального полотна? Скорее всего нет. Не очень устойчивая гидрологическая обстановка в районе Залавруги, функционирование петроглифов Бесовы Следки, не создали еще достаточных предпосылок для возникновения здесь нового микроочага наскального творчества. Нужно принять во внимание, что петроглифы Новой Залавруги в сравнении с Бесовыми Следками отражают значительные сдвиги в развитии первобытного сознания, что тоже, безусловно, требовало времени. Обнажалась ли в это время пониженная часть Залавруги (Старая Залавруга), пока неизвестно.

Анализ массового материала из раскопок стоянок, окружающих петроглифы Бесовы Следки, показал, что верхний уровень первой надпойменной, т. е. суббореальной, террасы осваивает население с развитой ямочно-гребенчатой, а затем ромбически-ямочной керамической, распространяющейся в низовье р. Выг во второй половине III тысячелетия до н. э., ближе к его концу.

Около 2,7 тыс. лет до н. э. обозначилось снижение базиса эрозии, вызванное, с одной стороны, наступлением ксеротермического периода (2,7—2 тыс. лет до н. э.), а с другой — продолжающейся регрессией Белого моря. В самом конце III тысячелетия до н. э. оно завершилось катастрофическим спадом уровня воды р. Выг. Это привело к иссушению русла и образованию в нем 2,2—2 тыс. лет до н. э. изолированных водоемов типа лагун и стариц. Одна из таких стариц возникла в районе пос. Золотец. На берегу ее, по-видимому, и начала формироваться стоянка Золотец XI, датируемая по C^{14} временем 3990±50 лет назад, т. е. самым началом II тысячелетия до н. э.

Именно теперь при урезе воды не выше 14,5—15 *м* (что соответствует дну упомянутого водоема старичного типа в районе пос. Золотец) могли появиться петроглифы на Залавруге. И скала с рисунками Новой Залавруги, и старица принадлежат одному геолого-геоморфологическому уровню; они относятся к нижней ступени первой надпойменной, т. е. суббореальной, террасы. Синхронность их подтверждает датировка углей из второго кострища со стоянки Залавруга I (4010±70) и датировки старичных отложений у пос. Золотец (4260±80 и 4050±70). Получается, что петроглифы Новой Залавруги появились в первую фазу существования старицы у пос. Золотец, т. е. 2,2(2,3) — 2 тыс. лет до н. э. [7].

---

[7] Одновременное существование стариц в русле р. Выг (у пос. Золотец) и водоема, имеющего более свободную связь с морем (возможно, через систему мелководных проток) на участке с петроглифами Новой Залавруги, предполагает не только совершенно иную конфигурацию русла р. Выг в суббореале, но чрезвычайно неровное дно реки. По-видимому, оно изобиловало котловинами, изолированными друг от друга нагромождениями морены. Так, к числу остаточных форм некогда подводного моренного рельефа можно отнести гряду, которая замыкала старицу с севера (позже, в I тысячелетии до н. э., на ее останце образовалась стоянка Золотец X), а также моренные холмы и гряды, расположенные ниже по течению р. Выг. На размытой их поверхности в I тысячелетии до н. э. появились стоянки группы Горелый Мост.

В те же годы, но когда русло р. Выг становилось почти безводным, должны были возникать и мелкие группы петроглифов на нескольких безымянных островках чуть выше пос. Золотец, на полпути между Бесовыми Следками и Залаврогой, имеющие необычайно низкие высотные отметки. Анализ изображений показывает, что скорее всего эти скопления предшествовали петроглифам Залавруги и, следовательно, появились в самом начале катастрофического падения уровня р. Выг — 2,3—2,2 тыс. лет до н. э.

Жизнь на месте стоянок второй, а тем более первой надпойменной террас (Ерпин Пудас, Бесовы Следки, Золотец XX, Золотец VI, Залаврога III и IV) в тот период прекратилась. Если они и посещались, то лишь эпизодически. Постоянные же поселения должны были переместиться вслед за отступающей береговой линией Белого моря на более низкие гипсометрические отметки, достигающие 5—10 *м* над современным уровнем.

Низкий уровень стояния Белого моря 4030±90 лет назад зафиксирован Б. И. Кошечкиным по прибрежным торфяникам на южном побережье Онежской губы. Он составляет 5 *м* абсолютной высоты. На близких отметках известны континентальные органогенные отложения в низовье Лейп-ручья, примерно в 10 *км* севернее нижнезыгских памятников. Значит можно искать стоянки и петроглифы вдоль намеченной, ныне погребенной, береговой линии Белого моря.

О том, что в течение ксеротермического этапа суббореала и регрессии Белого моря жизнь на поселениях верхнего уровня первой надпойменной террасы прервалась, свидетельствует стоянка Золотец VI. Нижняя часть ее культурного слоя, выделяющаяся и по окраске, и по данным пыльцевой диаграммы, датирована по C^{14} временем 4150±80, а верхняя — 3700±100 лет назад. Поселение Залаврога IV, расположенное напротив, на правом берегу русла, кроме даты 4430±80 лет назад имеет две датировки, близкие последней: 3810±50; 3780±150 лет назад. И сами разрезы культурного слоя, и датировки, и, наконец, анализ пыльцы дают основание для выделения минимум двух этапов в существовании названных поселений, занимающих верхний уровень первой надпойменной террасы.

Особенно выразительной в этом плане является спорово-пыльцевая диаграмма стоянки Золотец VI (рис. 3). Отложения, подстилающие культурный слой, охарактеризованы только одним образцом (рис. 2, обр. № 9), чего явно недостаточно для полного представления об эпохе накопления осадков. Выяснилось, однако, что они содержат большое количество пыльцы (и диатомовой флоры), сравнение состава которой с другими диаграммами низовьев р. Выг дает право на вывод об атлантическом возрасте этих осадков. Нижняя часть культурного слоя, представленная пепельно-серым мелкозернистым песком, по всем показателям: высокому содержанию ели (12—46%), примеси пыльцы древесных широколиственных пород (1—6%), среди которых доминирует дуб, и лещины (1—2%) — может быть датирован первой половиной суббореального периода, а именно временем 2,7—2 тыс. лет до н. э. В юго-западном Беломорье этот интервал был в голоцене наиболее теплым. Обилие пыльцы Epilobium и Artemisia для культурного слоя вполне закономерно. Их широкому расселению на стоянке могло способствовать наличие участков с незакрепленным грунтом, хозяйственных ям, гарей и т. д. Чрезвычайно обильная примесь пепла в культурном слое говорит о частых пожарах, сильно повлиявших на окраску слоя. Пожары могли привести в конце концов к истреблению первичного леса в окрестностях стоянки. Спектры образцов № 16 и 17 с доминирующей пыльцой пород, которые быстрее возобновляются (береза) или пыльца которых способна переноситься на большие расстояния (сосна), вполне подтверждают такое предположение.

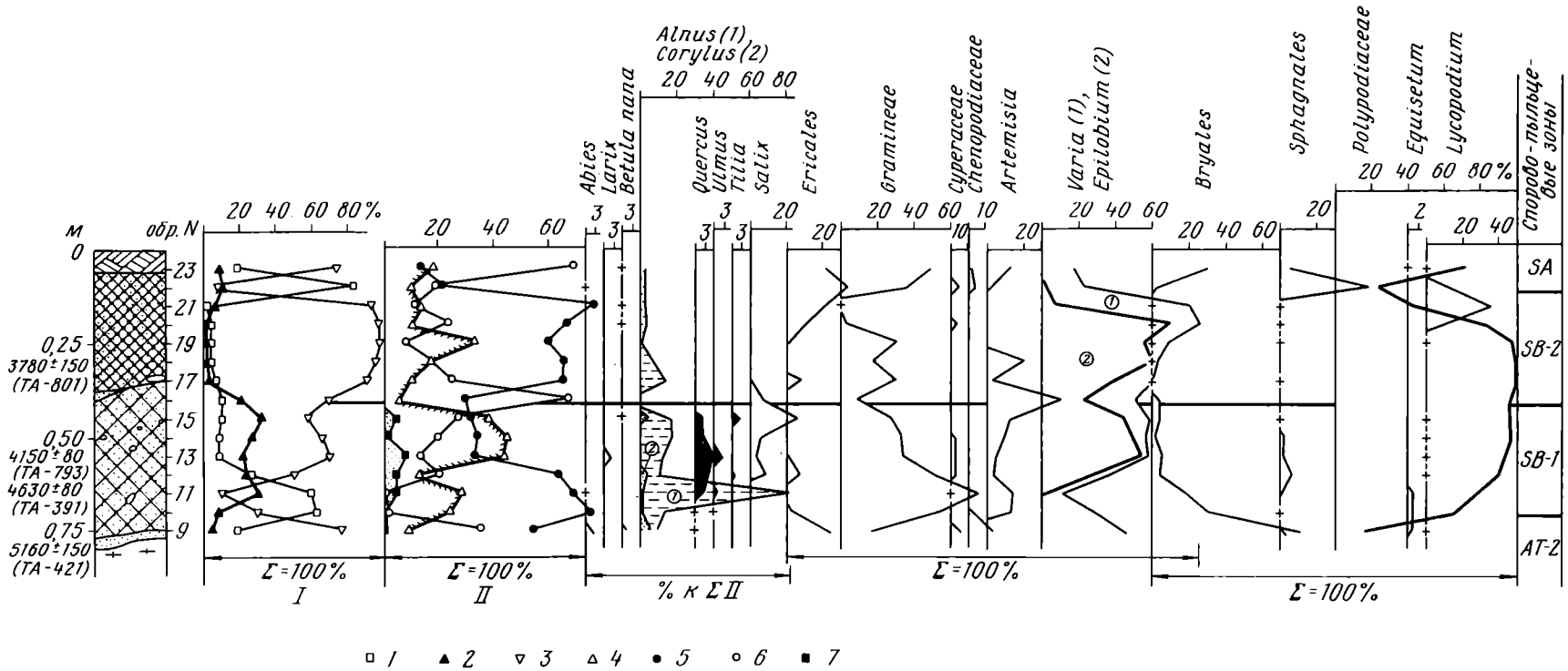


Рис. 3. Спорово-пыльцевая диаграмма осадков на стоянке Золотец VI (анализы Э. И. Девятовой). *1* — пыльца древесных пород, *2* — пыльца трав и кустарничков, *3* — споры, *4* — пыльца ели, *5* — сосны, *6* — березы, *7* — древесных широколиственных пород

На контакте нижнего и верхнего культурного слоя рассматриваемой стоянки в ряде мест прослеживаются следы размыва в виде карманообразного залегания верхнего слоя на нижнем, наличие мелких валунов, гальки, линз стерильного песка с примесью гравия и гальки. Теми же причинами — перерывом в осадконакоплении и истреблением лесных массивов из-за частых пожаров и медленным возобновлением лесов — можно объяснить отсутствие пыльцы древесных широколиственных пород и преобладание пыльцы сосны (60—78%) в верхнем культурном слое, и все же принадлежность составляющих его осадков суббореалу подтверждается все еще достаточно обильным количеством пыльцы ели (10—33%).

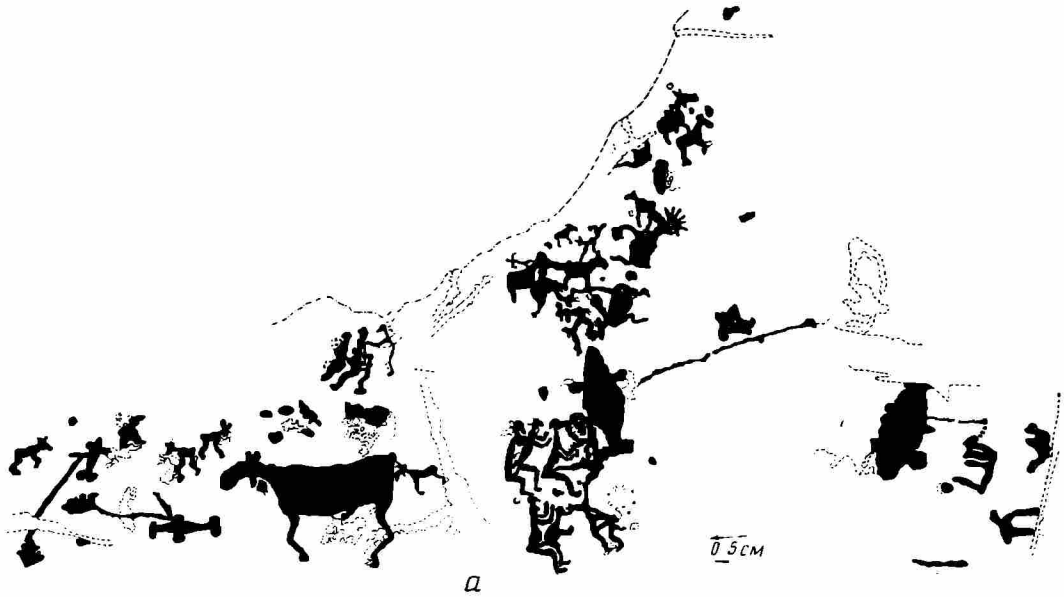
Этот второй этап заселения стоянок верхней ступени первой надпойменной террасы был возможен только при условии восстановления водного баланса в р. Выг. Что оно произошло и р. Выг обрела прежний уровень (не менее 18 *м* абсолютной высоты в районе Золотца) доказывает замыв петроглифов Новой Залавруги, а также разрыв между фазами накопления старичного торфа у пос. Золотец (4050±70 и 3150±120). Одной из причин восстановления прежнего гидрологического режима р. Выг была трансгрессия Белого моря (синхронная морю трпвпя п лимнея). Подтверждает ее, в частности, и разрез Лейп-ручья, где органогенные отложения погребены под солоноводно-морскими. Второй причиной были изменения климата, повышение общей влажности. Уровень водоема в низовьях р. Выг достиг прежних пределов — 16,5—17 *м* абсолютной высоты в районе пос. Золотец.

Верхнюю ступень первой надпойменной (суббореальной) террасы скорее всего осваивало население, оставившее гребенчатую керамику с растительной примесью, проникшее сюда из Прикамья с территории турбинской культуры, а также носители местной культуры с асбестовой керамикой. Пришельцы с востока и из внутренних районов Карелии селятся на уже обжитых когда-то местах по склону левого и правого берега за пос. Золотец (стоянки Залавруга IV, Золотец XX, VI), у порога Золотец (стоянка Золотец I), на островках вокруг Бесовых Следков (стоянки Бесовы Следки III, IIIа, о. Шойрукшин и др.). В это же или близкое время могли появиться петроглифы о. Ерпин Пудас (новая группа), выбитые в южной части острова на отметках 20—21 *м* (рис. 4). Уровень воды здесь тогда вряд ли превышал 18—18,5 *м*.

Постепенная и медленная регрессия Белого моря, следы которой остались в виде серии невысоких (0,7—1,2 *м*) террас на склоне р. Выг и Прибеломорской низины, способствовала дальнейшему врезанию р. Выг и выходу первой надпойменной террасы из зоны затопления, на которую постепенно перемещались поселения. Так, «лестница» поселений по склону левого берега р. Выг за пос. Золотец (Золотец XXI, XX, VI) еще больше удлинялась (стоянки Золотец XI, X, VIII, XV, XVI, IX и др.).

Одной из наиболее крупных и интересных для науки является стоянка Залавруга I, перекрывшая значительную часть замытых петроглифов Новой Залавруги (рис. 5, 6). По всем данным выходит, что она возникла 1,5—1,3 тыс. лет до н. э. на слое аллювия, отложившегося на коренных гнейсо-гранитах в фазу трансгрессии Белого моря и полноводности р. Выг (1,9—1,6 тыс. лет до н. э.) и перекрывшего наскальные изображения.

Не совсем ясным остается вопрос о соотношении петроглифов Новой и Старой Залавруги, расположенных рядом, но заметно различающихся по сюжетам, стилю и высотным отметкам. Последние гипсометрически приходятся на нижний предел первой надпойменной террасы (13,5—14 *м* абсолютной высоты). Возможно, что вместе с наиболее низко расположенными петроглифами Новой Залавруги они возникли во время или уже после существования стоянки Залавруга I, когда омывающая ее протока сократилась в размерах и примыкающий к ней выступ



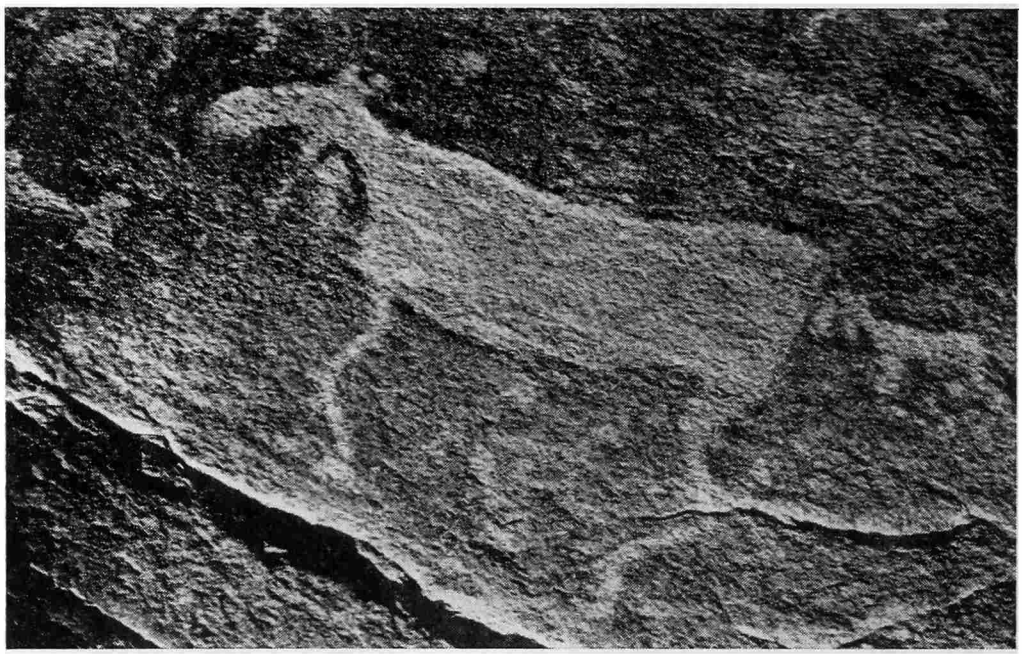


Рис. 4. Новые петроглифы о. Ерпин Пудас. *а* — фрагмент копии; *б* — лосиха с теленком

гранитного берега стал удобен для гравировок. Традиция выбивания наскальных рисунков обитателями поселения Залавруга I не была забыта, об этом свидетельствует небольшой валун с выбитыми на нем изображениями (правда, в несколько иной технике и манере), лежащий на культурном слое и скорее всего синхронный стоянке [8]. Не исключено,

[8] К противоположному выводу пришел А. Д. Столяр. Проведя сравнительный изобразительный анализ Старой и Новой Залавруги, он заметил специфические различия Старой (Залавруга I) и Новой (Залавруга II) Залавруги и попытался выявить реальные переходы между ними. Развитие всей Залавруги А. Д. Столяр представляет в виде трехчленной генетической цепи, самым ранним звеном которой

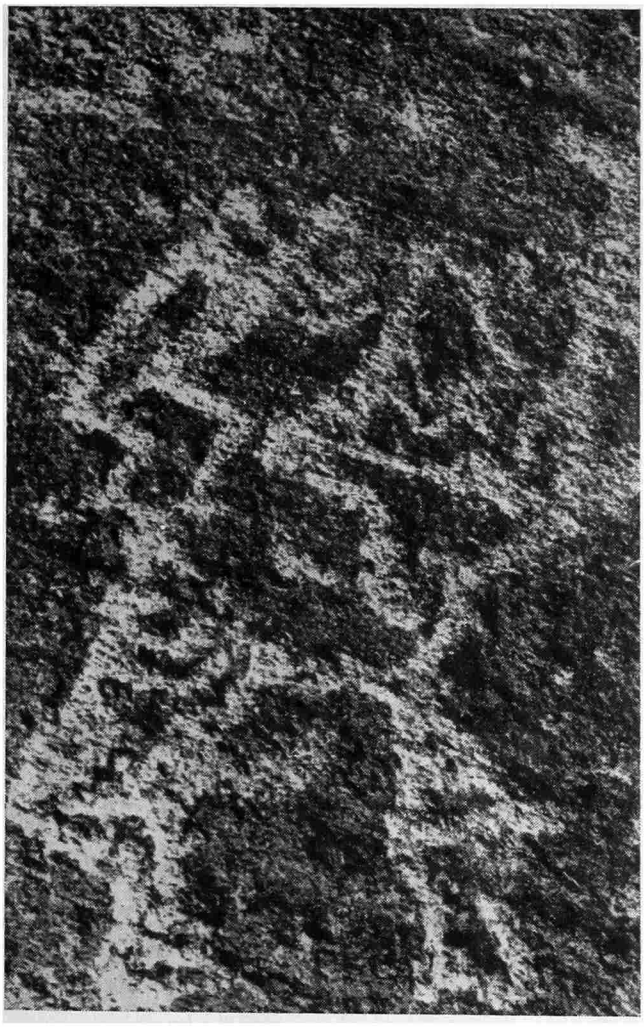


Рис. 4. (продолжение) *в* — сцены койтуса

что Старая Залавруга создана до появления стоянки Залавруга I. В этом случае наиболее благоприятным временем для ее появления было самое начало катастрофического падения воды в р. Выг, вызвавшее потребность в «перемещении» наскальных полотен ближе к отступающему выходу из реки в морской залив. Начало этого «перемещения» отмечено мелкими группами петроглифов на безымянных островках ниже Бесовых Следков на полпути к Залавруге.

Весь комплекс природных условий суббореального периода способствовал дальнейшему развитию хозяйства и культуры юго-западного Прибеломорья. Смешанные хвойные леса с возросшей примесью древесных широколиственных пород (дуб, вяз, липа, клен) и лещины обусловили развитие богатой фауны и лесной охоты. Теплый климат с продолжи-

является центральная часть Старой Залавруги (огромные олени, лодки и др. фигуры). Затем появляются рисунки на боковом склоне Старой Залавруги (лыжники, лодки и т. д.). Они-то и выполнили роль творческого мостика к Новой Залавруге (Залавруга II), завершившей развитие всего комплекса. Именно такой ряд, по мысли А. Д. Столяра, «передает объективно преемственное течение процесса «духовного производства» в данной «мастерской» первобытного сознания (*Столяр А. Д.* Ук. раб., с. 309). Однако геолого-палеогеографические исследования показывают, что освоение Залавруги скорее всего началось не с самых низких, а с наиболее высоких участков и, следовательно, Новая Залавруга должна была появиться раньше Старой.

Рис. 5. Петроглифы Новой Залавруги. Сцена зимней охоты на лосей

Рис. 6. Петроглифы Новой Залавруги. Сцена морского промысла

тельным летним периодом и на длительное время открытым морем вызвал расцвет морского промысла. Полноводность реки, сохранявшаяся большую часть периода, облегчала проникновение сюда нового населения. Даже резкие изменения, связанные с наступлением ксеротермического периода (2,7(2,6) — 2 тыс. лет до н. э.), вызвавшего катастрофи-

ческое обмеление р. Выг, частые пожары (прослеживаемые по культурным слоям стоянок) не привели к уходу людей. Слишком прочной оказалась сложившаяся связь населения с морским побережьем. Но наступившие в природе перемены не прошли, видимо, бесследно для сознания первобытных людей, пытавшихся как-то объяснить их, что-то им противопоставить. Стремление закрепить сложившийся в природе порядок вещей, повлиять на ход событий в желаемом направлении, возможно, способствовало появлению петроглифов Залавруги.

В субатлантическое время — 0,8(0,5) тыс. лет до н. э.— наше время — русло р. Выг приобрело современные очертания. В результате дальнейшего снижения базиса эрозии и врезания р. Выг сформировалась высокопойменная терраса, на нее и «переместились» древние поселения. Самое молодое из них в районе пос. Золотец — ныне затопленная стоянка Золотец VIII с отметками 12,71—13,10 *м* над уровнем моря. Оно как бы завершает всю «лестницу» стоянок за пос. Золотец. Поселение расположено на самом берегу р. Выг, сильно каменистом и не очень удобном для жизни. В орудиях здесь господствует кремень. Керамический материал небольшой, но очень разнообразный и позволяет датировать стоянку второй половиной I тысячелетия до н. э. Именно теперь р. Выг не только на участке у Бесовых Следков, но и ниже порога Золотец приобрела современный (до строительства ГЭС) вид, а сами пороги достигли своей максимальной силы.

В условиях полноводной р. Выг вплоть до начала I тысячелетия н. э. не были окончательно покинуты о-ва Шойрукшин, Ерпин Пудас и островки между ними, продолжавшие служить местами кратковременных стоянок. Так, на о. Ерпин Пудас расчищено кострище, датированное временем 2040±60 лет назад. Изредка острова посещались и в эпоху средневековья. Но связаны ли эти более поздние посещения островков вокруг Бесовых Следков с почитанием петроглифов, или же люди приходили сюда лишь с практическими целями (промысла семги) — мы не знаем.

Основная же часть памятников субатлантического времени (стоянки Горелый мост I—VIII) сосредоточена в 2—3 *км* ниже по течению р. Выг на левом ее берегу у станции Горелый мост. Расположены они на высокопойменной террасе и пойме реки, на отметках 8—12 *м* абсолютной высоты и по находкам резко отличаются от всех рассмотренных выше поселений. Они содержат кремневый инвентарь и разнотипную керамику преимущественно эпохи раннего железа (асбестовая, штрихованная, сетчатая, гладкая, ананьинская, поздняя с растительной примесью и т. д.) и свидетельствуют о притоке в низовье р. Выг нового населения из южных, юго-восточных и восточных районов страны.

Субатлантическая эпоха — более суровое время. Наблюдается похолодание климата, сокращение лесных массивов и нарастание заболачиваемости. Исчезают широколиственные породы и лещина, сокращается примесь ели, доминируют береза и сосна. Несмотря на ухудшение природных условий, люди не покидают низовьев р. Выг, как и Приморье в целом. Напротив, сюда время от времени проникают все новые и новые группы людей (с сетчатой и штрихованной керамикой, ананьинского типа и т. д.). Усиливается приток кремневых орудий из восточных районов. Заметно видоизменяется материальная культура. Почти исчезают сланцевые рубящие орудия, широкое распространение получает кремневый инвентарь, развивается местная металлургия.

Появление нового населения и ухудшение природных условий, перемены в хозяйстве изменили, видимо, и духовный мир, само сознание людей. Традиция монументального наскального творчества уходит в прошлое. Один из его живительных источников — морской промысел, видимо, постепенно, по мере похолодания и увеличения длительности ледяного покрова, терял былое значение. Широкое распространение стрел

как будто свидетельствует о возрастании роли сухопутной охоты. Возможно, появляется оленеводство, хотя бы в примитивных формах.

В итоге проведенных хронологических изысканий стала возможна датировка целых археологических комплексов, прежде всего керамических, выявляемых на поселениях особенно отчетливо. Самой ранней в низовье р. Выг была керамика сперрингс и гребенчатая прибалтийско-финского типа, появившаяся здесь уже в четвертой четверти IV тысячелетия до н. э., точнее 3,3—3,1 тыс. лет до н. э. Вскоре (3—2,7 тыс. лет до н. э.) распространяется и ранняя ямочная керамика льяловского облика. На основе ее и под влиянием гребенчатой керамики в последующие столетия появляется ямочно-гребенчатая посуда, расцвет которой приходится на время 2,7—2,2 тыс. лет до н. э.

На рубеже III и II тысячелетия до н. э. (2—1,9 тыс. лет до н. э.) в низовье Выга проникает ромбически-ямочная керамика, широко распространенная 1,9—1,6 тыс. лет до н. э. В конце этого промежутка времени, около 1,7—1,6 тыс. лет до н. э., в низовье р. Выг появляется своеобразная гребенчатая керамика с растительной примесью, выгоревшей при обжиге, отчего стенки сосудов стали легкими и пористыми. Она существует и позднее — 1,5—1,3 тыс. лет до н. э. Тогда же появляется асбестовая посуда, которая существует здесь очень долго, вплоть до первых веков нашей эры.

В первой половине I тысячелетия до н. э., ближе к его середине, на р. Выг проникает население, употреблявшее штрихованную и сетчатую керамику, затем появляется посуда ананьинского типа и ряд других разновидностей керамики, характерных для отдаленных юго-восточных и восточных районов.

Конечно, приведенные абсолютные даты — пока лишь вехи в датировке указанных керамических комплексов, обычно выступающих не в чистом виде, а в сложном взаимодействии друг с другом. Они настолько разнообразны и так сильно перемешаны в небольших по мощности (от 15 до 50 *см*) культурных слоях, почти сразу же под дерном, что расчленить их на самостоятельные хронологические пласты нелегко. Кроме того, имеются убедительные свидетельства сосуществования многих из названных типов в виде «гибридных» сосудов, соединивших в себе особенности двух, а порою и трех разных, генетически не связанных типов: ямочно-гребенчатая и сперрингс; ромбически-ямочная и асбестовая; асбестовая и гребенчатая с растительной примесью; асбестовая и сетчатая. Выделить определяющие для каждого отрезка времени типы или комплексы керамики, установить их связь с петроглифами — насущная задача дальнейшего исследования, направленного на выяснение этнокультурной принадлежности рисунков.

Так в самом общем виде можно изложить итоги многолетних (1957—1976 гг.) археологических и геолого-палеогеографических изысканий, подкрепленных большой серией радиоуглеродных датировок. Нужно признать, что эти исследования не привели еще к однозначным и окончательным результатам, но уже позволили перейти от общих рассуждений к строгому исследованию вопроса о возрасте рисунков и окружающих их стоянок. Они приближают более надежную датировку наскальных изображений Белого моря, создававшихся в эпоху неолита и энеолита — в III—II тысячелетиях до н. э. Появляется возможность детальнее проследить развитие наскального творчества Беломорья, зафиксировать время его возникновения, основные этапы последующего развития и расцвета, разобраться в его заключительной стадии, наконец, опираясь на материалы стоянок, расположенных на тех же гипсометрических отметках, надежно увязать изображения с определенными комплексами материальной культуры и выявить их этнокультурную принадлежность.

You. A. Savvatiéev, E. I. Déviatova, A. A. Liiva

ESSAI DE DATATION DES FIGURES RUPESTRES DE LA MER BLANCHE

Résumé

On étudie dans l'article le processus de peuplement des terres situées sur le cours inférieures du Vyg par l'homme préhistorique, ainsi que l'action réciproque entre l'homme et la nature aux différentes étapes de l'holocène. La première étape importante pour le développement des établissements se situe à la période atlantique (il y a 7700-4700 ans). De cette époque datent les monuments qui correspondent hypsométriquement à la deuxième terrasse fluviale du Vyg, dont la cote est la suivante: 26m50-19m50 de hauteur absolue; ce sont: Erpine Poudass, le groupe Bessovy Sledki, Lissia Gora, Zolotietz XXI, et les premières traces de l'apparition de l'homme à Zolotietz VI. L'abondance en eau du Vyg, une sortie directe sur la mer, un climat modérément chaud, la richesse et la variété de la faune et de la flore, telles furent les conditions qui contribuèrent au grand peuplement de ces terres, à l'apparition de l'art et au développement de formes variées de chasse et de pêche. A la fin de la période atlantique et au cours des premiers siècles de la période subboréale les conditions furent particulièrement favorables à l'épanouissement des pétroglyphes de Bessovy Sledki sur l'île de Choïroukchine (il y a 4800-4300 ans). Au cours de la deuxième étape importante dans le développement de la culture préhistorique, qui coïncide chronologiquement avec la période subboréale (il y a 4700—2500 ans), par suite de l'abaissement du niveau du Vyg, apparaît une tendance parmi la population à se déplacer et à s'établir à un niveau correspondant hypsométriquement à la première terrasse du Vyg (19m-13m50 de haut. abs.). Comme conséquence de l'instabilité des conditions paléographiques et des déplacements nombreux des établissements, dans les sites de cette époque (les groupes Zolotietz et Zalavrouga) on trouve réunis des types de céramique d'époques différentes: au peigne et à fossettes, à impuretés végétale, et d'amiante. L'examen du site nous a permis de conclure que les pétroglyphes de Novaïa Zalavrouga, ainsi que les petits groupes de pétroglyphes du cours du Vyg, ont été exécutés il y a 4400-4000 ans; et les pétroglyphes d'Erpine Poudass ont pu être faits il y a 4.700-4.400 ans ou 3.900-3.700 ans. Au cours de la période subatlantique sont apparus les établissements du groupe Gorely Most et Ouda, situés sur la terrasse du Vyg à une cote de 12 et 8 m au-dessus du niveau actuel de la mer Blanche.

Г. Ф. КОРОБКОВА

ДРЕВНЕЙШИЕ ЖАТВЕННЫЕ ОРУДИЯ И ИХ ПРОИЗВОДИТЕЛЬНОСТЬ

(в свете экспериментально-трасологического изучения)

В последнее время все большее число исследователей разных специальностей обращается к изучению проблемы возникновения и развития древнейших этапов земледелия. Этой проблеме посвящены специальные статьи и монографии, в том числе и по палеоэкономическому исследованию этого важного вопроса. Большое значение в изучении экономики раннеземледельческих комплексов имеет всестороннее исследование орудий труда, связанных с одной из важных отраслей производящего хозяйства — земледелием. В археологической литературе известны методические [1], типологические [2], трасологические [3] и экспериментальные [4] разработки в изучении различных земледельческих орудий. Не обойдены вопросы социологического исследования последних [5]. Большое значение в изучении истории раннего земледелия имеют этнографические сопоставления. В опубликованных работах охвачен целый круг вопросов и проблем, связанных с происхождением земледелия и становлением земледельческого хозяйства, выявлением закономерностей в технологии орудий труда [6], определением характера земледелия, динамикой развития земледельческих орудий [7], рассмотрением земледелия как движущей

---

[1] *Арциховский А. В.* К методике изучения серпов.— ТСА РАНИОН, IV, 1928.

[2] *Бибиков С. Н.* Из истории каменных серпов на юго-востоке Европы.— СА, 1962, № 3; *Бдоян В. А.* Жатвенные орудия в Армении.— ИФЖ, 1968, № 3.

[3] *Семенов С. А.* Жатвенные кремневые ножи из поздненеолитического поселения Лука-Врублевецкая на Днестре.— СА, XI, 1949; *его же.* Древнейшие каменные серпы.— СА, XXI, 1954; *его же.* Керамический серп из древнего поселения Эриду в Ираке.— СА, 1965, № 3; *его же.* Каменные орудия ранних металлов.— СА, 1968, № 4; *его же.* Происхождение земледелия. Л., 1974, с. 245—259; *Коробкова Г. Ф.* Орудия труда и хозяйство неолитических племен Средней Азии.— МИА, № 158, 1969, с. 18—20, 29—31, 47, 48, 52, табл. I, X, XII, 4.

[4] *Spurrell F. S.* Notes on Early Sickles.— Archaeol. Journ. London, XLIX, 1892; *Steensberg A.* Ancient harvesting implements. Kobenhavn, 1943; *Harlan J. R.* A wild Wheat Harvestin Turkey.— Archaeology, 1967, № 3; *Семенов С. А.* Первобытная техника.— МИА, № 54, 1957, с. 150; *его же.* Происхождение земледелия, с. 250—253; *Коробкова Г. Ф.* Работы экспериментальной группы Молдавской археологической экспедиции.— АО—1969. М., 1970, с. 350, 351; *ее же.* Экспериментальное изучение орудий труда трипольской культуры.— АО—1973. М., 1974, с. 420, 421; *ее же.* Экспериментально-трасологическое изучение производств трипольского общества.— АО—1974. М., 1975, с. 349.

[5] *Арциховский А. В.* Социологическое значение эволюций земледельческих орудий.— Труды социологической секции, т. I. РАНИОН, 1927.

[6] *Семенов С. А.* Общие закономерности развития земледельческих орудий. Тезисы докладов Всесоюзной научной конференции по изучению систем земледелия (история и современная практика). М., 1973, с. 21, 22.

[7] *Краснов Ю. А.* Раннее земледелие и животноводство в лесной полосе Восточной Европы. II тыс. до н. э.— первая половина I тыс. н. э.— МИА, № 174, 1971; *Коробкова Г. Ф.* Эволюция земледельческих орудий в древних культурах юга СССР. Тезисы докладов Всесоюзной научной конференции..., с. 23—25.

силы в экономическом перевороте неолитической эпохи [8] и как хозяйственной системы, содержащей предпосылки к классовой дифференциации и сложению цивилизаций [9]. Вместе с тем в ряде публикаций нашли отражение вопросы технического, технологического и функционального свойства, касающиеся тех или иных земледельческих орудий. Уделялось внимание и вопросам производительности древнейших уборочных и землекопных инструментов. Однако набор жатвенных орудий, испытываемых при этом, и размеры обработанных площадей были недостаточно представительны для получения стабильных критериев, характеризующих продуктивность того или иного орудия [10]. В этом отношении интересные данные получены в опытных экспедициях, руководимых С. А. Семеновым [11]. Эксперименты проводились на широких площадях, в обработке земли использовалось значительное число разнообразных орудий; жатва ржи, трав и кормовых культур осуществлялась на больших участках. Весьма показательны данные по производительности землекопных орудий. В меньшей степени это относится к жатвенным орудиям, число которых было ограниченным для проведения сравнительных сопоставлений между отдельными типами серпов. Поэтому в пределах набора типов испытываемых орудий сколько-нибудь значимую их эволюцию проследить не удалось. Выявление же ее особенно важно, так как без этого невозможно понять динамику развития земледельческого хозяйства.

За последние годы в ходе археологических работ обнаруживается все большее число материалов, характеризующих древнейшие земледельческие комплексы на территории СССР. Раннеземледельческая зона охватывает области Средней Азии, Казахстана, Кавказа, юга и юго-запада Украины и Молдавии. При этом одним из важных показателей уровня развития земледельческого производства является наличие и характер жатвенных инструментов, выделенных в процессе трасологического изучения коллекций древних орудий.

Древнейшие серпы Средней Азии и Казахстана, снабженные кремневыми вкладышами, представлены разными типами. Наиболее распространенным является жатвенный нож, состоящий из двух или трех призматических пластин без признаков вторичной обработки, вставленных в деревянную или роговую оправу прямой формы (рис. 1, *б*). Этот тип хорошо известен по материалам раннего периода джейтунской культуры [12], поселения Усть-Нарым в Восточном Казахстане [13], отдельные находки встречаются в индустрии кровли 2-го горизонта поселения гиссарской культуры Туткаул [14]. На позднем этапе джейтунской культуры лезвие жатвенного ножа дополнительно отделывалось зубчатой пунктирной ретушью. Этот вариант серпа характерен для индустрии позднеджейтунского поселения Чагыллы-депе [15], встречается он и в памятниках кельтеминарской культуры низовьев Зеравшана [16]. В энеолите Южной

---

[8] *Массон В. М.* Поселение Джейтун.— МИА, № 180, 1971, с. 107 сл.

[9] *Массон В. М.* Экономические предпосылки сложения раннеклассового общества.— В кн.: Ленинские идеи в изучении истории первобытного общества, рабовладения и феодализма. М., 1970, с. 49—57.

[10] *Steensberg A.* Op. cit., p. 10—22.

[11] *Семенов С. А.* Происхождение земледелия, с. 192—203, 222—226, 253—256.

[12] *Массон В. М.* Поселение Джейтун, с. 82, 83; *Коробкова Г. Ф.* Орудия труда и хозяйство..., с. 18—20, 58.

[13] *Коробкова Г. Ф.* Орудия труда и хозяйство..., с. 164, 168; *Черников С. С.* Восточный Казахстан в эпоху неолита и бронзы. Автореф. докт. дис. М., 1970, с. 8.

[14] *Ранов В. А., Коробкова Г. Ф.* Туткаул — многослойное поселение гиссарской культуры в Южном Таджикистане.— СА, 1971, № 2, с. 142.

[15] *Бердыев О. К.* Древнейшие земледельцы Южного Туркменистана. Ашхабад, 1969, с. 50.

[16] *Гулямов Я. Г., Исламов У. И., Аскаров А.* Первобытная культура и возникновение орошаемого земледелия в низовьях Зарафшана. Ташкент, 1966, с. 61, рис. 30.

Туркмении сохранились еще наборные жатвенные ножи с зубчатым лезвием и появился новый тип — однопластинчатый серп с зазубренным рабочим краем, вставленный под косым углом к прямой рукоятке [17]. Несколько иначе выглядел серп центрально-ферганского неолита. Это было орудие изогнутой формы с гладким без ретуши лезвием, составляющие его микропластины, вставленные в рукоять, образуют зубчатую линию. Интересно, что Фергана и в более позднее время отличалась

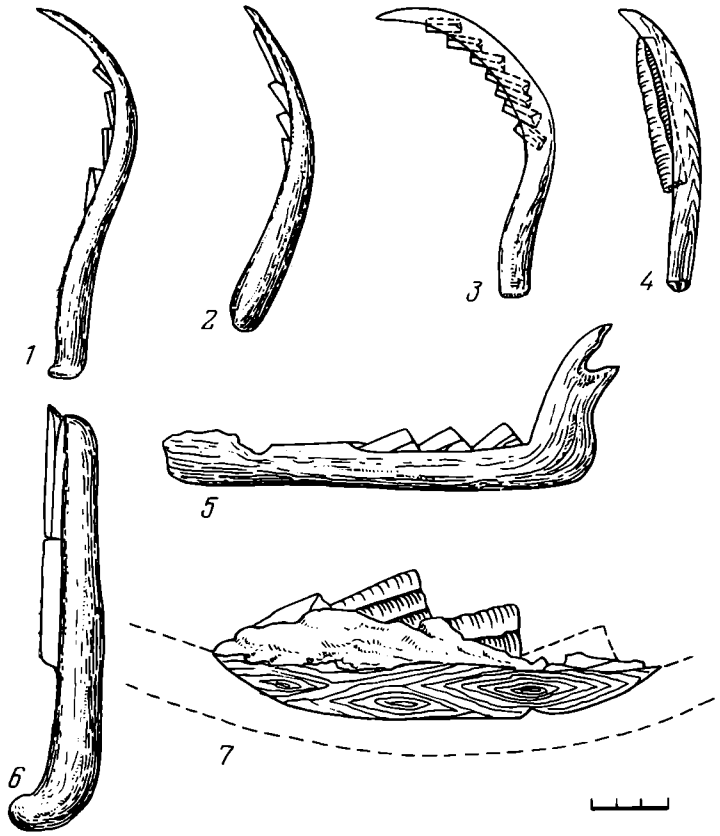


Рис. 1. Древнейшие жатвенные орудия: *1*, *2* — серпы из Караново; *3* — серп из Луки-Врублевецкой; *4* — позднетрипольский серп; *5*, *7* — серпы из Шому-тепе; *6* — жатвенный нож из Чопан-депе

весьма своеобразными орудиями земледелия. По сравнению с другими областями Средней Азии только здесь встречаются оригинальные по своей выделке каменные шлифованные серпы в форме полумесяца [18]. В эпоху энеолита и ранней бронзы на территории Южного Туркменистана появляются бронзовые серпы изогнутой формы без зазубрин на лезвии.

Серпы раннеземледельческих культур Кавказа тоже представлены разнообразными типами. Наряду с совершеннейшими серпами изогнутой формы, сделанными из дерева, рога, а чаще всего из челюстей крупных животных и снабженными обсидиановыми вкладышами (рис. 1, *5*, *7*), единично представлены примитивные жатвенные ножи. Такие типы сер-

---

[17] *Коробкова Г. Ф.* Каменные и костяные орудия из энеолитических поселений Южной Туркмении.— Изв. АН ТССР, Сер. обществ. наук, № 3. Ашхабад, 1964, с. 82.

[18] *Заднепровский Ю. А.* Древнеземледельческая культура Ферганы.— МИА, № 118, 1962, с. 36, рис. 12; *Семенов С. А., Ширинов Т.* Каменные серпы чустской культуры. ОНУ, 1976, № 10, Ташкент.

пов известны по материалам Шому-тепе [19], Шулаверис-Гора [20] и других памятников этой группы. В отличие от среднеазиатских жатвенных ножей лезвия шому-тепинских серпов составлены из обсидиановых, реже кремневых вкладышей, вмонтированных в паз рукоятки под косым углом, благодаря чему рабочий край таких орудий имеет вид крупных зубчиков, расположенных в одной плоскости. Кроме того, в ряде памятников шому-тепинской культуры, например Аликемек-тепеси [21], известны серпы аналогичной формы, но лезвия их состоят из плотно подогнанных друг к другу кремневых, реже обсидиановых пластин, изредка отделанных пунктирной зубчатой ретушью. Совершенно иного конструктивного плана серпы таких поселений, как Кюль-тепе [22], Гинчи [23], Хатунарх [24]. Это те же орудия изогнутой формы, но лезвие их составлено из одного вкладыша — очень крупной обсидиановой пластины удлиненных пропорций с зазубренным ретушью краем. В эпоху энеолита — ранней бронзы на Кавказе появляются первые медные серпы в форме полумесяца [25]. Таким образом, для большинства раннеземледельческих памятников Кавказа были характерны серпы изогнутой формы с крупнозубчатым или гладким наборным лезвием, состоящим из трех — пяти обсидиановых, реже кремневых пластин или отщепов, закрепленных с помощью битума.

Южная Украина и Молдавия эпохи неолита — энеолита дают аналогичные жатвенные орудия. Однако в отличие от Средней Азии и Кавказа, где жатвенные инструменты возникают на местной основе [26], ранние серпы Украины и Молдавии скорее всего заимствованы из более древних земледельческих культур соседних территорий. Это вполне естественно, если учесть, что земледелие Триполья, по мнению некоторых исследователей, было заимствовано извне [27]. Жатвенные ножи здесь полностью отсутствуют. Сорокские неолитические комплексы Буго-днестровской культуры содержат лишь единичные вкладыши серпов с косой заполировкой [28]. Для раннего и среднего периода Триполья характерны только такие орудия, вставленные в оправу изогнутой формы под косым углом (рис. 1, *3*). В качестве вкладышей используются мелкие и средние пластины кремня. Полное тождество с ними обнаруживают серпы карановв-

[19] *Нариманов И. Г.* Древнейшие серпы Азербайджана.— СА, 1964, № 1; *Аразова Р. Б.* Каменные орудия эпохи энеолита Азербайджана (обсидиан и кремень), Автореф. канд. дис. Баку, 1974, с. 24.

[20] *Коробкова Г. Ф., Кигурадзе Т. В.* К вопросу о функциональной классификации каменных орудий из Шулаверис-Гора.— КСИА АН СССР, № 132, 1972, с. 53, 54; *Кигурадзе Т. В.* Периодизация раннеземледельческой культуры Восточного Закавказья. Автореф. канд. дис. Тбилиси, 1975.

[21] *Махмудов Ф. Р., Нариманов И. Г.* О раскопках на поселении Аликемек-тепеси.— АО—1971. М., 1972, с. 480, 481.

[22] *Абибуллаев О. А.* Некоторые итоги изучения холма Кюль-тепе в Азербайджане.— СА, 1963, № 3, с. 159; *Нариманов И. Г.* О земледелии эпохи энеолита в Азербайджане.— СА, 1971, № 3, с. 13.

[23] *Гаджиев М. Г.* Древнее земледелие и скотоводство горного Дагестана. Конференция «Формы перехода от присваивающего хозяйства к производящему и особенности развития общественного строя». М., 1974, с. 55—58.

[24] *Торосян Р. М.* Некоторые орудия труда неолита и энеолита.— ИФЖ, 1971, № 3, Ереван.

[25] *Ханзадян Э. В.* Культура Армянского нагорья в III тыс. до н. э. Ереван, 1967, с. 59; *Глонти Л., Джавахишвили А., Джавахишвили Г., Киквидзе Я., Тушабрамишвили Д.* Некоторые итоги полевых работ 1964 года Урбнисской и Квирильской археологической экспедиции.— ВГМГ им. акад. С. Н. Джанашиа, т. XXV. Тбилиси, 1968, с. 5; *Кушнарева К. Х., Чубинишвили Т. Н.* Древние культуры Южного Кавказа (V—III тыс. до н. э.). Л., 1970, с. 106; *Мунчаев Р. М.* Кавказ на заре бронзового века. М., 1975, с. 380.

[26] *Коробкова Г. Ф.* Орудия труда и хозяйство..., с. 64; *Нариманов И. Г.* О земледелии эпохи энеолита в Азербайджане, с. 13.

[27] *Бибиков С. Н.* Раннетрипольское поселение Лука-Врублевецкая на Днестре.— МИА, № 38, 1953, с. 280; *его же.* Из истории каменных серпов..., с. 23.

[28] *Маркевич В. И.* Буго-днестровская культура на территории Молдавии. Кишинев, 1974, с. 152.

ского типа [29] (рис. 1, *1—2*). На всем протяжении развития трипольской культурной общности форма жатвенных орудий остается неизменной. Изменение претерпевают лишь сами вкладыши. На раннем этапе они используются без какой-либо обработки [30], на среднем — лезвия их оформляются дополнительной ретушью [31], на позднем — наборные вкладыши заменяются одной крупной пластиной, отделанной пильчатой или струйчатой ретушью (рис. 1, *4*) [32]. Вместе с тем на позднем этапе продолжают бытовать серпы старых форм с крупнозубчатым лезвием. Распространение последних следует связывать лишь с территорией Молдавии [33]. На юге Украины в это время используются характерные серпы позднетрипольского типа [34]. Таким образом, отмеченные выше различия между позднетрипольскими серпами Молдавии и Украины носят локальный характер.

При сравнении трипольских жатвенных орудий с серпами синхронных памятников Кавказа и Средней Азии бросается в глаза заметное отставание их развития от кавказских и среднеазиатских. В то время как на территории Средней Азии и Кавказа становятся известными первые металлические серпы, в Триполье продолжают бытовать каменные наборные орудия карановского типа, единично встречающиеся на этой территории еще в неолите, и однопластинчатые орудия, вставленные в паз изогнутой рукоятки. Это отставание, по-видимому, следует объяснить за счет разных темпов развития между ранними земледельческо-скотоводческими племенами Юга Украины, Молдавии, с одной стороны, и Средней Азии и Кавказа, с другой — в связи с разными основами экономики [35]. Отличие наблюдается и в количественном составе жатвенных орудий. В памятниках трипольской культурной общности серпы составляют сравнительно высокий процент в индустрии лишь отдельных поселений, в то время как в Средней Азии и на Кавказе им принадлежит ведущее место среди всех орудий труда (30—50%). В большей же части трипольских памятников серпы составляют 3—5% [36].

На примере трех ранних земледельческих центров юга Украины и Молдавии, Средней Азии и Кавказа можно видеть, что при наличии функционально одинаковых жатвенных орудий конструктивные детали в оснащении их лезвий различны. На Кавказе, юге Украины и Молдавии форма серпов весьма близка, на что обращали внимание ряд исследователей [37]. Кроме того, на Кавказе встречаются еще серпы, сделанные из челюсти крупных животных, но в целом форма их остается изогнутой. Наборные же лезвия у кавказских и трипольских серпов различны. У первых они сделаны из обсидиановых, реже кремневых, широких крупных пластин сегментовидной или прямоугольной формы и отщепов, встав-

---

[29] *Mikov V.* Karanovo, Bulgaria.— Antiquity, 1939, t. XIII, № 51; *Prošek F.* Srpy z mladsi doby kamienne.— Obzor Prehistoricky, t. XIII. Praha, 1946, s. 86, 87.

[30] *Бибиков С. Н.* Из истории каменных серпов..., с. 3—5; *его же.* Раннетрипольское поселение Лука-Врублевецкая..., с. 87—89, табл. 9, 10.

[31] *Пассек Т. С.* Трипольское поселение Поливанов Яр.— КСИИМК, XXXVII, 1951, с. 53; *Семенов С. А.* Первобытная техника..., с. 146; *Заец И. И.* Трипольское поселение Клищев на Южном Буге (В/I—В/II).— СА, 1974, № 4, с. 190, рис. 6, *8, 10, 12—14.*

[32] *Пассек Т. С.* Периодизация трипольских поселений.— МИА, № 10, 1949, с. 145, 147, рис. 80, *3, 4; Бибиков С. Н.* Из истории каменных серпов..., с. 10.

[33] *Маркевич В. И.* Итоги полевых работ, проведенных в 1969 г. Молдавской неолитической экспедицией.— АИМ—1968—1969. Кишинев, 1972, с. 50.

[34] *Мовша В. Т.* Пам'ятки типу Коломийщина I.— В кн.: Археологія Української РСР. Київ, 1971, с. 194.

[35] *Коробкова Г. Ф.* Переход к земледелию и скотоводству и прогресс орудий труда (по материалам ранних земледельческо-скотоводческих культур юга СССР). Конференция «Формы перехода от присваивающего хозяйства к производящему...», с. 11—15.

[36] *Коробкова Г. Ф.* Локальные различия в экономике ранних земледельческо-скотоводческих обществ (к постановке проблемы).— УСА, 1972, № 1, с. 17, 20.

[37] *Нариманов И. Г.* О земледелии эпохи энеолита..., с. 12.

ленных в оправу под косым углом в виде зубчиков или параллельно пазу, составляя гладкое, плотно подогнанное лезвие, и закрепленных с помощью битума. У вторых — только из кремневых мелких пластин, чаще их обломков, расположенных по четыре-пять штук под косым углом и закрепленных с помощью какого-то другого вяжущего вещества. Возможно, это была смола вишневого, сливового или грушевого дерева, смешанная с водой. Свидетельства применения растительной смолы для закрепления вкладышей известны и по находкам карановских серпов [38], с которыми трипольские жатвенные орудия обнаруживают полное тождество.

Если обратиться к материалам Кавказа и Южной Украины более позднего времени, то и в этот период можно наблюдать определенное сходство в форме рукояток серпов. По-прежнему бытуют орудия изогнутой формы, но оснащенные одной очень крупной пластиной удлиненных пропорций. Однако на Кавказе они сделаны из обсидиана и оформлены пильчатой или зубчатой ретушью, на Украине — из кремня, края вкладыша отделаны крупной пильчатой или струйчатой ретушью.

Среднеазиатские ранние жатвенные ножи отличаются от кавказских и трипольских серпов не только формой вкладышей, их креплением, но и самой рукояткой. Как отмечалось выше, для Средней Азии были характерны жатвенные ножи прямой формы, оснащенные двумя, реже тремя кремневыми средними пластинами со скошенным ретушированным концом или 4—6 геометрическими микролитами. Не исключено, что крепление их производилось с помощью растительного смолистого вещества, о чем свидетельствует отсутствие следов битума на вкладышах и поверхности сохранившейся оправы жатвенного орудия.

Итак, сравнительные данные по жатвенным орудиям Средней Азии, Кавказа, Южной Украины и Молдавии поры неолита — энеолита позволяют говорить о том, что даже при наличии сходных рукояток серпов конструктивные детали в их оснащении являются показателями локальных особенностей земледельческих орудий. Последние тесно связаны с техническими традициями, соблюдаемыми определенной группой племен в течение длительного времени, и могут быть отнесены к разряду этнических признаков, характеризующих крупные общности людей глубокой древности. Об этом свидетельствуют и этнографические данные исследования земледельческих орудий на территории Молдавии [39].

Эволюция же жатвенных орудий в пределах одной культуры или культурной общности идет не по линии развития форм рукояток, которые остаются неизменными, а по пути оформления лезвий вкладышей. Если сравнивать ранние жатвенные орудия, будь то жатвенный нож джейтунской культуры или серп изогнутой формы шомутепинского или раннетрипольского типа, лезвия наборных вкладышей независимо от формы рукоятки используются без какой-либо дополнительной обработки (ранний Джейтун, Лука-Врублевецкая, Шому-тепе). Орудия последующей ступени развития наделены уже ретушированным, иногда зубчатым лезвием (Средний Джейтун, Поливанов Яр, Арухло). Серпы поздней ступени характеризуются наличием пильчатого рабочего края, отделанного пунктирной зубчатой или струйчатой ретушью (поздний Джейтун, Хатунарх, Усатово) [40]. Эти детали в технике оформления вкладышей служат надежными хронологическими критериями.

---

[38] *Георгиев Г. Ил.* За някои оръдия производство от неолита и енеолита в България. Изследования в чест на акад. Димитър Дечев по случай 80 годишнината му. София, 1958, с. 370; *Prošek F.* Op. cit., fig. 2.

[39] *Демченко Н. А.* Земледельческие орудия как материал для изучения этногенеза и этнической истории Молдавского народа.— В сб.: Материалы и исследования по археологии и этнографии Молдавской ССР. Кишинев, 1964, с. 35–61.

[40] *Коробкова Г. Ф.* Эволюция земледельческих орудий..., с. 24, 25.

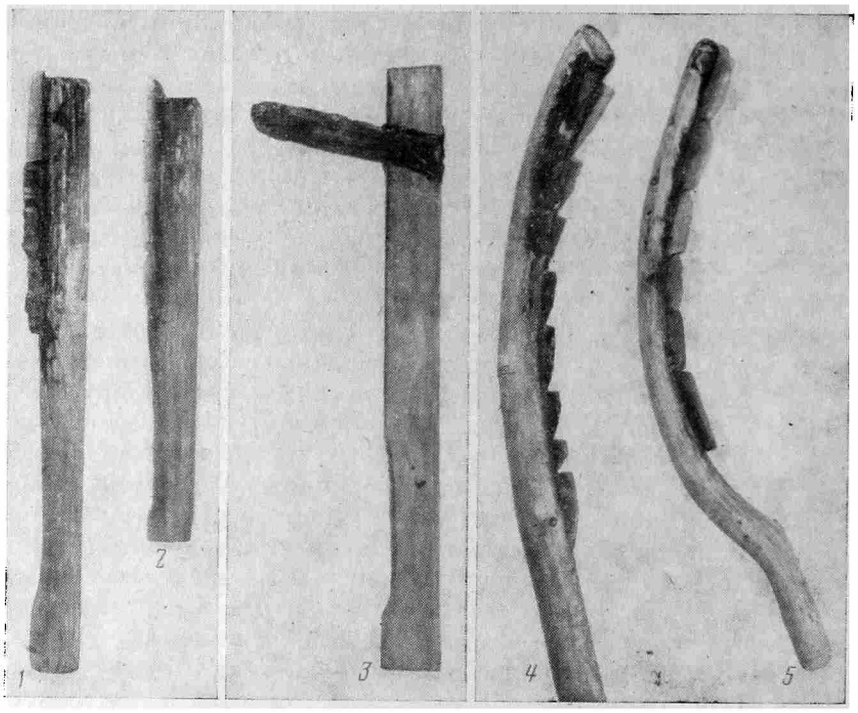


Рис. 2. Экспериментальные жатвенные орудия: *1*, *2* — раннеджейтунский тип, *3* — тип Ялангач-депе, *4* — раннетрипольский тип, *5* — хассунский тип

Совершенно новую информацию дает комплексное трасологическое и экспериментальное исследование жатвенных орудий. В настоящее время в ходе экспериментов удалось выяснить причину появления линейных признаков износа на рабочих поверхностях серпов, бывшую предметом долгих научных споров. Многие исследователи полагали, что появление линейных следов на орудиях связано с наличием в стеблях зерновых культур кремнезема [41].

Ошибочность этой гипотезы была установлена работами экспериментально-трасологического отряда, опыты которого проводились на полях Молдавии и Одесской области. Эксперименты показали, что линейные признаки износа возникают на орудиях, использованных при срезании только окультуренных злаковых растений, выращенных на вскопанной почве. Несмотря на то что стебли пшеницы срезались на высоте 10—15 *см* от земли, поверхность рук, деревянных оправ серпов и самих вкладышей оказалась покрытой плотным слоем пыли и земли (рис. 2), попавшей сюда с загрязненных стеблей злаков. Наличие абразивных частиц на стеблях, которые в ходе жатвы оказались смешанными с соком сорняковых растений, и дало линейные признаки, хорошо просматриваемые на орудиях под микроскопом (рис. 3, *1*, *2*). Трава же, обладающая ветвистой корневой системой, образует мощный дерновый покров, защищающий растение от попадания на него из почвы под влиянием дождей, ветров и других естественных причин абразивных примесей. Поэтому при жатве травы линейные признаки на орудиях отсутствуют (рис. 3, *3*). Дикие злаки, не образующие плотного дернового слоя, и выращенные на неперекопанной почве, содержат на своих стеблях отдельные, едва заметные под микроскопом частицы пыли, оставляю-

[41] *Spurrell F.* Op. cit.; *Curwen E.* Agriculture and the Flint Sickle in Palestine.— Antiquity, 1935; *idem.* A Sickle Flint from Sussex.— Anthrop. J., XVIII, 1938; *Steensberg A.* Op. cit.

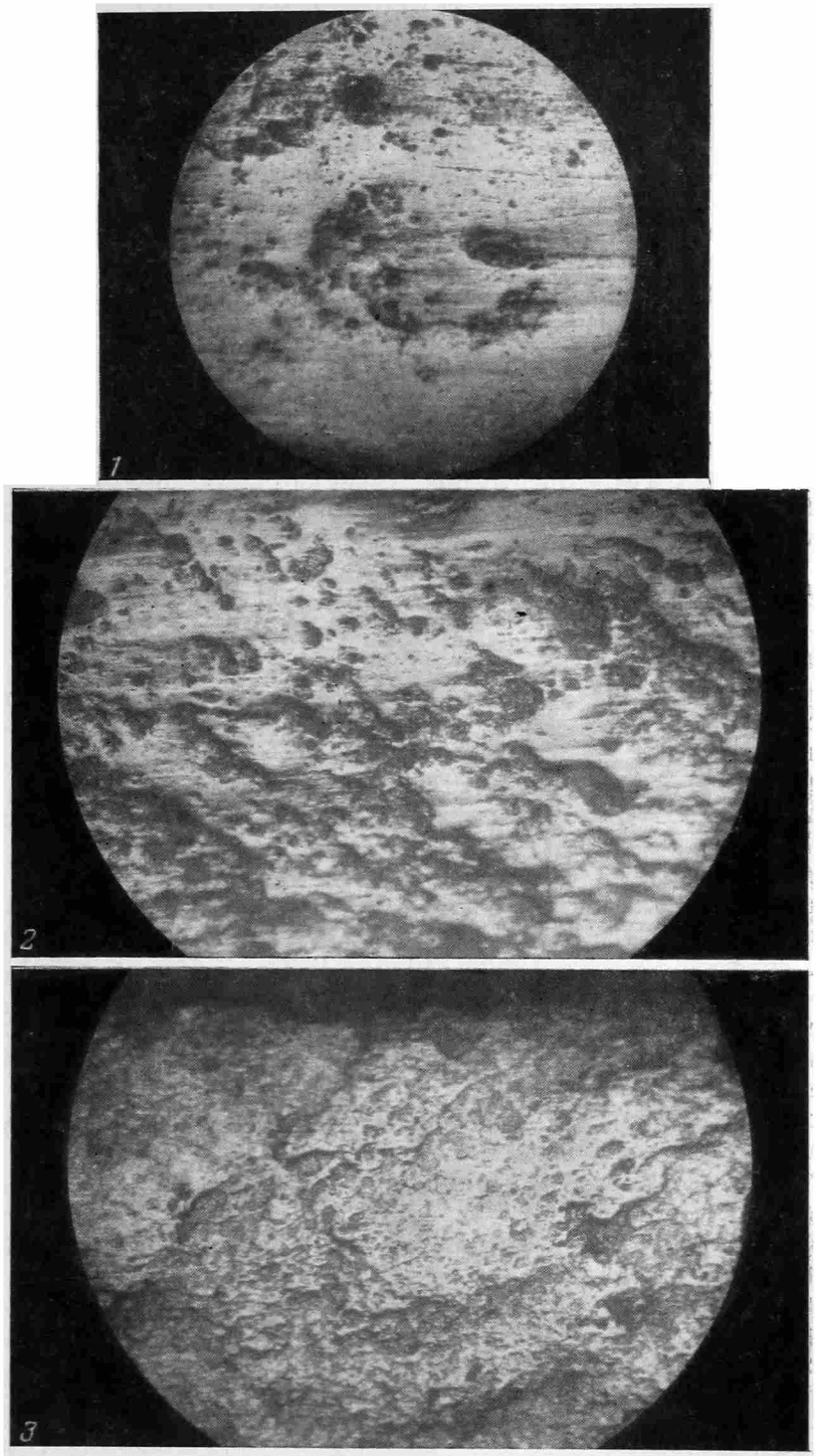


Рис. 3. Микрофотографии рабочих поверхностей жатвенных орудий: *1* — джейтунский жатвенный нож; *2* — экспериментальное орудие, использованное при жатве культурных злаков; *3* — экспериментальное орудие, использованное при жатве травы

щие на поверхности серпов лишь редкие, слабо очерченные линейные следы.

Таким образом, уже сейчас на основании изучения характера следов износа можно определять, на каких видах растений применялись данные серпы: на злаках, траве или тростнике. По степени износа можно судить о длительности использования жатвенных орудий. По расположению признаков сработанности на поверхности вкладышей можно представить форму оправы, в которую они были заключены. По характеру ретуши, наблюдаемой на рабочих краях серпов, можно объяснить причину ее появления: намеренно ли она нанесена до употребления орудия, возникла ли вследствие подправки лезвия в процессе его срабатывания или появилась от использования орудия в работе. Экспериментальными исследованиями удалось определить предельность существования серпов. Этот факт особенно важен при решении вопроса, являются ли серпы односезонными орудиями или служат в течение нескольких рабочих сезонов [42].

Кроме того, эксперименты позволили подойти к другому, очень важному вопросу — нельзя ли по степени износа и количеству обнаруженных в той или иной индустрии жатвенных инструментов высчитать приблизительные размеры древних посевных участков? Весьма актуальна проблема производительности жатвенных орудий, без которой трудно представить динамику развития серпов в общей культурно-исторической и технологической эволюции. Кроме того, продуктивность жатвенных орудий служит достаточно весомым показателем уровня развития производительных сил того или иного общества и земледельческого хозяйства в целом, отражением которого являются орудия труда.

Все эти вопросы изучались путем физического моделирования производственных процессов, выявленных по данным трасологического исследования земледельческих орудий из конкретных раннеземледельческих комплексов. В этих целях были проведены специальные трасологические и экспериментальные работы при Молдавской неолитической экспедиции. В течение двух полевых сезонов 1973—1974 гг. Экспериментально-трасологический отряд Ленинградского отделения Института археологии АН СССР проводил комплексное изучение технико-хозяйственной системы трипольского общества с помощью физического моделирования и трасологического анализа орудий труда [43], в том числе земледельческих. Кроме того, ряд опытов, связанных с исследованием жатвенных орудий, был осуществлен автором еще в 1969 г. [44] При этом важное значение имело соблюдение условий экспериментов. Они должны быть максимально приближенными к условиям расположения конкретных памятников, изучаемых в данный момент, и осуществляться орудиями, близкими к исследуемым.

Опыты Экспериментально-трасологического отряда проводились на территории Молдавии и Одесской области УССР в местах расположения трипольских поселений. Изучение земледелия как отрасли хозяйства невозможно без воспроизводства такого важного цикла, как жатва зерновых. В задачу отряда входило всестороннее изучение орудий труда ранних земледельцев в целях получения эталонов следов износа на них, установления продуктивности уборочных изделий, определения длительности существования серпов без подправки лезвий, выявления дифференциации жатвенных инструментов в зависимости от применения их на разных видах растений — злаках, траве и тростнике, а также получения

---

[42] *Семенов С. А.* Происхождение земледелия...., с. 251.

[43] *Коробкова Г. Ф.* Экспериментальное изучение орудий труда трипольской культуры..., с. 420, 421; *ее же.* Экспериментально-трасологическое изучение производств..., с. 439.

[44] *Коробкова Г. Ф.* Работы экспериментальной группы..., с. 350, 351.

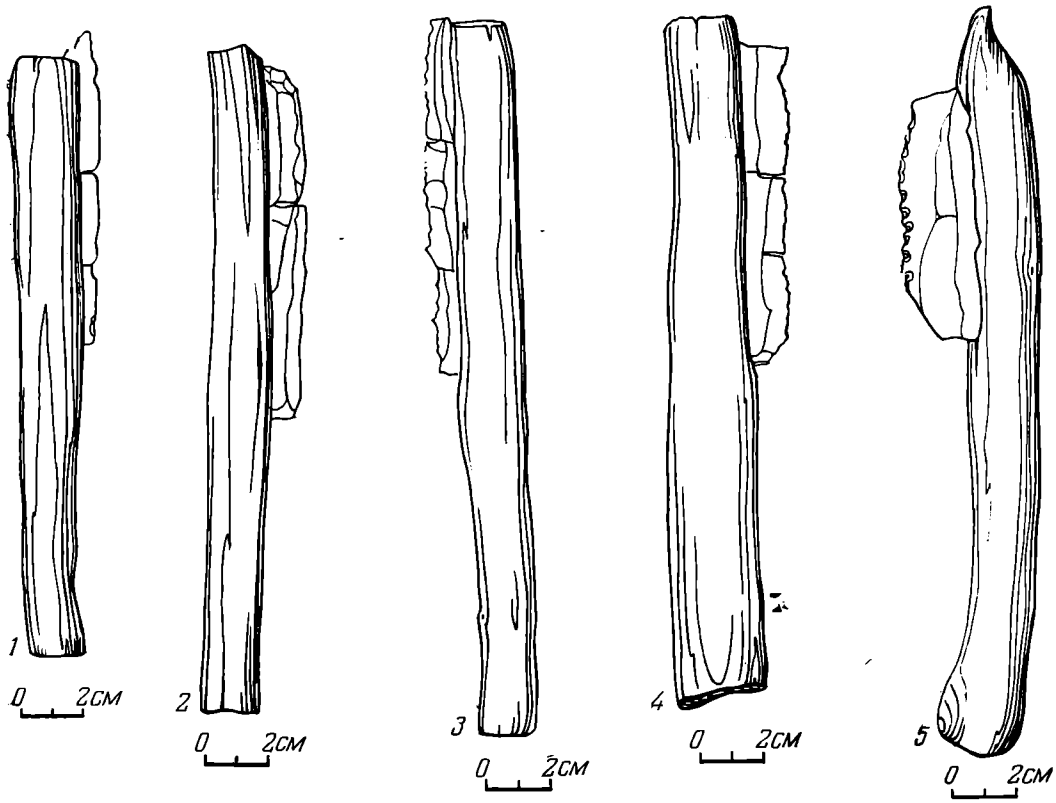


Рис. 4. Экспериментальные жатвенные орудия: *1*, *2* — жатвенные ножи раннеджейтунского типа; *3*, *4* — жатвенные ножи позднеджейтунского типа; *5* — жатвенный нож шому-тепинского типа

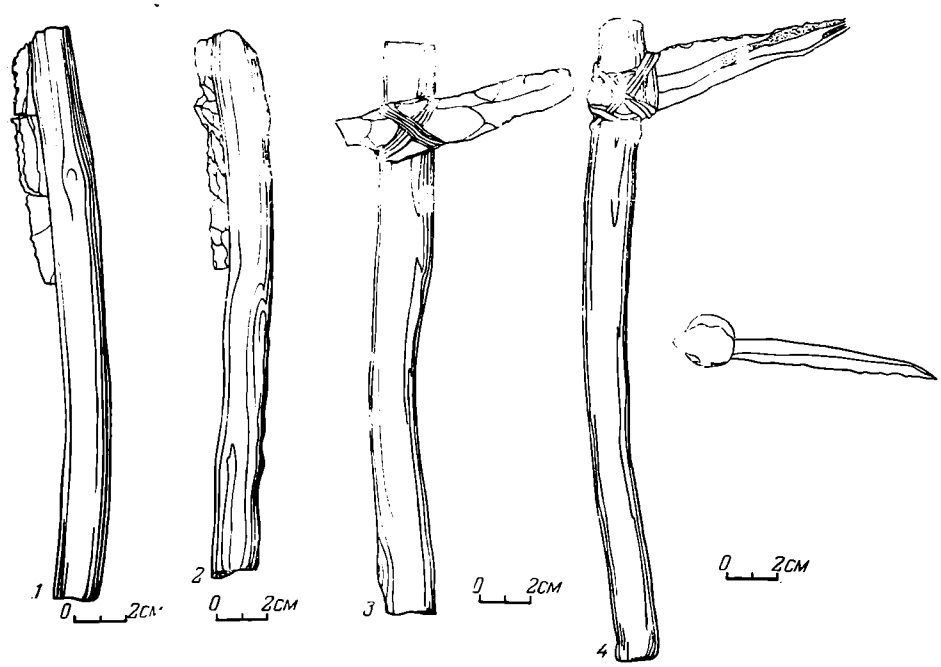


Рис. 5. Экспериментальные жатвенные орудия; *1*, *2* — жатвенные ножи шому-тепинского типа; *3*, *4* — жатвенные орудия типа Яланга-депе и Стенильда

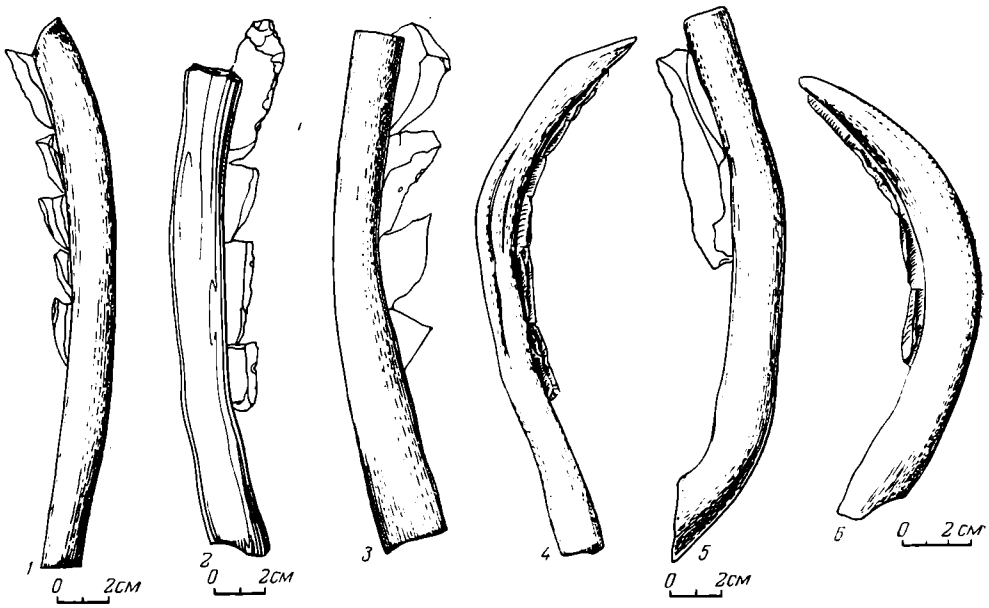


Рис. 6. Экспериментальные жатвенные орудия: *1*, *2* — серпы раннетрипольского типа; *3* — серп шому-тепинского типа; *4*, *6* — наборные серпы с роговой основой; *5* — серп позднетрипольского типа

данных для подсчета хотя бы приблизительных размеров посевных площадей. Для выполнения поставленных задач было изготовлено 17 типов самых разнообразных серпов. Кроме того, для сравнения использован современный металлический серп с мелкопильчатым лезвием. Экспериментально изготовленные жатвенные орудия были сделаны по образцу серпов, найденных в ранних земледельческих комплексах Средней Азии, Кавказа, Молдавии и юга Украины. Материалом для изготовления рукояток служили дерево и рог, в качестве вкладышей использовались кремневые пластины, не имеющие следов износа, из Джейтуна, Песседжик-депе, Матвеева кургана, Флорешт, обсидиановые пластины и отщепы из Шому-тепе также без признаков сработанности и экспериментально изготовленные кремневые пластины. Закрепление вкладышей в пазу рукояток производилось с помощью естественных смолистых веществ. В одном случае это был сок вишневого, сливового и грушевого дерева, смешанный с водой; в другом — обычная смола с примесью песка.

Первое уборочное орудие было изготовлено по типу жатвенного ножа раннеджейтунского типа, составленного из двух кремневых вкладышей без ретуши (рис. 4, *2*). Второй образец представлял копию первого, но оснащен тремя более короткими пластинами (рис. 4, *1*). Третий и четвертый были аналогичны двум первым, однако в отличие от последних они имели зубчатое ретушированное лезвие (рис. 4, *3*, *4*) и выполнены по типу позднеджейтунских жатвенных ножей. Пятый тоже представляет собой жатвенный нож, у которого лезвие сформовано из одной крупной кремневой пластины с ретушированным пильчатым краем. Этот тип единично встречается в комплексе Шому-тепе (рис. 4, *5*). Шестой и седьмой изготовлены из обсидиановых пластин и отщепов по типу жатвенных ножей из Шому-тепе (рис. 2, *3*, 5, *1*, *2*). Восьмой и девятый сделаны по образцу однопластинчатых ножей типа Стенильда[45] и Ялангач-депе, вставленных в оправу под косым углом (рис. 5, *3*, *4*). Орудия № 10 и 11 выполнены по образцу раннетрипольского и карано-

[45] *Steensberg A.* Op. cit., p. 10; *Blinkenberg C.* Skaeftede Stenalders Redskaber.— Aarboger for nordisk oldkyndighed of Historie, bind 13. Kjøbenhavn, 1898, p. 141.

	Тип серпа	Площадь обработки, $м^2$	Время обработки, мин	Средняя производительность, $м^2$/1 мин
1	Раннеджейтунский жатвенный нож, оснащенный двумя кремневыми вкладышами	245	464	0,4–0,5
2	Раннеджейтунский жатвенный нож с тремя кремневыми вкладышами	308	571	0,5
3	Позднеджейтунский жатвенный нож с двумя вкладышами, отделанными зубчатой ретушью	416	477	0,9
4	Позднеджейтунский жатвенный нож с тремя вкладышами, оформленными зубчатой ретушью	92	103	0,9
5	Жатвенный нож с одним кремневым вкладышем, оформленный крупной зубчатой ретушью	138	228	0,6
6	Жатвенный нож с тремя обсидиановыми вкладышами	262	489	0,5
7	Жатвенный нож с пятью обсидиановыми вкладышами	52	81	0,6
8	Однопластинчатый кремневый серп, вставленный под косым углом в рукоятку прямой формы	339	483	0,7
9	Аналогичный серп	178	238	0,7
10	Раннетрипольский серп с четырьмя крупными кремневыми вкладышами	382	428	0,9
11	Раннетрипольский серп с пятью мелкими кремневыми вкладышами	429	478	0,9
12	Шому-тепинский серп с обсидиановыми вкладышами	170	176	0,9–1
13	Роговой изогнутый серп с плотно подогнанными кремневыми вкладышами	208	219	0,9–1
14	Аналогичный серп, но с большей длиной лезвия	190	193	0,9–1
15	Позднетрипольский серп с пильчатой ретушью по краю	476	431	1,1
16	Медный серп в форме полумесяца	122	135	0,9
17	Современный металлический серп с мелкопильчатым лезвием	202	120	1,9
18	Обсидиановая пластина из Цопи	34	85	0,4–0,5

ского серпа (рис. 2, *4*) с мелкозубчатым и крупнозубчатым лезвием, составленным из пяти и четырех вкладышей (рис. 6, *1, 2*). Серп № 12 представляет собой орудие шому-тепинского типа с наборным обсидиановым рабочим краем (рис. 6, *3*). Серпы № 13 и 14 изготовлены из рога, оснащенного кремневыми плотно подогнанными вкладышами, характерными для ряда памятников шому-тепинской культуры, например Аликемек-тепеси (рис. 6, *4, 6*). Орудие № 15 выполнено по типу позднетрипольского серпа с пильчатым лезвием, типичным также для некоторых поселений Кавказа, в частности Хатунарха и Гинчи (рис. 6, *5*). Серп № 16 является орудием полулунной формы, сделанным из меди путем холодной ковки, серп № 17 — современным металлическим инструментом с мелкопильчатым лезвием, № 18 — обсидиановой пластиной без ретуши, использованной без рукоятки.

Объектами экспериментов служили пшеница, рожь, овес, бобовые, тростник, трава, сжатые на площади 8204 $м^2$, или около 1 *га*. Для проведения опытов были отмерены эталонные участки, равные по качеству и одинаковые по площади, на которых применялись все перечисленные выше типы жатвенных ножей и серпов. При этом использовался мужской, женский и детский труд, труд профессионалов-жнецов и экспериментаторов. Эксперименты, развернутые на больших площадях, позволили получить не только эталоны следов на орудиях, но и выяснить время, затраченное на жатву определенного участка и на появление признаков износа, и получить весьма надежные показатели по определению произво-

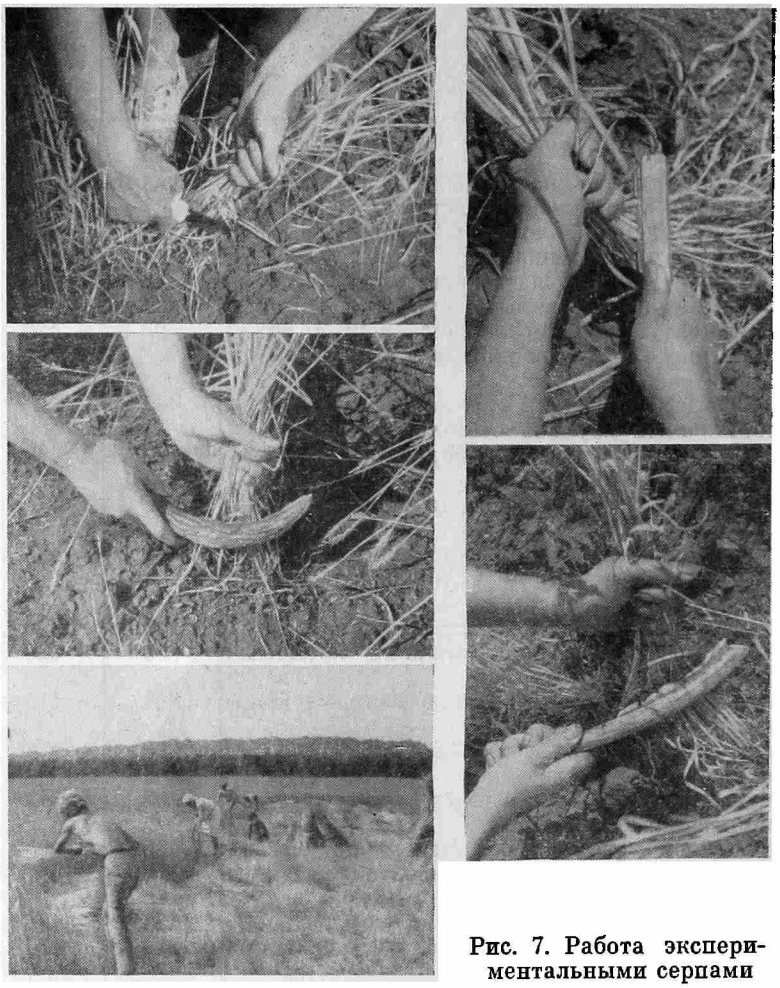


Рис. 7. Работа экспериментальными серпами

дительности исследуемых орудий. В ходе опытов были приобретены соответствующие навыки, позволившие сравнить труд экспериментаторов и жнецов-профессионалов. Последнее обстоятельство особенно важно в целях получения данных, достаточно близких к действительности, тем более что древние земледельцы были подлинными профессионалами, от труда которых зависело существование целого коллектива. Применяя хотя бы приблизительно близкую им мускульную силу, вкладывая в жатву профессиональный труд, можно добиться достаточно надежных, твердых результатов по целому ряду вопросов, связанных с уборкой урожая, включая и производительность жатвенных инструментов. Однако чтобы определить и сравнить эффективность тех или иных типов жатвенных орудий, требуется применение равной физической силы. Поэтому для получения более или менее устойчивых эталонов по установлению продуктивности орудий каждый экспериментатор испытал на одинаковых по качеству и площади участках все типы серпов (рис. 7). Для сравнения обратимся к данным экспериментов, проведенных на жатве пшеницы.

Из приведенной таблицы видно, что из наборных жатвенных орудий наиболее результативен позднетрипольский серп, который лишь в полтора раза уступает в производительности современному. За ним следуют шому-тепинский с обсидиановым лезвием и роговые серпы, составленные из плотно подогнанных кремневых вкладышей, уступающие современному в 1,7 раза. Одинаковые показатели дают медный и раннетрипольский серпы и позднеджейтунский жатвенный нож. Их продуктивность в 1,9—

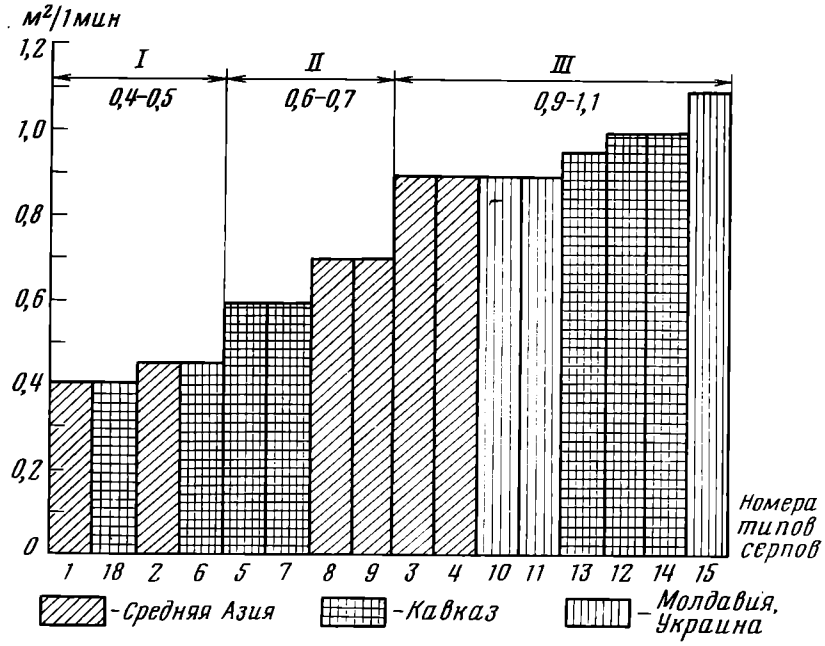


Рис. 8. Гистограмма производительности жатвенных орудий различных типов

2 раза ниже современного серпа. Весьма эффективен оказался и однопластинчатый серп, представляющий собой как бы переходную стадию от жатвенного ножа к орудию изогнутой формы и уступающий современному серпу в 2,5 раза. Самую низкую производительность показали жатвенные ножи с неретушированным наборным лезвием. По продуктивности они в 3,5—4 раза уступают современному жатвенному орудию. Чуть выше производительность обсидианового жатвенного ножа 0,6 $м^2$ в 1 *мин*, что в 2,8—3 раза ниже показателей металлического серпа.

В целях проверки данных экспериментов опыты с жатвой пшеницы, как и других культур, были повторены десятки раз, что дало возможность вывести средние показатели по производительности исследуемых жатвенных орудий. При этом критерием продуктивности орудий в наших опытах было принято отношение площади сжатых участков к времени, затраченному на их жатву. Мы также отдаем должное тому обстоятельству, что в полученных показателях присутствует производительность труда самого человека. Однако когда опыты проводит один и тот же человек, применяя одну и ту же мускульную силу, работая в одних и тех же условиях, поочередно используя разные типы орудий и повторяя эксперименты несколько раз, то полученный при этом для каждого орудия коэффициент производительности (S_1/t_1, где S_1 является площадью сжатого участка, а t_1 — временем, затраченным на жатву последнего) окажется предельно выдержанным и близким к древним показателям.

Таким образом, по производительности выделяются три группы жатвенных орудий: первая группа — серпы, коэффициент производительности которых составляет 0,4—0,5; вторая — с коэффициентом производительности 0,6—0,7; третья — с коэффициентом производительности 0,9—1,1 (рис. 8).

Данные гистограммы подтверждают наблюдения о заимствовании раннеземледельческими племенами Молдавии и Южной Украины жатвенных орудий совершенной рабочей формы и относительно высокой производительности. В среднеазиатском и кавказском центрах, наоборот, наблюдается постепенное развитие серпов от малоэффективных типов к высокопроизводительным. Этим объясняется отсутствие в Молдавии и

Украине жатвенных орудий первой группы и их присутствие в Средней Азии и на Кавказе.

Следует также отметить, что данные наших опытов обнаруживают совпадение с результатами эксперимента А. Стинсберга, полученными им для отдельных видов жатвенных орудий [46]. Вместе с тем трудно согласиться с выводами этого исследователя в отношении показателей производительности кремневого наборного серпа в форме полумесяца и кремневого жатвенного ножа. По его данным, продуктивность того и другого орудия оказалась идентичной — 0,7 $м^2$ в 1 *мин.* По нашим данным, второе орудие уступает в производительности первому в 2 раза. Лишь жатвенный нож, снабженный зубчатым лезвием, показывает продуктивность, близкую изогнутому нересушированному серпу.

В ходе опытов выяснилось, что длительность существования кремневого жатвенного ножа раннеджейтунского типа без подправки лезвия определяется 20—25 *час* чистого рабочего времени. Поэтому данные орудия следует рассматривать как сезонные инструменты, которые от жатвы к жатве постоянно подновлялись, переставлялись вкладыши, а зачастую просто заменялись новыми орудиями, как, например, у джейтунских земледельцев, о чем свидетельствует отсутствие следов какой-либо подправки на лезвиях вкладышей. Совершенно иначе изнашиваются кремневые наборные серпы раннетрипольского типа. Их можно использовать более длительное время, в течение нескольких рабочих сезонов. Например, раннетрипольский серп, с которым мы экспериментировали, находился в употреблении в течение двух полевых сезонов. За это время он подвергался небольшой подправке — замене одного верхнего вкладыша и дополнительному промазыванию растительной смолой всего набора пластин. Интересно, что именно два первых вкладыша изнашиваются наиболее интенсивно и требуют замены, либо перестановки или подретушевки лезвий. Это происходит потому, что они испытывают во время работы бóльшую нагрузку, чем другие вкладыши. В соответствии с этим и изнашиваемость поверхности их более сильная, чем на других пластинках, об этом свидетельствуют и находки вкладышей серпов на трипольских поселениях, нередко сработанных по двум лезвиям. Последнее обстоятельство следует вряд ли объяснять наличием у ранних земледельцев больших полевых площадей или нехваткой кремня. Как показали опыты, вкладыши наборных серпов, скрепленных без битума, очень трудно подобрать так, чтобы лезвия пластин, составляющих рабочий край, находились в одной плоскости без зазоров. Поэтому легче перевернуть старый изношенный вкладыш другим лезвием, чем подобрать и заменить его новым.

Результаты проведенных экспериментов имеют существенное значение для постановки вопроса о возможных размерах полевых участков древних земледельцев. Наиболее благоприятным в этом отношении явилось неолитическое поселение Джейтун, раскопанное на уровне второго строительного горизонта полностью. Трасологическим методом в индустрии Джейтуна было выявлено 1054 предельно сработанных вкладыша жатвенных ножей, использовавшихся только для уборки зерновых. Судя по найденной рукоятке от жатвенного ножа на поселении Чопан-депе, джейтунский серп состоял из двух призматических пластин без ретуши на лезвии. Следовательно, целых орудий на Джейтуне было 527 экз.

Эксперименты, проводимые с раннеджейтунским жатвенным ножом, показали, что предельная длительность его использования приравнивается к 20—25 *час* чистого времени. Известно также, что за 1 *час* работы в среднем им можно сжать участок площадью 20—25 $м^2$. Таким образом, зная предельную длительность использования джейтунского жатвенного ножа (20—25 *час*) и среднюю площадь обработанного им за

[46] *Steensberg A.* Op. cit., p 10—22, fig. 3, 4.

1 *час* участка, можно высчитать приближенно размер участка, сжатого этим орудием. $s \times t = S_1$, где s — площадь, которую может обработать один жатвенный нож за 1 *час*, t — время предельного существования этого орудия, S_1 — площадь, обработанная одним жатвенным ножом за период существования без подправки. Подставив в эту формулу цифры 20—25 *м*^{2}×20—25 *час* = 400—625 *м*^{2}, получаем возможную площадь обработки одним серпом. Определив экспериментальным путем размеры обработанной площади одним жатвенным ножом и трасологическим методом число всех серпов на Джейтуне, можно высчитать приблизительные размеры посевных участков джейтунских земледельцев: $S_1 \times M = S$, где M — число всех серпов на поселении, S — общая площадь посевных участков, 400—625 *м*^{2}×527 жатвенных ножей = 210 800—329 375 *м*^{2}. Таким образом, средние размеры полевых площадей джейтунцев могли равняться 20—30 *га*. Интересно, что сходные цифры дали расчеты, произведенные по годовой потребности населения в зерне [47]. Это особенно важно, так как данные о посевных участках Джейтуна получены разными исследователями и различным путем, выводы же оказались близкими. Такое совпадение позволяет с большим доверием отнестись к результатам экспериментального изучения жатвенных инструментов.

Не менее важны и интересны выводы о дифференциации жатвенных орудий. Установление разницы в следах износа на серпах, использованных в жатве самых разнообразных растений, имеет большое значение в определении характера производимых ими земледельческих работ. Уже сейчас можно говорить о том, что одни жатвенные орудия принадлежат подлинным земледельцам, убирающим в широких масштабах урожай злаковых культур, вторые — собирателям диких злаков, третьи — скотоводам, использующим серпы для срезания травы, идущей в корм скоту, четвертые находят широкое применение в быту, применяясь при заготовке тростника. Весьма важен количественный подсчет орудий на поселении, поскольку в зависимости от процентных соотношений функциональных групп орудий, связанных с той или иной отраслью хозяйства и выделенных трасологическим методом, и принимая во внимание палеоэкологические данные, можно с уверенностью устанавливать тип хозяйства и локальные хозяйственные различия даже в пределах одной культуры или культурной общности [48].

Опыты продемонстрировали также значительную прочность кремневых серпов, могущих использоваться весьма длительное время (20—25 *час* для жатвенных ножей, до двух сезонов — для раннетрипольских и позднешомутепинских серпов) без серьезной подправки лезвий. И наоборот, с помощью экспериментов удалось выяснить, что не все серпы могли быть пригодными для уборки урожая. Так, например, однопластинчатые серпы, закрепленные в прямую рукоятку под прямым углом, неудобны для жатвы зерновых, поскольку оставляют большой брак, о чем свидетельствует 50—60% вырванных с корнем растений. Аналогичные орудия, но вставленные в паз рукоятки под косым углом, оказались достаточно эффективными жатвенными инструментами. Находки двулезвийных вкладышей следует объяснить трудностью подборки пластин, составляющих гладкое без зазоров лезвие, вкладыши которого легче переставить другим краем, чем заменить наново.

Опыты также показали, что производительность серпов находится в прямой зависимости от формы рукоятки и характера обработки вкладышей. Можно говорить о двух путях повышения производительности орудий, двух путях технического прогресса, наблюдаемых у раннеземледельческих племен. Например, раннетрипольский серп и позднеджейтунский жатвенный нож показали одинаковую производительность. Однако

---

[47] *Массон В. М.* Поселение Джейтун, с. 102.

[48] *Коробкова Г. Ф.* Локальные различия в экономике...

первые достигли таких высоких показателей за счет более совершенной формы рукоятки, вторые — за счет зубчатого ретуширования лезвий вкладышей. Таким образом, наибольшей продуктивностью будут обладать серпы изогнутой полулунной формы, лезвия которых оформлены пильчатой или струйчатой ретушью, каковыми являются позднетрипольские, хатунарские и кюль-тепинские серпы, действительно показавшие самую высокую производительность среди кремневых и обсидиановых жатвенных орудий.

Вместе с тем форма рукоятки у раннеземледельческих племен остается устойчивой на протяжении всего существования культуры или культурной общности и служит этническим признаком. Изменение претерпевают лишь сами вкладыши. Поэтому эволюция жатвенных орудий протекает по линии изменения размеров и оформления вкладышей, что находит прямое отражение в производительности серпов.

Технический прогресс жатвенных орудий определялся потребностями конкретных форм земледельческого хозяйства. Поиски повышения их эффективности и производительности велись каждый раз на основе местных технических традиций, являющихся составной частью этнокультурной специфики. Экспериментально-трасологическое изучение древних серпов трех раннеземледельческих центров юга СССР показывает это достаточно конкретно и определенно.

G. F. Korobkova

LES PLUS ANCIENNES FAUCILLES ET LEUR FABRICATION
(Etude experimentale et tracologique)

Résumé

Cet article est consacré à l'étude de 15 types de faucilles découvertes dans les monuments des premiers agriculteurs d'Asie Centrale, du Caucase, de Moldavie et du Sud de l'Ukraine. Ces types ont été classés en se basant sur l'étude au microscope d'un groupe d'outils lithiques. On a pratiqué une moisson expérimentale sur une grande échelle au moyen de faucilles de ces types, lesquelles avaient été fabriquées d'après les modèles anciens (fig. 2-7). L'étude expérimentale et traçologique de l'armature des faucilles a permis de distinguer les traces laissées par les graminées cultivées ou sauvages, les herbes et les roseaux (fig. 3). On a établi le coefficient de rendement des faucilles de ces types à éléments de pierre, coefficient qui oscille entre 0,4 et 1,1 m^2 à la minute (fig. 8). On a établi également la durée limite d'emploi d'une lame sans retouche du tranchant (20 à 25 h.), ce qui a permis, d'après le nombre de faucilles découvertes dans ces monuments, d'établir approximativement l'étendue des terrains ensemencés. L'augmentation du rendement des faucilles à éléments s'est faite de deux façons: par le perfectionnement des formes de la monture, et par une exécution plus soignée des lames de l'armature. Les tâtonnements pour élever leur efficacité et leur rendement ont eu lieu chaque fois en se basant sur les traditions techniques locales, qui sont une partie intégrante de la spécificité de l'ethnoculture.

Е. Н. ЧЕРНЫХ

МЕТАЛЛУРГИЧЕСКИЕ ПРОВИНЦИИ И ПЕРИОДИЗАЦИЯ ЭПОХИ РАННЕГО МЕТАЛЛА НА ТЕРРИТОРИИ СССР [1]

За последние 20 лет резко возрос интерес к истории древнейшей металлургии на территории СССР. Внимание к этим проблемам в первую очередь стимулировалось широким применением методов спектрального и металлографического анализов в ряде специализированных археологических лабораторий [2]. Это позволило гораздо полнее и глубже понять основные процессы, связанные с историей древнейшей металлургии меди и бронз на обширных пространствах Восточной Европы, Северной и Центральной Азии, наметить основные этапы ее развития. Вместе с тем очевидно, что исследования ранней металлургии в ряде областей (особенно азиатских) в настоящий момент еще недостаточны для воссоздания ее детальной картины, и это отразилось, естественно, на положениях предлагаемой статьи. В этом достаточно кратком (имея в виду колоссальный материал, огромный территориальный и хронологический охват) синтезе предшествующих исследований автор стремился сосредоточить внимание только на самых общих проблемах развития металлургии и периодизации эпохи раннего металла в упомянутых районах Евразии. Определенность ряда формулировок и положений зачастую объясняется тезисным характером статьи, нежели полной ясностью вопроса. При этом, естественно, я не мог прибегать к развернутым доказательствам и дискуссиям и ориентировался на решения, казавшиеся мне наиболее приемлемыми. За рамками работы осталось и обсуждение причин формирования громадных металлургических провинций и их распада; эта проблема, несомненно, требует особого внимания.

Производство, определявшее развитие древнейшей металлургии на территории СССР, концентрировалось в семи важнейших горно-металлургических областях. Шесть из них полностью или по преимуществу располагались в пределах современных границ СССР: Кавказ, Урал, Казахстан, Средняя Азия (Памиро—Тянь-Шань), Саяно-Алтай и Забайкалье (рис. 1). Последняя — Балкано-Карпатская — лишь примыкала к юго-западным границам страны. Гораздо менее существенной, хотя и явной, была роль малоазийских и иранских горнорудных центров. Значение каждой из областей на том или ином историческом этапе было неоднозначным.

---

[1] Настоящая статья является вариантом доклада на IX конгрессе до- и протоисториков в Ницце в 1976 г. См.: *Černych E. N.* Metallurgische Bereiche des 4.—2. Jahrt. vor. Chr. in der UdSSR.— UISPP — IX Congrès. Colloque XXIII. Les debuts de la métallurgie. Nice, 1976, s. 177—208 (Prétirage); *его же.* Metallurgische Bereiche der jüngeren und späten Bronzezeit in der UdSSR.— JIVUF, 1976, S. 130—149.

[2] В лаборатории спектрального анализа ИА АН СССР в 1977 г. количество проанализированных медных и бронзовых предметов с территории СССР и ряда других стран достигло 24 тыс. Образцов медных руд и шлаков из горно-металлургических областей и центров Урала, Кавказа, Казахстана, Саяно-Алтая, Балкан и др. собрано приблизительно 5 тыс., большинство из них исследовано спектрально.

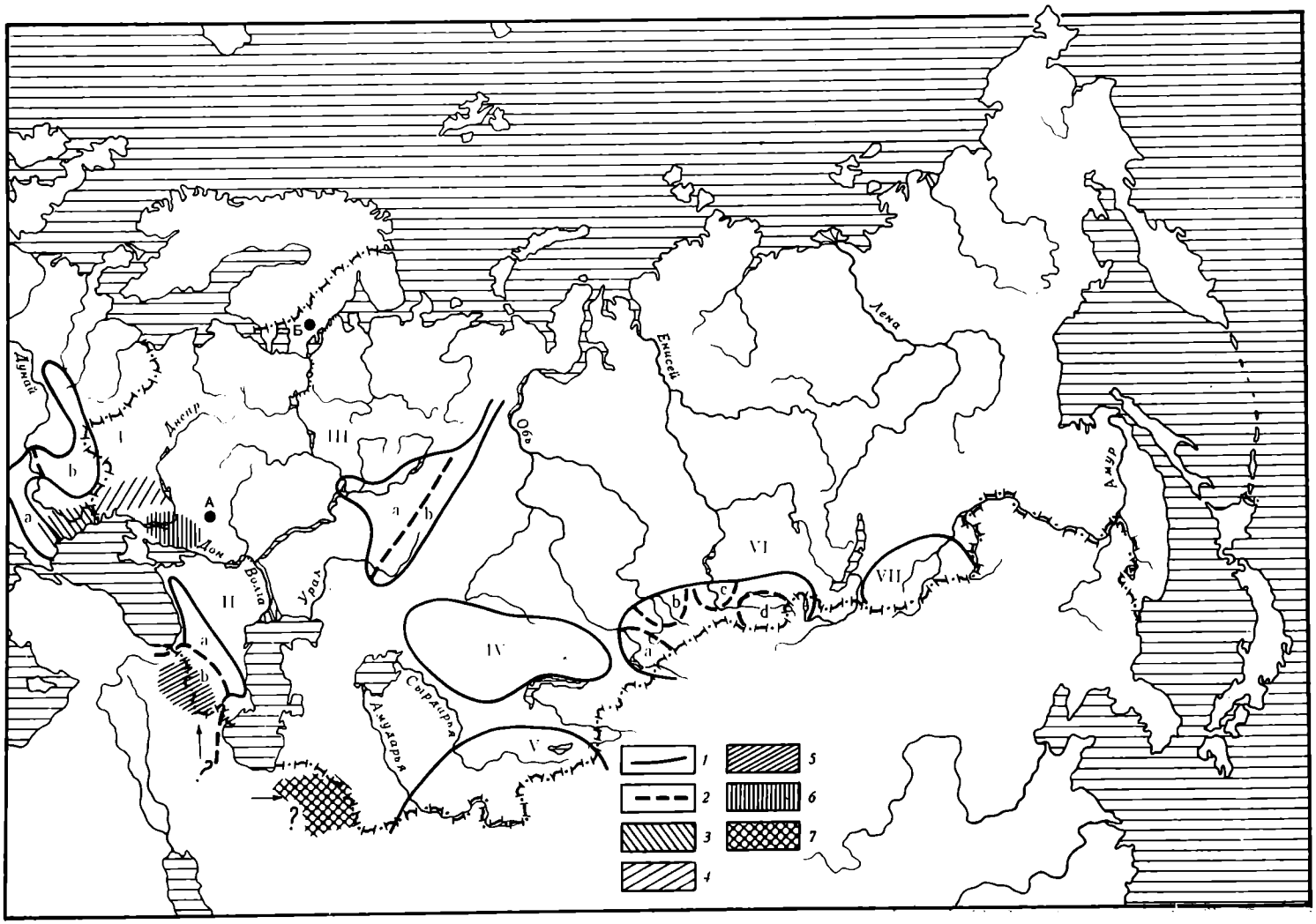


Рис. 1. Основные горно-металлургические области, центры и отдельные группы древних медных рудников на территории СССР и в ряде смежных районов. Культуры и очаги первичного распространения медных орудий на территории СССР. *1* — границы горно-металлургических областей; *2* — границы горно-металлургических центров, *3* — очаг Караново VI — Гумельница, *4* — трипольский очаг, *5* — культура типа Кюль-тепе I — Техут, *6* — среднестоговская культура, *7* — анауская культура. Горно-металлургические области и центры: I — Балкано-Карпатье (*a* — Балканы, *b* — Карпаты), II — Кавказ (*a* — Северный, *b* — Южный), III — Урал (*a* — медистые песчаники Приуралья и Поволжья, *b* — коренные месторождения Урала), IV — Казахстан, V — Памиро-Тянь-Шань, VI — Саяно-Алтай (*a* — Рудный Алтай, *b* — Горная Шория, *c* — Минусинская котловина, *d* — Тува), VII — Забайкалье. Отдельные группы древних медных рудников: *А* — медистые песчаники Донецкого бассейна, *Б* — месторождения самородной меди в Карелии (северное Прионежье)

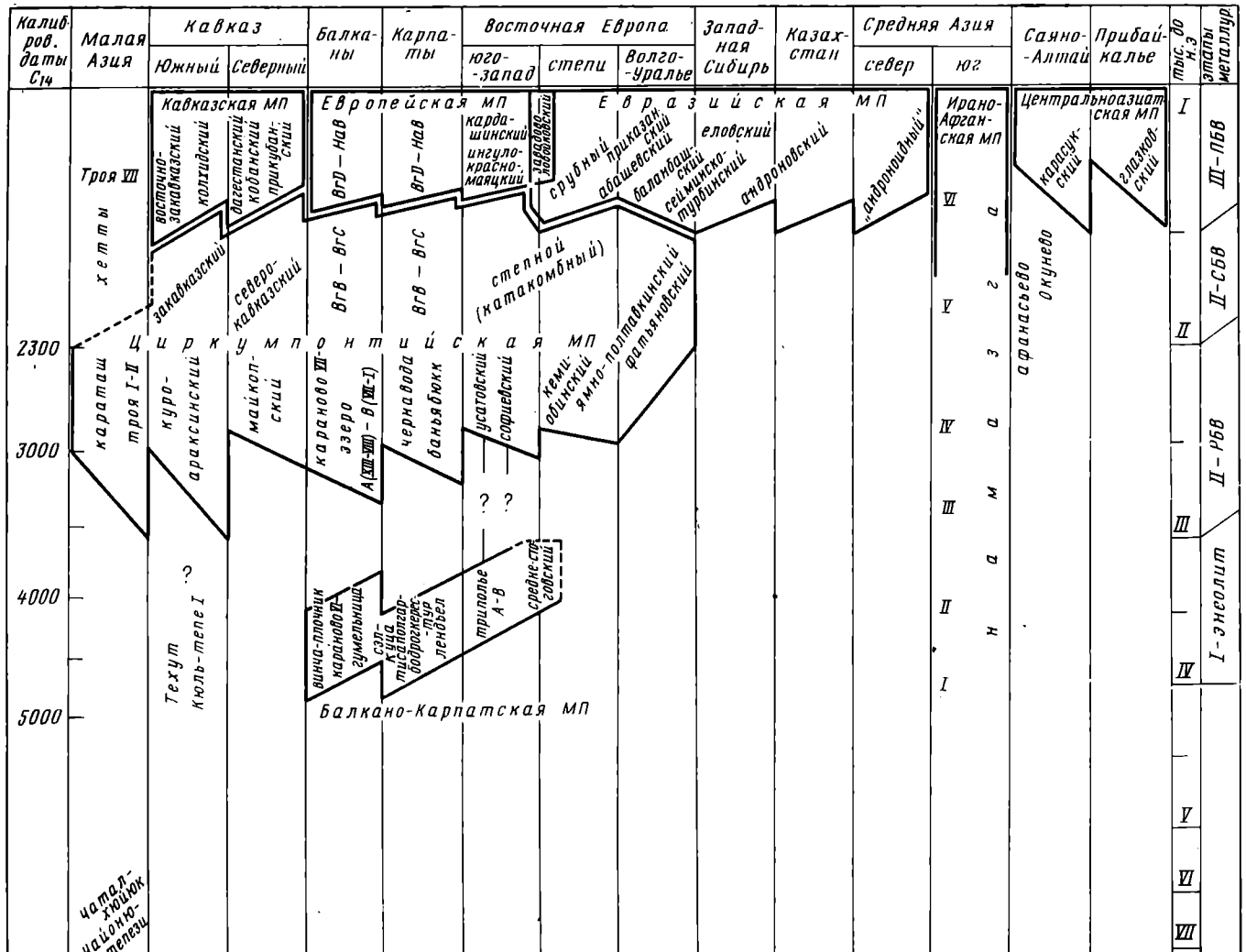


Рис. 2. Хронолого-географическая схема металлургических провинций (обведены жирной линией) и входящих в них основных очагов, а также отдельных культур и памятников (РБВ — ранний бронзовый век, СБВ — средний бронзовый век, ПБВ — поздний бронзовый век). Хронологическая колонка справа построена в основном на некалиброванных радиоуглеродных датах

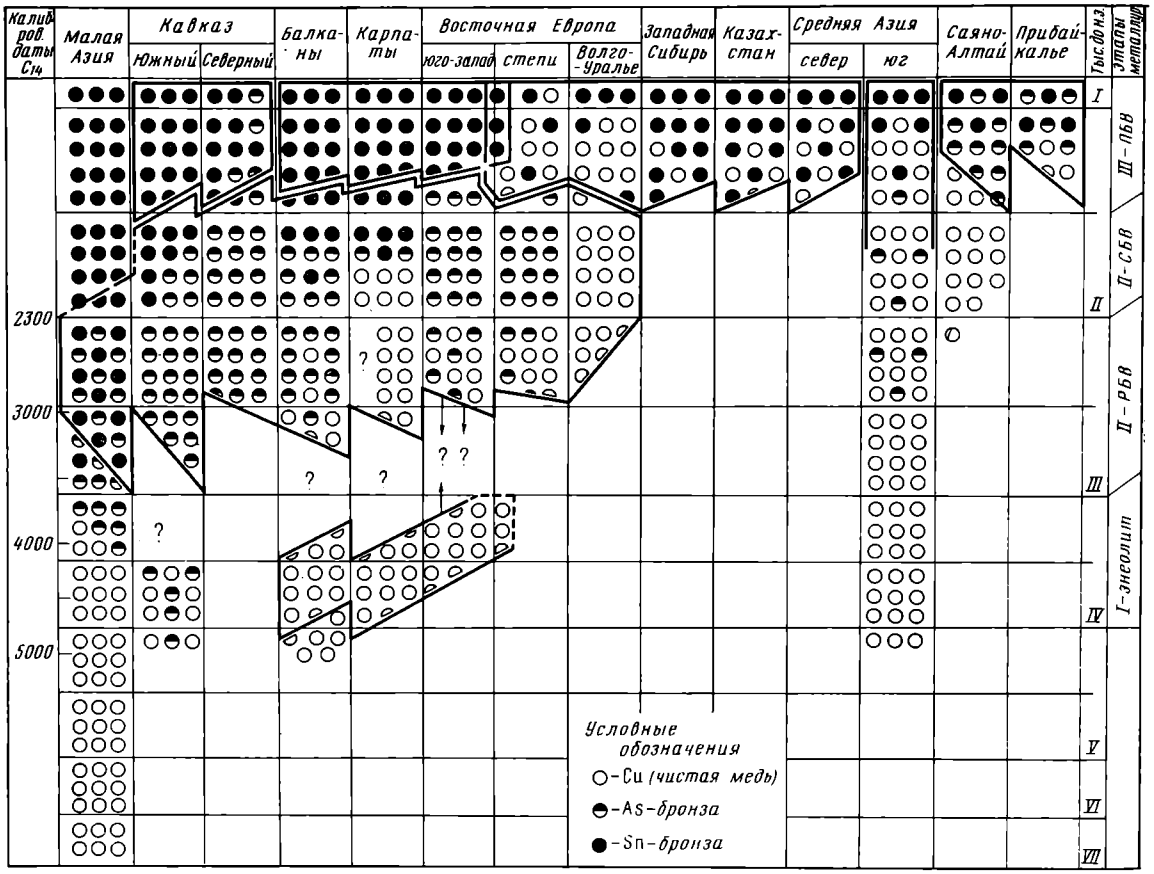


Рис. 3. Хронолого-географическая схема распространения основных типов медных сплавов в пределах металлургических провинций, очагов и отдельных культур (обозначения последних см. на рис. 2)

В настоящее время можно наметить три крупных этапа развития древнейшей металлургии. Этапы характеризуют скачкообразные качественные изменения в ведущих типах медного и бронзового инвентаря, технологии металлообработки, употреблении видов медных сплавов, распространении металла и металлургии по новым территориям, а также распаде и образовании металлургических провинций. Упомянутые изменения носили зачастую всеобщий характер и касались населения, обитавшего на обширнейших территориях, охватывавших миллионы квадратных километров. Именно поэтому кажется целесообразным положить эти явления в основу общей периодизации эпохи раннего металла с V по начало I тысячелетия до н. э. на территории СССР.

Основными историко-металлургическими подразделениями в настоящей статье являются очаги металлургии и металлообработки, а также системы родственных и тесно связанных между собой очагов, носящие название металлургических провинций. Эти понятия уже обсуждались автором в ряде его работ; в настоящем исследовании употребляются понятия, предложенные в работе 1976 г.[3]

Первый этап — энеолит. Характеризуется появлением у культур южного пограничья нашей страны металлических изделий и началом собственного металлургического или же металлообрабатывающего производства. Это событие произошло в трех изолированных друг от друга областях (рис. 1) раннеземледельческих культур: Южная Туркмения, Закавказье

[3] *Черных Е. Н.* Древняя металлообработка на Юго-Западе СССР. М., 1976, с. 166—168.

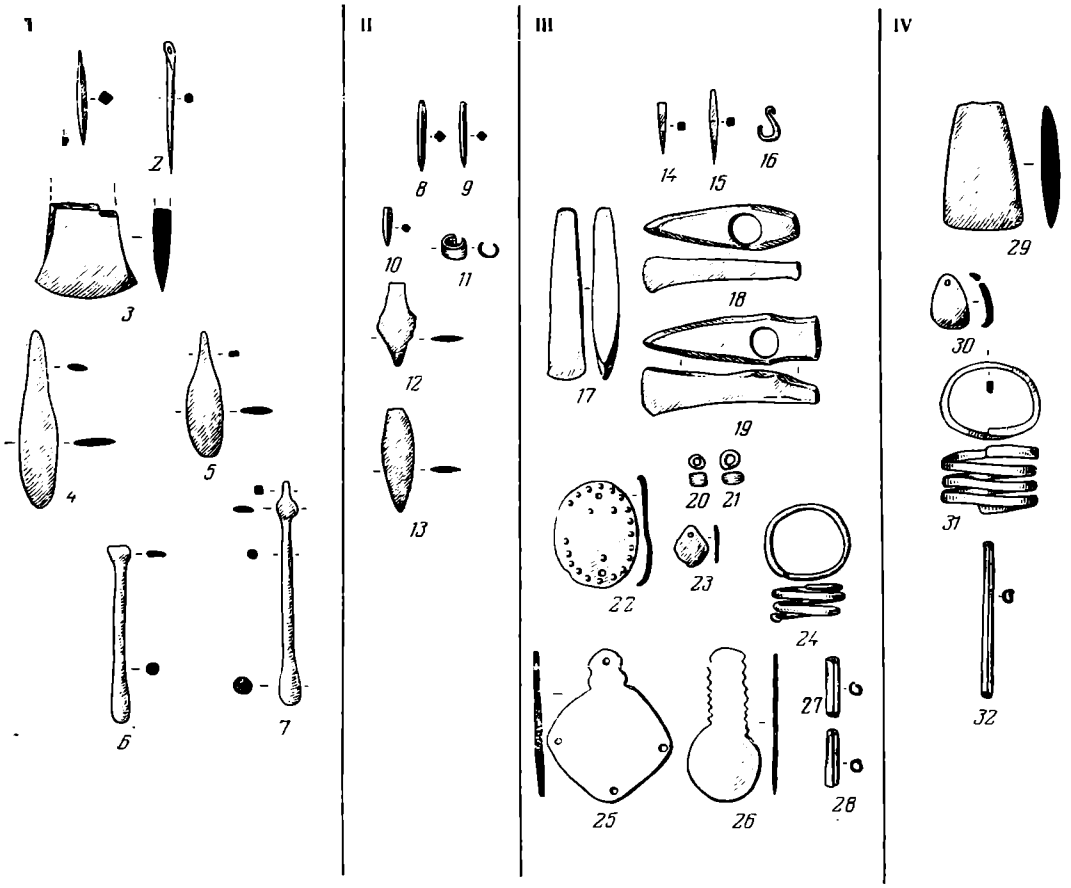


Рис. 4. I этап — энеолит. Характерные типы изделий: I — анауская культура (время Намазга I—II), II — культура типа Кюль-тепе I — Техут в Закавказье, III — трипольский очаг металлообработки, IV — среднестоговская культура. Приблизительный масштаб $^1/_3$—$^1/_5$ натур. вел.

и Юго-Запад СССР (Молдавия и Западная Украина). Хронологически рамки первого этапа ограничиваются преимущественно IV тысячелетием до н. э. (рис. 2, 3). При учете дендрохронологической поправки к радиокарбоновым определениям первый этап будет датироваться V — первой половиной IV тысячелетия до н. э.

Культура анау — одна из наиболее ранних металлоносных общностей на территории СССР [4]. Древнейшие из металлических находок времени Анау Ia и Намазга I сравнительно подробно изучены спектрально, типологически и металлографически [5]. Они имеют параллели в основном среди иранских памятников типа Сиалк II—III или Гиссар I. Ориентируясь на более раннее появление металлических вещей в этих культурах и развитую горно-металлургическую базу Иранского плато, исследователи обычно делают вывод, что иранские и пока что не вполне определенные металлургические очаги сыграли основную роль в знакомстве населения юга Средней Азии с металлом и металлообработкой.

Набор типов вещей невелик (рис. 4, I). Преобладают шилья, стержни, булавки, булавки-лопаточки. Однако встречаются ножи и плоские

[4] *Массон В. М.* Средняя Азия и Древний Восток. М.—Л., 1964, с. 126—132; *Кузьмина Е. Е.* Металлические изделия энеолита и бронзового века в Средней Азии.— САИ, вып. В4—4, М., 1966, с. 86, 87.

[5] *Черных Е. Н.* Некоторые результаты изучения металла анауской культуры.— КСИА АН СССР, № 91, 1962; *Кузьмина Е. Е.* Ук. соч., с. 86, 87; *Терехова Н. Н.* Металлообрабатывающее производство у древнейших земледельцев Туркмении.— В сб.: Очерки технологии древнейших производств. М., 1975, с. 16 сл.

тесла. Анауские мастера на ранних этапах своего развития (Намазга I и II) употребляли изделия из металлургически чистой меди (рис. 3). Находят также свинец, серебро и золото. Предварительно и крайне осторожно можно предполагать, что ко времени Намазга III не исключено появление редких искусственных (?) As-бронз. Уже в период Намазга I известны такие приемы металлообработки, как разупрочняющий отжиг после холодной ковки и литье в открытые литейные формы.

Вероятно, также в конце V тысячелетия появляются первые немногочисленные металлические изделия в Закавказье (рис. 2). Пока что они известны лишь в двух поселениях долины Аракса — Кюль-тепе I и Техут [6]. Культура этих поселков ставится в один хронологический ряд с поздними этапами халафской культуры Северной Месопотамии [7] или Джан-Хасан в Анатолии. Здесь найдены шилья, булавки, нож невыразительной формы (рис. 4, II). Медь большинства изделий содержала повышенные количества мышьяка, а в ноже из Техута содержание этой примеси достигало 5%, что делает реальным вывод об употреблении здесь искусственных As-бронз. Связь металлургии (?) Кюль-тепе I и Техута с анатолийской или древнеиранской весьма вероятна.

На Юго-Западе СССР первые серии металлических находок происходят из памятников этапов А и В трипольской культуры [8]. Судя по большой серии радиоуглеродных дат этих памятников, а также связанных с ними поселений энеолитических культур Балкано-Карпатья [9], это событие имело место не позднее первой половины или же середины IV тысячелетия, а в случае дендрохронологической поправки — середины V тысячелетия. Одной из наиболее известных в литературе металлических коллекций является, бесспорно, клад с пос. Карбуна [10]. На территории этой культуры (фазы А и В) выделяется трипольский очаг металлообработки [11], крайний восточный в системе Балкано-Карпатской металлургической провинции (БКМП) эпохи энеолита. Под БКМП понимается металлургическое и металлообрабатывающее производство (рис. 1—3) в очагах раннеземледельческих культур Северных Балкан (Караново VI — Гумельница, Сэлкуца, Винча D и пр.), бассейна Среднего Подунавья и Тисы (Тисаполгар — Бодрогкерестур, Лендьел), Трансильвании и Юго-Запада СССР (Кукутени — Триполье А и В, Петрешти).

Очаги БКМП отличались необычайной мощностью металлургического производства. По всей вероятности, горно-металлургический промысел в очагах этой провинции далеко превосходил тот, что имел место в синхронных и географически смежных центрах Малой и Передней Азии, где металл появился на полтора-два тысячелетия раньше, чем в Европе. Во всех очагах БКМП отливались и отковывались три основных вида тяжелого оружия и орудий труда: крестообразные втульчатые топоры-тесла или же топоры-мотыги, топоры-молотки (рис. 4, *18*, *19*), массивные; иногда уплощенные тесла-долота (рис. 4, *17*). Шилья были повсеместно самым многочисленным видом орудий, хотя, конечно, на изготовление тяжелых орудий шла основная масса выплавляемой здесь меди. Очаги различались между собой не только типами орудий и более редких здесь

---

[6] *Абибуллаев О. А.* Некоторые итоги изучения холма Кюль-тепе в Азербайджане.— СА, 1963, № 3, с. 161, 162; *Селимханов И. Р., Торосян Р. А.* Металлографический анализ древнейших металлов в Закавказье.— СА, 1969, № 3.

[7] *Кушнарева К. Х., Чубинишвили Т. Н.* Древние культуры Южного Кавказа. Л., 1970, с. 49—52.

[8] *Пассек Т. С.* Периодизация трипольских поселений.— МИА, № 10, 1949, с. 31 сл.; *ее же.* Раннеземледельческие (трипольские) племена Поднестровья.— МИА № 84, 1961, с. 100, 137, 139.

[9] *Долуханов П. М., Тимофеев В. И.* Абсолютная хронология неолита Евразии.— В сб.: Проблемы абсолютного датирования в археологии. М., 1972, табл. 5.

[10] *Сергеев Г. П.* Раннетрипольский клад у с. Карбуна.— СА, 1963, № 1.

[11] *Черных Е. Н.* О древнейших очагах металлообработки Юго-Запада СССР.— КСИА АН СССР, № 123, 1970.

украшений, но и соотношением между различными категориями орудий. Во всех очагах БКМП безусловно господствовала «чистая» медь с примесями естественного происхождения (рис. 3). Лишь несколько предметов из селищных могил Болгарии времени Караново VI — Коджадермен было сделано из Sn-бронзы.

Открытия последних лет на территории Болгарии энеолитических Варненского некрополя [12] и гигантского медного рудника Аи-бунар [13] заставили совершенно по-новому оценивать богатство племен культуры Караново VI, характер горного дела, древнейшего на европейском континенте, и систему организации металлургического производства в БКМП. В Варненском некрополе, в основном в его «символических» погребениях, обнаружено более 2000 золотых изделий, общий вес которых превышал 5 *кг*! Отсюда же происходит около 100 медных орудий.

Трипольский очаг металлообработки был теснейшим образом связан с очагом Караново VI — Гумельница. Как показали многие сотни спектральных анализов не только металла, но и рудных минералов с горных выработок и поселений Южной Болгарии, именно отсюда поступала к трипольским кузнецам бо́льшая часть металла. На этом основании можно говорить о юго-восточной зоне БКМП, включавшей в себя очаги Караново VI — Гумельница и Триполье А и В.

В подавляющем большинстве экспорт, видимо, вели не готовыми изделиями, но медью (в слитках?). Об этом говорит типологическое своеобразие многих трипольских металлических орудий и особенно украшений (рис. 4, III). Металлографические исследования, проведенные Н. В. Рындиной [14], показали, что трипольская металлообработка в сравнении с гумельницкой характеризовалась отчетливым архаизмом, в то время как гумельницкие мастера в совершенстве владели многими приемами литья, включая употребление сложных закрытых форм.

В свою очередь трипольские мастера влияли на развитие металлообработки у степных соседей среднестоговской (днепро-донецкой) культуры. Немногочисленная медь, обнаруженная в этих памятниках, практически во всех случаях идентична раннетрипольской как по своему химическому составу, так и по типам некоторых украшений [15] (рис. 4, IV). Вопрос о возможности выделения здесь очага металлообработки пока что не вполне ясен.

Второй этап, первая фаза — ранний бронзовый век. Датируется от первой половины III приблизительно до середины II тысячелетия до н. э. (рис. 2, 3); при использовании калиброванных и, видимо, более соответствующих действительности радиоуглеродных дат нижняя граница этапа должна опуститься примерно до 3500—3400 гг. до н. э. С началом бронзового века на обширных пространствах Евразии произошли резкие культурные перемены и передвижения огромных этнических групп. Практически исчезла зона культур расписной керамики, а вместе с ней полностью разрушилась БКМП. Кардинально изменился характер металлургического и металлообрабатывающего производств. Основным событием этапа стало возникновение Циркумпонтийской металлургической провинции (ЦМП), охватившей огромные области (рис. 2, 5, 7), преимущественно вокруг Черного моря [16]: Балкано-Карпатье, юг Восточной Евро-

---

[12] *Иванов И.* «Золотой» некрополь Варны.— Природа, 1976, № 2.

[13] *Черных Е. Н.* Аибунарский медный рудник IV тысячелетия до н. э. на Балканах.— СА, 1975, № 4.

[14] *Рындина Н. В.* Древнейшее металлообрабатывающее производство Восточной Европы. М., 1971.

[15] *Телегін Д. Я.* Середньостогівська культура епохи міді. Київ, 1973, с. 77—80.

[16] *Chernykh E. N.* Early Stages of Metallurgy in Circumpontic Zone.— VIII Congrès UISPP (Belgrade 1971). Les rapports et les communications de la délégation des archéologues de l'USSR. Moscou, 1971, p. 7—10; *Черных Е. Н.* Об европейской зоне Циркумпонтийской металлургической провинции.— ААС, 1977, XVII.

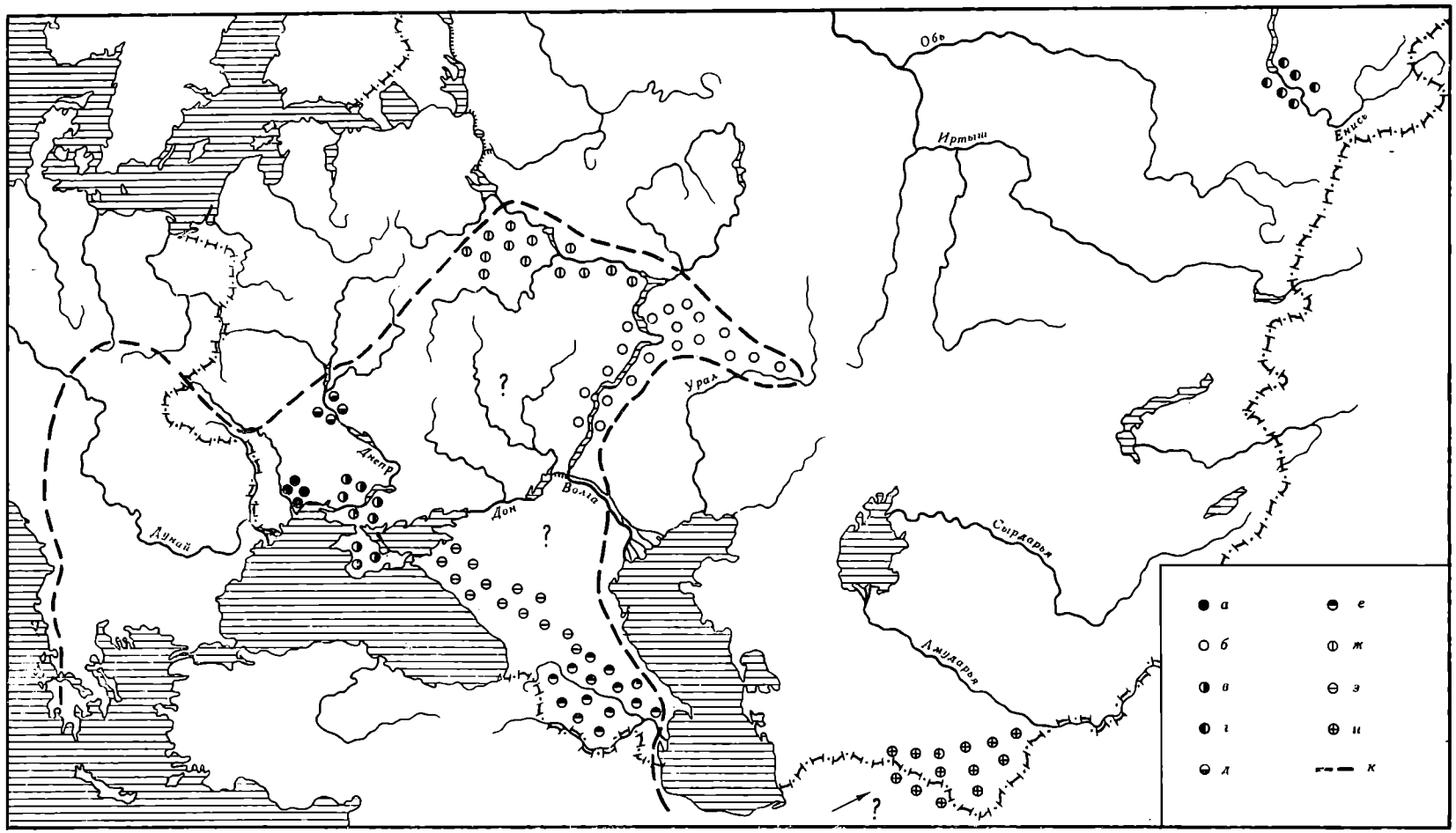


Рис. 5. II этап, ранняя фаза — ранний бронзовый век. Распространение металла: *а* — усатовский очаг, *б* — ямно-полтавкинский очаг, *в* — кеми-обинский очаг, *г* — культура типа Афанасьево, *д* — софиевский очаг, *е* — куро-араксинский очаг, *ж* — фатьяновский очаг, *з* — майкопский очаг, *и* — культура типа Намазга III—IV, *к* — границы Циркумпонтийской металлургической провинции

ны вплоть до Приуралья, Кавказ, а также, вероятно, Анатолию, Эгею и Западный Иран (рис. 5). Южная граница ЦМП представляется пока не вполне определенной. Производство концентрировалось в ряде неравнозначных по мощности очагов, из которых для территории СССР наибольшую роль играли расположенные на Кавказе и в Балкано-Карпатье.

В истории ЦМП можно выделить две основные фазы. Первая датируется преимущественно второй половиной IV—III тысячелетием (в случае использования калиброванных дат), причем производство достигло максимума лишь в конце фазы — в III тысячелетии. Ранний период в целом характеризовался наибольшим структурным сходством между всеми очагами провинции. С этой фазой можно связывать ранний бронзовый век, тогда как с поздней фазой ассоциируется средний бронзовый век. В позднем периоде наряду с территориальным расширением ЦМП начинается заметный структурный распад провинции, полностью завершившийся к середине II тысячелетия.

Единство типологического стереотипа в производстве большинства очагов ЦМП очевидно из пяти практически обязательных видов орудий и оружия: 1 — топоры втульчатые (рис. 6, *4—6, 20—22* и др.) — самый важный вид изделий, только в европейской зоне ЦМП их известно не менее 900; 2 — ножи и кинжалы черенковые (рис. 6, *10, 11, 24, 25, 32* и др.); 3 — долота округлые или четырехгранные в сечении, с упором-утолщением близ пятки (рис. 6, *3, 18, 19, 30* и др.), эта деталь на долотах и шильях была весьма распространена на территории ЦМП в течение чрезвычайно длительного времени; 4 — шилья с утолщением-упором, как и у долот (рис. 6, *1, 2, 15—17* и др.); 5 — тесла (рис. 6, *12, 27* и др.) плоские (сравнительно, например, с очень массивными энеолитическими орудиями БКМП). В южной — анатолийско-закавказской — зоне ЦМП чрезвычайно часто встречались четырехгранные «штыки» с характернейшим упором на черенке, близкие по форме шильям, но как бы многократно увеличенные, а также листовидные копья с аналогичным упором (рис. 6, *8, 23*).

Эти виды орудий и оружия варьировали, естественно, во-первых, с точки зрения строгой типологической классификации, во-вторых, по количественному соотношению между каждым из видов в том или ином очаге. Не представляет большого труда отличить, например, балкано-эгейские долота с прямым лезвием (рис. 6, *44*) от желобчатых, распространенных на Кавказе и отчасти в степях (рис. 6, *3, 30*). Различаются и древнейшие втульчатые топоры, если принимать во внимание тонкие детали формы и пользоваться параметрическим анализом. В ряде очагов отсутствовали некоторые из указанных видов. В кавказских очагах ЦМП отливали и ковали многочисленные украшения (рис. 6, *13, 14*), практически неизвестные в очагах Балкано-Карпатья.

Технология отливки топоров на первой фазе выглядит чрезвычайно сходной: двустворчатые литейные формы, полностью открытые с «брюшка» орудия (рис. 6, *7*). Такие формы встречаются во многих очагах ЦМП от Закавказья до Верхней Волги и Балкан. В это же время начинается широкое употребление As-бронз — наиболее характерного сплава ЦМП. Причем на ранней фазе наблюдаются две четкие зоны в распространении сплавов: 1 — южная — основная — Кавказ, Малая Азия, Эгея, северо-восток Балкан, где огромное большинство орудий отливалось и отковывалось из As-бронз; 2 — северная — периферийная — северо-запад Балкан, Карпаты, степи Восточной Европы, Поволжье и Южный Урал, где орудия отливались преимущественно или же исключительно из «чистой» меди (рис. 3).

На ранней фазе ЦМП важнейшую роль для развития металлургии на Европейской части СССР играли два кавказских очага: 1 — кура-араксинский металлургический, локализованный преимущественно в восточном и центральном Закавказье; 2 — майкопский металлообрабатывающий,

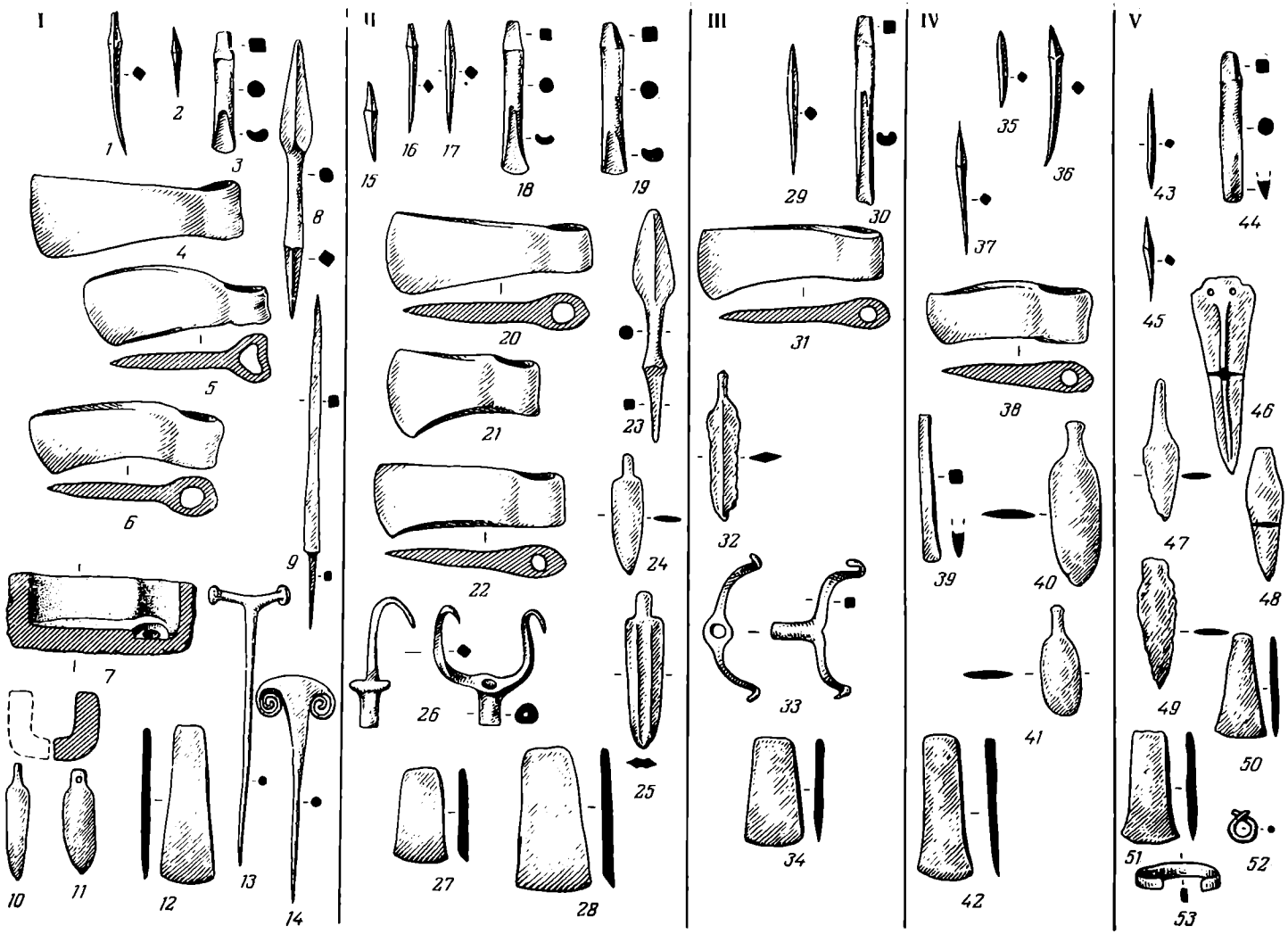


Рис. 6. II этап, ранняя фаза. Характерные типы изделий в очагах ЦМП: I — куро-араксинский, II — майкопский, III — кеми-обинский, IV — ямно - полтавкинский, V — усатовский (*44—46, 49, 50*) и софиевский (*43, 47, 48, 51—53*). Приблизительный масштаб $^1/_4$—$^1/_5$ натур. вел.

охватывающий на Северном Кавказе области Прикубанья и верховья Терека [17]. Первый из них базировался, видимо, на богатых медных месторождениях Малого Кавказа, но пока что ни одного древнего рудника с остатками разработок куро-араксинской культуры не разведано. Медные шлаки [18] на ряде поселений указывают, однако, на реальность такого предположения. В этом же районе находились и богатые источники мышьяка типа месторождения Дари-даг близ р. Аракс. Литейные формы топоров (рис. 6, 7) и других изделий, найденные на некоторых поселениях (Шенгавит, Гарни, Кюль-тепе II и др.) [19], говорят о широком производстве этих орудий. Деятельность куро-араксинских мастеров протекала в тесном контакте с восточноанатолийским очагом (или же очагами?), еще не определенным с достаточной долей надежности. Химические группы меди и рецепты As-бронз в обоих очагах характеризуются большой близостью, если судить по анализам анатолийского и закавказского металла [20]. Правда, в Анатолии в конце IV—III тысячелетии начинают широко употребляться As-Sn-бронзы, известные тогда в Закавказье очень редко (рис. 3).

По всей вероятности, от куро-араксинского в немалой степени зависела деятельность майкопского очага. Последний следует относить к металлообрабатывающим, поскольку поиски на Северном Кавказе медных рудников этого времени к успеху пока не привели. Нет никаких данных и о выплавке металла на майкопских поселениях, и, наконец, значительная часть мышьяковых бронз совпадает по химическому составу с куро-араксинскими. As-бронзы с высоким содержанием никеля (до 3—4%) могут, видимо, указывать на тесные связи майкопской культуры с Западным Ираном (?), поскольку ни в Анатолии, ни в Закавказье нет значительного количества аналогичных по составу сплавов [21]. Типологическая обособленность некоторых видов майкопского металлического инвентаря от куро-араксинского [22] заметна прежде всего на втульчатых двурогих вилках (рис. 6, *26*), ножах с двумя или тремя продольными ребрами (рис. 6, *25*), больших клепаных котлах. Прочий набор обязательных видов орудий ЦМП представлен здесь в большом количестве (рис. 6, II). Кавказская металлургия, как было установлено раньше [23], играла выдающуюся роль при возникновении и становлении металлургии и металлообработки в Восточной Европе. Под ее воздействием в степной полосе возникают очаги, впитавшие в себя основные черты производства ЦМП. Из них прежде всего следует упомянуть кеми-обинский и ямно-полтавкинский (рис. 5).

Кеми-обинский очаг металлообработки в III тысячелетии локализовался в степном Крыму, на Ингульце, и, видимо, в Нижнем Поднепровье. Его продукция ближе всего стоит к майкопским образцам (рис. 6, III). Однако значительное количество орудий, сделанных из «чистой» меди некавказского происхождения, но копирующих кавказские типы, говорит о местном и достаточно развитом производстве. Открыто и погребение литейщиков в Крыму [24], содержавшее литейные формы топоров. На Ниж-

---

[17] *Мунчаев Р. М.* Кавказ на заре бронзового века. М., 1975, с. 390—408.

[18] *Махмудов Ф. А., Мунчаев Р. М., Нариманов И. Г.* О древнейшей металлургии Кавказа.— СА, 1968, № 4.

[19] *Кушнарева К. Х., Чубинишвили Т. Н.* Ук. соч., с. 112—124; *Мартиросян А. А.* Армения в эпоху бронзы и раннего железа. Ереван, 1964, с. 25—30.

[20] *Esin U.* Kuantatif spektral analiz yardimiyla Anadoluda başlangicindan Asur kolonileri çagina Kadar bakir ve tunç madenciligi. Istanbul, 1969, s. 121—146; *Геворкян А. Ц.* Древнейшая металлургия и горное дело Армении. Автореф. канд. дис. М., 1972, с. 12—14.

[21] *Черных Е. Н.* История древнейшей металлургии Восточной Европы. М., 1966, с. 44—46.

[22] *Мунчаев Р. М.* Ук. соч., рис. 49, 54, 56, 60, 61, 68.

[23] *Черных Е. Н.* История..., с. 85—87.

[24] *Щепинский А. А.* Энеолит Крыма. Автореф. канд. дис. Киев, 1975, с. 15.

нем Днепре в 1974 г. у с. В. Маевка было раскопано аналогичное погребение трех кузнецов, хотя его культурная атрибутация не вполне определенна [25]. As-бронзы кеми-обинские литейщики получали с Кавказа, судя по спектральным анализам довольно многочисленного теперь металла. Источники же «чистой» меди пока неясны (это могли быть и медистые песчаники Донбасса).

Другой очаг локализовался на Южном Урале, в Среднем и Нижнем Поволжье и был связан с племенами ямной или ямно-полтавкинской культуры [26]. Он базировался на медистых песчаниках Южного Приуралья, как об этом ясно говорят спектральные анализы его химически чистой меди и куски медной песчаниковой руды, найденные в одном из погребений. Влияние Кавказа здесь только импульсивное, сказавшееся лишь на типах орудий (рис. 6, IV). Импорты кавказской As-бронзы в этом районе проявляются очень редко. Набор типов обедненный: отсутствует форма долота с упором. Дата очага достаточно приближенно определяется второй — третьей четвертями III тысячелетия.

Таким образом, на современном уровне исследования можно утверждать, что импорт готовых орудий из кавказских очагов на север велся эпизодически. Гораздо чаще мы сталкиваемся с подражаниями кавказским прототипам, выполненными как из привозной As-бронзы, так и из местной (по крайней мере для Волго-Уралья) чистой меди. Механизм влияний с Кавказа представляется в настоящее время как распространение связанных с кавказскими очагами профессиональных металлургов и горняков в среде степных скотоводов.

В Балкано-Карпатье локализовались другие металлургические очаги ЦМП, может быть не уступавшие кавказским по количеству выплавляемой меди, но где типологический состав орудий и особенно украшений был явно обедненным. Они также играли заметную роль в развитии восточноевропейской металлургии на первой фазе ЦМП. Плавный ход развития раннеземледельческих культур здесь резко нарушается. В Болгарии культура типа Караново VI — Гумельница сменяется не имеющими ничего общего с последней памятниками Караново VII — Эзеро. В низовьях Дуная известны поселения близких ей культур Чернавода I—III, связанных также с могильниками и поселениями типа Усатова. Традиции предшествующей БКМП фактически полностью утрачиваются. Типы орудий ЦМП в Балкано-Карпатье имеют очень мало общего с древнейшими. Вместе с тем наблюдается парадоксальное явление: общая мощность металлургического и металлообрабатывающего производств резко падает [27]. Орудий и оружия в балкано-карпатских очагах ЦМП производится теперь в десятки раз меньше, чем в энеолитический период БКМП.

В степной зоне в это время обращает на себя внимание усатовский очаг металлообработки. Он сопоставляется с одноименной культурой, в которой ряд исследователей [28] вслед за Т. С. Пассек видели лишь позднюю фазу трипольской культуры. Очаг занимал район северо-западного Причерноморья (рис. 5) и был, безусловно, связан с металлообработкой типа Эзеро в Болгарии (по однородным химическим группам меди) и раннеэгейской — по наличию здесь довольно характерных кинжалов (рис. 6, *46*), подражавших южным образцам или даже привезенных сюда из эгейского бассейна [29]. До настоящего времени в памятниках усатовского оча-

---

[25] Раскопки И. Ф. Ковалевой.

[26] *Черных Е. Н.* Древнейшая металлургия Урала и Поволжья. М., 1970, с. 106.

[27] *Черных Е. Н.* Об основных этапах древнейшей металлургии меди на территории Болгарии.— Tracia, III. Serdicae, 1974, с. 384—389. рис. 4; *его же.* На пороге несостоявшейся цивилизации.— Природа, 1976, № 2, с. 66—69.

[28] *Збенович В. Г.* Позднетрипольские племена Северного Причерноморья. Киев, 1974.

[29] Там же, с. 69—78.

га не найдено втульчатых топоров. Преобладание здесь As-бронз подтверждает тесные контакты с очагами северо-востока Балкан и Эгеи. Металлообработка усатовского типа не несет особенно заметных следов воздействия предшествующих трипольских традиций (рис. 6, V).

Видимо с карпатскими, до сих пор не вполне определенными, центрами связывается маломощный софиевский очаг (рис. 5; 6, V) в Среднем Поднепровье. Он связан с одноименными памятниками, включавшими некоторые трипольские элементы. На его продукции заметно также влияние восточных и юго-восточных очагов по наличию здесь черенковых ножей из кавказских As-бронз (рис. 6, *47*).

Спектральные анализы и параметрическое изучение восточноевропейских втульчатых топоров первой фазы ЦМП привело к открытию далеко на востоке подражаний трансильванским топорам типа Баньябюкк. Их весьма немногочисленная, но длинная цепочка протянулась до Среднего Поволжья [30].

Видимо, с северокарпатским производством по преимуществу генетически связан и фатьяновско-балановский очаг [31], охватывавший Верхнее и отчасти Среднее Поволжье (рис. 5). Его деятельность приходится на конец первой и вторую фазу ЦМП (рис. 2). Северное периферийное положение очага, видимо, и определило заметное типологическое своеобразие металлического инвентаря (рис. 8, I); а также застойность технологии. Как и в Карпатском бассейне, орудия и украшения здесь отливались только из чистой меди (рис. 3). Металл, однако, выплавлялся из местных медистых песчаников. Известно несколько погребений литейщиков [32] с тиглями и литейными формами топоров (рис. 8, *3*). Архаичные приемы литья продолжали употребляться здесь и на второй фазе.

Итак, в системе очагов ЦМП на территории Восточной Европы ощущалось явное влияние двух мощных горно-металлургических областей — Кавказа и Балкано-Карпатья. Кавказское влияние шло по двум направлениям: наиболее заметный поток наблюдался вдоль побережий Азовского и Черного морей, через Крым в северопричерноморские степи; второй — менее ощутимый — по Волге вплоть до Южного Урала. Балканоэгейские влияния доходили до северо-западного Причерноморья, на Верхнюю и даже Среднюю Волгу. Так на первой фазе в пределах ЦМП рисуется мне система перекрестных и разветвленных металлургических связей, охвативших тысячекилометровые пространства.

Второй этап, вторая фаза — средний бронзовый век. Поздняя фаза этапа характеризовалась начавшимся распадом ЦМП наряду с расширением ее в южном направлении (рис. 7). Почти повсеместно в этот период наблюдаются изменения в технологии отливки самого важного из орудий провинции — втульчатого топора. Происходит замена открытых двустворчатых литейных форм закрытыми также двустворчатыми с заливкой металла в полость через специальный литник. В кавказских и восточноевропейских очагах литник совмещался со «спинкой» топора (рис. 8 *48*), в балкано-карпатских — с нижней частью втулки или обуха топора. Другим важнейшим событием второй фазы является достаточно широкое распространение в очагах северной зоны орудий из искусственных Sn-бронз на Карпатах и господство As-бронз в степях. Сейчас довольно трудно сказать, какое время потребовалось на завершение упомяну-

---

[30] *Кореневский С. Н.* Металлические орудия труда и оружие эпохи бронзы Восточной Европы. Автореф, канд. дис. М., 1975, с. 6.

[31] *Бадер О. Н.* Фатьяновский металл и его среднеевропейские связи.— In: Sbornik narodniho muzea w Praze, v. XX, № 1/2; *его же.* Бассейн Оки в эпоху бронзы. М., 1970, с. 46, 47; *Крайнов Д. А.* Древнейшая история Волго-Окского междуречья. М., 1972, с. 156—169; *Черных Е. Н.* История..., с. 73—77; *его же.* Древнейшая металлургия..., с. 107.

[32] *Каховский В. Ф.* Чурачикский курган в Чувашии.— СА, 1963, № 3, с. 174—177; *Крайнов Д. А.* Ук. соч., с. 165.

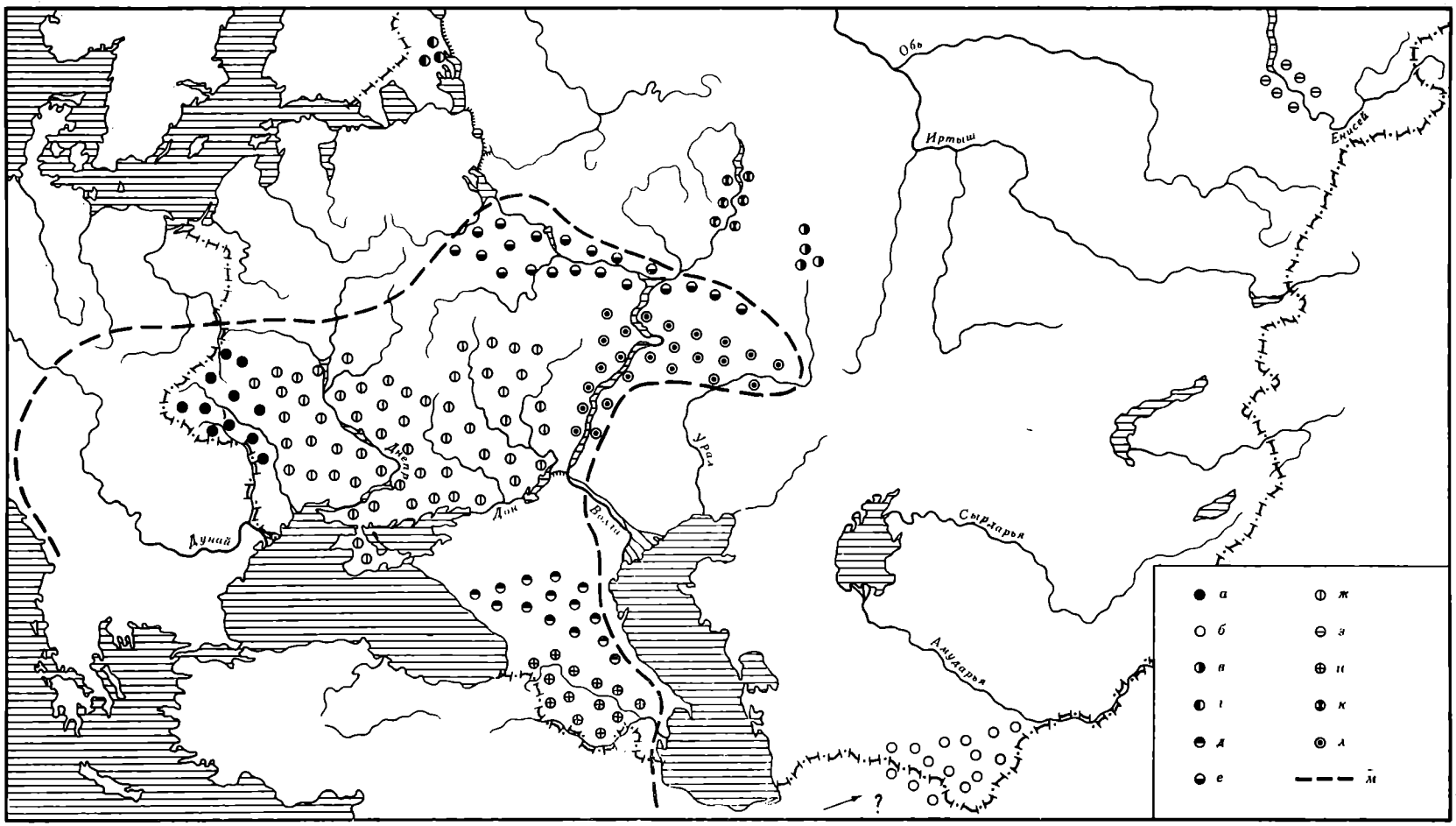


Рис. 7. II этап, поздняя фаза — средний бронзовый век. Распространение металла: *а* — карпатский очаг, *б* — культура типа Намавга V, *в* — культура типа Кысы-Куль или Суртанды, *г* — энеолитические памятники Карелии, *д* — северокавказский очаг, *е* — фатьяново-балановский очаг, *ж* — степной (катакомбный) очаг, *з* — культура типа Окунево, *и* — закавказский очаг, *к* — гаринско-борская культура (очаг), *л* — ямно-полтавкинский (полтавкинский) очаг, *м* — границы Циркумпонтийской металлургической провинции

тых процессов. Видимо, отправным моментом для датировки нижней границы этой фазы является сравнительно широкое распространение топоров, отлитых в полностью закрытых двустворчатых формах, в Центральной и Южной Анатолии, Западном Иране и особенно в Месопотамии. Их находки датируются там фактически не ранее 2300—2100 гг. до н. э.[33] Особенно интересно, что более ранних литейных форм втульчатых топоров, открытых с «брюшка», равно как и самих орудий, отлитых в формах этой конструкции, в названных областях фактически неизвестно. Последняя дата хорошо согласуется с «калиброванными» радиоуглеродными определениями синхронных памятников (рис. 2).

В Северном Причерноморье, а также в донских и приазовских степях сформировался на базе предшествующих довольно мощный очаг (рис. 7). Его продукция (рис. 8. II), в целом повторявшая и развивавшая стереотип производства первой фазы, связывается преимущественно с населением катакомбной культуры и ее позднего деривата — культуры многоваликовой керамики. В огромном большинстве использовались привозные кавказские As-бронзы[34]. Интересно, что вместе с усилением зависимости степных мастеров от кавказского источника бронз возрастает самостоятельность этих литейщиков при модификации типов топоров (рис. 8, *10, 11*). Иногда можно даже указать на случаи вероятных импортов этих орудий или же подражаний им в Прикубанье[35]. На этой фазе бассейн Кубани, бывший в предшествующий период средоточием богатейших курганов майкопской культуры, резко оскудевает металлическими находками. Видимо, тогда здесь проходила западная граница северокавказского металлургического (?) очага, названного по одноименной культуре[36]. Центр очага помещался, безусловно, в бассейне Терека и Кумы (рис. 7), где пышно расцвело производство разнообразных литых украшений из высоколегированной As-бронзы (рис. 8, III).

Гораздо более мощной выглядела на второй фазе металлургия в обширном закавказском очаге (рис. 8, IV), пока что нерасчлененном, но который, вполне вероятно, подразделится в будущем на более мелкие составляющие (рис. 7). Закавказское производство характеризуется находками из курганов Триалети, поздних погребений Сачхере, комплексом из Кировокана и многими другими материалами. Наиболее богаты металлическими находками области Центрального Закавказья[37], тогда как западные причерноморские, с их культурой дольменов, заметно уступали им в этом отношении. Закавказский очаг был, безусловно, тесно связан не только с северокавказским через центральную и восточную часть Кавказского хребта, но и с переднеазиатскими центрами, о чем свидетельствует, например, знаменитая золотая и серебряная торевтика из Триалети и Кировокана[38].

Господство высококачественных As-бронз и в Закавказье и на Северном Кавказе безусловно. Наблюдается довольно строгая зависимость количества мышьяка в сплаве от назначения вещи или технологии ее изготовления. В закавказском очаге появляются новые типы сплавов: As-Sb и Sn-бронзы. Для сравнения стоит указать, что литейщики степ-

[33] *Maxwell-Hyslop R.* Western Asiatic Shaft-Hole Axes.— Iraq, 1949, t. XI, No 1, 1949, p. 92—97, pl. XXXIV, *1—8*.

[34] *Черных Е. Н.* История..., с. 61—65; *Кореневский С. Н.* О металлических топорах Северного Причерноморья, Среднего и Нижнего Поволжья эпохи средней бронзы.— СА, 1976, № 4, с. 24—27.

[35] *Кореневский С. Н.* О металлических топорах..., с. 19—23.

[36] *Марковин В. И.* Культура племен Северного Кавказа в эпоху бронзы.— МИА, № 93, 1960.

[37] *Джапаридзе О. М.* К истории грузинских племен на ранней стадии медно-бронзовой культуры. Тбилиси, 1961 (на груз. яз.), табл. XV—XXVI; *Мартиросян А. А.* Ук. соч., с. 65—67.

[38] *Куфтин Б. А.* Археологические раскопки в Триалети, т. I. Тбилиси, 1941; *Тавадзе Ф. Н., Баркая В. Ф.* Из истории обработки металлов давлением.— СА, XX, 1954; *Мартиросян А. А.* Ук. соч., с. 64—66.

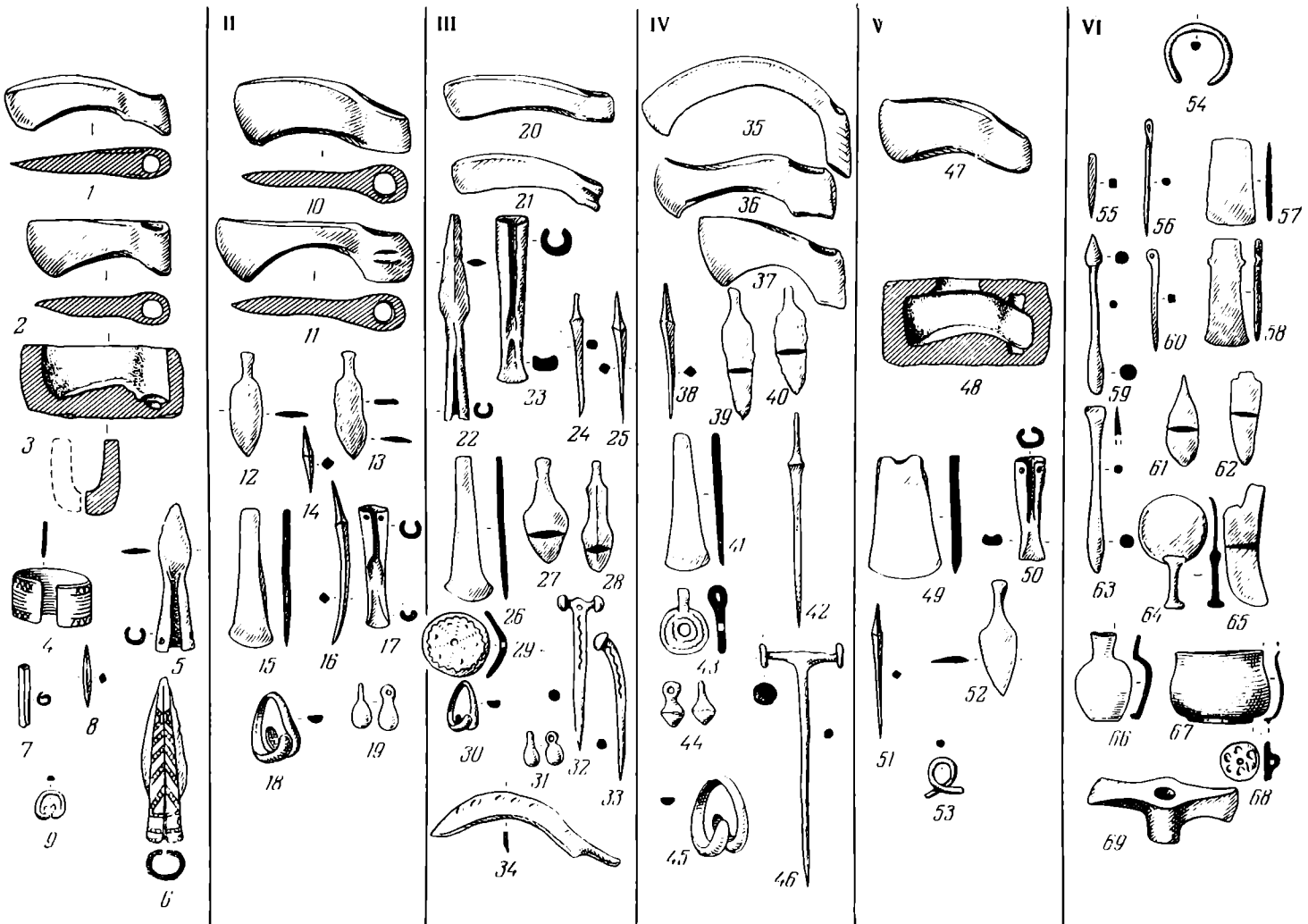


Рис. 8. II этап, поздняя фаза. Характерные типы изделий в очагах Циркумпонтийской провинции (I—V) и юга Средней Азии (VI): I — фатьяново-балановский очаг (ранняя и поздняя фазы второго этапа), II — степной (катакомбный) очаг, III — северокавказский очаг, IV — закавказский очаг, V — ямно-полтавкинский (полтавкинский) очаг, VI — культура типа Намазга IV—V. Приблизительный масштаб: орудия — 1/4—1/6 натур. вел., украшения — 1/3—1/4 натур. вел.

ных очагов пользовались As-бронзами гораздо более низкого качества, да и набор изделий, особенно украшений, был здесь гораздо более скудным (рис. 8, *18, 19, 53*).

Другой ветвью связей степного северопричерноморского очага второй фазы ЦМП была западная — преимущественно с карпатским, также пока что нерасчлененным очагом. Отдельные топоры (импорты или подражания), сходные со степными формами, проникают довольно далеко на запад — в Трансильванию и северо-западные Балканы [39]. Имеются случаи находок балкано-карпатских топоров в Западной Украине. В этой связи примечателен клад Стубло[40], где в одном комплексе сочетались типы топоров и украшений карпатских и северокавказских очагов. Таким образом, невзирая на заметную по сравнению с первой фазой обособленность различных очагов, система активных перекрестных связей в пределах ЦМП еще сохранялась.

В пределах Среднего и Нижнего Поволжья продолжал развиваться ямно-полтавкинский очаг (рис. 7; 8, V), связанный теперь уже с населением полтавкинской культуры. Здесь также были восприняты литейные формы топоров с устройством литника над «спинкой» орудия, как, например, находки из погребения литейщика (рис. 8, *48*) в кургане у с. Калиновка [41]. Очаг, как и прежде, сохранял свою относительную обособленность от кавказских, что видно из малого количества импортной As-бронзы. Связи же его с северопричерноморским очагом представляются довольно активными [42].

Окончательный распад ЦМП завершился около середины II тысячелетия, когда ее территория оказалась занятой очагами иных провинций (рис. 7 и 9), в целом принципиально отличных от ЦМП. Циркумпонтийская провинция была одним из самых выдающихся явлений в истории народов Западной Азии и Восточной Европы. Недаром некоторые исследователи видят в ней свидетельство консолидации и широкого распространения индоевропейских народов [43]. Возможно также, что более или менее заметное и отчетливое воздействие очагов ЦМП ощущалось, как, например, писали М. Гимбутас и Я. Махник, едва ли не по всему Северному Средиземноморью, однако вопрос этот требует специальной разработки [44].

Среднеазиатская металлургия в III и первой половине II тысячелетия оказывалась, тем не менее, в стороне от явных влияний очагов ЦМП. Некоторое распространение металлических находок в сравнении с предыдущим этапом можно проследить лишь в северо-восточном направлении [45], в горных и отчасти степных областях Памиро-Тянь-Шаня. Основное количество металла находят в памятниках земледельческих культур типа Намазга IV, Намазга V — ранних комплексов Сапалли [46], связанных с восточноиранскими — типа Гиссар III и культурами долины Инда и Южного Афганистана (Мундигак II—IV). Формы многих изделий принципиально напоминают более ранние: ножи с черенками, шилья, крючки, булавки, булавки-лопаточки с утолщением у рукояти (рис. 8,

---

[39] *Junghans S., Sangmeister E., Schröder M.* Kupfer und Bronze in der frühen Metallzeit Europas. Berlin, 1968, № 4320; *Vulpe A.* Äxte und Beile in Rumänien I.— PBF, IX, 1970, S. 60, 61, № 269—271a.

[40] *Antoniewicz V.* Der in Stublo in Wolhynien aufgefundene Bronzeschatz.— ESA, IV, 1929, S. 141, Abb. 1.

[41] *Шилов В. П.* О древней металлургии и металлообработке в Нижнем Поволжье.— МИА, № 60, 1959, с. 35—37.

[42] *Черных Е. Н.* История..., табл. X; *его же.* Древняя металлургия..., с. 107; *Кореневский С. Н.* О металлических топорах..., с. 29.

[43] *Gimbutas M.* The Beginning of the Bronze Age in Europe and the Indo-Europeans: 3500—2500 B. C.— In: The Journal of Indo-European Studies, vol. I, No 2, 1973, p. 208.

[44] *Gimbutas M.* Op. cit., p. 188—207; *Machnik J.* Einige Bemerkungen zur Genese der frühbronzezeitlichen Zivilisation in Europa.— AAC, XV, 1975, S. 239—244.

[45] *Кузьмина Е. Е.* Ук. соч., с. 88—90.

[46] *Аскаров А.* Сапалли-тепа. Ташкент, 1973, с. 92—94, табл. 25, 26.

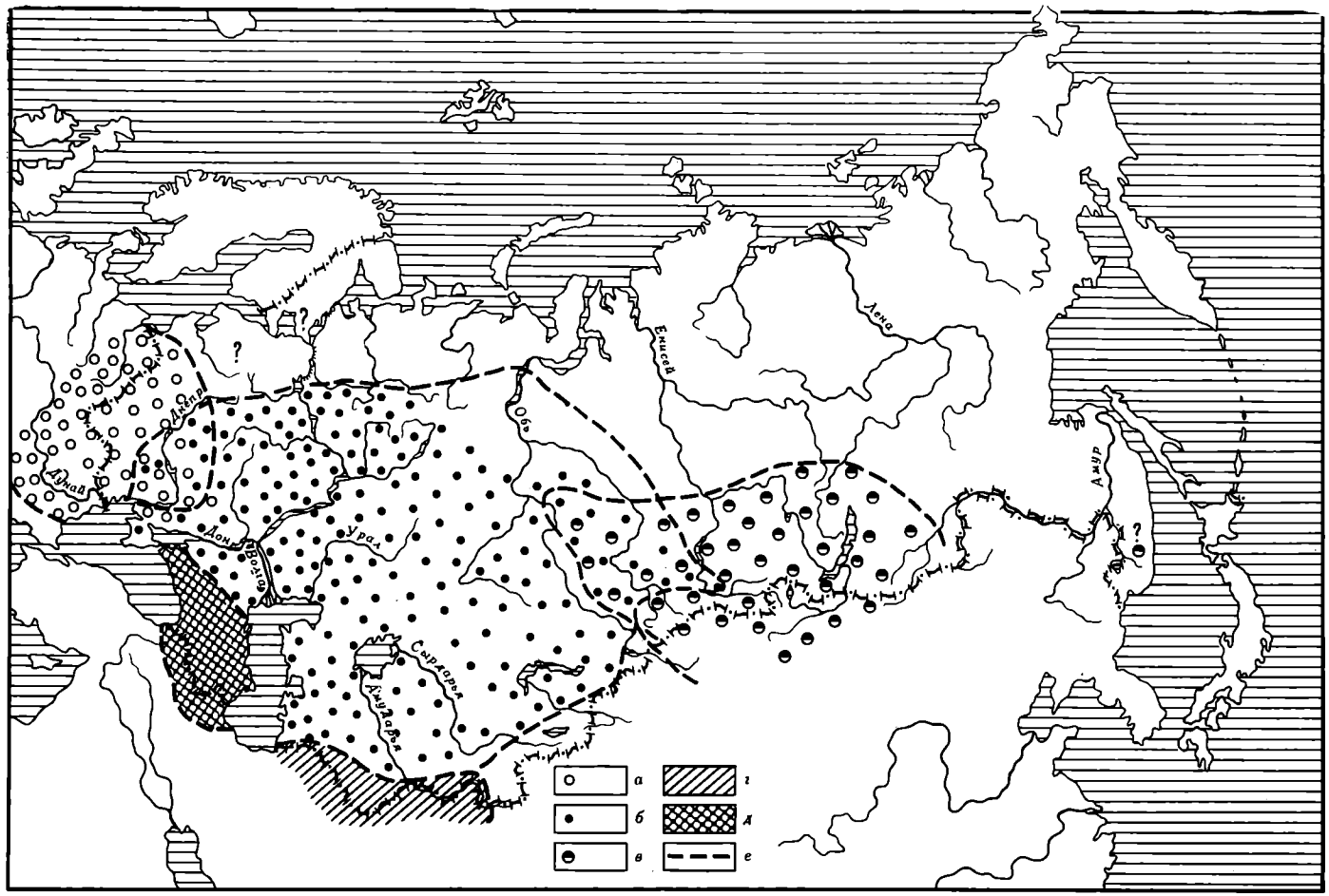


Рис. 9. III этап — поздний бронзовый век. Основные металлургические провинции: *а* — Европейская, *б* — Евразийская, *в* — Центральноазиатская, *г* — Ирано-Афганская, *д* — Кавказская, *е* — границы провинций

55—57, 59—63). Вместе с тем появляются новые изделия — комбинированное тесло-топор (рис. 8, *69*), бритвы (рис. 8, *65*), тесло с цапфами (рис. 8, *58*), зеркала (рис. 8, *64*), парфюмерные сосудики (рис. 8, *66*), посуда (рис. 8, *67*), печати (рис. 8, *68*), браслеты (рис. 8, *54*). Преобладает медь, происходящая, видимо, из медно-свинцовых и полиметаллических месторождений. Редкие сплавы с повышенной примесью мышьяка позволяют осторожно предполагать употребление искусственных As-бронз, хотя бесспорные доказательства привести трудно. Техника металлообработки довольно высока: литье в открытые и закрытые формы, литье по несложной восковой модели [47]. Изредка встречаются золотые и серебряные вещи [48]. На втором этапе прогресс металлообработки на юге Средней Азии выражался преимущественно в увеличении количества металлических орудий и особенно украшений. Местных рудных разработок пока неизвестно. Очень редкие находки крестовидных секир [49] позволяют предполагать их импорты из Ирана или же местные подражания. Для населения более северных районов Средней Азии был характерен неолитический образ хозяйства. Правда, на ряде селищ бассейна Амударьи найдены шлаки, но медных предметов на самих стоянках не обнаружено [50].

В конце ранней бронзы — видимо, не ранее середины III тысячелетия до н. э.— появляются первые свидетельства употребления медных орудий и, возможно, металлургии в Саяно-Алтайской горно-металлургической области [51]. Они связываются с населением афанасьевской культуры и сменившей ее в первой половине II тысячелетия культуры типа Окунево. Количество медных находок весьма ограничено, а их форма и химический состав не позволяют пока что судить об исходном районе импульса, приведшего к возникновению здесь металлообработки. Лишь случайная находка втульчатого топора [52] с Алтая может быть определенно связана с импортом или же воздействием из области ямно-полтавкинского очага в Волго-Уралье, входившего в систему ЦМП.

Третий этап — поздний бронзовый век. В короткий отрезок времени — в середине или третьей четверти II тысячелетия до н. э.— фактически на всех пространствах Восточной Европы, Центральной и отчасти Северной Азии произошли новые скачкообразные изменения, выразившиеся как в образовании новых культур и культурно-исторических общностей, так и в создании новых металлургических провинций [53]. Третий этап продолжался более 500 лет и закончился в IX—VIII вв. до н. э. вместе с появлением в большинстве районов серий железных орудий. На этом этапе распространение металлических орудий по евразийским пространствам достигло своего максимума (рис. 2, 9). Тогда же во вновь сформировавшихся провинциях стала господствовать или, по крайней мере, употребляться Sn-бронза (рис. 3); началась массовая отливка тонкостенных орудий с так называемой «слепой» втулкой — кельты и наконечники копий, технически новый и наиболее сложный прием литья.

После распада ЦМП все ее области на территории СССР вошли полностью или частями в три новые металлургические провинции: Евразий-

---

[47] *Терехова Н. Н.* История металлообрабатывающего производства у древних земледельцев Южной Туркмении. Автореф. канд. дис. М., 1975, с. 17, 18.

[48] *Массон В. М.* Раскопки погребального комплекса на Алтын-депе.— СА, 1974, № 4, рис. 9, 10.

[49] *Кузьмина Е. Е.* Ук. соч., табл. 1, *4, 6, 8*.

[50] *Виноградов А. В., Мамедов Э. Д.* Первобытный Лявлякан. М., 1975.

[51] *Киселев С. В.* Древняя история Южной Сибири. М., 1951, с. 31—34; *Кызласов Л. Р.* Древнейшие орудия горного дела на Алтае.— В сб.: Новое в советской археологии. М., 1965, с. 165—168; *Максименков Г. А.* Окуневская культура в Южной Сибири.— Там же, с. 170, 171.

[52] *Гришин Ю. С.* Металлические изделия Сибири эпохи энеолита и бронзы.— САИ, вып. В3—12. М., 1971, табл. 12, *3*.

[53] *Черных Е. Н.* Древнейшая металлургия..., с. 119; *его же.* Древняя металлообработка..., с. 199—202.

скую, Кавказскую и Европейскую (Карпатскую) (рис. 9). Кроме них в районах Саяно-Алтая и, видимо, Забайкалья возможно выделять так называемую Центральноазиатскую провинцию, поскольку она распространялась и на более южные области (Монголию и т. д.). На крайнем юге Средней Азии располагались памятники, входившие в иную провинцию, условно названную здесь Ирано-Афганской.

Наиболее значительным событием в истории древней металлургии СССР следует считать создание Евразийской провинции. Территориально это была одна из самых крупных мировых систем такого рода. В период своей кульминации она охватывала пространства от Поднепровья на западе до Енисея на востоке, от предкавказских степей и среднеазиатских пустынь на юге до таежной зоны Евразии на севере (рис. 9). Очень активные многосторонние связи внутри провинции привели к заметной интеграции производства на обширных территориях, особенно при сравнении с соседними системами очагов. Создание этой колоссальной провинции было обусловлено в первую очередь культурно-хозяйственной консолидацией подвижных степных скотоводческих племен. Их хозяйство, культура, а возможно, и этнос в большей или меньшей степени оказались родственными друг другу. Имеются в виду племена огромной андроновской культурно-исторической общности, раскинувшейся от Урала до Енисея[54], а также родственные им группы населения северных и центральных областей Средней Азии[55] — культуры типа тазабагъябской и амирабадской. Весьма близкими по культуре и хозяйству были им и племена другой огромной культурно-исторической общности — срубной, охватывавшей восточноевропейские пространства от Южного Урала до Днепра. В степях между Волгой и Уралом отмечается широкая область поселений и могильников, включавших в себя равно как андроновские, так и срубные черты. Экспансия скотоводов этих великих культурно-исторических общностей на север породила серию пограничных культур в лесостепи и в южной части лесной полосы Евразии — поздняковскую, приказанскую, черкаскульскую, еловскую и другие[56], чей генезис в той или иной степени обязан срубному или андроновскому компонентам. Таковы, на мой взгляд, основные причины, породившие на этой колоссальной территории заметную интеграцию материальной культуры и металлургического производства. При этом, естественно, ни в коем случае не следует забывать о своеобразии каждого из очагов провинции. В ней, по всей вероятности, можно выделить две большие зоны — европейскую с ее основным срубным очагом и азиатскую — с важнейшим в ее пределах очагом (или очагами) андроновского типа.

Горняки Евразийской провинции использовали богатейшие рудные залежи всех горно-металлургических областей: медистые песчаники Приуралья и коренные месторождения Урала, многочисленные месторождения Казахстана, Рудного Алтая и, вероятно, Средней Азии. Чрезвычайно важными были разработки на месторождениях касситерита в системе Рудного Алтая (Калбинский и Нарымский хребты)[57]. Отсюда драгоценное тогда олово передавалось на запад, проделывая тысячекилометровые пути. В Евразийской провинции сейчас подробнее изучена европейская зона, где выделены соответствующие очаги, намечены их взаимосвязи и хронология[58].

---

[54] *Киселев С. В.* Ук. соч., с. 67—96.

[55] *Кузьмина Е. Е.* Ук. соч., с. 91; *Итина М. А.* История степных племен Южного Приаралья. М., 1977, с. 39—146.

[56] *Бадер О. Н.* Бассейн Оки в эпоху бронзы. М., 1970, с. 59—64; *Халиков А. Х.* Древняя история Среднего Поволжья. М., 1969, с. 240—328; *Матющенко В. И.* Древняя история населения лесного и лесостепного Приобья. Часть четвертая. Еловско-ирменская культура.— «Из истории Сибири», вып. 12, Томск, 1974, и другие работы.

[57] *Черников С. С.* Восточный Казахстан в эпоху бронзы.— МИА, № 88, 1960, с. 118—136.

[58] *Черных Е. Н.* Древнейшая металлургия...

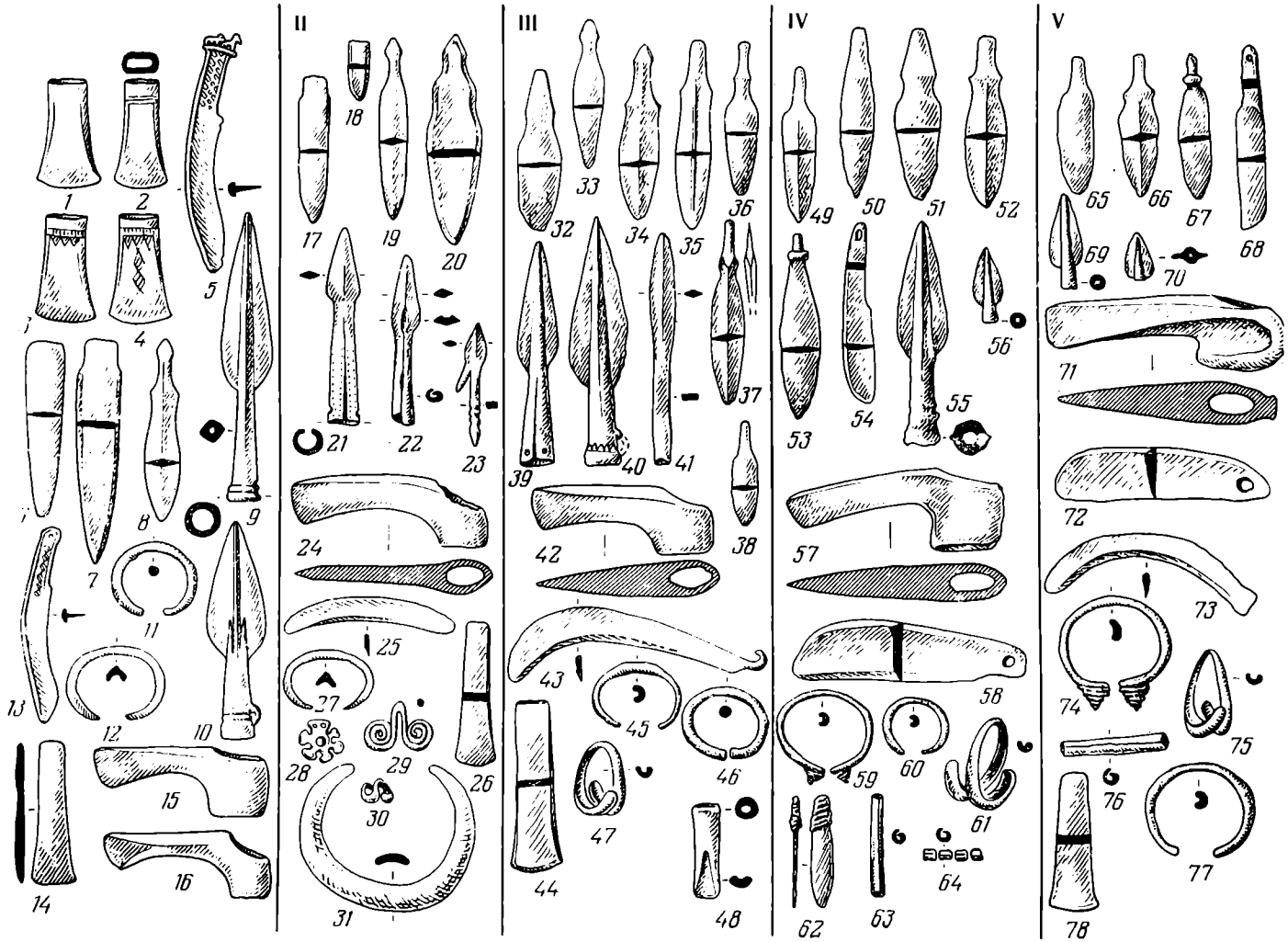


Рис. 10. III этап. Характерные типы изделий в очагах ранней фазы Евразийской провинции: I — сейминско-турбинский, II — балан-башский, III — срубный, IV — андроновский, V — «андроноидный» (север Средней Азии). Приблизительный масштаб: орудия — 1/4—1/5 натур. вел., украшения — от 1/2 до 1/4 нат. вел.

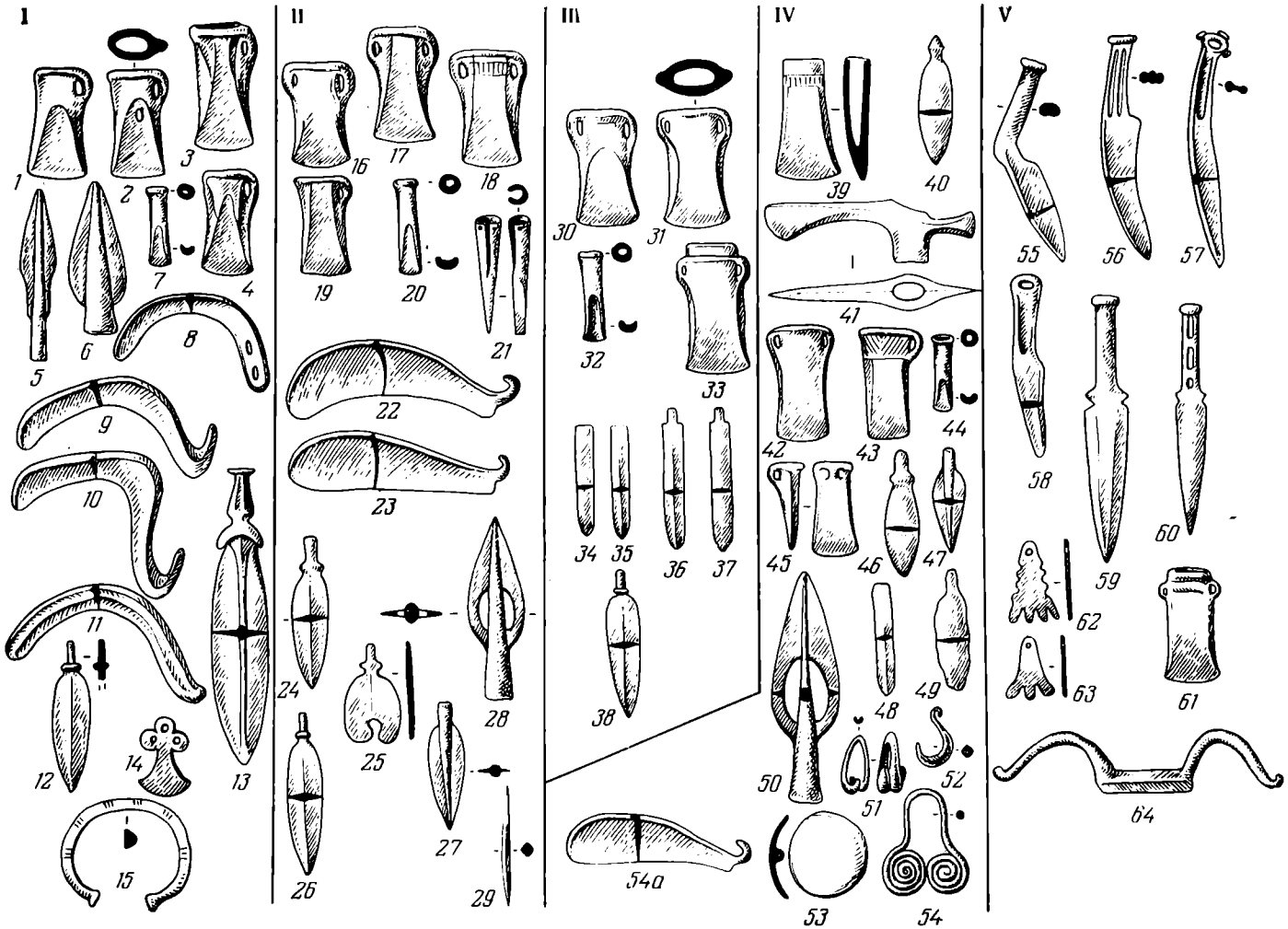


Рис. 11. III этап. Характерные типы изделий в очагах Европейской, Центральноазиатской и поздней фазы Евразийской провинций, а также контактных зон между ними: I — ингуло-красномаяцкий, II — завадово-лобойковский, III — кардашинский, IV — приказанский (ранняя и поздняя фазы третьего этапа), V — карасукский. Приблизительный масштаб: орудия — 1/6—1/8 натур. вел., украшения — от 1/2 до 1/1 натур. вел.

Общими и наиболее употребительными в очагах провинции были: 1 — ножи черенковые с расширением-упором или же перехватом (рис. 10, *8*, *19*, *20*, *32—36*, *51*, *52* и др.), часто этот упор принимал форму кольцевого наплыва (рис. 10, *37*, *53*, *67*; 11, *12*, *26*, *38*); 2 — серпы с крюком для европейской зоны (рис. 10, *43*) и без крюка — для азиатской (рис. 10, *25*, *58*, *72*, *73*), хотя оба эти варианта встречались и в обеих зонах; 3 — втульчатые желобчатые долота (рис. 10, *48*; 11, *7*, *20*, *32*, *44*); 4 — различные желобчатые украшения — подвески в полтора оборота, браслеты (рис. *10*, *12*, *45*, *47* и др.). На ранней фазе провинции, особенно в ее европейских очагах, отливали довольно много втульчатых топоров (рис. 10, *15*, *16*, *24* и др) — явное наследие ЦМП, сыгравшей важнейшую роль в формировании металлургии Евразийской провинции. Основными технологическими приемами были ковка и плоское литье ножей и серпов. Сравнительно мало отливали орудий со «слепой» втулкой — кельтов и наконечников копий. Гораздо чаще выделывались они лишь в западных очагах контактной зоны (рис. 11, I—III), где сильно сказывалось воздействие металлургии Европейской (Карпатской) провинции. Орудия со «слепой» втулкой широко отливали также в очаге (очагах?) лесостепной зоны (рис. 10, I), связанном с весьма своеобразными могильниками Сейма, Турбино, Ростовка и пос. Самусь IV [59].

В развитии очагов Евразийской провинции намечаются две крупные фазы. Для восточноевропейских пространств они носят название сейминская (примерно от середины II тысячелетия до XII в. до н. э.) и постсейминская или предананьинская (примерно XII/XI—IX вв. до н. э.). В азиатской части провинции фазовые изменения, по-видимому, происходили в целом синхронно. Ранний период характеризовался расцветом производства в большинстве очагов, тогда как на поздней почти повсеместно наблюдался его заметный упадок. Только в Среднем Поволжье и Прикамье (приказанский очаг) отмечается относительный расцвет производства орудий. На первой же фазе изготовление орудий и украшений концентрировалось в четырех наиболее значительных очагах: андроновском — пока что нерасчлененном на более мелкие составляющие (рис. 10, IV), срубном (рис. 10, III), баланбашском (рис. 10, II) — металлургических и сейминско-турбинском, также здесь нерасчлененном металлообрабатывающем (рис. 10, I). Занятия металлургией отмечались на этом этапе и в северных областях Средней Азии (рис. 10, V) [60].

В качестве характерной особенности восточноевропейских очагов следует считать их малую обеспеченность бронзами, к тому же зачастую низкокачественными (рис. 3). Последнее объясняется отсутствием местных источников легирующего сырья (олово, по весьма реальной гипотезе, доставляли сюда за много тысяч километров с Рудного Алтая). Баланбашский и родственный ему абашевский очаги (правда, самые ранние в системе европейской зоны) вообще не знали искусственных бронз. За Уралом количество и качество сплавов меди с оловом заметно возрастают.

На западном и восточном флангах Евразийской провинции четко намечаются контактные зоны с очагами иных провинций — Европейской (Карпатской) и Центральноазиатской. Там формируются весьма специфические очаги, впитавшие в себя черты производства обеих провинций. Примерно в XIII в. до н. э. в степном и лесостепном Поднепровье столкнулись два несходных между собой типа металлообработки. Восточный связывался с раннесрубным очагом (рис. 10, III), западный (рис. 11, I) всеми своими корнями уходил в систему Европейской металлургиче-

---

[59] *Бадер О. Н.* Древнейшие металлурги Приуралья. М., 1964; *его же.* Бассейн Оки..., с. 80—124; *Матющенко В. И.* Древняя история... Часть вторая. Самусьская культура.— «Из истории Сибири», вып. 10. Томск, 1973.

[60] *Литвинский Б. А.* Памятники эпохи бронзы и раннего железа Кайрак-Кумов.— В сб.: Древности Кайрак-Кумов. Душанбе, 1962, с. 170—231; *Итина М. А.* Ук. соч., с. 127—137.

ской провинции. По характерным кладам металла и литейных форм он назван ингуло-красномаяцким [61]. В пределах Европейской провинции к западным границам СССР примыкали, как минимум, три очага, в той или иной степени воздействовавших на металлообработку юго-западных областей СССР в эпоху поздней бронзы. Наиболее мощный из них локализовался в Трансильвании с ее сотнями богатейших кладов металлических вещей [62]. Второй очаг размещался в бассейне Среднего Подунавья и Тисы, включая и области Советского Закарпатья, где его продукция представлена многочисленными кладами типа Олешник, Великие Лучки, Мукачево и др.[63]

Третий, дичевский, очаг располагался преимущественно в областях Южной Румынии (клады времени BrD — Дражна де Жос, Ойнака, Сымбата ноа) и северной Болгарии (клады Дичево, Суворово I, II и другие), занимая крайние юго-восточные области Европейской провинции. Южная граница последней проходила по Балканскому хребту или несколько дальше к югу — по равнинной Фракии, где еще изредка встречались литейные формы сходных типов. Еще южнее — в Эгее и материковой Греции — процветало металлургическое производство, в корне отличное от рассмотренного выше [64].

Наиболее значимой для металлообработки на юго-западе СССР была, бесспорно, деятельность трансильванского очага. Отсюда, как убеждают спектральные анализы, поступало большинство меди и, вероятно, олова для литейщиков ингуло-красномаяцкого очага. Литейщики этого очага преимущественно копировали типы трансильванских и отчасти дичевских орудий (рис. 11, I), хотя в самостоятельности и известной оригинальности местного производства (например, рис. 11, *5, 8, 12—14*) сомневаться не приходится. Обособленность становится заметнее на материалах поздних кладов очага.

Общими чертами очагов Европейской (Карпатской) провинции можно считать следующие: 1 — кельты и серпы в качестве безусловно ведущих категорий орудий (рис. 11, *1—4, 8—11*), представляя до 70—80% последних, причем доля обеих категорий была примерно равной; 2 — наконечники копий, мечи и кинжалы (рис. 11, *5, 6, 13*) — также характерные, хотя и заметно уступающие по своему количеству категорий орудий; 3 — украшения занимают довольно скромное место (за исключением тисско-дунайского и ряда других очагов, где отливалось множество браслетов, булавок и т. п.); 4 — Sn-бронзы являются по существу единственным видом сплавов, кроме «черновых» слитков изделий из «чистой» меди не встречается; 5 — литые вещи с возможной небольшой кузнечной подработкой резко преобладают, предметов, изготовленных свободной ковкой, почти нет; 6 — огромное большинство бронзовых вещей происходит из кладов, очень редко связанных с поселениями. Эти черты резко отличают Европейскую провинцию от Евразийской. Но пожалуй, особое внимание привлекает изобилие на западе кладов, включая такие поистине громадные, как Уиора де Суз, и ничтожное количество таких памятников на всех необъятных пространствах Евразийской провинции. Даже один из самых известных в пределах последней — клад у Сосновой Мазы на Волге — по металлу и ряду форм является производным очагов западной

---

[61] Характеристике восточных областей Европейской (Карпатской) провинции посвящена книга Е. Н. Черных «Древняя металлообработка на Юго-Западе СССР» (М., 1976).

[62] *Petrescu Dîmboviţa M.* Depositele de bronzuri din România. Bucureşti, 1977.

[63] *Bernjaković K.* Bronzezeitliche Hortfunde von rechtem Ufergebiet des Oberen Theisstales.— SlA, t. VIII, № 2, 1960.

[64] *Catling H. W.* Cypriot Bronzework in the Mycenaen World. Oxford, 1964, p. 78—298; *Sandars N. K.* Later Aegean Bronze Swords.— AJA, 1963, v. 67, № 2; *Buchholz H. G., Karagheorghis V.* Altägäis und Altkypros. Tübingen, 1971, S. 20—22, 134—137.

провинции. Здесь, на мой взгляд, мы сталкиваемся с весьма существенным различием в формах организации мастеров, занимавшихся металлургическими и металлообрабатывающим производством в Европейской и Евразийской провинциях. Клады могут свидетельствовать о наличии довольно крупных клановых организаций литейщиков, выпускавших многочисленные серии орудий и снабжавших ими население различных культур значительного района.

Сильнейшее воздействие карпатских очагов в восточном направлении было сравнительно недолговечным и охватывало, главным образом, время Br D и Ha A1 — вообще периода наивысшего расцвета металлургии этой провинции, после чего наблюдается заметный спад производства. На фазах Ha A2 и более поздних контакты Северного Причерноморья с карпатскими очагами резко ослабли. Усилились связи с Волго-Уральем, что заметно на материалах новых очагов — завадово-лобойковского (рис. 11, II) в Восточной Украине и Крыму и кардашинского (рис. 11, III) на Правобережной Украине и в низовьях Днепра. Эти очаги контактной зоны представляют определенную возможность для синхронизации металлургии в обеих провинциях.

На своем восточном фланге Евразийская провинция имела обширную контактную зону с Центральноазиатской (рис. 9). На территории СССР в ее пределы входят по крайней мере две горно-металлургические области — Саяно-Алтай и Забайкалье. В нашей стране располагались лишь северные и северо-западные очаги провинции, поскольку она охватывала пространства и к югу, и к юго-востоку. В последнее время появились первые свидетельства наличия сходных и пока что весьма малочисленных материалов у советского Тихоокеанского побережья [65]. Металлургия этой великой провинции, в согласии с предлагаемой здесь схемой структуры иерархии (провинция — зона — очаг), изучена хуже описанных выше, отчего последующее изложение будет достаточно общим.

Металл Центральноазиатской провинции из Саяно-Алтайского района ассоциируется в основном с широко известной карасукской культурой [66]. Здесь находился соответствующий металлургический очаг, базировавшийся, видимо, на рудниках [67] этой горной системы. Наиболее характерными типами его орудий являются: 1) — однолезвийные ножи с изогнутым или коленчатым клинком, с металлической рукоятью, часто украшенной фигурным или кольцевидным навершием (рис. 11, *55—58*), ножи представляют большинство находок; 2 — кинжалы двулезвийные с металлической, часто прорезной рукоятью (рис. 11, *59*, *60*); 3 — кельты безушковые и двуушковые (рис. 11, *61*); 4 — своеобразные «лапчатые» подвески (рис. 11, *62*, *63*) и модели «ярма» (рис. 11, *64*). Литые изделия резко преобладают. В основном использовались As-бронзы и гораздо реже Sn-бронзы [68]. Клады металлических орудий и литейных форм практически отсутствуют. К северу и северо-востоку от Саяно-Алтая набор типов бронзовых орудий резко обедняется и, главным образом, подражает южным образцам. Подобное производство существовало, например, в Прибайкалье и Забайкалье в области неолитоидной по характеру инвентаря глазковской культуры. Металлические предметы здесь, так же как и в Саяно-Алтае, привлекали грабителей могил, отчего едва ли не все кладбища этих культур оказались разоренными.

---

[65] *Андреева Ж. В.* Следы местного металлургического производства в Приморье в памятниках II тыс. до н. э.— В сб.: Археология Северной и Центральной Азии. Новосибирск, 1975.

[66] *Киселев С. В.* Ук. соч., с. 106—183; *Членова Н. Л.* Хронология памятников карасукской культуры. М., 1972; *ее же.* Карасукские кинжалы М., 1976.

[67] *Сунчугашев Я. И.* Горное дело и выплавка металлов в древней Туве. М., 1969, с. 18—59; *его же.* Древнейшие рудники и памятники ранней металлургии в Хакасско-Минусинской котловине. М., 1975, с. 25—27.

[68] *Членова Н. Л.* Хронология..., приложение 2.

Хронология металлического производства карасукского очага (культуры) разработана Н. Л. Членовой. Ранняя фаза его развития определяется иньскими параллелями XIII—XI вв. до н. э. Н. Л. Членова полагает, что древнейшие находки этой культуры восходят еще к XIV в., однако их основная масса — к XI—VIII вв. до н. э. Достойно внимания, что очаги контактной зоны между Евразийской и Центральноазиатской провинциями вытянулись длинным и узким языком в лесостепной полосе Западносибирской низменности (рис. 9). В последние годы намечена так называемая еловско-ирменская культура в бассейне Верхней Оби [69]. Ее металлический инвентарь включает в себя характернейшие типы обеих провинций: ножи с перекрестьем и ножи однолезвийные. Причем, видимо, и те и другие отливались на месте.

Однако наиболее важным проявлением и порождением восточной контактной зоны явилась металлообработка сейминско-турбинского очага или очагов (рис. 10, I). Эти знаменитые могильники и отдельные находки протянулись цепью по лесостепям и югу лесной полосы Западной Сибири и Восточной Европы. Вогнутые однолезвийные ножи (рис. 10, *5*, *13*) с фигурками на рукоятках [70] — явное свидетельство влияний центральноазиатских очагов. В могильнике у с. Ростовка в Прииртышье найдены и литейные формы однолезвийных вогнутых ножей [71]. Именно поэтому металл сейминско-турбинских форм используется множеством исследователей для синхронизации евразийских культур от Дальнего Востока вплоть до Прикарпатья, где найден знаменитый Бородинский клад.

Граница между Евразийской и Ирано-Афганской провинциями проходила по крайнему югу Средней Азии. Южные области этих районов, как и на предыдущих этапах, продолжали входить в зону влияния восточноиранского металлургического очага (или очагов?), к которому присоединились теперь и районы Северного Афганистана. Там в Дашлинском оазисе советской археологической экспедицией найдены явные следы металлургического производства [72]. Культура и металл памятников типа Сапалли — Намазга V—VI, расположенных севернее Копетдага [73], Дашлинского оазиса в Афганистане, Гиссар III—С в северо-восточном Иране, представляются ныне однородными [74] и резко отличными от более северных степных скотоводческих культур андроновского круга, входивших в Евразийскую провинцию.

Развитие металлургии и металлообработки на северной периферии Ирано-Афганской провинции заметнее всего отразилось на расширении набора типов украшений и изготовлении сосудов, связанных с косметикой (рис. 12, IV). Очень характерными изделиями последнего этапа стали булавки-печати (рис. 12, *36*). Вместе с тем продолжают широко изготовляться и известные со времени энеолита булавки-лопаточки (рис. 12, *32*) [75]. В целом для металлургии северных окраин Ирано-Афганской провинции по сравнению с другими объединениями подобного рода характерна застойность, ограниченное употребление металлических орудий (рис. 12, *30*, *31*, *33*, *34*, *40*), здесь господствуют предметы из естественных сплавов, а вещи из Sn-бронз довольно редки. Может быть в связи с подобным архаизмом и застойностью металлообработки датировка памятников Ирано-

---

[69] *Матющенко В. И.* Древняя история... Часть четвертая. Еловско-ирменская культура.

[70] *Бадер О. Н.* Древнейшие металлурги..., рис. 113; *его же.* Бассейн Оки..., рис. 52.

[71] *Матющенко В. И., Ложникова Г. В.* Раскопки могильника у дер. Ростовка близ Омска в 1966—1969 гг.— В сб.: Из истории Сибири, вып. 2. Томск, 1969, табл. 6 и 9.

[72] *Сарианиди В. И., Терехова Н. Н., Черных Е. Н.* О ранней металлургии и металлообработке древней Бактрии.— СА, 1977, № 2, с. 35—42.

[73] *Аскаров А. А.* Ук. соч., табл. 32.

[74] *Сарианиди В. И.* Бактрия в эпоху бронзы.— СА, 1974, № 4, с. 63—68.

[75] *Терехова Н. Н.* История металлообрабатывающего производства..., с. 18, 19.

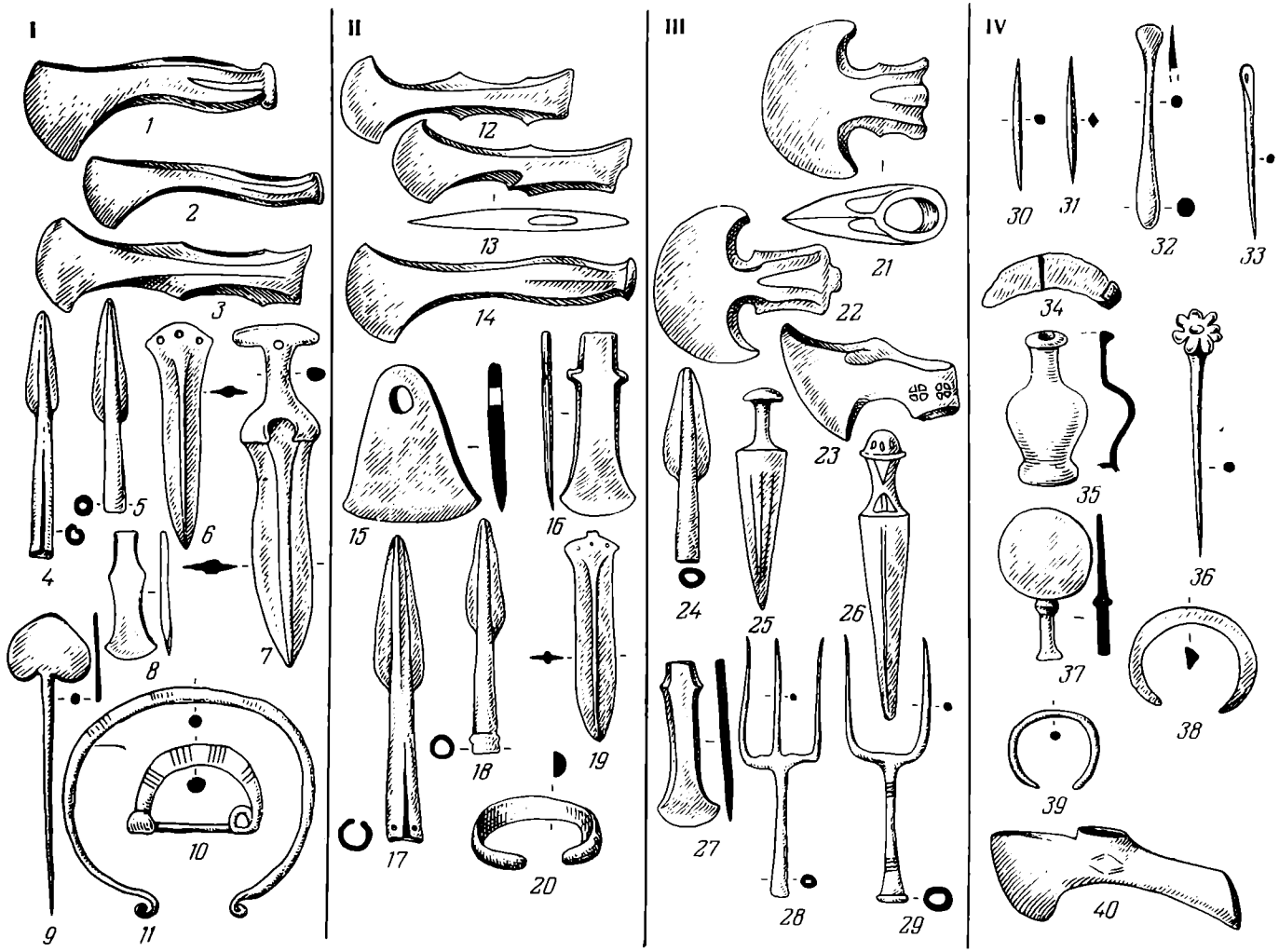


Рис. 12. III этап. Характерные типы изделий в очагах Кавказской (I—III) и Ирано-Афганской (IV) провинций: I — кобанский, II — колхидский, III — восточнозакавказский, IV — юг Средней Азии (культура типа Намазга VI). Приблизительный масштаб $^1/_4$—$^1/_7$ натур. вел.

Афганской провинции колеблется в работах различных исследователей до 500—800 лет. И хотя здесь эти материалы мы рассматриваем в рамках третьего этапа, вполне вероятен их более ранний возраст.

Последней из рассматриваемых здесь провинций позднебронзового века является Кавказская. Сравнительно небольшая по территории, она отличалась чрезвычайной мощностью металлопроизводства. С распадом ЦМП здесь намечаются кардинальные перемены, отразившиеся на всех сторонах металлургии; происходит отказ от многих основных типов орудий и металлических сплавов предшествующего периода, начинают употребляться новые. В большинстве очагов Закавказья и Северного Кавказа господствуют Sn-бронзы, широко распространяются сложные As-Sb-Sn-бронзы и т. п.

В пределах Кавказской провинции можно наметить две зоны — западную и восточную. Западная зона охватывала Прикубанье и центральную часть Северного Кавказа, Черноморское побережье и бассейн Риони в Закавказье, восточная — бассейн Куры и Аракса в Закавказье и Дагестан на северных склонах хребта. В пределах обеих зон намечается ряд металлургических очагов, о которых писал еще А. А. Иессен [76].

Наиболее знаменитый очаг западной зоны — кобанский (рис. 12, I), располагавшийся по южным и северным склонам центральной части Кавказского хребта. Множество случайных находок, ряд кладов и прежде всего могильники дали колоссальный металлический материал. Из характерных типов вещей здесь следует назвать: 1 — топоры кобанского типа, часто украшенные пышной гравировкой (рис. 12, *1*, *2*); 2 — кинжалы — один из самых распространенных видов оружия (рис. 12 *6*, *7*); 3 — наконечники копий (рис. 12, *4*, *5*); 4 — сложные по форме крупные литые бляхи-нашивки, гривны, фибулы, булавки, браслеты простые и пружинные (рис. 12, *9—11*). Для мастеров этого, как, впрочем и всех очагов Кавказской провинции третьего этапа, характерна высочайшая культура фасонного художественного литья, в том числе по очень сложной восковой модели полых вещей типа бубенчиков, в многостворчатых формах и т. п.[77]

Весьма близок кобанскому очаг колхидский, названный так по одноименной культуре в западной причерноморской части Грузии (рис. 12, II). Здесь гораздо полнее представлен тип так называемых колхидских топоров (рис. 12, *12*, *13*), хотя кобанские встречаются также довольно часто (рис. 12, *14*). На территории колхидского очага гораздо больше «кладов литейщиков».

Архаичным и маломощным выглядит производство в прикубанском очаге на западе Северного Кавказа. Отсталость металлообработки в районе, обозначившаяся еще на втором этапе, в какой-то мере даже усиливается. Здесь, по сути дела в единственном на Кавказе очаге, продолжают господствовать традиционные As-бронзы (рис. 3). Та же достаточно древняя традиция прослеживается и в типах втульчатых топоров — наследии ЦМП [78].

Из очагов восточной зоны наиболее ярким выглядит закавказский, который, вероятно, при более детальных исследованиях распадается на ряд мелких. Здесь встречаются топоры кобанского и колхидского типов, но во много раз реже, чем на западе. К характерным формам следует отнести: 1) — секиры с дуговидным лезвием (рис. 12, *21*, *22*); 2 — черенковые кинжалы, часто украшенные решетчатой обкладкой рукояти (рис. 12, *25*, *26*); 3 — втульчатые вилки (рис. 12, *28*, *29*); 4 — нако-

---

[76] *Иессен А. А.* К вопросу о древнейшей металлургии меди на Кавказе.— ИГАИМК, 120, 1935, с. 116—160.

[77] *Крупнов Е. И.* Древняя история Северного Кавказа. М., 1960, с. 320.

[78] *Иессен А. А.* Прикубанский очаг металлургии и металлообработки в конце медно-бронзового века.— МИА, № 23, 1951, с. 96—103.

нечники копий (рис. 12, *24*); 5 — браслеты сложных форм и бляхи. Кроме того, здесь отливалось по восковой модели довольно много уникальных сложных украшений, фигурок птиц и зверей. Наряду с преобладающими здесь Sn-бронзами многие орудия и особенно украшения отливались из сложных As-Sb-Sn-бронз.

Материалы закавказского позднебронзового очага представлены прежде всего большими могильниками: поздние погребения у Лчашена на оз. Севан, могильники Тазакенд, Артик, Нор-Баязет и другие в Армении, Ходжалы и Кедабек в Азербайджане, Самтавро (Мцхета) близ Тбилиси и ряд других [79]. Вероятно, закавказский очаг охватывал и области Иранского Азербайджана, где набор типов металлических изделий принципиально близок закавказскому, а отдельные сходные предметы известны даже в некрополе «В» Сиалка [80].

Дагестанский очаг характеризуется пока что сравнительно немногочисленными материалами из памятников каякенто-хорочоевской культуры [81]. Его основные черты рисуются сейчас не вполне отчетливо, но в целом по типам изделий и сплавов он, вероятно, больше связан с закавказским, нежели со смежным кобанским очагом.

Южная граница Кавказской провинции в настоящее время не совсем ясна но, видимо, она проходила по нагорьям Восточной Анатолии и северо-западного Ирана. Северная определяется гораздо отчетливее: предкавказские степи в бассейнах Кубани, Терека и Кумы. С Евразийской провинцией контактной зоны фактически не существовало. Лишь только в области Прикубанья известно несколько небольших комплексов смешанного характера. Наибольшее внимание в этой связи привлекает «клад литейщиков» на Таманском полуострове [82] с вещами, характерными для прикубанского и завадово-лобойковского степного очагов.

Весьма примечательно, что чрезвычайно мощная, очень богатая и гораздо более разнообразная в сравнении с Евразийской металлургия Кавказской провинции не оказала по существу воздействия на последнюю. По всей Восточной Европе рассеяно не более двух-трех десятков импортных кавказских вещей [83], легко отличимых от местных, благодаря их форме. В пределах западной зоны Кавказской провинции известно около десятка подражаний типам степных кельтов и ножей с упором на черенке [84]. Этим по существу и ограничиваются свидетельства взаимодействия литейщиков Евразийской и Кавказской металлургических провинций.

Так в кратком изложении представляются мне основные процессы и этапы развития древнейшей металлургии в важнейших провинциях, а также проблемы периодизации эпохи раннего металла на территории СССР. В результате исследований стало очевидным, что формирование и распад металлургических провинций, как правило, совпадал с наиболее существенными историко-культурными событиями на обширнейших пространствах: консолидация огромных культурно-исторических общностей и культур; возникновение могучих культурных и производственных центров, переориентация экономических и культурных связей больших этнических

---

[79] *Мартиросян А. А.* Ук. соч., с. 81—190, табл. XXXV; *его же.* Поселения и могильники эпохи поздней бронзы. Ереван, 1969, табл. I—XXXIX (на арм. яз.); *Чубинишвили Т.* Древнейшие археологические памятники Мцхета. Тбилиси, 1957, таблицы (на груз. яз.), и др. работы.

[80] *Schaeffer C.* Stratigraphie comparée et chronologie dans l'Asie Occidentale. London, 1948, fig. 231, 252, 255, 259.

[81] *Марковин В. И.* Дагестан и горная Чечня в древности (каякенто-хорочоевская культура). М., 1969, с. 99—104.

[82] *Сокольский Н. И.* Находки эпохи бронзы на Таманском полуострове.— АО— 1965, М., 1966, с. 81.

[83] *Черных Е. Н.* Древняя металлообработка..., с. 195—197, рис. 60.

[84] *Иессен А. А.* Прикубанский очаг..., рис. 11; *Лесков А. М.* О северопричерноморском очаге металлообработки в эпоху поздней бронзы.— В сб.: Памятники эпохи бронзы юга Европейской части СССР. Киев, 1967, рис. 16.

групп; ступени технического прогресса, а порой и регресса и т. д. Металлургические провинции по своему территориальному охвату практически всегда превосходили даже самые обширные культурно-исторические общности. Сходство же форм и технологии производства в очагах этих систем оказывалось зачастую поразительным, и благодаря этому в руках археологов появился может быть самый надежный инструмент для периодизации культурно-исторических явлений эпохи раннего металла не только на территории СССР, но и сопредельных стран.

E. N. Tchernykh

LES REGIONS METALLURGIQUES ET PERIODISATION DU DEBUT DE L'AGE DES METAUX SUR LE TERRITOIRE DE L'U.R.S.S.

Résumé

On décrit dans l'article les principales étapes de l'évolution de l'ancienne métallurgie sur le territoire de l'URSS, depuis le Ve jusqu'au début du Ier millénaire av. n. è., et l'on donne une description des régions métallurgiques formant des systèmes de centres apparentés de métallurgie et de traitement des métaux. La première étape du développement de la plus ancienne métallurgie se place au cours de l'énéolithique, du Ve millénaire à la première moitié du IVe millénaire av. n. è. Le métal apparaît dans trois régions de l'URSS: la Turkménie méridionale (cultures d'Anaou et de Namazga I-II), la Transcaucasie (cultures du type de Tekhout et de Kioul-tépé I), et le S.-O. de l'URSS (culture de Tripolié A et B, ainsi qu'en partie celle du moyen Stogovski). On doit tenir pour le plus important fait de cette étape la formation et, à la fin de l'étape, le déclin de la plus importante région métallurgique de l'Ancien monde, celle des Balkans et des Carpates. La seconde étape se divise en deux phases principales: le début de l'Age du Bronze (deuxième moitié du IVe mill. dernier quart du IIIe mill. av. n. è.), et le milieu de l'Age du Bronze (dernier quart du IIIe mill. milieu du IIe mill. av. n. è.). Le principal événement de cette étape a été en Eurasie la formation de la gigantesque région métallurgique Circumpontique, qui s'étendait de l'Adriatique et des Carpates jusqu'à l'Oural du Sud, et du cours supérieur de la Volga jusqu'à l'Anatolie et l'Egée. C'est au début de l'Age du Bronze qu'on observe la plus grande similitude de structure entre les centres de ces régions; à la période moyenne de l'Age du Bronze on peut remarquer le processus de déclin de ces centres, qui est complètement terminé vers le milieu du IIe mill. av. n. è. La troisième étape se place à la fin de l'Age du Bronze (milieu du IIe mill. début du Ier mill. av. n. è.). Alors a lieu la plus grande diffusion d'objets de bronze et de cuivre parmi la population porteuse des cultures de l'Eurasie à l'époque de l'apparition des métaux. Il y eut création de cinq nouvelles régions métallurgiques, dont une seule l'Eurasienne, rentrerait complètement dans les limites actuelles de l'URSS. Les quatre autres — européenne, caucasienne, d'Asie Centrale et irano-afghane — appartenaient seulement en partie au territoire de l'Union Soviétique. C'est à ce moment que la production minière et métallurgique atteint son apogée au point de vue technique.

В. С. ОЛЬХОВСКИЙ

РАННЕСКИФСКИЕ ПОГРЕБАЛЬНЫЕ СООРУЖЕНИЯ ПО ГЕРОДОТУ И АРХЕОЛОГИЧЕСКИМ ДАННЫМ

Согласно Геродоту, скифы населяли обширные пространства степного Причерноморья между Истром и Танаисом (Нег., IV, 21, 48, 51, 57). Однако раннескифских погребений до недавнего времени в степи было найдено мало. За последние годы здесь было открыто несколько десятков захоронений VII—V вв. до н. э. Погребальные сооружения этого времени в Причерноморье представлены ямами различной формы и размеров; ката-

Скифские погребальные сооружения VII—V вв. до н. э.

	Ямы	Деревянные гробницы	Катакомбы	Каменные гробницы	Сырцовые склепы	Без сооруж.	Неясно	Всего
Степь между Доном и Дунаем [1]	64	7	8	–	–	1	12	92
Степной и предгорный Крым [2]	33	1	1	12	1	–	6	54

[1] С учетом семи опубликованных погребений V в. до н. э. Елизаветовского могильника.
[2] Без учета очень кратко опубликованных погребений VI—V вв. до н. э. у с. Золотое и V в. у с. Фронтовое. В число учтенных 54 погребений вошли 19 захоронений с лощеными сосудами, украшенными нарезным орнаментом. Подобные погребения относятся исследователями к числу скифских, киэил-кобинских, таврских или киммерийских. На наш взгляд, они принадлежат скифо-кизил-кобинскому населению. Однако четко отграничить погребения данной группы (в нее почти наверняка входят и несколько погребений без лощеной керамики) от скифских памятников пока трудно. Вследствие этого погребения VII—V вв. до н. э. рассматриваются суммарно.

комбами; деревянными, каменными и сырцовой гробницами (таблица). Из известных нам 146 погребений VII—V вв. до н. э. около 120 уже опубликовано полностью или частично, что позволяет предпринять попытку выделить среди них погребения, соответствующие описанному Геродотом.

Геродот так описывает устройство могилы скифского царя (перевод подстрочный): «...Выкапывают в земле большую четырехугольную яму... Когда положат тело в могилу на циновке (постель, ложе из камыша, тростника), воткнув по обе стороны трупа копья, настилают доски (брусья, дровяник) и покрывают камышовыми циновками (камышом, тростником)» (Нег., IV, 71). Могильная яма столь обширна, что, кроме царя, в нее помещают тела пяти слуг, наложницы, коней и т. д. Таким образом, могила представляла собой большую яму, дно которой (или часть его) устилалось камышовыми циновками; дерево использовалось для создания перекрытия. Между тем некоторые исследователи считают, что описанию Геродота «в общих чертах» соответствуют не только ямы с деревянным перекрытием, но и с деревянными конструкциями. По мнению М. И. Артамонова, «существенной деталью в устройстве могилы был шатер или шалаш над покойником. Хотя, по Геродоту, основа его состояла из воткну-

тых в землю копий, надо полагать, что такие сооружения чаще делались из простых кольев или столбов» [3]. Отсутствие единого мнения по поводу реконструкции описанного Геродотом погребального сооружения заставляет еще раз обратиться к археологическому материалу и рассмотреть (в границах Геродотовой Скифии) степные погребения VII—V вв. до н. э., в конструкции которых применялось дерево. К их числу относятся деревянные гробницы и ямы, перекрытые деревом.

Из восьми деревянных гробниц VII—V вв. до н. э. наличие деревянных конструкций несомненно в семи; в Криворожской гробнице их можно лишь предполагать. Деревянные перекрытия зафиксированы в 17 из 89 ям, что объясняется неблагоприятными для сохранения древесины почвенными условиями. Однако в соответствии с Геродотом рассмотрим захоронения не во всех ямах с деревянными перекрытиями, а только в больших; в некоторых из них перекрытия не сохранились, но наличие их подтверждается косвенными признаками.

Деревянные гробницы. Отсутствие обобщающих исследований по деревянным гробницам скифского времени, терминологический разнобой, неполнота публикаций, а иногда и рукописных отчетов затрудняют анализ этого вида погребальных сооружений. Из восьми степных гробниц лишь три описаны довольно полно. Ввиду малочисленности и фрагментарности материала кажется целесообразным привлечь к анализу степные деревянные гробницы не только VII—V, но и IV—III вв. до н. э., что необходимо для выяснения их эволюции, а при реконструкции и классификации обращаться к синхронным деревянным гробницам лесостепной зоны, где они широко представлены.

Знакомство с конструкцией степных и лесостепных гробниц позволяет условно разделить их на срубные (бревна лежат горизонтально прямоугольником), каркасные (бревна вкопаны не вплотную друг к другу, вертикально, облицовки нет или она легкая — из плетня, плашек), срубно-каркасные (лежащие бревна или плахи облицовки зажаты между вертикальными столбами и стенкой ямы либо между двумя рядами столбов; вариант — бревна вкопаны вплотную по периметру ямы и поддерживаются горизонтальными распорками) [4]. Все три типа гробниц могут находиться на дневной поверхности и в яме.

В степи и на лесостепной границе по опубликованным данным исследовано восемь захоронений VII—V вв. до н. э. в деревянных гробницах (рис. 1). Это: Мельгуновский (Литой) курган [5]: остатки сожженной гробницы на древнем горизонте (рубеж VII—VI вв. до н. э.); курган на р. Калитве (слобода Криворожье) [6]: в насыпи много камня; следы кремации. Возможно, был склеп на древнем горизонте или в яме (начало VI в. до н. э.); курган [7] у города Никополя: деревянный склеп (VI в. до н. э.); курган у с. Медерово [8]: девятистолбовая сожженная гробница 5,5×4,5 *м* на древнем горизонте (начало V в. до н. э.); с. Показовое, группа I, курганы 3 и 10: на древнем горизонте — срубы, радиально обложенные деревом и сожженные (первая половина V в. до н. э.) [9] (ныне находятся

---

[3] *Артамонов М. И.* Этногеография Скифии.— Уч. зап. ЛГУ, № 85, сер. истор. наук, вып. 13. Л., 1949, с. 137.

[4] Возможно выделение еще одного типа гробниц — столбовых (ямы без облицовки; перекрытие поддерживается двумя и более столбами, устанавливаемыми главным образом в центральной части гробницы), но они в причерноморской степи отсутствуют, есть на Среднем Дону и в Прикубанье.

[5] *Придик Е.* Мельгуновский клад 1763 г.— МАР, № 31. СПб, 1911.

[6] *Манцевич А. П.* Головка быка из кургана VI в. до н. э. на р. Калитве.— СА, 1958, № 2, с. 196—202.

[7] *Ханенко Б. Н.* и *В. Н.* Древности Приднепровья. Вып. VI. Киев, 1907, с. 10.

[8] *Бокий Н. М.* Скифский курган у с. Медерово.— СА, 1974, № 4, с. 264—271.

[9] *Бокий Н. М.* Археологические работы на Кировоградщине в 1968 г.—АИМ — 1968. Киев, 1971, с. 155.

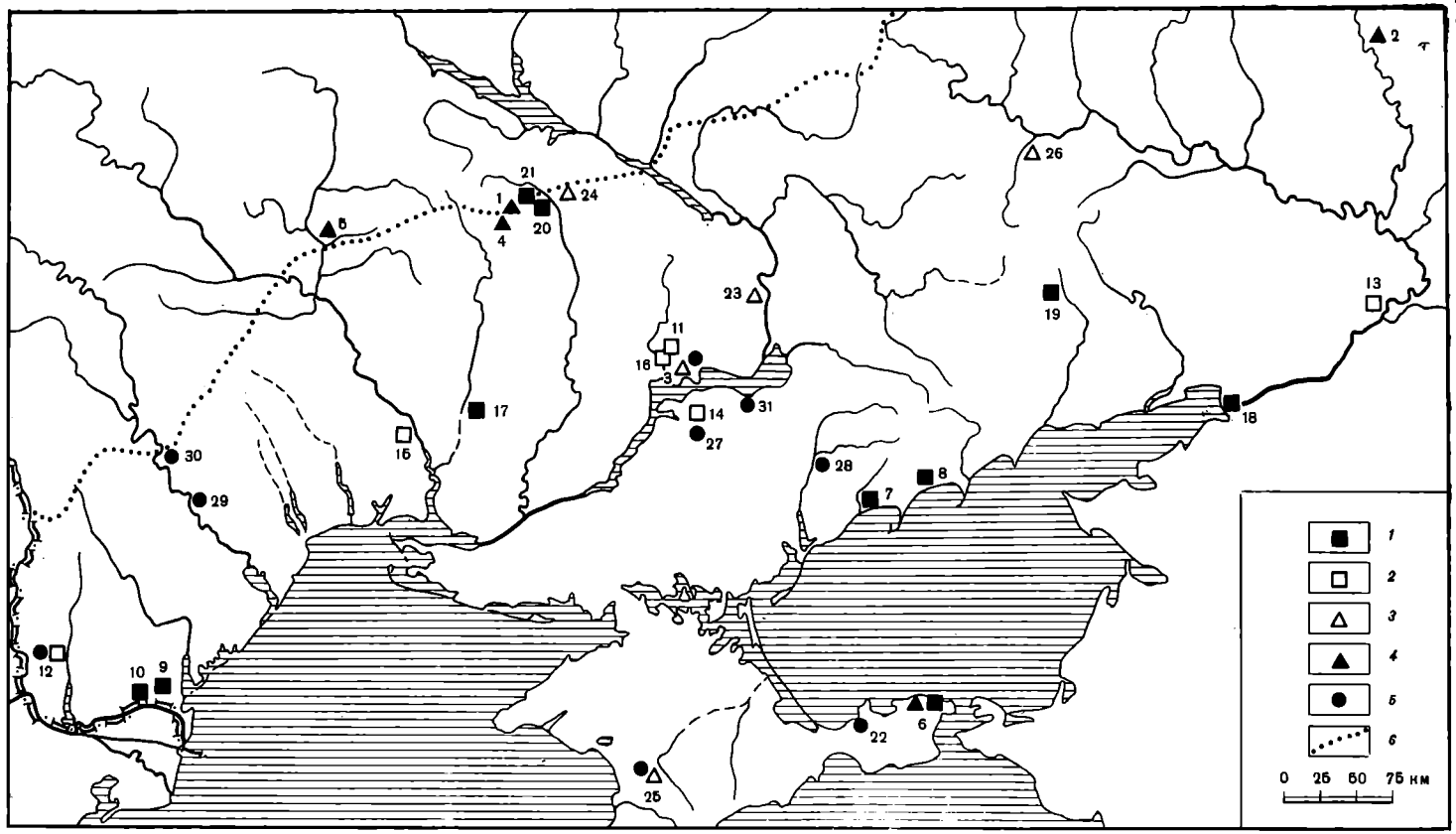


Рис. 1. Степные скифские погребения в больших ямах (VII—V вв. до н. э.) и в деревянных гробницах (VII—III вв. до н. э.). 1 — яма; 2 — яма с угловыми ямками; 3 — деревянная гробница; 4 — сожженная деревянная гробница; 5 — погребения с воткнутыми копьями (V—III вв. до н. э.); 6 — южная граница лесостепи. *1* — Мельгуновской курган; *2* — сл. Криворожье; *3* — г. Никополь; *4* — с. Медерово; *5* — с. Показовое; *6* — Темир-гора; *7* — с. Владимировка; *8* — с. Обиточное; *9* — с. Шевченково; *10* — с. Червоный Яр; *11* — 1-я Завадская могила; *12* — с. Балабаны; *13* — г. Константиновск-на-Дону; *14* — с. Вел. Знаменка; *15* — с. Ковалевка; *16* — группа шахты № 22; *17* — с. Константиновка; *18* — Елизаветовский могильник; *19* — дер. Щеглово; *20* — с. Мироновка; *21* — с. Станишино; *22* — пос. Ленино; *23* — с. Кичкас; *24* — дер. Самбросовка; *25* — уроч. Дорт-Оба (имение Пастака); *26* — хут. Бревин; *27* — группа Солохи; *28* — группа Аккермень I; *29* — с. Парканы; *30* — с. Буторы; *31* — уроч. Носаки

на лесостепной границе; в раннескифское время там, вероятно, была степь); Темир-гора, погр. 83: следы сожжения на площади 53 $м^2$; вероятно, была впускная деревянная гробница (конец V в. до н. э.) [10]; хутор Бревин: могила имела вид склепа (?) со стенами, обставленными вертикальными бревнами (VI в. до н. э.?) [11]. Кроме отмеченных восьми деревянных гробниц, еще четыре гробницы относятся к IV—III вв. до н. э. или точно не датируются: с. Кичкас, могильник I, кург. 1: в яме глубиной 1 *м* — сруб 3,15×2,05 *м* из бревен, опаленных с одного бока; перекрытие и дно — из опаленного дерева, сверху — каменный навал (V—IV вв. до н. э.?) [12]; дер. Самбросовка: под двумя насыпями в ямах 2,28×1,22 и 2,02×1,62 *м* — срубы [13]; урочище Дорт-Оба, курган Пастака № 1/1892 г.: яма 2,84×2,3×4,7 *м* крыта деревом, лежащим на заплечиках, завалена камнями. В углах и стенках — следы шести столбиков. Стенки и потолок (?) обиты войлоком. Скелет лежал в специальном углублении (IV в. до н. э.) [14].

Из рассмотренных срубными являются гробницы у сел Показовое, Кичкас, Самбросовка; к каркасным относится гробница в Медеровском кургане, а также в кургане Пастака № 1/1892 г. Конструкция прочих неясна.

Рассмотрим подробнее гробницы VII—V вв. до н. э. Примечательно, что большинство их устраивалось на древнем горизонте и сжигалось. Гробницы в Медеровском и Показовских курганах перед сожжением были радиально обложены бревнами, вероятно, не столько имитировавшими шалашеобразное сооружение, сколько способствовавшими их сгоранию. Вполне возможно, что Медеровская и Мельгуновская гробницы имели легкую вертикальную облицовку с глиняной обмазкой, на что указывают находки кусков прокаленной глины, иногда с отпечатками прутьев. Конские захоронения нехарактерны для данной группы гробниц; скелет коня был только в Медеровском склепе.

Архитектура деревянных гробниц (сооружение их на дневной поверхности или в небольшом углублении, наличие в некоторых случаях облицовки, обмазки и деревянного пола) отчетливо свидетельствует о стремлении придать погребальному сооружению вид жилой постройки. Следует заметить, что наземные и углубленные в грунт столбово-каркасные постройки, часто с легкой облицовкой, обмазанной глиной, широко распространены на лесостепных поселениях и городищах VII—V вв. до н. э. на Киевщине, в Западной Подолии, на Ворскле, Суле, Сейме, Северном Донце, в Молдавии и т. д.[15], а до этого — на памятниках чернолесской культуры.

В IV—III вв. до н. э. деревянные гробницы в степи встречаются еще реже. Процент их по сравнению с долей синхронных ям и катакомб очень мал. При этом они существенно отличаются от ранних гробниц: устраиваются в ямах, не сжигаются, размеры их меньше. Иногда поверх плоского деревянного перекрытия наваливались камни.

Вопрос об истоках традиции погребения в деревянных гробницах сложен. В ряде районов, в том числе и в Причерноморье, деревянные погребальные конструкции появляются в эпоху бронзы: в ямно-катакомбное время — каркасные, вероятно, тогда же — срубные и столбовые,

---

[10] *Яковенко Э. В.* Погребение богатой скифянки на Темир-горе.— В сб.: Скифы и сарматы. Киев, 1977, с. 140—145.

[11] *Шрамко Б. А.* Древности Северного Донца. Харьков, 1962, с. 170.

[12] *Рудинський М.* Археологічна розвідка на Дніпрельстані.— ДКІАМ, Зб., т. I. Дніпропетровське, 1929, с. 49—51.

[13] *Беляшевский Н.* Раскопки курганов у д. Самбросовки Александрийского у., Херсонской губернии.— АЛЮР, т. I, № 7, июль 1899. Киев, с. 92, 93.

[14] *Кашпар А. О.* Раскопки курганов в окрестностях Симферополя, произведенные профессором Н. И. Веселовским в 1892 г.— ИТУАК, № 16, 1892, с. 115—117.

[15] *Іллінська В. А., Тереножкін О. І.* Скіфський період.— В кн.: Археологія Української РСР, т. 2. Київ, 1971, с. 77, 80, 98, 109, 115, 117, 119.

в срубную эпоху намечается их связь с обрядом сожжения [16]. В степном и лесостепном Причерноморье срубные и каркасные сооружения существуют в чернолесское, а также в киммерийское время (причем гробница у Белограда сожжена, а над некоторыми — каменные вымостки или наброски) [17].

В скифское время деревянные гробницы особенно широко представлены в лесостепном Причерноморье. В Молдавии у с. Пыржолтены в овальной яме со следами обжига и деревянных конструкций найдена урна с кальцинированными костями (V в. до н. э.) [18]. В Западной Подолии деревянные каркасные гробницы в ямах и на горизонте (иногда сожженные) обнаружены у Новоселки-Гримайловской, Перебыковцев, Братышева, Долинян и т. д. (VI—V вв. до н. э.) [19]. В Восточной Подолии подобные гробницы (Переорка, Ильинцы, Мизяков, Новоселицкие курганы) существовали и в IV—III вв. до н. э.[20]. В бассейне р. Тясмин в VII—VI вв. до н. э. деревянные гробницы составляют 43—46% погребальных сооружений, около трети их (главным образом на горизонте) сожжено; часть их была радиально обложена бревнами [21]. В этот же период в Поросье склепы также встречаются, но сжигаются реже (6 из 90) [22]. В V—III вв. до н. э. деревянные гробницы на правобережье Днепра продолжают бытовать, но чаще устраиваются в ямах. В IV в. до н. э. на Тясмине, а в Поросье в IV—III вв. до н. э. обычай сожжения погребального сооружения на горизонте почти исчезает [23].

Картина в целом сходная, но с некоторыми отличиями, наблюдается на Левобережье. Так, деревянные гробницы отмечены в бассейне р. Псел [24]. В Посулье срубы и склепы (есть и на горизонте) составляют около половины погребальных сооружений VI—IV вв. до н. э.[25], но обряд сожжения отмечен здесь лишь для 2% захоронений V—IV вв. до н. э. В бассейне Ворсклы каркасные сооружения составляют около 4% (5 из 128), а срубы и ямы с деревянной облицовкой — около 17% погребальных сооружений VI—IV вв. до н. э.[26]; сожженные склепы встречены всего дважды. В последнее время исследован ряд погребений с деревянными конструкциями в урочище Скоробор [27]. В бассейне Донца деревянные гробницы составляют около 20% погребальных сооружений, но мощные деревянные конструкции отсутствуют [28]. Сведений о сожженных гроб-

---

[16] *Крилова Л. П.* Археологічні розкопки стародавніх курганів на Криворіжжі в 1964—1966 рр.— В сб.: Наш край. Дніпропетровський історичний музей. Збірник, вип. 1. Дніпропетровськ, 1971, с. 23, 27; *Смирнов К. Ф.* О погребениях с конями и трупосожжениях эпохи бронзы в нижнем Поволжье.— СА, XXVII, 1957, с. 209—221; *Отрощенко В. В.* Погребения с трупосожжением у племен срубной культуры нижнего Поднепровья.— В сб.: Энеолит и бронзовый век Украины. Киев, 1976, с. 172—190.

[17] *Тереножкин А. И.* Киммерийцы. Киев, 1976, с. 97, 98.

[18] *Лапушнян В. Л., Попов С. И.* Погребение V в. до н. э. из Молдавии.— АО—1972. М., 1973, с. 409.

[19] *Іллінська В. А., Тереножкін О. І.* Ук. соч., с. 98, 99; *Смирнова Г. Н.* Курганы у с. Перебыковцы.— АО—1974. М., 1975, с. 354, 355.

[20] *Іллінська В. І., Тереножкін О. І.* Ук. соч., с. 95.

[21] Подсчет по сводке В. А. Ильинской. См. *Ильинская В. А.* Раннескифские курганы бассейна р. Тясмин (VII—VI вв. до н. э.) Киев, 1975, с. 10—55.

[22] *Ковпаненко Г. Т.* Памятники раннескифского времени Каневщины.— МИА, № 177, 1971, с. 117.

[23] *Петренко В. Г.* Правобережье среднего Приднепровья в V—III вв. до н. э.— САИ, Д1—4. М., 1967, с. 53.

[24] *Ильинская В. А.* Памятники скифского времени в бассейне р. Псел.— СА, XXVII, 1957, с. 234—242.

[25] Подсчет по: *Ильинская В. А.* Скифы днепровского лесостепного Левобережья (курганы Посулья). Киев, 1968, с. 196—203.

[26] *Ковпаненко Г. Т.* Племена скіфського часу на Ворсклі. Київ, 1967, с. 83.

[27] *Шрамко Б. А.* Раскопки Бельского городища и могильника «Скоробор».— АО—1975. М., 1976, с. 409.

[28] *Либеров П. Д.* Памятники скифского времени в бассейне Северного Донца.— МИА, 1962, № 113, с. 15—17.

ницах нет. На среднем Дону каркасные и столбовые сооружения (два столба и более) составляют примерно 40% погребений; 8% захоронений V—IV вв. до н. э. содержат трупосожжения.[29]

Таким образом, деревянные гробницы в ямах и на горизонте были распространены в конце VII—IV вв. до н. э. на большей части причерноморской лесостепи. Наибольший процент сожженных гробниц отмечен для правобережного среднего Поднепровья; на Левобережье сожжений значительно меньше. К IV—III вв. до н. э. обычай сожжения гробниц отмирает.

Кроме Причерноморья, с рубежа VII—VI вв. до н. э. и позже, деревянные гробницы встречаются на значительной части лесостепного (в меньшей степени и степного) пояса Евразии и вне его[30]: на горном и центральном Алтае (Пазырык, Башадар, Туэкта, Катанда и др.), в Казахстане и Туве (Чиликта, Аржан, Иссыкский курган и др.), в Семиречье (Бесшатыр), в низовьях Сырдарьи (Тагискен, Уйгарак), в Прикубанье и на Кавказе (Келермесские, Ульский, Костромской, Гойтинские курганы и др.), в южном Приуралье (Пятимары I, Мечетсай), встречены они в Малой и Передней Азии (Гордион, Хасанлу и др.), в Венгрии (Кархозотт); список можно было бы продолжить. Несмотря на принадлежность к разным культурам, некоторые из них сближаются между собой и с причерноморскими гробницами раннескифского времени рядом элементов: сожжением гробниц (Костромской курган, Пятимары I, Тагискен, Уйгарак, Бесшатыр и др.), заваливанием погребального сооружения камнями (Пазырык, Чиликта, Бесшатыр, Туэкта, Аржан, Гордион и т. д.), устройством дромосов (Бесшатыр, Чиликта, Тагискен и др.).

Подведем некоторые итоги. 1. Причерноморская лесостепь, а в значительно меньшей степени и степь в скифское время входили в обширную зону распространения деревянных гробниц. 2. Сходство степных деревянных гробниц с лесостепными проявляется не только в конструкции, но и в ритуале сожжения (особенно в ранний период); однако в степных гробницах нет специальных входов, обычных в лесостепных гробницах. 3. Деревянные гробницы не получили в степной скифской среде Причерноморья заметного распространения ни в ранне-, ни в среднескифское время. Этим степная скифская культура резко отличается от синхронных скифоидных культур лесостепи, где традиция создания деревянных гробниц, вероятно, связанная с домостроительством, устойчиво сохраняется в VII—III вв. до н. э. 4. Половина всех степных деревянных гробниц, в том числе большинство сожженных, сконцентрированы на крайнем севере степи, у лесостепной границы, причем на правобережье Днепра (рис. 1). Это дает право предположить, что некоторые гробницы оставлены представителями лесостепных племен, проникших в степь. В пользу этого говорит тождество конструкции степных и лесостепных гробниц, а также и то, что именно лесостепное правобережье среднего Днепра является зоной наибольшего распространения сожженных гробниц, в том числе и на древнем горизонте.

Рассмотрим еще одну группу погребений — в больших ямах. Примечательно, что форма их почти всегда квадратная или подквадратная. Среди них выделяются ямы с круглыми ямками в углах дна. Ямки встречаются как в больших, так и в сравнительно небольших ямах; ввиду своеобразия и редкости подобного рода сооружений все степные ямы VII—V вв. с угловыми ямками рассматриваются ниже в общей сводке.

---

[29] *Либеров П. Д.* Памятники скифского времени на среднем Дону.— САИ, Д1—311. М., 1965, с. 12, 13, табл. I, II.

[30] *Тереножкин А. И.* Скифская культура.— МИА, № 177, 1971, с. 19.

Большие ямы. 1. Темир-гора, погр. 81 (основное) [31]: яма 4×3×1,4 *м*, высечена в скале, перекрыта каменным завалом; возможно, имелось деревянное перекрытие — середина VII в. до н. э.; 2. Курган у с. Владимировка (осн.) [32]: большая яма — V в. до н. э.; 3. Курган у с. Обиточное (осн.): яма 4,26×3,2×7 *м*; в насыпи — слой камки и много камней, V в. до н. э.[33]; 4. Курган 2 у с. Шевченково (осн.) [34]: яма 6×4×4 *м*, V в. до н. э.; 5. Курган в с. Червоный Яр (осн.) [35]: округлая яма 3,9×4,4×1,6 *м* закрыта каменной выкладкой. На дне — могила 2,5×0,75×0,6 *м*, заваленная камнями; среди инвентаря — кусочек ярко-алого минерала. К северо-западу — могила коня, перекрытая камнями, V в. до н. э.; 6. С. Константиновка, кург. 14, погр. 1 (осн.?) [36]: яма 2,5×2,3 *м*, забита камнями, конец VI — начало V в. до н. э.; 7. Елизаветовский могильник, к югу от хутора Городище, кург. 5 (осн.) [37]: яма 5,2×5×1,3 *м*, над ней много камней, стены покрыты слоем перегноя камыша, вторая половина V в. до н. э.; 8. Елизаветовский могильник, группа «5 братьев», кург. 5 (осн.) [38]: яма 3,9—4,15×3,5 *м*, по дну 3,75×2,75×2,12 *м*, перекрыта деревянным накатом. К западу — конская могила (вторая половина V в. до н. э.); 9. Курган 4 у дер. Щеглово (осн.) [39]: яма 4,8×3,9×1,42 *м*, перекрыта накатом из колотых дубовых плах, прикрытых камышом. Плахи равномерно обуглены, V в. до н. э. (?); 10. Курган у с. Мироновка (Переводчиково) [40]: под насыпью, недалеко от дневной поверхности, слой угля толщиной 0,35 *м*; под ним обгорелые брусья, лежавшие по направлению радиусов могилы, концами не доходя до ее центра. В грунте — яма диаметром 3,55 *м*, глубиной 3,2 *м*. Судя по остаткам погребального инвентаря (кусочек красной краски, золотые обивки деревянного сосуда и т. д.), погребение может относиться к V в. до н. э.; 11. Трехметровый курган у с. Станишино, «в 90 саженях к северу от кургана Абертасова»: по сообщению В. В. Ястребова, «в 12-м штыке вынуто много бревен концами к центру и к окружности, лежали наклонно от центра к периферии» [41]. Под бревнами находилась яма 3,55×3,2×1,6 *м*. Зола и уголь были обнаружены только в верхней части насыпи. Судя по остаткам погребального инвентаря и другим элементам обряда, погребение может быть датировано V в. до н. э.

Рассмотренные погребения характеризуются значительными размерами могильных ям, плоским бревенчатым перекрытием, иногда прикрытым слоем камыша; отсутствие в некоторых случаях следов перекрытий скорее всего объясняется неблагоприятными почвенными условиями. Дважды перекрытия были сожжены или обуглены. Почти половина рассмотренных ям имела каменную наброску поверх перекрытия; камни проваливались в яму и заполняли ее, когда сгнивало перекрытие. К сожалению, неясно устройство перекрытий погребений у сел Мироновка и Станишино.

---

[31] *Яковенко Э. В.* Курган на Темир-горе.— СА, 1972, № 3, с. 261.

[32] *Яценко И. В.* Скифские погребения близ Ногайска (по материалам раскопок Н. И. Веселовского в 1887 г.).— ВДИ, 1956, № 1, с. 66, 67.

[33] Там же, с. 66—68.

[34] *Алексеева И. А.* Работы в Килийском районе.— АО—1974, М., 1975, с. 247.

[35] *Гудкова А. В.* Скифское погребение с конем из нижнего Подунавья.— АО—1969. М., 1970, с. 240, 241.

[36] *Гребенников Ю. С.* Погребальный обряд скифов Поингулья.— В сб.: ОМАУ, ч. I. Киев, 1976, с. 29, 30.

[37] *Миллер А.* Раскопки у станицы Елисаветовской в 1911 году.— ИАК, вып. 56. Пг. 1914, с. 227—229.

[38] *Шилов В. П.* Раскопки Елизаветовского могильника в 1954 и 1958 годах.— ИРОМК, № 1(3). Ростов-на-Дону, 1959, с. 16, 17.

[39] *Городцов В. А.* Дневник археологических исследований в Бахмутском уезде, Екатеринославской губ., 1903 года.— Тр. XIII АС, т. I. М., 1907, с. 334, 335.

[40] *Ястребов В. В.* Раскопки в Херсонской губернии в 1887 году.— ТМАО, т. 13, вып. 1, 1889, с. 117, 118.

[41] Там же, с. 115—117.

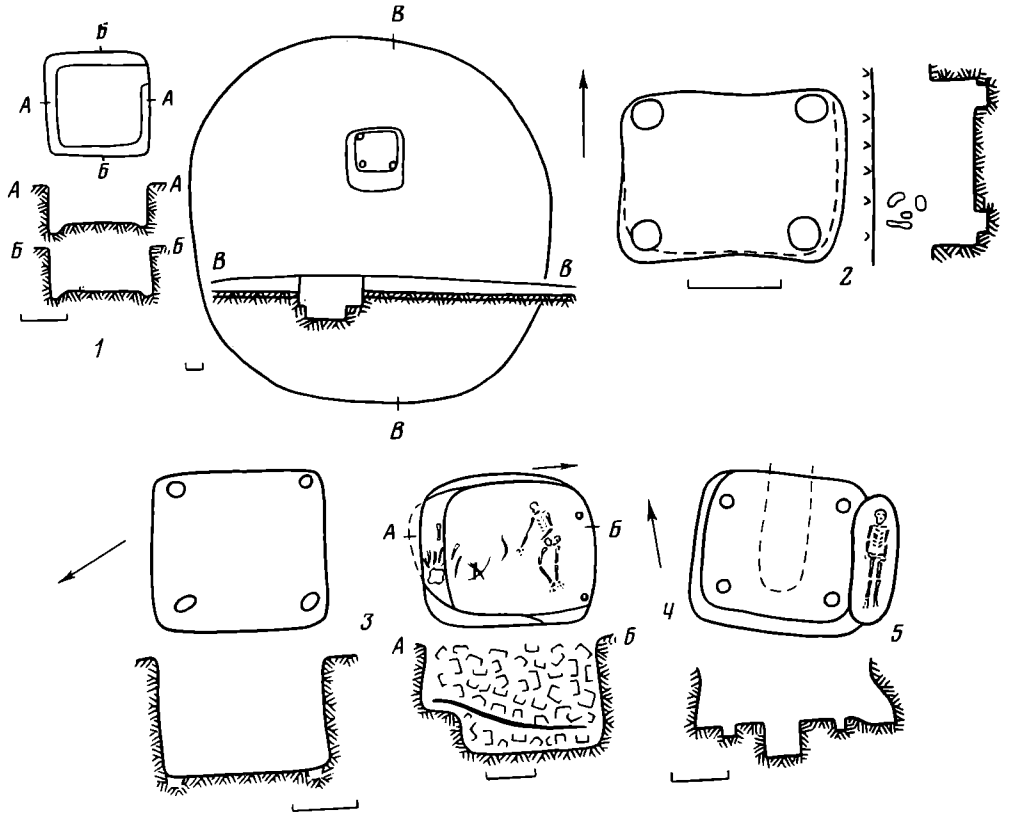


Рис. 2. Скифские погребения с угловыми ямками. *1* — с. Балабаны, кург. V; *2* — с. Ковалевка, гр. II, кург. 3, погр. 1; *3* — группа шахты № 22, кург. 12, погр. 1; *4* — г. Константиновск-на-Дону; *5* — Старинская птицефабрика у г. Борисполя, кург. 1, погр. 1

Возможно, основные захоронения в больших подквадратных ямах были и под другими курганами: Рожновским, Острой могилой у Ногайска, Бабы [42] и др.

Рассмотрим еще одну группу подквадратных ям, особенностью которых является наличие угловых ямок (рис. 2): 12. Первая Завадская могила (осн.) [43]: яма 5,2×5,4 *м*, по низу 5,4×5—5,6×4,2 *м*. Сверху — каменный завал. Перекрытие — двухслойный бревенчатый накат. Под южной стенкой устроена ниша-подбой. Деревянная обшивка стенок скорее всего отсутствовала. В трех углах на дне могилы — ямки глубиной 5—10 *см*, в центре — деревянный настил. К западу от погребения находились две конские могилы — V в. до н. э.; 13. С. Балабаны, южная группа, курган V (осн.) [44]: яма 3,5×3 *м*, на глубине 1,4 *м* с юга уступ шириной 1 *м*; к северу — «камера» 2,25×2,25 *м*, в трех углах — ямки диаметром 0,4 *м*, глубиной 0,1—0,3 *м*; по периметру дна — канавка (V в. до н. э.?); 14. У г. Константиновска (насыпь не сохранилась) [45]: яма 3,2×3×2,25 *м*, заполнена камнями; по южной стенке — уступ шириной

[42] Возможно, погребение кургана Бабы представляло собой не катакомбу с обвалившейся камерой-подбоем, а квадратную яму с угловыми нишами (как изображено в Тр. XI АС, т. I. М., 1901, с. 720).

[43] *Мозолевский Б. Н.* Скифские курганы V в. до н. э. у г. Орджоникидзе на Днепропетровщине.— В сб.: Новейшие открытия советских археологов. Тезисы докладов конференции. Киев, 1975, с. 15, 16.

[44] *Чеботаренко Г. Ф.* Скифские курганы у с. Балабаны.— АИМ—1970—1971. Кишинев, 1973, с. 113, 114.

[45] *Киященко В. Я., Кореняко В. А.* Погребение раннего железного века у г. Константиновска-на-Дону.— СА, 1976, № 1, с. 170—177.

0,6 *м*. Деревянное перекрытие сожжено: в двух углах на дне — ямки с остатками столбиков, конец VII в. до н. э.; 15. Курган у с. Великая Знаменка (осн.) [46]: яма с ложбинкой вдоль стенок и ямками по углам. Среди инвентаря — кусочки яркой краски (V в. до н. э.); 16. С. Ковалевка, группа II, кург. 3 (осн.) [47]: под каменным закладом — яма 2,2×1,7×1,05 *м* с остатками деревянного тлена на дне; по углам — ямки диаметром 0,3—0,35 *м*, глубиной 0,1—0,15 *м* (V в. до н. э.); 17. Группа шахты № 22, кург. 12, погр. 1 (осн.) [48]: яма 2,4×2,5×1,7 *м*; бревенчатое перекрытие. В углах — ямки диаметром 0,25 *м*, глубиной 0,1 *м*. На выкидке из могильной ямы — слой истлевшего камыша (конец VI — начало V в. до н. э.).

Таким образом, по опубликованным данным, в степи отмечено шесть раннескифских погребений с угловыми ямками. В трех случаях ямки находились во всех четырех углах на дне, в двух — в трех углах и в одном случае — в двух углах. Ямки либо вплотную прилегают к стенкам могилы, либо отстоят от них на 0,1—0,2 *м*. В двух погребениях при этом отмечены канавки, вырытые по периметру дна могилы. Большинство исследователей считают, что угловые ямки служили для установки в них столбов, поддерживавших перекрытие, а канавки — для вертикальной или горизонтальной облицовки. Однако остатки столбов достоверно зафиксированы лишь в погребении у г. Константиновска. Возможно, столбы были и в погребении у с. Великая Знаменка, не исключено, что там же была и облицовка стенок ямы. Нетрудно заметить, что в случае применения столбов и облицовки могила с угловыми ямками превращалась в срубно-каркасную гробницу типа Старшой могилы. Однако если форма степных могил с угловыми ямками близка к квадрату, то форма лесостепных бездромосных гробниц типа Старшой могилы и кург. 38 у Гуляй-города [49] почти всегда прямоугольна. К тому же в лесостепи угловые столбы почти всегда конструктивно связаны с канавками и установленной в них деревянной облицовкой, чего нельзя сказать о степных погребениях. Однако следует заметить, что, если в великознаменском погребении имелись угловые столбы и облицовка, его следует относить к числу каркасных или срубно-каркасных гробниц.

Во всех известных случаях угловые ямки сочетались с плоским деревянным перекрытием могильной ямы. В большинстве случаев бревна перекрытия находились на уровне древнего горизонта. Примечательно, что и этом случае при отсутствии облицовки угловые столбы и не нужны, так как они практически не поддерживают перекрытие. Плоское перекрытие несколько другого устройства, вероятно, находилось в погребении у г. Константиновска (рис. 2). Здесь два столбика у северной стенки ямы играли роль своеобразных заплечиков. Их верхние концы на уровне материковой ступеньки, также игравшей роль заплечиков, возможно, были скреплены горизонтальным брусом. Таким образом, лежавшие меридионально жерди перекрытия, опиравшиеся на ступеньку и брус на столбах, образовывали перекрытие значительно ниже дневной поверхности; затем оно было сожжено и завалено камнями. Подобное перекрытие, видимо, было и в погребении у с. Балабаны (рис. 2, *1*); однако здесь столбы бесполезны (их и не было), так как ступеньки-заплечики идут по всем четырем сторонам «камеры». Таким образом, использование столбов в качестве заплечиков в степных погребениях с угловыми ямками не получили широкого распространения. Несколько четче это прослеживается в каркасных гробницах с

---

[46] *Самоквасов Д.* Могилы Русской земли. М., 1908, с. 121, 122.

[47] *Ковпаненко Г. Т.* и др. Отчет Южнобугской (Очаковской) экспедиции за 1974 г.— Научный архив ИА АН УССР, ф. е., 1974/11.

[48] *Тереножкин А. И.* и др. Скифские курганы Никопольщины.— В сб.: Скифские древности. Киев, 1973, с. 168, 169.

[49] *Іллінська В. А., Тереножкін О. І.* Ук. соч., с. 83, рис. 25; с. 111, рис. 32.

шестью и более столбами, например, в киммерийском погребении у с. Зольное, в алтайских погребениях Пазырыка и Катанды.

В погребениях с угловыми ямками не получили распространения и шалашеобразные перекрытия (типа «татэана» [50]; рис. 3). Имитация подобного перекрытия, не устранявшая возможности устройства деревянной облицовки и даже плоского перекрытия внутри образовавшегося «шатра», иногда встречается в наземных каркасных и срубных гробницах типа Медеровской и Показовских.

Таким образом, ямки по углам дна подквадратных могил могли служить для установки в них столбов. Однако дерево в ямках было отмечено лишь в одном-двух случаях из шести, что невозможно объяснить его полным разрушением (в тех же могилах зафиксированы следы перекрытий или настилов на дне). В пользу того, что столбы в угловых ямках скифских степных погребений часто не применялись, говорит следующее. 1. Почти во всех случаях ямки сочетались с перекрытием на уровне древнего горизонта, когда (при отсутствии облицовки) столбы практически не нужны. 2. Угловые ямки диаметром 0,2—0,4 *м* находились в небольших ямах (с. Балабаны, с. Ковалевка, шахта № 22) размером в среднем 2,3×2,3 *м*, которые легко можно было перекрыть накатом, не применяя опорных столбов. 3. В двух погребениях имелось по три угловых ямки, что технически не оправдано.

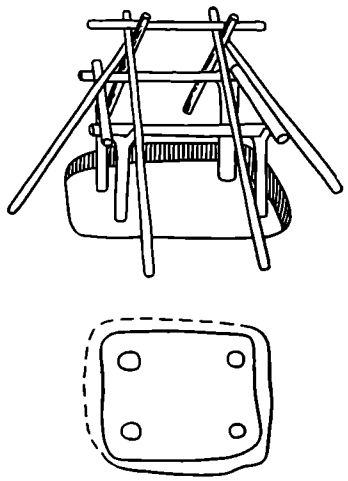


Рис. 3. Полуземлянка «татэана» (Япония, II—I тысячелетие до н. э.)

Обратимся к аналогичным погребальным сооружениям доскифского и раннескифского времени на Украине и других территориях (рис. 4).

В причерноморской степи одно из самых ранних погребений с угловыми ямками обнаружено в Усатовском кургане I — 12 (рис. 4, *б*). Здесь яма была перекрыта плитой, внешние края которой обожжены. На глубине 0,65—0,66 *м* от верха ямы находились остатки дерева. По мнению автора раскопок, «скелет был перекрыт настилом, однако не сплошным слоем, возможно, ветками» [51]. Следы дерева в угловых ямках не отмечены. В погр. 2 кург. 15 у с. Заповитне и в погр. 5 кург. 11 группы «Острая могила» имелись угловые столбы, облицовка и бревенчатый накат (позднесрубная культура) [52]. Четыре погребения белозерского времени с угловыми ямками исследованы в могильнике Степной (Запорожская обл.) [53]. При диаметре угловых ямок 0,3—0,35 *м* диаметр обнаруженных в некоторых из них столбиков не превышал 0,07 *м*. Автору раскопок удалось установить, что угловые столбики не были связаны с бревенчатым перекрытием на уровне погребенной почвы, а поддерживали над погребенным легкий камышовый навес.

Подобные погребения с угловыми ямками и бревенчатым накатом на уровне древнего горизонта обнаружены на Херсонщине, в кург. 12 у с. Любимовка, в Широком кургане и т. д.[54]. Примечательно, что яма Широкого

[50] *Лазарев Г. С.* Из истории японского жилища.— СЭ, 1972, № 1, с. 73.

[51] *Патокова Э. Ф.* Усатовский курган I—12.— КСОГАМ 1962 г. Одесса, 1964, с. 106, 107.

[52] *Отрощенко В. В.* Погребения с трупосожжением..., с. 175; *Ольговский С. Я., Полин С. В.* Курганная группа «Острая могила».— В сб.: Курганы южной Херсонщины. Киев, 1977, с. 41.

[53] *Отрощенко В. В.* Новый курганный могильник белозерского времени.— В сб.: Скифский мир. Киев, 1975, с. 193—206.

[54] *Лесков А. М.* Предскифский период в степях Северного Причерноморья.— МИА, 1971, № 177, с. 76; *Болтрик Ю. В., Зарайская Н. П.* Раскопки курганов близ

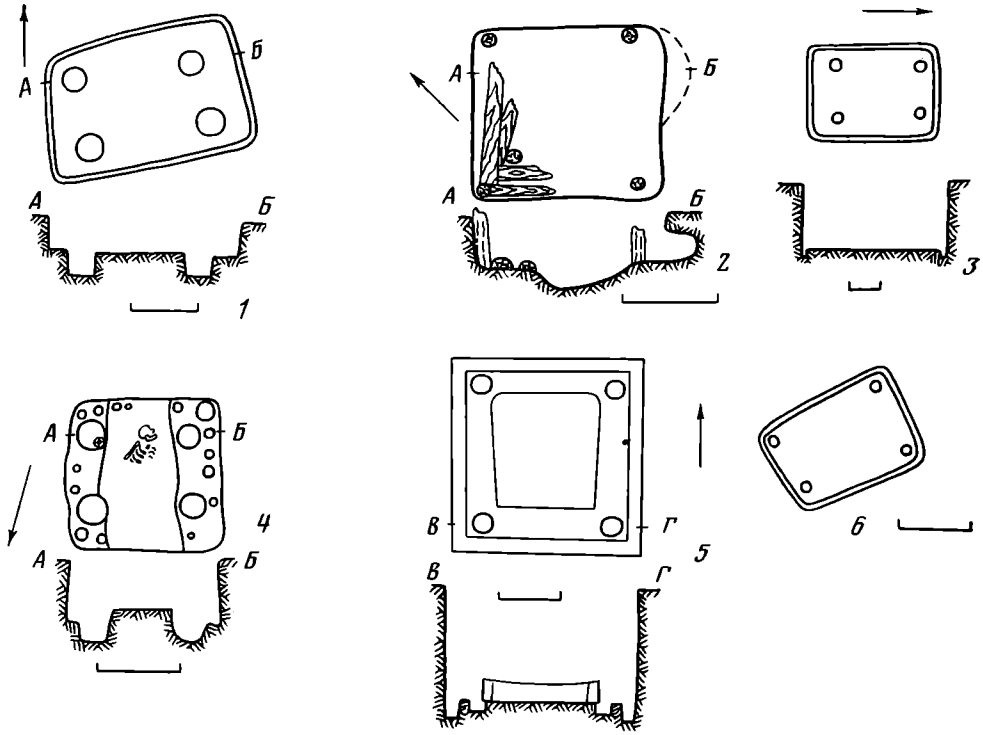


Рис. 4. Погребения эпохи бронзы. *1* — с. Иванья, кург. II, погр. 4; *2* — с. Широкое, гр. «Острая могила», кург. 11, погр. 5; *3* — могильник Степной, кург. 2, погр. 1; *4* — могильник Степной, кург. 4, погр. 2; *5* — Широкий курган; *6* — Усатовский курган I — 12, яма № 1

кургана, несмотря на наличие канавки вдоль стенок и угловых ямок, определенно не имела ни облицовки, ни угловых столбов. В центральной части ее находилось четко оформленное возвышение, своего рода «ложе» для погребенного, подчеркнутое и канавками. Тот же принцип выделения и «приподнимания» центра ямы чувствуется и в погр. 4 кург. 2 могильника Степной, и в мавзолеях 5в и 6 Северного Тагискена [55].

Подквадратные ямы с угловыми ямками продолжали существовать в степном Причерноморье и в киммерийское время (с. Березки; с. Суворово, кург. 6; с. Новопетровка) [56], и в раннескифское. Наиболее позднее погребальное сооружение с угловыми ямками (IV—III вв. до н. э.) было исследовано у г. Борисполя, в зоне вклинившегося далеко на север степного «языка» (рис. 2, *5*). На стенках ямы 3×3×1,4 *м* имелись следы деревянной обшивки, а на дне — дощатого пола. В восточной стенке была устроена ниша-подбой [57]. Погребение IV—III вв. до н. э. с угловыми ямками обнаружено и в Поднестровье.

В лесостепном Причерноморье ямы с угловыми ямками появляются в срубное время, но встречаются заметно реже, чем в степи. Так, в погр. 4—5 кург. II у с. Иванья (яма 2×3 *м*) по углам, видимо, были вкопаны столбы диаметром до 0,5 *м* (?). Дно и стенки обложены плахами,

---

с. Любимовка Каховского района.— АИУ—1968. Киев, 1971, с. 8; *Латышев В. В.* Раскопки Н. И. Веселовского в 1916 и 1917 гг.— Сообщ. ГАИМК, вып. 1, 1926, с. 200—203.

[55] *Вишневская О. А., Итина М. А.* Ранние саки Приаралья.— МИА, № 177, 1971, с. 198.

[56] *Тереножкин А. И.* Киммерийцы, с. 36, 64, 68.

[57] *Ильинская В. А.* Скифские курганы около г. Борисполя.— СА, 1966, № 3, с. 162. На присутствие дерева в ямках не указывается. Угловые столбы отмечены в сарматском погребении I в. до н. э. Воздвиженского кургана (Прикубанье) (ОАК за 1899 г. СПб., 1902, с. 43—47).

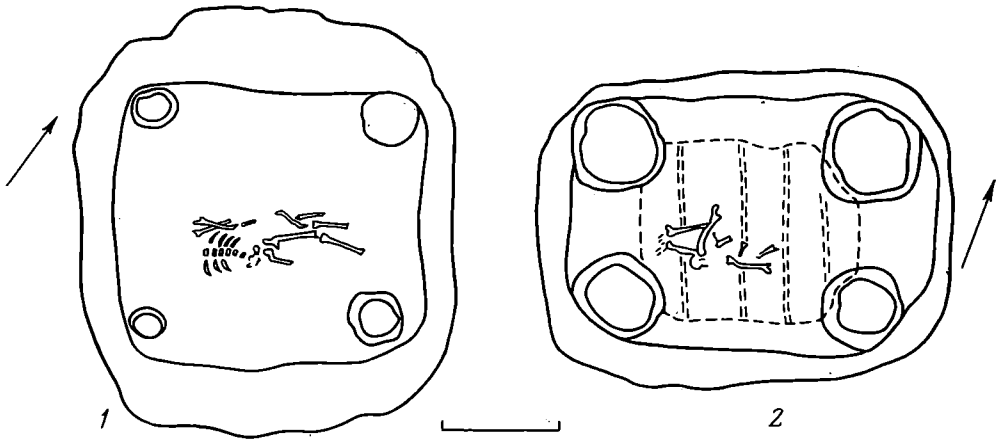


Рис. 5. Раннесакские погребения Уйгарака. *1* — кург. 42; *2* — кург. 35

перекрытие плоское. Отмечены следы кремации погребенных. Инвентарь комаровской культуры. XIII в. до н. э.[58].

К раннескифскому времени относятся погребения с угловыми ямками диаметром 0,5—1 *м* и элементами сожжения, исследованные Г. И. Смирновой на среднем Днестре [59]. В Западной Подолии Т. Сулимирским исследовано несколько могил, в дне которых находилось от одной до четырех круглых ямок, по мнению ученого, ритуального характера [60]. В кургане VI в. до н. э. у с. Малая Офирна в дне могильной ямы находилось четыре угловые ямки и две меньшего диаметра — у стенок. Перекрытие обуглено, на дне — остатки деревянного настила [61].

Большую серию погребений с угловыми ямками и плоским перекрытием дают раннесакские могильники Южного Тагискена и Уйгарака (рис. 5). Диаметр ямок 0,1—0,8 *м*, ни в одной из них остатков столбов не обнаружено, но в некоторых найдены предметы погребального инвентаря [62]. Встречаются в погребениях Тагискена и Уйгарака и канавки по периметру дна при отсутствии облицовки [63]; погребенный, таким образом, оказывался лежащим на земляном ложе («столе»), как и в отмеченных погребениях белозерского времени Причерноморья и Северного Тагискена. Примечательно, что в яме скифского погр. 3 кург. 2 у дер. Шпаковка (VI—V вв. до н. э.) также прослежена канавка без следов дерева по периметру дна [64].

Рассмотрим еще одну возможность использования ямок. В кург. 38 Уйгарака в трех угловых ямках обнаружены остатки столбиков-ножек установленного на грунтовом «столе» ложа (или легкого навеса) [65]. Но эти ямки отличаются от угловых прочих могил удаленностью от стенок ямы и

---

[58] *Свешников И. К.* Богатые погребения комаровской культуры у с. Иванья Ровенской области.— СА, 1968, № 2, с. 164.

[59] Доклад Г. И. Смирновой на сессии ИА АН СССР, март 1977 г.

[60] *Мелюкова А. И.* Памятники скифского времени лесостепного среднего Поднестровья.— МИА, 1958, № 64, с. 41.

[61] *Петровська Е. О.* Курган VI ст. до н. е. біля с. Мала Офірна на Київщині.— Археологія, т. XXI, 1968, с. 164—173.

[62] *Вишневская О. А.* Культура сакских племен низовьев Сырдарьи в VII—V вв. до н. э. М., 1973, с. 60.

[63] *Толстов С. П., Итина М. А.* Саки низовьев Сырдарьи (по материалам Тагискена).— СА, 1966, № 2, с. 153, 154.

[64] *Городцов В. А.* Материалы археологических исследований на берегах р. Донца, Изюмского уезда, Харьковской губернии.— Тр. XII АС, т. I. М., 1905, с. 308.

[65] *Вишневская О. А.* Ук. соч., с. 63.

небольшим диаметром. Примечательно, что очень редко подобным образом ямки использовались и в погребениях некрополя Ольвии [66], Пантикапея и, возможно, Николаевского могильника [67].

Итак, краткий обзор погребальных сооружений — ям с угловыми ямками — позволяет сделать следующие выводы: 1. Данный вид погребальных сооружений появляется в Причерноморье по крайней мере в срубную эпоху (вероятно, раньше), бытует на протяжении киммерийского и раннескифского периодов и доживает до IV—III вв. до н. э. 2. Со срубного времени прослеживается связь подобных погребальных сооружений с культом огня, которая, однако, в раннескифское время заметно слабеет. 3. Первоначально угловые ямки служили для установки в них столбов. Применение столбов и облицовки, возможно, свидетельствует о происхождении подобных погребальных сооружений от полуземлянок с возвышающейся конической или двускатной крышей; применение в таких постройках угловых столбов совершенно необходимо (рис. 3). Однако уже в белозерское время в степи угловые ямки (и канавки вдоль стенок) иногда не используются по назначению. В тех же случаях, когда столбики находились в ямках, они обычно поддерживали не плоское перекрытие могилы (столбы здесь практически бесполезны), а легкий навес над погребенным. Столбики иногда использовались для прижатия деревянной облицовки к стенкам ямы. В погребениях скифского и сакского времени в степи столбики в угловых ямах встречаются редко. В этот период угловые ямки часто являлись данью традиции, имитируя погребальное сооружение, ведущее свое происхождение от полуземлянки. О традиционно-ритуальном значении ямок свидетельствует обнаружение в некоторых из них предметов погребального инвентаря, а также в ряде случаев чрезмерно большой диаметр ямок — до 1 *м*. Однако в лесостепных (и некоторых степных) каркасных погребениях угловые ямки обычно служили для установки столбов, часто поддерживавших облицовку стенок могильной ямы. 4. С эпохи поздней бронзы на дне погребений рассматриваемого типа устраивался деревянный помост или же погребенный лежал на решетчатых носилках. 5. Во всех известных случаях погребения с угловыми ямками имели плоское бревенчатое перекрытие, почти всегда на уровне древнего горизонта. Иногда перекрытие сверху выстилалось камышом или травой.

Выделенные 17 погребений в подквадратных ямах (в том числе с угловыми ямками) имеют ряд общих черт: все они являются основными; в большинстве сохранились остатки плоского деревянного перекрытия, иногда покрытого камышом; половина всех ям поверх перекрытия завалена камнями. Рассмотренные погребения находились под насыпями разной высоты — от 1,6 до 8 *м*. Высота более половины насыпей превышала 2 *м*, а двух из них — 7 *м*. Три погребения сопровождались конскими захоронениями в отдельных ямах. Почти все погребения ограблены, однако оружие обнаружено в 11 из них, жертвенная пища — в восьми, краска — в трех. В трех случаях перекрытия были сожжены или обожжены. Иногда в центре ямы устраивался настил для погребенного.

Мы рассмотрели в общих чертах две группы раннескифских захоронений — в деревянных гробницах и больших ямах, что позволяет прийти к следующим выводам.

1. Конструкция деревянных гробниц, а также ям с угловыми ямками демонстрирует связь с приемами домостроительства. 2. С эпохи поздней бронзы захоронения в ямах с угловыми ямками и в деревянных гробницах в Причерноморье сосуществуют. 3. Погребения в деревянных гробницах и в ямах с угловыми ямками скифского времени имеют аналогии среди

---

[66] *Козуб Ю. І.* Некрополь Ольвії V—IV ст. до н. е. Київ, 1974, с. 24.

[67] *Мелюкова А. И.* Поселение и могильник скифского времени у села Николаевка. М., 1975, с. 102. (Однако следов дерева в ямках нет.)

степных погребений эпохи поздней бронзы и киммерийского времени, а также синхронных погребений причерноморской лесостепи. Аналогии могильным ямам с угловыми ямками наиболее широко представлены в степных белозерских погребениях (как отмечалось в работах М. И. Ростовцева, М. И. Артамонова, В. А. Ильинской и др.), что дает возможность предположить их генетическую преемственность. Вследствие этого не следует недооценивать роль автохтонного (в частности, белозерского) этнического элемента в сложении скифской степной культуры. Аналогии степным деревянным гробницам имеют более широкий ареал. Однако наиболее типологически и хронологически близкие и массовые аналогии дают погребения лесостепного Поднепровья, что позволяет предположить если не преемственность, то тесную связь степных и лесостепных деревянных гробниц скифского времени. Где находятся истинные истоки подобной традиции, пока неясно. 4. Между могильными ямами с угловыми ямками и деревянными гробницами нет четкой границы. При наличии в ямках столбов погребальное сооружение превращалось в каркасную, а при наличии бревенчатой облицовки — в срубно-каркасную гробницу. 5. Большие подквадратные могильные ямы, в том числе и с угловыми ямками, в наибольшей степени соответствуют описанной Геродотом могиле скифского царя (однако из этого не следует, что все они принадлежат исключительно царям). Археологически засвидетельствовано применение в таких ямах плоского деревянного перекрытия, поверх которого настилался камыш (ср.: Her., IV, 71). Имеющиеся данные не позволяют реконструировать могилу царя как деревянную гробницу. Мало вероятно, чтобы Геродот забыл упомянуть сооружение в яме сруба или шалаша (шалашеобразная юрта была ему известна — скифская «баня» — IV, 73), в то же время отмечая применение циновок. К тому же, по Геродоту, царя хоронили в яме, однако значительная часть деревянных гробниц (в степи VII—V вв. до н. э.— большинство) сооружалась не в яме, а на дневной поверхности; кроме того, они устойчиво связаны с обрядом сожжения, о котором Геродот не сообщает.

Несколько слов еще об одной упомянутой Геродотом черте погребального обряда — втыкании по сторонам трупа копий. Обычай этот засвидетельствован в степи археологически. Так, в могильной яме под насыпью кургана VI у с. Балабаны два наконечника копий стояли остриями вниз в юго-западном углу, а подтоки лежали в ногах у погребенного (рубеж V—IV вв. или начало IV в. до н. э.) [68]; наконечник копья был вбит в дно катакомбы кург. 1 (24) группы Солохи (начало IV в. до н. э.) [69]; два копья воткнуты в дно катакомбы № 17 кург. 2 на Никопольском поле (начало IV в. до н. э.) [70]. Вбитые в дно могилы наконечники копий обнаружены и в следующих степных погребениях IV—III вв. до н. э.: кург 1 (1892 г.) Пастака, каркасная гробница, шесть копий [71]; погр. 2, кург. 16 группы Аккермень I, катакомба, два копья [72]; курган 151, с. Парканы, яма, два копья [73]; с. Буторы, кург. 12, погр. 2, яма, одно копье [74]; пос. Ленино, кург. 1, погр. 2, каменный склеп, одно копье [75]; уроч. Носаки, кург. 4,

[68] *Чеботаренко Г. Ф.* Ук. соч., с. 115.

[69] Не опубликовано, раскопки Б. Н. Гракова и А. И. Мелюковой в 1961 г.

[70] *Граков Б. Н.* Скифские погребения на Никопольском курганном поле.— МИА, № 115, 1962, с. 59.

[71] *Кашпар А. О.* Ук. соч., с. 115—117; архив ЛОИА, ф. 1, № 13/1892 г. л. 22, 23.

[72] *Вязьмітіна М. І.* и др. Кургани біля с. Ново-Пилипівки і радгоспу «Аккермень».— АП УРСР, т. VIII, 1960, с. 64—66.

[73] *Мелюкова А. И.* Скифские курганы Тираспольщины (по материалам И. Я. и Л. П. Стемпковских).— МИА, № 115, 1962, с. 119.

[74] *Мелюкова А. И.* Раскопки курганов у с. Буторы Григориопольского р-на.— АИМ—1972. Кишинев, 1974, с. 84, 85.

[75] *Яковенко Э. В., Черненко Е. В., Корпусова В. Н.* Описание скифских погребений в курганах Восточного Крыма.— В сб.: Древности Восточного Крыма. Киев, 1970, с. 151.

погр. 1, катакомба, два копья [76]. В лесостепи подобных обычай отмечен в кург. II (№ 12) у с. Рыжановка; но здесь копье и два дротика были вбиты не в дно могилы, а в дневную поверхность между каркасной гробницей V в. до н. э. в яме и жертвенной ямой [77]. Примечательно, что «поверх» одной из позднеэллинистических могил Недвиговского некрополя в дельте Дона также было воткнуто копье [78].

Итак, отмеченный Геродотом обычай втыкания копий в дно могилы прочно засвидетельствован в степных погребениях конца V—III в. до н. э.— ямах, каменных и деревянных гробницах, катакомбах. Древки копий не применялись в конструкции погребального сооружения, они почти всегда обламывались и клались рядом с погребенным. В степи воткнутые копья встречаются от Приазовья до Подунавья, в лесостепи их почти нет. Если этот обычай принадлежал исключительно скифам царским, то он свидетельствует о том, что скифы царские действительно обитали в степи и для них характерны различные виды погребальных сооружений; по крайней мере с конца V в. до н. э., а скорее всего еще раньше, они начали хоронить умерших в катакомбах.

Интересно, что сходный обычай (втыкание копий в могильную насыпь) зафиксирован и у кочевников XVIII в. Н. Рычков, описывая рядовые погребения кочевников Казахстана, отмечает: «Могилы одна от другой отличались тем, что некоторые из них покрыты были поверх каменья кошмами и коврами, сделанными из камыша; и сверх того, на иных были воткнуты копейные древки и колчаны со стрелами, что было знаком храбрости умершего» [79].

V. S. Olkhovski

LES ANCIENNES TOMBES DES SCYTHES SELON HERODOTE ET SELON LES DONNEES ARCHEOLOGIQUES

Résumé

On étudie dans l'article deux groupes de sépultures des Scythes de la steppe, datant du VIIe au Ve s. av. n. è., en forme de grandes fosses presque carrées (certaines ont des trous dans les angles pour des pieux) ou dans des sarcophages de bois. On examine l'évolution des constructions funéraires de ces types, depuis la fin de l'Age du Bronze jusqu'au IVe — IIIe s. av. n. è., ainsi que des sépultures analogues du début de l'Age du Fer trouvées dans la zone de la steppe et la zone sylvo-steppique de l'Eurasie. On constate la conformité de la description faite par Hérodote de la tombe d'un roi scythe avec ces sépultures en forme de grandes fosses presque carrées, recouvertes de bois.

---

[76] *Бидзиля В. И., Болтрик Ю. В., Мозолевский Б. Н., Савовский И. П.* Курганный могильник в уроч. Носаки.— В сб.: Курганные могильники Рясные могилы и Носаки. Киев, 1977, с. 89.

[77] *Самоквасов Д.* Ук. соч., с. 82—84.

[78] ОАК за 1908 г. СПб., 1912, с. 124.

[79] Цит. по: *Снесарев Г. П.* Реликты домусульманских верований и обрядов у узбеков Хорезма. М., 1969, с. 113.

Ю. А. КРАСНОВ

ОПЫТ ПОСТРОЕНИЯ КЛАССИФИКАЦИИ НАКОНЕЧНИКОВ ПАХОТНЫХ ОРУДИЙ

(по археологическим материалам Восточной Европы)

Важнейшим и наиболее массовым материалом для изучения истории пахотных орудий Восточной Европы эпохи раннего железа и средневековья являются их рабочие наконечники, в большинстве своем более или менее точно датированные. Исследование их дает прежде всего информацию о функциональных особенностях пахотных орудий, которыми они снабжались, о способе их применения и условиях работы, об агротехнических возможностях. Но функциональные особенности пахотных орудий находятся в сложной взаимосвязи со строением их остова или скелета, т. е. с особенностями устройства и характером сочленения основных частей — признаками, которые обычно кладутся в основу изучения пахотных орудий в культурно-историческом плане. Эволюция форм наконечников, появление и развитие одних, исчезновение других, установление генетических связей между выделенными типами проливает свет на историю развития самих пахотных орудий, а картографирование датированных находок дает представление о времени, месте и условиях возникновения разновидностей пахотных орудий и их распространении.

Использование рабочих наконечников пахотных орудий, происходящих из археологических материалов, в качестве исторического источника возможно только после создания их четкой, во всех деталях обоснованной и достаточно дробной классификации для обширного региона. В конечном итоге классификации желательно получить серии наконечников, сходных по комплексу признаков, развитие которых во времени идет в одном направлении и которые соответствуют одной или нескольким разновидностям пахотных орудий, имеющим аналогии среди подлинных древних находок, в иконографическом или этнографическом материале.

Типологическая классификация наконечников пахотных орудий из археологических материалов Восточной Европы в последнее время разрабатывалась В. И. Довженком [1], В. П. Левашовой [2], А. В. Чернецовым [3]. Для выделения признаков, учитывавшихся в этих классификациях, большую роль сыграли работы А. В. Кирьянова [4]. Предложенные классификации отличаются лишь некоторыми деталями. Все древние и средневековые наконечники по принадлежности к тем или иным пахотным орудиям, существование которых предполагается для рассматриваемых эпох, раз-

[1] *Довженок В. И.* К истории земледелия у восточных славян и в эпоху Киевской Руси.— МИЗ, № 1, 1952; *его же.* Землеробство древньої Руси. Київ, 1961.

[2] *Левашова В. П.* Сельское хозяйство. Очерки по истории русской деревни X—XIII вв.— Тр. ГИМ, вып. 32, 1956.

[3] *Чернецов А. В.* О периодизации ранней истории восточнославянских пахотных орудий.— СА, 1972, № 3; *его же.* Классификация и хронология наконечников древнерусских пахотных орудий — КСИА АН СССР, № 146, 1976.

[4] *Кирьянов А. В.* История земледелия Новгородской земли X—XV вв.— МИА, № 65, 1959.

делятся на наральники (рабочие наконечники рал), сошники (наконечники сох) и лемехи (наконечники плугов). По признаку относительной ширины лопасти и втулки среди наральников выделяются узколопастные и широколопастные [5]. Сошники разделяются на симметричные и асимметричные (перовые). Среди симметричных сошников иногда выделяют группы по их размерам. Лемехи обычно разделяются на симметричные и асимметричные [6].

Приведенные классификации, широко распространенные в археологической литературе и литературе по истории земледелия [7], не лишены некоторых существенных недостатков. Так, различия между тремя основными группами наконечников — наральниками, сошниками и лемехами, в общем отражающие действительное положение вещей, не получили должного обоснования. Этот вопрос по существу оказался обойденным, отнесение конкретных наконечников к той или иной группе производилось по общему сходству с наконечниками из этнографического материала, без попытки выработать какие-либо четкие критерии сходства и различия. При этом даже такое сопоставление по общему сходству оставалось вне опубликованных работ, «за кадром» исследования. В результате в отнесении конкретных наконечников к той или иной группе пахотных орудий оказалось немало субъективного, а интерпретация ряда археологических находок наконечников у разных авторов бывает различной. В самом принципе такого разделения допускается смешение классификационного и интерпретационного уровней исследования, что для научной классификации нежелательно. Узколопастные и широколопастные наральники, а также симметричные и асимметричные лемехи рассматриваются в целом, без попытки разделить их на более мелкие классификационные группы, несмотря на отмечаемые различия в размерах и деталях формы [8]. Это не позволяет рассматривать упомянутые наконечники дифференцированно, а следовательно, более дифференцированно представить соответствующие им орудия и их развитие. Много неопределенного содержит разделение сошников на типы или группы. В частности, у всех авторов, занимавшихся этим вопросом, одним из важных критериев такого разделения, кроме некоторых особенностей формы, служат размерные характеристики. Однако они применялись в большинстве случаев лишь как показатель средних размеров наконечников той или иной группы, выделенных по форме [9]. Вообще в рассмотренных классификациях размерные характеристики явно отступают на второй план перед общими особенностями формы, что вряд ли можно считать правильным. Благодаря отсутствию четких критериев для различения групп или типов наконечников, в которые включались бы определенные размерные характеристики, трудно объективно рассматривать генетические связи между выделенными совокупностями наконечников. Если эти вопросы и затрагивались, то практически ничем не обосновывались, кроме ссылок на общее сходство или различие в форме, понимаемое достаточно субъективно [10]. Нельзя не отметить и отсутствие единой номенклатуры классификационных единиц.

---

[5] А. В. Чернецов называет первые «наральниками без плечиков», вторые — «наральниками с плечиками» (*Чернецов А. В.* О периодизации..., с. 137, 139).

[6] А. В. Чернецов считает симметричные лемехи рабочими наконечниками тяжелых колесных рал, из которых впоследствии развились плуги, снабжавшиеся уже асимметричными лемехами (*Чернецов А. В.*, О периодизации..., с. 140—142).

[7] *Кочин Г. Е.* Сельское хозяйство на Руси конца XIII — начала XIV в. М., 1965, с. 43—71; Сб.: Возникновение и развитие земледелия (глава VII). М., 1969, с. 166 сл.; *Горленко В. Ф., Бойко І. Д., Куницький О. С.* Народна землеробска техника українців, Київ, 1971, с. 32, 34, 42.

[8] *Чернецов А. В.* О периодизации.., с. 139.

[9] *Левашова В. П.* Ук. соч., с. 27—29.

[10] *Довженок В. Й.* Землеробство..., с. 75; *Чернецов А. В.* О периодизации.., с. 142.

Очевидно, дальнейший прогресс в изучении истории пахотных орудий по археологическим данным в значительной мере зависит от разработки типологии их железных наконечников. Попытаемся определить некоторые основные моменты, которые, по нашему мнению, должны найти отражение в такой классификации.

Во-первых, при построении классификации наконечников пахотных орудий из археологических находок нужно исходить только из особенностей самих наконечников, не прибегая на первых порах к этнографическим сопоставлениям. Последние представляют собой важный, но уже иной

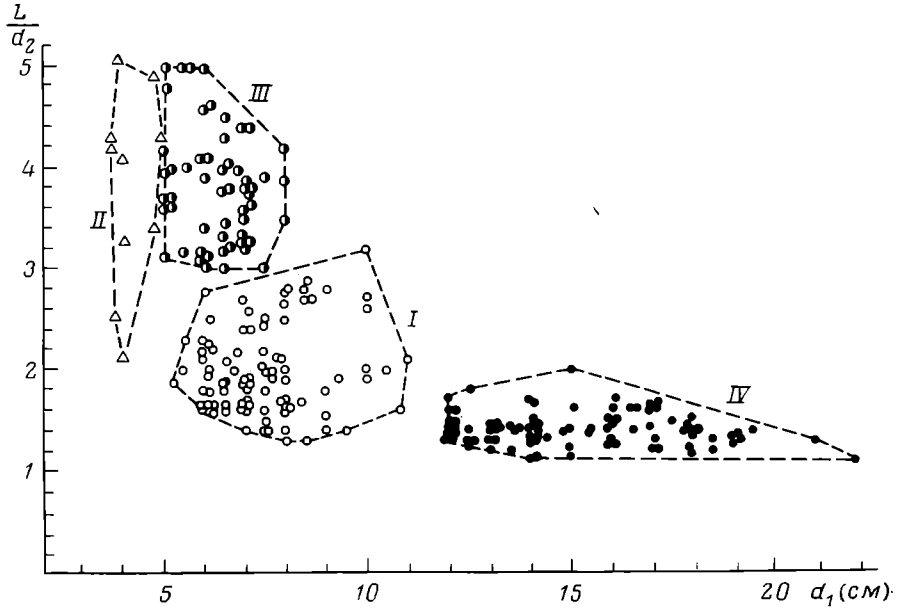


Рис. 1. Выделение групп среди железных втульчатых наконечников пахотных орудий из археологических материалов Восточной Европы: I — группа I; II — группа II; III — группа III; IV — группа IV

этап работы — интерпретационный, который может успешно проводиться только после создания самой классификации. Во-вторых, следует учитывать для наконечников возможно большее количество признаков в комплексе, в корреляции друг с другом, причем эти признаки должны быть едиными для всех классифицируемых предметов. В-третьих, следует возможно более широко использовать признаки, которые могут быть выражены в максимально объективной и доступной для сравнения числовой форме.

Последнему обстоятельству мы придаем особое значение. На наш взгляд, в число признаков, учитываемых при классификации наконечников пахотных орудий, обязательно должны вводиться основные измерения и отношения между ними, характеризующие размеры и пропорции наконечников. К основным измерениям мы относим общую длину наконечника (L), длину втулки или черешка (l), среднюю ширину втулки или черешка (d_1), наибольшую ширину наконечника (d_2). Также основными нужно считать: отношение общей длины наконечника к средней ширине втулки (L/d_1); отношение общей длины наконечника к наибольшей его ширине (L/d_2), отношение общей длины наконечника к длине его втулки или черешка (L/l). Тогда каждый индивидуальный наконечник может быть представлен с учетом особенностей формы как совокупность указанных числовых параметров, которые вполне объективны и легко могут быть сравнимы.

Рассматривая отдельные наконечники таким образом, мы можем нанести данные о них на координатную сетку, пользуясь какой-либо парой

взаимосвязанных числовых параметров: L и d_1, L и d_2, L и l, L/d_1 и L/l, L/d_2 и L/l и т. д. Вся совокупность наконечников из археологических материалов или какая-либо группа их, выделенная по особенностям формы или иным признакам, будет при этом рассматриваться как совокупность точек с различными координатами (рис. 1). Если исходить из того, что размеры, форма и пропорции наконечников находятся в зависимости от различных особенностей пахотных орудий, для которых они предназначались, обусловлены функциональным назначением и особенностями их конструкции, можно предположить, что при нанесении индивидуальных наконечников на координатную сетку они будут здесь определенным образом группироваться. Этому не должен мешать и тот факт, что пахотные орудия древности и средневековья, являвшиеся продукцией домашнего или мелкого ремесленного производства, были далеки от стандартизации: это явление должно найти отражение лишь в большем или меньшем разбросе точек, соответствующих индивидуальным наконечникам, на площади координатного поля. Разброс точек должен отразить и различие размеров пахотных орудий одного и того же типа, предназначенных для различных почв, или разновременных.

Черты сходства и различия между наконечниками, выделенные лишь по двум параметрам, могут оказаться случайными и не свидетельствовать об объективном существовании различных их серий. Поэтому сравнение нужно проводить по корреляции нескольких пар признаков. Если при сравнении наконечников по всем или большинству пар таких признаков выявленные серии или группы сходных наконечников окажутся устойчивыми, можно с достаточной степенью вероятности говорить об объективности их существования.

Разумеется, для получения достоверных выводов эти данные нужно коррелировать с особенностями формы наконечников. Из таких особенностей, которые пока не могут быть полностью выражены числовыми показателями, в классификации должны учитываться, на наш взгляд, следующие: характер скрепления наконечника с деревянной рабочей частью орудия, которое могло осуществляться при помощи втулки или черешка; относительная ширина втулки (черешка) и лопасти, также дающая косвенные данные об агротехнических возможностях пахотного орудия; симметрия или асимметрия лопасти — признак, важный для определения характера работы орудия, показывающий, предназначалось ли оно для симметричной или односторонней вспашки (при условии явной преднамеренности самой асимметрии); форма продольного сечения лопасти и поперечного — втулки, дающие сведения о том, работал ли данный наконечник под углом к почве или в положении, близком к горизонтальному; характер заострения рабочего конца наконечника и некоторые другие, менее важные, как наличие или отсутствие наварки по краям или осевой линии лопасти. Часть из этих признаков позволяет отличать различные серии наконечников, другие могут быть использованы лишь для характеристики серий.

Применение этих признаков при классификации наконечников пахотных орудий не представляет чего-либо нового, однако не всегда они употреблялись в комплексе. Кроме того, эти признаки следует применять унифицированно, нужно стремиться максимально объективизировать их, т. е. пытаться и здесь применить определенные, хотя бы условные числовые их выражения.

Так, в признаке относительной ширины втулки и лопасти можно с успехом применять три градации: 1 — лопасть уже втулки и лишь при переходе во втулку может иметь равную с ней ширину. Переход от втулки к лопасти обычно не выражен. Такие наконечники можно называть узколопастными; 2 — наибольшая ширина лопасти превышает ширину втулки не больше чем на 1 *см*. При переходе втулки в лопасть наблюдаются слабо выраженные плечики. Такие наконечники могут быть

названы наконечниками со слабо выраженными плечиками; 3 — наибольшая ширина лопасти более чем на 1 *см* превышает ширину втулки. Переход от последней к лопасти обычно оформлен в виде достаточно четко выраженных плечиков. Такие наконечники можно называть широколопастными.

Характер заострения рабочего конца наконечника может быть выражен следующими градациями: наконечники с заостренным рабочим концом — угол между касательными, восстановленными к краям рабочей части у ее вершины, меньше 110°; наконечники с умеренно-заостренным рабочим концом — угол между теми же касательными составляет более 110°; наконечники с округлым рабочим концом — рабочий край лопасти может быть сопоставлен с частью окружности; наконечники с затупленным рабочим концом — рабочий край по форме приближается к прямоугольнику со скругленными углами. Для формы поперечного сечения втулки могут быть приняты две градации: овальная (отношение наименьшего и наибольшего диаметров составляет более 1 : 2) и округлая (то же отношение меньше 1 : 2). По признаку продольного сечения лопасти могут быть выделены следующие случаи: 1 — нижний (передний) конец лопасти загнут в сторону втулки таким образом, что острие лежит на плоскости, образованной нижними гранями втулки; 2 — лопасть в продольном сечении практически прямая; 3 — нижний (передний) конец лопасти загнут в противоположную от втулки сторону.

Конечно, предложенные градации некоторых признаков формы наконечников достаточно условны, могут и, вероятно, должны совершенствоваться. Однако применение их на практике дает удовлетворительные результаты.

Сравнение наконечников по их числовым параметрам с учетом особенностей формы может служить не только для выделения серий сходных наконечников, т. е. собственно для классификации, но и для определения основных направлений развития этих серий во времени. Достаточно наглядным может быть в этом отношении так называемый «метод полигонов», применяемый в различных статистических исследованиях. В то же время это может служить дополнительным обоснованием объективности самого выделения той или иной группы: вполне очевидно, что наконечники, принадлежащие к одному типу пахотных орудий, должны и во времени развиваться сходным образом. Наоборот, наконечники, которыми оснащались различные пахотные орудия, могли иметь существенные различия в направлении своего развития.

Исходя из изложенных положений, нами сделана попытка построения многоступенчатой классификации железных наконечников пахотных орудий из археологических материалов Восточной Европы. В основу ее положены как особенности их формы, так и определенные числовые параметры [11].

По характеру скрепления с деревянной рабочей частью пахотных орудий все наконечники разделены на два отдела — втульчатые и черешковые. Наибольшее разнообразие форм дают втульчатые наконечники.

Абсолютные размеры наконечников не могут быть положены в основу разделения их на какие-либо серии, так как они дают практически непрерывный ряд. Значительно больше дают отношения между основными измерениями, а также корреляция таких отношений с отдельными основными измерениями. Удалось установить, что по корреляции двух общих

---

[11] При построении классификации использованы данные более чем о 250 наконечниках, датированные временем от рубежа нашей эры до XIV—XVI вв. Это составляет около $^3/_4$ всех наконечников, находки которых известны на рассматриваемой территории. Остальные наконечники либо были непригодны для измерений, либо оказались нам недоступными по тем или иным причинам. Такая выборка представляется достаточно большой для получения достоверных выводов.

и важных признаков, характеризующих общую форму наконечников — абсолютного размера средней ширины втулки (d_1) и отношения общей длины наконечника к его наибольшей ширине (L/d_2) — они достаточно четко разделяются на четыре группы (см. рис. 1). Первая величина дает представление о ширине деревянной части пахотного орудия, вторая — в первом приближении характеризует пропорции наконечника. Объективность такого выделения проверяется по другим числовым параметрам.

Группы наконечников разделяются на подгруппы по признаку относительной ширины лопасти и втулки: подгруппа А — узколопастные, подгруппа Б — со слабо выраженными плечиками, подгруппа В — широколопастные.

Подгруппы разделяются на типы по комплексу признаков, учитывающих прежде всего основные пропорции наконечников, определяемые корреляцией отношений L/d_1 и L/d_2 с отношением L/l. Учитываются также детали формы наконечников (характер рабочего заострения, поперечное сечение втулки, продольное сечение лопасти и т. д.). Объективность выделения типов проверяется исследованием развития серий наконечников во времени. Типы получают буквенно-цифровые обозначения, в которых учитывается принадлежность к группе, подгруппе и номер типа, входящего в подгруппу (например, IA2, IVB3 и т. д.).

Ограниченность объема статьи не позволяет привести здесь полностью предлагаемую классификацию, в результате которой выделяется 26 типов наконечников. Рассмотрим лишь некоторые ее элементы и попытаемся проиллюстрировать возможности такой классификации.

Важным моментом классификации является расчленение многочисленных и очень разнообразных втульчатых наконечников на определенные совокупности по весьма общим признакам, выраженным в цифровых значениях и дающим представление об основных особенностях формы наконечников. Эти признаки указаны выше. В результате мы получаем четыре четко различающиеся группы. Как видно на рис. 1, поля на координатной сетке, занимаемые точками, характеризующими наконечники различных групп, не пересекаются, лишь частично соприкасаясь для групп II и III, имеют различную направленность. Места наиболее плотного заполнения полей далеко отстоят друг от друга.

Группа I (92 экз.; рис. 2, *1*, *2*, *4—9*, *11*) включает разнообразные по деталям формы, размерам и основным отношениям наконечники, имеющие среднюю ширину втулки (d_1) от 5,3 до 11 *см* при отношении общей длины к наибольшей ширине (L/d_2) от 1,3 до 3,2. Поперечное сечение втулки их всегда овальное. Ширина лопасти больше или меньше ширины втулки. Рабочий конец заостренный, умеренно заостренный или округлый. У отдельных наконечников лопасть имеет едва заметную асимметрию, что, скорее всего, является результатом неточной работы кузнеца или особых условий работы пахотного орудия, которое оснащалось такими наконечниками [12].

Группа II (10 экз.; рис. 2, *3*, *10*) включает близкие по общей длине, но более узкие наконечники, средняя ширина втулки которых составляет 3,8—5 *см* при отношении общей длины к наибольшей ширине 2,1—5,1. Поперечное сечение втулки у них всегда округлое. Этими показателями они достаточно четко отличаются от наконечников группы I. Все наконечники группы II имеют лопасть более широкую, чем втулка. Рабочий конец их всегда заостренный.

Все немногочисленные черешковые наконечники по признакам, положенным в основу разделения наконечников на группы, должны быть отнесены к группе II. Все они имеют лопасть, значительно более широкую,

---

[12] *Краснов Ю. А.* К вопросу о существовании плуга у племен черняховской культуры.— КСИА АН СССР, № 128, 1971.

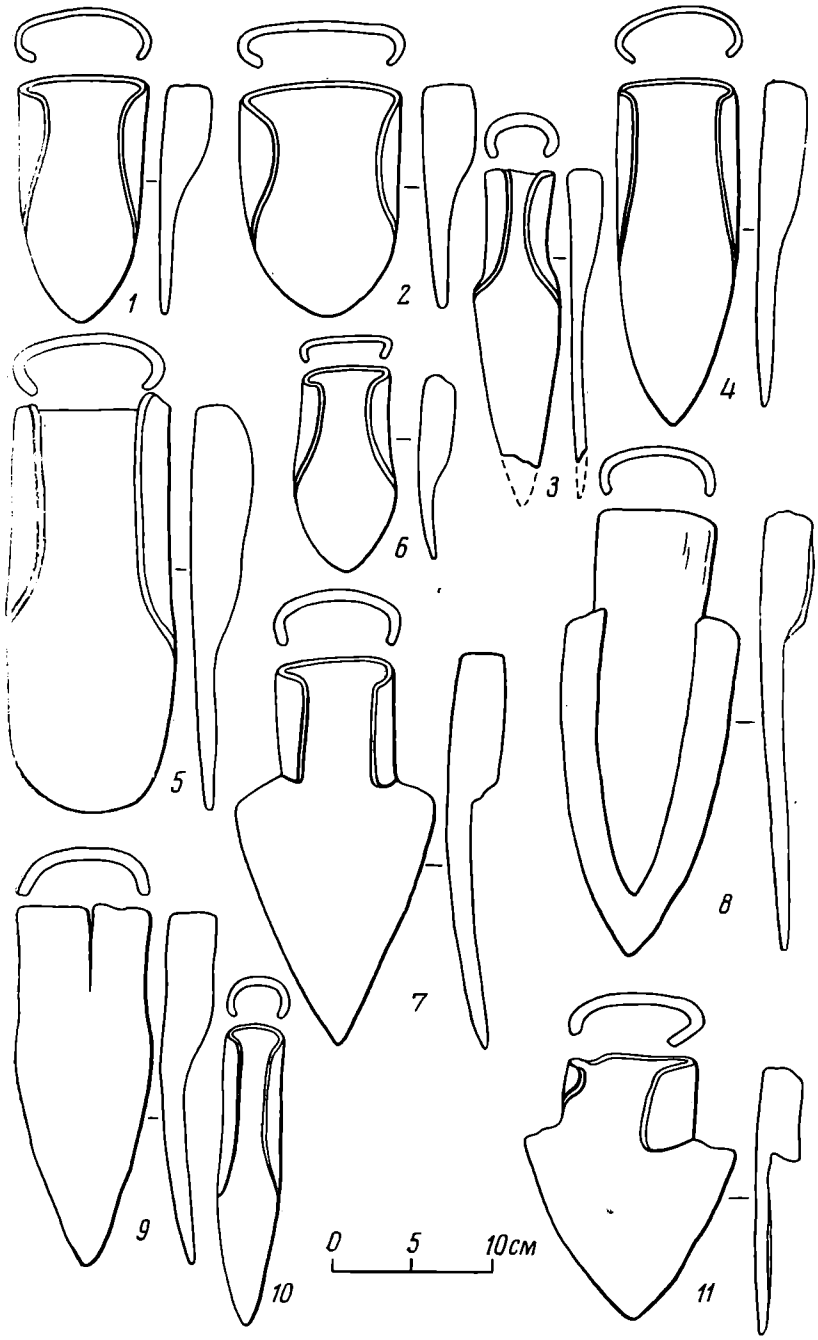


Рис. 2. Железные втульчатые наконечники группы I (*1*, *2*, *4*—*9*, *11*) и группы II (*3*, *10*): *1* — Райковецкое городище; *2* — Старая Ладога; *3* — поселение Круглик; *4* — городище Городское; *5* — Карыбивское городище; *6* — Таш-Кумак; *7* — селище Лебедка; *8* — Правобережное Цимлянское городище; *9* — Херсонес; *10* — Галиш-Ловачка; *11* — Кыласово городище

чем черешок, и следовательно, относятся к подгруппе В. Четких различий для выделения типов они не имеют.

Группа III (54 экз.; рис. 3, *1*—*4*) включает в среднем более длинные наконечники, имеющие среднюю ширину втулки 5—8 *см* при отношении общей длины к наибольшей ширине от 3 до 5. У подавляющего большинства их поперечное сечение втулки округлое. От наконечников группы I они отличаются прежде всего отношением L/d_2. Единичные нако-

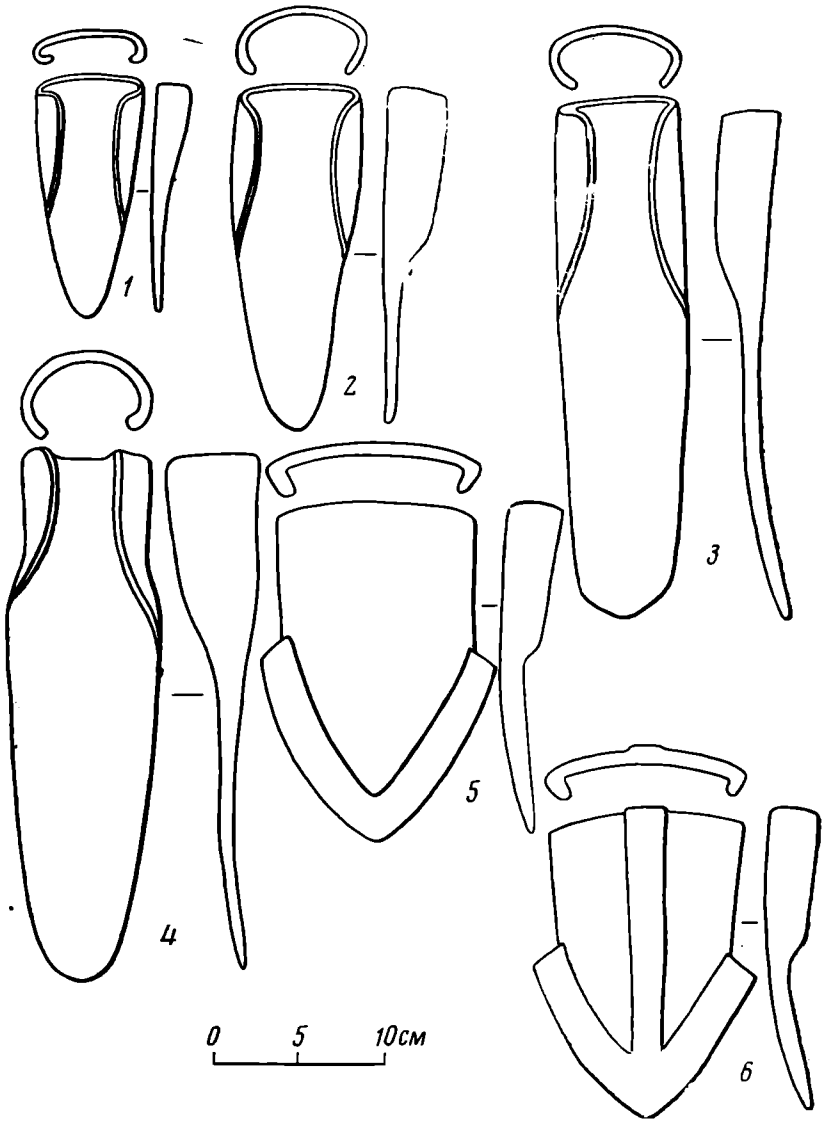


Рис. 3. Железные втульчатые наконечники группы III (*1—4*) и группы IV (*5*, *6*). *1* — Старая Ладога; *2* — Вщиж; *3* — Торопец; *4* — Альметьево; *5* — городище Девич-гора; *6* — городище Княжа гора

нечники группы I, имеющие одинаковые с наконечниками группы III показатели L/d_2, всегда отличаются при этом значительно большей шириной втулки. От наконечников группы II наконечники группы III отличаются прежде всего также шириной втулки. Наконечники группы III, имеющие минимальное значение d_1, равное максимальному значению того же показателя для наконечников группы II, отличаются от последних тем, что имеют лопасть у́же втулки или равную ей по ширине. Среди наконечников группы III имеются экземпляры с лопастью у́же втулки, равной ей по ширине и более широкой. Характер рабочего конца различен: встречаются заостренные и умеренно заостренные, но большинство имеет округлый или затупленный рабочий конец. Часть наконечников характеризуется заметной асимметрией лопасти.

Группа IV (88 экз.; рис. 3, *5*, *6*; рис. 4) включает крупные, широкие и массивные наконечники со средней шириной втулки 12—22 *см* при отношении общей длины к наибольшей ширине 1,1—1,8. Сочетание этих показателей четко отличает наконечники группы IV от наконечников других трех групп. Все наконечники группы IV имеют овальную в

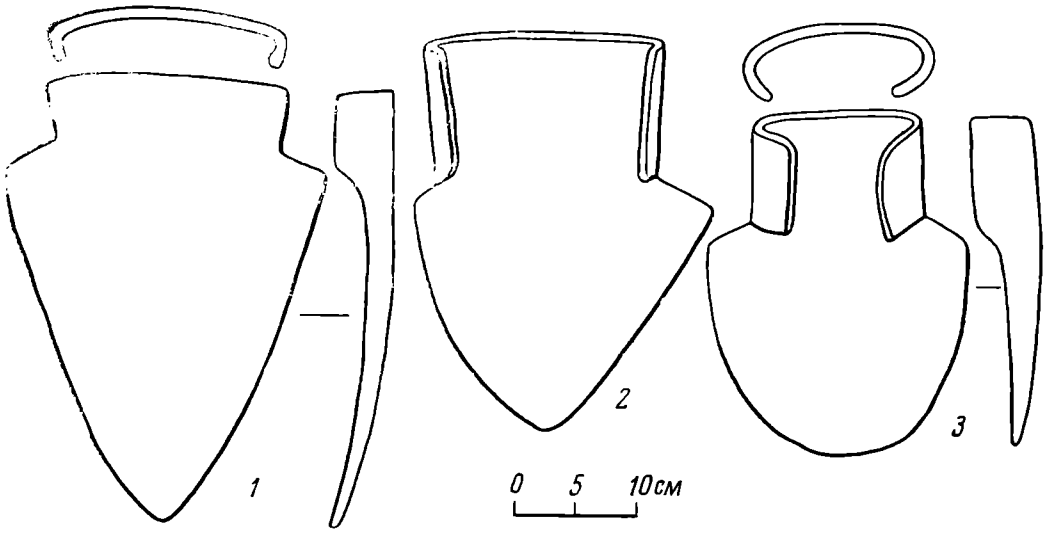


Рис. 4. Железные втульчатые наконечники группы IV. *1* — Болгары; *2* — Вышгород Рязанский; *3* — городище у с. Рождественно быв. Пермской губ.

поперечном сечении втулку, значительно более узкую, чем лопасть. Большая часть наконечников симметрична, однако довольно представительная их группа имеет заметную асимметрию лопасти, которую следует считать преднамеренной. Рабочий конец в большинстве случаев умеренно заостренный, реже — заостренный, у единичных экземпляров — округлый.

Объективность такого выделения групп наконечников можно проверить по другим их числовым параметрам: корреляции отношений L/d_1 и L/l, L/d_2 и L/l, а также сопоставлением наконечников различных групп по крайним пределам их абсолютных размеров — L и d_1, L и d_2, L и l. При этом оказывается, что выделенные группы либо не соприкасаются друг с другом, либо лишь частично пересекаются, причем процент пересечения невелик и вполне может быть объяснен генетическими связями выделенных групп (рис. 5).

Все сказанное позволяет прийти к выводу, что предложенное деление втульчатых наконечников на группы достаточно объективно и отражает какие-то реально существовавшие между ними различия, обусловленные, по нашему мнению, принадлежностью к различным, существенно отличающимся друг от друга функциональными особенностями и строением остова группам пахотных орудий. Последнее предположение является гипотезой, нуждающейся в проверке и обосновании. Проверить эту гипотезу на интерпретационном уровне исследования и приписать различные группы наконечников из археологических материалов различным типам реально существовавших пахотных орудий можно практически единственным путем — путем сопоставления по одним и тем же признакам наконечников археологических и этнографических.

В результате такого сопоставления (рис. 6, 7) [13] становится ясным, что наконечники группы I из археологических материалов вполне можно идентифицировать с известными в этнографическом материале рабочими

[13] В этнографической и агротехнической литературе практически отсутствуют массовые данные о размерах железных наконечников традиционных пахотных орудий. Для сопоставления нами было проведено измерение около 80 экз. «этнографических» наконечников рал, двузубых сох и старинных деревянных плугов из различных районов Восточной Европы, хранящихся в музеях и отдельных крестьянских хозяйствах. Такую выборку нельзя, конечно, считать достаточно представительной, но она вполне сопоставима в количественном отношении с известными нам наконечниками из археологического материала.

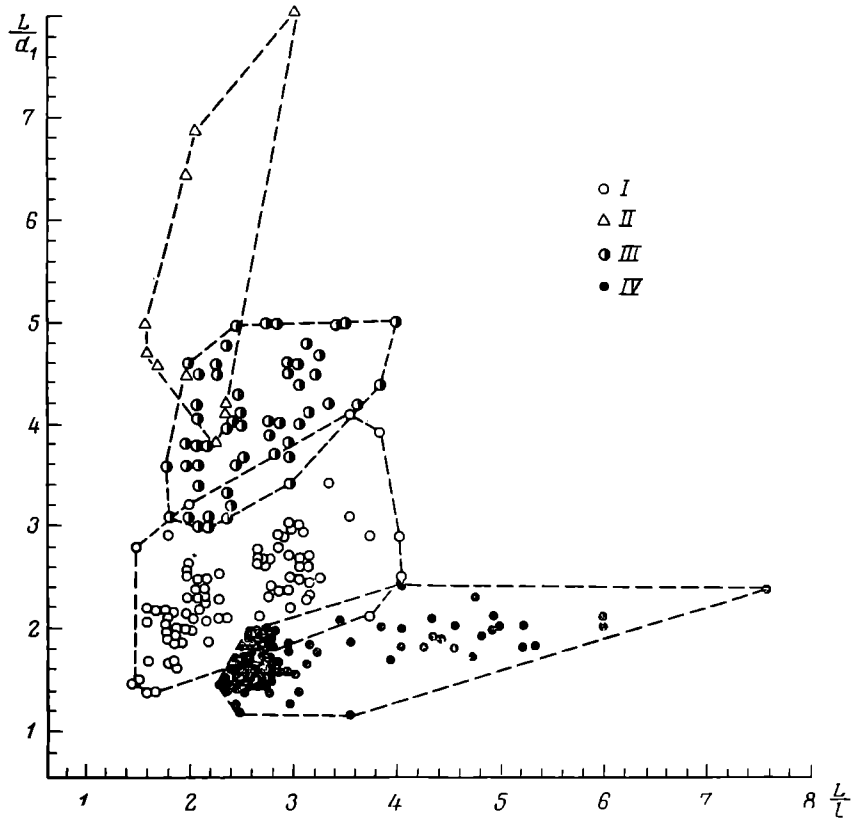


Рис. 5. Корреляция отношений L/d_1 и L/l для наконечников различных групп: I — группа I; II — группа II; III — группа III; IV — группа IV

наконечниками однозубых рал (наральниками). Этому предположению не противоречат и детали формы. Следует обратить внимание, что пределы изменения всех основных параметров наральников из этнографических материалов оказываются меньшими, чем у наконечников группы I из археологического материала. Это объясняется рядом факторов, из которых наиболее важен следующий. Использованные нами для сравнения наконечники рал XIX — начала XX в. предназначались для орудий вторичной обработки почвы, применявшихся, как и многозубые рала, для раздробления, разгребания и рыхления почвы, уже поднятой плугом или сохой-рогачом. Для первичной вспашки такие орудия применялись крайне редко [14]. В то же время большинство наконечников группы I из археологических материалов, судя по их хронологии, относятся ко времени до появления плуга и должны были применяться как для первичной, так и вторичной обработки полей. Различия в применении близких орудий не могли не сказаться на размерах их рабочих наконечников. Тем не менее «этнографические» наральники по абсолютным размерам ближе к крупным наконечникам группы I из археологических материалов.

С не меньшим основанием можно идентифицировать наконечники группы III с сошниками двузубых сох. Значительное различие между наконечниками группы III и «этнографическими» сошниками в величине отношения L/d_2 объясняется достаточно просто: большинство измеренных сошников XIX — начала XX в. принадлежит к перовым, т. е. асимметричным, имеющим лопасть, значительно превышающую по ширине втулку.

[14] О применении рал см.: *Мамонов В. С.* Старинные орудия обработки почвы из с. Староселье на Днепре.— СЭ, 1952, № 4, с. 77; *Горленко В. Ф., Бойко І. Д., Куницький О. С.* Ук. соч., с. 36 сл.

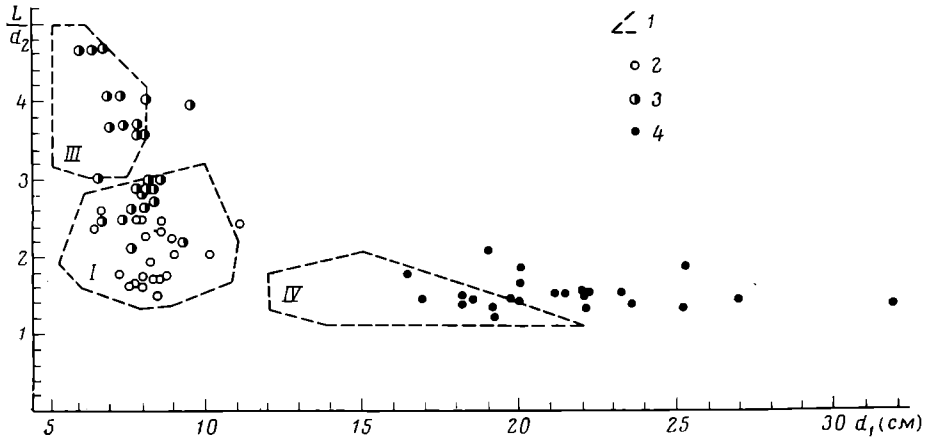


Рис. 6. Наконечники групп I, III, IV и наральники, сошники, лемехи из этнографического материала. Корреляция отношения общей длины наконечников к их наибольшей ширине (L/d_2) и абсолютных размеров средней ширины втулки (d_1): *1* — крайние пределы изменений L/d_2 и d_1 для наконечников групп I, III и IV из археологических материалов; *2* — наральники украинских однозубых рал; *3* — сошники двузубых сох (коловые и перовые); *4* — лемехи плугов и сабанов

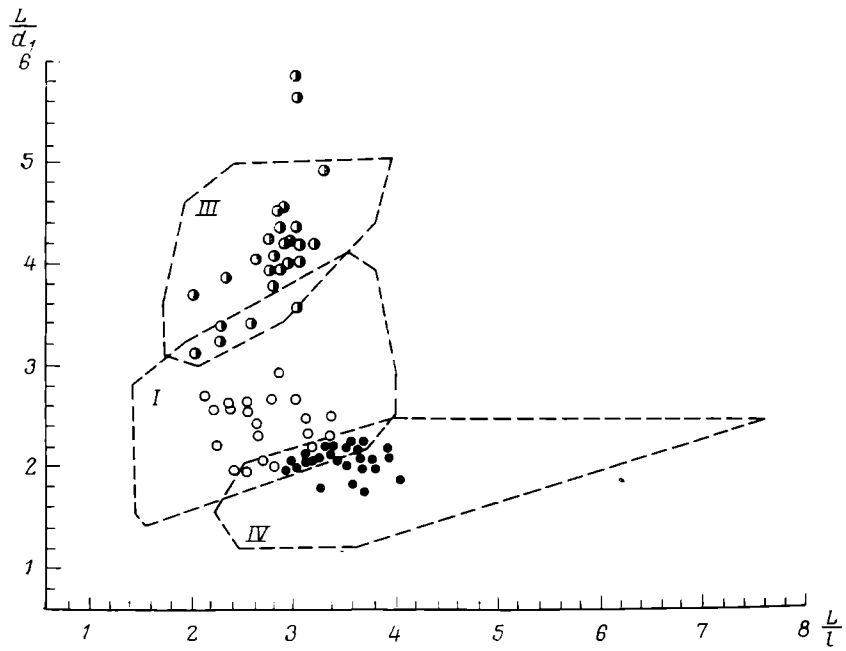


Рис. 7. Наконечники групп I, III, IV и наральники, сошники, лемехи из этнографического материала. Корреляция отношений общей длины к средней ширине втулки (L/d_1) и общей длины к длине втулки (L/l). Условные обозначения см. на рис. 6

Сохи с такими сошниками были в это время распространены практически повсюду в ареале сохи[15]. В археологическом материале такие наконечники редки, причем ширина лопасти у них значительно меньше, чем у «этнографических» сошников, хотя другие размеры близки. Поэтому и отношение L/d_2 у значительной части «этнографических» сошников оказывается существенно меньшим, чем у наконечников группы III из ар-

[15] *Зеленин Д.* Русская соха, ее история и виды. Вятка, 1907, с. 31, 33, 137—186.

хеологических материалов. В то же время основные соотношения коловых сошников, лопасть которых не шире втулки и симметрична [16], не выходит за пределы, характерные для «археологических» наконечников группы III. Верхние пределы абсолютных размеров «этнографических» сошников несколько превышают те же показатели для наконечников группы III, что объясняется общей тенденцией увеличения размеров наконечников пахотных орудий.

Известные в археологическом материале наконечники группы IV могут быть сопоставлены из «этнографических» наконечников только с лемехами плугов и сабанов, т. е. таких орудий, которые в Восточной Европе предназначались для односторонней вспашки с частичным или полным оборотом пласта, в подавляющем большинстве случаев имели колесный передок, а по строению своего остова были наиболее близки к ралам [17]. Основные соотношения их близки, существенные различия в абсолютных размерах объясняются тем, что общая тенденция к увеличению размеров наконечников пахотных орудий во времени здесь проявляется особенно ярко.

Втульчатые и черешковые наконечники группы II не находят параллелей в этнографическом материале Восточной Европы. Это может свидетельствовать о том, что такие наконечники, как и сами пахотные орудия, снабжавшиеся ими, давно вышли здесь из употребления. Этнографические материалы соседних территорий, а также некоторые иконографические данные и подлинные находки древних пахотных орудий позволяют предполагать, что такими наконечниками снабжались дополнительные ральники определенных типов рал с полозом, поставленные под углом к почве [18].

Таким образом, разделение наконечников из археологического материала по принадлежности к основным группам пахотных орудий, существовавших в эпоху раннего железа и средневековья, производится на более точных основаниях, чем в существующих классификациях, а полученные результаты оказываются более надежными и полными.

Предложенный подход к построению классификации позволяет столь же объективно выделять и небольшие по количеству экземпляров серии сходных по всем признакам наконечников, которые, вероятно, принадлежали отдельным разновидностям древних и средневековых рал, сох, плугов. Эти серии мы называем типами.

Так, наконечники группы I (наральники) по признаку относительной ширины лопасти и втулки разделены, как уже указывалось, на три подгруппы. Наконечники подгруппы А характеризуются лопастью более узкой, чем втулка, и отсутствием выраженного перехода от втулки к лопасти. Такие узколопастные наконечники обычно рассматривались недифференцированно. Однако их анализ с точки зрения числовых параметров (с учетом особенностей деталей формы) позволяет разделить такие наконечники на четыре типа (рис. 8).

Тип IA1 (9 экз.; рис. 2, *1*) — небольшие умеренно заостренные наконечники длиной 10—15 *см*. Длина и средняя ширина втулки равна или больше $^1/_2$ общей длины ($L/d_1 = 1{,}4—2$; $L/l = 1{,}5—1{,}9$). Втулка слабо расширена к тыльной части, лопасть в продольном сечении прямая. Основное развитие во времени — сравнительно небольшое увеличение абсолютных размеров при более быстром увеличении L и l. В первой половине I тысячелетия н. э. такие наконечники известны на памятниках черняхов-

---

[16] Там же, с. 31, 32.

[17] Это обстоятельство достаточно четко отличает плуги и сабаны от других пахотных орудий с более или менее развитым односторонним отвалом, созданных на базе сохи — различных видов косуль, сох-односторонок, ралок, орал и т. п.

[18] *Краснов Ю. А.* Об одном типе пахотных орудий эпохи Киевской Руси.— КСИА АН СССР, № 146, 1976.

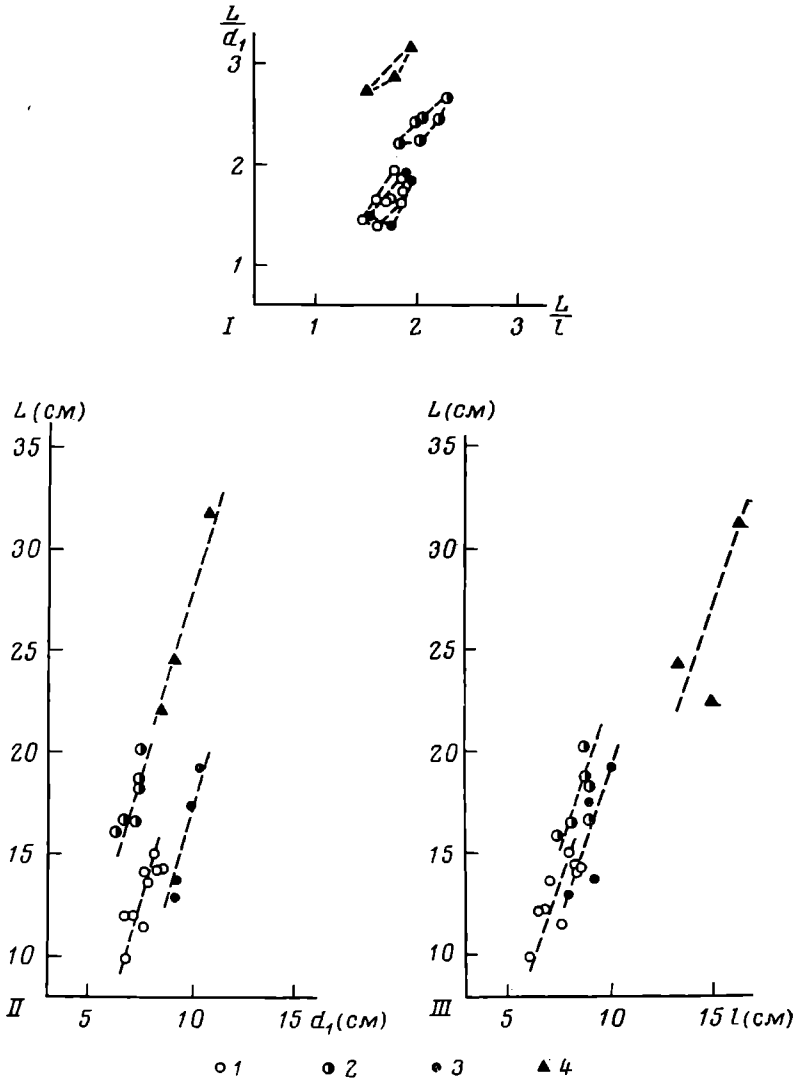


Рис. 8. Разделение на типы наконечников группы I, подгруппы А (узколопастные): I — по корреляции отношений L/d_1 и L/l; II — по корреляции абсолютных размеров L и d_1; III — по корреляции абсолютных размеров L и l: *1* — тип IA1; *2* — тип IA3; *3* — тип IA2; *4* — тип IA4

ской культуры (Волошское [19], Тилигуло-Березанка [20], Слободищи [21]), во второй половине того же тысячелетия — в Среднем Поднепровье (Пастырское) [22], в X—XIII вв.— в Среднем Поднепровье и западных районах Европейской части СССР (Райковецкое городище [23], Гродно [24], Новогрудок [25]).

---

[19] *Рикман Э. А.* Находки сельскохозяйственных орудий и зерен злаков на памятниках черняховского типа.— КСИИМК, № 77, 1959, с. 116.

[20] *Сымонович Э. А.* Итоги исследования черняховских памятников в Северном Причерноморье.— В сб.: История и археология юго-западных областей СССР начала н. э. М., 1967, с. 219, рис. 8.

[21] *Брайчевський М. Ю.* Біля джерел словъянської державности. Київ, 1964, с. 31.

[22] *Довженок В. Й.* Землеробство..., с. 32, 33, рис. 8, *1*.

[23] *Гончаров В. К.* Райковецкое городище. Киев, 1950, табл. V, рис. 3; *Довженок В. Й.* Землеробство..., с. 41—43, рис. 16.

[24] *Воронин Н. Н.* Древнее Гродно.— МИА, № 41, 1954, рис. 23, *1*.

[25] *Гуревич Ф. Д.* Сельское хозяйство и промыслы древнего Новогрудка.— КСИА, № 104, 1965, с. 77, 79, рис. 32, *2*.

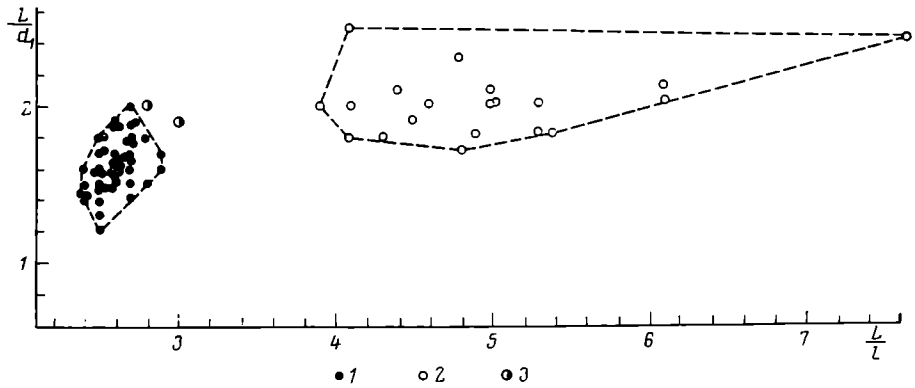


Рис. 9. Разделение на типы симметричных наконечников группы IV: *1* — тип IVB1; *2* — тип IVB2; *3* — тип IVB3

Тип IA2 (4 экз.; рис. 2, *2*) — массивные наконечники с округлым рабочим краем, имеющие длину 13,6—19,8 *см*. Длина и средняя ширина втулки составляют более $^1/_2$ общей длины наконечника (L/d_1=1,4—1,9; L/l=1,5—1,9). Втулка прямая или незначительно расширяется к тыльной части. Лопасть в продольном сечении прямая. От наконечников типа IA1 при большой близости пропорций отличаются характером заострения рабочего конца, несколько большей длиной и шириной втулки, общей массивностью. Основное направление развития во времени — увеличение всех основных параметров при более быстром росте *L*. Известны на памятниках VI-VII—X вв. северо-западных районов Европейской части СССР (Старая Ладога [26], Новгород [27], местонахождение одного экземпляра, хранящегося в ГИМе, неизвестно [28]).

Тип IA3 (6 экз.; рис. 2, *4*) — наконечники с различным по характеру заострением рабочей части длиной 15,8—20,3 *см*. Длина втулки колеблется от $^1/_2$ до $^1/_3$ общей длины (L/l=2,2—2,8), средняя ширина втулки составляет около $^1/_2$ общей длины (L/d_1=1,8—2,3). Втулка обычно имеет равную ширину по всей длине, изредка слабо расширяется к тыльной части. Лопасть в продольном сечении прямая. Основное направление развития то же, что и у наконечников типа IA1. От наконечников типов IA1 и IA2 отличаются пропорциями и относительно меньшей шириной втулки, от наконечников типа IA1, кроме того, общей длиной. Известны на памятниках второй половины I и начала II тысячелетия н. э. в Среднем Поднепровье, Посеймье, Среднем Поволжье (Ош-Пандо [29], Райковецкое городище [30], Волынцево [31], Городское [32]).

Тип IA4 (4 экз.; рис. 2, *5*) — крупные наконечники с округлым рабочим концом длиной 22—32 *см*. Средняя ширина втулки составляет около $^1/_3$ общей длины наконечника (L/d_1=2,8—3,2), длина втулки равна или больше $^1/_2$ общей длины (L/l=1,5—2). Втулка имеет практически равную ширину по всей длине. Лопасть в продольном сечении прямая. Основное направление развития во времени — примерно пропорциональное увеличение всех размеров. Известны на памятниках XII — начала XVII в. северных районов Европейской части СССР (Карыбйвское горо-

---

[26] *Миролюбов М. А.* Пахотные орудия Старой Ладоги.— АСб. ГЭ, № 14, 1972, с. 118, 119, рис. 1.
[27] *Кирьянов А. В.* Ук. соч., рис. 2, *3*.
[28] *Левашова В. П.* Ук. соч., рис. 5, *2*.
[29] *Степанов П. Д.* Ош-Пандо. Саранск, 1967, табл. XVII, Б, рис. 1.
[30] *Гончаров В. К.* Ук. соч., табл. V, *4, 5*.
[31] *Довженок В. И.* Землеробство..., рис. 10, *1*.
[32] Там же, рис. 18, *1*.

дище в Коми АССР[33], быв. Верх-Иньвенская волость в Прикамье[34], Кич-городок в Вологодской обл.[35]).

Симметричные лемехи (наконечники группы IV, подгруппы В по нашей классификации) в археологической литературе и литературе по истории земледелия также обычно рассматривались недифференцированно, как единое целое. Между тем среди них достаточно четко выделяются три типа (рис. 9, 10).

Тип IVB1 (49 экз.; рис. 3, *5*, *6*) — массивные широкие наконечники с умеренно заостренным рабочим концом, длиной 17,5—33 *см*. Отношение общей длины к средней ширине втулки (L/d_1) колеблется от 1,2 до 2, длина втулки составляет менее $^1/_3$ общей длины (L/l=2,4—2,9). Лопасть значительно шире втулки, отношение L/d_2 колеблется в пределах 1,1—1,8. Втулка расширена к тыльной части. Лопасть в продольном сечении отогнута в сторону втулки. Почти все наконечники имеют наварку по рабочему краю лопасти. Основное направление развития во времени — более или менее пропорциональное увеличение всех основных размеров при более интенсивном росте общей длины. Известны на памятниках древней Руси, главным образом лесостепной зоны, не ранее конца X—XIII вв.[36]

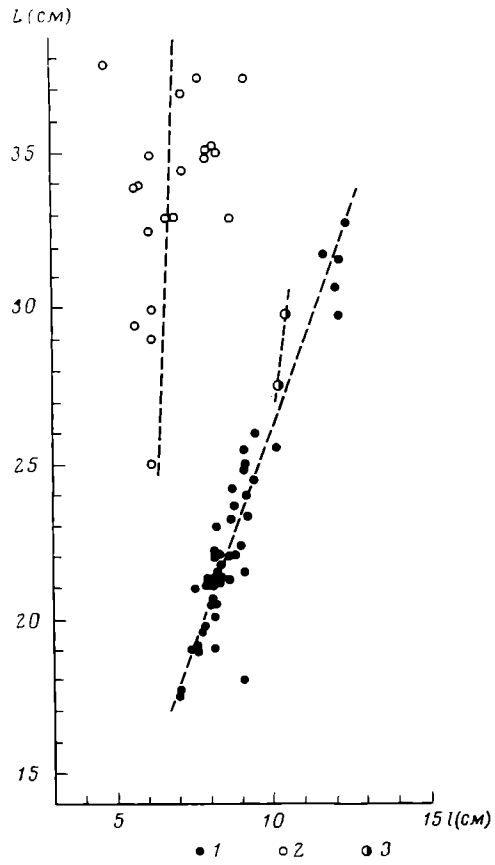


Рис. 10. Изменение длины втулки (*l*) с изменением общей длины (*L*) у симметричных наконечников группы IV: *1* — тип IVB1; *2* — тип IVB2; *3* — IVB3

Тип IVB2 (20 экз.; рис. 4, *1*) — массивные широкие наконечники длиной 25—37 *см* с короткой втулкой. Отношение L/d_1 колеблется в пределах 1,7—2,5. Длина втулки составляет от $^1/_4$ до $^1/_8$ общей длины наконечника (L/l=3,9—7,7). Лопасть значительно шире втулки, отношение L/d_2 составляет 1,2—2,1. Рабочий конец заостренный или умеренно заостренный. Втулка расширена к тыльной части. Лопасть в продольном сечении выгнута в сторону втулки. Основное направление развития во времени — более или менее пропорциональное увеличение всех размеров. От наконечников типа IVB1 отличаются прежде всего пропорциями и в среднем несколько большими абсолютными размерами. Распространены в основном на территории Волжской Болгарии[37]. Один экземпляр найден в Верхнем Прикамье (городище у сел. Рождественское в быв. Пермской губ) [38]. Имеют-

---

[33] *Савельева Э. А.* Пермь вычегодская. М., 1971, табл. 30, *1*.

[34] *Спицын А. А.* Древности камской чуди по коллекции Теплоухова.— МАР, № 26, СПб., 1902, табл. 30, *9*.

[35] *Никитин А. В.* Крепость Халедиц и Кич-городок.— КСИА АН СССР, № 104, 1965, рис. 53, *11*.

[36] *Довженок В. Й.* Землеробство.., рис. 7, 14—16 и др.

[37] *Кирьянов А. В.* К вопросу о земледелии волжских булгар.— КСИИМК, № 57, 1955, рис. 3, *1*, *2*. Большое количество таких наконечников хранится в Государственном музее Татарской АССР в Казани.

[38] *Спицын А. А.* Ук. соч., табл. XXX, рис. 7.

ся датированные наконечники, относящиеся к домонгольскому [39] и золотоордынскому [40] времени. Большинство наконечников может датироваться суммарно X—XIV вв.

Тип IVB3 (2 экз.; рис. 4, *3*) — массивные широкие наконечники длиной 27,5—30 *см* с округлым рабочим краем. Основные пропорции близки к таковым для типа IVB1 ($L/d_1 = 1{,}9—2$; $L/d_2 = 1{,}3—1{,}4$; $L/l = 2{,}8—3$). Наварки по рабочему краю лопасти нет. От наконечников типа IVB1 отличаются формой рабочего заострения, в небольшой степени — пропорциями, от наконечников типа IVB2 — деталями формы и пропорциями. Известны из районов Верхнего Прикамья, где могут датироваться XIII—XIV вв.[41]

Среди асимметричных наконечников той же группы также выделяются типы, среди которых IVB4 и IVB6 по основным числовым параметрам близки к типу IVB1, а IVB5 — к типу IVB2, что позволяет предполагать между ними наличие генетических связей. Наконечники IVB4 и IVB6, как и IVB1, распространены главным образом на территории Руси, наконечники типа IVB5, как и типа IVB2, — на территории Волжской Болгарии.

Таким же образом по числовым параметрам и деталям формы разделяются на типы наконечники, относящиеся к другим группам и подгруппам. Интерпретация каждого из выделенных типов, конкретная «привязка» их к той или иной разновидности рал, сох, плугов или объяснение различий между ними иными способами составляет особую большую тему, которой здесь мы касаться не можем. В такой интерпретации, как уже говорилось, важнейшую роль играет сопоставление по числовым параметрам (с учетом деталей формы) наконечников, известных по археологическим находкам, и наконечников конкретных разновидностей традиционных пахотных орудий, известных по данным этнографии.

Такое же сравнение наконечников различных типов может служить и для определения генетических связей между ними, а следовательно, возможных связей между разновидностями пахотных орудий, которые оснащались этими наконечниками. Так, удается связать в генетическом плане симметричные лемехи из восточнославянских земель (тип IVB1 по нашей классификации) с одним из наиболее распространенных на этой же территории типов широколопастных наральников [42] (тип IB2 по нашей классификации; рис. 2, *7*), а болгарские симметричные лемехи (тип IVB2 по нашей классификации) — с одним из типов широколопастных наральников из салтово-маяцких памятников [43] (тип IB3 по нашей классификации; рис. 2, *8*), что представляет большой интерес для истории плугов Восточной Европы.

You. A. Krasnov

POUR UNE CLASSIFICATION DES SOCS A PARTIR DES PIECES ARCHEOLOGIQUES DE L'EUROPE ORIENTALE

Résumé

L'étude des socs d'instruments de labour provenant des fouilles archéologiques, comme principale source pour l'histoire des instruments aratoires au début de l'Age du Fer et au Moyen Age, n'est possible qu'après avoir établi une classification précise et

[39] *Смирнов А. П., Каховский В. Ф.* Хулаш.— В сб.: Городище Хулаш и памятники средневековья Чувашского Поволжья. Чебоксары, 1972, с. 65; *Матвеева Г. И.* Отчет о раскопках Муромского городка (Куйбышевская обл.) в 1973 г. Архив ИА АН СССР.

[40] ГИМ, инв. № 99 662.

[41] *Спицын А. А.* Ук. соч., табл. XXX, *11, 12*.

[42] *Довженок В. И.* Землеробство..., рис. 7; 8, *2*; 9, *3*.

[43] *Плетнева С. А.* От кочевий к городам. М., 1967, с. 144, рис. 38, *9*.

suffisamment détaillée. Les classifications existantes, basées principalement sur la forme de ces objets, offrent de nombreux défauts. Dans le présent article, on expose un nouveau système de classification à plusieurs degrés, dans lequel on tient compte non seulement de plusieurs détails de la forme des socs, mais encore de leurs particularités dimensionnelles les plus importantes: la longueur totale (L); la longueur de la douille ou du talon (l); la largeur moyenne de la douille ou du talon (d_1); la plus grande largeur du soc (d_2); le rapport entre la longueur totale du soc et la largeur moyenne de la douille ou du talon (L/d_1); la longueur totale du soc et sa plus grande largeur (L/d_2); la longueur totale du soc par rapport à la longueur de la douille ou du talon (L/l). Tous ces indices sont pris dans leur corrélation réciproque. Cette classification permet de distinguer dans les pièces archéologiques de l'Europe orientale 26 types de socs, qui correspondent à certains genres et sous-genres d'instruments aratoires, où reflètent des particularités locales de fabrication de ces socs. Leur interprétation se fait par la comparaison entre les mêmes particularités existant dans les types des socs découverts par les fouilles, et les socs des instrument aratoires traditionnels, connus par les données ethnographiques. La classification ici exposée permet, selon son auteur, de décrire plus à fond et avec plus d'exactitude les particularités des socs, de suivre les liens génétiques existant entre ces types, et sur cette base de se faire une idée plus adéquate de l'histoire des instruments aratoires dans l'Antiquité et au Moyen Age, pour une contrée donnée.

О. В. ОБЕЛЬЧЕНКО

МЕЧИ И КИНЖАЛЫ ИЗ КУРГАНОВ СОГДА

Раскопки курганов античной эпохи в долине Зарафшана дали богатый археологический материал, в том числе и по оружию. До сих пор все сведения о вооружении Согда, имеющиеся в науке, относились к периоду раннего средневековья, но и они были немногочисленны. Луку, стрелам и другому оружию Согда VII—VIII вв. посвящена работа К. Г. Рудо [1], в работах А. Джалилова разбирается не только вооружение, но и организация войска согдийцев накануне и в период арабского завоевания Средней Азии [2]. Поясной набор, как характерный атрибут согдийского воина, рассматривается в статье В. И. Распоповой [3], ею также приводятся сведения о согдийском вооружении [4]. Согдийское вооружение упоминается и в работах А. Ю. Якубовского [5].

Однако совершенно отсутствуют не только работы, но и весьма редки упоминания о находках предметов вооружения на территории древнего Согда, относящихся к эпохе кушан, и времени, предшествующего им. Немногочисленны и сами находки предметов вооружения в Согде, как и во многих других районах Средней Азии, причем в наибольшем количестве найдены наконечники стрел. Поэтому особую значимость приобретают находки предметов вооружения из курганов древнего Согда, относящихся к античной эпохе, особенно мечей и кинжалов, количество которых наиболее значительно по сравнению с другими районами Средней Азии. В курганных могильниках Согда, относящихся к эпохе кушан и предшествующему ей времени, было найдено 29 железных мечей пяти видов, дающих представление об их эволюции, и 11 кинжалов разных форм, что свидетельствует о широком применении этих видов оружия.

Если у скифов главным видом оружия были лук и стрелы, то у сарматов мечи и кинжалы были таким же распространенным видом оружия, как лук и стрелы. Это является и характерной чертой курганов античного Согда, сближающей их с курганами савроматов и сарматов [6]. Наиболее ранней находкой из могильников Согда можно считать эфес меча из кургана № 4 могильника Акджартепе, который, исходя из аналогий с

---

[1] *Рудо К. Г.* К вопросу о вооружении Согда VII—VIII вв.— Сообщения Республиканского историко-краеведческого музея Таджикской ССР, вып. 1, Археология. Сталинабад, 1952, с. 59 сл.

[2] *Джалилов А.* Войско и вооружение согдийцев накануне и в период борьбы с арабским нашествием.— Изв. Отделения обществ. наук АН ТаджССР, № 8. Сталинабад, 1956, с. 81 сл.; *его же.* Согд накануне арабского нашествия и борьба согдийцев против арабских завоевателей в первой половине VIII в.— Тр. ИИАЭ АН ТаджССР, т. XXX. Сталинабад, 1961, с. 82.

[3] *Распопова В. И.* Поясной набор Согда VII—VIII вв.— СА, 1965, № 4, с. 78.

[4] *Распопова В. И.* Согдийский город и кочевая степь в VII—VIII вв.— КСИА АН СССР, 122, 1970, с. 89, 90.

[5] *Якубовский А. Ю.* Древний Пенджикент. По следам древних культур. М., 1951, с. 215—219.

[6] Объяснение этого явления см.: *Смирнов К. Ф.* Вооружение савроматов.— МИА, № 101, 1961, с. 70.

савроматскими мечами, датируется второй половиной V—IV в. до н. э.[7]

В более раннее время в Средней Азии в употреблении были бронзовые кинжалы или короткие мечи-кинжалы, которые принято называть акинаками. Один из таких кинжалов известен по находкам на Дальверзине в Ташкентской обл. и датируется он концом II — началом I тысячелетия до н. э.[8]

На смену бронзовым пришли железно-бронзовые акинаки, у которых была железная полоса и бронзовая рукоятка. Такие акинаки были найдены на Памире в погребениях VI в. до н. э.[9] Подобные акинаки, по словам Е. И. Крупнова, иллюстрировали «...все еще продолжающийся процесс превращения бронзового оружия в железное»[10]. Железно-бронзовые акинаки известны и по скифскому оружию, и по находкам в Южной Сибири, и весьма интересным является отмеченный факт маскировки железного кинжала под бронзовый путем покрытия навершия, рукоятки и перекрестия тонким слоем бронзы[11].

Следует считать установленным постепенный переход в конце первой половины I тысячелетия до н. э. от бронзовых акинаков к железным, которые с середины I тысячелетия до н. э. уже широко применяются в Средней Азии. Для Согда наиболее ранней находкой является эфес меча из могильника Акджартепе, и поэтому можно в настоящее время считать, что с V в. до н. э. в Согде в употреблении уже были мечи из железа. Находки предметов вооружения в курганных могильниках Согда последующего времени подтверждают это. В погребениях долины Зарафшана, исследованных автором, не было найдено ни одного предмета вооружения из бронзы.

Находки железных мечей позволяют проследить процесс эволюции этого вида оружия и превращения его из короткого, колющего меча в длинный, рубящий, что связано было с изменением тактики ведения боя. Если о величине самого раннего меча из Согда судить трудно ввиду того, что лезвие его не сохранилось, то величина следующих за ним по времени мечей известна.

В кург. 10 Агалыксайского могильника были найдены фрагменты двух железных мечей с серповидным навершием и прямым коротким перекрестием[12]. Один из них был собран полностью, длина этого меча 60 *см*, что соответствует величине скифских акинаков, имевших длину от 50 до 70 *см*[13] (рис. 1, *2*). У этого акинака рукоятка имеет весьма характерную деталь, указывающую на генетическую связь этих мечей с железно-бронзовыми акинаками. Рукоятка указанного меча овальная в сечении, в середине она имеет вертикальное углубление, идущее от серповидного навершия до прямого перекрестия. Это углубление по краям имело выступающие ребра, за которыми рукоятка переходила в округлые края. Таким образом, рукоятка меча имела в середине вид плоского стержня с округлыми валиками по краям, но выкована она была вся из единого бруска железа. В отличие от железно-бронзовых у этого акинака выемка была чисто декоративной и не имела конструктивного назначения. У железно-бронзовых акинаков и кинжалов в бронзовой рукоятке была вертикальная прорезь, в которую через отверстие в перекрестии вставлял-

[7] *Обельченко О. В.* Могильник Акджартепе.— ИМКУ, вып. 3, 1962, с. 65, 66; *Смирнов К. Ф.* Ук. соч., с. 101, рис. 14.

[8] *Массон М. Е.* Ахангеран. Ташкент, 1953, с. 11, 12; *Кузьмина Е. Е.* Металлические изделия энеолита и бронзового века в Средней Азии.— САИ, В 4—9, М., 1966, с. 53.

[9] *Литвинский Б. А.* Оружие населения Памира и Ферганы в сакское время.— В сб.: Материальная культура Таджикистана, вып. 1. Душанбе, 1968, с. 70, 80.

[10] *Крупнов Е. И.* Древняя история Северного Кавказа. М., 1960, с. 203.

[11] *Членова Н. Л.* Происхождение и ранняя история племен тагарской культуры. М., 1967, с. 23.

[12] *Обельченко О. В.* Агалыксайские курганы.— ИМКУ, вып. 9, 1972, с. 64, 65.

[13] *Мелюкова А. И.* Вооружение скифов.— САИ, вып. Д 1—4. М., 1964, с. 46.

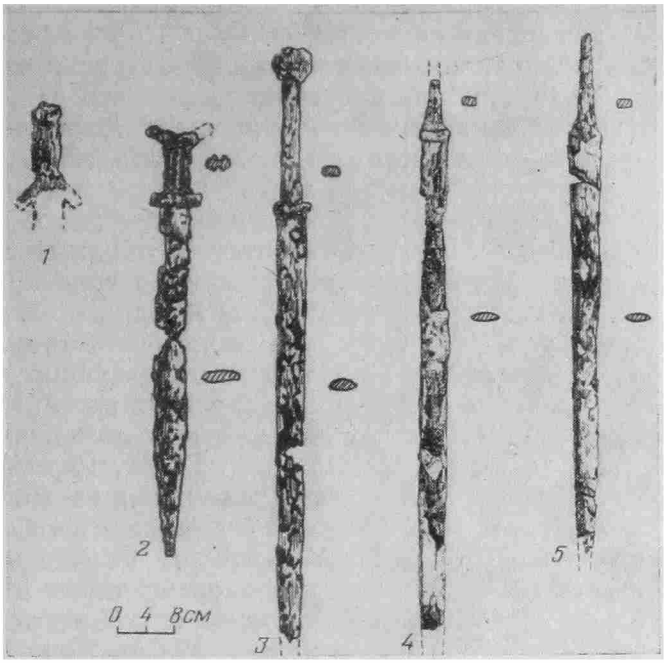


Рис. 1. Формы мечей: *1* — Акджартепе, кург. 4; *2*— Агалыксай, кург. 10; *3* — Агалыксай, кург 5; *4* — Кызылтепе, кург. 6; *5* — Агалыксай, кург. 6

ся плоский черенок клинка, а сама рукоятка к лезвию приклепывалась. Такого типа меч был найден в Нижнем Поволжье, у него бронзовая литая рукоятка имела вертикальную прорезь, в которой находился стержень железного лезвия [14].

Агалыксайский меч был весь изготовлен из железа, но ручка имела декоративное оформление, имитирующее прорезь, что указывает на недавно совершившийся переход от производства железно-бронзовых мечей к железным. Это позволяет считать меч из кург. 10 Агалыксайского могильника наиболее ранней разновидностью мечей с серповидным навершием и коротким прямым перекрестием. Согласно классификации прохоровских мечей, акинак с серповидным навершием и коротким прямым перекрестием следует за мечами с переломленным перекрестием [15], чему полностью соответствует хронология ранних мечей из курганов античного Согда. За мечом из кург. 4 могильника Акджартепе следует меч из кург. 10 Агалыксайского могильника, который датируется IV в. до н. э., а появление погребений с такими мечами объясняется событиями политической истории Согда второй половины IV в. до н. э. [16]

Следующим типом меча из курганов древнего Согда были мечи с коротким прямым перекрестием, но с навершием в виде круглой пластинки. Один такой меч был найден в кург. 5 Агалыксайского могильника [17], а другой — в кургане у тригонометрического пункта в Лявандакском могильнике [18]. Эти два меча по своей форме совершенно одинаковы с кинжалом первых веков до нашей эры из Ольвии, хотя этот кинжал и имеет

---

[14] *Смирнов К. Ф.* Ук. соч., с. 10, 11.

[15] *Мошкова М. Г.* Памятники прохоровской культуры.— САИ, Д 1—10, М., 1963, с. 33.

[16] *Обельченко О. В.* Курганы в окрестностях Самарканда.— Афрасиаб, вып. II. Ташкент, 1973, с. 161, 162.

[17] *Обельченко О. В.* Погребение сарматского типа под Самаркандом.— СА, 1967, № 2, с. 183, рис. 3, *1*.

[18] *Обельченко О. В.* Лявандакский могильник.— ИМКУ, вып. 2, 1962, с. 131, рис. 8.

несколько удлиненное перекрестие по сравнению с зарафшанскими, но навершие у них совершенно одинаковое [19].

Изображение точно такого же меча с коротким прямым перекрестием и навершием в виде круглой пластинки можно видеть на серебряной чаше II в. до н. э., найденной в прошлом столетии под Пермью. На этой чаше изображена охота на львов, и у одного из всадников, стреляющего из лука, с левой стороны висит меч с прямым перекрестием и навершием в виде круглой пластинки [20]. Им близки мечи с коротким прямым перекрестием, но без металлического навершия. Такие мечи были найдены в курганах 2 и 4 Шахривайронского могильника, в курганах 2, 4, 6, 13, 14, 16 и 19 Кызылтепинского могильника (рис. 2), в курганах 1 и 2 Лявандакского могильника. В кург. 3 у бугра Соинова было найдено три таких меча [21], а в других курганах Куюмазарского могильника — 19, 20, 22 и 31 — по одному мечу [22]. У всех этих мечей такое же перекрестие, как и у мечей с круглым навершием, только у двух — из кург. 2 Кызылтепинского могильника и кург. 20 Куюмазарского могильника — перекрестия были сделаны из бронзы. Такие же железные мечи с бронзовым перекрестием были найдены в кург. 56 Шаушукумского могильника в зоне строительства Чардаринского водохранилища [23] и в Западном Казахстане в кург. 2 могильника Курпе-Бай [24]. Длинный железный меч с коротким прямым перекрестием из железа был найден в погр. 19 кург. 12 около с. Политотдельское в Нижнем Поволжье [25].

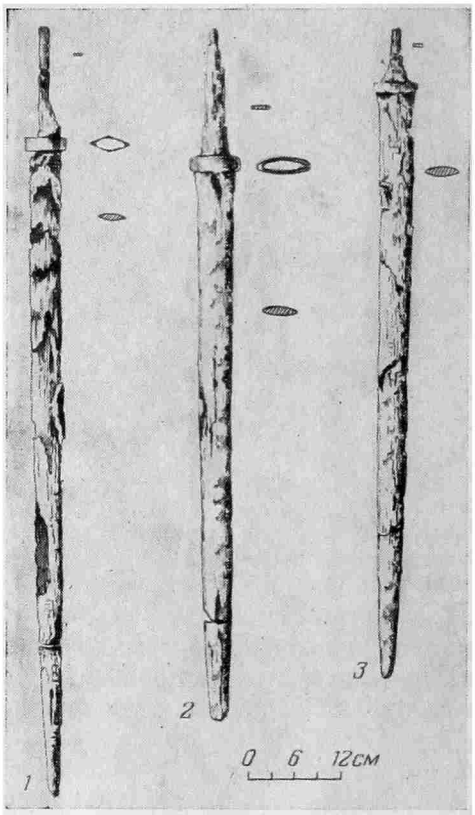


Рис. 2. Мечи из курганов Кызылтепинского могильника

Такие же мечи найдены в курганах по р. Исеть на Урале [26] и под Тюменью [27]. Эти мечи, согласно таблице, составленной К. Ф. Смирно-

---

[19] *Блаватский В. Д.* Очерки военного дела в античных государствах Северного Причерноморья. М., 1954, с. 78, рис. 34.

[20] *Тревер К. В.* Памятники греко-бактрийского искусства. М.— Л., 1940, с. 87—89, табл. 22, 24.

[21] *Обельченко О. В.* Курганные погребения первых веков н. э. и кенотафы Кую-Мазарского могильника.— Тр. САГУ, нов. серия, вып. CXI. Исторические науки, кн. 25. Археология Средней Азии, IV. Ташкент, 1957, с. 112.

[22] *Обельченко О. В.* Кую-Мазарский могильник.— Тр. Ин-та истории и археологии АН УзССР, вып. VIII, 1956, с. 220.

[23] *Максимова А. Г., Мерщиев М. С., Вайнберг Б. И., Левина Л. М.* Древности Чардары. Алма-Ата, 1968. с. 217, 224, табл. XX, *1*.

[24] *Синицын И. В.* Археологические исследования в Западном Казахстане.— Тр. ИИАЭ, т. 1. Археология. Алма-Ата, 1956, с. 106. с. 101, табл. II, *1*.

[25] *Смирнов К. Ф.* Курганы у сел Иловатка и Политотдельское Сталинградской области.— МИА, № 60, 1959, с. 270, 276, рис. 25. *6*.

[26] *Зырянов А. Н.* Курганы и городища в Шадринском уезде Пермской губернии и находки в них.— Зап. Уральского о-ва любителей естествознания, т. VII, вып. 3. Екатеринбург, 1888, с. 74.

[27] *Heikel A.* Antiquités de la Sibérie Occidentale conservées dans les musées de Tomsk, de Tobolsk, de Tumen, d'Ekaterinebourg, de Moscou et d'Helsingfors, 1894, p. 69, table XV, *5*.

вым, следуют за мечами с бабочковидным перекрестием [28]. Они встречаются и в погребениях сарматского времени в Нижнем Поднепровье [29].

Железный меч с коротким прямым перекрестием из бронзы, без навершия, был найден Д. Маршаллом в Таксиле [30]. По его мнению, железные мечи, которые были найдены в Таксиле, «...относятся исключительно к I в. н. э.» [31]. Это самая большая группа мечей, насчитывающая 20 экз., датируется, по совокупности всех данных, II в. до н. э.— I в. н. э., что подтверждается находкой монеты Гелиокла (II в. до н. э.) в кург. 14 Кызылтепинского могильника совместно с одним из этих мечей [32]. Характерно, что находки этих мечей, как правило, связаны с сарматскими могильниками на очень большой территории от Западной Сибири до низовьев Днепра.

Следующая группа мечей отличается по форме от предыдущей. Эти мечи не имеют металлических наверший и металлических перекрестий. Они были найдены в кург. 2 и 5 могильника Акджартепе и в кург. 6 Агалыксайского могильника. Фрагменты лезвий мечей были найдены в кург. 2 и 8 Агалыксайского могильника и в кург. 37 Куюмазарского могильника. В Средней Азии такие мечи известны по находкам в курганах около Янги-Юля [33], в курганах Южной Туркмении [34], в курганах Карабулакского могильника [35].

Точно такие же мечи найдены в Южном Приуралье [36], а также в Нижнем Поволжье, где они являются господствующей формой в первые века нашей эры [37]. Найдены они в погребениях первых веков нашей эры на Северном Кавказе [38], на Боспоре [39] и в Крыму [40]. Мечи без перекрестия и навершия из курганов Согда датируются II—III вв. н. э., не только исходя из их формы, но и по всем другим археологическим данным, полученным при раскопках этих курганов.

Мечи пяти форм, найденные в могильниках долины Зарафшана, позволяют проследить процесс эволюции от ранних мечей, еще подражающих железно-бронзовым, до мечей без перекрестия и навершия. Ранние мечи из кург. 4 могильника Акджартепе и кург. 10 Агалыксайского могильника похожи не только на прохоровские мечи Поволжья и Приуралья, но и на подобной формы кинжалы из Казахстана, среди которых имеются кинжалы с переломленным перекрестием, а также с серповидным навершием [41]. Это серповидное навершие развилось из брусковид-

---

[28] *Мерперт Н. Я.* Из истории оружия племен Восточной Европы в раннем средневековье.— СА, XXIII, 1955, с. 156, рис. 7, *3*, *4*.

[29] *Вязьмитина М. И.* Золото-Балковский могильник. Киев, 1972, с. 21, рис. 8, *3*.

[30] *Marshall I.* Taxila, vol. III. Cambridge, 1951, pl. 164, № 56.

[31] *Marshall I.* Taxila, vol. II. Cambridge, 1951, p. 545.

[32] *Обельченко О. В.* Курганные могильники эпохи кушан в Бухарском оазисе.— В сб.: Центральная Азия в кушанскую эпоху, т. 1. М., 1974, с. 203, рис. 1, с. 206.

[33] *Григорьев Г. В.* Келесская степь в археологическом отношении.— Изв. АН КазССР, сер. археол., вып. 1, 1948, № 46, с. 56—60.

[34] *Массон М. Е.* Новые археологические данные по истории рабовладельческого общества на территории Южного Туркменистана.— ВДИ, 1953, № 1, с. 154.

[35] *Баруздин Ю. Д.* Кара-Булакский могильник.— Изв. АН КиргССР, сер. обществ. наук, т. III, вып. 3 (история). Фрунзе, 1961, с. 63.

[36] *Сальников К. В.* Сарматские погребения в районе Магнитогорска.— КСИИМК, XXXIV, 1950, с. 119—121.

[37] *Синицын И. В.* Сарматские курганные погребения в северных районах Нижнего Поволжья.— Сб. Нижневолжского краевого музея. Саратов, 1932, с. 62, 63.

[38] *Зеест И. В.* Земляные склепы некрополя Тузлы.— КСИИМК, № 51, 1953, с. 156—158.

[39] *Сокольский Н. И.* Боспорские мечи.— МИА, № 33, 1954, с. 165.

[40] *Гущина И. И.* О сарматах в Юго-Западном Крыму.— СА, 1967, № 1, с. 47—49.

[41] *Кадырбаев М. К.* Некоторые итоги и перспективы изучения археологии раннежелезного века Казахстана.— В сб.: Новое в археологии Казахстана. Алма-Ата, 1968, с. 25, рис. 1.

ного, а согнутое под тупым углом перекрестие стало прямым [42]. У последующих мечей исчезает и это перекрестие. Однако отсутствие перекрестий на этих мечах (как и наверший) еще не является доказательством того, что их не было вообще. Меч без навершия очень неудобен при употреблении в бою, так как он мог выскользнуть из руки. Поэтому мечи имели навершия, но выполненные из дерева, которым чаще всего обкладывались рукоятки, или из кости, но эти навершия, очевидно, не сохранились вследствие неблагоприятных почвенных условий. Практиковалось также прикрепление наверший, представляющих собой подобие большой пуговицы различной формы. Для этого применялись разные камни — оникс, халцедон, янтарь, топаз. Применялись также стекло, кость, паста, алебастр, серебро, обожженная глина и дерево [43]. В курганах около Янги-Юля рядом с рукоятками мечей лежали нефритовые кольца, которые Г. В. Григорьев считал навершиями мечей [44].

Отсутствие перекрестий из металла на поздних мечах также не позволяет считать, что их не было. Меч без перекрестия неудобен в бою потому, что при ударе, особенно колющем, рука может скользнуть по лезвию. Поэтому вполне допустимо считать, что у этих мечей были деревянные перекрестия, но они не сохранились.

Мечи без перекрестия и навершия, применявшиеся в I—IV вв. н. э. и несколько позже, различаются между собой. У ранних мечей, т. е. I—III вв. н. э., переход от лезвия к рукоятке плавный, без четкого разграничения, как это имело место у поздних мечей. У мечей IV—V вв. н. э. переход от лезвия к стержню рукоятки имеет прямой угол, т. е. четко разграничивается [45]. Последняя форма мечей поздняя, такого типа мечи не были найдены в курганах Согда.

Эти поздние мечи превращаются в однолезвийные, которые известны по находкам в Пскентском могильнике [46], в курганах тюркского времени в долине р. Или [47], в Ворухском могильнике [48], в кургане на правом берегу р. Курты в Семиречье [49]. Известны они также по находкам в Южной Сибири [50] и на Северном Кавказе [51].

С изменением формы меча менялась и его длина. Если ранние мечи с серповидным навершием были длиной в 60 *см*, а рукоятка у них была небольшая, для обхвата одной рукой, то у последующих мечей длина их стала до 105 *см*, а рукоятка удлинилась настолько, что ее можно было обхватить двумя руками, что полностью соответствует описанию сарматских мечей древними источниками. По словам Тацита, сарматы были вооружены «...длиннейшими мечами, которые сарматы держат обеими руками» [52].

Кинжалы (11 экз.) из курганов долины Зарафшана относятся к различным хронологическим группам и имеют различные формы. В кург. 16

---

[42] *Смирнов К. Ф.* Вооружение савроматов, с. 30, 31.
[43] *Сокольский Н. И.* Боспорские мечи, с. 154.
[44] *Григорьев Г. В.* Ук. соч., с. 60.
[45] *Смирнов К. Ф.* Сарматские погребения Южного Приуралья.— КСИИМК, XXII, 1948, с. 86, рис. 30, *1*.
[46] *Потапов А. А.* Пскентский могильник. Рукопись. Архив Управления по делам архитектуры при Совете Министров УзССР. д. 31, с. 41.
[47] *Акишев К. А.* Отчет о работе Илийской археологической экспедиции 1954 года.— Тр. ИИАЭ, т. 1. Археология. Алма-Ата, 1956, с. 29.
[48] *Литвинский Б. А.* Исследование могильников Исфаринского района в 1958 г.— В кн.: Археологические работы в Таджикистане, вып. VI (1958 г.).— Тр. ИИАН ТаджССР. Сталинабад, 1961, с. 74, 75.
[49] *Агеева Е. И.* К вопросу о типах древних погребений Алма-Атинской области.— Тр. ИИАЭ АН КазССР, т. 12. Алма-Ата, 1961, с. 24.
[50] *Киселев С. В.* Древняя история Южной Сибири. М., 1951, с. 520.
[51] *Мерперт Н. Я.* Ук. соч., с. 160.
[52] *Корнелий Тацит.* История, I, 79.

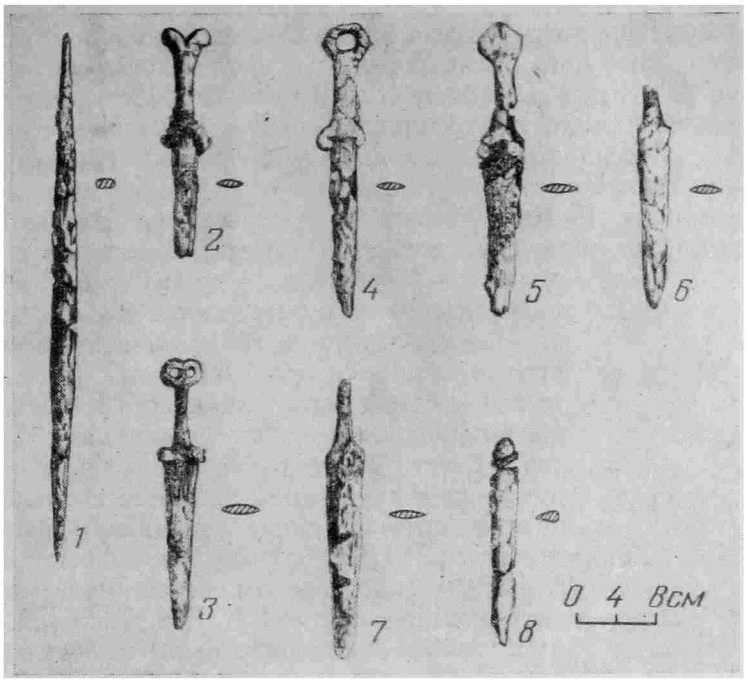


Рис. 3. Формы кинжалов: *1* — Агалыксай, кург. 10; *2* — Куюмазар, кург. 19; *3* — Кызылтепе, кург. 16; *4* — Лявандак, кург. 1; *5* — Лявандак, кург. 2; *6* — кург. 3 близ бугра Соинова; *7* — Миранкуль, кург. 3; *8* — Кызылтепе, кург. 2 (впускное погребение)

Кызылтепинского, кург. 1 и 2 Лявандакского и в кург. 15 Куюмазарского могильников были кинжалы с разными навершиями и перекрестиями, последнее отсутствовало у кинжала из кург. 2 Лявандакского могильника (рис. 3, *5*). Однолезвийный кинжал без перекрестия и навершия был обнаружен в инвентаре впускного погребения кург. 2 Кызылтепинского могильника, а все остальные кинжалы имели двухстороннюю заточку лезвия, чечевичного в разрезе. Округлую форму имело лезвие кинжала типа стилета из кург. 10 Агалыксайского могильника. В этом кургане были найдены железные мечи с серповидным навершием, рассмотренные выше. Для этого узкого и длинного кинжала типа стилета найти аналогии в опубликованном материале не удалось. Однако такие же кинжалы, типа современного стилета, были обнаружены А. Х. Халиковым при раскопках Старшего Ахмыловского могильника в 1966—1969 гг. на левом берегу Волги близ устья Ветлуги на территории Марийской АССР. В погребениях второй половины VII и VI в. до н. э. были найдены узкие кинжалы не более 40 *см* длиной, совершенно одинаковые с кинжалом из кург. 10 Агалыксайского могильника. Кинжалы из Старшего Ахмыловского могильника имели заостренные концы, причем верхний, где находилась рукоятка, был менее заострен, нежели противоположный боевой конец. На кинжале из погребения второй половины VII в. до н. э. было перекрестие из напускной бронзовой пронизки, а рукоятку венчало навершие из бронзовой бусины. Второй кинжал VI в. до н. э. из этого же могильника не имел ни перекрестия, ни навершия и по своей форме и размерам является полным аналогом агалыксайскому кинжалу [53]. Кинжал из кург 10 Агалыксайского могильника в

[53] Эти сведения были любезно сообщены А. Х. Халиковым, за что автор приносит свою искреннюю благодарность.

настоящее время самый древний из оружия Согда и датируется вместе с найденными в этом погребении мечами IV в. до н. э.

Из четырех кинжалов с навершиями только три имели перекрестия, один кинжал из кург. 2 Лявандакского могильника имел округлое навершие, а рукоятка плавно переходила в лезвие без всякого перекрестия. Этот кинжал, судя по другим находкам в погребении, датируется рубежом нашей эры или I в. н. э.[54]

Кинжал из кург. 16 Кызылтепинского могильника длиной 34 *см* имел короткое прямое перекрестие, что его сближает с мечами из курганов долины Зарафшана, и антенное навершие в виде сильно загнутых, слившихся друг с другом антенн, образующих только два небольших отверстия в центре каждой антенны (рис. 4). Меч с таким же антенным навершием, но бабочковидным перекрестием, был найден под Магнитогорском у хут. Черниговского. Меч железный, имеет рукоятку с навершием в виде сильно закрученных антенн, которые слились, образуя два небольших отверстия[55]. К. Ф. Смирнов относил этот меч к самым ранним савроматским мечам с простым антенным навершием[56]. Два кинжала, аналогичных кызылтепинскому, были найдены в Тулхарском могильнике на юге Узбекистана, где также найдены железные мечи с коротким прямым перекрестием без навершия. У одного из них был ромбовидный в сечении клинок[57], что сближает его с мечом, найденным Д. Маршаллом в Таксиле, о котором уже говорилось выше. По находке в кург. 16 Кызылтепинского могильника керамической фляги с уплощенным боком это погребение можно датировать рубежом нашей эры или I в. н. э.

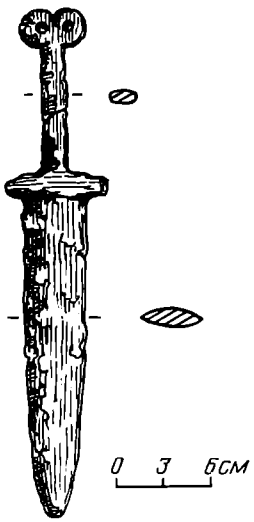


Рис. 4. Кинжал из кург. 16 Кызылтепинского могильника

Кинжал из кург. 1 Лявандакского могильника имеет кольцевое навершие и полулунное перекрестие, опущенные концы которого имитируют усики. Прямых аналогий этой форме кинжала нет в археологическом материале Средней Азии, Приуралья и Поволжья. Аналогичной формы нет и в известной сводке В. Гинтерса, в которой были собраны скифские и сарматские мечи юга России[58].

Однако в деталях этот кинжал имеет черты сходства с оружием из сарматских погребений Нижнего Поволжья и Северного Кавказа, а также из погребений в Средней Азии. Кинжалы и мечи с кольцевым навершием, но прямым перекрестием, бытовали в Нижнем Поволжье и на Северном Кавказе как в первые века до нашей эры, так и в первые века нашей эры[59]. Полулунное перекрестие в виде опущенной вниз дуги, но без закруглений на концах, имеется у акинака с серповидным навершием из кург. 9 могильника Памирская I на Памире[60]. Подобные полулунные перекрестия имеются на мечах прохоровской культуры Южного Приу-

---

[54] *Обельченко О. В.* Лявандакский могильник, с. 163.

[55] *Нефедов Ф. Д.* Отчет об археологических исследованиях в Южном Приуралье, произведенных летом 1887 и 1888 гг.— В кн.: Материалы по археологии восточных губерний России, т. III. М., 1899, табл. 8, *в*.

[56] *Смирнов К. Ф.* Вооружение савроматов, с. 19.

[57] *Мандельштам А. М.* Кочевники на пути в Индию.— МИА, № 136, 1966, с. 201, 202.

[58] *Ginters W.* Das Schwert der Skifen und Sarmaten in Sud-Russland. Berlin, 1928.

[59] *Хазанов А. М.* Сарматские мечи с кольцевым навершием.— СА, 1967, № 2, с. 175—177; *его же.* Сарматский кинжал из Саратовского музея.— СА, 1968, № 1, с. 249.

[60] *Бернштам А. Н.* Историко-археологические очерки Центрального Тянь-Шаня и Памиро-Алая.— МИА, № 26, 1952, с. 306, рис. 132, *5*.

ралья и различаются между собой лишь модифицированными перекрестиями и навершиями [61]. Полулунные перекрестия обычны на бронзовых кинжалах тагарской эпохи Южной Сибири [62]. Нет прямых аналогий и кинжалу из кург. 19 Куюмазарского могильника. Навершие этого кинжала в виде слегка закругленных наружу волют, между которыми имеется угловидная выемка, похоже на антенные навершия савроматских мечей [63]. Переломленное перекрестие этого кинжала похоже на такие же перекрестия прохоровских мечей IV в. до н. э. [64] Оба эти кинжала (из кург. 1 Лявандакского и кург. 19 Куюмазарского могильника) датируются второй половиной II в. до н. э.

Следующей по времени была группа кинжалов без перекрестий и наверший (5 экз.) из кург. 6 Агалыксайского, кург. 3 Миранкульского, кург. 4 Шахривайронского, кург. 7 Кызылтепинского и кург. 3 Куюмазарского могильника. Кинжалы этой группы датируются первыми веками нашей эры, причем наиболее ранними из них следует считать кинжалы из кург. 4 Шахривайронского и кург. 7 Кызылтепинского могильника, а кинжалы из Куюмазарского, Агалыксайского и Миранкульского могильников следует датировать II—IV вв. н. э. [65]

Последним видом кинжалов является однолезвийный кинжал, у которого рукоятка и кончик лезвия отломаны, поэтому длина его не превышает 21 *см*, в то время как все рассмотренные перед этим кинжалы имели длину от 30 до 40 *см*. Подобный кинжал с односторонней заточкой лезвия известен по находкам в могильнике у ст. Вревской под Ташкентом [66]. Он входил в инвентарь погребения впускной могилы, устроенной в насыпи кург. 2 Кызылтепинского могильника, где в песке, заполнявшем грунтовую могилу, были раздробленные мелкие кости скелета, два железных трехреберных черешковых наконечника стрел, железный стержень и фрагмент железной пластинчатой пряжки. У наконечников стрел ребра от черешка к острию расширяются и под тупым углом переходят в заостренную головку. Такого типа наконечники стрел известны по находкам в Средней Азии [67] и Поволжье [68] и позволяют отнести найденный вместе с ними однолезвийный кинжал к концу IV — началу V в. н. э.

Рассмотренные в хронологической последовательности кинжалы повторяют тот же процесс эволюции, что и мечи от более сложных, с навершиями и перекрестиями, к простым без навершия и перекрестия. Переходной формой следует, видимо, считать кинжал из кург. 2 Лявандакского могильника, у которого было округлое навершие, но уже не было перекрестия. Затем у всех последующих кинжалов исчезает и это металлическое навершие.

Сравнение форм кинжалов и мечей из курганов Согда с мечами и кинжалами из Южного Приуралья, Нижнего Поволжья, Центрального Казахстана и Южной Сибири указывает на генетическую связь этого оружия с савромато-сарматскими образцами, а также на одинаковый процесс эволюции. Если в курганах первых веков до нашей эры и более

---

[61] *Ростовцев М. И.* Курганные находки Оренбургской области эпохи раннего и позднего эллинизма.— МАР, № 37, 1918, табл. VII, № 14.

[62] *Киселев С. В.* Древняя история Южной Сибири. М., 1951, с. 251, 245, табл. XXV, *1, 3, 8*.

[63] *Смирнов К. Ф.* Вооружение савроматов, с. 102, рис. 2, *5—7*.

[64] Там же, с. 106, рис. 7, *2*.

[65] *Обельченко О. В.* Миранкульские курганы.— ИМКУ, вып. 8, 1969, с. 89.

[66] *Агзамходжаев Т.* Раскопки погребальных курганов близ станции Вревской.— ИМКУ, вып. 2, 1961, с. 227, рис. 2, *2*.

[67] *Григорьев Г. В.* Каунчи-тепе (раскопки 1935 г.). Ташкент, 1940, с. 10, рис. 7; *Воронец М. Э.* Археологические исследования Института истории и археологии, Музея истории Академии наук УзССР на территории Ферганы в 1950—1951 гг.— Тр. музея истории УзССР, вып. II. Ташкент, 1954, с. 73.

[68] *Гольмстен В. В.* Археологические памятники Самарской губернии.— ТСА РАНИОН, IV, 1928, с. 135, с. 128, рис. 62.

раннего времени в других районах Средней Азии, так же как и в Согде, в употреблении были мечи и кинжалы с разного рода навершиями и перекрестиями, то в первых веках нашей эры господствуют мечи и кинжалы без перекрестия и навершия, вернее без металлического навершия и перекрестия. Анализируя находки мечей в погребениях Нижнего Поволжья, И. В. Синицын отмечал процесс постепенного исчезновения мечей с перекрестием и навершием и замену их на рубеже нашей эры мечами без перекрестия и навершия [69].

Этот же процесс смены форм мечей на рубеже нашей эры по материалам меото-сарматского могильника у станицы Усть-Лабинской проследил Н. В. Анфимов. В погребениях четвертой хронологической группы — I в. до н. э. — II в. н. э. — встречаются мечи двух типов: к первому, раннему типу, относятся мечи с перекрестием и кольцевым навершием, ко второму, позднему — длинные, узкие мечи без перекрестия и навершия. При этом Н. В. Анфимов добавлял, что форма последних мечей становится господствующей в первые века нашей эры [70].

В Средней Азии происходил тот же процесс смены форм мечей и кинжалов на рубеже начала нашей эры, что, однако, не исключало употребления в первые века нашей эры старых форм оружия наравне с появившимися новыми. Но господствуют мечи без перекрестия и навершия, которые затем, начиная с V в. н. э., эволюционировали в однолезвийные, что хорошо видно по изменению форм кинжалов из курганов Согда. Отличаются эти мечи от более ранних не только другим видом навершия или отсутствием такового, но и размерами.

Длина мечей из погребений II в. до н. э.— I в. н. э. в курганах древнего Согда больше, нежели у ранних мечей. Мечи этого времени имеют длину от 85, 90, 95, 100 до 105 *см*. Таким образом, по длине мечи этого времени делятся на несколько групп, но имеют совершенно одинаковую форму. Эти размеры соответствуют длине сарматских мечей, имевших длину от 80 до 100 *см* и более [71]. Однако у савроматов длинные мечи наравне с короткими стали появляться в конце VI в. до н. э., причем мечи у них были распространены гораздо больше, чем у скифов, и являлись оружием не только военных дружинников и племенной знати, но и рядовых воинов [72].

Разница в величине мечей ранних и последующих за ними эпох объясняется разной тактикой боя, применяемой воинами. Длинный всаднический меч приспособлен не только для колющего, но и, главным образом, для рубящего удара, что говорит о более эффективном применении такого оружия, как меч. Употребление длинного меча в конном бою отличало тактику савроматов от тактики скифов, которые употребляли короткий меч. Основную часть скифского войска составляли конные воины-лучники, но применялась также и пехота, о чем свидетельствуют и археологические данные [73].

Интересные сведения о тактике саков, применяемой ими против войск Александра Македонского в Согде, сообщают античные авторы, причем время применения этой тактики соответствует находкам коротких мечей в Агалыксайском могильнике и позволяет считать короткий меч с сер-

---

[69] *Синицын И. В.* Сарматские курганные погребения в северных районах Нижнего Поволжья.— Сборник Нижневолжского краевого музея. Саратов, 1932, с. 62, 63.

[70] *Анфимов Н. В.* Меото-сарматский могильник у станции Усть-Лабинской.— МИА, № 23, 1951, с. 197—202.

[71] *Блаватский В. Д.* Очерки военного дела в античных государствах Северного Причерноморья, с. 118.

[72] *Смирнов К. Ф.* Вооружение савроматов, с. 29.

[73] *Мелюкова А. И.* Войско и военное искусство скифов.— КСИИМК, XXXIV, 1950, с. 35—37.

повидным навершием оружием саков IV в. до н. э. Посланный Александром Македонским против восставшего Спитамена полководец Менедем подвергся нападению дахов, которые сидели в засаде. Дахи сажали на коней по два всадника, которые поочередно соскакивали на землю и вели бой и конные и пешие [74].

Однако употребление длинных мечей не исключает продолжающегося бытования, хотя и в незначительном количестве, коротких мечей. Таким примером может служить находка короткого меча из железа в одном из помещений на городище Халчаян в Сурхандарьинской обл. Найденный там меч Г. А. Пугаченкова датировала рубежом нашей эры [75]. Этот меч имеет короткое прямое, но узкое перекрестие и лезвие, слегка расширяющееся в середине. Длина его 54 *см*, но богатая оправа рукоятки и ее верхняя часть обломаны, поэтому можно считать, что длина его была не менее 60 *см*. Форма меча и его размеры, а также не совсем обычное перекрестие отличают его от мечей из курганов Согда и их сарматских аналогов из Приуралья и Поволжья. Меч из Халчаяна удивительно похож на ксифос, меч греческих гоплитов, распространенный не только в Греции, но и в Северном Причерноморье [76].

Если короткие мечи бытовали в период широкого распространения длинных мечей, то это же можно сказать и о длинных мечах в сакскую эпоху, когда господствовали короткие мечи. В качестве примера можно указать на длинный меч из Тагискена, из погребения, которое датируется V в. до н. э. Железный меч имел длину 125 *см*, на его рукоятке было брусковидное или овальное навершие и бабочковидное перекрестие [77].

Значительно позже, в эпоху раннего и развитого средневековья, железные мечи по-прежнему были основным видом оружия, о чем свидетельствуют археологические находки. Мечи позднего времени были обнаружены и на территории Согда при раскопках на городище Афрасиаб. В 1968 г. при вскрытии слоев VIII в. были обнаружены фрагменты железного двулезвийного меча [78]. Другой меч был найден в 1969 г. в одном из помещений мечети в слое, соответствующем времени штурма Самарканда весной 1220 г. монгольскими полчищами. Этот меч XIII в. железный, однолезвийный, без рукоятки, с коротким перекрестием, но обломанным клинком [79].

Кроме археологических данных об употреблении мечей в эпоху средневековья в Средней Азии имеются сведения и в письменных источниках [80]. В эпоху средневековья, несмотря на распространение сабли, меч продолжал оставаться главным оружием в странах не только Востока, но и Запада. В эпоху крестовых походов меч был основным оружием закованных в латы рыцарей.

Несмотря на раннее появление сабли и на Руси, меч продолжал быть основным оружием русских воинов. По словам А. В. Арциховского, важнейшим оружием дружинника IX—X вв. был меч и таковым продолжал

---

[74] *Квинт Курций Руф.* История Александра Македонского. Кн. VII, 32. М., 1963, с. 279.

[75] *Пугаченкова Г. А.* Халчаян. Ташкент, 1966, с. 56.

[76] *Сокольский Н. И.* Боспорские мечи.— В сб.: Материалы и исследования по археологии Северного Причерноморья в античную эпоху, т. II. МИА, № 33, 1954, с. 136.

[77] *Толстов С. П., Итина М. А.* Саки низовьев Сырдарьи.— СА, 1966, № 2, с. 166.

[78] *Кабанов С. К.* Погребение воина в долине р. Кашкадарьи.— СА, 1963, № 3, с. 239, 240.

[79] *Буряков Ю. Ф., Крамаровский М. Г.* Поясной набор XIII в. из Самарканда.— СА, 1974, № 2, с. 259.

[80] *Абу-л-Фазль Бейхаки.* Тарих-и-Бейхаки. Перевод под ред. А. А. Ромаскевича.— В кн.: Материалы по истории туркмен и Туркмении, т. I. М.— Л., 1939, с. 245; *Захириддин Бабур.* Бабур-намэ. Перевод М. Салье. Ташкент, 1948, с. 41.

оставаться до XIII в., хотя сабли постоянно встречались в курганах кочевников XI—XII вв. [81].

Происшедшая смена форм мечей двулезвийных однолезвийными не является, однако, доказательством появления последних только в V—VI вв. н. э. Однолезвийные мечи появились значительно раньше, чем они стали вытеснять двулезвийные. Они были известны еще в скифском и савроматском оружии, но широкого распространения не получили. Из курганов Северного Причерноморья известно семь таких мечей, у которых клинок представляет собой как бы половину треугольного клинка двулезвийного меча; спинка такого клинка утолщенная. Другой меч был сделан из железной полосы, сложенной пополам в продольном направлении, а затем откован так, что спинка его осталась утолщенной, а лезвие заостренным. Кривой однолезвийный меч был найден под Киевом, причем заостренной была вогнутая сторона. Датируются все эти мечи IV—III вв. до н. э. [82]

Такого же типа меч с кривым лезвием, с заточенной вогнутой стороной был найден в Старо-Киишкинском могильнике под Уфой в погребении III—II вв. до н. э. [83] Появление однолезвийных мечей в Скифии объясняется влиянием греческого оружия, в данном случае греческого однолезвийного меча махайры, который был рубящим мечом с искривленным лезвием, состоявшим на вооружении греческой конницы, в отличие от двухлезвийного ксифоса — меча греческих пехотинцев гоплитов. По мнению А. И. Мелюковой, скифские мастера заимствовали идею однолезвийного меча, но осуществили ее по-своему, сохраняя привычную форму навершия и перекрестия [84]. Однако заимствованная форма однолезвийного меча широкого развития не получила, и только в эпоху раннего средневековья под влиянием изменения в тактике конного боя мечи стали однолезвийными, а затем эволюционировали в саблю, применение которой вызвало появление стремян, ибо эффективный удар саблей без стремян невозможен.

Рассмотренные мечи и кинжалы из курганов Согда заполняют лакуну в изучении истории культуры Согда эпохи античности. Благодаря многолетним раскопкам курганов в долине Зарафшана удалось проследить процесс развития таких видов оружия, как мечи и кинжалы, которые являются весьма важными показателями в характеристике не только культурного, но и всего исторического развития одного из древнейших регионов Средней Азии. Прослеженный процесс эволюции железных мечей античного Согда, поразительно совпадающий не только с процессом изменения и временем употребления, но и идентичностью отдельных видов с сарматским оружием, позволяет считать это доказательством былого проникновения носителей этого оружия в пределы Согда, что подтверждается также целым рядом других данных, полученных при исследовании курганов долины Зарафшана.

O. V. Obeltchenko

LES EPEES ET LES POIGNARDS DES KOURGANES DE LA SOGDIANE

Résumé

Les armes de Sogdiane remontant à l'époque antique étaient restées inconnues, si l'on ne compte quelques pointes de fléches, jusqu'aux fouilles des kourganes de la vallée de Zarafchana. Ces fouilles, pratiquées dans les kourganes de 12 champs funé-

[81] История культуры древней Руси. Домонгольский период, т. I. Материальная культура. М.— Л., 1948, с. 417, 429.

[82] *Мелюкова А. И.* Вооружение скифов, с. 59.

[83] *Садыкова М. Х.* Сарматские памятники Башкирии. МИА, № 115, 1962, с. 245, 246, 253, 257.

[84] *Мелюкова А. И.* Вооружение скифов, с. 59.

raires, ont fourni parmi d'autres objets, 29 épées et 11 poignards de fer, appartenant chronologiquement à une période qui s'étend du Ve s. av. n. è. au Ve s. de n. è. Cinq types d'épées nous donne une idée de l'évolution de ces armes, laquelle coïncide entièrement avec le processus d'évolution des épées sauromato-sarmates de la région sud de l'Oural et de la basso Volga (fig. 1). La poignée d'une épée du Ve s. av. n. è. provenant du champ funéraire d'Akdjartépé, présente une garde brisée et un pommeau arrondi; les épées du IVe s. av. n. è. trouvées dans le champ funéraire d'Agalyksaï ont un pommeau en croissant et une garde courte et droite; celles des IIe s. av. n. è. au Ier s. de n .è., découvertes dans les champs funéraires d'Agalyksaï, Chakhrivaïron, Kyzyltépé, Liavandak, Kouioumazar, ont une garde courte et droite, deux d'entre elles possèdent un pommeau rond, et dix-huit n'avaient pas de pommeau métallique. Les épées du IIe au IVe s. de n. è. provenant des champs funéraires d'Akdjartépé et Agalyksaï, n'avaient pas de garde et de pommeau en métal. Avec le changement de leurs formes, les épées se sont allongées, ce qui était lié au changement de tactique dans le combat. En ce qui concerne les poignards, on observe le même processus d'évolution, depuis ceux ayant une garde et un pommeau, jusqu'aux poignards simples qui en sont dépourvus, ainsi que le passage ultérieur de ceux à double tranchant à ceux à un tranchant. Le plus ancien poignard, qui provient du champ funéraire d'Agalyksaï, remonte au IVe s. av. n. è., et le plus récent est un poignard à un tranchant du Ve s. de n. è. trouvé dans le champ funéraire de Kyzyltépé. L'examen des épées des kourganes a comblé une lacune existant dans l'étude de l'histoire de l'art militaire en Sogdiane à l'époque antique.

С. М. НОВАКОВСКАЯ

К ВОПРОСУ О ПОЗДНИХ РЕЛЬЕФАХ В РЕЗЬБЕ ДМИТРИЕВСКОГО СОБОРА ВО ВЛАДИМИРЕ

(аркатурно-колончатый фриз)

Изучение скульптуры Дмитриевского собора во Владимире (1194—1197 гг.), какой бы аспект ни интересовал исследователя, начинается с выделения древнего состава рельефов. Из документов о реставрации 1837—1839 гг. известно, что камни плохой сохранности, в том числе и резные, заменялись новыми, изготовленными специально для этой цели [1]. Однако указаний на места замен нигде нет.

Естественно, что выделение поздних рельефов не раз становилось предметом исследования. Но сложность проведения этой работы с земли, видимо, явилась причиной того, что за всю историю изучения памятника лишь трижды писали о выделении его поздних рельефов. Это статьи Л. А. Мацулевича [2], Н. В. Малицкого [3] и соответствующий раздел в главе, посвященной Дмитриевскому собору, книги Г. К. Вагнера [4]. В первых двух исследованиях рассматривались в основном рельефы аркатурно-колончатого фриза фасадов (преимущественно рельефы святых в интерколумниях), в значительно меньшей степени — резьба второго яруса и барабана. Целью данной статьи также является выделение хронологически поздней резьбы фриза — консолей, колонок и капителей, рельефов тимпанов и антревольтов арочек. Впоследствии автор предполагает написать и о других частях резьбы собора. Рельефы изучались в непосредственной близости, с лесов, во время реставрации памятника в 1973—1975 гг. При выделении поздних рельефов учитывались иконографические и стилистические признаки (именно эти принципы положены в основу предшествующих исследований). Для подтверждения полученных результатов мной были привлечены памятники русской народной резьбы по дереву XIX в.— времени, когда могли возникнуть многие доделки рельефов собора [5]. Это дало возможность объяснить особенности иконографии и стиля выделенных рельефов, показать, что они обусловлены культурой XIX в., а значит более определенно говорить о времени их возникновения.

Из отчетов Строительной комиссии о реставрации Дмитриевского собора известно, что для восполнения рельефов комиссия «озаботилась

---

[1] Тексты решения Строительной комиссии о сносе пристроек и подряда, заключенного с Сидором Григорьевичем Медведкиным. См. *Малицкий Н.* Поздние рельефы Дмитриевского собора в гор. Владимире. Владимир, 1923, с. 27, 28.

[2] *Мацулевич Л. А.* Хронология рельефов Дмитровского собора во Владимире Залесском. Пг., 1922.

[3] *Малицкий Н.* Ук. соч.

[4] *Вагнер Г. К.* Скульптура древней Руси. М., 1969, с. 233—244.

[5] Л. А. Мацулевич относил поздние рельефы пояса к XVIII в. (*Мацулевич Л. А.* Ук. соч., с. 297), Н. В. Малицкий — к реставрации времени Николая I (1837—1839 гг.) (*Малицкий Н.* Ук. соч., с. 36, 45). Как будет видно дальше, особенности поздних рельефов подтверждают время их появления в 30-е годы XIX в.

снятием рисунка и распорядилась переведением на новые камни под строгим смотрением ее в точности изображенных фигур»[6]. И действительно, стремление следовать древним образцам резьбы прослеживается во всех поздних рельефах. Резчики XIX в. повторяли не только мотивы древних, как правило, близлежащих рельефов (в рельефах тимпанов арочек лишь два мотива — птица сирин и крылатый лев — не встречаются среди древних), но старательно воспроизводили их композицию. Поэтому при сравнении поздних рельефов с русской народной резьбой XIX в. мы не найдем такого сходства, как между древними рельефами и предметами прикладного искусства XII в.[7] Но все же стилистически поздние рельефы не только резко выделяются из древних, но обнаруживают черты близости к резьбе XIX в. В иконографии же, не соответствуя XII в., они оказываются не типичными и для XIX в., свидетельствуя о неверном понимании поздним мастером древнего образца[8].

До реставрации 1837—1839 гг. перекрытия окружавших Дмитриевский собор галерей примыкали на уровне аркатурно-колончатого пояса[9]. Естественно, что резьба его сильно пострадала и нуждалась в замене. Подлинный участок фриза сохранился лишь в правом прясле северного фасада. «Нетронутым куском XII века» назвал его Л. А. Мацулевич[10]. Действительно, из 62 консолей фасадов только шесть консолей правого участка фриза северного фасада единодушно признаны подлинными[11]. Они послужили образцом для 47 поздних консолей. Остальные девять поздних консолей фасадов в виде птицы с выставленным вперед крылом и птицы с орнаментом, сплошь покрывающим туловище и переходящим на хвост, восходят к консолям Успенского собора[12]. Таким образом, консолей, выдуманных реставраторами, на фасадах Дмитриевского собора мы не находим.

О консолях абсид исследователи высказались менее решительно, поскольку здесь они расположены на значительной высоте. Н. В. Малицкий и Л. А. Мацулевич древними считали семь консолей: 5-ю на южной абсиде (грифон); 2, 4, 7, 9-ю — на центральной (лев и три птицы); 2, 5-ю — на северной (птица и барс)[13]. Г. К. Вагнер признал подлинными также женские маски северной абсиды и «некоторые звериные маски на апсидах» — «скорее всего первая и последняя маски центральной апсиды, а также первая маска северной»[14] (имеются в виду консоли в виде львиной головы со сложенными передними лапами). Это предположение полностью подтверждается. Консолей этого типа на абсидах пять[15], из них две на южной абсиде (4-я и 6-я), безусловно, поздние (рис. 1). Их и можно назвать масками. Плоские широкие морды с прямоугольными

---

[6] ЦГИАЛ, ф. 797, д. 16001, л. 41; *Воронин Н. Н.* Зодчество Северо-Восточной Руси XII—XV вв., т. 1. М., 1961, с. 552, сн. 31.

[7] Ср. с рельефами собора Вщижские арки. *Рыбаков Б. А.* Русское прикладное искусство X—XIII веков. Л., 1970, рис. 120—123.

[8] Для поздних рельефов святых в аркатурно-колончатом поясе подобную путаницу иконографии отмечал Н. В. Малицкий (*Малицкий Н.* Ук. соч., с. 11, 13).

[9] См. рисунки и чертежи собора до реставрации 1837—1839 гг. *Воронин Н. Н.* Зодчество Северо-Восточной Руси XII—XV вв., т. I, М., 1961, рис. 196—202б; *Столетов А. В.* К истории архитектурных форм Дмитриевского собора в городе Владимире.— Вопросы охраны и пропаганды памятников истории и культуры, вып. 3, М., 1975, илл. на с. 144.

[10] *Мацулевич Л. А.* Ук. соч., с. 292.

[11] *Малицкий Н.* Ук. соч., с. 31; *Мацулевич Л. А.* Ук. соч., с. 290; *Вагнер Г. К.* Ук. соч., с. 242.

[12] *Бобринский А. А.* Резной камень в России, вып. 1. М., 1916, табл. 1. Правда, именно эти консоли Успенского собора резко выделяются из владимиро-суздальской пластики по стилю, образной характеристике и манере резьбы. Не появились ли они значительно позже обстройки Успенского собора галереями в 1185 г.?

[13] *Мацулевич Л. А.* Ук. соч., с. 291; *Малицкий Н.* Ук. соч., с. 32.

[14] *Вагнер Г. К.* Ук. соч., с. 240, 242.

[15] *Бобринский А. А.* Ук. соч., табл. 15, *2—5.*

щелями пасти (по виду они очень близки мордам львов поздних консолей фасадов) под углом соединяют базу колонки со стеной. Прямо от морд отходят плоские изогнутые под острыми углами «линеечки», обозначающие скрещенные лапы. От этих двух консолей резко отличны три остальные — великолепные образцы круглой скульптуры XII в.

В дополнение к этим древним консолям следует добавить еще три консоли XII в. на центральной абсиде, до сих пор никем не отмеченные: 5 (барс), 6 (женская маска), 8 (маска усатого льва) [16]. Доказательством служит не только характерный рисунок морды льва, пропорции и пластическое решение фигуры барса и женской маски (эти две консоли как раз выполнены менее способным мастером, чем остальные древние). Но при выделении подлинных и реставрированных консолей надо учитывать также резьбу базы колонки, так как она высечена из одного блока с консолью и, следовательно, должна подтвердить принадлежность этих консолей XII в.

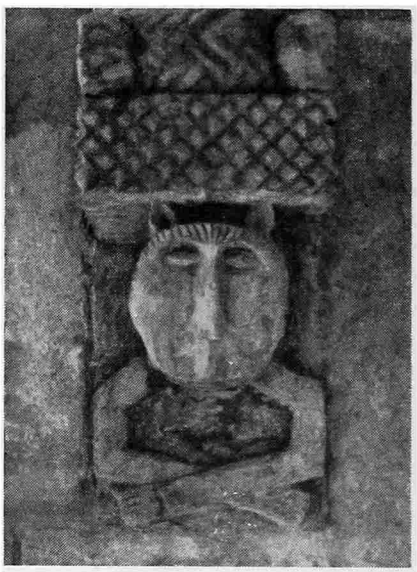


Рис. 1. Лев. Южная абсида (6), XIX в. (это фото и остальные сделаны автором с натуры в 1974—1976 гг.)

Прямоугольные базы консолей на абсидах [17] покрыты резьбой в виде перевитых «веревочкой» жгутов; диагонально пересеченных бороздок иногда с круглыми выемками в образовавшихся ромбах и треугольниках; волнистых изгибов двойного жгута с отходящими от него завитками; «шнура перлов». Разнообразие прямоугольных баз консолей на абсидах возрастает от применения в ряде случаев разных видов орнамента для украшения лицевой и торцевых частей. Причем орнамент перечисленных видов при всей пластичности резьбы плоскостен. Эти черты характерны для 15 камней. Остальные резко отличаются от них. Прежде всего на них применен орнамент всего двух из четырех названных выше видов: ромбы и «веревочная» плетенка (рис. 2, 3). Сочетание разных видов орнамента на одном камне отсутствует. Отличен и стиль резьбы этих баз: ромбы на них частые, геометрически четкие, с острыми, сильно выступающими гранями; перевитые «веревочкой» жгуты, напротив, редкие, вялого рисунка, так что утрачивается само сходство с «веревочным» плетением. Однотипно решенные, эти семь баз обнаруживают в исполнении черты штампа.

Точно так же резьба соответствующих 15 подушек баз отличается от семи остальных. Мотив резьбы один — плетение крест-накрест из двойных жгутов с выступающими по углам головками монстров. Но в 15 первых химеровидные головки словно с усилием раздвигают плетение, высвобождая себе место. Стилистически это та же резьба, что на шести древних базах правого прясла северного фасада и на галереях Успенского собора. В семи же камнях абсид (и точно так же на фасадах, исключая участок фриза XII в.) резные головы, напротив, чисто внешне присоединены к покрытой густым, лишенным всякого напряжения, плетением базе. Выражение их лиц неподвижно (рис. 3). Совершенно ес-

[16] Там же, табл. 15, *4*.

[17] *Бобринский А. А.* Ук. соч., табл. 15. В древнем участке фриза на северном фасаде им сопутствуют лежащие монстры, повторенные поздними резчиками на всех фасадах и один раз на северной абсиде — четвертая слева база.

тественно, что решение 15 баз абсид, наделенных всеми чертами резьбы XII в., соответствует именно тем резным консолям абсид, которые выделены Н. В. Малицким, Л. А. Мацулевичем, Г. К. Вагнером и автором настоящей статьи как подлинные.

Отделить поздние колонки от древних труднее, поскольку орнаментальный узор повторить проще, чем растительные и звериные мотивы или фигуры святых. Л. А. Мацулевич считал, что только «несколько колонок» новые [18], Г. К. Вагнер указывает на четыре колонки абсид (3, 4,

Рис. 2. Женская маска. Южная абсида (2), XIX в.

Рис. 3. Грифон. Южная абсида № 3, XIX в.

6, 10), а также на все колонки фасадов, исключая шесть древних в правом участке фриза северного фасада [19]. Мнение это убедительно. Между прочим, в отличие от древних колонок абсид и правого деления северного фасада, отстоящих от стены, колонки фасадов иногда более или менее плотно к ней примыкают. Из-за этого концы заходящих за колонки лепестков пальметт в рельефах деревьев оказались усеченными или со стесанной поверхностью, что было хорошо видно при осмотре рельефов с лесов. В древних рельефах между колонками абсид и правого деления северного фасада ничего этого нет, напротив, во всем чувствуется умелый расчет резчиков XII в. На абсидах, например, нередко один большой блок проходит за колонкой, и на нем высечены рельефы сразу двух деревьев, оказавшиеся в результате по разные стороны колонки. Расчет был настолько точен, что колонка каждый раз заслоняла пропущенное для нее место. В сравнении с такой продуманностью деталей «неподогнанность» колонок к рельефам между ними на фасадах выглядит странно. Кроме того, именно колонки фасадов чаще всего высечены из двух составных камней. Возможно, это явилось одной из причин значительных

[18] *Мацулевич Л. А.* Ук. соч., с. 290.

[19] *Вагнер Г. К.* Ук. соч., с. 306. В книге опечатка: поздней названа девятая колонка абсид вместо десятой.

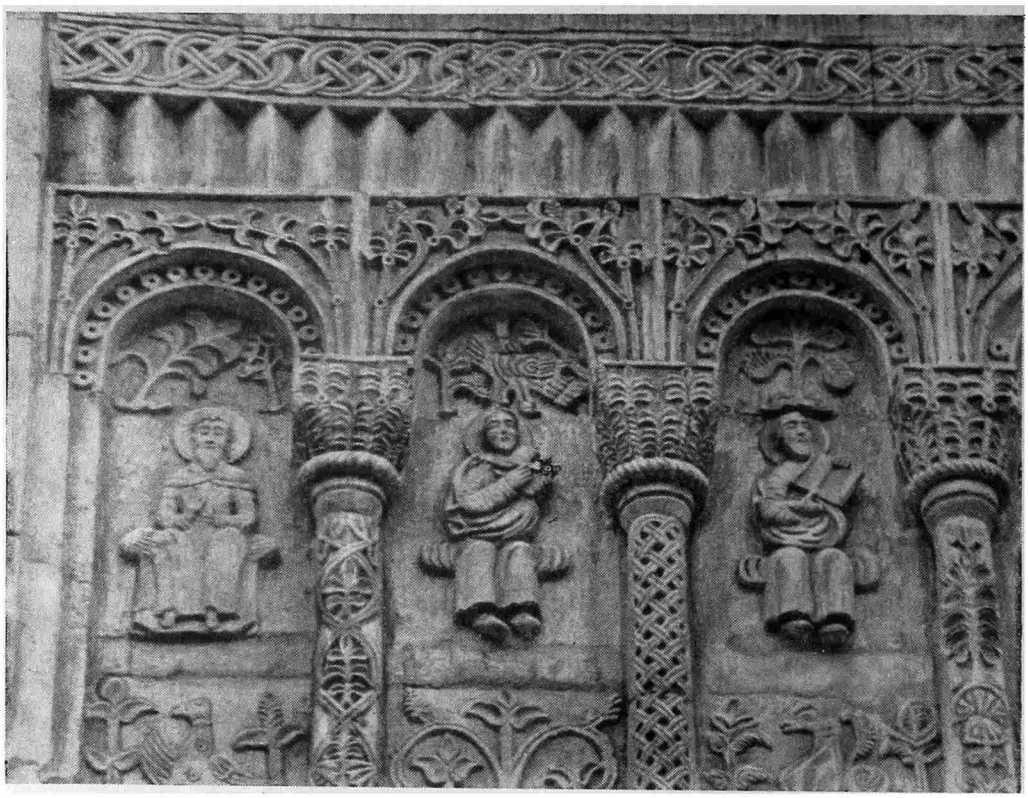


Рис. 4. Капители центрального прясла западного фасада, XIX в.

выветриваний, часто на всю толщину колонки, обнаживших вставленный внутрь их железный стержень. Напротив, все древние колонки высечены из одного блока камня. Из колонок абсид нам кажется необоснованным присоединение Г. К. Вагнером третьей к числу поздних. Хотя орнамент с завитком в овалах и не встречается среди древних, а также и поздних колонок, но пропорции тулова колонки характерны для древних. Примеры единичных, ни разу больше не повторенных рельефов в резьбе собора есть [20].

Резьба капителей колонок ни разу не привлекала внимание исследователей с точки зрения ее подлинности. Между тем капители колонок абсид и правого прясла северного фасада более стройных пропорций в отличие от расплывчатой формы всех прочих капителей фасадов. Резьба более плотно покрывает поверхность этих капителей, не оставляя свободного пространства. В них мастер XII в. иногда высекал на стебле кругляшок перед пальметтой, в одних разделял пальмовидные пальметты второго ряда крученым жгутом, в других нет. Напротив, в капителях фасадов, кроме правого прясла северной стены, резьба более редкая. Крученый жгут между пальметтами второго ряда отсутствует, на торцах капителей вверху он высечен примитивно, в виде выступающего плоского бортика с редкими параллельными косыми врезами на равных расстояниях, из-за чего совершенно утрачивает сходство со жгутами работы XII в., насыщенными частыми бороздками со скругленными краями (рис. 4). Все это позволяет выделить капители абсид и правого участка фриза северного фасада как работу XII в., а остальные капители фасадов считать поздними.

[20] Например, рельеф дерева, похожего на хвойное — западный фасад, левое прясло, второй ряд 2. (Далее заглавной буквой будет обозначаться фасад, прописной — правое центральное, левое — прясла, арабская цифра обозначает положение рельефа от левой границы прясла.)

Рис. 5. Птица перед деревом. Северный фасад, центральное прясло (10), XIX в.; правое прясло (1), XII в.

Поздней надо признать и ленту плетенки из тройных петель с заходом одной петли в другую, охватывающей фасады собора над городчатым пояском, за исключением участка правого прясла северного фасада, где плетение отличается большей пластической напряженностью и густотой.

Перейдем к разбору тимпанов арочек аркатурно-колончатого фриза собора [21]. На фасадах пояс включает 71 тимпан, на абсидах — 33. Естественно предположить, что и в арочном поясе резьба XII в. могла сохраниться в правом прясле северного фасада. Однако и в нем древние рельефы уцелели лишь в четырех тимпанах — двух крайних справа и слева. В них высечены рельефы (слева направо): птицы, шагающей влево, с деревцем перед ней и ветвью, высеченной наискосок над спиной; трех радиально расходящихся из центра ветвей; трех ветвей, поднимающихся вверх от общего, стелющегося понизу стебля; изогнувшейся справа налево ветви с отходящими в стороны стеблями. К этим четырем мотивам восходят 43 из 67 поздних, на наш взгляд, рельефов в тимпанах арочек фриза фасадов. Еще 15 рельефов тимпанов изображают лежащего льва (9) и геральдического орла (6), также присутствующих в правом участке фриза северного фасада, но поздней работы [22]. В оставшихся девяти тимпанах высечены рельефы: птицы сирин (2); крылатого льва (1); барса (?) (2); стоящей в центре ветви (3) [23] и деревца, похожего на куст (1). Как видно, к шести мотивам восходит подавляющее большинство рельефов тимпанов арочек фриза. Однако не столь частое повторение одних и тех же мотивов в тимпанах заставляет видеть в них позднее исполнение. Но в исполнении древних рельефов тимпанов и восходящих к ним поздних имеются существенные отличия. Сходство и от-

---

[21] *Бобринский А. А.* Ук. соч., С., л.— табл. 16, *2*, ц.— табл. 16, *3*, п.— табл. 16, *4*; З. л.— табл. 11, *1*, ц.— табл. 9, п.— табл. 11, *2*; Ю., л.— табл. 11, *3*, ц.— табл. 11, *4*, п.— табл. 16, *4*.

[22] Рельеф орла (С., п. 4) сейчас утрачен, но в 1916 г. еще существовал (см. *Бобринский А. А.*). Ук. соч., табл. 16, *4*.

[23] Рельеф С., ц. 5 сейчас сбит, но в 1916 г. был лишь с некоторыми утратами (см. *Бобринский А. А.* Ук. соч., табл. 16, *3*).

личие древних и поздних рельефов тимпанов можно определить отношением оригинала к внимательно исполненной копии. Древние рельефы являлись для поздних мастеров шаблоном, композицию которого они многократно старательно воспроизводили. И там, где древний мастер проявлял свободу в расположении и форме отдельных элементов, поздний был скован одним, многократно повторенным оригиналом. Поэтому свобода, динамичность, цельность контура и композиции древних рельефов сменилась сухостью и угловатостью в поздних. Кроме того, значительно отличается манера резьбы многих поздних рельефов и использованный мастерами XIX в. графический орнамент.

Особенно ярко это видно на северном фасаде при сравнении древнего и позднего рельефов птицы перед деревом и ветвью над ее спиной (С. ц. 10; С. п. 1). Два тимпана с одним мотивом рельефа здесь разделяет только лопатка с полуколонкой (рис. 5). В рельефе XII в. композиция динамична. Фигура птицы в движении, ствол дерева наклонен к ней, ветвь над спиной почти незаметно изогнута. Но все эти незначительные движения, изгибы и наклоны придают группе единство, помогают мастеру максимально и как бы непринужденно заполнить площадь тимпана. Иное дело в соседнем тимпане центрального прясла, а также и в 11 остальных с таким же рельефом [24]. Во всех них птица лишена легкого наклона вперед, статична. Ствол дерева и ветвь над спиной птицы прямы. Плавность контура и текучесть силуэта древнего рельефа сменилась резкостью линий, остротой углов, сухостью и дробностью очертаний. И на смену одухотворенному, полному жизненной убедительности образу XII в. пришла внешняя нарядность XIX в.

Нередко поздние мастера упрощали воспроизводимый оригинал. Так, в 14 поздних тимпанах [25] повторен рельеф трех ветвей с пятью-листными пальметтами на концах, пересекающихся и радиально расходящихся из центра. В древнем образце этих рельефов (С., п. 2) ветви отходят от общего, стелющегося понизу стебля, переплетаясь и пересекаясь в центре. В плетении передано напряжение и упругость стеблей, словно мастер переплел живые растущие стебли. Крупные пальметты заполняют всю поверхность тимпана. В поздних рельефах прямые негнущиеся ветви лишены сплетения, просто пересекаются в центре внизу. Общий стелющийся понизу стебель превратился в прямой, выступающий горизонтальный бортик, просто обозначающий границу тимпана. Во многих рельефах он вообще не высечен поздним мастером. К этому следует добавить, что худосочные, с узкими, редко поставленными лепестками пальметты во всех 14 тимпанах одинакового рисунка, размера и расположения, поражают геометрической четкостью, сухостью форм, не заполняют равномерно площадь тимпана, оставляя много свободного места, что было не свойственно для древних композиций.

Точно такие же, но семилистные пальметты высечены в девяти тимпанах [26] с рельефом трех ветвей, отходящих вертикально вверх от общего идущего волной понизу стебля.

Поздние рельефы тимпанов имеют еще одну особенность: основания рельефов со склоненной ветвью (З., ц. 1; Ю., ц. 1, 10; Ю., п. 1, рис. 4) снабжены горизонтальной волнистой подставкой. Во втором ярусе из многих десятков рельефов деревьев лишь в пяти ствол внизу расходится на две горизонтально идущие ветви, заканчивающиеся полупальметтой

---

[24] Ю., п. 6 представляет птицу без дерева и ветви, но это единственное отличие его от остальных. Сейчас почти полностью сбит рельеф С., л. 2, но в 1916 г. он еще был (см. *Бобринский А. А.* Ук. соч., табл. 16, *2*).

[25] С., л. 1 — почти полностью утрачен, был сохранен в 1916 г. (см. *Бобринский А. А.* Ук. соч., табл. 16, *2*).

[26] С., ц. 6 отличается от рельефов этого типа рисунком ветвей, лепестков, стебля внизу, который сейчас сбит, но сохранялся в 1916 г. (см. *Бобринский А. А.* Ук. соч., табл. 16, *3*).

или шишкой [27]. Однако эти ветви не служат подставкой, являясь органичной частью деревьев. Зигзагообразные или волнистые подставки под рельефами ветвей и деревьев Дмитриевского собора встречаются только в аркатурно-колончатом фризе фасадов. Прежде всего так решены грубой работы постаменты под рельефами деревьев, зверей и птиц в интерколумниях (под рядом с рельефами святых), за исключением подлинного участка пояса в правом делении северной стены. Их появление связывают с реставрацией 1837—1839 гг.[28] Характерно, что подставки появляются в тех рельефах тимпанов фриза, которые и по другим признакам выделяются как поздние.

Рис. 6. Орел. Северный фасад, центральное прясло (1), XIX в.

В трех случаях из числа уже рассмотренных рельефов тимпанов применена косая частая штриховка стеблей и подставок или лепестков растительных мотивов (Ю., п. 1,7; З. ц. 3, рис. 4). Ни в одном древнем рельефе собора штриховка стеблей не встречается, лепестки же иногда украшены вогнутыми кривыми бороздками, но совершенно иного рисунка. Более разнообразные варианты штриховки лепестков появляются в Рождественском соборе в Суздале (1222—1225 гг.) и Георгиевском соборе в Юрьеве Польском (1230—1234) [29], но и там они выполнены иначе — не так однообразно и сухо. Этот прием идет от деревянной резьбы.

Отсутствует в древней резьбе Дмитриевского собора и мотив ягоды. Но он нашел место в рельефах тимпанов фриза, заменив склоненную к ногам птицы шишку на боковой ветви дерева в древнем рельефе. Ягоды высечены и в ряде других растительных мотивов тимпанов, везде они похожи на малину, которая часто изображалась в резьбе по дереву в XIX в.

Таким образом, поздние мастера, в общем повторяя оригинал, все же не всегда выдерживали его до конца. Интересный пример этого представляют и рельефы геральдических орлов (в шести тимпанах; рис. 6). Орлы эти одноглавые, как и во всех других рельефах Дмитриевского собора, но в отличие от остальных головы орлов в тимпанах арочек имеют хохолок, в левой лапе они держат жезл, а в правой — ветвь с трилистником на конце (?!). Последняя деталь и вызывает наибольшие сомнения. В скульптуре собора одноглавый, распластанный по поверхности камня орел встречается неоднократно в резьбе второго яруса (четыре раза), в архивольте западного портала, между колонками аркатурно-колончатого фриза (С., п. 7) и даже на древней колонке (С., п. 6). Орлов этих называют геральдическими. Однако для геральдических орлов характерно строгое следование устойчивым выработанным образцам. Резные же орлы Дмитриевского собора настолько индивидуализированы, что скорее всего не были геральдическими. Уверенность в этом усиливает рельеф архи-

[27] С., ц. 3 ряд. 5; З., п. 3 ряд, 2; Ю., ц. 2 ряд, 2 и 6 ряд, 3. Пятый рельеф этого типа сохранился фрагментарно, находится З., л. 4 ряд, 4.

[28] *Мацулевич Л. А.* Ук. соч., с. 291; *Вагнер Г. К.* Ук. соч., с. 242.

[29] *Бобринский А. А.* Ук. соч., табл. 25—28, 30, 31; *Вагнер Г. К.* Белокаменная резьба древнего Суздаля. М., 1975, рис. 65.

вольта западного портала, в котором туловище орла ниже груди переходит в ажурную плетенку, предвосхищая тератологию в миниатюрах рукописей XIII—XIV вв. Во владимиро-суздальской резьбе распластанные одноглавые орлы появляются на консолях церкви Покрова на Нерли (две консоли центральной абсиды). В них головы орлов окружены нимбами. Такие же консоли на центральной абсиде Успенского собора во Владимире [30]. Орлы Дмитриевского собора лишены нимбов [31]. В рельефах всех трех соборов в лапах у орлов ничего не изображено. Образы орлов владимиро-суздальской пластики не одиноки. В прикладном искусстве Древней Руси XII—XIII вв. орлы бывают с нимбами и без них, но атрибуты в лапах всегда отсутствуют [32]. Только с XVII в. в лапах уже двуглавых орлов стали изображать сферу и жезл, но никогда — ветвь с трилистником. Не встречался такой иконографический тип и позже. Совершенно очевидно, что орлы с трилистником на конце ветви в лапах, высеченные в тимпанах Дмитриевского собора, не имеют аналогий. Скорее всего они могли появиться под влиянием древнего рельефа орла между колонками в правом прясле северного фасада (7). От концов его крыльев поднимаются вверх две пышные ветви. И так как для мастера XIX в. привычно было видеть орла с атрибутами в лапах, ветвь от крыла древнего рельефа он мог переместить в лапы орла. О позднем времени исполнения этих рельефов говорит и манера резьбы, и принцип украшения фигур орнаментом.

Иконографически не известен не только резьбе Дмитриевского собора, но и всей владимиро-суздальской пластике мотив крылатого льва, высеченного в крайнем правом тимпане левого прясла южного фасада (рис. 7) [33]. На голове льва — убор, напоминающий митру. Сама фигура с тоненькими перекрещенными лапами по виду игрушечная, и это также чуждо рельефам XII в. Крылатый лев на Дмитриевском соборе встречается еще только один раз — в медальоне барабана [34] и, что характерно, среди поздних доделок. Единичность этого мотива также говорит о его позднем появлении, ему, видимо, не было древних образцов.

В девяти других тимпанах изображены львы со скрещенными передними лапами. На их поздний характер указывали все исследователи, отмечая нехарактерный для древних рельефов рисунок пасти (Н. В. Малицкий [35]), грубую работу (Л. А. Мацулевич [36]), отличие их от фигур львов в верхнем ярусе (Г. К. Вагнер [37]). И хотя первоначальный образец этих рельефов не сохранился, следует добавить, что их иконографический тип отличается от распространенного в резьбе собора. В отличие от известных еще по церкви Покрова на Нерли рельефов лежащих львов со скрещенными передними лапами, львам Дмитриевского собора свойственна любопытная особенность — они изображены со стоящими задними лапами, и это независимо от расположения в архивольте западного портала, на древней консоли (лев под крестообразным деревом, С., п. 5), в резьбе второго яруса всех трех фасадов. Только высоко в пятах арок

---

[30] Все консоли абсид Успенского собора считаются плодом реставрации 1887—1891 гг. (*Бобринский А. А.* Ук. соч., с. 10).

[31] Только в рельефе С., п. 7 ряд, 4 после реставрации открылся след от рельефа нимба, видимо, окружавшего раньше голову орла.

[32] Такими орлы изображались на колтах, дробницах, «вщижских» арочках (*Рыбаков Б. А.* Ук. соч., рис. 25, 55, 121); на ткани (*Гущин А. С.* Памятники художественного ремесла Древней Руси X—XIII вв. М.— Л., 1936, с. 29).

[33] Поздним этот рельеф считает и Г. К. Вагнер (*Вагнер Г. К.* Скульптура древней Руси. М., 1969, с. 240), называя крылатым кентавром. Но это скорее лев с усатой мордой и в головном уборе (!).

[34] *Бобринский А. А.* Ук. соч., табл. 11, *3*.

[35] *Малицкий Н.* Ук. соч., с. 31.

[36] *Мацулевич Л. А.* Ук. соч., с. 291.

[37] *Вагнер Г. К.* Ук. соч., с. 240.

Рис. 7. Львы. Южный фасад, левое прясло, XIX в.

подкупольных столбов в интерьере собора в нескольких случаях львы изображены по типу церкви Покрова на Нерли.

К этому еще следует заметить, что форма округлых с полными выпуклыми щеками морд львов в тимпанах перекликается с решением львиных морд в поздних консолях на фасадах в виде льва под крестообразным деревом и льва в лапах грифона, а также в двух поздних консолях южной абсиды (4 и 6), изображающих морды львов со скрещенными передними лапами. В отличие от древних рельефов львов собора, сдержанных и величественных, примитивно исполненные, плоские морды этих львов имеют простодушное, бесхитростное выражение. Их позы лишены упругой напряженности древних. Рельефы имеют в первую очередь декоративный характер. Эти черты находят соответствие в фигурках львов в домовой резьбе 30-х — 50-х годов XIX в. и на самых разнообразных предметах быта [38]. Одна из резных досок коллекции ГИМ (№ 1959 ш/810) содержит вырезанную надпись «1834 года». Реставрация Дмитриевского собора происходила, как мы знаем, в 1837—1839 гг. Стиль и время исполнения названных деревянных досок предельно сближены со стилем и вероятным временем исполнения рельефов львов в тимпанах и консолях Дмитриевского собора. Резные доски с характерными стилистическими особенностями производились резчиками Владимирской губернии [39]. Сходные образцы резьбы нижегородской губернии перенимались нижегородскими мастерами уже оттуда. Логично предположить, что для реставрации Дмитриевского собора наняли работавших в округе резчиков своей же губернии. Вероятно, им и следует приписать восполнение резьбы арочного пояса и консолей фасадов и абсид собора, а время их появления — реставрации 1837—1839 гг. Рельефы святых между колонками, должно быть, исполняли другие мастера, из числа резавших деревянные иконостасы.

Связью с русским народным искусством XIX в. объясняется и ряд особенностей двух рельефов птицы сирин в тимпанах фриза западного фасада (З., л., 6; З., ц. 5) (рис. 8). Рельефы эти считали поздними

---

[38] На карнизных досках (*Жегалова С. К.* Русская деревянная резьба XIX века. М., 1957, с. 30, 31; табл. VII; рис. 1, 3*а*, 3*б*), на вальках, скалках, деталях ткацкого станка, пряничных досках (*Бобринский А. А.* Народные русские деревянные изделия. М., 1911, табл. 25, *5*, *6*; 30, *4*; 63, *3*, *14*, *16*; 64, *17*; 133, *7*).

[39] *Жегалова С. К.* Ук. соч., с. 30, 31.

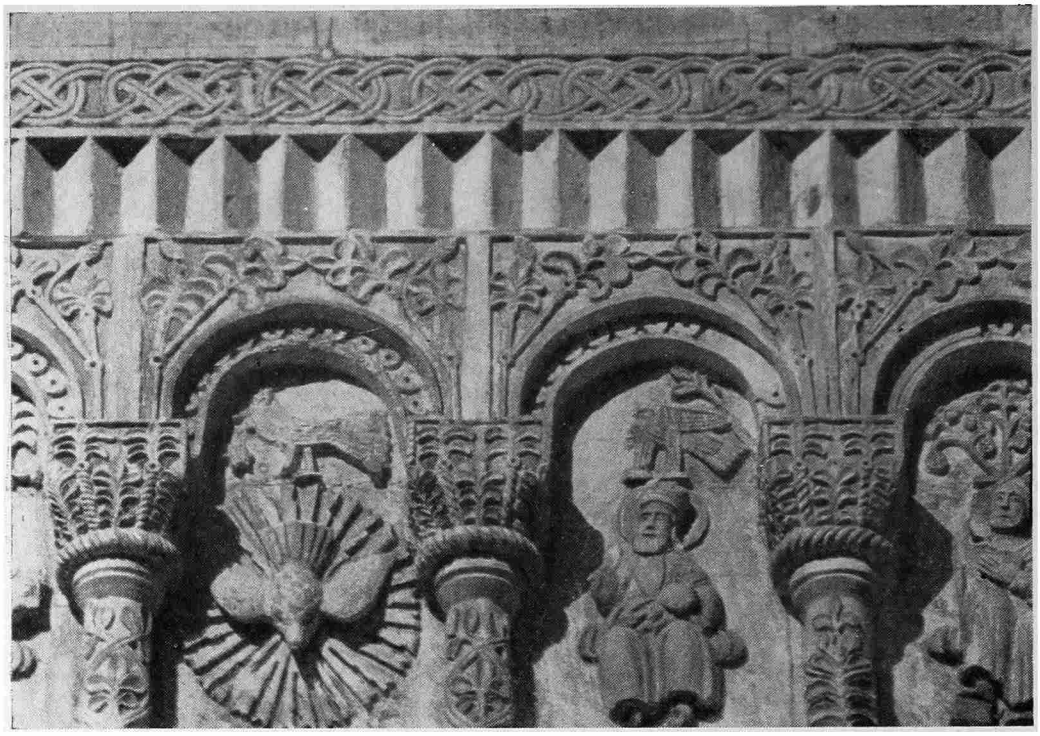


Рис. 8. Тимпаны центрального прясла западного фасада, XIX в.

С. Г. Строганов и Г. К. Вагнер [40], называвший их тщедушными. Интересно еще отметить, что перед обеими птицами изображено по звезде, шестиконечной в рельефе центрального и похожей на солярный знак в рельефе левого прясла. Сирины в Древней Руси изображались по сторонам стилизованного растительного мотива [41], иногда голова их окружена нимбом, но до сих пор не известно изображения рядом с ними звезды. В рельефах Дмитриевского собора, кроме как на тимпанах, птица сирин не встречается. Рельефы сиринов есть в Георгиевском соборе в Юрьеве Польском [42], но и там рядом с ними ни разу не изображена звезда, не похожи и их головные уборы, в Дмитриевском соборе напоминающие митру.

В тимпанах Дмитриевского собора звезда употребляется бессистемно, появляясь не только рядом с сиринами, но и перед склоненной ветвью (С., л. 7) в том месте, где у других склоненных ветвей мастер высек «елочку» (З. л. 1), вторую маленькую ветвь (З., ц. 1; Ю., ц. 1, 10; Ю., п. 1). Это позволяет думать, что звезда служила мастеру XIX в. лишь декоративным элементом, которым он заполнял свободное пространство. Любопытно, что раньше на рельефах Дмитриевского собора рядом с птицами сиринами было по две звезды (вторая помещалась над спиной), теперь утраченные [43]. Это делало рельефы декоративнее. У птицы сирин центрального прясла высечены и две протянутые вперед руки [44], что также не встречалось в Древней Руси. Однако все эти детали мы находим в русской народной резьбе по дереву. Звезды и розетки вырезались на

[40] *Строганов С. Г.* Дмитриевский собор во Владимире на Клязьме. М., 1849, с. 10; *Вагнер Г. К.* Ук. соч., с. 240.

[41] *Рыбаков Б. А.* Прикладное искусство и скульптура.— В сб.: Культура Древней Руси, т. 2. М.— Л., 1951, рис. 205, *2*; 211, *1*; *его же.* Русское прикладное искусство..., рис. 37, 49.

[42] *Бобринский А. А.* Ук. соч., табл. 41, *1—3, 5, 7.*

[43] Они видны на таблице в издании А. А. Бобринского (*Бобринский А. А.* Ук. соч., табл. 9, 11, *1*) и прорисованы у С. Г. Строганова (*Строганов С. Г.* Ук. соч., рис. V_2, $V_{J(1)}$).

[44] *Бобринский А. А.* Ук. соч., табл. 9.

пряничных досках рядом с двуглавыми орлами, птицами сиринами, просто птицами, зверями, рыбами и растительными мотивами; птицы сирин, как и фараонки, часто наделялись человеческими руками [45]. В тимпане фриза центрального прясла собора на конце хвоста сирина высечены кружки. Именно так часто украшали хвосты сиринов в резьбе по дереву в XIX в. В домовой резьбе XIX в., как у сиринов в тимпанах Дмитриевского собора, сирины изображались с простонародными, широкими лицами с мясистыми носами, нередко в таких же головных уборах [46].

Нельзя не отметить и характер сочетания графического узора с формами рельефов птицы сирин, а в равной мере птиц и геральдических орлов в тимпанах Дмитриевского собора, тело которых сплошь покрывает графический орнамент врезанных линий или выемок. Иногда оперение обозначено разделением поверхности на равные, создающие дробный ритм ячейки при пересечении встречных врезов или идущими рядами зубчатыми выемками и т. п. Но при всей разнице образующих элементов неизменен прием украшения сплошь всей поверхности рельефа ровной, нигде не прерывающейся полосой орнамента, безотносительно к реальным формам изображаемого мотива. Декоративное начало в этих рельефах резко возросло, оторвавшись от живой натуры. И вновь в резьбе пряничных досок, вальков XIX в. мы встречаемся с тем же принципом украшения поверхности резных фигур [47].

Видимо, из русской народной резьбы по дереву XIX в. привнесен мастерами, реставрировавшими Дмитриевский собор, и декоративный мотив в виде врезанных кривых бороздок с завитком на конце, украшающих шею странного существа, видимо, барса (пятый тимпан правого прясла южного фасада). Г. К. Вагнер назвал его «примитивным» [48]. Действительно, трудно даже определить, на барса, коня или корову он больше похож. Тоненькие ножки диспропорциональны с массивным туловищем, оканчиваются подковообразными копытцами, встречающимися еще только в аналогичном рельефе в тимпане (5) правого прясла западного фасада [49], и совершенно не известными владимиро-суздальской пластике. Такой же декоративный орнамент, как на шее рассматриваемого рельефа «барса», украшает шеи и грудь многих грифонов в поздних консолях фасадов (С., ц. 3, 5, 6; З., ц. 4, и др.). Орнамент этот не встречается в рельефах второго яруса собора, но он широко распространен в домовой резьбе и на предметах быта — так в XIX в. передавалась грива [50].

Мы разобрали все мотивы тимпанов арочек на фасадах Дмитриевского собора. Рельефы эти выделяются из древних рядом иконографических особенностей, приемами декоративной обработки, характером образов, лишенных глубины и монументальности образов XII в., но отличающихся большой декоративностью, которая выдвинулась на первый план. Сказочность, декоративность, но в то же время и реалистический характер образов русской народной резьбы по дереву отмечали многие ее исследователи [51].

В подтверждение поздней даты резьбы тимпанов фриза фасадов Дмитриевского собора во Владимире осталось добавить еще одну деталь.

---

[45] *Бобринский А. А.* Народные..., табл. 28, *9, 10*; 29, *1—3, 8, 9, 12, 19, 20*; 123, *11*; 124, *3*.

[46] *Жегалова С. К.* Ук. соч., табл. V, *3*; X, *1, 2*; *Бибикова И. М., Ковальчук Н. А.* Деревянная резьба крестьянских жилищ Верхнего Поволжья. М., 1954, рис. 32; *Соболев Н. А.* Русская народная резьба по дереву. М.— Л., 1934, рис. 268.

[47] *Бобринский А. А.* Народные..., табл. 63, *18*; 64, *3, 4, 9, 12, 15*; 121, *2, 3, 9, 10*; 122, *7*.

[48] *Вагнер Г. К.* Ук. соч., с. 240.

[49] *Бобринский А. А.* Резной камень в России, вып. 1, табл. 11, *2*; *Строганов С. Г.* Ук. соч., рис. V, к. (3).

[50] *Жегалова С. К.* Ук. соч., табл. XI, *2*; *Бобринский А. А.* Народные..., табл. 151, *7, 11*.

[51] *Бибикова И. М., Ковальчук Н. А.* Ук. соч., с. 88, 89; *Василенко В. М.* Народное искусство. М., 1974, с. 29.

Технически рельефы тимпанов и антревольтов арочек фриза высечены из одного блока камня. Соответственно поздним рельефам тимпанов должны соответствовать поздние антревольты. Действительно, лишь четырем древним тимпанам правого прясла северного фасада и 32 из 33 на абсидах соответствует безусловно древняя резьба антревольтов (растительный орнамент) и обрамлений тимпанов арочек фриза («шнур перлов»). Рельефы XII в. отличает безудержная фантазия мастеров, которые меняли число ветвей, размеры пальметт, чередовали пальметты с шишками, вносили новые элементы (рельеф льва между ветвями в антревольте (7) правого прясла северного фасада, зигзагообразный врез в обрамлении тимпана южной абсиды (3) и т. д. Резьба этих камней отличается пластической напряженностью. Напротив, в антревольтах на 67 камнях поздней работы на фасадах господствует лишь два мотива. В исполнении их действует штамп: геометрически точно выверено расположение ветвей, толщина ствола и форма лепестков пальметт и т. п. Орнамент «шнура перлов» в обрамлениях тимпанов их арочек представлен плоскими всегда одного диаметра (в отличие от разного у древних) геометрически правильными колесиками, редко расположенными и отличающимися сухостью исполнения. Наконец, камни с поздней резьбой, в отличие от древних, имеют абсолютно ровную, словно пиленую поверхность, лишенную следов тески.

Учитывая все сказанное о поздних рельефах тимпанов фриза Дмитриевского собора и их связи с русской народной резьбой по дереву XIX в., нужно упомянуть и о ряде с рельефами деревьев и птиц под фигурами святых, поскольку высказывались мнения о наличии среди них нескольких рельефов поздней работы [52]. Основанием для этого служило указание на сухость контура и точность линий гравировки некоторых из них, в частности рельефов «двух крупных и нескольких мелких птиц во фризе западного фасада, а также некоторые парные птицы и звери у дерева в левом и центральном участках северного фасада» [53]. Однако рельефы этого ряда не имеют ни иконографически, ни стилистически, ни по манере резьбы расхождения с древними рельефами собора. Знаменательно, что использованные орнаменты для украшения поверхности рельефов птиц и зверей, в том числе и указанных Г. К. Вагнером, полностью выдержаны в традициях древних рельефов Дмитриевского собора в отличие от поздних птиц и орлов в тимпанах. Трудно представить, чтобы в одно и то же время в работе мастеров были столь существенные отличия. Однако тогда неясно, как при почти полной замене в реставрацию 1837—1839 гг. резьбы аркатурно-колончатого фриза фасадов (фигуры святых, колонки, тимпаны) уцелели эти рельефы. Н. Н. Воронин, а за ним Г. К. Вагнер выдвинули предположение, что они перенесены сюда с разобранных башен, и поскольку камни оказались малы по высоте для нового места, под них потребовались постаменты [54]. Блоки эти к тому же часто велики по ширине, из-за чего многие камни оказались усеченными (в правом прясле западного фасада (1) уместилась только половина рельефа барса на дереве), и рельефы расположены не всегда по центру между колонками. Между тем большинство рельефов этого ряда объединяет плоскостно-графическая манера исполнения. Только здесь встречаются прообразы крыловидных пальметт Рождественского собора в Суздале и Георгиевского собора в Юрьеве Польском, а также пальметты, из которых, как из венчика, вырастает стебель с пальметтой на конце. Среди рельефов этого ряда встречается (единственный раз) изображение коровы, что странно для экзотической фауны рельефов Дмитриевского собора. Видимо, рельефы этого ряда резала особая группа мастеров, по вкусам ближе стоявшая

[52] *Мацулевич Л. А.* Ук. соч., с. 290; *Вагнер Г. К.* Ук. соч., с. 242.
[53] *Вагнер Г. К.* Ук. соч., с. 242.
[54] *Воронин Н. Н.* Ук. соч., с. 425; *Вагнер Г. К.* Ук. соч., с. 242.

к широким слоям населения, что нашло выражение в близкой к резьбе по дереву манере исполнения. Что же касается окончательного утверждения подлинности рассматриваемых рельефов Дмитриевского собора, до проведения химического анализа камня этот вопрос должен остаться открытым.

В заключение сказанного о поздних рельефах аркатурно-колончатого пояса Дмитриевского собора во Владимире необходимо сказать, что вопрос этот далек от окончательного разрешения. К сожалению, столь редкая возможность изучать памятник с лесов не была использована для проведения хотя бы пробного сравнительного химического анализа камня древних и предполагаемых поздних рельефов. В литературе упоминалось о том, что поздние рельефы резали из более мягкого камня [55]. В настоящее время это доказывает сам памятник. Даже сравнение с таблицами издания 1916 г.[56] выявляет значительные и частые утраты (иногда полностью всего рельефа) именно в частях, относимых к доделкам XIX в.,— на колонках и в тимпанах аркатурно-колончатого фриза фасадов, а также в рельефах второго яруса и барабана, при минимальных изменениях в сохранности рельефов XII в. за последние 60 лет.

S. M. Novakovskaïa

LES RELIEFS SCULPTES D'EPOQUE TARDIVE DE LA CATHEDRALE SAINT-DIMITRI A VLADIMIR

Résumé

Des auteurs tels que L. A. Matsoulevitch, N. V. Malitski, G. K. Wagner ont déjà étudié dans des ouvrages les reliefs d'époque tardive de la cathédrale Saint-Dimitri à Vladimir, lesquels ont été révélés au cours des réparations et restaurations de ce remarquable monument de l'architecture russe. Dans l'article, en plus des principes iconographique et stylistique, on a pris pour comparaison des monuments de la sculpture russe sur bois du XIXe s., époque de la restauration de la cathédrale (1837-1839), quand auraient pu apparaître beaucoup de ses récents reliefs. On a réussi à expliquer les particularités de l'iconographie et du style des reliefs en question, et à montrer que certains d'entre eux avaient été déterminés par la culture du XIXe s. Ainsi ont été confirmées les remarques de G. K. Wagner sur le fait que trois consoles de l'abside, en forme de tête de lion, dont on voit les pattes avant étendues, appartenaient au XIIe s. De même, on peut avec certitude dater du XIIe s. encore trois autres consoles de l'abside centrale (les 5ème, 6ème et 8ème de gauche), lesquelles étaient considérées comme plus tardives. Il faut estimer plus récentes les sculptures des chapiteaux de la frise d'arcatures et de colonnettes des façades (fig. 5, 10, 13), à l'exclusion de la rangée de droite du mur nord (fig. 7). Parmi les 71 tympans et entrevoltes des arcatures de la frise des façades, seuls quatre peuvent être attribués au XIIe s., aux deux extrémités de gauche et de droite, dans la partie ouest de la frise de la façade nord (fig. 5); les 67 autres sont plus tardifs. La comparaison faite entre les lions sculptés des tympans des arcatures de la frise des façades (fig. 5) et la sculpture artisanale sur bois des années 30 jusqu'à 50 du XIXe s. a permis de considérer le travail des sculpteurs sur bois du gouvernement de Vladimir comme se rapprochant le plus par le style. Ceci a non seulement confirmé l'époque de l'apparition de ces reliefs lors des restaurations de la cathédrale, en 1837-1839, mais a encore donné la possibilité d'avancer l'hypothèse que ce sont justement des artisans du gouvernement de Vladimir qui ont pris part aux restaurations de la cathédrale.

---

[55] *Строганов С. Г.* Ук. соч., с. 5.
[56] *Бобринский А. А.* Резной камень в России, вып. 1.

К 70-ЛЕТИЮ АКАДЕМИКА А. П. ОКЛАДНИКОВА

3 октября 1978 г. исполнилось 70 лет со дня рождения выдающегося советского историка и археолога Алексея Павловича Окладникова, действительного члена Академии наук СССР, директора Института истории, филологии и философии Сибирского Отделения АН СССР, профессора Новосибирского университета, Заслуженного деятеля науки РСФСР, Бурятской и Якутской АССР, лауреата Государственных премий.

52 года назад в Иркутске была опубликована первая научная работа студента Окладникова. С тех пор вышло в свет около 400 печатных работ Алексея Павловича. Среди них более 50 монографий, ценнейших теоретических трудов и публикаций и блестяще написанных научно-популярных работ. Многие из них переведены на английский, немецкий, французский, итальянский, японский и китайский языки и напечатаны в разных странах мира.

Труды исследователя отличает широкий творческий диапазон, умение в доступной и яркой форме преподнести и исторически осмыслить факты и источники. Алексей Павлович разрабатывает самые разнообразные темы, связанные с изучением многих сторон производственной деятельности человека, этнической и социальной истории, материальной и духовной культуры.

В течение всей жизни исследователь увлеченно работает над проблемами, имеющими глобальное значение как в теоретическом, так и в историко-культурном плане: появление ранних антропоидов и их расселение на просторах азиатского материка; переселение палеосибирских племен на территорию Нового Света и формирование древнейшего населения Америки; первобытная религия и развитие духовной культуры древнего человека; происхождение искусства; этногенез коренных народов Сибири и Дальнего Востока, их история; история включения Сибири и Дальнего Востока в состав Русского государства; первобытная археология и история Средней и Центральной Азии; этнография, мифология и фольклор народов мира; история науки.

Много времени Алексей Павлович отдает непосредственно археологической работе в поле. Он известен как удивительный по интуиции археолог-разведчик, открывший сотни пещерных стоянок и поселений, могильников, наскальных рисунков и т. п. Им обнаружен и раскопан целый ряд важнейших памятников, вошедших в золотой фонд нашей археологической науки. Это — знаменитое погребение неандертальского мальчика в гроте Тешик-таш (Узбекистан), пещерная стоянка Джебел со свитой слоев от мезолита до эпохи бронзы (Туркмения), древнейшее, по-видимому, шелльское, стойбище Улалинка в Горном Алтае, известная своими древнейшими жилищами и костяными скульптурами палеолитическая стоянка Буреть на Ангаре и самая восточная древнейшая галерея уникальных палеолитических росписей в пещере Хойт-Цэнкер в Монголии.

Свыше 50 лет Алексей Павлович руководит экспедициями, исследовавшими огромные пространства Азиатского материка. Благодаря этим работам на археологических картах Восточной Сибири, Дальнего Востока, Средней и Центральной Азии исчезли многие «белые пятна». А. П. Окладников является первооткрывателем ценнейших памятников, позволяющих реконструировать многие страницы далекого прошлого человечества. Им и его сотрудниками и учениками обследованы острова и побережья Ледовитого и Тихого океанов: от Таймыра и острова Фаддея до низовьев Колымы и Бараньего мыса; от Чукотки и Камчатки до Приморья и, наконец, от Сахалина до Курильских и Алеутских островов.

В Средней Азии маршруты полевых работ академика Окладникова многократно пересекали цветущие долины, снежные хребты и пустыни — от Тянь-Шаня на востоке до Каспийского моря на западе. Его экспедициями открыты древние культуры Киргизии, Таджикистана, Узбекистана и Туркмении. Начиная с 1949 г., ученый возглавляет многолетние работы по изучению памятников каменного века на территории Монгольской Народной Республики. Но особенное внимание Алексей Павлович уделяет исследованию памятников родной ему Восточной Сибири — Прибайкалья, Якутии, Забайкалья и Дальнего Востока.

В 1947 г. он защищает докторскую диссертацию «Очерки по истории Якутии — от палеолита до присоединения к Русскому государству».

Академик А. П. Окладников является выдающимся организатором науки. С 1949 г. по 1951 г. он возглавляет Ленинградское отделение Института археологии АН СССР.

С 1961 г. А. П. Окладников работает в Сибирском отделении АН СССР, становится признанным главой сибирских историков и археологов. В 1964 г. он избирается членом-корреспондентом, а в 1968 г. действительным членом Академии наук СССР.

Новосибирский академгородок становится организующим и координирующим научным центром историков, археологов, этнографов, антропологов и лингвистов, занимающихся комплексным изучением народов, населяющих огромные просторы Сибири и Дальнего Востока. Там проводятся всесоюзные и международные конференции, координируются планы различных научных учреждений, создаются музеи, в одном из которых собраны образцы древней архитектуры под открытым небом.

Организаторский талант помог Алексею Павловичу в сжатые сроки подготовить пятитомную «Историю Сибири». В качестве ответственного редактора и автора А. П. Окладников участвовал в изданиях — «История Бурят-Монгольской АССР» (т. I, Улан-Удэ, 1951 и 1954 гг.), «История Якутии» (т. I, Якутск, 1949) и «История Якутской АССР» (т. I, М.— Л., 1955); «История Туркменской ССР» (ч. I, Ашхабад, 1955 и 1957); «История Киргизии» (т. I, Фрунзе, 1956, 1963 и 1968); «Очерки истории СССР. III—IX вв.» (М., 1958); «Далекое прошлое Приморья» (Владивосток, 1959 и 1973); «История таджикского народа» (т. I, М., 1963); «История СССР с древнейших времен до наших дней» (т. I, М., 1966); «История искусства народов СССР» (т. I, М., 1971).

Возглавляя Институт истории, филологии и философии СО АН СССР, академик Окладников одновременно руководит работой кафедры истории Новосибирского университета, профессором которого он избран в 1962 г. Важнейшей чертой его деятельности является постоянная забота о развитии любимой науки, пристальное внимание к росту научных кадров на местах. Многие из его учеников стали кандидатами и докторами наук и сами руководят кафедрами учебных заведений и секторами научно-исследовательских институтов. Алексей Павлович доверяет молодым ученым и поощряет их самостоятельные поиски. Его страстная увлеченность наукой и сила личного воздействия таковы, что простое общение с ним, или даже случайная встреча с его экспедицией, нередко приводят людей, жизненный путь которых, казалось, был уже надежно определен, к серьезным занятиям историей и археологией.

Член КПСС А. П. Окладников ведет большую общественную и партийную работу, входит в руководящие органы ряда общественных организаций и редакционные коллегии научных и общественно-политических журналов.

В работах академика А. П. Окладникова дается достойный отпор антинаучным домыслам буржуазных, маоистских и иных фальсификаторов истории. Он постоянно на переднем крае идеологической борьбы. В своих многочисленных поездках по стране и за ее рубежами Алексей Павлович выступает не только как ученый, но и как неутомимый пропагандист и деятельный организатор науки, заботящийся не только об изучении, но и охране национального достояния советского народа — неповторимых памятников его истории.

Академик А. П. Окладников является действительным членом Академии наук Венгерской Народной Республики и Монгольской Народной Республики, членом-корреспондентом Британской академии.

Поздравляя Алексея Павловича Окладникова со славным юбилеем, желаем ему крепкого здоровья, новых увлекательных экспедиций, блестящих и неожиданных открытий, талантливых учеников и новых книг, которых с нетерпением ждут его многочисленные читатели как в СССР, так и за рубежом.

Л. Р. Кызласов

Публикации

Ф. М. ЗАВЕРНЯЕВ

АНТРОПОМОРФНАЯ СКУЛЬПТУРА ХОТЫЛЕВСКОЙ ВЕРХНЕПАЛЕОЛИТИЧЕСКОЙ СТОЯНКИ

На протяжении семи лет, с 1969 по 1975 г. включительно, нами производились раскопки Хотылевской верхнепалеолитической стоянки (Хотылево II). За эти годы была вскрыта и исследована площадь, составившая почти 500 м². Наряду с огромным количеством кремневых орудий здесь было обнаружено также около 300 всевозможных костяных изделий. Некоторые из них — настоящие шедевры первобытного искусства.

Не говоря уже о том, что сами по себе все костяные предметы интересны с точки зрения изучения техники обработки костного сырья и выяснения роли костяного инвентаря в быту верхнепалеолитических людей, особое значение представляют предметы мелкой пластики, и в первую очередь антропоморфная скульптура, так как в них как в зеркале отражаются мировоззрение древних людей и сам уровень развития первобытного искусства.

Исследователи считают, что произведения палеолитического искусства не были вызваны к жизни религиозными идеалистическими представлениями, а отражали повседневную трудовую деятельность древнего человека и возникшее на ее основе стихийно материалистическое воззрение [1].

Поскольку антропоморфные изображения, как и другие, сопутствующие им, произведения мелкой скульптуры, являются важными источниками познания жизни и духовного уровня первобытных общин, необходим их анализ.

К группе мелких пластических изображений, собранных на стоянке, может быть отнесено около 30 предметов. Значительная часть этих предметов является антропоморфными или по своей форме близкими к ним. По способу изображения антропоморфная скульптура делится на художественную и нехудожественную, а по форме — на реалистическую, стилизованную и примитивно-схематическую.

Художественная антропоморфная реалистическая скульптура представлена тремя женскими статуэтками, фрагментами статуэток (гравированная головка, обломки рук, ноги), барельефным изображением мужского лица на острие. Художественная антропоморфная стилизованная скульптура представлена тремя женскими статуэтками и мужской головкой-навершием на конце острия. Примитивно-схематическая скульптура представлена тремя более или менее выраженными изваяниями. Из антропоморфных изображений первостепенное значение имеют три женские статуэтки реалистической формы.

---

[1] *Абрамова З. А.* Изображение человека в палеолитическом искусстве Евразии. М.— Л., 1966, с. 3.

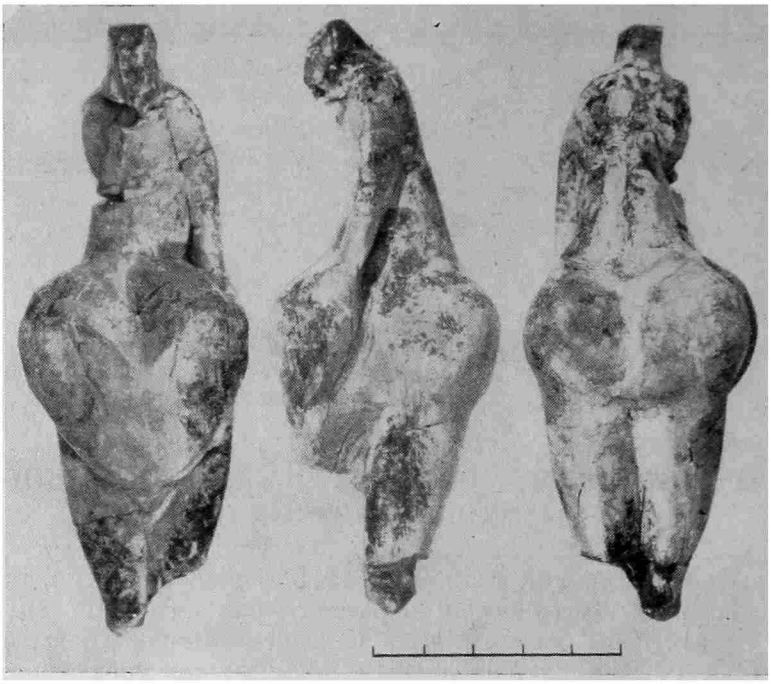


Рис. 1

Одна из них (рис. 1) была найдена в раскопе I на кв. 5 между ямами и костными конструкциями. Статуэтка лежала на культурном слое лицом кверху и была ориентирована головой на северо-восток. К сожалению, на этом участке раскопа культурный слой находился на небольшой глубине и поэтому подвергался воздействиям сезонных климатических изменений (зимнее промерзание), вследствие чего такой материал, как бивень, оказался неустойчивым и распался по слоям. Более того, еще в древности при образовании оврага лессовидные суглинки, под которыми был погребен культурный слой, почти полностью были размыты, и только начавшийся вскоре после этой ископаемой эрозии аккумулятивный процесс предотвратил окончательный снос статуэтки в пойму. Статуэтка оказалась совершенно распавшейся и частично испорченной. Об этом свидетельствуют не только утраченные отслоения, но и следы замарганцованности и ожелезнения на поверхности.

Статуэтка представляет собой довольно реалистическое скульптурное изображение обнаженной женской фигуры, исполненной во весь рост. Согласно классификации З. А. Абрамовой, это изваяние вполне может быть отнесено к классическому типу малой скульптуры.

Статуэтка выполнена из бивня мамонта. В настоящем виде у нее отсутствует большая часть головы, правая рука с частью предплечья и нога ниже колен. Высота сохранившейся части статуэтки 12,3 *см*, ширина в тазовой части 3,6 *см*, ширина в плечах 2,7 *см*, ширина в коленях 1,6 *см*. Фигура передана в слегка склоненной позе и с подогнутыми как в бедрах, так и в коленях ногами, с чрезмерно выпуклым животом, на котором покоятся полные груди, условно переданные кисти рук согнуты и прижаты к грудям. Ниже живота треугольный выступ лобка. Весь брюшной отдел неестественно опущен по отношению к тазу. На сравнительно высокой шее, помещенной на узких округлых плечах, находилась голова, по-видимому, округлой или округло-треугольной формы, слегка склоненная к груди. Голени ног хотя и утрачены, но, судя по остаткам, сильно подогнуты. Хорошо выделяются коленные чашечки. Ниже колен ноги изображались раздельно. Своеобразная манера комбинированной передачи живота, грудей и кистей рук подчеркивает некоторый, по-видимому преднамерен-

ный, схематизм этих частей, что делает всю фигуру в целом условной. Однако при этом создается эффект объемности.

Несмотря на своеобразие, статуэтка имеет некоторое сходство с женской статуэткой из позднеориньякского слоя грота Ридо (Леспюг) во Франции [2]. Это сходство — в самом образе высокой женской фигуры с округлыми плечами и широким тазом, в манере передачи вислых, но полных грудей на самом животе, в посадке и, вероятно, самой форме головы. С другой стороны, хотылевская статуэтка близка к кругу классических женских изваяний со стоянки Костенки I, и в первую очередь к статуэтке из раскопок 1931 г.[3] Однако, насколько можно судить по публикациям, костенковские статуэтки более совершенны, выразительны, реалистичны, пропорциональны, имеют более естественное положение фигуры.

Другая статуэтка (рис. 2, *2*; 3, *6*) найдена в раскопе 5 на кв. 28 с северо-восточной стороны очажной ямы в культурном слое. Она почти целиком была заключена в дутик, вследствие чего несколько разрушена голова и правая нога. Изготовлена из бивня мамонта, по центральной оси следы расслоения и смещения частей, особенно со стороны голеней. В отличие от первой статуэтки имеет миниатюрные размеры и несколько более схематичное изображение лицевой стороны. Несмотря на это, она может быть отнесена к классическому типу малой скульптуры.

Фигура женщины здесь также передана в слегка склоненной позе, с подогнутыми в бедрах и в коленях ногами, а также с чрезмерно большим животом. Высота фигурки 4,7 *см*, ширина в коленях 0,8 *см*, ширина в тазовой части 1,3 *см*, ширина в плечах 0,7 *см*, толщина живота с тазом 1,3 *см*. Голова округлая (диам. 0,6 *см*), наклонена к груди, без шеи, посажена прямо на округлые плечи. Живот, по-видимому, с лежащими на нем грудями — условной цилиндрической формы. С передней стороны руки не выражены. Голени ног — слитны. В целом передняя сторона этой статуэтки выполнена в еще более условной манере, чем первая. Со стороны спины фигурка, однако, гораздо реалистичнее. Выделенные небольшими углублениями руки очерчивают тонкую талию с широким тазом и плавно-округлыми бедрами.

Третья статуэтка найдена в раскопе 7 на кв. 15 в небольшой овальной ямке (яма 16) размером 0,35×0,25 *м* при глубине 0,15 *м*. С северной стороны в этой ямке находилась часть плечевой кости мамонта в полувертикальном положении, ориентированная с севера на юг, обломом книзу. Перпендикулярно к ней, в верхней части ямы, у самой плечевой кости лежала крупная птичья кость, орнаментированная геометрическим орнаментом из шести рядов насечек разной комбинации. С восточной стороны к плечу прилегала тоже в наклонном положении стилизованная статуэтка, ориентированная своими концами с севера на юг. Ее необработанный конец был опущен книзу. Несколько ниже стилизованной статуэтки, в южной половине, находилась реалистическая статуэтка (рис. 2, *1*; 3, 7). Она лежала на глубине 6 *см* от горизонта зачистки ямки и была обращена головой на северо-восток с некоторым отклонением к северу, в наклонном положении, ногами книзу, чуть повернутая лицом от стенки к дну ямки, в западную сторону. Согласно классификации З. А. Абрамовой, статуэтка может быть отнесена к тучному типу малой скульптуры. Она представляет собой довольно реалистическое изваяние обнаженной грузной женщины-матери в полный рост, выполненной из бивня мамонта. Почти вся поверхность статуэтки, особенно с задней и левой боковой сторон, коричневатого цвета, возможно, это следы былой окраски или патины бивня. Высота фигурки 5,7 *см*, ширина в тазовой части 2,5 *см*, ширина в плечах 2,1 *см*, ширина в коленях 1 *см*. Высота головы 1 *см*, диаметр по черепной крышке 1,4 *см*. Верхняя часть торса в слегка наклоненной вперед позе,

[2] *Фролов Б. А.* Числа в графике палеолита. Новосибирск, 1974, с. 212, табл. 39, *1*; *Абрамова З. А.* Ук. соч., табл. II, рис. 2.

[3] *Ефименко П. П.* Костенки I. М.— Л., 1958, с. 347, рис. 141; с. 349, рис. 142.

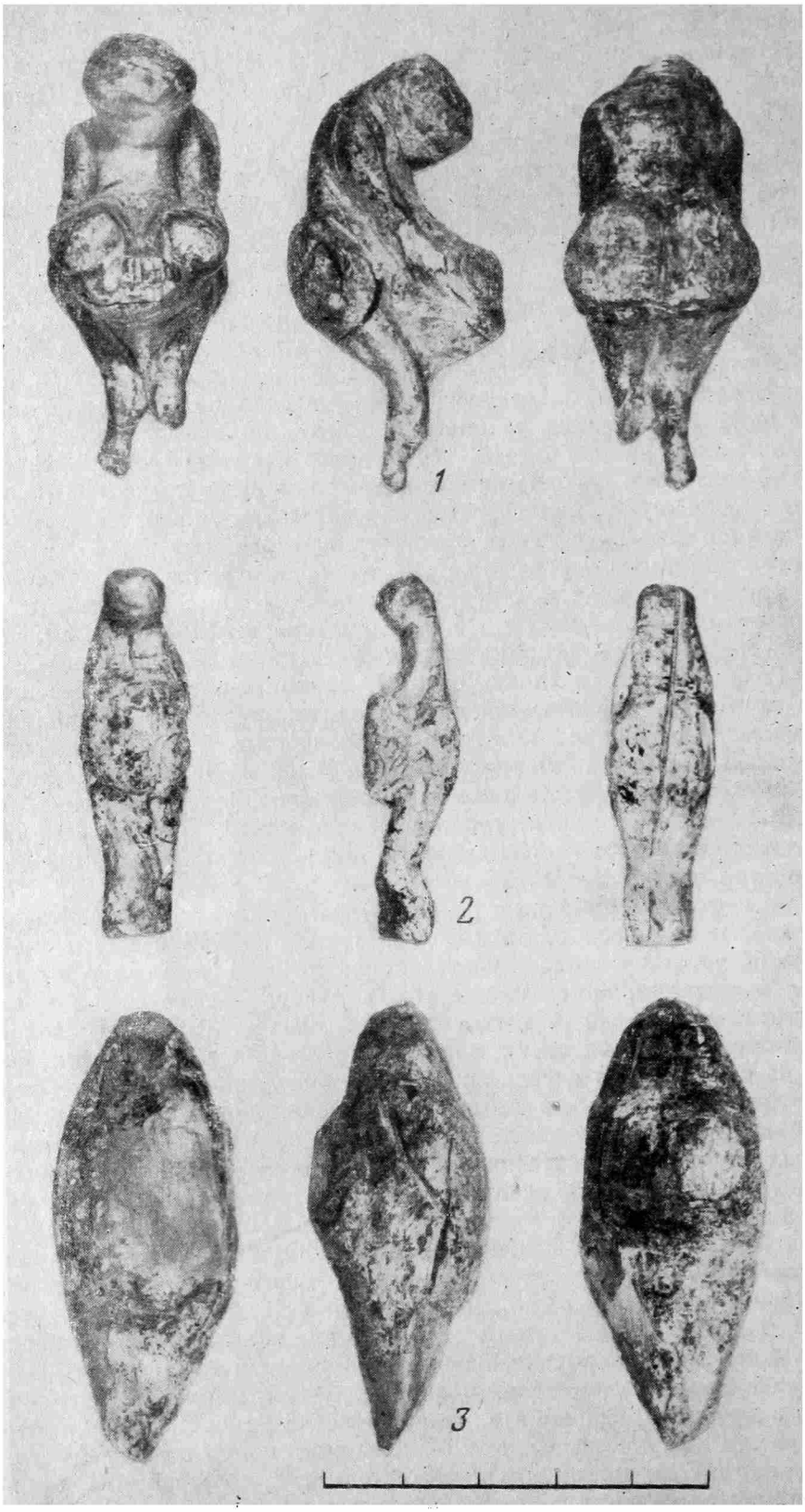


Рис. 2

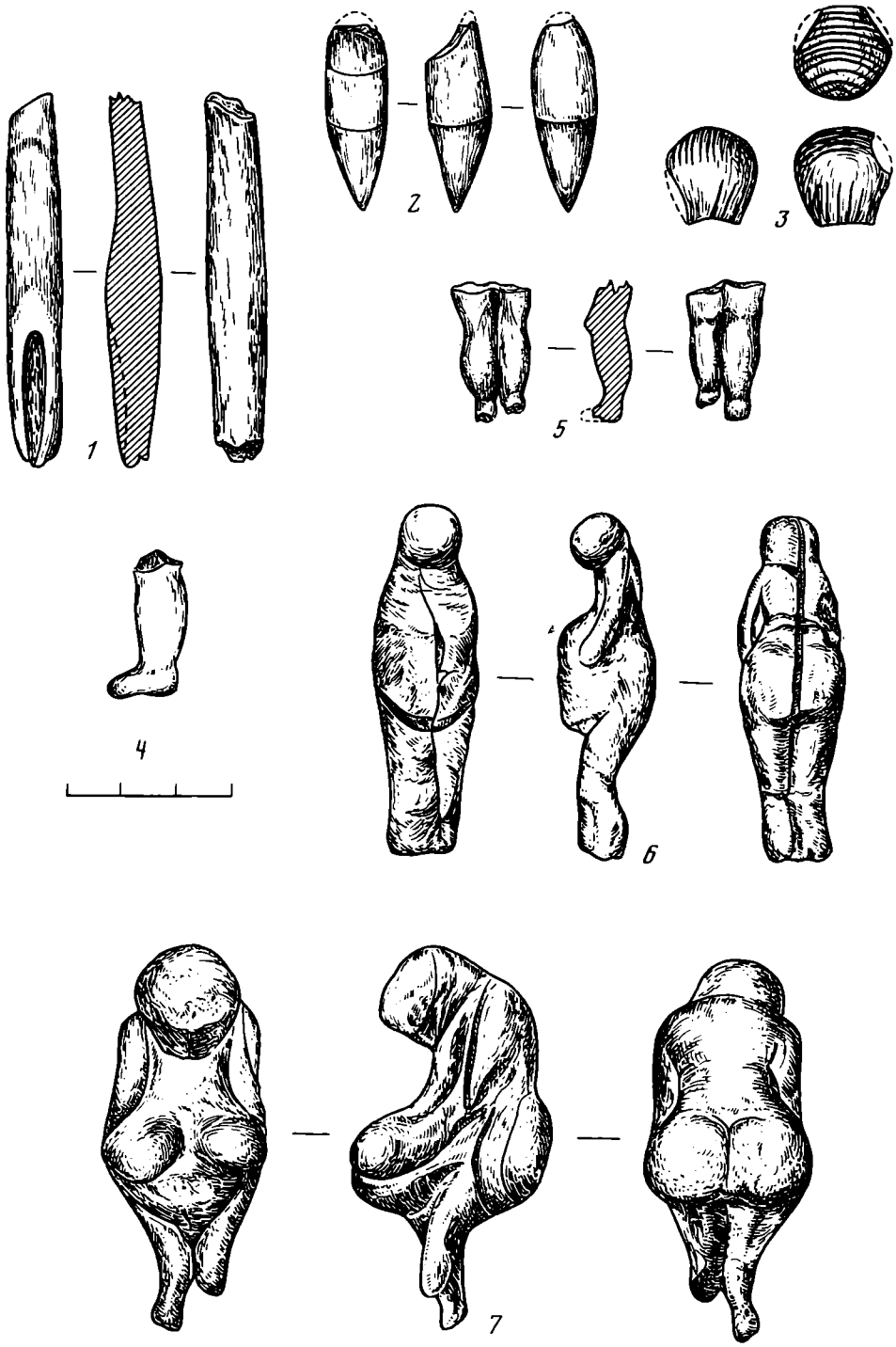


Рис. 3

с сильно опущенной вниз головою, так что подбородок касается груди. Голова имеет несколько увеличенные размеры и исполнена в условной манере. Ноги в бедрах поджаты к животу, в то время как голени согнуты незначительно. Голени ног несколько уменьшены, выполнены условно и раздвоены ниже колен. Левая нога утрачена в древности. Чрезмерно большой живот с треугольным выступом-лобком в основании сильно опущен вниз, почти до колен. Полные вислые груди покоятся на животе. Руки отделены от туловища бороздками, слегка согнуты и, видимо, положены на живот. Левое плечо более округлое и высокое. Особенно выразительна

и реалистична статуэтка с задней стороны. Довольно широкая округлая спина переходит в талию с сильно расширенным книзу тазом. Ягодицы выделены плоскими рельефными выступами, переходящими в толстые мясистые бедра, плавно сужающиеся к коленям. Руки от талии и тазовых выступов отделены косыми углублениями.

Данная статуэтка по типу женской фигуры и даже манере исполнения напоминает виллендорфскую венеру [4]. Из женских изваяний, найденных в восточноевропейской части СССР, она ближе всего стоит к статуэтке, найденной в 1927 г. С. Н. Замятниным у с. Гагарина [5], которая, однако, отличается от хотылевской более округлой формой головы, выраженностью шеи, посадкой головы, наличием с боков живота жировых валиков, формой и размерами самого живота, меньшей выраженностью ягодиц и бедер.

Фрагменты других женских статуэток, обнаруженных на хотылевской стоянке (рис. 3, *3*, *4*, *5*), имеют древние обломы и представляют не меньший интерес.

Голова статуэтки (рис. 3, *3*) найдена в раскопе 4 на кв. 40 в углистозольной массе. Изготовлена из бивня мамонта. Поверхность темного коричневатого цвета. Имеет несколько повреждений. Форма округло-удлиненная, диаметр черепного отдела 1,4 *см*, высота 1,6 *см*. Шея вырезана нераздельно с головой. Облом приходится на основание шеи. Диаметр облома шеи 0,9 *см*. Судя по облому, голова по отношению к туловищу имела слабый наклон. Лицо не выражено. Выпуклая черепная часть покрыта насечками, простирающимися скорее всего перпендикулярно лицевому отделу. С тыльной стороны на шее также прослеживаются следы насечек, направленных от спины и плечей кверху. Что изображают насечки — следы волос или головной убор, или просто геометрический орнамент, сказать трудно.

Нижняя часть статуэтки (ноги) (рис. 3, *5*) найдена в раскопе 6 на кв. 3 в зонально-углистой массе. Изготовлена из бивня мамонта, со следами красновато-коричневатой окраски. Имеет преднамеренный облом немного выше коленных суставов. Наибольшая высота 2,5 *см*, ширина в коленях 1,3 *см*, ширина в пятках 0,9 *см*. Высота голеней от подошв ступней до средней части коленных чашек 1,8 *см*. Голени вырезаны нераздельно, в вытянутом положении. Бедра, если судить по сохранившимся частям, поставлены несколько наклонно и плавно переходят в выступы чашек. Икры толстые, дынеобразные, диаметром до 0,6 *см*, резко сужаются у ступней. Ступни короткие, толстые, кончики обломаны в древности. Если судить по остаткам, правая ступня поставлена прямо по направлению движения, а у левой конечности ступня несколько повернута в сторону. То же наблюдается и в ориентации сильно выступающих коленных чашек. Несмотря на некоторую асимметричность икр и условность стоп, ноги в целом выглядят довольно пропорционально, особенно в профиль.

Еще один обломок (нога) (рис. 3, *4*) найден в раскопе 4 на кв. 18. Изготовлена из бивня мамонта. Облом древний, ниже коленной чашечки. Высота фрагмента 2,8 *см*, длина стопы 1,2 *см*, ширина 0,5 *см*. Диаметр ноги на изломе 0,7 *см*, диаметр икры в наиболее выпуклой части 0,9 *см*. Нога исполнена в довольно выдержанных пропорциях и весьма реалистично и очень искусно со всеми анатомическими очертаниями.

К женской художественной нереалистической скульптуре нами отнесено только одно изделие (рис. 4, *4*), найденное в раскопе 7 на кв. 15 в яме 16 совместно с женской реалистической статуэткой тучного типа. Оно изготовлено из стержнеобразной заготовки, вырезанной из бивня мамонта.

---

[4] *Ефименко П. П.* Первобытное общество. М., 1938, с. 406, рис. 172; *Монгайт А. Л.* Археология Западной Европы. М., 1973, с. 151.

[5] *Замятнин С. Н.* Раскопки у с. Гагарина (верховья Дона. ЦЧО).— ИГАИМК, № 118, 1935, с. 64, рис. 22; *Ефименко П. П.* Ук. соч., табл. XVII; *Тарасов Л. М.* Скульптура Гагаринской палеолитической стоянки.— МИА, № 185, 1972, с. 194. рис. 1, *1*.

Имеет темный, местами коричневатый цвет — возможно, от следов окраски или в результате патинизации бивня. Общая высота с необработанным концом 12 *см*, самого изваяния — 6,8 *см*. Несмотря на условность и стилизацию фигуры и непропорциональность ее частей, у нее все-таки достаточно четко выражены голова с несколько преувеличенным и выступающим вперед подбородком, сигарообразное туловище, отделенное от головы с передней стороны крутым плоским срезом, бедра и ноги, подогнутые в коленях. Высота головы 1,2 *см*. Высота среза, отделяющего голову от брюшного отдела, 0,8 *см*. Высота живота 2.5 *см*. Диаметр сигарообразного туловища 1,5 *см*. Высота бедер по колени 1,3 *см*, высота ног 1 *см*, ширина их в коленях 1 *см*, толщина 0,9 *см*. Бедра и голени выполнены нераздельно. Верхняя часть головы не завершена и переходит в необработанный конец заготовки. Имеем ли мы здесь дело с неоконченной скульптурой или со специально оставленным концом, на который могла насаживаться какая-то декоративная часть, сказать трудно. На одной из граней необработанного конца, непосредственно над головой, с тыльной стороны две горизонтальные насечки. На боковой грани с левой стороны три косые насечки. Одна из них, нижняя, совпадает с верхней горизонтальной насечкой. Что представляют собой эти насечки: геометрический орнамент или рабочие надрезы,— определенно сказать невозможно.

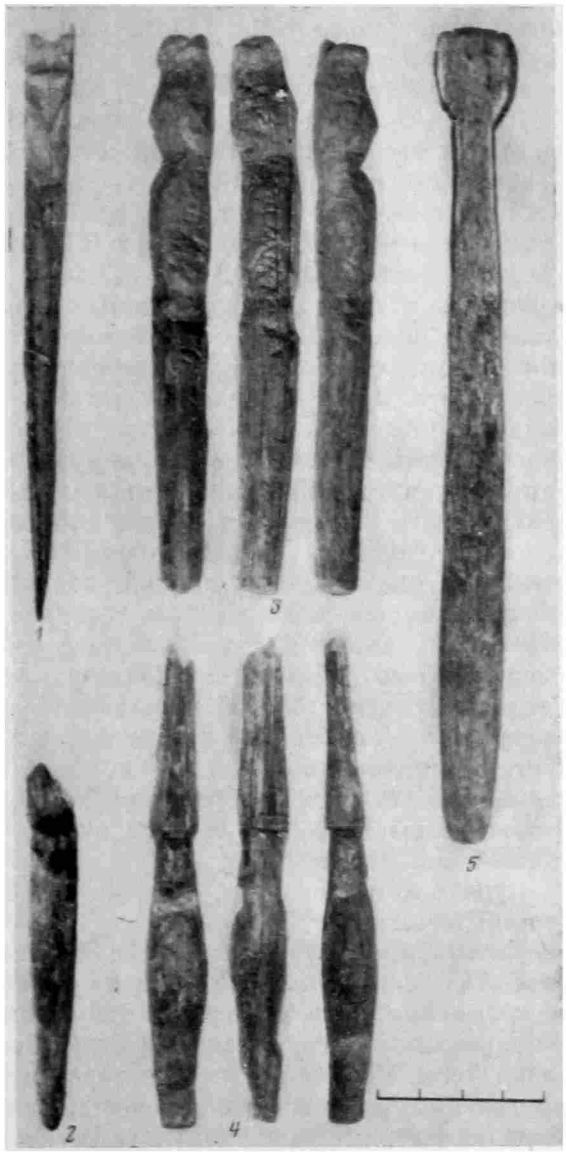


Рис. 4

К примитивно-схематической женской скульптуре может быть отнесено три предмета *.

Один из них (рис. 3,*1*), найденный в раскопе 5 на кв. 33 у очажной ямы, очень плохой сохранности. Верх обломан в древности, с тыльной стороны следы отслаивания. Статуэтка изготовлена из бивня мамонта, имеет гладкую коричневатую поверхность. Высота сохранившейся части 7 *см*, ширина вверху у излома 0,7 *см*, в расширенной средней части 1 *см*, внизу 0,6 *см*. Толщина у верхнего облома 0,5 *см*, в средней, наиболее выпуклой части 0,9 *см*. Судя по профилю, верхняя часть торса имеет небольшой наклон вперед. Этот наклон с передней стороны усилен косым плоским срезом, одновре-

* Редакция не разделяет мнения автора, относящего рассматриваемые предметы к женской скульптуре. Это касается и, так называемых, «мужских» фигур (рис. 4, *1, 2*) и еще ряда предметов, интерпретируемых автором, как антропоморфные (рис. 6, *1—3*).

менно выражающим грудной отдел фигурки. Верхний конец у излома, где должны были бы помещаться груди, испещрен тонкими насечками, живот выпуклый, ноги разделены желообразным углублением. Бедра округлые, неодинаковой толщины. Левое бедро почти вдвое больше правого. Правая нога сбоку выделена также желобообразным углублением, в результате чего бедро получило более объемную форму. Несмотря на большой схематизм, изваяние хорошо передает фигуру высокой стройной женщины худощавого типа с выпуклым животом. Особенно четко у этой скульптуры выражена нижняя часть торса. В этом отношении она напоминает мальтинские статуэтки [6], а также одну из статуэток Брассемпуи [7].

Другая фигурка найдена в раскопе 6 на кв. 6 (рис. 2, *3*). Изготовлена из бивня мамонта. С лицевой стороны имеет несколько повреждений. Поверхность неровная, бугристо-морщинистая, со следами бороздок и царапин. Возможно, поверхность оставлена такой неровной преднамеренно. Скульптура имеет неправильную биконическую форму. Высота 6 *см*, диаметр в области живота 2,5 *см*. Голова, шея и, по-видимому, вся верхняя половина туловища изображены верхним конусообразным выступом. С задней, более уплощенной стороны этого конуса три насечки, возможно, они связаны с графическим изображением. Туловище имеет сигарообразную форму. Руки, расположенные по бокам его, переданы глубокими канавками. С правой стороны рука немного согнута в локте, а кисть положена на живот. С левой стороны рука передана прямой косопоставленной канавкой, кисть, видимо, в аналогичном положении. Ноги изображены трехгранным выступом с заостренной вершиной, что, вероятно, указывает на подогнутое положение голеней. Бедра от живота отделены треугольным выступом с округленной вершиной-лобком. Высота ног от паха 2,5 *см*, от вершины-лобка 2 *см*. С задней стороны высота среза ног до ягодиц 3,2 *см*. Тазовый отдел вместе с ягодицами исполнен бочкообразным выступом высотой до 1 *см*. Толщина выступа над уровнем талии 0,4 *см*. Ягодицы со всей тазовой частью вырезаны слитно и отделены от талии косым срезом, основание которого находится на уровне плеч. Отсюда следует, что пропорциональность передней стороны фигуры и задней нарушена. Что касается изображения нижней части человеческого торса треугольным выступом, то оно широко представлено в палеолитическом искусстве [8].

Судя по композиции, скульптура схематически изображает фигуру тучной женщины.

Третий предмет (рис. 3, *2*) найден в раскопе 5 на кв. 26 у очажной ямы. Антропоморфная фигурка изготовлена из бивня мамонта со следами расслаивания. Поверхность гладкая, темного коричневатого цвета. Имеет неправильную биконическую форму. Высота фигурки 3,5 *см*, диаметр сечения 1 *см*. Верхняя половина торса цилиндрической формы, со стороны спинки на плечах слегка уплощена, благодаря чему выделяется округлая тазовая часть. К сожалению, там, где должна помещаться голова,— облом, и поэтому трудно сказать, что она собой представляла — условный округлый срез или сферический выступ. С передней стороны грудной отдел передан округленным с боков срезом высотой 0,8 *см*. Живот бочкообразной формы, высотой около 1,2 *см*. По манере изображения грудного отдела и живота фигурка напоминает миниатюрную реалистическую статуэтку из раскопа 5 (рис. 2, *2*). Ноги переданы конусообразным выступом высотой до 1,5 *см*. Судя по некоторой уплощенности этого конуса с передней стороны, они находятся в подогнутом состоянии. Так как спинной отдел, как и нижняя половина торса, имеет небольшой наклон вперед, надо полагать, что фигура женщины, как и у реалистической скульптуры, передана в склоненном положении и с подогнутыми ногами.

---

[6] *Абрамова З. А.* Ук. соч., табл. VII, *4*; *Фролов Б. А.* Ук. соч., табл. 8, *4*.
[7] *Абрамова З. А.* Ук. соч., табл. X, *28*.
[8] *Абрамова З. А.* Ук. соч., табл. I, *2, 6*; табл. III, *3, 6, 10*.

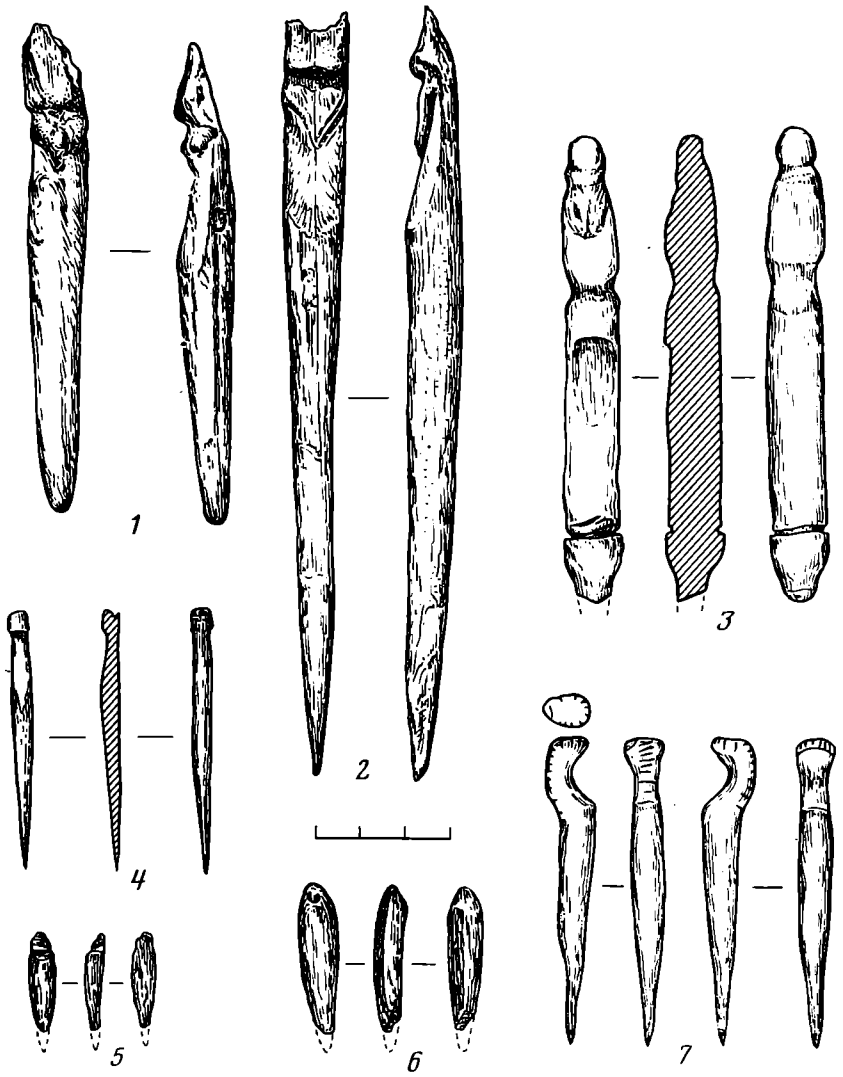


Рис. 5

Следует отметить, что близкие по форме и стилизации женские статуэтки имеются у современных ненцев [9].

Возможно, что к этому типу стилизованных женских статуэток относятся два миниатюрных предмета, найденные в раскопе 6 на кв. 5, изготовленные из бивня мамонта (рис. 5,*5*, *6*). К сожалению, оба предмета плохой сохранности, имеют обломы на утонченных концах и не дают достаточной уверенности для бесспорного отнесения их к антропоморфным изображениям.

Наряду с женской скульптурой большой интерес представляют изваяния с мужскими изображениями. Как известно, мужская скульптура на палеолитических памятниках встречается значительно реже, тем более реалистическая. На Хотылевской стоянке мужская скульптура представлена двумя художественными изделиями. Одно из них выполнено в реалистической манере, другое в стилизованной.

Предмет с реалистическим изображением (рис. 5, *1*; рис. 4, *2*) найден в раскопе 4 на кв. 15 под зольной массой на материке. Он лежал лицевой стороной книзу, и поэтому хорошо сохранилось изображение лица. Фи-

[9] *Филиппов А. К.* О двух типах изобразительной деятельности верхнепалеолитического человека в связи с критикой «магической» природы происхождения искусства.— МИА, № 185, 1972, рис. 2, *5*.

гурка изготовлена из бивня мамонта, со следами расслоения. Имеет стержневую форму. Одна часть образует округлое тупое острие, имитирующее, вероятно, нижнюю половину человеческого торса, а другая — верхнюю половину с барельефным реалистическим изображением мужского лица в фас. Высота фигурки 9 *см*, наибольший диаметр стержня 1,1 *см*, общая высота скульптурного отдела 4,3 *см*. Высота головы 2,5 *см*, одного лица 1 *см*, ширина вдоль головного среза 1,3 *см*. С тыльной стороны головы косой облом, связанный с обработкой самой заготовки. Судя по изваянию, это был сравнительно молодой безбородый мужчина с округлыми чертами лица, несколько выдающимися скулами, острым подбородком и вздернутым носом. Сама голова с лобной частью неестественной удлиненной формы с косым плоским срезом, доходящим почти до бровей. Глаза переданы неглубокими, плохо выраженными ямками, нос — выступом. Шея передана углублением. Вся остальная часть туловища исполнена условно двумя косыми плоскими срезами, округленными на пересечении, в то время как у женских статуэток оно передано одним косым плоским или округленным с боков срезом.

Воспроизведение человеческого лица следует, наверное, рассматривать не только как проявление высокого художественного таланта первобытного мастера, но и как портретное изображение реального образа, возможно, игравшего какую-то важную роль в жизни современной ему общины. Интересно, что такое же округлое скуластое лицо с острым подбородком, изображенное на женской головке из Брассемпуи (Линда), имеет общее сходство с портретным изображением хотылевского человека [10]. Не указывает ли это на этническую близость населения, оставившего памятники с богатой антропоморфной скульптурой? По своей композиции хотылевское изделие может быть сопоставлено с мужским изваянием на шиле из стоянки Си-Верлен в Люксембурге [11].

Изваяние со стилизованным изображением мужского лица (рис. 5, *2*; 4, *1*) найдено в раскопе 3 на кв. 5 в блюдообразном углублении под костями. Изготовлено из бивня мамонта. Имеет веретенообразную форму, дуговидный профиль, особенно со стороны головы. Стержень изделия плавно сужается книзу и на конце хорошо заострен. Кончик острия с боков уплощен плоскими срезами. В целом стержневидная часть чем-то напоминает нижнюю половину человеческого торса. Верхняя половина представляет барельефное стилизованное изображение человеческого туловища с головой и лицом. Общая высота изделия 14,5 *см*, высота скульптурного отдела 4 *см*. Наибольший диаметр стержня 1 *см*. Высота головы 2,5 *см*, лицевого отдела 1,4 *см*, ширина головы 1,3 *см*. Высота кончика острия с передней скошенной стороны 1,5 *см*.

Несмотря на стилизацию, в скульптурном изображении хорошо просматривается лицо скуластого, круглолицего мужчины с резко выраженным подбородком. Не исключено, что здесь изображен более пожилой и бородатый мужчина с высокой худощавой фигурой. Лицо от лобной части отделено линзообразной щелью, которая одновременно передает и глазные впадины. Лоб, как и в реалистическом мужском изваянии, нависший. Черепной отдел невысокий, с боков нечто вроде удлиненных ушек с заостренными кончиками. К сожалению, они были раздавлены кусочками костного угля. Лицевой отдел плоский, лишь слегка выступают скулы и место носа. Туловище передано косым срезом, округленным по бокам. Лицо от туловища отделено глубокими бороздками, по-видимому, имитирующими шею. Ниже грудного среза, на выпуклой части стержня, три округлые ямочки, соприкасающиеся друг с другом. Наиболее углубленная из них средняя. Возможно, это следы использования предмета как висячего амулета.

---

[10] *Фролов Б. А.* Ук. соч., табл. 34, *2*.
[11] *Абрамова З. А.* Ук. соч., табл. XXV, *2*.

Как нам представляется, в данном изображении нетрудно угадать известное в палеолитическом искусстве символическое изображение человека-зверя. Особый интерес представляет то, что в данном случае мы имеем дело с барельефным изображением.

Наряду с хорошо выраженной антропоморфной скульптурой при раскопках стоянки обнаружено немало других предметов, относящихся к мелкой пластике, исполненных как в художественной, так и нехудожественной манере. Некоторые из этих изделий, вероятно, имели символическое значение, другие использовались как орудия труда. Несмотря на неясность сюжетной композиции и смыслового значения, видимо, их все же следует рассматривать как человекоподобные изображения.

Один из таких предметов (рис. 4, *3*) найден в раскопе 7 на кв. 10 в яме 9 между костями. Изготовлен он из бивня мамонта. Имеет следы растрескивания по слоям. Поверхность темно-коричневатая. Это крупное острие с фигурным навершием, мало чем отличающееся по форме от описанного выше. Конец острия обломан вследствие чего трудно сказать, был ли он тупой или заостренный. Высота сохранившейся части 12,5 *см*. Высота скульптурного навершия 7 *см*. Навершие состоит из округлой головки с «венчиком» и сигарообразного туловища, отделенного от головы шейкой. Высота головки с венчиком и шейкой 3, ширина 1,7, толщина 1,5 *см*. Тыльная часть головки уплощена. Поверхность скульптурного навершия имеет грубую обработку в виде ямочек, бороздок, нарезок, царапин, иногда параллельно направленных или перекрещивающихся. Не исключено, что здесь мы имеем дело со специальной своеобразной обработкой поверхности. По своей композиции, форме и манере исполнения скульптурное навершие отдаленно напоминает верхнюю половину человеческого торса с головой, а в целом — антропоморфное изваяние.

Другой предмет (рис. 5, *3*) найден в раскопе 3 на кв. 17 у ямы, заполненной костями. Изготовлен из бивня мамонта. Имеет стержневидную форму. Нижний, возможно, заостренный кончик обломан и утрачен. Высота поделки 10,5 *см*, диаметр стержня 1,2 *см*. Верхняя часть — в виде условной фигурки человека с округленной головой. Однако не исключено, что здесь мы имеем дело не с торсом человека, а с его фаллическим атрибутом.

Третий предмет (рис. 6, *3*) найден в раскопе 4 на кв. 5. Имеет пластинчатую треугольную форму. Изготовлен из обломка грубчатой кости. Поверхность темная коричневатая. Высота 11 *см*, ширина в основании 2,6 *см*, толщина 0,6 *см*. На верхней слабо выпуклой и гладкой поверхности со стороны основания — следы царапин и плохо выраженных графических изображений. С противоположной стороны по центральной оси — желобообразное углубление. На одной из боковых сторон этого желобка — царапины или какие-то специальные насечки. Вершина пластинки оканчивается округлой уплощенной головкой высотой 0,9 *см*. От остальной части она отделена глубоко прорезанной вокруг канавкой. Назначение предмета неясно. Он скорее напоминает амулет-подвеску, чем орудие труда. Обращает на себя внимание выдержанная удлиненно-треугольная равнобедренная форма, характерная для уплощенно-схематических антропоморфных изображений.

Остальные изделия этой группы находок представлены лопаточками, шильями с головкой и одной иглой с головкой.

Лопаточки в хотылевской коллекции представлены четырьмя экземплярами. Одна из них сохранилась полностью (рис. 6, *1*), а три, наверное, во фрагментах. Прямые аналогии таким изделиям имеются на широкоизвестных памятниках Костенки I и Авдеево [12].

---

[12] *Ефименко П. П.* Костенки I, с. 304, рис. 113; с. 305, рис. 114; с. 306, рис. 115; с. 307, рис. 116; *Гвоздовер М. Д.* Обработка кости и костяные изделия Авдеевской стоянки.— МИА, № 39, 1953, с. 205, рис. 10; с. 206, рис. 11; *Воевод-*

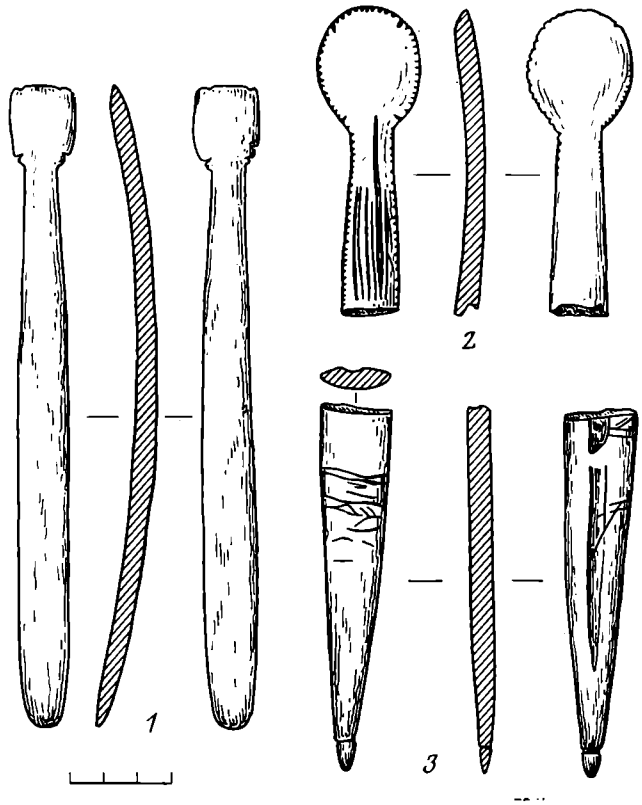


Рис. 6

Одна из хотылевских лопаточек (рис. 6, *1*) найдена в раскопе 6 на кв. 53 в ямке с костями. Нижняя часть ямки была заполнена красновато-коричневатой минеральной краской. Заостренный конец лопаточки упирался в коронку окрашенного зуба мамонта, а другой, с навершием-головкой, заходил за облом крупной трубчатой кости мамонта, находившейся в яме в полувертикальном положении. Лопаточка изготовлена из осколка ребра, в профиле дугообразной формы, поверхность серовато-коричневатая, хорошо заглаженная. Высота 19,8 *см*, наибольшая ширина в основании 1,9 *см*, у шейки головки 1 *см*, толщина 0,6 *см*. Высота головки 2,5 *см*, наибольшая ширина 2,1 *см*. Нижний заостренный конец округлый, более выпуклый с лицевой стороны и плоский с тыльной. Боковые и верхняя части головки округлены, в большей мере на лицевой поверхности. На верхнем слабовыпуклом ребре головки, ближе к углам, по одной насечке в виде ушек. В нижней части по две косые насечки. В целом изделие очень напоминает удлиненный человеческий торс с головкой вроде личины человеко-зверя. Это сходство подчеркивается верхними насечками-ушками на головке, перекликающимися с выступами-ушками на стилизованной мужской головке из раскопа 3 (рис. 5, *2*).

Вторая лопаточка (рис. 6, *2*) найдена в раскопе 5 на днище предочажной ямы. Изготовлена она из осколка трубчатой кости. Поверхность гладкая, светло-коричневатого цвета, возможно, от следов былой окраски. Высота сохранившейся части 9,5 *см*, ширина в основании 1,7 *см*, у шейки головки 1,3 *см*, толщина 0,7 *см*. Навершие-головка довольно правильной овальной формы размером 3,7×3 *см*. Лицевая сторона слабовыпуклая, с несколько выступающей лобной частью, с противоположной стороны уплощенная, с боков внизу и к шейке заметно округлена. Рукоятка с лице-

ский М. В., Алихова А. Е. Авдеевская палеолитическая стоянка.— КСИИМК АН СССР, вып. XXXI, 1950, с. 14, рис. 7, *14*.

вой стороны плоская, с тыльной стороны округлена, особенно у шейки. На лицевой стороне у левого ребра, почти во всю длину рукоятки, желобок с трехгранным сечением, расширенный посредине. С правой стороны четыре параллельные нарезки, из которых только три особенно четко выделены в верхней части. Приостренные ребра лопаточки покрыты мелкой насечкой. Насчитывается 54 таких насечки. Из них две крупные насечки по углам лобной части головки и одна у шейки с лицевой стороны. Как свидетельствуют поперечные нарезки в основании, ручка обломана и нижний конец ее утрачен.

Третий аналогичный предмет, сохранившийся в фрагментарном состоянии, найден в раскопе 7 на кв. 15 у ямочки со статуэткой. Изготовлен из обломка кости, имеет гладкую, хорошо заполированную поверхность темного серовато-коричневатого цвета. От этого предмета сохранилось только навершие-головка с небольшой частью рукоятки. Высота фрагмента 6 *см*, ширина у шейки 1,1 *см*, толщина 0,5 *см*. Навершие-головка подпрямоугольной формы размером 3,3×2,3 *см*, с лицевой стороны выпуклая, с тыльной стороны вогнутая (желобообразная). Ребра изделия покрыты насечками. На фрагменте их 54. На лобной части по углам насечками выделены два более широких зубца в виде выступов-ушек. С левой стороны выступ подчеркнут еще двумя более углубленными насечками. Головка от рукоятки отделяется углубленной шейкой. Рукоятка обломана.

Четвертая лопаточка также найдена в раскопе 7 на кв. 5. Изотовлена из осколка ребра. Высота 16,5 *см*, ширина в основании рукоятки 2,5 *см*, ширина шейки 1,7 *см*, толщина 0,7 *см*. Головка подпрямоугольной формы размером 4×2,5 *см*. От шейки отделена косыми нарезками, одна из которых выражена плохо. Уплощенная поверхность лопаточки с лицевой стороны имеет следы продольных, косых и поперечных бороздок и царапин. Судя по глубокой нарезке в основании, нижняя часть лопаточки преднамеренно обломана.

Как видно из описания, лопаточки являлись весьма необычными изделиями. Не исключено, что наряду с употреблением в качестве предметов быта они использовались и как фетиши или ритуальные предметы. Исследователи Костенок I и Авдеева не относят их к антропоморфным изделиям. Однако П. П. Ефименко все же отмечает, что большинство этого рода изделий в том виде, в каком они представлены на стоянке, вряд ли могли употребляться в качестве лощил. Поэтому он дал им другое наименование — лопаточки и ставил их на особое место среди находок. Он считал, что лопаточки играли какую-то существенную роль в жизни обитателей поселения, ибо их изготовлению население уделяло особое внимание.

Он допускал, что эти изделия могли привешиваться на тонком ремешке и входить в состав повседневного женского убора [13]. В Костенках целых экземпляров тоже встречено немного, в большинстве своем они попорчены. На навершиях-головках костенковских лопаточек имеются сквозные отверстия и нарезки, напоминающие личины человека-зверя, и иногда на ребрах имеют гравированный орнамент.

Значительное количество подобных лопаточек найдено и на Авдеевской стоянке, причем ни одной целой. М. Д. Гвоздовер, как и П. П. Ефименко, их называет лопаточками и считает, что ни у одной из них нет следов сработанности на конце и поэтому назначение этих лопаточек остается неясным [14]. Авдеевские лопаточки орнаментированы крестиком и короткой насечкой и во многих случаях, как и в Костенках, имеют на головке по две пары небольших сквозных отверстий и даже ушки, очень напоминающие ушки хотылевской стилизованной мужской скульптуры, чем тоже приближаются к личине человека-зверя. Особенный интерес

---

[13] *Ефименко П. П.* Костенки, с. 302, 303.
[14] *Гвоздовер М. Д.* Ук. соч., с. 204.

представляет один из фрагментов навершия лопаточки, найденный на Авдеевской стоянке [15]. Как нам представляется, здесь проступает форма женского торса с широкими бедрами. Две тупоугольные насечки, возможно, подчеркивают нижнюю часть живота с лобком. Это дает нам некоторое основание видеть в хотылевских лопаточках очень условные изображения, может быть, того же человека-зверя. Нахождение двух лопаточек в ямках с краской и с определенным сочетанием костей, преднамеренные изломы, окраска поверхностей как будто подтверждают их особое смысловое значение.

В раскопе 7 на кв. 8 найден предмет, слегка изогнутый, по своей форме близкий к лопаточкам. Он имеет округлый в сечении стерженек, шейку и головку-навершие. Изготовлен из осколка трубчатой кости. Поверхность хорошо обработана и заглажена, светло-коричневатого цвета. Высота сохранившейся части 7,2 *см*, диаметр стержня 0,5 *см*. Шейка выделена удлиненным плоским срезом. Высота головки 0,7 *см*, ширина 1,1 *см*, толщина 0,4 *см*. С одной стороны на ребре головки насечка, заходящая на «затылок». Имел ли предмет в нижней своей части заостренный конец или был тупым, сказать трудно. Что касается сохранившейся части, то она в общем-то близка по своей форме к условным антропоморфным изваяниям.

Одно из шильев или острий авдеевского типа найдено в раскопе 5 на кв. 6 (рис. 5, 7). Изготовлено из осколка трубчатой кости. Поверхность хорошо заглажена и даже отполирована, темно-коричневатого цвета. Высота изделия 7,1 *см*, наибольшая толщина стержня 0,7 *см*. Заостренный конец хорошо отделяется от суженной части стержня. Высота шейки с головкой 1,5 *см*. Головка округлая с плоским срезом наверху размером 0,9×0,8 *см*. С передней стороны по венчику головки — 9 вертикально расположенных насечек; по тыльной стороне шейки тоже 9, но горизонтально расположенных. Совпадение количества насечек весьма интересно и, конечно, не случайно. Известно, что число «девять» в фольклоре обычно бывает связано с девятью месяцами беременности. В окрестностях Киева, близ Триполья, на вершине Девич-горы было раскопано славянское святилище рубежа нашей эры с жертвенником, состоявшим из девяти отдельных частей. Археологи это святилище связывают с женским божеством плодородия. Не исключено, что корни этого ритуала восходят к глубокой древности [16].

Другое шило или острие с головкой найдено в раскопе 7 на кв. 12 в яме. Изготовлено из осколка трубчатой кости. В отличие от описанного, оно не имеет змеевидной шейки, а лишь плавно изогнутый стержень острия. Головка расположена асимметрично, крупная, уплощенная с боков, клювовидной формы, чуть склонена вперед. Поверхность головки плоская, снизу округленная. Высота изделия 5 *см*, диаметр стержня 0,5 *см*. Высота головки 0,9 *см*, наибольшая ширина 1,1 *см*, толщина 0,7 *см*. Кончик острия конусовидный, хорошо заострен на высоту 1,8 *см*, с лицевой стороны имеет косую заточку.

Один из исследователей Авдеевской стоянки М. В. Воеводский в скульптурных навершиях аналогичных шильев-острий усматривал изображение ноги верблюда [17]. М. Д. Гвоздовер также считает, что оформления острий явно передают форму ноги какого-то животного [18]. Подобные «ножки животных» в двух экземплярах найдены и на стоянке Костенки I [19]. Однако, как отмечает П. П. Ефименко, фигурные головки этих острий только на первый взгляд напоминают как бы верблюжью ногу с массив-

[15] *Гвоздовер М. Д.* Ук. соч., с. 205, рис. 10, *а*.

[16] *Рыбаков Б. А.* Языческое мировоззрение русского средневековья — «Вопросы истории», № 1, 1974.

[17] *Воеводский М. В., Алихова А. Е.* Ук. соч., стр. 12.

[18] *Гвоздовер М. Д.* Ук. соч., стр. 206.

[19] *Ефименко П. П.* Ук. соч., стр. 319, рис. 124, *12*.

ной круглой ступней. В них можно скорее видеть упрощенную, вполне условную передачу того же женского образа с присущей ему нередко уплощенной, характерно склоненной головой[20]. А. К. Филиппов авдеевские и костенковские острия с шляпкой также ставит в ряд с антропоморфными изображениями, хотя, правда, под вопросом[21].

Если авдеевские острия с шляпкой или «ножки животных» подсказаны формой кости, из которых они изготовлены, а головка обычно сделана из суставной поверхности последней, то хотылевские шиловидные острия с головкой вырезаны специально и целиком из кости со своими головками. Следовательно, в данном случае неестественное состояние кости диктовало форму орудий, а такая форма преднамеренно придавалась изделию первобытным мастером. Недаром же большинство этих изделий покрывалось еще дополнительно орнаментом. Как нам представляется вслед за П. П. Ефименко, шилообразные острия со шляпкой действительно имеют очень условную, но вполне образную антропоморфную форму.

На примере хотылевской скульптуры хорошо видно, как трансформировалась антропоморфная скульптура от реалистической через стилизованную к примитивно-схематической или наоборот, сохраняя в основе своей пропорции человеческого торса.

Игла с головкой (рис. 5,*4*) найдена в раскопе 6 на кв. 3 в зольно-углистой массе вместе с нижней частью женской статуэтки (рис. 3,*5*). Изготовлена она из осколка кости, поверхность хорошо заглажена и заполирована, темно-коричневатого цвета. Длина ее 6 *см*, наибольшая толщина 0,4 *см*. Высота цилиндрической головки 0,4 *см*. На верхней стороне ее следы облома от другой части заготовки. Ниже головки с передней стороны косой плоский срез, оканчивающийся на выпуклой части стержня. По форме и пропорциям игла близка к остриям с типичными антропоморфными скульптурными навершиями и шилообразным остриям со шляпкой-головкой.

Из приведенного выше описания следует, что у обитателей хотылевской стоянки изобразительное искусство получило широкое распространение. Оно выражено, в частности, в мелкой пластике. При этом видное место занимает антропоморфная скульптура. Антропоморфные изображения представлены как скульптурными, так и барельефными изваяниями. Среди них имеются реалистические, стилизованные и примитивно-схематические. Антропоморфная скульптура в значительной мере представлена женскими образами, хотя имеются и мужские. Изображений животных здесь пока не обнаружено, если не считать несколько сомнительных фрагментарных поделок.

Как отмечает З. А. Абрамова, большинство палеолитических статуэток женщин встречено на поселениях с ощутимыми признаками оседлости, остатками жилых сооружений, огромными скоплениями костей животных, с многочисленным и разнообразным инвентарем. Она же отмечает, что большинство женских изображений найдено близ очагов[22].

Если говорить о хотылевской стоянке, то почти все перечисленные признаки имеются налицо. Здесь вскрыты остатки крупной жилой площадки со следами сложных конструкций из костей, с ямами-хранилищами и очажными ямами, мощными зольниками, со следами обработки кремня, кости, обжига краски, огромным количеством кремневых и костяных изделий. Однако хотылевская палеолитическая площадка при наличии сходных конструкций значительно отличается от Авдеевской и Костенковской. Это несомненно более древний, довольно сложный, компактный, умело спланированный, хорошо оборудованный жилищно-бытовой и, возможно, культовый комплекс.

---

[20] *Ефименко П. П.* Ук. соч., с. 318.
[21] *Филиппов А. К.* Ук. соч., рис. 1, *13, 14*.
[22] *Абрамова З. А.* Ук. соч., с. 156.

Для того чтобы стали яснее условия нахождения хотылевских предметов первобытного искусства и соотношения их с различными частями и деталями самой площадки, следует коротко остановиться на ее архитектуре. На вскрытом нами участке исследованы остатки двух крупных зольников, один из которых, к сожалению, наполовину разрушен, пяти очажных ям, двух наземных очагов, семи ям-хранилищ и множества мелких ямок, заполненных костями, кремнем или костной зольно-углистой массой. Большинство таких ям и ямок располагалось в определенном порядке вокруг полностью сохранившегося зольника, иногда даже образуя самостоятельные округлые конструкции диаметром от 2,5 до 3 *м* с очагами или без очагов внутри, но соединенные между собою рядами таких же ямок или костей. Здесь не было такого огромного скопления крупных костей мамонтов, как это имело место на других стоянках верхнего палеолита, а те, что встречались, в большинстве случаев принадлежали молодым особям, причем, как правило, только в преднамеренных костных выкладках и ямах. Зачастую с такими местами и были связаны находки костяных изделий, в том числе и предметов первобытного искусства.

Большинство ям, в том числе и очажных, имели блюдообразную форму. На их днищах иногда прослеживался слой коричневато-буроватой или красной, довольно яркой минеральной краски. Некоторые ямы-хранилища располагались рядом с очагами и были заполнены костями. В расположении костей, как в ямах, так и вне ям, замечалась какая-то довольно строгая и определенная закономерность. Например, в раскопе 1 была встречена яма, на дне которой под завалом более мелких костей находились две нижние челюсти мамонтов — большая и малая. С западной ее стороны было вкопано альвеолами в грунт два черепа; быть может, им принадлежали и упомянутые челюсти. Недалеко находился крупный бивень. Здесь же, несколько южнее от них, была найдена первая большая статуэтка (рис. 1). Очагов, с которыми можно было бы ее непосредственно связать, здесь не было. В раскопе 5 в предочажной яме на днище под более мелкими костями лежало две лопатки мамонтов — большая и маленькая. Под большой лопаткой в краске найдена вторая лопаточка (рис. 6, *2*). В раскопе 7 встречена ямка, в которой помещались две плечевые кости мамонтов в одинаковом положении, плотно прижатые друг к другу — большая и маленькая. В том же раскопе 7 вскрыта яма, в которой помещались специально выбитые передние части от двух одинаковых черепов мамонтов, под которыми найдено острие с навершием антропоморфного типа (рис. 4) и т. д. Если учесть, что «двойка» занимает и в ритмических рядах графических изображений этого памятника видное место, то предметы искусства находятся в какой-то прямой связи с различными частями и деталями самих конструкций.

Если говорить о другой статуэтке, тучного типа (рис. 2, *1*), то она найдена, как уже отмечалось, в ямочке-кладовке, находившейся почти рядом с другой, более вместительной блюдообразной ямой, на днище которой прослеживалась красновато-коричневатая краска. Поблизости от очагов найдена только одна миниатюрная реалистическая статуэтка (рис. 2, *2*) и две примитивно-схематические. Острие со стилизованной мужской головой (рис. 5, *2*) найдено в блюдообразной яме под костями, а сама яма входила в состав округлой конструкции. Тупое острие с реалистической мужской головой найдено у кремневого скопления в соседстве с одной из блюдообразных ям тоже со скоплением минеральной краски на днище. Поэтому если здесь можно говорить о какой-то закономерности размещения антропоморфной скульптуры и вообще предметов искусства, то только в сочетании с ямами и деталями конструкций. Пока ясно одно, что эти предметы имели смысловое значение, сопутствовали человеку в его домашнем быту, являлись женскими божествами, хранителями семьи, жилья и очага.

В приледниковой зоне женский образ, воплощенный главным образом в небольших объемных фигурках, получает широкое распространение, как отмечают исследователи, на втором этапе развития верхнепалеолитического искусства, который совпадает на территории Франции с ориньяко-перегордийской эпохой [23]. В Центральной и Восточной Европе реалистический женский образ, а вместе с ним и другие виды антропоморфных изображений особенно ярко представлены в памятниках виллендорфско-павловско-костенковского единства.

Антропоморфная скульптура Хотылевской стоянки, несмотря на некоторую близость к гагаринско-костенковской, стоит по манере исполнения и форме обособленно и не имеет прямых аналогий. Однако среди костяных поделок, описанных нами, а также некоторых кремневых орудий имеются такие типы, которые сближают эти памятники. На р. Десне это, пожалуй, единственный памятник, который так близок к костенковско-авдеевской культуре.

Как известно, стоянка Дольни Вестонице в Чехословакии дала самый древний, надежно документированный комплекс этого круга памятников. Его радиоуглеродная датировка 25600±170 лет [24].

Первая полученная в Институте географии АН СССР дата по костным образцам из культурного слоя Хотылевской стоянки составляла 23660± ±270 лет (Лу-359) [25]. Согласно полученной новой радиоуглеродной дате в ИГ АН СССР, время обитания человека на стоянке составляет 24960± ±400 лет и отвечает самому концу брянского интервала [26], что ставит ее в ряд древнейших памятников с широко развитой антропоморфной скульптурой.

F. M. Zaverniaev

LA SCULPTURE ANTHROPOMORPHE DU PALEOLITHIQUE RECENT DE LA STATION DE KHOTYLEVO

Résumé

On publie dans cet article des oeuvres de la plastique de petites dimensions découvertes à Khotylevo au cours des fouilles d'une station du paléolithique récent. Parmi elles, il se trouve des statuettes réalistes de femmes, analogues à celles bien connues de Kostionki, Gagarino et Willendorf. De plus, on a trouvé des représentations anthropomorphes stylisées. Toutes les sculptures mentionnées se rapportent à la période initiale du paléolithique récent.

---

[23] *Абрамова З. А.* Ук. соч., с. 156.

[24] *Фролов Б. А.* Ук. соч., с. 94.

[25] *Арсланов Х. А., Куренкова Е. А.* Радиоуглеродные датировки некоторых позднепалеолитических памятников бассейна Десны.— Бюл. Комиссии по изучению четвертичного периода, № 44, 1975, с. 165; *Величко А. А., Грибченко Ю. М., Марков А. В.* и др. О возрасте и условиях обитания стоянки Хотылева II на Десне.— В сб.: Палеоэкология древнего человека. М., 1977, с. 44.

[26] *Герасимов И. П., Завельский Ф. С., Чичагова О. А., Дорошенко В. В., Черкинский А. Е., Куренкова Е. А., Лыхин В. Л.* Радиоглеродные исследования радиометрической лаборатории Института географии АН СССР.— Бюл. Комиссии по изучению четвертичного периода, 1976, № 46, с. 186, 188.

Г. В. ГРИГОРЬЕВА, А. К. ФИЛИППОВ

ПЕНСКАЯ ПОЗДНЕПАЛЕОЛИТИЧЕСКАЯ СТОЯНКА

(Курская область)

Новая позднепалеолитическая стоянка Пены открыта в 1975 г.[1]

Стоянка расположена на левом берегу Сейма, в 1—1,5 *км* от реки, восточнее с. Быки, напротив городища Кудеярова Гора Льговского р-на Курской обл. Стоянка находится на плато, возвышающемся на 7—10 *м* над уровнем воды в р. Сейм.

К приезду археологов и сотрудников Курского музея бульдозерами была расчищена огромная площадка и сняты полностью слои почвы, переходный и суглинок. На сохранившейся перемычке, расположенной южнее находок костей и кремней и оставленной, видимо, для дороги, наблюдалось следующее чередование литологических отложений: 1) почва — 0—0,50 *м*; 2) переходный, более светлый слой — 0,50—0,90—0,95 *м*; 3) лёссовидный суглинок бежевого цвета, изрезанный кротовинами,— 0,90—0,95—1,50—1,56 *м*; 4) песок — 1,50—1,56—1,90 *м*; 5) слоистый песок — 1,90—2,10—2,20 *м* и глубже. Вокруг участка, на котором обнаружены находки, заложена серия шурфов, но в шурфах культурный слой не был найден. Культурный слой на стоянке залегал в нижней части суглинка и в песке; к сожалению, на месте находок кремней и костей суглинок и верх песка были сняты полностью, а местами (на северном, восточном и южном участках) культурный слой оказался разрушенным.

При зачистке стенок ямы, сделанной бульдозерами, обнаружены отдельные кости, кремни и небольшое «скопление», состоящее из шести кремневых пластинок, плотно лежащих вместе. Западный участок стоянки, на котором находки встречались наиболее часто, был разбит на квадраты (4 $м^2$). Богаты находками оказались квадраты $А_2Б_2$ (рис. 1). В верхней части сохранившегося культурного слоя на этих квадратах расчищены мелкие куски разбитых костей, обломки ребер, конечностей, найдены челюсти песцов; на квадрате $Б_2$ обнаружены тазовая кость и крупные обломки ребер мамонта. Целые челюсти и обломки костей песцов были сосредоточены в южной и юго-западной частях разбираемого участка, а обломки ребер, конечностей мамонта и других животных, обгорелые кости и угольки — на северном и северо-восточном участках. При дальнейшем углублении и разборке культурного слоя мелкие обломки костей встречались все реже, а на квадратах $А_2Б_2$ были расчищены лопатки мамонта, расположенные почти параллельно и поставленные, по-видимому, первоначально горизонтально, на гребень. На этом же уровне найдены два эпифиза бедренной кости мамонта, рёбра и обломки костей конечностей мамонта, северного оленя, лошади. Культурный слой на разбираемых нами участках достигал 0,50—0,60 *м* (не считая снятого

[1] Стоянка открыта бульдозеристами П. П. Демидовым, А. Ф. Тереховым, скреперистом В. И. Конягиным. Сведения о находках костей и кремней сообщили в Курский краеведческий музей прораб Г. И. Климов и рабочий Г. В. Сазонов.

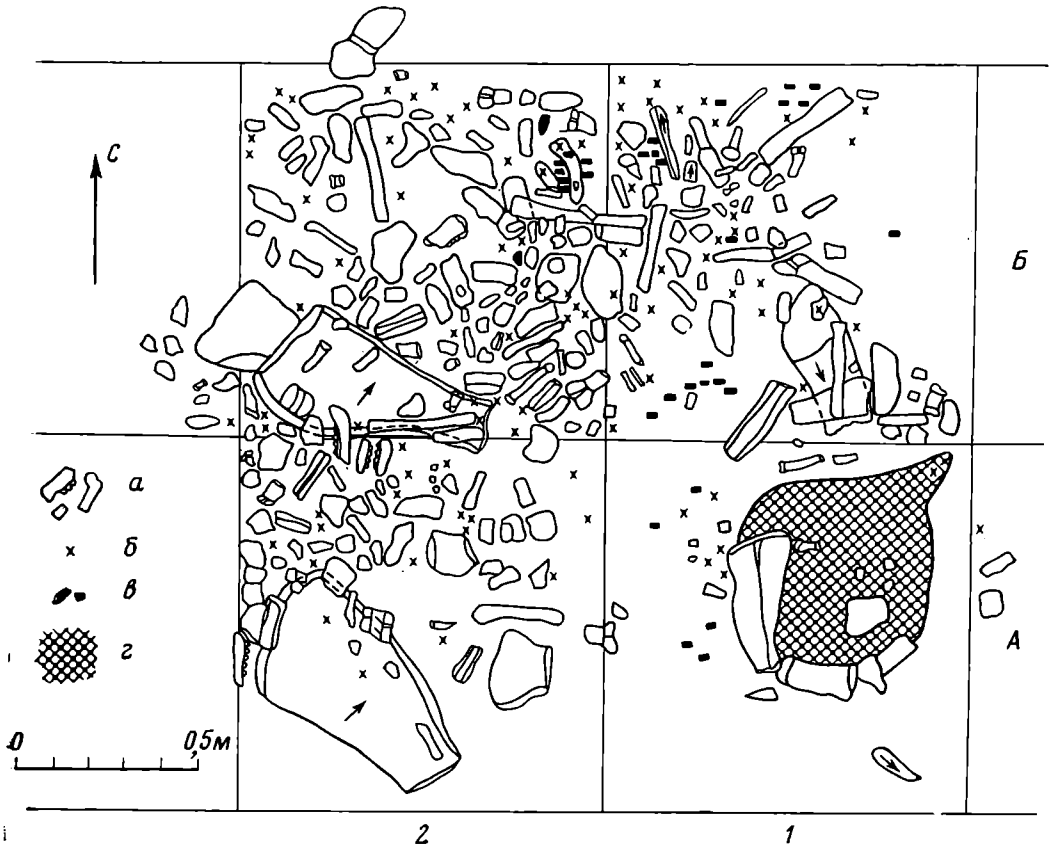


Рис. 1. План сохранившегося от разрушения участка Пенской стоянки: *а* — кости; *б* — кремень; *в* — угли; *г* — очаг

верха). Отдельные кости и угли найдены в слоистом песке. При зачистке квадрата $А_1$ (вычерпанного бульдозерами больше, чем остальные) открыт овал в виде круга, окантованный как бы темной зольной рамкой, внутренняя часть овала сверху была заполнена суглинком и несколькими мелкими костями. При дальнейшей расчистке овала и снятии суглинка (1—2 *см*) обнаружен очаг, заполненный золой и углями. Очаг с южной стороны был огражден обломками ребра и трубчатыми костями мамонта, северного оленя и лошади, а с западной — лопаткой лошади. Лопатка лежала сверху, прикрыв часть очага, остальные кости были вкопаны по краю и даже обгорели со стороны, обращенной к очагу. Диаметр очага 50—51 *см*, мощность 10—12 *см*, дно углублено в слоистый песок. В северо-восточной части очаг имел небольшой выступ. В заполнении найдены сверху несколько мелких костей и фаланга лошади, в выступе — обгорелый срединный резец. В 20 *см* севернее очага, на квадрате $Б_1$, обнаружен крупный обломок бедренной кости мамонта, вбитый вертикально в песок. В квадрате $Б_1$ (тоже сильно разрушенном) найдено довольно много кремней и углей. Основные находки на разобранных участках располагались в отложениях песка, выше слоистых песков.

Таким образом, на стоянке можно констатировать локализацию культурных остатков вокруг очага. Характер залегания и концентрация находок позволяют предполагать существование жилища, в центре которого находился мощный долговременный очаг. Какое-то конструктивное единство с очагом имели, видимо, и две лопатки в квадратах $А_2Б_2$. Из-за разрушенности культурного слоя нельзя воссоздать и в полной мере объяснить отдельные особенности данного комплекса.

Место стоянки, видимо, заливалось водами реки, о чем свидетельствуют следы размывов в виде языков, хорошо наблюдаемые при горизон-

тальной зачистке культурного слоя. Кротовины, прорезающие культурный слой, свежие, заполнение их составляют почва и комки бежевого суглинка. Песок, в котором залегает культурный слой, мелкий, белый, местами окрашен в рыжий цвет, по-видимому, из-за железистых конкреций.

На Пенской стоянке собрана богатая коллекция фаунистических остатков, по определению Н. М. Ермоловой, принадлежащих мамонту, северному оленю, лошади, зубру (?), песцу.

Инвентарь стоянки представлен изделиями из кремня, сланца и кости. Каменная коллекция насчитывает 342 предмета, среди них 118 отщепов, 98 пластинок и микропластинок, 8 краевых и резцовых сколов, 5 нуклеусов, 110 орудий, 3 сланцевые гальки плитчатой формы со следами изнашивания. Коллекция костяных изделий и костей со следами обработки насчитывает 11 предметов.

Среди отходов производства Пенской стоянки преобладают экземпляры небольших размеров, крупные отщепы единичны. Пластинки в основном средних и мелких размеров, прямые или слегка изогнутые в профиле. Имеются обгорелые отщепы и пластинки. Нуклеусы немногочисленны, средних размеров и сильно сработанные. Все ядрища призматической формы с разным количеством и расположением площадок: одно одноплощадочное со сколами в одной плоскости; два двухплощадных со встречными площадками, расположенными на противоположных концах, одно из них плоское, с негативами сколов в одной плоскости, другое имеет почти круговую огранку; одно ядрище трехплощадное, плоское, со встречными и противолежащей площадками, скалывание с него производили в двух плоскостях; один нуклеус расколот пополам. Один из хорошо ограненных шаровидных нуклеусов был вторично использован в качестве отбойника, о чем свидетельствуют многочисленные следы утилизации.

Орудия стоянки составляют 32,2% от собранных кремней (табл. 1).

У всех предметов из кремня со вторичной обработкой была проанализирована морфология износа и подправки. Основанием анализа послужили функционально-кинематические признаки, полученные в опытных механических процессах [2]. Обрабатываемый материал был разделен на три класса волокнисто-слоистых и пористых: 1) мягкий (мягкие ткани животного происхождения, свежая кора молодых деревьев, луб, трава и т. д.); 2) умеренно-твердый (сухая кора, сухая или полусухая кожа, свежее дерево с ровной поверхностью, губчатая масса рога, сильно отмоченная кость с ровной поверхностью и т. д.); 3) жестко-твердый (дерево и кость любой плотности, если обрабатываемая поверхность неровная, сучковатое дерево, сухая кость и т. д.). Границы между классами обрабатываемого материала проведены условно: все встречаемые нами материалы по своим механическим свойствам могут быть выстроены в ряд без каких-либо четких разрывов.

При просмотре археологических материалов были выявлены следующие следы операций: скобления (Ск), строгания (Ст), разрезания лезвием или углом лезвия (Ра), резания резцом (Рр), пиления (Пи), протыкания-провертывания (Пр).

[2] Изображения типичных микроследов утилизации в виде истирания и завальцовки жала лезвия, заполировки и линий опубликованы в работах С. А. Семенова, Г. Ф. Коробковой, В. Е. Щелинского. В частности, см. в методической работе С. А. Семенова (*Семенов С. А.* Первобытная техника (опыт изучения древнейших орудий и изделий по следам работы). М.— Л., 1957) описание и микрофотографии: а) линейных следов, возникших в операции строгания твердых волокнистых материалов,— с. 137, рис. 46; 47; 51 (при резании этих материалов углом аналогичные следы располагаются не только на брюшке, но и на спинке); б) линейных следов от ударов каменного отбойника во время ретуширования кромки или при снятии сколов с нуклеуса; в) линейных следов, заполировки и завальцовки кромки, возникающих в работе по мягкому материалу,— с. 115, рис. 34, 2, 4. Макроизнос в виде фасеток и псевдоретуши у проверток, скоблящих, строгающих и режуще-пилящих кромок достаточно точно воспроизведен на наших рисунках (направление и местоположение износа показаны стрелками без хвостика).

Таблица 1

Группа (рис. 2)	№ п/п	Предметы	Кол-во	%
I		Резцы (из отщепов 20, из пластинок 17):	37	33,6
	1	срединные	13	
	2	боковые	9	
	3	на углу пластинки	7	
	4	угловые	4	
	5	двойные	4	
II		Скребки (из отщепов 12, из пластин 1):	13	11,8
	1	концевые, обычные	11	
	2	укороченные	2	
III	1	Комбинированные орудия, скребки-резцы (скребки концевые, обычные, резцы срединные	3	2,7
IV	1	Острия-проколки (из пластинок 7, из отщепов 4)	11	10
V		Пластинки ретушированные:	38	34,5
	1	с ретушью по двум краям	20	
	2	с ретушью по одному краю	8	
	3	с круговой ретушью	1	
	4	с противолежащей ретушью	2	
	5	с ретушью с брюшка	3	
	6	с ретушью по краю и на конце	2	
	7	с ретушью на конце	2	
VI	1	Отбойник	1	0,9
VII	1	Орудия обломанные	2	1,8
VIII	1	Отщепы ретушированные	5	4,5
IX	1	Плитки сланцевые со следами утилизации	3	
		Итого:	113	

Примечание. Для наименования орудий использована типологическая терминология; ретушь обработки и ретушь изнашивания здесь не различаются. Все основные, характерные для стоянки формы каменных изделий приведены на рис. 2.

Все явные (определенные при первом просмотре по макроследам утилизации) и предполагаемые орудия были сгруппированы нами по сходству технических основ и их вариантов. Техническая основа — понятие технико-морфологическое. Она объединяет предметы с макроследами основного формообразующего приема обработки потенциально активной части предмета или его частей. Эти морфологически выраженные основные приемы принимаются во внимание, если нельзя их объяснить процессами макроутилизации. Кроме того, если в комплексе орудий единичный преднамеренно изготовленный активный элемент повторяет элементы, возникшие в процессе утилизации на других основах такой же формы, то его можно отнести в разряд второстепенных; и наоборот, если элементы, возникающие непроизвольно в процессе утилизации, повторяют серию преднамеренно изготовленных, то тем самым они могут попасть в разряд основных.

При выделении групп по техническим основам учитываются следы: а) резцового скалывания; б) систематического ретуширования кромки; в) простейшего выделения острия, выемки или ограниченной закругленной выпуклости при помощи ретуши, если нет конкурирующих элементов такой и большей сложности или устойчивого сочетания более простых элементов, имеющих корреляцию с аналогичными на других орудиях; г) первичного расщепления, если нет других преднамеренно изготовленных более сложных признаков вторичной обработки. Техническая основа включает в себя и те второстепенные морфологические признаки, которые возникают в процессе употребления или являются признаками несущественной модификации основного приема изготовления активного элемента. По второстепенным, но устойчиво повторяющимся признакам различаются варианты. По техническим основам мы выделяем следующие группы.

1. Короткие острия, выделенные двумя или одной выемкой (5 экз.). Ретушь двух выемок на отщепе может быть ориентирована на одну сто-

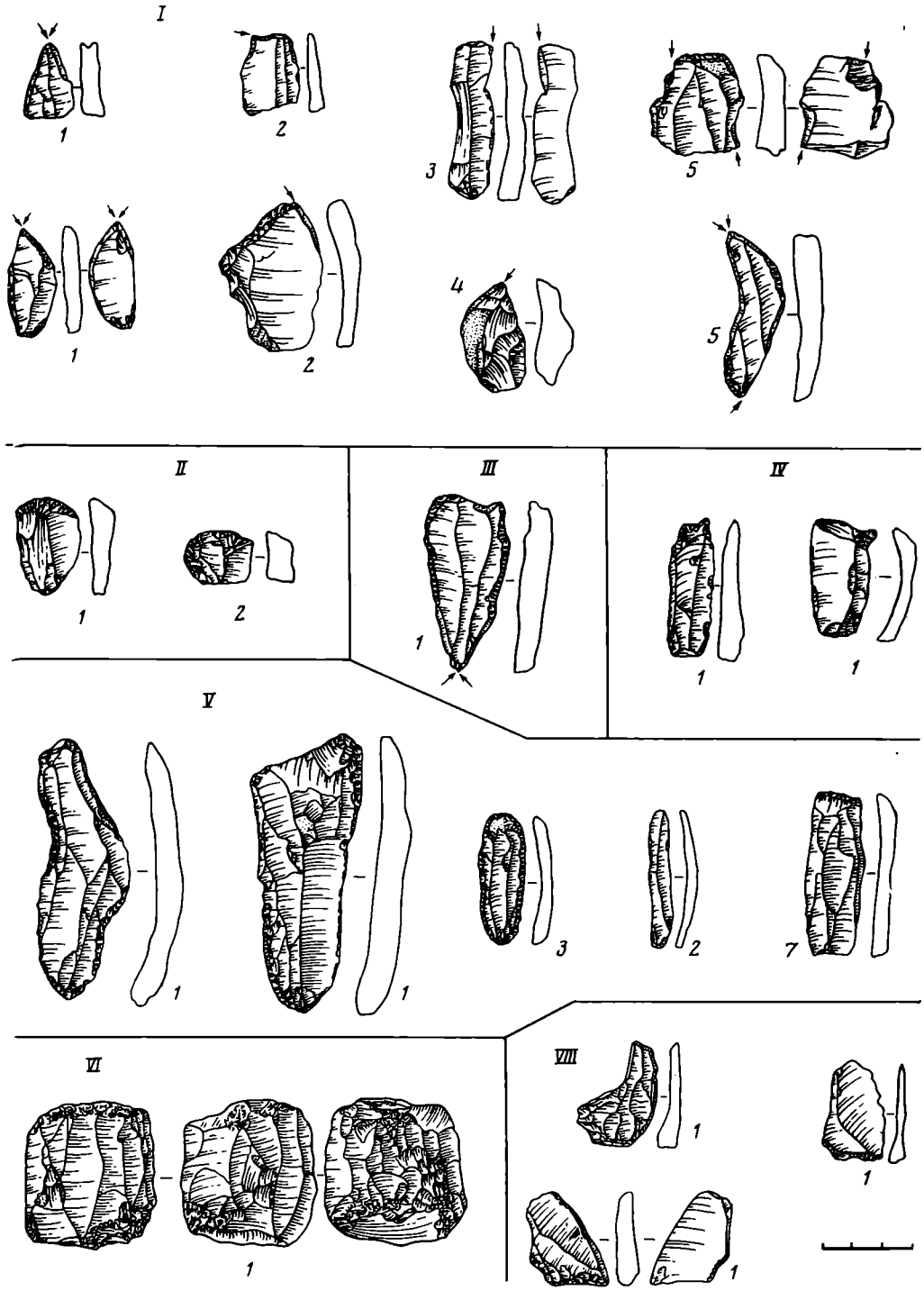


Рис. 2. Орудия Пенской стоянки. Группы орудий обозначены римскими цифрами; типы и разновидности орудий внутри групп обозначены арабскими цифрами (см. табл. 1).

рону или на две (рис. 3, *1*). Данные формы употреблялись в операции провертывания ямок или неглубоких отверстий в предметах из жестко-твердых материалов.

2. Длинные узкие острия, выделенные тщательной ретушью (рис. 3, *2*). Аналогичное острие с четкими следами утилизации работы по твердому материалу встречено в Мальте (колл. Эрмитажа).

3. Удлиненная ножевидная пластина с острием на углу облома или подправленным ретушью ограниченным участком в виде острия, выемки

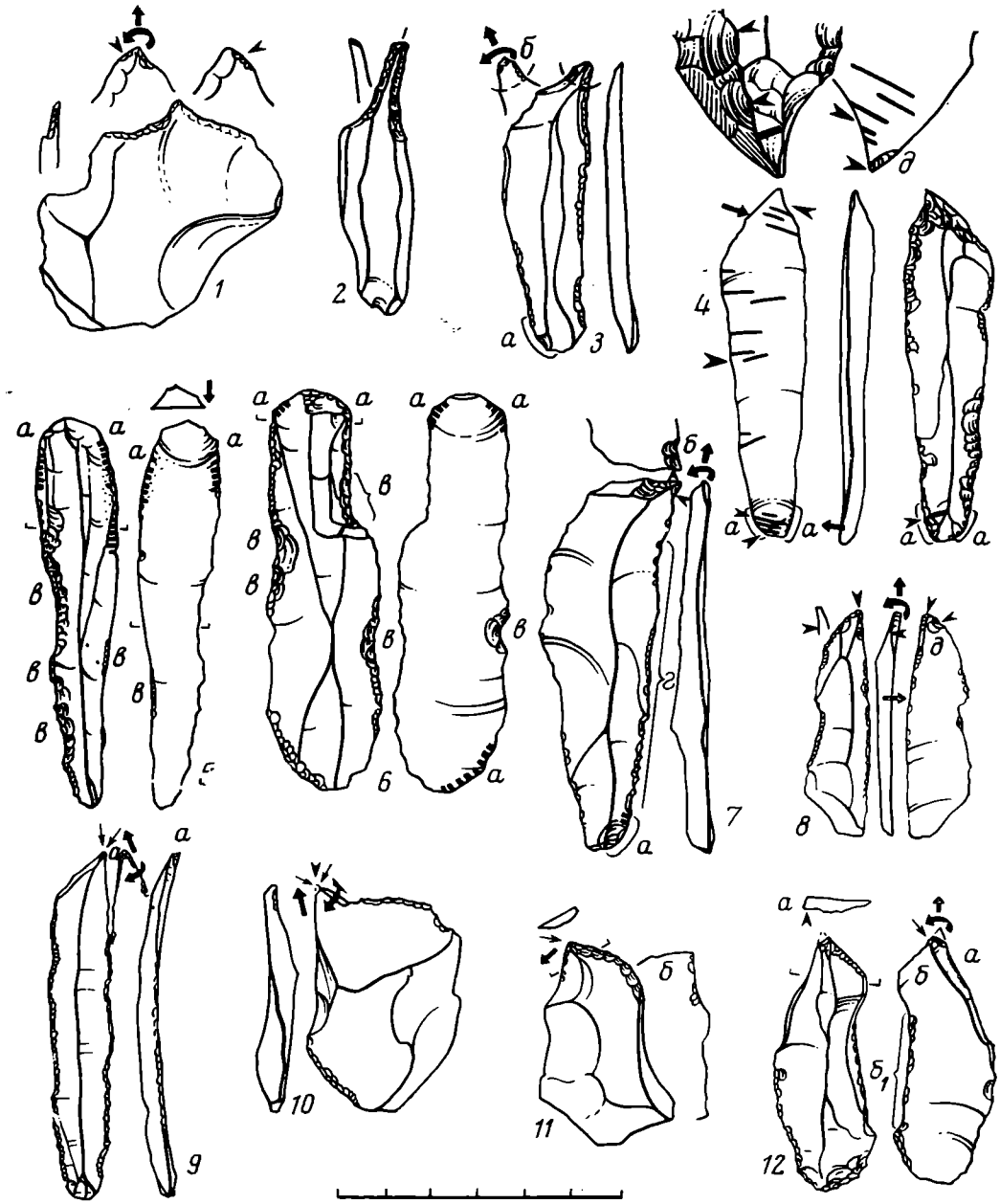


Рис. 3. Орудия Пенской стоянки. *1* — отщепы и пластины с выделенными специфическими техническими элементами — короткими шипами; *2* — длинное узкое острие, выделенное ретушью; *3—8* — удлиненные ножевидные пластины с неретушированными лезвиями, иногда с острием на дистальном конце или ретушью ограниченного участка в виде выемки или выпуклости: *а* — сильный абразивный износ при обработке шкур; *б* — фасетки вокруг острия и на острие — провертывание ямок и отверстий в материале типа II, III; *в* — выемки разной стадии образования — скобление деревянных и костяных стержней (материал типа II); *г* — двусторонняя выкрошенность по лезвию в операциях разрезания-пиления материала типа II; *д* — утилизация в виде микрорезцового скола; *9*, *10* — пластины и отщепы с острием, образованным двумя резцовыми сколами (срединные резцы): *а* — утилизация; провертывание по материалу типа II—III; *б* — выемки, образованные при скоблении округлых стержней маленького диаметра (до 1 *см*); *11*, *12* — пластины с обушком для указательного пальца: *а* — следы скобления; *б* — резание материала типа II; $б_1$ — пиление.

или выпуклости. Выемки и выпуклости образуют устойчивые сочетания (21 экз.). Эта основа может быть расчленена на два варианта.

К первому варианту относятся ножевидные пластины с подправленным или непроизвольно образовавшимся острием в комплексе с другими элементами (рис. 3, *3, 4, 7, 8*). Нерегулярные фасетки утилизации, расположенные вдоль острия или вокруг него, а также факт отсутствия сломанных концов указывают на обработку умеренно-твердых волокнистых материалов. Продольные лезвия служили для различных операций: строгания, скобления, разрезания—пиления. На некоторых предметах в процессе изнашивания в операции скобления жестко-твердых волокнистых материалов образованы выемки протяженностью 1,0—1,5 *см*. Отдельные выемки подправлены приостряющей ретушью. На 5 пластин приходится до 11 выемок. Кроме того, ограниченные участки продольных лезвий около самой отбивной площадки (три участка на пять предметов) сильно изношены в операции скобления. Износ представляет собой очень сильное истирание в виде завальцованного края с плавными, но четкими перегибами [3]. На некоторых экземплярах по «брюшку» и «спинке» наблюдаются четкие линейные следы, которые возникли в момент сильного наклона плоскости орудия к плоскости обрабатываемого материала. Износ данного участка мог возникнуть при обработке умеренно-твердого материала, например загрязненных кремнеземом шкур.

Ко второму варианту относится как бы редуцированная форма технической основы, представленной более сложным первым вариантом (рис. 3, *5, 6*). Острия нет. У некоторых слегка подправлен ретушью дистальный или проксимальный конец пластины. Эти участки, как и у описанного выше варианта, очень сильно изношены (на пять предметов приходится четыре таких участка). Выемки также характерны для этого варианта (шесть выемок на пять предметов). Микроследы изнашивания нечеткие. Расположение выемок хорошо иллюстрирует приемы скобления с переменой активных участков. Скобление производилось «от себя». При затуплении пластина переворачивается в руке, в связи с чем ориентировка выемок от пластины к пластине повторяется.

4. Изделия с негативами от резцовых сколов. Обычно всю эту группу орудий типологически характеризуют как резцы. На Пенской стоянке они занимают ведущее место и представлены всеми динамическими вариантами. Имеются плоские резцы. Двойные резцы представлены сочетаниями: один срединный с боковым, два срединных с угловыми (на углу отщепа), один срединный с активной частью на углу пластинки.

Первый вариант этих предметов по своим кинематическим показателям является прямой аналогией вышеописанным пластинам с острием. Они не образуют большой серии. Но они имеют острия со следами износа по твердому волокнистому материалу и выемки (рис. 3, *9, 10, 12*).

Во второй вариант вошли более многочисленные изделия с поперечным негативом от резцового скола, так называемые срединные несимметричные резцы. Этот скол был произведен с продольной ударной площадки, образованной другим резцовым сколом (рис. 4, *1, 2*). Один из представленных на рисунке предметов имеет поперечный облом, подправленный резцовым сколом. Второй предмет представляет собой также сложную форму. Если предположить, что орудие имело черешок, то таковой сформирован двумя смежными резцовыми сколами и имеет в этой части форму срединного симметричного резца. По этому приему его следовало бы отнести к следующему варианту. Поперечный же скол несет четкие признаки неоднократного приострения с расчетом, чтобы негатив

---

[3] Впервые скребки, у которых рабочая кромка не обработана ретушью, а является случайно выпуклой формой, полученной в результате первичного расщепления камня, описаны С. А. Семеновым на материалах Тимоновки и Мальты. См. *Семенов С. А.* Ук. соч., с. 113, рис. 32.

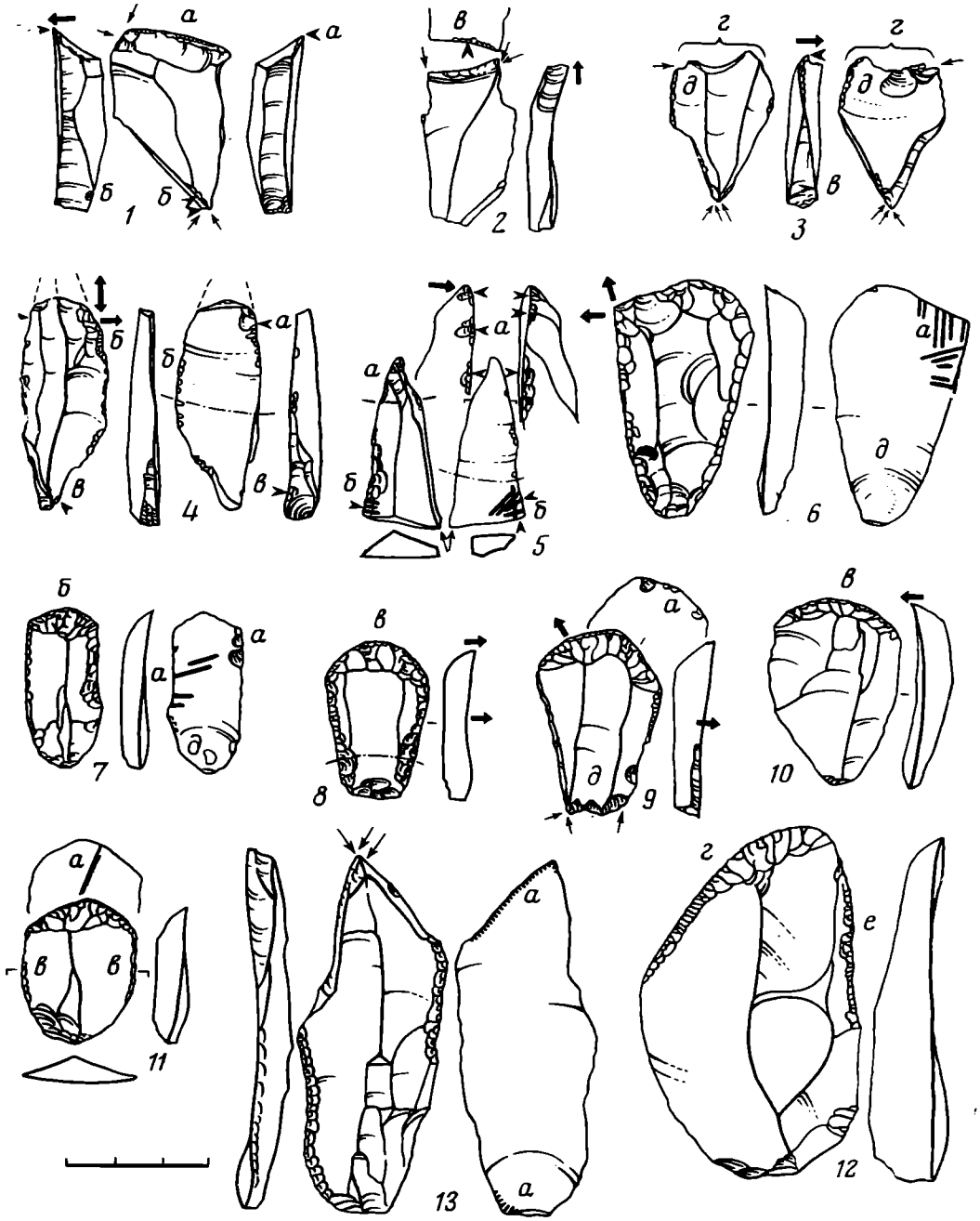


Рис. 4. Орудия Пенской стоянки. *1, 2* — изделия с поперечным резцовым сколом (асимметричные срединные резцы): *а* — следы скобления материала типа II; *б* — другой активный участок (симметричный срединный резец) и утилизация от резцового разрезания материала типа II и III; *в* — следы строгания; *3, 4* — изделия с черешком насадом (?), образованным смежными резцовыми сколами (симметричные срединные резцы): *а* — строгание, *б* — пиление-разрезание; *в* — утилизация от рукоятки (?); *г* — сильный абразивный износ от скобления загрязненных шкур; *д* — более слабый износ от обработки шкур; *5* — пластина сломанная: *а* — скобление острием (резец) по материалу типа II и III; *б* — линейные следы разрезания углом материала типа II и III; *6—12* — изделия со скребковидной обработкой конца пластины (скребки-ножи): *а* — линейные и фасеточные следы строгания; *б* — следы скобления (дерево?); *в* — скобление при обработке шкур (тип II); у предметов *8, 10* износ прерван приостряющей ретушной подправкой; *г* — скобление материала типа I; *д* — возможный насад (?); *е* — режущее лезвие; *13* — резцевидное орудие, функция скребка.

скола шел с завалом на спинку. На пять предметов этой группы использовались четыре поперечные кромки в операции скобления твердых веществ. Одна из них использована в скоблении полусухих загрязненных шкур (?). Угол заострения этих кромок колеблется от 80 до 40°. Помимо этого, описываемые изделия употреблялись в операции строгания (две поперечные кромки на пять предметов) и скобления (четыре продольные кромки, образованные резцовым сколом или без вторичной обработки).

Третий вариант изделий с негативами от резцовых сколов образован так называемыми симметричными срединными резцами (рис. 4, *3*, *4*). Если говорить о резце, основываясь на функционально кинематических признаках износа в операциях резцового расчленения, то таковым может являться из пяти изделий только одно. В одном случае резцовая продольная кромка употреблялась в операции скобления. Противоположная же часть пластины, не имеющая резцеобразного оформления, использовалась в разных операциях в соответствии с целесообразностью формы активных кромок. Так, предмет *3* на рис. 4, видимо, был с рукояткой из кости или дерева. Кромки негативов от резцовых сколов износа не имеют. В противоположность этому поперечная обломанная часть несет очень сильный абразивный износ от скобления мягкого или умеренно-твердого волокнистого материала. Кромка завальцована. Четкая поперечная бороздчатость смягчена очень тонким истиранием. Аналогичный износ получается, например, при скоблении загрязненных шкур. Эта же кромка до облома подправлялась резцовым сколом, и изделие в целом можно было бы отнести к предыдущему второму варианту. Этот факт не единичный и свидетельствует о динамических трансформациях рабочих кромок и изделия в целом. У предмета *3'* в скоблении умеренно-твердого волокнистого материала участвовали и продольные кромки («д»). Движение происходило от себя с переориентацией орудия по продольной оси. Второй предмет из этой группы имеет приостряющую ретушь и ретушь утилизации в операциях пиления и строгания. Следы строгания выражены очень слабо в виде плоских нерегулярных фасеток. Орудие определено нами как нож. Характерным признаком употребления этого изделия в качестве ножа, вправленного в рукоятку, служит разная патинизация поверхности. Граница между слабой и сильной патинизацией показана точкой с пунктиром.

Один из несимметричных срединных резцов, изготовленных из большой пластины, несет на себе следы износа в операции скобления материала типа мергеля или очень загрязненной шкуры (рис. 4, *13а*).

Среди изделий с негативом от резцового скола есть такие, которые не повторяются и у которых нельзя выделить ту или иную характерную черту. Это прежде всего орудия *11* на рис. 3 и *5* на рис. 4. Негатив резцового скола не несет видимых следов износа. Напротив, часть продольного края около облома использовалась как лезвие углового ножа; негатив резцового скола (рис. 3, *11*) и облом, возможно, служили обушками. Противоположным облому острием скоблили—резали, как резцом. Об этом свидетельствуют четкие следы утилизации в виде миниатюрных фасеток на выступающих неровностях боковых кромок. На рис. 4, *5* утилизация показана в увеличенном размере. Глубина резания показана обычным пунктиром. Пунктир с точкой указывает на границу разной патинизации.

5. Изделия со скребковидной обработкой конца пластины (скребки). Эту группу изделий можно разбить на три варианта.

Характерной особенностью формы первого варианта является наличие режуще-строгающего угла при переходе скребковидного поперечного края к продольной кромке. Этот участок, как правило, сформирован приостряющей ретушью (рис. 4, *6*, *7*). На пять подобных изделий приходится пять характерных участков со следами строгания и два участка с перекрывающими следами резания углом. Продольные края (две кромки на

пять предметов) и поперечно-скребковая часть (две кромки на пять предметов) употреблялись в операции скобления жестко-твердых волокнистых материалов. Предполагается также, что эти предметы употреблялись вправленными в деревянную или роговую рукоятку, так как возможная черенковая часть ни в одном случае не несет следов использования в работе.

Ко второму варианту мы относим скребковидные формы с округлым лезвием. Эти изделия также употреблялись в рукоятке, о чем свидетельствует анализ черешковых частей предметов (рис. 4, *8, 9*). Приемы оформления черешковых частей разные: в одном случае при помощи резцовых сколов, в другом — с помощью ретуши. Более широкая и высокая ретушь черешковой части у предмета *8* (рис. 4) создает на двух продольных кромках слабо выраженные, но характерные выемки и утончение, что несомненно связано с креплением. Это подтверждается четкой границей разной степени патинизации кремня (см. на рисунке пунктир с точкой). На Пенской стоянке эти формы употреблялись по умеренно-твердому материалу: на пять предметов приходится четыре поперечные скребковые кромки, изношенные в операции скобления. Износ слабый, изредка поверх износа наблюдается приостряющая подправка. Одна поперечная кромка использовалась в операции строгания, как это мы можем наблюдать при работе стамеской. В этой же операции, но, видимо, по более твердому материалу использовались и продольные кромки: на пять предметов три случая.

В третий вариант нами включены все скребковидные формы, которые, по нашему заключению, не имели специальных деревянных или роговых рукояток (рис. 4, *10, 11*). Кромки у возможных черешковых частей этих предметов или очень тонкие, необработанные, с маленьким углом заострения, или такие, у которых имеется износ от работы, как это показано на рис. 4, *10, 11*. На пять предметов этого варианта приходится два случая износа поперечно-скребковой части по умеренно-твердому материалу и два — по жестко-твердому. Кроме того, поперечным скребковым краем строгали, как стамеской. Производилась работа и другими кромками. Например, продольной неретушированной кромкой скоблили (три кромки на пять предметов) и в одном случае строгали.

Только одно скребковидное изделие, по нашему заключению, видимо, несет следы износа по мягкому волокнистому материалу. Это большой скребок — нож, представленный на рис. 4, *12*. Режущая часть «е» оформлена ретушью с фасетками до 3—4 *мм*. При выклинивании фасетки заломлены. Первоначальный угол заострения неретушированного лезвия был 25°. Изделия с негативом от резцового скола в работе по мягкому материалу не употреблялись. Здесь, конечно, надо учитывать, что некоторые материалы в процессе обработки могут переходить из одного класса в другой, например сухие загрязненные шкуры в начале обработки имеют жесткую абразивную поверхность, затем очищаются, в той или иной степени размягчаются, приобретают обволакивающую инструмент эластичность. В конечном итоге свойства материалов и их форма определяют морфологию износа рабочего участка в целом.

На табл. 2 дан подсчет активных участков в зависимости от их местоположения и общей формы в тех или иных операциях. Операция скобления преобладает. Цифровые значения учитывают только трасологически определимые случаи. Масса кратковременных операций, работа по мягкому волокнистому материалу (тип I) очень часто не оставляет систематических следов.

Основываясь на характере износа 23 активных участков, все же можно предположить, что на стоянке обрабатывались полусухие загрязненные шкуры. Большое число выемок в скоблении твердого материала указывает на другую сторону деятельности, а именно на обработку стержней (шилья, иглы, наконечники дротиков) из дерева и кости.

Таблица 2

Тип обрабатываемого материала	Операция	Активные участки		Количество	%
		местоположение	обработка		
I	Ск	а) продольное лезвие	Нет	11	5,5
		б) поперечная кромка по ширине	Ретушь	3	1,4
	Пр	а) острие	Ретушь	2	1,0
I–II	Ра	а) продольное лезвие	Нет	12	6,0
II	Ск	а) продольное лезвие около проксимального или дистального конца	Нет (ретушь очень редко)	23	11,0
		б) поперечная кромка по ширине	Нет (облом), резцовый скол, ретушь	16	7,7
		в) продольное лезвие	Нет	20	9,6
	Пр	а) острие	Нет, ретушь	9	4,3
	Ра	а) острие и смежная часть продольного лезвия	Нет, ретушь	7	3,3
II–III	Ск	а) выемка (5–15 мм)	Нет, ретушь	36	17,4
	Пи	а) продольное лезвие	Нет	7	3,3
	Рр	а) острие	Ретушь, резцовый скол	3	1,4
		б) поперечная кромка по толщине	Резцовый скол	1	0,48
III	Ск	а) поперечная кромка по ширине	Нет (облом), резцовый скол, ретушь	13	6,2
		б) продольная кромка (угол заострения более 60°)	Нет	3	1,4
		в) продольное лезвие	Нет	11	5,3
		г) продольное лезвие	Ретушь	2	1,0
		д) кромка у отщепа	Нет	10	5,0
	Ст	а) поперечная и продольная кромки	Нет, ретушь	18	8,7
			Всего:	207	100

Таким образом, технико-морфологический анализ следов изнашивания показывает, что наиболее универсальной технической основой является пластина без вторичной обработки или с небольшой подправкой. Другие же формы, например резцевидные или скребковидные, отражают преимущественно зависимость формообразования от кинематически близких механических процессов, хотя универсальность в большой мере еще продолжает сохраняться. Так, первый вариант скребковидных форм при наличии рукоятки из рога или дерева по своей универсальности напоминает ножи, хотя употребление специально присоединяемой рукояточной части и ограничивает местонахождение активных элементов. Наиболее специализированными активными элементами являются различного рода прокалывающие или провертывающие острия, имеющие более сложную кинематику.

Что касается форм так называемых боковых, угловых или срединных резцов, то они на данной стоянке также не предназначены для узкой функции. Большинство из них представляет собой разные моменты подправок, в процессе которых одна форма совершенно естественно переходила в другую.

Резцовое скалывание и ретушь производились с помощью мягких отбойников и отжимников. На стоянке обнаружены три сланцевые уплощенные гальки со следами употребления их в качестве отжимников. Выработанные пологие углубления говорят о ретушировании выпуклых элементов; сработанные плоские участки и ребра — о ретуши на прямых и вогнутых кромках орудий. Один из ретушеров имеет в качестве активного участка, видимо, специально сформированную удобную краевую выемку и на противоположном конце — отверстие. Внутренняя поверх-

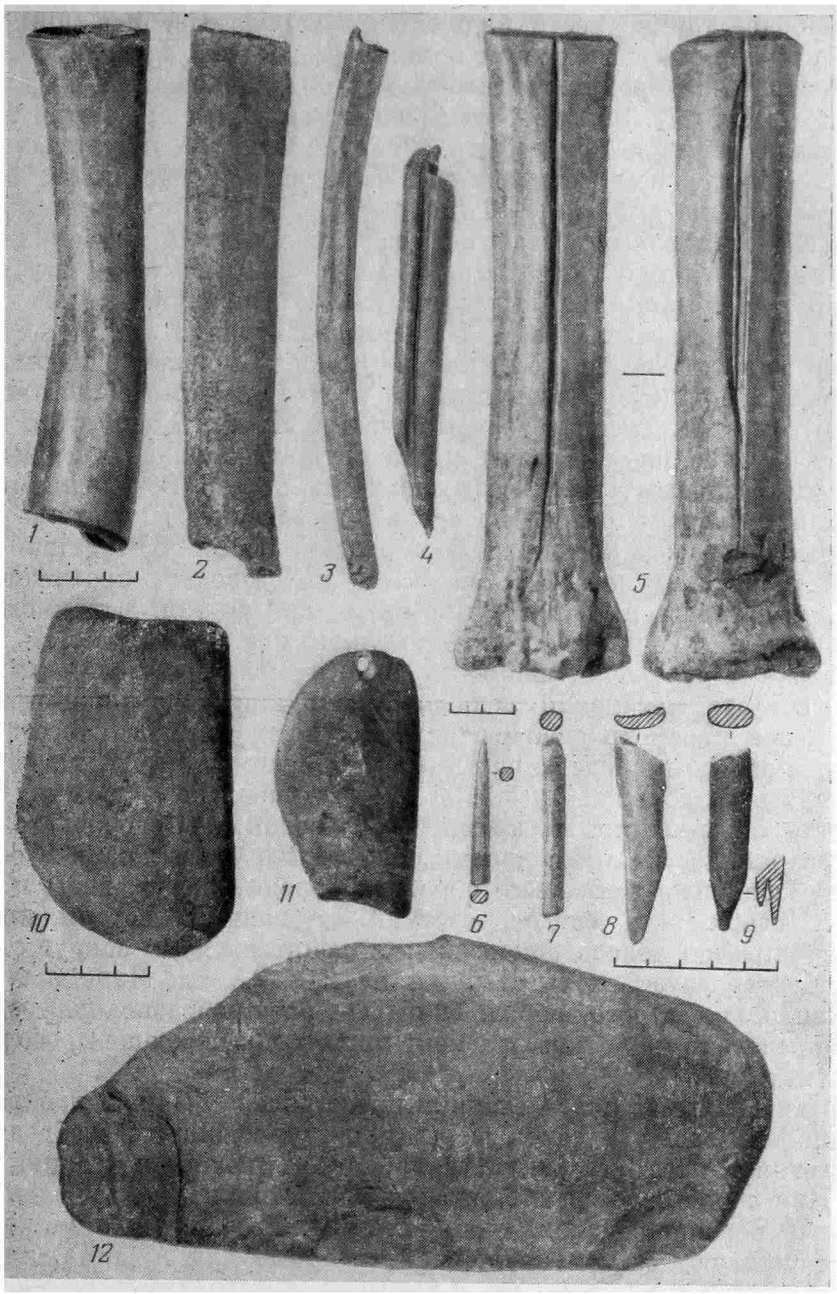


Рис. 5. Костяные поделки, ретушеры и наковальни Пенской стоянки

ность отверстия заполирована, что свидетельствует о ношении данного предмета на привязи.

Третья плитка, значительно больших размеров (8×19×2 см), употреблялась в основном в качестве наковальни. Во время работы наковальня располагалась в горизонтальном и вертикальном положении: интенсивные следы работы наблюдаются на поперечных торцовых краях.

На Пенской стоянке обнаружена небольшая серия поделок из бивня и других костей крупных животных. Сохранившиеся следы работы позволяют реконструировать некоторые моменты технологии расчленения и обработки кости. Расчленение трубчатых костей на заготовки начиналось с отпиливания одного или обоих эпифизов (рис. 5, *1, 5*). Далее диафиз разрезался резцом вдоль на отдельные пластины (рис. 5, *2*). Ребра

и другие более тонкие кости надрубались и обламывались, при необходимости расчленялись вдоль при помощи резца (рис. 5, *3, 4*).

Наибольший интерес представляет метаподий лошади со следами расчленения (рис. 5, *5*). Эти приемы при внимательном просмотре костяного материала, видимо, могут быть обнаружены и на некоторых других стоянках. Хорошо известны приемы изготовления массивных больших пластин из бивня в Мезине, Тимоновке и других местонахождениях: вначале вдоль бивня прорезаются два параллельных глубоких паза с образованием между ними продольной перегородки; затем эта перегородка — будущая пластина выламывается вставленным в паз клином из плотного дерева или кости[4]. На Пенской стоянке эти приемы обнаружены в миниатюрном исполнении. Метаподий лошади с надпиленным и отломанным одним эпифизом в одном случае служил мощной колотушкой, в другом — был использован в качестве сырья. Вдоль этого предмета имеются узкие пазы. Резцом могла служить тонкая пластина с миниатюрным резцовым сколом. На одной из сторон метаподия рядом с длинным продольным пазом был сделан другой, более короткий. Между пазами была образована тонкая перегородка длиной 6, толщиной 0,2 и шириной в глубину паза 0,5 *см*. Часть перегородки, протяженностью около 1 *см*, осталась на основе, в то время как другая, выломанная, была использована в качестве заготовки мелкого предмета (иглы?).

На стоянке не обнаружено ни одного целого изделия из кости, если не считать метаподии лошади в функции колотушки-отбойника. Тем не менее просмотр фрагментов показывает высокое качество работы. Таковы острие и средняя часть остроконечников с круглым сечением, изготовленные из бивня (рис. 5, *6, 7*). Их небольшой диаметр хорошо согласуется с выемками на кремневых пластинах. Поверхность острия хорошо сохранилась. Самый кончик обломан в работе. Грани и особенно рёбра, образованные в процессе обработки предмета, оглажены и зашлифованы. Поверх этих следов, отступя от кончика острия примерно 1,0 см, начинается полоса поперечных линейных следов вокруг стержня, которая простирается вдоль стержня на 2,0—2,5 см. Линейные следы, как правило, не строго параллельны, а крестообразно пересекаются. Острие определено нами как фрагмент шила с протыкающе-провертывающей кинематикой.

Итак, инвентарь Пенской стоянки представлен обычным набором орудий; здесь нет специфических форм, подчеркивающих своеобразие данного памятника. Поэтому о культурной принадлежности стоянки судить трудно. При сопоставлении с близлежащими стоянками мы должны констатировать больше различий, чем сходства. В Пенской стоянке совершенно отсутствуют формы орудий, характерные для Авдеева: листовидные наконечники и наконечники с выемкой, долотовидные орудия. Сравнение материалов с инвентарем Курских стоянок тоже свидетельствует об их существенных различиях, начиная с сырья и кончая обликом орудий.

Пенская стоянка является пятым памятником позднего палеолита в Курской области после Авдеевской, Октябрьской и Курских I и II стоянок. По условиям залегания, общему характеру расщепления кремня и обработки кости она принадлежит к памятникам развитой поры позднего палеолита.

---

[4] *Семенов С. А.* Ук. соч., с. 188—190; *Гвоздовер М. Д.* Обработка кости и костяные изделия Авдеевской стоянки.— МИА, № 39, 1953, с. 195, 197.

G. V. Grigoriéva, A. K. Filippov

LA STATION DU PALEOLITHIQUE RECENT DE PIENA
(District de Koursk)

Résumé

La station de Piena, découverte en 1975, sur la rive gauche de la Seïm, à environ 1km500 de cette rivière, se trouve un peu à l'Est du village de Byki, vis-à-vis du goroditché de Koudéiarova Gora, plus au Nord du village de Piena (région de Lgov).

La couche culturelle se trouve dans la partie inférieure du sol argileux et dans du sable (la couche de la station a été en partie détruite par des travaux de terrassement). Tous les objets recueillis étaient concentrés autour d'un foyer, protégé du côté sud par des fragments de côte et les os longs d'un mammouth, d'un renne et d'un cheval, et du côté ouest par l'omoplate d'un cheval, qui recouvrait en partie le foyer. Le caractère de la couche et la concentration des trouvailles autour du foyer permettent de considérer ce site comme ayant été un habitat. On y a recueilli un grand nombre d'ossements d' animaux, appartenant à des mammouths, des rennes, des chevaux, des isatis, et peut — être à des aurochs. Le mobilier est formé d'objets de silex, de schiste et d'os. On a recueilli 342 objets lithiques, parmi lesquels on compte 118 éclats, 98 lames et lamelles, 8 éclats primaires et de burins, 5 nuclei, 110 outils et 3 galets de schiste en forme de plaques. Le groupe des objets osseux et des os portant des traces d'aménagement compte 11 pièces. Les outils forment 32,2% de tous les silex recueillis. Dans ce mobilier on ne trouve pas de formes spécifiques soulignant l'originalité de ce monument. C'est pourquoi il est difficile de déterminer l'appartenance de la station. A en juger par les particularités de la couche, le caractère général du clivage des silex et le traitement des os, cette station appartient aux monuments de l'étape évoluée du paléolitique récent.

О. ЛОЛЛЕКОВА

НЕОЛИТИЧЕСКОЕ ПОСЕЛЕНИЕ ПЕСЕДЖИК-ДЕПЕ В ЮЖНОМ ТУРКМЕНИСТАНЕ

Песеджик-депе является одним из интереснейших памятников периода ресцвета джейтунской раннеземледельческой культуры.

Он расположен в 7 *км* к востоку от райцентра Пок-депе Ашхабадской обл. и был открыт в 1967 г. В. Н. Пилипко и Н. Гамаюновой. В том же году О. Бердыевым впервые был заложен стратиграфический шурф размером 3×2 *м*, в котором было обнаружено четыре строительных горизонта, причем общая толщина культурных напластований составила 3,5 *м* [1].

Систематические раскопки на поселении производились под руководством О. Бердыева с 1968 по 1971 г., результаты отражены в работах О. Бердыева [2], орудия труда были исследованы Г. Ф. Коробковой [3].

Памятник уже вошел в широкий научный оборот, он рассматривается в работах В. М. Массона [4] и в зарубежных изданиях [5].

Работы на Песеджик-депе вновь возобновлены в 1975 г. отрядом по изучению памятников эпохи неолита и энеолита Института истории АН ТССР [6]. Основной задачей было изучение стратиграфии поселения, так как ранее О. Бердыевым была вскрыта планировка Песеджик-депе лишь на уровне первого строительного горизонта, а в районе святилища частично затронут второй горизонт. Опираясь на все эти материалы, дадим сводную характеристику памятника. Всего в результате раскопок было вскрыто 1500 $м^2$ площади на уровне первого строительного горизонта и выявлена планировка поселения. Общая конструкция домов, строительные материалы и приемы строительства на Песеджик-депе почти ничем не отличаются от Джейтуна. Дома этих памятников однотипны и рознятся лишь по размерам. Они прямоугольной формы, у одной из стен располагается крупный овальный очаг. В ряде помещений перед ним отмечен небольшой полукруглый выступ высотой 10 *см* и диаметром 35 *см*, выполняющий функцию жаровни [7].

Рядом с очагом расположен хозяйственный отсек и суфа, у стены, расположенной напротив очага, пристроен выступ. Пол и суфа во мно-

[1] *Бердыев О.* Изучение памятников эпохи неолита.— КД, вып. I, с. 15.

[2] *Бердыев О.* Материальная культура Туркменистана в период неолита и раннего энеолита. Первобытный Туркменистан. Ашхабад, 1976, с. 15.

[3] *Коробкова Г. Ф.* Каменная индустрия Песеджик-депе и ее среднеазиатские параллели.— КД, вып. III, с. 150; *ее же.* Орудия труда с неолитического поселения Песеджик-депе по данным функционального анализа.— КД, вып. II, 1968, с. 61; *ее же.* Производственный инвентарь поселений Чопан-депе, Тоголок-депе и Песеджик-депе.— КД, вып. I, 1968, с. 60, 61.

[4] *Массон В. М.* Поселение Джейтун.— МИА, № 180, 1971, с. 144; *его же.* От редактора.— КД, вып. III, 1970, с. 6, 7.

[5] *Mellaart J.* Çatal Hüyük — Eneolithic Town in Anatolia. London, 1967, p. 100.

[6] *Лоллекова О.* Новые раскопки на поселении Песеджик-депе.— АО — 1975. М., 1976.

[7] *Бердыев О.* Новые раскопки на Песеджик-депе и Чакмаклы-депе.— КД, вып. II, 1968, с. 11.

гих помещениях покрыты алебастром, на некоторых из них сохранились следы красной краски. В отдельных жилых помещениях краской покрыты и стены. К жилым домам примыкают хозяйственные постройки и дворы. Встречаются сооружения, состоящие из параллельных стенок, почти одинаковой длины, отгороженные невысокой стеной.

Особый интерес представляет крупное помещение 12 площадью 64 $м^2$ [8]. Оно было на уровне первого, второго и третьего строительных горизонтов. Дом ориентирован углами по странам света, как и другие дома поселения. Эта постройка уже на уровне первого горизонта выделяется среди остальных помещений не только размерами, но и массивными стенами двойной толщины. Во втором горизонте к северо-восточной стене этого помещения пристроен очаг (1,8×1,1 *м*), с восточной стороны которого расположена суфа [9]. На стене напротив очага имеется выступ с лунообразным налепом в центре. Эта стена полностью, а северо-западная частично украшена полихромной (красной и черной краской на белом фоне) росписью. Благодаря капитальности стен, настенной полихромной росписи, большим размерам постройки, малочисленности находок внутри дома, это помещение вполне могло быть «родовым домом» поселка неолитического времени [10]. Возможно, здесь проходили различные собрания всех жителей поселка. Не исключена возможность, что это также своего рода «святилище», где совершались культовые церемонии и жертвоприношения.

В результате вскрытия первого строительного горизонта памятника в большом количестве обнаружен археологический материал. Первое место занимает керамика, собрано 2975 фрагментов, из которых 1750 с росписью [11]. Орнамент у большинства фрагментов (675) состоит из частых вертикальных линий, пересекающихся более толстыми горизонтальными полосами. Более 200 фрагментов имели рисунок в виде вертикальных рядов скобочек. В небольшом количестве встречены фрагменты со струйчатым и сетчатым орнаментом. Большинство чаш и корчаг изнутри были украшены горизонтальной полосой вдоль венчика.

Кремневая индустрия первого строительного горизонта Песседжик-депе включает 1311 различных изделий из кремня [12]. Отбросов производства на фоне орудий мало — всего 784 экз.[13] Здесь употреблялась типичная для среднего этапа джейтунской культуры пластинчатая техника. Ведущими типами орудий являются серпы — 264 экз. (33,6% от общего числа орудий). Довольно большой серией представлены ножи для разделки туш убитых животных — 181 экз. (23,09%), скребки — 120 экз. (15,6%) [14]. Среди них встречаются боковые, концевые, микроскребки. Не меньшим числом представлены орудия, связанные с обработкой дерева и кости. Это скобели — 138 экз. (17,6%), резчики-скобели, сверла — 28 экз. (3,6%) [15].

Для изучения нижних строительных горизонтов в 1975—1976 гг. был заложен раскоп (10×10 $м^2$), включивший и часть святилища второго строительного горизонта, вскрытого ранее [16]. Во втором горизонте к югу от святилища расчищена часть жилого дома (ширина 4,1 *м*) с очагом (1,1×1,0 *м*), возле которого обнаружено 150 фрагментов кера-

---

[8] *Бердыев О.* Новые раскопки..., с. 12.

[9] *Бердыев О.* Некоторые результаты изучения древнеземледельческих поселений.— КД, вып. III, 1970, с. 18.

[10] *Бердыев О.* Материальная культура..., с. 25.

[11] *Бердыев О.* Новые раскопки..., с. 15.

[12] *Коробкова Г. Ф.* Каменная индустрия Песседжик-депе..., с. 151.

[13] Там же, с. 152.

[14] *Коробкова Г. Ф.* Дальнейшее изучение кремневой индустрии Песседжик-депе.— КД, вып. IV, 1972, с. 167, 168.

[15] *Коробкова Г. Ф.* Каменная индустрия Песседжик-депе..., с. 155.

[16] *Лоллекова О.* Новые раскопки..., с. 550.

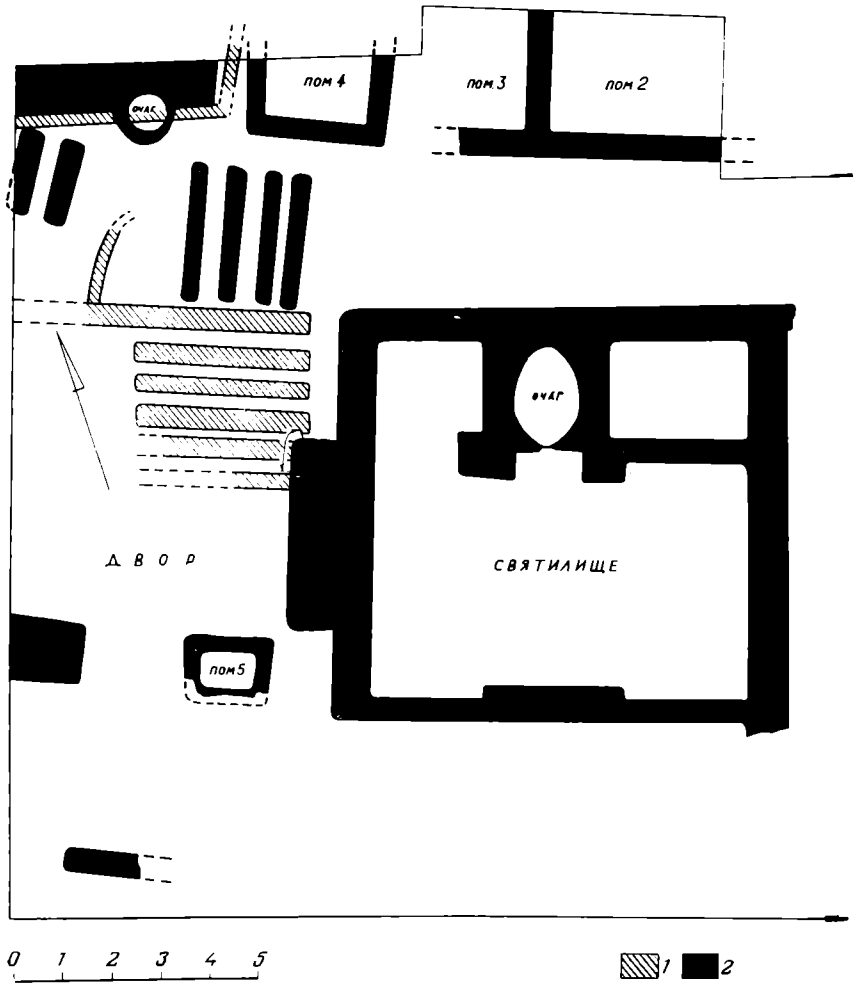


Рис. 1. План раскопок Песседжик-депе 1975—1976 гг. *1* — стены 1 строительного горизонта; *2* — стены 2 и 3 строительных горизонтов

мики, в том числе 103 с росписью [17]. Во втором же строительном горизонте открыты хозяйственные сооружения, примыкающие к святилищу и составляющие единую архитектурную единицу (рис. 1). К северо-западу от святилища обнаружен хозяйственный участок, названный двором Б. К северо-западной стене святилища со стороны двора примыкала суфа размером 4×1 *м*, высотой 25 *см*. На торцовой стороне суфы в северо-западном ее углу сохранились остатки темнокрасной росписи. К северу от северного угла святилища обнаружено сооружение, состоящее из четырех параллельных стенок длиной 40 *см*, шириной 1 *см* и высотой 25 *см* и представляющее собой, скорее всего, основание для помоста. В заполнении между стенками найдены фрагменты керамики и большое количество растрескавшихся обожженных камней. Другой «помост» попал в пределы раскопа лишь одной целой стенкой и частично второй. Характер заполнения между этими стенами идентичен первому сооружению. Постройки такого рода интерпретируются в литературе как основания сооружений для вяления мяса или сушки зерна [18].

Между этими сооружениями и далее к западу от них расположен дворовый участок. Заполнение двора состояло из многочисленных песчаных и зольных прослоек. Двор вскрыт на глубину 45—40 *см*. Во вто-

[17] Там же.
[18] *Массон В. М.* Поселение Джейтун, с. 17.

ром горизонте толщина культурных напластований 20—25 *см*. Кроме того, во дворе открыты два помещения подпрямоугольной формы (4 и 5), размером 2,25 и 1,75 *м*², хозяйственного назначения.

Помещение 4 открыто в северо-восточном углу двора Б. Стены его были обнаружены после снятия каких-то остатков первого строительного горизонта, стоящих на песчанистом слое с большим включением золы и мелких угольков. В заполнении попадались куски сырца, керамика, камни, крупный пест. Приблизительно в 13 *см* ниже стен прослежен первый уровень пола, обмазка которого сделана в несколько слоев толщиной от 5 до 6 *см*. На глубине 24—25 *см* от верхнего уровня стен проходит второй уровень пола густого коричневого оттенка. В помещении было обнаружено 38 фрагментов орнаментированной, в том числе шесть венчиков, и 32 фрагмента неорнаментированной керамики. Кроме того, найдено 10 кремневых пластин, кости животных [19].

В западной части двора открыто небольшое квадратное помещение 5, стены которого сохранились на высоту 10—15 *см*. Оно забутовано, материала в заполнении почти нет. В северной части двора обнаружена сырцовая стена высотой 20 *см* с примыкающим к ней круглым очагом на сырцовой платформе высотой 15 *см*. В заполнении очага найдено несколько фрагментов керамики. К северо-восточной стене святилища примыкали еще два хозяйственных помещения (2 и 3) площадью 8,6 м².

В помещении 2 обнаружен орнаментированный толстостенный хум, врытый в землю, вероятно предназначенный для хранения продуктов. По красному фону хума нанесена черной краской скобчатая роспись. Аналогичный сосуд был найден в помещении 3, орнамент нанесен по светлому фону. В помещении 2 обнаружено 79 фрагментов росписной керамики и 20 экз. кремневых пластин, один конусовидный нуклеус и раковины.

В процессе раскопок был получен интересный комплекс различных объектов, связанный с жизнью, деятельностью и бытом его обитателей. Большое место в этом комплексе занимает разнообразная керамика. Вся глиняная посуда вылеплена от руки ленточным способом. Поверхность сосудов тщательно заглаживалась. Чаще представлены фрагменты среднестенных сосудов с прямым приостренным венчиком. Судя по всему, технология обжига была недостаточно высокой. По целым, наиболее крупным фрагментам удалось установить формы сосудов: корчаги, чаши, миски и сосуды баночной формы [20].

Корчаги имели прямые стенки со слегка сужающимся кверху туловом. Венчик обычно заострен, изредка плавно отогнут наружу. Встречаются корчаги тонкостенные. У толстостенных сосудов тесто пористое, обжиг слабый. Эти сосуды, судя по размерам, видимо, предназначались для хранения припасов. Почти все корчаги сделаны из красной глины, покрыты лощением, но встречаются и светлофонные. Орнамент в основном скобчатый (в виде вертикальных рядов скобочек) или в виде вертикальных волнистых линий.

Чаши подразделяются на большие толстостенные грубой выделки сосуды типа тагоры, служившие для запасов пищи, и небольшие тонкостенные, использовавшиеся в качестве столовой посуды [21]. Столовая посуда высокого качества изготовления. Имеются чаши с прямыми стенками, полусферической формы. Венчики заостренные, прямые. Большинство чаш краснофонные. Орнаментальные мотивы в виде вертикальных рядов скобочек или параллельных полос.

---

[19] *Лоллекова О., Курбансахатов К.* Изучение стратиграфии Песседжик-депе.— АО — 1976. М., 1977.

[20] *Бердыев О.* Некоторые результаты..., с. 20.

[21] Там же, с. 22.

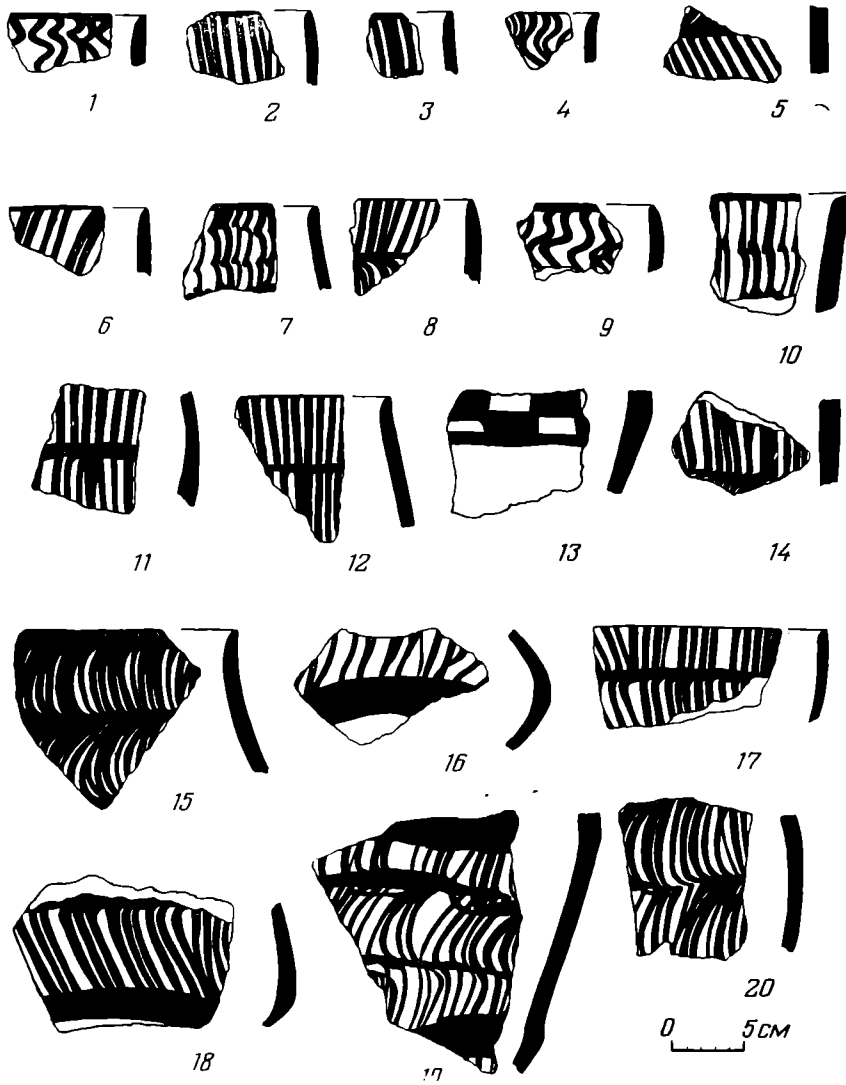


Рис. 2. Керамика из II слоя

Миски имеют низкие, суживающиеся книзу стенки и плоское дно. Встречаются миски без росписи, но в большинстве случаев на красном фоне темной краской нанесен скобчатый орнамент.

Сосуды баночной формы небольшие по размеру, с прямыми высокими стенками, заостренными венчиком и плоским дном. У некоторых из этих сосудов венчики прямые.

Всю керамику на поселении Песседжик-депе можно разделить на расписную и нерасписную. Роспись на керамике представлена различной цветовой гаммой, зависевшей от обжига. Чаще по красному фону наносилась темная роспись, но встречаются и светлофонные сосуды.

Среди 1148 фрагментов, обнаруженных во втором строительном горизонте, 877 с росписью. Самым распространенным видом орнамента на Песседжик-депе была скобчатая роспись (рис. 2, *7*, *10*, *15*, *18*). При вскрытии второго строительного горизонта было обнаружено 452 фрагмента со скобчатой росписью, в том числе 40 венчиков и три целых сосуда.

Второй тип росписи представлен вертикально-полосчатым орнаментом — 114 экз., из них 61 венчик (рис. 2, *2*, *3*). Судя по фрагментам, эта роспись наносилась на чаши с мягким перегибом стенок ко дну[22].

[22] *Массон В. М.* Поселение Джейтун, с. 36.

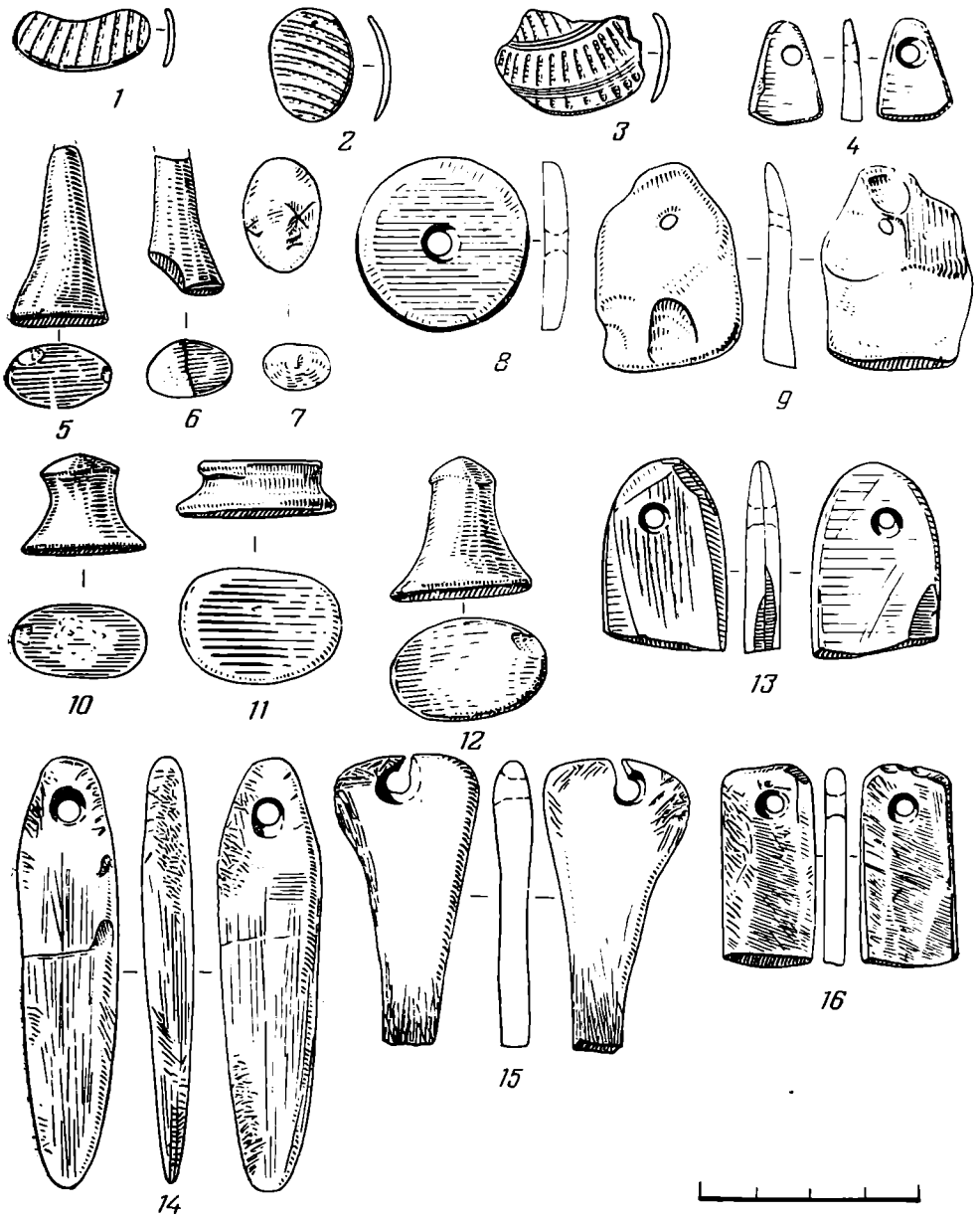


Рис. 3. Различные находки. *1, 3* — бусы из раковин; *5—7, 10—12* — терракотовые поделки; *8* — каменное пряслице; *4, 9, 13, 16* — каменные ретушеры с просверленным отверстием

В данном случае по перегибу проводилась толстая горизонтальная линия, ограничивавшая расписной фриз. В других случаях эта роспись наносилась на корчаги, у которых по ребру шла широкая полоса. Вертикальные линии были сгруппированы так, что между ними оставалось значительное пространство.

Третий тип орнаментации — струйчатая роспись — представлен 17 фрагментами, включая пять венчиков [23] (рис. 2, *1, 4, 9*),

Четвертый тип — горизонтально-полосчатая роспись — представлен 12 фрагментами, однако нет гарантии, что во всех случаях здесь перед нами другой рисунок, а не часть усложненной композиции.

Редкой является роспись силуэтными треугольниками, которая часто встречалась на раннеэнеолитической посуде типа Анау I Б и Намазга I [24].

[23] Там же, с. 35.
[24] Там же, с. 37.

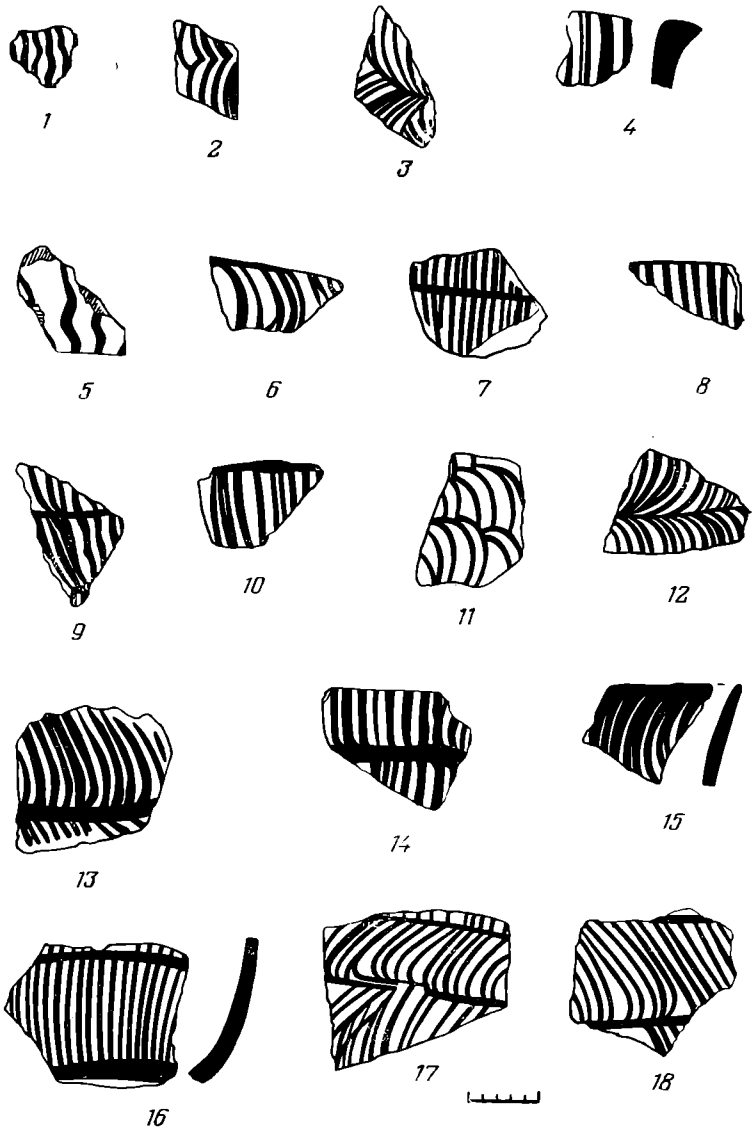


Рис. 4. Керамика из III слоя

Такова общая характеристика керамики, обнаруженной при вскрытии второго строительного горизонта. Глиняная посуда на Песседжик-депе имеет черты глубокого архаизма, характерные для периода зарождения гончарного мастерства.

Особо следует остановиться на предметах украшения, представленных бусами и разнообразными подвесками. По количеству находок первое место занимают подвески с просверленным отверстием, использованные вторично как ретушеры. Встречаются также бусы, изготовленные из раковин. Обнаружены каменные плоские колесики, которые Г. Ф. Коробкова считает примитивными пряслицами [25]. Этой точки зрения придерживался и О. Бердыев [26]. Найдены также терракотовые поделки (рис. 3, *5—7, 10*) различной формы, усеченные, конусовидные. С. А. Семенов и Г. Ф. Коробкова, исследовавшие аналогичные джейтунские поделки, высказали мнение, что они служили игральными фишками [27].

[25] *Коробкова Г. Ф.* Орудия труда и хозяйство неолитических племен Средней Азии.— МИА, № 158, 1969, с. 10.

[26] *Бердыев О.* Неолит Новой Нисы.— СА, 1965, № 2, с. 239.

[27] *Коробкова Г. Ф.* Определение функций костяных и каменных орудий с поселения Джейтун.— ТЮТАКЭ, т. X, 1960, с. 130.

Третий строительный горизонт был вскрыт в районе «святилища». Нами было раскопано прямоугольное в плане помещение 7×7,5 *м*. Оно выделялось крупными размерами, стенами двойной толщины. К северо-восточной стене был пристроен очаг на прямоугольной сырцовой платформе. Принимая во внимание, что и в этом строительном горизонте полностью повторяется планировка выше располагавшегося «святилища», можно предположить, что и в пору третьего строительного горизонта открытое нами помещение могло иметь аналогичное назначение. В нем найдено 138 фрагментов керамики, в основном тонкостенных сосудов (рис. 4, *3*, *7*, *11*, *12*, *17*). Роспись наносилась темно-коричневой краской по красному или кремовому фону. Из других находок можно отметить уплощенную подвеску на конце с отверстием. Поверхность ее зашлифована на абразиве и залощена от ношения. Найдены также две раковины дидакна.

Верхние строительные горизонты Песседжик-депе, так же как поселения Чопан, Тоголок, Гадыми[28], Гиевджик[29], относятся к средней фазе джейтунской культуры. В архитектуре этой фазы по сравнению с ранней, например с Джейтуном, появляются некоторые новые черты. Если на Джейтуне в жилых домах отсутствовали следы каких-либо навесных дверей, в поселениях средней фазы Чопан, Тоголок появились первые свидетельства дверной конструкции[30]. На Чопан-депе, Тоголок-депе встречены подпяточные камни, указывающие на наличие вращающихся деревянных дверей. Эти свидетельства позволяют предполагать, что последние появились в средний период джейтунской культуры. На раннем этапе дверные проемы, видимо, занавешивались шкурами или циновками.

К началу средней фазы джейтунской культуры можно отнести строительство крупных «родовых домов», полностью повторяющих планировку жилых помещений и, возможно, служивших в качестве «святилища», одно из которых открыто на Песседжик-депе[31]. В раннем периоде такие святилища отсутствовали, как об этом свидетельствуют результаты раскопок на поселении Джейтун[32]. Орнаментальные сюжеты, характерные для керамики ранней фазы, например струйчатая роспись, в средней — встречались реже[33]. Широко были распространены мотивы в виде горизонтальных и вертикальных линий, скобчатая роспись. Эти орнаментальные изменения в керамике, характерные для среднего этапа джейтунской культуры, являются хорошим датирующим признаком. Индустрия этой фазы имела много сходных черт с ранней. Однако, уже в это время в технике вырабатывались новые приемы, способствовавшие усовершенствованию старых типов орудий и повышающие производительность труда. Появляются вкладыши жатвенных орудий с зубчатым лезвием, станковые сверла, костяные шилья, характерные для средней фазы[34].

Наличие этих изделий на Песседжик-депе служит еще одним доказательством того, что этот памятник относится к средней поре джейтунской культуры. Индустрия Песседжик-депе исключительно близка с Джейтуном и особенно с соседними памятниками Чопан-депе и Тоголок-депе. Это сходство наблюдается в формах керамических сосудов, орнаментальных мотивах и индустрии[35]. Вместе с тем Песседжик-депе выделяется богатством и разнообразием в технике оформления орудий среди

---

[28] *Коробкова Г. Ф., Воловик В. Т.* Гадыми-депе — новый памятник джейтунской культуры.— УСА, № 2, 1972, с. 41, 42.

[29] *Коробкова Г. Ф.* Поселение неолитических земледельцев Гиевджик-депе в Южном Туркменистане.— УСА, № 3, 1975, с. 71, 72.

[30] *Бердыев О.* Материальная культура..., с. 32.

[31] *Бердыев О.* Некоторые результаты..., с. 18.

[32] *Массон В. М.* Поселение Джейтун. с. 20—22.

[33] *Бердыев О.* Некоторые результаты..., с. 22.

[34] *Коробкова Г. Ф.* Каменная индустрия Песседжик-депе..., с. 154.

[35] *Коробкова Г. Ф.* Каменная индустрия Песседжик-депе..., с. 155.

синхронных памятников рассматриваемого оазиса. Отмеченные выше черты сходства Песседжик-депе с поселениями Чопан, Тоголок, Гиевджик позволяют датировать этот памятник средним периодом джейтунской культуры.

Если говорить об абсолютной хронологии джейтунской культуры, то здесь имеются две датировки. Для Чагыллы-депе в лаборатории ЛОИА получена 5086±100 лет до н. э. Вторая датировка стала известна после определения угля со второго строительного горизонта Тоголок-депе в Берлинской лаборатории. Она определяется 5370±100 лет до н. э. Правильность этих определений подтверждается данными, полученными при сопоставлении материалов джейтунской культуры с материалами других памятников. Абсолютная хронология неолитических памятников хорошо представлена в работах В. М. Массона. Данные радиокарбонового анализа джейтунских и ближневосточных памятников позволяют датировать Песседжик-депе VI тысячелетием до н. э.

Кремневая индустрия Песседжик-депе, начиная с 1971 г. была детально обработана автором с помощью трассологического и технико-типологического анализа. Предложенная Г. Ф. Коробковой классификация джейтунских орудий имеет важное значение для реконструкции экономики неолитического общества и была использована автором при изучении материалов Песседжик-депе [36]. Характерными заготовками орудий являются призматические пластины правильной формы, удлиненных пропорций, со скошенным ретушью концом. Скалывание пластин производилось с крупных нуклеусов призматической конусовидной (рис. 5), аморфной форм. Всего нуклеусов найдено 11 экз. Ядрища имеют одну, а иногда и несколько площадок, чаще подправленных. Нижний конец сильно смят, видимо, это следы от наковальни.

В коллекции Песседжик-депе значительный процент составляют орудия труда. Это ножи, серпы, скребки, проволки, ретушеры, отбойники, лощила для кожи, песты для растирания зерна и краски и т. д.

Первое место по количеству занимают ножи 34,47% (рис. 6), которые использовали для обработки продуктов скотоводства и охоты [37]. Для Песседжик-депе характерны вкладышевые ножи. Они имеют одно или два рабочих лезвия, попеременно использовавшихся в съемной рукояти. Такие вкладыши ножей характерны для кремневых индустрий раннеземледельческих поселений Средней Азии и Древнего Востока, кельтеминарской культурной общности [38].

Второе место занимают серпы — 19,67%. Заготовками для них служили призматические пластины удлиненных правильных пропорций и геометрические микролиты. Среди серпов встречаются экземпляры с одним и двумя рабочими краями. Они употреблялись в съемной рукоятке. Самих рукояток на Песседжик-депе не найдено, но костяная рукоять была обнаружена на поселении этой же фазы джейтунской культуры в Чопан-депе [39].

Высокий процент образуют скребки — 17,31%. В эту группе орудий различаются боковые, концевые и микролитические скребки. Скребки имеют один или два, а в некоторых случаях и три рабочих лезвия, например скребки бокового и концевого типа. Эти орудия широко применялись в быту обитателями Песседжик-депе и использовались в работе в течение длительного времени, о чем свидетельствуют интенсивные следы. Распространенными орудиями являются скобели — 16,39% (рис. 7). Для скобелей характерна выкрошенность и затупленность лезвий. Ско-

---

[36] *Коробкова Г. Ф.* Орудия труда и хозяйство..., с. 18.
[37] *Коробкова Г. Ф.* Орудия труда и хозяйство..., с. 25.
[38] Там же, с. 26.
[39] *Массон В. М.* Раннеземледельческие племена Туркменистана и их связи с Ираном и Индией.— ВДИ, 1957, № 1, с. 34—47.

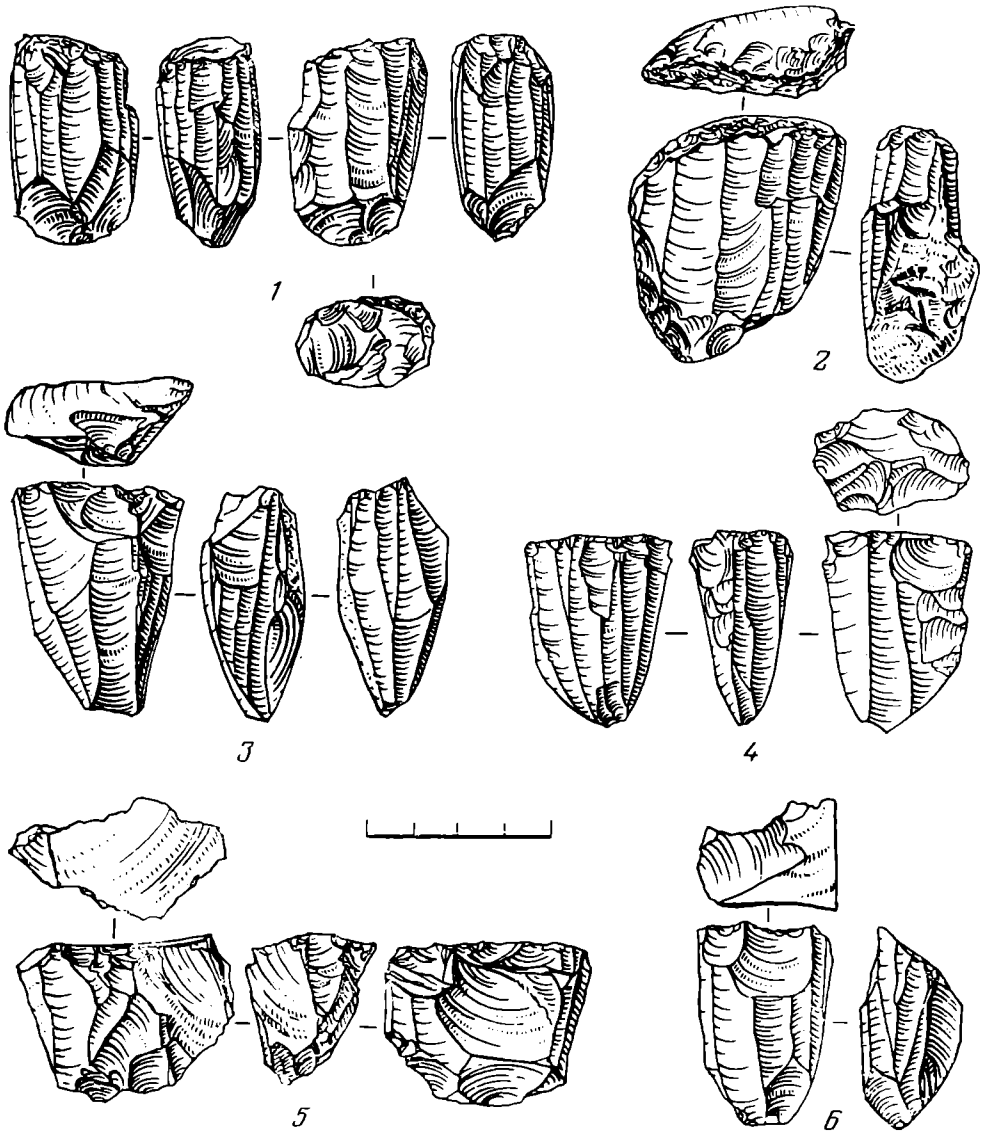


Рис. 5. Нуклеусы из II слоя

бели могли применяться для обработки дерева или кости, и в зависимости от обрабатываемого материала следы износа выкрошенности бывают ярко или слабо выражены [40].

Резчики-скобели составляют 3,16%. По внешнему виду эти орудия напоминают микроскребки. Однако прослеживаемая на рабочих лезвиях сильная сработанность не похожа на следы, оставшиеся от обработки шкур. Они относятся к деревсобрабатывающим орудиям. Эти орудия очень похожи на джейтунские резчики-скобели, но отличаются от последних более крупными размерами.

В коллекции обнаружены пилки. По сравнению с другими джейтунскими памятниками здесь их представлено значительно больше. Пиление кости и камня в неолите играло лишь вспомогательную роль, оно применялось лишь для получения заготовок для будущих украшений. Большинство просверленных украшений из камня или раковин Didacna найдено в незаконченном виде.

Характерными орудиями земледельческих культур являются сверла. Они различаются оформлением острия, способом применения (одноруч-

[40] *Коробкова Г. Ф.* Орудия труда и хозяйство..., с. 24.

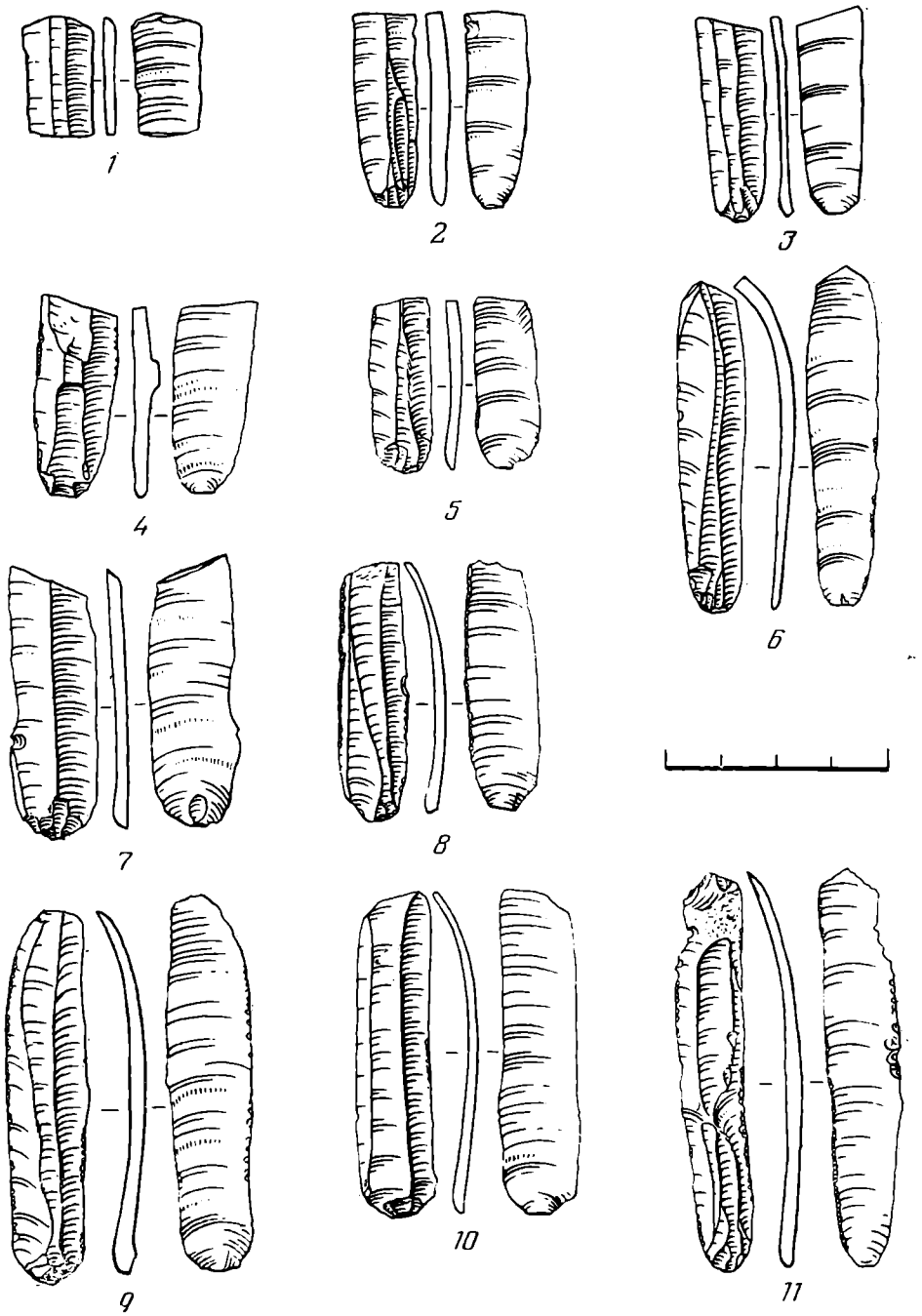


Рис. 6. Кремневые пластины из II слоя, использовавшиеся как ножи с двумя лезвиями

ного, двуручного или лучкового)[41]. Имеются экземпляры сверл, изготовленных на вкладышах серпов, ножей, пилок и скобелей. На рабочем конце сверл наблюдаются круговые линии[42]. К числу этих орудий можно отнести и развертки (0,81%), имеющие форму сверл и сходные следы, но отличающиеся тем, что следы располагаются на боковых гранях, слегка, отступя от острия. Они служили для расширения отверстий. Найдены 2 экз. долотовидных орудий.

[41] *Семенов С. А.* О каменных сверлах.— МИА, № 39, 1953, с. 458.
[42] *Коробкова Г. Ф.* Орудия труда и хозяйство..., с. 25.

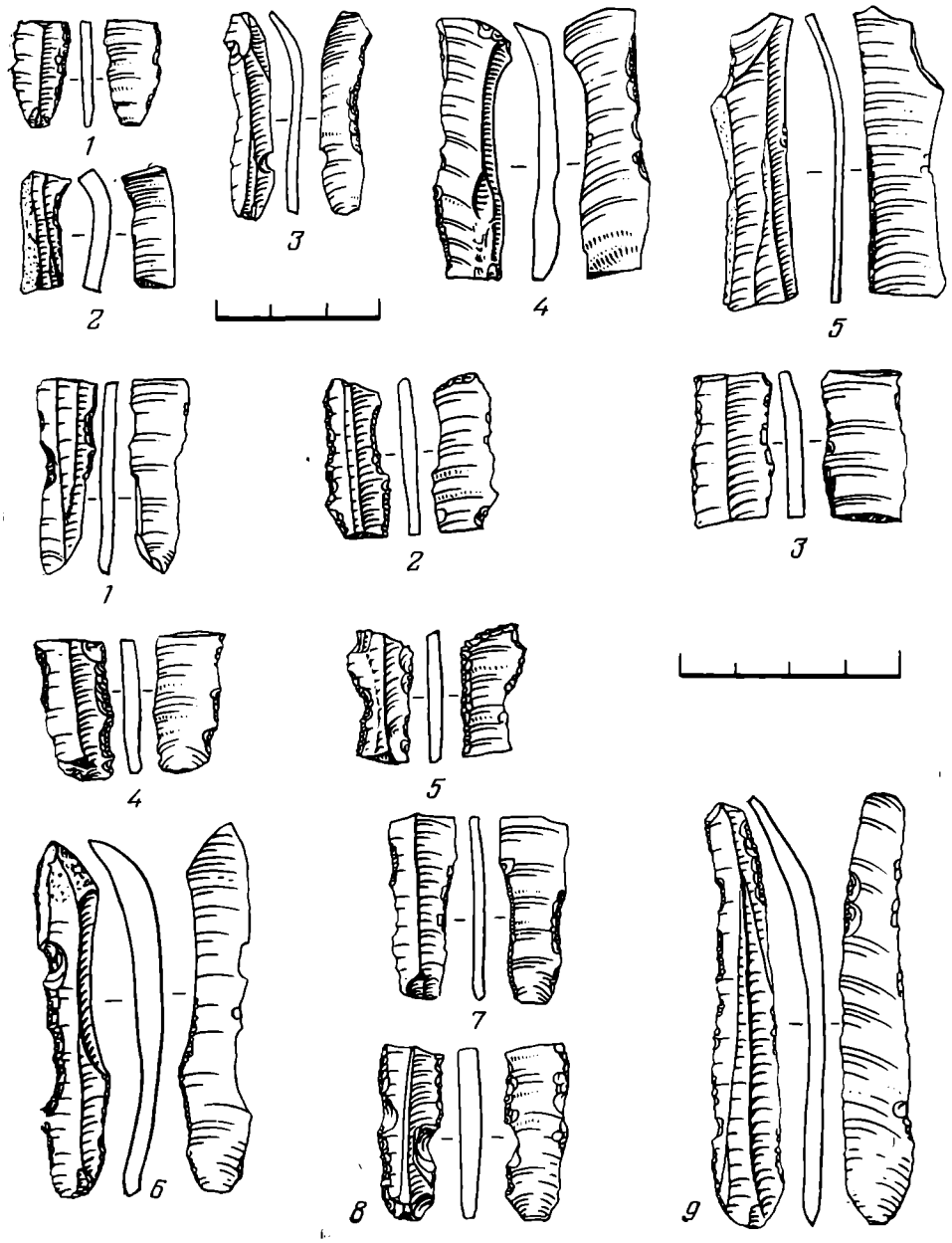


Рис. 7. Скобели из II слоя. *1—5* — с одним рабочим лезвием (сверху); *1—9* — с двумя рабочими лезвиями

Интересную группу составляют орудия, изготовленные из камня (7,33% от числа всех орудий). Это ретушеры (16,68%), песты (32%), отбойники (14,5%), зернотерки (9,73), краскотерки (4,1), лощила для обработки кожи (37,53), шлифованные тесла. Лощила для кожи в большинстве изготовлены из галек шаровидной формы (рис. 8, *9*).

Интересны пряслица шаровидной формы с просверленным отверстием в центре. Хотя ткачество получает свое развитие в конце неолита — в начале энеолита, появление его следует относить к более раннему времени, о чем свидетельствуют находки пряслиц на позднеджейтунских памятниках.

Кроме каменных и кремневых орудий труда на Песседжик-депе найдены и костяные орудия. Из лопаток животных изготовлялись скребки (7 экз.), шилья (3 экз.), проколки (7 экз.), игла (1 экз.) Шилья, иглы и скребки, орудия из лопаток животных — это набор орудий, используемых для производства и обработки шкур и пошива одежды.

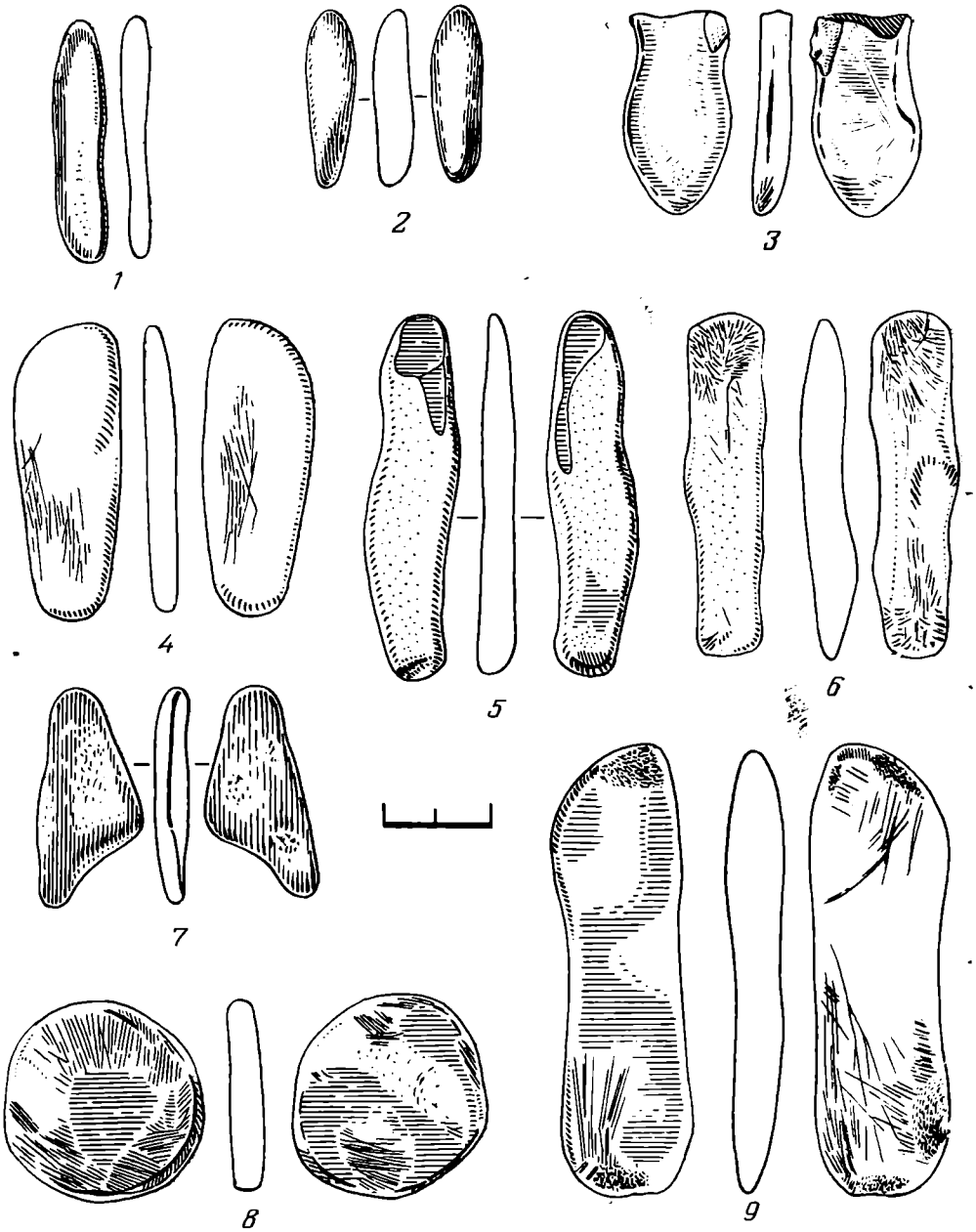


Рис. 8. Каменные орудия из II слоя (*1—3*, *7*) и из III слоя (*4—9*)
1—9 — ретушеры; *8* — лощило для кожи

Итак, индустрия Песседжик-депе разнообразна по составу орудий.

Изучение неолитических поселений джейтунской культуры дает все основания считать, что хозяйство их обитателей было земледельческо-скотоводческим. Специфика природных условий Южной Туркмении уже в эпоху неолита определила земледельческую направленность хозяйства. Оседло-земледельческие памятники неолита сосредоточены исключительно на территории северной подгорной равнины Копетдага. Они связаны в прошлом с конусами выносов горных речек и ручьев. Переход к оседлому земледелию в Южном Туркменистане произошел в конкретных условиях. В этих местностях посевы под дождь дают очень низкие урожаи, но наряду с этим здесь именно на паводковых разливах горных ручьев и речек могло развиваться орошаемое земледелие [43]. Первоначально приме-

[43] *Лисицына Г. Н.* История орошаемого земледелия в Южной Туркмении.— УСА, 1972, № 1, с. 11.

няли одноразовый полив посевов в периоды паводков с помощью устройства простейших перегораживающих и отводящих сооружений.

Наличие многочисленных отпечатков злаковых растений на керамике и глинобитных промазках, в характере построек свидетельствуют о возделывании здесь злаковых культур. По заключениям М. М. Якубцинера, отпечатки зерен в глиняных обмазках полов принадлежали пшенице [44].

Судя по геоморфологическим данным, Песседжик-депе находился на берегу русла р. Секиз-яб. Полив посевов мог осуществляться путем отвода этих протоков на поля.

Микроскопическое определение углей, проведенное Г. Н. Лисицыной, позволяет считать, что племена, населявшие в эпоху неолита подгорную зону Копетдага, широко использовали арчу как топливо, поскольку собранные угли происходят из кострищ и очагов. Кроме угольков основных пород тугайных лесов, на Песседжик-депе были найдены единичные экземпляры угольков саксаула [45]. Это свидетельствует о том, что уже в VI тысячелетии до н. э. пески близко подходили к поселению Песседжик-депе.

На основании остеологического материала, собранного на поселении в 1976 г. и исследованного Н. М. Ермоловой, выяснилось, что большинство костных остатков принадлежит козам, и, судя по тому, что 50% костей принадлежит молодым особям, это была уже домашняя форма.

Из костей дикого безоарового козла определенными можно считать 14 образцов, но вполне вероятно, что часть их могла принадлежать домашним особям. Кроме того, определены четыре кости джейрана, девять костей собаки и одна кость птицы.

Приведенные данные позволяют сделать вывод о том, что хозяйство Песседжик-депе носило производящий характер. Основой его были скотоводство и земледелие, вспомогательную роль продолжала играть охота.

Поселения, группирующиеся в районе Геок-депе, в древности представляли собой один небольшой оазис, в состав которого входили три родовых поселка — Чопан-депе, Тоголок-депе и Песседжик-депе [46]. Вероятнее всего, в пору среднего этапа джейтунской культуры центром этого оазиса являлось поселение Песседжик-депе, где, как мы отмечали, было открыто крупное помещение, игравшее роль «святилища» (рис. 9). На стенах сохранилась роспись красной и черной краской (рис. 10). Здесь имеются зооморфные сюжеты, восходящие к традициям охотничьих племен эпохи палеолита и мезолита, а также геометрические фигуры и шевроны. На северо-западной стене сохранились рисунки в виде больших геометрических фигур, выполненных черной краской. Здесь же обнаружено изображение треугольника, расположенного вершиной вниз (ширина 20, длина 30 *см*), правее его — изображение удлиненного ромба вершиной вверх, шириной у основания 18 *см*, длиной 31 *см*. Имеются изображения животных, деревьев, ромбов. Интересно, что вертикально поставленные ромб и треугольник, встречающиеся в росписи Песседжика, очень похожи на отдельные орнаментальные детали настенной росписи в культовых зданиях энеолитического времени Южного Туркменистана.

У западного угла выступа обнаружено изображение в виде вертикальной линии с отогнутым концом, очень напоминающее современные палки пастухов [47]. Изображены также три фигурки копытных животных и две фигуры хищных кошачьей породы, по-видимому барсов. Последние нарисованы черной краской, а копытные — красной. Хищники кошачьей породы в обоих случаях показаны с поднятыми хвостами, в отличие от

---

[44] *Якубцинер М. М.* К истории культуры пшеницы в СССР. Материалы по истории земледелия СССР, т. II, М., 1956, с. 108.

[45] *Лисицына Г. Н.* Растительность Южной Туркмении в эпоху энеолита по палеоботаническим данным.— КСИА АН СССР, № 98, 1964, с. 54.

[46] *Массон В. М.* От редактора, с. 6.

[47] *Бердыев О.* Материальная культура..., с. 27, 28.

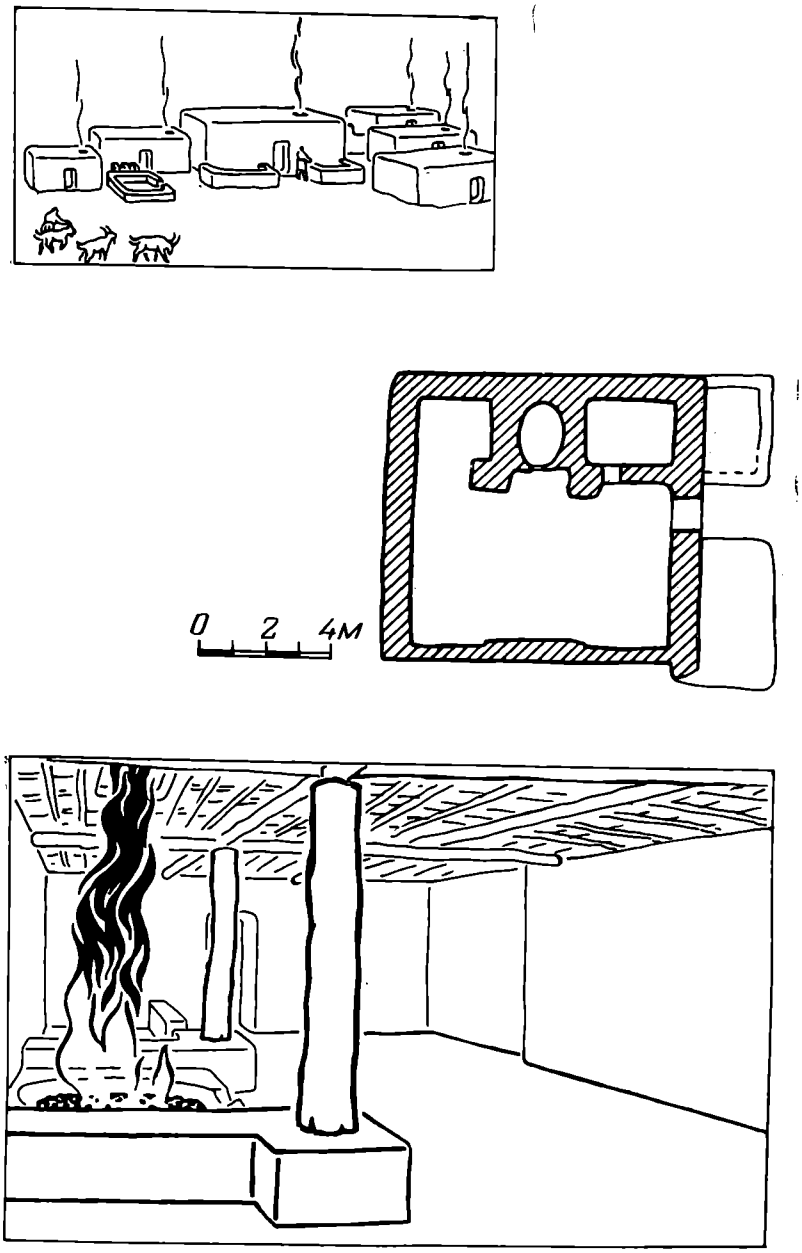


Рис. 9. Святилище, план и реконструкция (реконструкция художника В. Зернова)

барсов, изображенных на расписной керамике Сиалка, Карадепе, где хвост хищника всегда опущен вниз. На Песседжик-депе все животные изображены профильными силуэтными рисунками. Панно, раскинувшееся на выступе «святилища», рисует, возможно, охотничью сцену. При тщательном осмотре можно видеть, что какие-то копытные животные спасаются от хищников, а впереди изображен охотник [48]. Сцена гона или шествия животных широко распространена в архаическом искусстве Переднего Востока [49]. Она имеется и в изображениях чатал-гуюкских святилищ. Например, красное монохромное панно изображает охоту на оленя, где шесть охотников преследуют животных. Один из оленей, уже постав-

[48] Там же.

[49] *Лелеков Л. А.* История монументальной живописи древней и раннесредневековой Средней Азии. Автореф. канд. дис. М., 1975, с. 11.

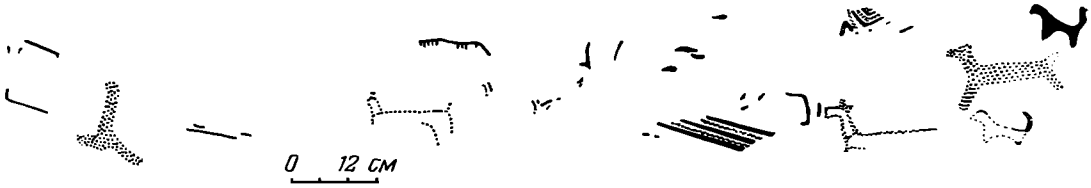


Рис. 10. Роспись Песседжик-депе

ленный на колени двумя мужчинами, поворачивает голову в сторону преследователей, в то время как другие пытаются убежать[50]. Бросается в глаза в этой сцене схематичность изображения человека и оленей[51].

Не менее интересным является монохромная фреска с северной стороны стены того же «святилища», где изображена охота на оленей. Самку с олененком преследует охотник с собакой[52]. Сравнивая изображения Чатал-Гуюка с Песседжик-депе, следует отметить, что рисунки Песседжик-депе выглядят упрощеннее и архаичнее.

Если обратиться к наскальным росписям Зараут-Камара на юге Узбекистана, то можно увидеть некоторое их сходство с фресками Песседжик-депе и живописью Чатал-Гуюка. Там тоже изображена сцена охоты, воспроизводящая людей с луком и стрелами и домашними собаками[53]. Но в отличие от Песседжик-депе и Чатал-Гуюка росписи Зараут-Камара менее схематичны.

Интересно отметить, что если рисунки Зараут-Камара решены в одной цветовой гамме, то в Песседжик-депе отмечается стремление к полихромии. Настенная роспись Песседжик-депе является древнейшим памятником изобразительного искусства на территории Средней Азии.

Такова общая характеристика Песседжик-депе, ярко освещающая поселение земледельцев и скотоводов на этапе расцвета джейтунской культуры в целом. В то же время поселение выделяется среди других соседних памятников — Чопан-депе, Тоголок-депе и Тевджик-депе — монументальностью построек, наличием святилища, росписи, совершенством орудий, великолепием керамики, что позволяет относить его к столичным памятникам этого оазиса.

O. Lollekova

LE VILLAGE NEOLITHIQUE DE PESSEDJIK-DEPE
(sud du Turkmenistan)

Résumé

Cette étude est consacrée aux objets trouvés en 1975-1976 à Pessedjik-dépé, un nouvel établissement d'agriculteurs préhistoriques porteurs de la culture de Djétoun. Dans cette agglomération a été découverte une admirable peinture polychrome de l'époque néolithique. A la suite des travaux entrepris, l'auteur a pu établir la stratigraphie du monument et y classer les trouvailles faites. On a dégagé le plan très net des bâtiments d'habitation et à usages domestiques, plan typique pour tous les ensembles d'habitation de la culture de Djétoun.

L'analyse de l'industrie lithique et de la céramique permet d'affirmer que ce village appartenait à des agriculteurs et pasteurs vivant à l'étape initiale de la culture de Djétoun. Cette agglomération se distringue des autres monuments analogues du voisinage — Tchopan-dépé, Togolok-dépé, et autres,— par la présence d'un sanctuaire (fig. 8), par les peintures murales qui le décorent (fig. 9), par la perfection des outils (fig. 4 et 5) et la beauté de la céramique (fig. 2 et 3), tout ce qui autorise à la mettre au rang de capitale de cette oasis.

---

[50] *Mellart.* Çatal Hüyük..., c. 54, 55.
[51] Ibid., p. 101, fig. 56, 57.
[52] Ibid, p. 102.
[53] *Формозов А. А.* Очерки по первобытному искусству. М., 1969, с. 78.

Э. А. НОВГОРОДОВА

ДРЕВНЕЙШИЕ ИЗОБРАЖЕНИЯ КОЛЕСНИЦ В ГОРАХ МОНГОЛИИ

Со времени открытия первых колесниц среди петроглифов Монголии прошло немногим более десяти лет. Однако за этот период наши представления о них настолько расширились благодаря новым материалам из МНР и соседних территорий (Тувы, Алтая, Казахстана, Памира), что можно снова вернуться к этому вопросу, акцентируя внимание на их распространении и датировке. Параллельно следует охарактеризовать и те изображения, которые неизменно сопровождают монгольские колесницы, выделив тем самым большую группу синхронных памятников с определенными специфическими чертами.

В настоящее время известно 22 изображения колесниц в горах Монгольского Алтая, а также обнаружено восемь рисунков, выбитых в отрогах Хангайских гор на отвесных берегах р.Чулуут (Северная Монголия). Неоднократно зафиксированы также колеса, рассеченные на секторы, круги и фигуры, отдаленно напоминающие по структуре двухколесные повозки. Мы остановимся на наиболее интересных.

Первое изображение колесницы в Монголии было открыто в окрестностях Ховд-сомона на южных отрогах Монгольского Алтая в Увсанурском аймаке. На темной базальтовой плите выбита колесница с четырьмя колесами и четырехконной запряжкой. Справа от нее изображен пеший лучник, стреляющий в сторону колесницы, а внизу — безоружный человек, привязанный к левому заднему колесу [1].

Следующая находка петроглифов с изображениями колесниц была сделана монгольским археологом Ц. Доржсуреном в узком ущелье в горах Монгольского Алтая, на левом берегу р. Цаган-гол в Гоби-Алтайском аймаке. Она опубликована даже раньше ховдсомонской [2]. Автор издал весьма схематичные рисунки и отметил их относительную древность по сравнению с остальными. Предельный схематизм этих зарисовок и краткость информации позволяют вновь вернуться к публикации цагангольских колесниц, заново обследованных нами летом 1970 г.[3] Среди массы изображений в цагангольском ущелье преобладают тамги хунно-сарматского времени, сюжет с погребением в ладье [4] и многочисленные сце-

---

[1] *Окладников А. П.* Олень — золотые рога. Л., 1964, с. 208; *Волков В. В.* Бронзовый и ранний железный век Северной Монголии. Улан-Батор, 1967, с. 146, рис. 33; *Ларичев В. Е.* Азия далекая и таинственная. Новосибирск, 1968, с. 264; *Кожин П. М.* Гобийская квадрига.— СА, 1968, № 3; *Дорж Д.* Хадны нэгэн зургийн тухай дахин уулэх нь (Еще раз об одном наскальном рисунке).— Studia Historica, t. VIII, № 3, Улан-Батор, 1969.

[2] *Доржсурен Ц.* Говь-Алтай Цагаан-голын хадны зураг (О цаган-гольских наскальных рисунках Гоби-Алтая).— Studia Archeologia, II, Улан-Батор, 1963.

[3] Работы отряда В. В. Волкова Советско-монгольской историко-культурной экспедиции. См. *Дорж Д., Новгородова Э. А.* Петроглифы Монголии. Улан-Батор, 1975, с. 134.

[4] *Вайнберг Б. И., Новгородова Э. А.* Заметки о знаках и тамгах Монголии.— В сб.: История и культура народов Средней Азии. М., 1976; *Новгородова Е. А.* Проблеми на ранния етногенезис в Монголия (на болг. яз.) — Векове, № 2, София, 1977, рис. 3.

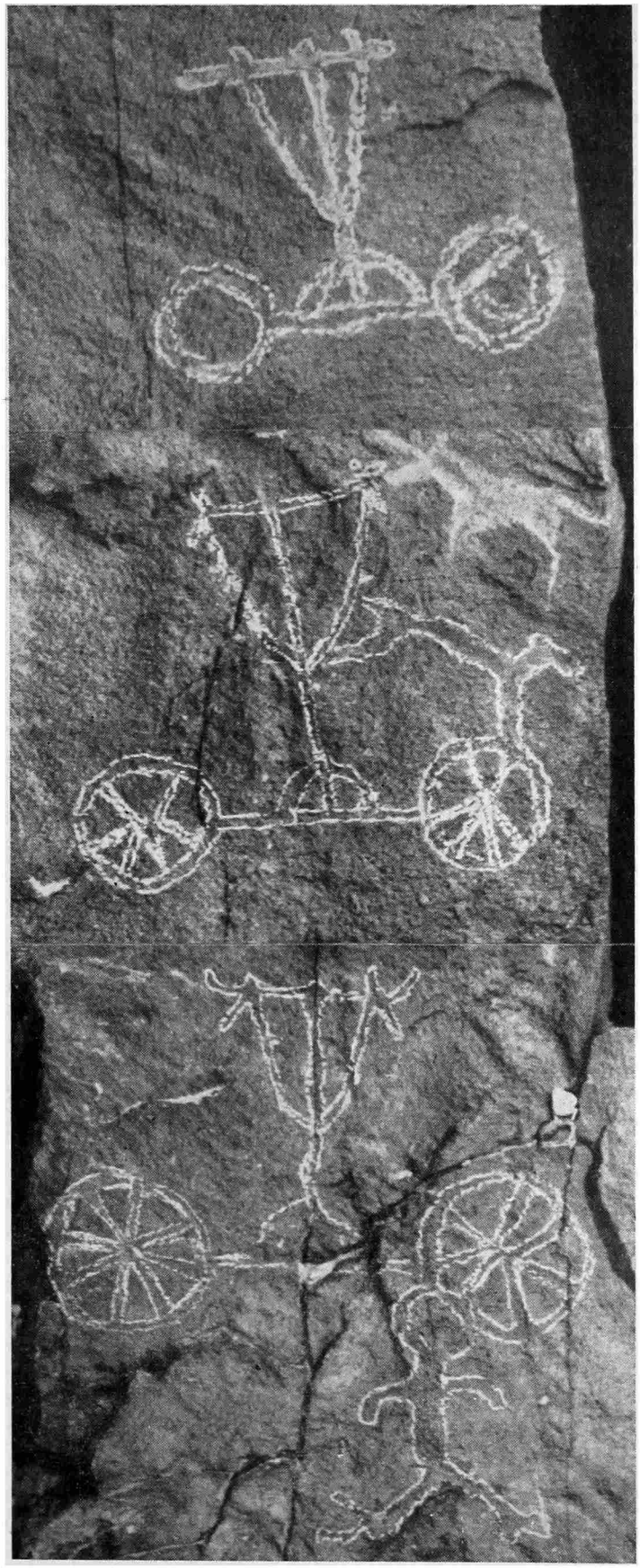


Рис. 1. Колесницы из ущелья Цаган-гол

ны с животными. Все колесницы (их в Цаган-голе три) высечены в наиболее труднодоступной части скалы, на одном блоке, на высоте более 3 *м* от подножья, на горизонтальной поверхности выступа. Колесницы показаны распряженными, без возниц и лошадей. Несмотря на предельный локанизм рисунка и его небольшие размеры (самая большая колесница 27×15 *см*, наименьшая — 10×7,5 *см*), четко показаны все главные конструктивные детали: дышло с поперечной перекладиной, с ярмами в виде рогаток. Полукруглые кузовы всех трех повозок вынесены перед осью и как бы опираются на нее. Колеса меньшей колесницы изображены без спиц, колеса средней имеют по шесть спиц, а третьей — восемь (левое колесо) и семь (правое, если смотреть с позиции зрителя). Упряжь всюду одинакова, только поперечная перекладина самой большой повозки имеет чуть загнутые в сторону, противоположную кузову, концы. Нет сомнений, что все три изображения относятся к одной эпохе (рис. 1).

Большое скопление петроглифов и среди них — колесниц обнаружено В. В. Волковым и Д. Навааном также в горах Монгольского Алтая в ущелье Яманы-ус [5]. Там на горе Ханын-хад среди петроглифов разных эпох (бронзового века, скифской эпохи, хуннуского времени, тюркской эпохи и средневековых) выбито три колесницы. Четвертая изображена на противоположной стороне ущелья. На той же горе Ханын-хад выбиты профильные силуэты экипажей хуннуского времени. Самые темные по цвету загара рисунки, едва заметные на поверхности скалы (а потому априори можно сказать: они и наиболее древние из петроглифов на этой горе), расположены в самой высокой и наименее доступной части скалы, на высоте 8—9 *м*. В левой части верхнего яруса рисунков изображена трехконная колесница, ниже которой показан лучник в профиль, с согнутыми ногами, возможно, в головном уборе (рис. 2, *а*). Правее, чуть выше той же колесницы выбита сцена сражения двух пеших воинов. Обе фигуры переданы в профиль: передний воин, видимо, только что спустил стрелу, задний же нанес ему удар по голове боевым чеканом. Судя по чекану, рисунок может быть датирован карасукским временем. Все три воина изображены с согнутыми в коленях ногами, у двух последних подчеркнуты признаки пола (рис. 2, *б*).

Вторая повозка, изображенная правее описанной выше и пеших воинов, показана распряженной (рис. 3). Правее и несколько ниже ее выбиты рисунки, отличающиеся более светлым цветом загара: экипаж с балдахином и впряженной в него лошадкой, бегущей галопом и показанной в характерной для хуннуского времени манере. Рядом — тамга, отнесенная нами к хунно-сарматскому времени [6], а также фигура дикого барана, аналогичного по изобразительной манере таштыкским рисункам [7] и росписям на древнекогурессках гробницах [8]. Все эти аналоги позволяют датировать эту компактную группу рисунков с более светлым загаром в пределах хуннуской эпохи. Далее, правее изображений хуннуского времени, на том же верхнем ярусе горы Ханын-хад выбита еще одна колесница, показанная в отличие от предыдущих, направленных дышлом вверх, «скачущей» слева направо. Правее колесницы в том же направлении «бегут» кони, изображенные так же схематично, как и те, что впряжены в повозку. Единство изобразительных приемов и одинаковое направление бегущих коней и колесницы позволяет думать, что они составляют одно композиционное целое, так что при осмотре рисунков создается впечатление, что возница, стоя в кузове, гонит или сопровождает

---

[5] *Волков В. В.* Древние колесницы Монгольского Алтая.— В сб.: Монголын эртний туух-соёлын зарим асуудал. Улаанбаатар, 1972.

[6] *Вайнберг В. И., Новгородова Э. А.* Ук. соч., с. 66—75, рис. 7, 8.

[7] *Грязнов М. П.* Миниатюры таштыкской культуры.— АСб. ГЭ, № 13, 1971.

[8] *Джарылгасинова Р. Ш.* Древние когурёсцы. М., 1972, с. 72, 117.

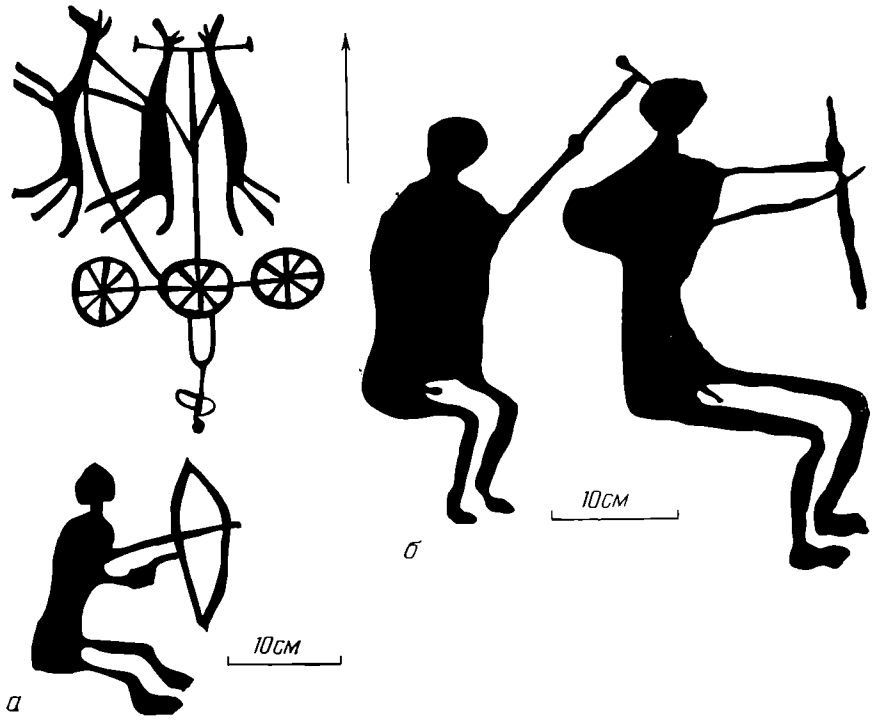


Рис. 2. Ущелье Яманы-ус (гора Ханын-хад)

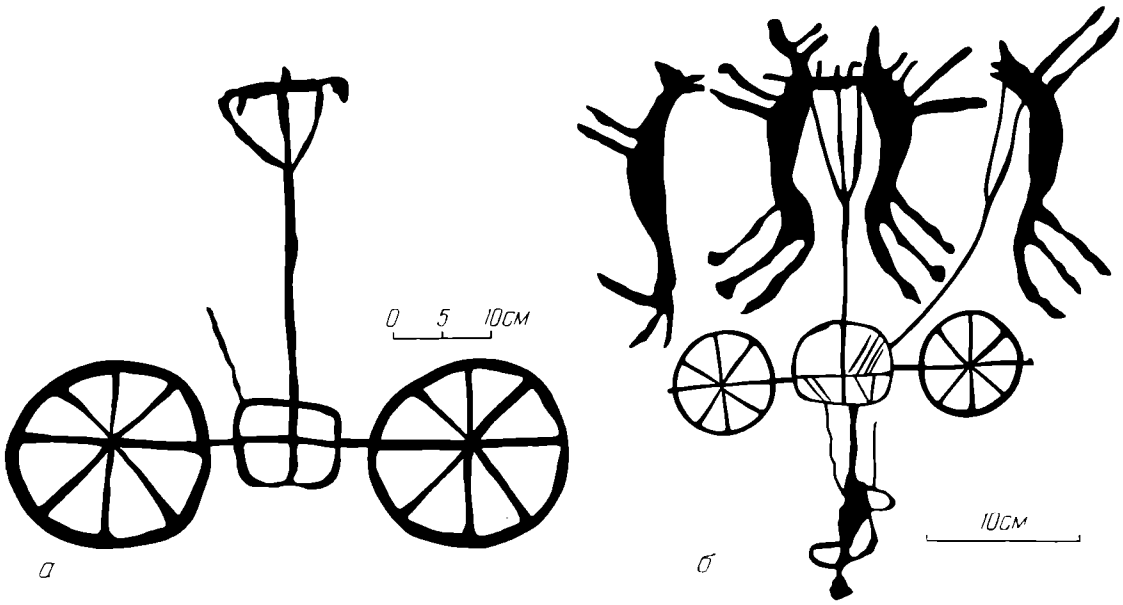


Рис. 3. Яманы-ус (гора Ханын-хад). Распряженная колесница и квадрига

табун лошадей [9]. Колесница изображена как бы сверху, видны кузов и проходящее под ним перпендикулярно оси дышло (рис. 3, а). С каждой стороны дышла спинами к нему показаны четыре лошади. Ярма видны только на коренных. Ярма крепились на перекладине, которою заканчивается дышло. От того места, где показаны конец перекладины и ярма, т. е. на шеях коренных лошадей, художник провел две короткие линии. Они соединяют концы перекладин с дышлом. Подобные растяжки изо-

[9] *Волков В. В.* Древние колесницы Монгольского Алтая.— В сб.: Монголын эртний — туух-соёлын зарим асуудал. Улаанбаатар, 1972, с. 78.

бражены и на распряженной колеснице Ханын-хада (и на всех колесницах Цаган-гола), и на ховдсомонской повозке (сводная таблица колесниц, раздел «Монголия»).

Пристяжные лошади показаны без ярма, но зато одна из них имеет постромки, идущие от шеи к кузову. Кузов передан в виде овала со смещенным вперед центром. Дышло и ось делят дно кузова (на рисунке) на четыре неравных сектора, а штрихи внутри, очевидно, изображают дно или подстилку. Кузов распряженной колесницы из Яманы-уса (рис. 3) имеет подквадратную форму и какой-то шест на передке, восемь спиц в колесах. Четырехконная повозка имеет также колеса с восемью спицами и тележную ось, концы которой выходят за контуры колес. Возница показан в фас, еще более схематично, чем кони: его ноги упираются в кузов, руки согнуты в локтях, какой-то длинный предмет свисает от пояса, возможно, оружие.

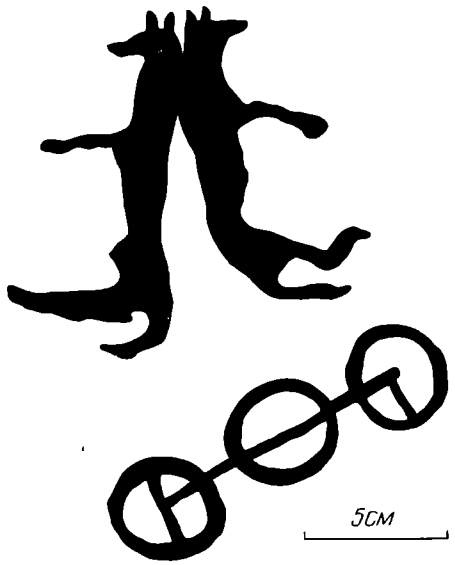


Рис. 4. Четвертая колесница из ущелья Яманы-ус

Колесница с тройкой лошадей очень похожа на квадригу: две коренные показаны по обе стороны от дышла спинами к нему, пристяжная соединена с кузовом такой же линией постромков. Колеса, как и у предыдущих колесниц, имеют по восемь спиц. Овальный, почти круглый кузов разделен на восемь секторов, абсолютно аналогичен колесам. Колесничий передан весьма условно, с широко расставленными ногами, упирающимися в кузов, и руками — в бока. Создается впечатление, что древние художники придавали гораздо большее значение изображению деталей колесницы, нежели людей и животных.

Самое лаконичное изображение в Яманы-усе выбито на скале, расположенной напротив горы Ханын-хад. Там показаны лишь две лошади спинами друг к другу и два колеса с кузовом посредине (рис. 4).

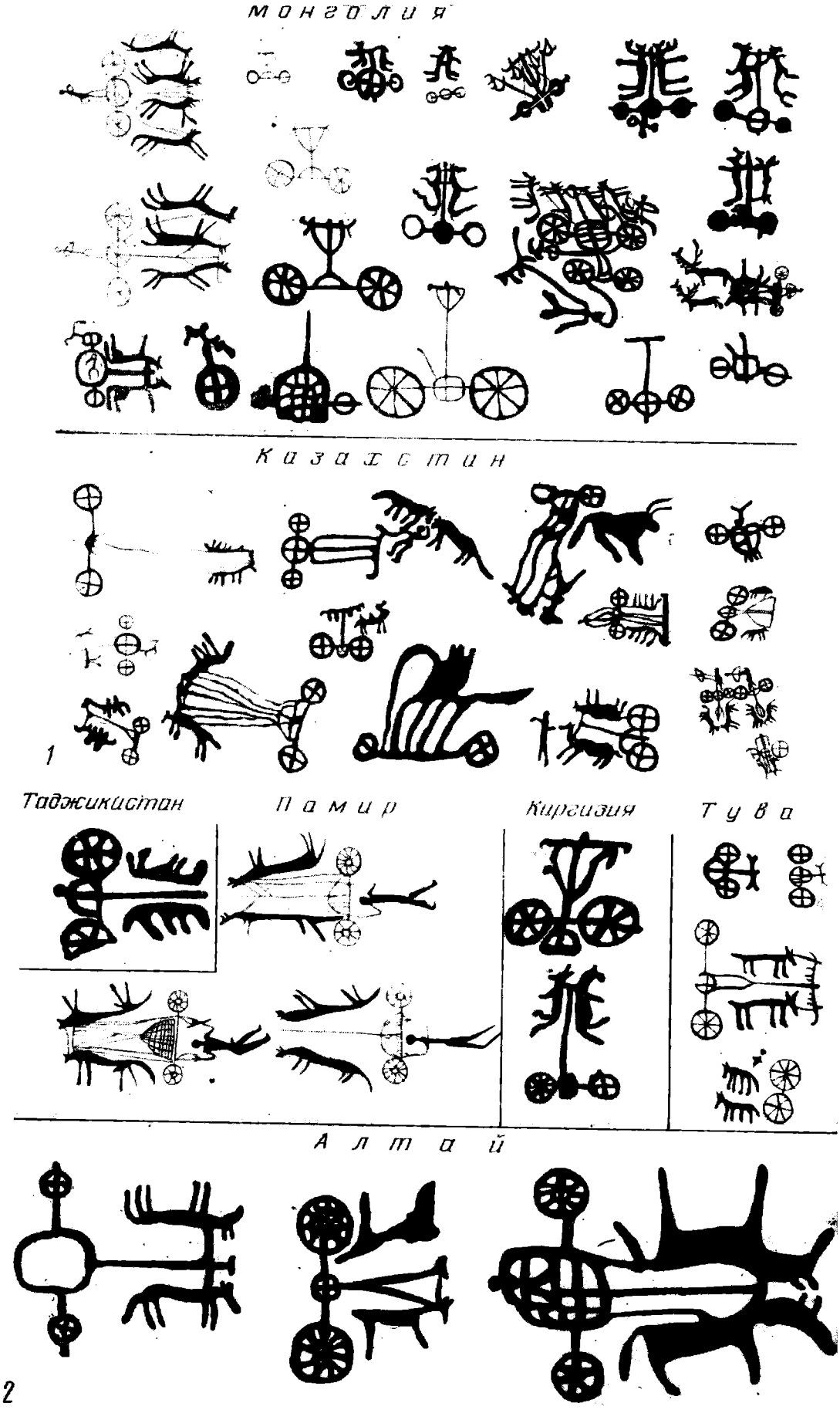
Почти столь же условно передано изображение повозки из Бэгэр-сомона Гоби-Алтайского аймака: две лошади, дышло, перекладина, огромный кузов, крестообразно разделенный линиями оси и дышла, маленькие колеса без спиц (рис. 5, *б*) [10].

Несколько изображений колесниц известно также с территории Баянхонгорского аймака, где они высечены также на склонах гор Монгольского Алтая. Рисунки, открытые и опубликованные участниками немецко-монгольской геологической экспедиции, представляют двух- и четырехколесные повозки, все с дышловой упряжью и круглым кузовом [11].

На юге того же аймака открыто огромное местонахождение петроглифов в ущелье Бичигтын-ам. В самой глубине ущелья на невысокой горе выбит небольшой сюжет: пароконная повозка с двумя колесами, над которой изображены два оленя, а под ней — олень и пешие лучники (рис. 5, *а*; 6). Схема колесницы уже знакома нам по предыдущим описаниям: два коня расположены спинами к дышлу, колеса разделены пополам, возможно, линией тележной оси. Новым является то, что прямоугольный кузов не пересекает ни линия дышла, ни ось, а внутри него показан возница. Левое колесо увенчано каким-то предметом, S-образно изогну-

[10] *Дорж Д., Новгородова Э. А.* Ук. соч., с. 22, 142.

[11] *Lauer D.* Archäologische Beobachtungen aus Bajan. Chongor Aimak der Mongolischen Volksrepublik. Felszeichnungen und Inschriften.— EAZ. № 1, 1972.



Сводная таблица колесниц Центральной и Средней Азии и соседних территорий

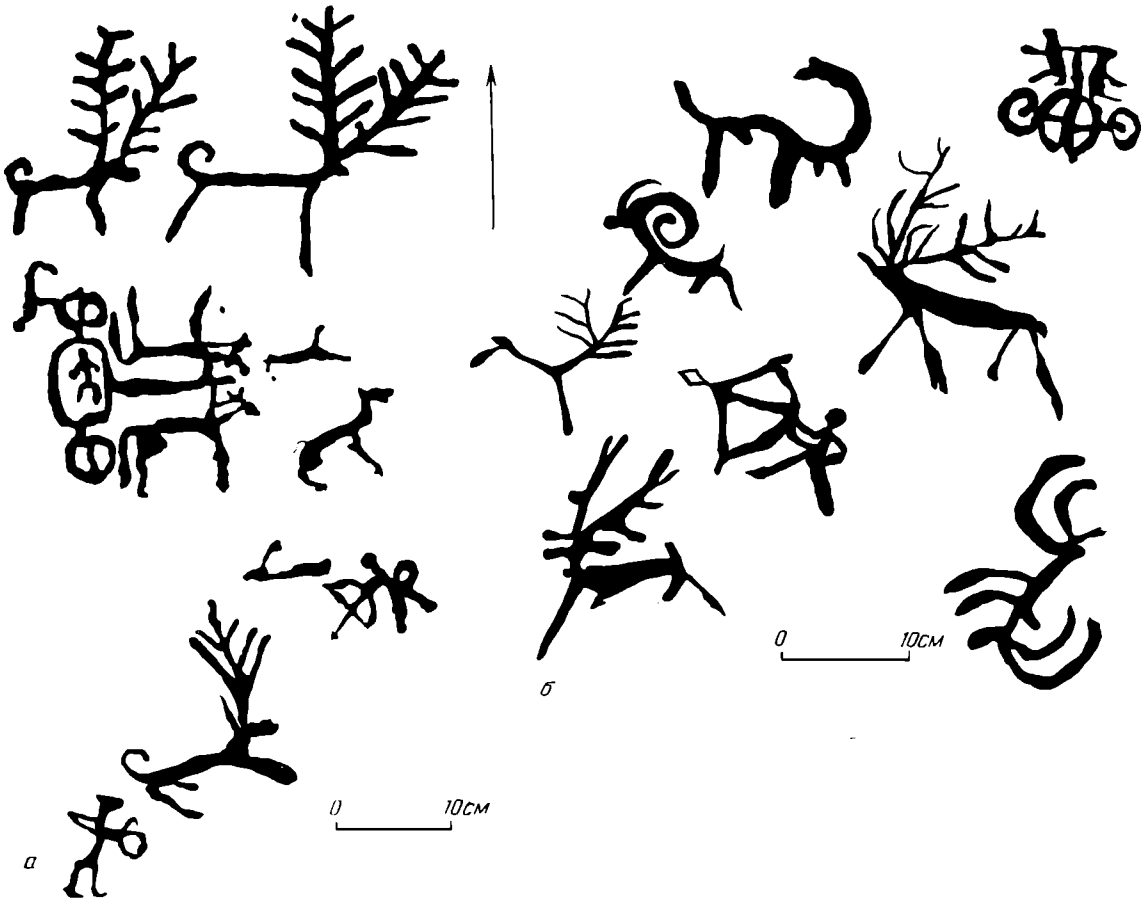


Рис. 5. *а* — первая колесница из ущелья Бичигтын-ам; *б* — колесница из Бэгэр-сомона

гым. Большой интерес представляют фигуры оленей с елкообразными вертикальными стволами рогов. Они резко отличаются по изобразительной манере от оленей на оленных камнях и петроглифах скифского времени, где художественный образ оленя, лося, кабана и коня достаточно канонизирован, где олень отличается удлиненной клювообразной мордой, рогами, волнами распростертыми над спиной, ноги, как правило, подогнуты под животом. Очевидно, что и колесница и олени с двумя вертикальными стволами рогов (а они и по цвету патины камня, и по стилю представляют единый комплекс) являют собой образцы иной, не скифской эпохи [12]. Совершенно в особой манере изображен и человек (рис. 7).

Перечислив наиболее простые изображения повозок из Монголии, мы можем вернуться к ховдсомонской, известной в археологической литературе под названием «гобийской квадриги». Открыта она на самых восточных отрогах Монгольского Алтая, где параллельно последнему крупному алтайскому хребту Арц-Богд-ула тянется невысокая гора Тэвш, по склонам которой разбросаны гигантские глыбы базальта, почти сплошь покрытые древними рисунками [13]. Самым интересным среди них можно, без сомнения, считать сцену боевого сражения на колеснице, или, как

[12] Что касается сюжета, вполне вероятно, что эта колесница, окруженная оленями и лучниками, изображает сцену охоты, аналогично применению колесниц на охоте в Иньском Китае. См.: *Лескова С. Г.* Стрельба из лука и управление колесницей в обрядовой песне древнего Китая.— В сб.: Теоретические проблемы изучения литератур Дальнего Востока. М., 1974.

[13] Впервые петроглифы на Тэвш уле были зафиксированы и частично опубликованы американской экспедицией Р. Эндрьюса: *Andrews P. C.* The New Conquest of Central Asia, New York, 1932. Детальное исследование петроглифов этого района предпринял В. В. Волков.

Рис. 6. Первая колесница из ущелья Бичигтын-ам (фото)

ее называли, четырехколесной квадриге (см. сводную таблицу). А. П. Окладников описал четырехколесную солнечную колесницу с кузовом в виде солнца. Он датировал рисунок VII—V вв. до н. э., ибо ошибочно принял изображение возницы за штандарт, аналогичный тем, что известны на скифских повозках [14]. Между тем фигура эта чрезвычайно сходна с изображениями колесничих на всех описанных выше колесницах (например, из Яманы-уса). В настоящее время, после открытия целого ряда рисунков колесниц с точно такими же возницами, не остается сомнений, что фертообразные фигуры с руками, упертыми в бока, изображали колесничих, а не штандарт. Следовательно, этот довод как датирующий должен быть снят. По мнению большинства исследователей, гобийская колесница относится к карасукскому времени — XIV—XIII вв. до н. э.[15] Самую позднюю дату предложили монгольские ученые Д. Дорж и Н. Сэр-Оджав, которые считают, что колесницы появились в Монголии в конце I тысячелетия до н. э.[16]

Новые копии и фотографии ховдсомонской колесницы позволяют проследить существенные детали. Прежде всего это колесница с дышлом и

[14] *Окладников А. П.* Олень — золотые рога, с. 210, 211.

[15] *Волков В. В.* Древние колесницы..., с. 78; *Кожин П. М.* Ук. соч., с. 38; *Дорж Д., Новгородова Э. А.* Ук. соч., с. 39.

[16] *Дорж Д.* Периодизация наскальных изображений Монголии.— II Международный конгресс монголоведов. Улан-Батор, 1973, с. 175; *Ser-Odjav N.* Mongo'ia and the Civilisation of Central Asia.— Mongolia, № 4, Ulan-Bator, 1973.

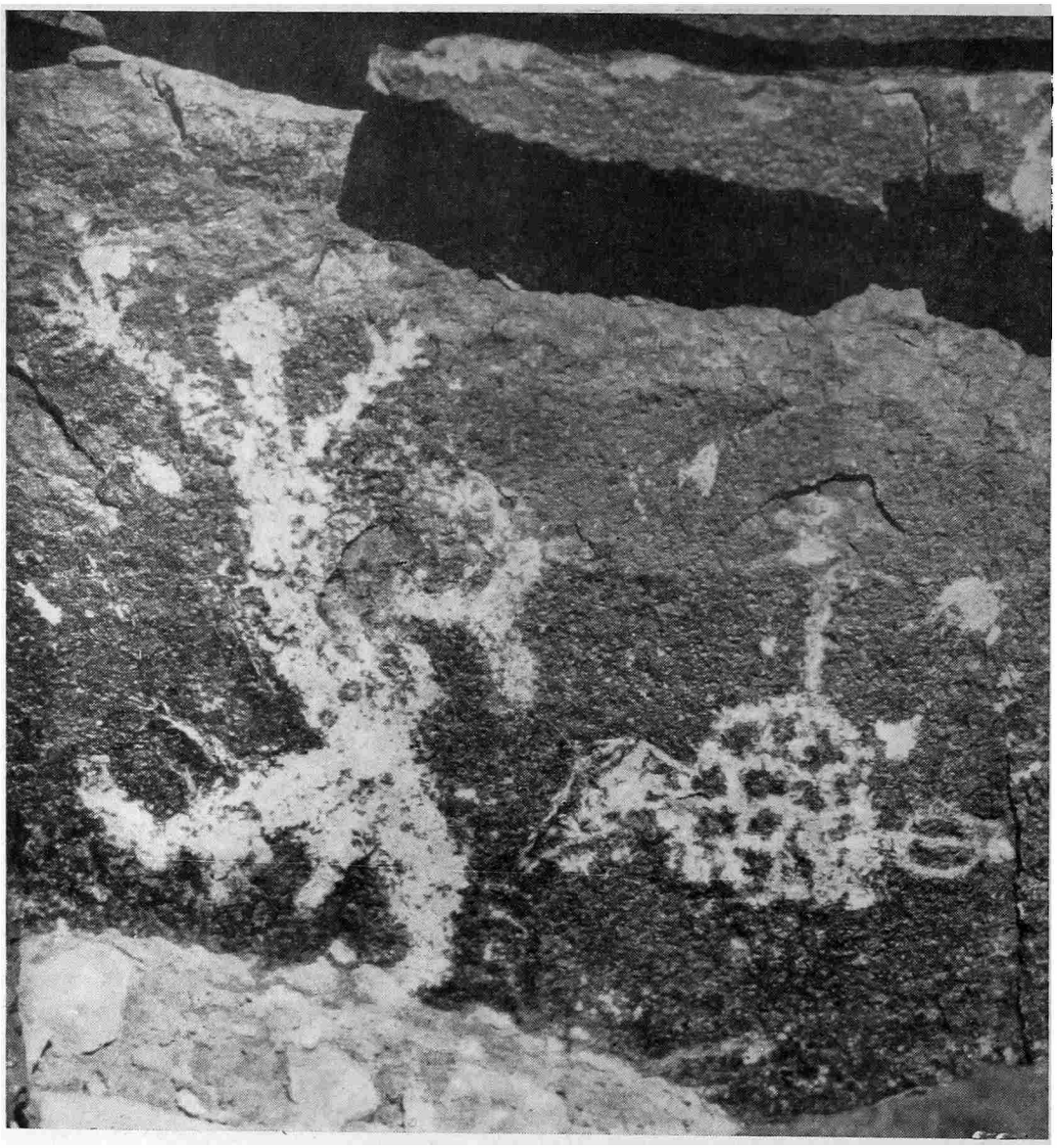


Рис. 7. Вторая колесница из ущелья Бичигтын-ам

поперечной перекладиной, запряженная четверкой лошадей. Два коренника впряжены в ярма, укрепленные на перекладине. Пристяжные тоже показаны с ярмами и с постромками, проходящими от ярма до кузова.

Кони расположены попарно по обе стороны от дышла, спинами к нему. Изображение коней аналогично на всех монгольских повозках, и, пожалуй, в этом же их основное отличие от петроглифов Швеции [17], Кавказа [18] и Тувы [19], где кони тоже расположены ногами в одну сторону, так что зритель воспринимает их стоящими на земле. А потому лошади, изображенные на надгробной плите в Кивике, воспринимаются в перспективе [20].

---

[17] *Kühn H.* Die vorgeschichtliche Kunst Deutschlands. Berlin, 1935, S. 278.

[18] *Марковин В. И.* Наскальные изображения на скалах в районе Буйнакска.— В сб.: Материалы по археологии Дагестана, вып. II. Махачкала, 1961.

[19] *Формозов А. А.* Очерки по первобытному искусству. М., 1969, рис. 37, 2; *Дэвлет М. А* Петроглифы Улуг-хема. М., 1976, табл. 29, 39.

[20] *Kühn H.* Op. cit., S. 278.

Кони гобийской колесницы, распластанные с двух сторон дышла, показаны стоящими на четырех ногах, с длинными хвостами, завязанными на концах, а также с отчетливо выраженными признаками пола. Сама повозка аналогична колесницам из Яманы-уса, овальной формы кузов (а не круглый, как он представлен по первым публикациям) разделен четырьмя параллельными линиями, проведенными перпендикулярно линии дышла, что, очевидно, изображает дно кузова. Некоторые подробности о строении и устройстве дна колесниц сообщает китайский археолог Ся Най, раскопавший недалеко от Аньяна большую серию погребений с колесницами эпохи Чжаньго [21]. В середине под кузовом через все дно проходило дышло. Дно двух колесниц состояло из четырех поперечин, положенных перпендикулярно дышлу, выше его и выше тележной оси. Сверху пол покрывался циновками или шкурами [22].

Передние колеса ховдсомонской колесницы, расположенные по обе стороны от кузова, имеют бóльшие размеры, чем задние, и по восемь спиц. Задние колеса имеют, скорее всего, по шесть спиц, если принять одну линию в правом колесе за продолжение оси. Под левым передним колесом, как говорилось выше, выбита фигура возницы с руками, упертыми в бока. Справа от конской упряжки изображен пеший лучник с широко расставленными ногами, согнутой левой рукой и луком в правой. Под колесницей показана фигура безоружного человека. Длинная широкая линия соединяет эту фигуру с левым задним колесом. Рука его составляет единую линию с ногой лошади. Создается впечатление, что изображены покоренный враг и его конь, привязанные к колеснице. В этом смысле вполне вероятно, что здесь изображены не одна, а две колесницы [23], и тогда понятно, почему передние колеса больше задних, а линии тележных осей не параллельны. О возможном существовании двух колесниц на рисунке говорят и такие второстепенные детали, как различное число спиц. Конечно, количество спиц на петроглифах не может быть строгим аргументом (скажем, вряд ли можно показать на небольшом рисунке колесо с 32 и 26 спицами), но в данном случае речь идет все-таки о восьми или шести.

Если принять версию о том, что в Ховд-сомоне изображены две сражающиеся колесницы, то можно допустить, что к передней двухколесной квадриге, к ее кузову, привязана вторая повозка, а возница и конь привязаны к задней колеснице. И в этом случае обращает на себя внимание своеобразная форма кузова меньшей колесницы. Он отличается от всех описанных выше монгольских и может быть сравним с передком закавказских повозок из Армении [24].

Вторая колесница, выбитая в горах Тэвш-ул в Ховд-сомоне, названная нами второй ховдсомонской, открыта В. В. Волковым в 500 *м* от описанной выше. Колесница показана распряженной, всего лишь с одним конем, стоящим под ярмом. Овально-прямоугольный кузов, сплошные колеса (не исключено, что они показаны схематично, а в действительности имели спицы), изогнутая линия перекладины, четыре больших ярма — все это выделяет вторую ховдсомонскую колесницу (рис. 8). Прекрасно проработанные на рисунке детали упряжи позволяют увидеть два шеста, прикрепленных к кузову наряду с центральным дышлом. Третья колес-

---

[21] *Ся Най.* Раскопки колесниц эпохи Чжаньго.— Сборник докладов по китайской полевой археологии. Отчет о раскопках в уезде Бинсянь. Пекин, 1956, с. 50 (на кит. яз.).

[22] *Ся Най.* Ук. соч., с. 50, 51.

[23] П. М. Кожин в примечании к своей статье высказал в порядке возможного предположения идею о двух столкнувшихся колесницах, однако уже само название его статьи отстаивает первоначальное мнение об одной гобийской квадриге. См. *Кожин П. М.* Гобийская квадрига, с. 35.

[24] *Есаян С. А.* Оружие и военное дело древней Армении (III—I тыс. до н. э.). Ереван, 1966.

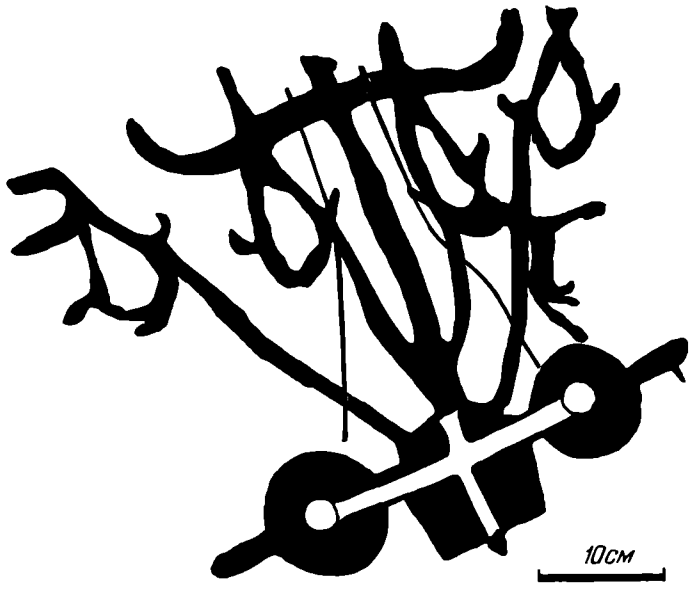


Рис. 8. Гора Тэвш-ул. Вторая ховдсомонская колесница

ница с горы Тэвш-ул представляет собой пароконную, с овальным кузовом.

И наконец, самые последние открытия изображений колесниц были сделаны В. В. Волковым и автором летом 1977 г. в северной Монголии, на берегу р. Чулуут. Там среди массы петроглифов бронзового века обнаружены изображения колесниц. Бесспорный интерес представляет тот факт, что колесницы являются частью сложных, очевидно ритуальных, сюжетов. Самое интересное изображение сделано на большом, отдельно лежащем валуне. В центре рисунка выбиты огромные животные, фигуры которых покрыты декоративными узорами. Вокруг них выбиты сцены сражения пеших воинов, совокупления, боевые колесницы. Люди показаны в различных головных уборах, чаще всего в высоких «шляпах», иногда с перьями. За поясом у воинов — боевые топоры. Почти все стреляют из луков. В композиции с колесницами ни разу не встречено изображения всадника, что тоже свидетельствует о дате рисунков. Благодаря петроглифам Чулуутын-гола мы можем выделить большую серию рисунков, синхронных колесницам. Среди них снова повторяются олени с двумя вертикальными елкообразными стволами рогов, люди с луками. Новыми являются фигуры воинов с боевыми топорами за поясами, в высоких головных уборах. Быки с ярмами также могут быть отнесены к той же эпохе. Две колесницы Чулуутын-гола имеют пароконную запряжку, по два колеса (без спиц). У одной колесницы показана на кузове странная фигура и ось, далеко выступающая за линию колес. Третья колесница из того же местонахождения изображена без коней, с двумя четырехспицыми колесами и кузовом, разделенным на четыре части линиями дышла и тележной оси.

Наибольший интерес представляет изображение колесницы с впряженными в нее оленями (сводная таблица). Кузов вынесен перед осью и на нее опирается, колеса с семью спицами (второе колесо испорчено трещиной камня), возница в невысоком островерхом головном уборе. Рисунок переделан в древности, вскоре после первого исполнения: первоначально были изображены два (или три) впряженных коня. От них сохранились едва различимые хвосты и ноги, остальная часть фигур коней была забита. Олени, выбитые вместо коней, отличаются от животных на оленных камнях и относятся к доскифскому времени. Вынесенный перед

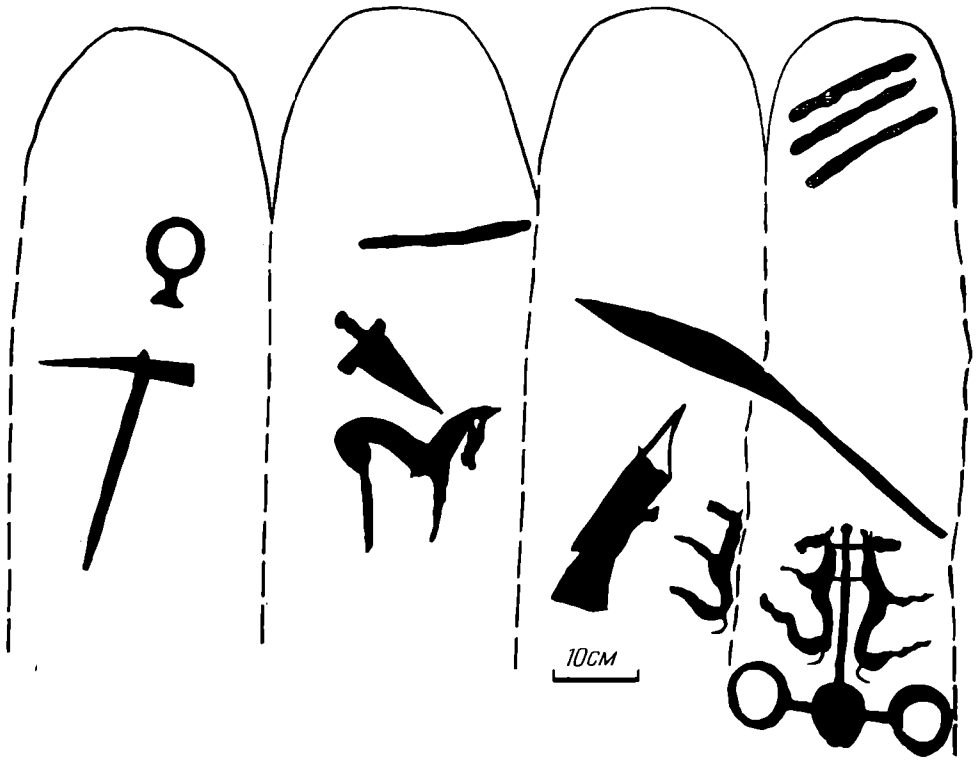


Рис. 9. Изображения, выбитые на олепном камне из Дарви-сомона

осью кузов указывает на значительное отличие монгольских колесниц от древнекитайских, на их большее сходство с ближневосточными [25].

В основном же все колесницы Монголии имеют одинаковое конструктивное устройство и мало отличаются от известных древних колесниц Евразии. Такой же дышловой упряжью обладали колесницы Месопотамии [26], Египта [27], Греции [28], Микен [29], Закавказья [30] и Северной Европы. Такой же конструкции колесницы обнаружены в Пазырыкском кургане Алтая [31], в иньских и чжоуских погребениях Китая [32].

Однако ближайшими параллелями монгольским изображениям являются колесницы на петроглифах Алтая, Тувы, Казахстана и Памира. Алтайские колесницы изображены в той же манере, что и монгольские: колеса также показаны со спицами, по обе стороны от кузова, кузов расположен посредине тележной оси, две лошади впряжены в ярма, которые закреплены на перекладине, перпендикулярной дышлу. В двух случаях возница отсутствует, в третьем находится внутри кузова, и голова его едва выступает на задке кузова.

Тувинских изображений нам известно пять. Среди них особняком стоит четырехколесная повозка, опубликованная В. В. Радловым [33]. Повто-

[25] У иньских и чжоуских колесниц ось проходит под серединой кузова. *Кожин П. М.* Об иньских колесницах.— В сб.: Ранняя этническая история народов Восточной Азии. М., 1977, с. 280—281.

[26] *Salonen A.* Die Landfahrzendge des Alten Mesopotamien, Helsenki, 1951.

[27] *Yadin Y.* The Art of Warfare in Biblical Lands, v. 1. Jerusalem, 1963.

[28] *Schachermeyer F.* Streitwagen und Streitwagenbild im Alten Orient und bei den Mikenischen Griechen.— Anthropos. Switzerland, XLVI, № 5—6, 1951.

[29] Ibid.

[30] *Пиотровский Б. Б.* Ванское царство (Урарту). М., 1959; *Джафарзаде И. М.* Наскальные изображения Кобыстана.— ТИИ АН АзССР, т. XIII, Баку, 1958.

[31] *Руденко С. И.* Культура населения Центрального Алтая в скифское время. М.— Л., 1960.

[32] Археология в новом Китае. Пекин, 1962 (на кит. яз.).

[33] *Radlov V. V.* Atlas der Alterthümer der Mongolei. СПб., 1896, вып. 3, т. XCVI, № 2.

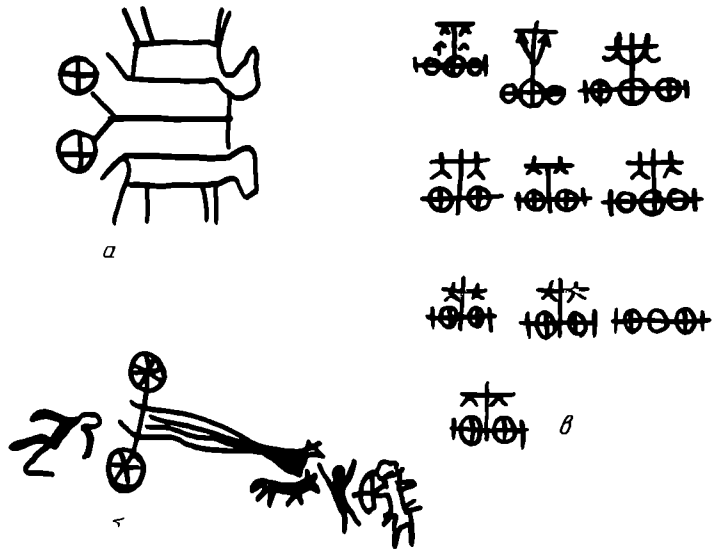


Рис. 10. Изображение колесниц в Аравии (*а*), Индии (*б*) и древнекитайские иероглифы (*в*)

ряются те же детали, причем четко прослеживаются две линии дышла у основания кузова, что уже было отмечено на задней колеснице ховдсомонского первого изображения, что хорошо видно на колеснице, выбитой на правом берегу р. Чинге, открытой М. А. Дэвлет в 1974 г.[34] Тувинские рисунки отличаются также расположением лошадей по разные стороны от дышла, но ногами в одну сторону. Самое важное, пожалуй, в тувинских колесницах — их изображение рядом с петроглифами, четко датируемыми окуневским временем (и не просто рядом, а в бесспорном контакте).

Казахстанские изображения четырехколесных и двухколесных повозок показаны в той же проекции, что и все предыдущие, с четырехспицыми колесами. Тягловая сила применялась разная — кони, быки, верблюды. В схематических изображениях из Каратау возница ни разу не показан ни управляющим, ни стоящим в кузове, зато можно видеть прекрасные сцены с запряжкой коней и верблюдов [35].

Колесницы, открытые на Памире, подобны всем центральноазиатским по манере изображения. Они процарапаны тонкими линиями. Кузовы имеют в плане полукруглую форму и вынесены перед тележной осью, подобно цагангольским и чулуутской из Монголии. Возницы изображены с вожжами в руках, головы обращены к кузову, в отличие от всех описанных выше, где колесничий показан стоящим на кузове [36].

На юге Азии длинная цепь аналогов среди петроглифов завершается боевыми колесницами из Центральной Индии с двуконной запряжкой, дышлом и пешими лучниками [37] (рис. 10, *б*), а на западе среди аравийских рисунков известны повозки такой же конструкции (рис. 10, *а*) [38]. Очевидно среди изображений и находок бронзового века от Закавказья и Месопотамии до Китая и Индии монгольские петроглифы являют собой недостающее звено, свидетельствующее о связях западномонгольских племен с населением Ближнего Востока, Казахстана и Тувы в эпоху, предшествующую скифской.

---

[34] *Дэвлет М. А.* Ук. соч., с. 28, рис. 39. *4*.

[35] *Кадырбаев М. К., Марьяшев А. Н.* Каратауские колесницы.— В сб.: Археологические исследования в Казахстане. Алма-Ата, 1973.

[36] *Жуков В., Ранов В.* Древние колесницы на Памире.— «Памир», 1974, № 11.

[37] *Lal B. B.* Expeditions and excavations since Independence.— In: Central Forum, v. 4, № 2, 1961, fig. 5, 6.

[38] *Jamme A.* Miscellantes d'ancient Arabe. Waschington, 1974, p. 34.

По вопросу о времени распространения колесниц в горах Монгольского Алтая и Хангая, вернее о дате тех изображений, среди которых зафиксированы колесницы, как уже говорилось, высказаны разные мнения. Кажется весьма существенным тот факт, что на каменном изваянии окуневского времени из местечка Красный Камень выбита дышловая запряжка с двумя быками [39].

Н. В. Леонтьев убедительно показал одновременность этого изображения с гравировками быков на других окуневских стелах, а отсюда и последовал вывод, что древнейшей датой появления колесного транспорта в Южной Сибири и дышловой запряжки быков была эпоха окуневских погребений и стел [40]. Находки М. А. Дэвлет изображений колесниц среди личин «окуневского» типа еще раз убедили в этом.

Что касается монгольских изображений, то там кроме чисто иконографических признаков существует еще одна находка. Я имею в виду открытый в Кобдоском аймаке в Дарви-сомоне оленный камень, на одной из сторон которого выбита колесница [41]. Памятник этот является частью большого погребального комплекса — каменного кургана, в наружной кольцевой ограде которого стоят две стелы, очевидно одновременные. На стоящем в восточной части ограды камне высечено копье, кинжал с перекрестием тагарского типа, лук и налучье и фигурки лошадок (рис. 9). На том же оленном камне выбит рисунок, датируемый тем же временем,— пароконная двухколесная колесница с дышловой упряжью. Возница не изображен. Круглый кузов расположен симметрично относительно тележной оси, колеса показаны сплошным диском, без спиц. Кони изображены не в той менере, как это мы видели на монгольских петроглифах: они сходны с конями на всех известных нам оленных камнях. В отличие от изображения коней в колесницах по всей Центральной Азии эти имеют изогнутые шеи, наклоненные под углом к туловищу головы. Тонкие мускулистые ноги проработаны так же тщательно, как и морды. Короче говоря, колесница из Дарви-сомона не отличается от монгольских петроглифов ничем, кроме стиля изображений коней. О дате этого изображения можно говорить на основании датировки кинжала серединой I тысячелетия до н. э. Правда, нужно заметить, что среди нескольких сотен известных нам оленных камней изображение колесницы встречено только один раз. Возможно, это изображение являет собой самую верхнюю дату их существования. Появление же колесниц в Монголии, равно как и в Туве и Южной Сибири, очевидно, связано с карасукской и окуневской эпохами. Об окуневских аналогах мы упоминали; что касается карасукских погребений, то известны находки бронзовых деталей колесниц в карасукских погребениях, о чем писали С. В. Киселев [42] и П. М. Кожин [43]. Дату развитого бронзового века дают и китайские аналоги, и сходство изображений колесниц среди петроглифов Монголии и в ранних китайских иероглифических надписях (иньских и чжоуских) (рис. 10). Наконец, напомним и такой факт, что на горе Ханын-хад изображения колесниц покрыты более темным цветом патины, чем рисунки скифского времени. Характерно также, что весь пантеон животных, изображение людей и их оружия значительно отличаются по стилю от четко канонизированных оленей, коней, регулярно изображенных на оленных камнях и в мелкой пластике из погребений скифского времени из Мон-

---

[39] *Appelgren-Kivalo H.* Alt-Altaische Kunstdenkmäler. Helsingfors, 1931, fig. 131.

[40] *Леонтьев Н. В.* Изображения животных и птиц на плитах могильника на Черновой VIII.— В сб.: Сибирь и ее соседи в древности. Новосибирск, 1970.

[41] *Волков В. В.* Древние колесницы..., с. 85, 86; *Rinchen B.* Pictographiques et les inscriptions sur les rochers et sur es stèles en Mongolie, Улаанбаатор, 1968, p. 29.

[42] *Киселев С. В.* Изучение минусинских каменных изваяний. Историко-археологический сборник. М., 1962.

[43] *Кожин П. М.* К вопросу о происхождении иньских колесниц.— Сб. МАЭ, т. XXV, Л., 1969.

голии. Важно и то, что рядом с колесницами ни разу не встречены изображения всадников, которые и не могли быть в карасукское время, ибо появились уже в скифскую эпоху.

Как видим, новые находки изображений колесниц в Монголии не только расширяют их ареал за пределы Монгольского Алтая, но и подтверждают карасукский возраст, позволяя датировать второй половиной II — началом I тысячелетия до н. э. Монгольские колесницы, обнаруженные на р. Чулуут, в свою очередь датируют большую серию уникальных петроглифов, среди которых особенно интересны изображения жертвенных быков, рожениц, культовых животных, а также воинов с оружием и, возможно, в доспехах, что уже является самостоятельной темой.

E. A. Novgorodova

LES PLUS ANCIENS DESSINS DE CHARS DES MONTAGNES DE MONGOLIE

Résumé

L'auteur étudie dans son article des dessins rupestres de chars, trouvés dans la partie mongole de l'Altaï, aussi bien ceux qui ont déjà été publiés (dessins de la gorge de Yamana ouss et quadrige de Gobi), que ceux récemment découverts à Tzagangole, Béqher-somone et Bitchigtyn-ame, ainsi qu'un nouveau char à Hovd somone. Les conclusions de l'auteur confirment l'opinion soutenue auparavant selon laquelle les plus anciens dessins de chars remonteraient à l'époque de Karasouk (et à Touva, même à celle d'Okounevo). La comparaison faite par l'auteur des dessins de Mongolie avec ceux de Touva, du Kazakhstan, du Pamir et de l'Altaï montre la grande ressemblance existant entre tous les chars du centre de l'Asie.

Ю. С. БАДАЛЬЯНЦ

РОДОССКИЕ АМФОРНЫЕ КЛЕЙМА (раскопки 1970—1974 гг.)

Государственным Эрмитажем систематически проводятся (начиная с 1939 г.) археологические раскопки древнего Нимфея. Раскопками обнаружено большое число предметов материальной культуры, среди которых имеются и керамические клейма различных производственных центров, в том числе и Родоса. Родосские клейма из раскопок Нифея 1939—1968 гг. были опубликованы нами еще в 1970 г.[1] Коллекция была представлена незначительным числом клейм (67 экз.), к тому же не все клейма, особенно фабрикантские, были хронологически определены, а некоторые получили лишь относительную датировку. А что касается выводов, то они не были конкретными, а носили лишь предварительный характер.

Настоящая статья посвящена изучению новой коллекции родосских клейм из раскопок Нимфея последующих лет, хранящейся в Эрмитаже [2]. Всего нами зарегистрировано 108 экз. родосских клейм. В этот список вошли также два анэпиграфных клейма из раскопок Нимфея 1952 г. и 5 экз. из раскопок 1968 г., которые не были учтены в ранней публикации.

Из общего числа клейм 31 относится к категории эпонимных, однако 10 клейм нам не удалось восстановить из-за плохой сохранности. Фабрикантских клейм всего 55 экз., из которых 24 экз. не поддаются восстановлению. Одно клеймо только с названием месяца, два анэпиграфных и 19 клейм отнесены к категории неопределенных.

Родосские клейма по своей форме бывают прямоугольные, круглые, ромбовидные, листообразные и др. Однако в большинстве случаев они круглые и прямоугольные. По форме клейм наша коллекция распределяется следующим образом (табл. 1)

Прямоугольные клейма с именами эпонимов обычно не имеют эмблем. Иногда встречаются эмблемы в виде изображения головы Гелиоса. Что касается прямоугольных фабрикантских клейм, то здесь эмблемы в большинстве случаев стандартны: гроздь, венок, герма и др. В круглых клеймах основная эмблема — цветок граната и, за редким исключением, голова Гелиоса. Список эмблем в клеймах публикуемой коллекции невелик и выглядит так (табл. 2)

Во многих родосских клеймах, как правило, большинство названий месяцев сопровождает имена эпонимных жрецов, при именах же фабрикантов их значительно меньше. В публикуемой коллекции чтению поддаются следующие месяцы (табл. 3)

Следует отметить, что родосские клейма из Нимфея не вносят ничего нового в известные представления о сезонности клеймения амфор на Родосе [3].

---

[1] *Бадальянц Ю. С.* Родосские амфорные клейма из Нимфея.— ВДИ, 1970, № 3, с. 113—126.

[2] Пользуюсь случаем выразить большую благодарность Н. Л. Грач за предоставленную мне возможность ознакомиться с новой коллекцией родосских клейм.

[3] *Nilsson M. P.* Timbres amphoriques de Lindos. Copenhagen, 1909, p. 127; *Крушкол Ю. С.* Легенды родосских амфор.— ВДИ, 1946, № 3, с. 194. *Шелов Д. Б.* Керамические клейма из Танаиса III—I вв. до н. э М., 1975 с. 11 сл.

Клейменые амфоры или отдельные клейма, являясь в той или иной степени официальным документом, представляют собой важнейший материал для изучения географии и хронологии древней виноторговли, а также предоставляют некоторые данные и для понимания экономики и организации этой торговли. Однако следует помнить, что каждое клеймо становится официальным документом лишь тогда, когда оно

Таблица 1

Клейма	Прямоугольные	Круглые	Листообразные	Всего
Эпонимов	26	5	–	31
Фабрикантов	46	7	2	55
С месяцем	1	–	–	1
Анэпиграфные	–	2	–	2
Неопределенные	12	7	–	19
Итого	85	21	2	108

Таблица 2

Эмблема	Клейма		Эмблема	Клейма	
	прямоугольные	круглые		прямоугольные	круглые
Венок	1	–	Палица	1	–
Голова Гелиоса	–	3	Солнце	–	1
Гроздь	6	–	Точка	–	1
Звездочки	3	–	Цветок	–	14

Таблица 3

Месяцы	Эпонимы	Фабриканты	Только месяцы	Не определено	Всего
Агрианий	1	2	–	–	3
Артамитий	5	1	–	–	6
Далий	1	–	–	–	1
Карней	1	1	–	–	2
Панамий	3	–	–	–	3
Панамий девтерий	1	–	–	–	1
Сминтий	4	1	–	–	5
Иакинтий	3	1	1	–	5
Итого	19	6	1	–	26

хронологически определено, иначе оно не может представлять особого научного интереса.

Хронологическое определение родосских клейм (установление их абсолютной и относительной датировки) — первостепенная задача в изучении этой группы археологического материала. В настоящее время в распоряжении исследователей имеется кроме семи основных методов, разработанных в 30-х годах Б. Н. Граковым [4], еще ряд приемов и общих принципов хронологизации амфорных клейм [5].

[4] *Граков Б. Н.* Клейменая керамическая тара эпохи эллинизма как источник для истории производства и торговли. Докт. дис. М., 1939.— Архив ИА АН СССР, № 538, л. 12 сл.; в менее разработанном виде: *его же.* Древнегреческие керамические клейма с именами астимонов. М., 1929, с. 102 сл.; подробно об этих методах см. *Виноградов Ю. Г.* Керамические клейма острова Фасос.— НЭ, X, 1972, с. 6—16.

[5] *Шелов Д. Б.* Керамические клейма из Танаиса, с. 17 сл.; *Бадальянц Ю. С.* Дополнительные и курсивные клейма на амфорах эллинистического Родоса.— ВДИ, 1973, № 4, с. 48 сл.; *его же.* Хронологическое соответствие имен эпонимов и фаб-

Одной из самых сложных и трудных проблем в родосской керамической эпиграфике является создание хронологической классификации амфорных клейм. Хорошо известно, что общая хронология родосских штампов была в свое время установлена еще Б. Н. Граковым, определившим хронологические рамки клеймения этого центра с 331 по 40 гг. до н. э.[6] Намного позже к аналогичным выводам пришла и американская эпиграфистка В. Грейс, разделившая впервые всю эпонимную категорию родосских клейм на шесть хронологических групп[7]. В дальнейшем В. Грейс неоднократно пересматривала свою классификационную систему, подвергая детализации лишь отдельные хронологические группы. В целом же хронологическая модель родосских эпонимов осталась в своем первоначальном виде[8].

Используя все возможные методы, принципы и приемы хронологического определения амфорных клейм, нам удалось более или менее точно датировать все родосские клейма из новой коллекции и распределить их по шести хронологическим группам. Кроме того, мы датировали ряд фабрикантских клейм, которые не были хронологически определены в первой нашей публикации.

Эпонимные клейма

1. НФ., 1972, № 226. Ἐπὶ Ἀγε σίππου. | Καρνείου По всем признакам, особенно по данным морфологии, клеймо этого эпонима датируется временем 220—180 гг. до н. э.

2. НФ., 1973, № 167. Ἐπὶ Ἀναξι|βούλου. | Σμινθίου Этот эпоним датируется 220—180 гг. до н. э. по единственной ручке с его именем, обнаруженной в Пергаме[9].

3. НФ., 1972, № 291. Вокруг цветка: Ἐπὶ[ερ]έως Ἀνδρία. Δαλίου Клейма этого эпонима датируются 150—108 гг. до н. э.[10]. Имя эпонима Андрия встречается на амфорах фабрикантов Агатобула[11] и Иасона II.[12]).

4. НФ., 1973, № 174. Ἐπὶ]Ἀριστο|γεί[του. |Ἀγριανίου. Имя родосского эпонима Аристогейта датируется V группой (150—108 гг. до н. э.)[13]

5. НФ., 1973, № 191. Ἐπὶ Ἀριστοδά|μου. | Σμινθίου. В. Грейс датирует клейма эпонима Аристодама 220—180 гг. до н. э.[14] Ф. Блекман и Ф. Гиллер фон Гертринген относят его деятельность к 220—200 гг. до н. э.[15]

К этому периоду относит его деятельность и Е. И. Леви[16]. Д. Б. Шелов склонен датировать клейма этого эпонима 200—180 гг. до н. э., учи-

---

рикантов на амфорах Родоса.— СА, 1976, № 4, с. 32 сл.; *его же*. Разновидности легенд родосских амфор.— ВДИ, 1978, № 1, 124—133.

[6] *Граков Б. Н.* Клейменая керамическая тара, л. 28.

[7] *Grace V. R.* Timbres amphoriques trouvés à Delos.— BCH, LXXVI, 1952, p. 525; Idem. The Eponyms Named on Rhodian Amphora Stamps.— Hesperia, XXII, 1953, p. 118ff.

[8] *Grace V. R.* PNYX: Stamped Wine Jar Fragments.— Hesperia, Suppl. X, 1956, p. 140; *Grace V. R. et Savvatianou-Pétropoulakou M.* Les timbres amphoriques grecs.— Exploration archaeologiques de Delos, XXVII. Paris, 1970, p. 301, 302.

[9] *Schuchardt C.* Die Inschriften von Pergamon, t. II. Berlin, 1895, S. 444, № 860.

[10] *Grace V.* Timbres amphoriques trouvés à Delos, p. 528.

[11] *Шкорпил В. В.* Керамические надписи, приобретенные Керченским музеем древностей в 1901—1902 гг.— ИАК, XI, 1904, с. 91, № 387а; *Bleckmann F.* Zu den rhodischen eponymen Heliospristern.— Klio, XXII, 1912, S. 250; *Pridik E. M.* Zu den rhodischen Amphorenstempeln.— Klio, XX, № 3, 1926, S. 309, 319, 320.

[12] *Bleckmann F.* Zu den rhodischen..., S. 250; *Nilsson M. P.* Op. cit., p. 368, N. 49.

[13] *Grace V.* Timbres amphoriques trouvés à Delos, p. 518, 528.

[14] Ibid., p. 528.

[15] *Bleckmann F.* Zu den rhodischen..., S. 253, N 58; *F. Hiller von Gaertringen.* Rhodes.— RE, Suppl. V, N 70.

[16] *Леви Е. И.* Керамический комплекс III—II вв. до н. э. из раскопок ольвийской агоры.— Сб.; Ольвия. Теменос и агора. М.— Л., 1964, с. 229.

тывая, во-первых, наличие дополнительного клейма на одной ручке из Самарии [17] и, во-вторых, сочетание клейм этого эпонима с клеймами фабрикантов Гиппократа и Иасона I [18], относящимися уже ко II в. до н. э. [19] Мы склонны датировать клеймо из коллекции вторым периодом пергамского комплекса. Имя этого эпонима встречается также на амфорах фабрикантов Нания [20], Тиаса [21] и Каллия [22].

6. НФ., 1973, № 175. Ἐπὶ [Ἀρχιβ]ίου. | Ἀρτεμιτίου Находка клейма этого эпонима в комплексе Альба Фуценс позволяет датировать клеймо из нашей коллекции временем 150—108 гг. до н. э. [23]. Клейма Архибия встречаются на амфорах фабрикантов Менестрата и Филостефана [24].

7. НФ., 1972, № 266. Ἐπὶ Ἀρχιδάμου. | Πανάμου. Жречествование эпонима Архидама следует относить к 200—180 гг. до н. э., учитывая наличие его клейм на амфорах фабрикантов Иасона I, Гиппократа и Тимо [25].

8. НФ., 1073, №183. Вокруг цветка: Ἐπὶ Ἀρχιδάμου. Σμινθίου.

9. НФ., 1972, № 198. Ἐπὶ Ἑστιείου. | Πανάμου.

Имя это принадлежит к эпонимам второй половины II в. до н. э. [26] Эту датировку подтверждает и целая амфора фабриканта Менестрата в коллекции Пиеридеса в Ларнаке [27].

10. НФ., 1972, № 269. Ἐπὶ [Καλλι]|κράτους.

Было два эпонима с именем Калликрата. Калликрат I датируется I группой, а Калликрат II—III группой. По аналогии с клеймами этого эпонима из раскопок Танаиса 1959 и 1960 гг. клейма из нимфейской коллекции следует связывать с Калликратом II и датировать временем 200—180 гг. до н. э. [28]. Эту датировку подтверждает и наличие клейм этого эпонима на амфорах фабрикантов Дия [29] и Сотерида [30].

11. НФ., 1972, № 298. Ἐ[πὶ]Καλ[λι|κράτους. | Πανάμου. Клеймо Калликрата II.

12. НФ., 1973, № 177. Ἐ[π'ἱερέω[ϑ]|Λα[φείδ]ευς.|Ἀρταμιτίου. Имя этого эпонима датируется 150—108 гг. до н. э. [31] На одной амфорной ручке из Керчи клеймо Лафейда сопровождается дополнительным штампом [32]. Кроме того, в Николаевском музее хранится целая родосская амфора фабриканта Тесмократа, на другой ручке — имя эпонима Лафейда [33].

13. НФ., 1972, № 284. Ἐπὶ Νικασα|γόρα. |Ὑακινθίου Было два эпонима с именем Никасагора. Никасагор I жречествовал во втором периоде пергамского комплекса [34], а Никасагор II — во второй половине II в. до

---

[17] Samaria, p. 315, N 7.

[18] *Bleckmann F.* De inscriptionibus quae leguntur in vasculis Rhodii. Goettingen, 1907, S. 31, 32.

[19] *Шелов Д. Б.* Керамические клейма из Танаиса. с. 40, № 52.

[20] *Grace V. et Savvatianou-Pétropoulakou M.* Op. cit., p. 304.

[21] *Canarache V.* Importul Amforelor Stampilate la Istria. Bucharest, 1957, p. 222, 223, pl. 45.

[22] *Шелов Д. Б.* Керамические клейма из Танаиса, с. 41, № 54; с. 107, № 378.

[23] *Mertens J.* Marques d'amphores.— L'antiquité classique, t. XXIV, 1955, p. 88, № 18.

[24] *Grace V. et Savvatianou-Pétropoulakou M.* Op. cit., p. 312.

[25] *Bleckmann F.* De inscriptionibus..., SS22, 23, 33, N. 35.

[26] *Grace V.* Timbres amphoriques trouvés à Delos, p. 529.

[27] *Grace V. et Savvatianou-Pétropoulakou M.* Op. cit., p. 296.

[28] *Шелов Д. Б.* Керамические клейма из Танаиса, с. 56, № 124, с. 57, № 127.

[29] *Леви Е. И.* Ук. соч., с. 332, 333.

[30] *Pridik E. M.* Op. cit., p. 314, 320.

[31] *Grace V.* Timbres amphoriques trouvés à Delos, p. 529.

[32] *Шелов Д. Б.* Керамические клейма из раскопок Фанагории.— МИА, № 57, 1956, с. 137, № 22.

[33] Ольвия, 1928, № 471. (IOSPE III, N 2843).

[34] *Шелов Д. Б.* Дополнительные клейма на родосских амфорах.—Melanges offerts à K. Michailowski. Warszawa, 1966, p. 666.

н. э. [35] Клеймо из нашей коллекции несомненно относится к Никасагору I. Имя этого эпонима встречается на амфорах фабрикантов Гераклита [36] и Аминты [37].

14. НФ., 1973, № 187. Ἐπὶ Ξε[ν]ο|στρα]του.

Клейма этого эпонима датируются II группой [38]. Встречается это имя на амфорах фабрикантов Эпигона [39] и Диска I [40].

15. НФ., 1973, без № Ἐπὶ Ονα|σάνδρου. Клейма эпонима Онасандра встречаются редко и датируются I группой [41].

16. НФ., 1973, № 184. Вокруг цветка: Ἐπὶ Ονασάνδρου.

17. НФ., 1972, № 259. Вокруг цветка: ἐπὶ Παυσανία Πανάμου δευτέρου.

Различают трех разных лиц с именем эпонима Павсания. Клейма Павсания I В. Грейс ранее датировала I группой [42], а теперь помещает в начале II группы [43]. Павсаний II жречествовал в конце этого же периода. Что касается Павсания III, то его клейма датируются 180—150 гг. до н. э. [44] Единственное клеймо из Нимфея относится по всем признакам к Павсанию III. Его клейма встречаются на амфорах фабрикантов Эпикрата [45], Гефайстиона [46], Имаса [47] и Нисия [48].

18. НФ., 1973, № 150. ἐπὶ Πεισι|στράτου. |Σμινθίου Клейма этого эпонима датируются IV группой [49]. Это подтверждается и синхронностью клейм эпонима Писистрата и фабриканта Марсия [50].

19. НФ., 1973, № 166. ἐ[πὶ Τιμοδί]κου. |Ἀρταμιτίου. В. Грейс датирует клейма эпонима Тимодика V группой [51]. Д. Б. Шелов считает, что эпоним Тимодик жречествовал еще в первой половине II в. до н. э. [52] Несомненно, Д. Б. Шелов прав. Клейма этого эпонима встречаются на амфорах фабрикантов Сосила [53], датирующихся еще временем 180—150 гг. до н. э.

20. НФ., 1972, № 285. Ἐπὶ Τιμο|θέου. |Ἀρταμιτίου. Клейма эпонима Тимотея В. Грейс сначала датировала V группой [54], позже датировка была пересмотрена и определена IV группой [55].

21. НФ., 1973, № 172. ἐπὶ Τιμουρ|ρόδου. |Ὑακιν|θίου. Эпоним Тимуррод датируется IV группой [56]. Имеются клейма этого эпонима, сопровожда-

---

[35] *Nilsson M.* Op. cit., p. 460, N 329, 5—6.
[36] IOSPE III, N 2987.
[37] IOSPE III, N 2994.
[38] *Grace V.* Timbres amphoriques trouvés à Delos, p. 529.
[39] *Pridik E. M.* Op. cit., p. 320; *Dumont A.* Inscriptions ceramiques de Gréce. Paris, 1872, p. 93, N 122; p. 104, N 207.
[40] *Grace V.* Notes on the Amphoras from the Koroni Peninsula.— Hesperia, t. XXXII, 1963, p. 334, N 8 (a, b); *Goldmann H.* Excavations at Güzlü-Kule. Tarsus, I. Princeton. 1950, fig. 114, N 5, 6, 135, 138, 139.
[41] *Grace V.* Timbres amphoriques trouvés à Delos, p. 529.
[42] Ibid., p. 529.
[43] *Grace V. et Savvatianou-Pétropoulakou M.* Op. cit., p. 304.
[44] Ibid., p. 304, 305.
[45] *Grace V.* Stamped Amphora Handles Found in 1931—1932.— Hesperia, III, 1934, N 3; p. 302, N 4, 5.
[46] *Grace V.* Wine Jars.— The Classical Journal, May, 1947, p. 450.
[47] *Delorme J.* Identification et chronologie des palestres de Delos.— RA, 6-e série, vol. 29—30, 1948, p. 257, N 4.
[48] *Grace V. et Savvatianou-Pétropoulakou M.* Op. cit., p. 305, E-12.
[49] *Grace V.* Timbres ampohoriques trouvés à Delos, p. 529.
[50] *Grace V. et Savvatianou-Pétropoulakou M.* Op. cit., p. 314.
[51] *Grace V.* Timbres amphoriques trouvés à Delos, p. 530.
[52] *Шелов Д. Б.* Керамические клейма из Танаиса, с. 74, № 212.
[53] *McFadden G. H.* A. Tomb of the Necropolis of Ayios Ermoyenis at Kourion.— AJA, 1946, p. 449—489.
[54] *Grace V.* Timbres amphoriques trouvés à Delos, p. 530.
[55] *Grace V.* The Stamped Amphora Handles, p. 143, N 47.
[56] *Bleckmann F.* Zu den rhodischen ... S. 258, N 242.

ющиеся дополнительными штампами [57]. Клейма этого эпонима встречаются на амфорах фабрикантов Имаса [58] и Гермия [59].

22. НФ., 1973, № 157. ε[πὶ] Ἀρ — — — — — — —. [Ἡγα]κινθίου.
23. НФ., 1973, № 173. ἐπὶ Ἀρ — — — — —. | — — — — — —.
24. НФ., 1972, № 153. ἐπὶ Ξ — — — — — | — — — — — —.
25. НФ., 1973, № 195. Вокруг цветка: ἐπ' ἱερέως. Φ — — — —
26. НФ., 1972, № 273. ἐπὶ — — — — | — — — — —. [Ἀρτ]αμ[ιτίου
27. НФ., 1973, № 190. ἐπ[ὶ — — να | — — — να. | — — — — α.
28. НФ., 1972, № 288. ἐπ[ὶ — — — — | — — — να | — — — — —.
29. НФ., 1968, № 63. ἐπὶ — — — — — | — — — — —.
30. НФ., 1972, № 270. ἐπὶ — — — — — | — — — — —.
31. НФ., 1973, № 162,. ἐπὶ — — — — — | — — — — —.

Фабрикантские клейма

32. НФ., 1972, № 261. Ἀγαθο | βούλου.

Клейма этого фабриканта датируются V группой. Это тот самый фабрикант, который наиболее часто совмещал свое имя с именами эпонимов. В клеймах этого фабриканта или на его амфорах встречаются имена эпонимов Андрия, Андроника, Аристака, Аристарха, Архемброта I, Астимеда III, Терсандра, Гиерона II и Никасагора II [60].

33. НФ., 1972, № 277. Ἀγαρα] νάκτος. (Клеймо прямоугольное.)

Клеймо датируется первой половиной пергамского комплекса. Это подтверждается сочетанием клейм фабриканта с клеймами эпонимов Аратофана I, Кратида и Сострата II [61].

34. НФ., 1979 № 130. Ἀντ]ιλόχου. (Клеймо прямоугольное.) Для датировки данных нет.

35. НФ., 1973, № 179. Ἀπο[λλω | νί]ου.

Клеймо датируется 220—180 гг. до н. э. [62].

36. НФ., 1968, № 61. Вокруг точки: Ἀρίσταρχος. Клеймо датируется временем пергамского комплекса [63].

37. НФ., 1972, № 267. Слева звезда: Ἀγριανίου. [Ἀριστίδα Клеймо датируется временем пергамского комплекса [64].

38. НФ., 1972, № 286. Справа звезда: Ἀρίστωνος Клеймо датируется временем пергамского комплекса. Это подтверждается сочетанием имени Аристона с клеймами Агемаха — эпонима III группы [65].

39. НФ., 1972, № 296. Ἀρίστου. (Клеймо прямоугольное).

Клеймо фабриканта Ариста I относится ко второму периоду пергамского комплекса [66]. Его клейма комбинируются на амфорах с клеймами эпонимов Архократа, Клеонима, Теайдета, Тимасагора и Филодама [67].

40. НФ., 1972, № 274. Венок справа: Βρομίου

В. Грейс относит клейма Бромия к 180—150 гг. до н. э. [68] Д. Б. Шелов, сопоставляя эмблему (венок) с такой же эмблемой в клеймах Аминты,

---

[57] *Grace V. et Savvatianou-Pétropoulakou M.* Op. cit., p. 305.
[58] *Bleckmann F.* De inscriptionibus ..., p. 32.
[59] *Fairbanks A.* Museum of Fine Arts. Boston, Catalogue of Greek and Etruscan Vases, t. I. Boston, 1928, p. 65.
[60] *Шелов Д. Б.* Керамические клейма из Танаиса, с. 80, № 252.
[61] *Бадальянц Ю. С.* Хронологическое соответствие ..., с. 39.
[62] *Schuchardt C.* Die Inschriften von Pergamon, S. 444, N 866.
[63] Ibid., S. 445, N 875—877.
[64] Bleckmann F. De inscriptionibus..., p. 31.
[65] *Hiller von Gaertringen F.* Einige vergessene Amphorenhenkel aus Rhodos.— AM, 23, 1898, S. 232.
[66] *Maiuri A.* Una fabrica di anfore rodii.— Annuario, t. IV—V, 1924, p. 258—260.
[67] *Бадальянц Ю. С.* Хронологическое соответствие ..., с. 39.
[68] *Grace V.* The Stamped Amphora Handles, p. 143, N 51—53.

предполагает, что деятельность фабриканта Бромия началась еще в пергамский период [69].

41. НФ., 1972, № 299. Διοκλείας. (Клеймо прямоугольное.) Время деятельности фабриканта Диоклейи — середина II в. до н. э. (IV—V группы) [70]. Это подтверждается и синхронностью ее клейм с клеймами эпонимов Питодора [71] и Алексиада [72].

42. НФ., 1972, № 287. Διο]δότου. (Клеймо прямоугольное.) Фабрикант Диодот относится ко времени 220—180 гг. до н. э. на основании находки его клейма в Пергаме [73].

43. НФ., 1970, № 131. Гроздь слева: Δώ | ρου. Время деятельности фабриканта Дора относится ко второй половине II в. до н. э. Это подтверждается наличием на амфоре этого фабриканта эпонимного клейма Никомаха [74].

44. НФ., 1973, № 194. Гроздь слева: Δώ | ρου.

45. НФ., 1972, № 263. Δώ[ρου. Ὑακινθίου.

46. НФ., 1972, № 295. Ἑρμία. (Клеймо прямоугольное.) Клеймо фабриканта Гермия] датируется 180—150 гг. до н. э. Это подтверждается наличием клейм эпонима Тимуррода на амфоре этого фабриканта [75].

47. НФ., 1972, № 278. Ζηνοδό | του. Деятельность фабриканта Зенодота следует относить к первой половине II в до н. э. [76]

48. НФ., 1973, № 161 Вокруг цветка: Ζηνώνος. Было два фабриканта с именем Зенона. Зенон I датируется началом III в. до н. э. (I группа), а Зенон II относится к III группе (220—180 гг. до н. э.) [77]. Наше клеймо принадлежит Зенону II. Известно сочетание клейма Зенона II с клеймом эпонима Клевкрата из пергамского комплекса [78].

49. НФ., 1972, № 339. Κοτέυς. (Клеймо прямоугольное). Деятельность фабриканта Котеса твердо датируется временем второй половины пергамского комплекса (220—180 гг. до н. э.) [79].

50. НФ., 1973, № 152. Καρνε[ί]ου. | Μενεσθεως. Данных для датировки фабриканта Менестея нет.

51. НФ., 1972, № 231. Гроздь справа: Μίδα. Мидас — фабрикант V группы (150—108 гг. до н. э.). Наличие клейм эпонимов V группы Аристогена и Аристокла [80] на амфорах этого фабриканта подтверждает эту датировку.

52. НФ., 1972, № 293. Гроздь слева: Μ]ουσ[ά]ίου. В. Грейс датирует деятельность фабриканта Мусея концом II — началом I в. до н. э. [81]

53. НФ., 1973, № 176. Вокруг цветка: Μου[σαίου].

54. Н.Ф., 1973, № 158. Νάκσος. | Δαλί]ου. Восстановление месяца предположительно. Данных для датировки нет.

55. НФ., 1972, № 279. Νάνιος. (Клеймо прямоугольное.)

Находки клейм фабриканта Нания в пергамском комплексе и в Ольвийском водоеме, а также сочетание его клейм с клеймами эпонима Аристида определяют время деятельности Нания концом пергамского периода [82].

---

[69] *Шелов Д. Б.* Керамические клейма из Танаиса..., с. 91, № 302.
[70] *Шелов Д. Б.* Керамические клейма из Танаиса, с. 95, комментарий к № 321.
[71] *Canarache V.* Op. cit., p. 377.
[72] *Bleckmann F.* De inscriptionibus..., p. 32.
[73] *Schuchardt C.* Die Inschriften von Pergamon, S. 458, N 1001.
[74] *Grace V.* Timbres amphoriques trouvés à Delos, p. 538, N 31.
[75] *Fairbanks A.* Op. cit., p. 65, N 238, pl. XVIII.
[76] *Шелов Д. Б.* Керамические клейма из Танаиса, с. 102, № 358.
[77] *Шелов Д. Б.* Керамические клейма из Танаиса, с. 102, 103, № 359.
[78] *Bleckmann F.* De inscriptionibus..., p. 33.
[79] *Schuchardt C.* Die Inschriften von Pergamon, S. 470, N 110, 111.
[80] *Hall I. H.* The Greck Stamps on the Handles of Rhodian Amphorae found in Cyprus and nov in the Mitropolitan Museum of New York.— JAOS, XI, 1885, p. 393, N. 5033, 5054, 5063.
[81] *Grace V. et, Savvatianou-Pétropoulakou M.* Op. cit., p. 311.
[82] *Schuchardt C.* Die Inschriften von Pergamon, S. 472, N 1137; *F. Bleckmann.* De inscriptionibus..., p. 31.

56. НФ., 1972, № 192. Νικαγίδος. (Клеймо прямоугольное.) Имя фабриканта-женщины. Время деятельности 220—180 гг. до н. э. [83]

57. НФ., 1972, № 264. — — — — — —. | Νικ[άρχ]ου.

Фабрикант Никарх относится ко времени конца II — начала I в. до н. э. Имеется целая амфора этого фабриканта с клеймом эпонима Никомаха [84].

58. НФ., 1973, № 155. Παυσανία. (Клеймо прямоугольное.)

Было два фабриканта с именем Павсаний. Деятельность Павсания I относится к концу IV — началу III в до н. э. [85], а деятельность Павсания II — к 220—180 гг. до н. э. [86] В нашей коллекции два клейма с именем этого фабриканта. Разбираемое клеймо по всем признакам наиболее раннее, его следует связывать с Павсанием I; второе клеймо относится к более позднему периоду.

59. НФ, 1972, № 283. Π[αυσαν]ία. Ἀρ[ταμιτί]ου. Клеймо Павсания II.

60. НФ., 1970, № 134. Τι | μαρ.

Фабрикант Тимар новый. Каких-либо данных для датировки нет, однако по форме ручки и по шрифту клеймо можно предположительно отнести к ранним клеймам — началу III в. до н. э.

61. НФ., 1973, № 196. Τιμ[οκλ]έους (Клеймо прямоугольное.)

Клейма фабриканта Тимокла весьма редки. По всем признакам деятельность этого фабриканта следует относить к началу III в. до н. э. Одно клеймо этого фабриканта из Танаиса Д. Б. Шелов также датирует ранним периодом, предполагая, однако, что Тимокл мог быть и ранним родосским эпонимом [87].

62. НФ., 1968, № 65. Φανία (Клеймо прямоугольное.)

Фабрикант Фаний датируется временем 220—180 гг. до н. э. по находке его клейм в пергамском комплексе [88].

63. НФ., 1972, № 271 Ἀρ — — — — — —. | Φ — — — — — —.

64. НФ., 1973, № 178. Ἀ — — — — — — | ον — — — —.

65. НФ., 1972, № 282. Вокруг цветка: Ἀ — — — — — — — —.

66. НФ., 1972, № 275. Вокруг чистого поля: Ἡρω — — — —.

67. НФ., 1973, № 192. Палица: Θ — — — — — — — — —. (Клеймо прямоугольное.)

68. НФ., 1973, № 197. Вокруг Гелиоса: Τ — — — — — — —.

69. НФ., 1973, № 180. Вокруг солнца: Φλ — — — — — —.

70. НФ., 1973., № 189. Πσλο — — — — — — υ. (Клеймо прямоугольное.)

71. НФ., 1973, № 154.— — — τιει | μυλι (Клеймо в виде листа.)

72. НФ., 1972, № 280. — — ε — — ο.| Ἀ — — — — — ου. (Клеймо в виде листа.)

73. НФ., 1972, № 205. Звезды по углам: — — — — — — νο — — — — — —.

74. НФ., 1972, № 329. Справа налево: — — — — — λυ | — — — — — —.

75. НФ., 1972, № 350 — — — — — υ — — — — —. (Клеймо прямоугольное.)

76. НФ., 1972., № 328. — — — — αλ. (Клеймо прямоугольное).

77. НФ., 1973, № 169 — — — — | — — — ολος.

78. НФ., 1973, № 164 — — — —ος (Клеймо прямоугольное.)

79. НФ., 1972 № 290. — — — — — υ — — —.Ἀγριανίου.

---

[83] *Maiuri A.* Op. cit., p. 261; *Schuchardt C.* Die Inschriften von Pergamon, S. 472, N 1138.

[84] *Grace V.* Timbres amphoriques trouvés à Delos, p. 538, N 31.

[85] *Grace V.* PNYX: Stamped Wine Jar Fragments, p. 142, N 90; *Lenger M.-T.* Timbres amphoriques trouvées à Argos, II (Deuxiéme Série).— BCH, LXXXI, 1957, p. 162, N 82.

[86] *Schuchardt C.* Die Inschriften von Pergamon, S. 475, N 1163, 1164.

[87] *Шелов Д. Б.* Керамические клейма из Танаиса, с. 120, № 465.

[88] *Bleckmann F.* De inscriptionibus..., p. 31.

80. НФ., 1969, № 62. — — — — — — · | Σμινθίου.
81. НФ., 1972, № 272. — — — — — μου. (Клеймо прямоугольное.)
82. НФ., 1973, № 193. — — — ο | — — — — — υ.
83. НФ., 1973, № 182. — — — — — υ. | — — — — — υ.
84. НФ., 1973, № 171 — — — — — — α — — — — —. (Клеймо прямоугольное.)
85. НФ., 1973, № 188. — — — — — — α — — — — — —. (Клеймо прямоугольное.)
86. НФ., 1972, № 262. — — — — — — — ος (Клеймо прямоугольное.)

Клеймо с названием месяца

87. НФ., 1973, № 160. Ὑακινθίου (Клеймо прямоугольное).

По всем признакам клеймо относится к III группе.

Анэпиграфные клейма

88. НФ., 1952, № 16. Голова Гелиоса.
89. НФ., 1952, № 229. Голова Гелиоса.

Неопределенные клейма

90. НФ., 1972, № 258. Гроздь справа: прямоугольное клеймо, стерто.
91—97. НФ., 1968, № 60; 1972, № 257, 260, 294; 1973, № 106, 159, 170. Вокруг цветка: совершенно стерто.
98—108. НФ., 1970, № 129; НФ., 1972, № 289, 292, 297, 344; 1973, № 163, 168, 181, 185, 200; 1964 без №. Прямоугольное нечитаемое клеймо.

Таким образом, применяя все приемы и принципы датировок, мы хронологически определили почти все читаемые родосские клейма из Нимфея. Датированные клейма не так уж многочисленны, поэтому для выводов мы привлекаем и данные клейм из первой нашей публикации.

Всего за весь период археологических раскопок в Нимфее было обнаружено 175 родосских клейм (67+108). Из общего числа хронологически определены 80 клейм. По хронологическим группам эти клейма распределяются следующим образом (табл. 4):

Таблица 4

Хронологическая группа	Датировка	Кол-во клейм	Длительность хронологической группы	Средний коэффициент
I	Конец IV – середина III в. до н. э.	5	50	0,1
II	Третья четверть III в. до н. э.	3	30	0,1
III	220–180 гг. до н. э.	37	40	0,93
IV	180–150 гг. до н. э.	14	30	0,46
V	150 – конец II в. до н. э.	15	45	0,34
VI	Конец II – первая половина I в. до н. э.	6	55	0,1

Приведенные цифры показывают, что поступление в Нимфей товаров в родосских амфорах осуществлялось в общем-то на протяжении III—II в. до н. э. Однако на первый взгляд может показаться, что сначала поступление товаров идет неравномерно, затем резко достигает своего наивысшего расцвета и, наконец, наблюдается постепенный спад. На самом деле это не так. Количество хронологически определенных

клейм в той или иной группе еще не показатель динамики ввоза, так как длительность хронологических групп неодинакова. Здесь необходим средний коэффициент для каждой группы. Такой коэффициент нами составлен по каждому периоду. Он наиболее реально отражает динамику ввоза [89].

Теперь, имея такие данные, можно проследить следующее. Поступление родосских товаров в Нимфей начинается в конце IV в. до н. э. и остается равномерным на протяжении всего III в. до н. э. Резко возрастает ввоз в родосской таре с самого конца III в. до н. э. Именно подавляющая часть клейм III группы приходится на этот период. В 80—70-х годах II в. до н. э. родосский импорт в Нимфей сокращается вдвое и начинает постепенно спадать на протяжении почти целого столетия. И наконец, в начале I в. до н. э. родосский импорт резко спадает, а позднее, к середине века, затухает совсем.

Все эти выводы подтверждаются и общей исторической концепцией о боспоро-родосских торговых отношениях в эпоху эллинизма [90].

Кроме родосских клейм в Нимфее обнаружены и клейма других производственных центров. Распределение этих клейм следующее:

Родос — 175	Книд — 9
Синопа — 187	Кос — 13

Приведенные цифры показывают, что родосские и синопские клейма по общему числу приблизительно равны. Однако это совсем не значит, что интенсивность нимфейского импорта из этих двух центров также равна. Дело в том, что нельзя механически сопоставлять между собой количество найденных родосских и синопских амфорных клейм [91]. Хорошо известно, что на Родосе практически клеймились все амфоры, и как правило, обе ручки, а в Синопе лишь одна из пяти или шести амфор. Следует также при сравнительном анализе клейм различных производственных центров учитывать и объем импортируемой тары этих центров [92]. Следовательно, учитывая эти условия, можно проводить сопоставление нимфейского импорта из Синопы и Родоса. Задача не из легких и требует, как нам кажется, специального исследования.

Что же касается Книда и Коса, то клейма этих центров так малочисленны, что делать какие-либо выводы просто невозможно. Следует упомянуть еще о двух центрах — это Фасос и Гераклея. Сопоставлять клейма этих центров также неправомерно из-за особенностей клеймения. Следует, однако, иметь в виду, что гераклейский импорт в основном приходится на весь IV в. до н. э. с самым незначительным числом клейм начала III в. до н. э. Аналогичное следует сказать и о фасосском импорте.

Причиной столь незначительного количества клейм из вышеуказанных центров является недостаточная археологическая исследованность эллинистических слоев городища Нимфея. Следует надеяться, что даль-

---

[89] Естественно, что незначительное число клейм не может наиболее полно отразить динамику родосского импорта. Однако, несмотря на это, приведенные цифры все же дают некоторые основания для определения интенсивности родосской торговли.

[90] *Шелов Д. Б.* К истории связей эллинистического Боспора с Родосом.— СА, XXVIII, 1958, с. 333 сл.; *Бадальянц Ю. С.* Из истории боспоро-родосских торговых взаимоотношений в III—II вв. до н. э.— В кн.: Древний Восток и античный мир. М., 1972, с. 125—137.

[91] *Брашинский И. Б.* Некоторые вопросы методики исследования импорта товаров в керамической таре в античное Причерноморье.— КСИА АН СССР, № 148, 1977, с. 11; см. также *Кругликова И. Т.* Торговля в сельских поселениях Боспора.— КСИА АН СССР, № 130, 1972, с. 26.

[92] *Брашинский И. Б.* Методика изучения стандартов древнегреческой керамической тары.— СА, 1976, № 3, с. 87—102.

нейшее изучение Нимфея, накопление нового археологического материала позволит прийти к более определенным выводам и появится возможность выяснить роль и место этого города в общеторговой системе Боспора эллинистического времени.

You. S. Badaliantz

LES MARQUES DES AMPHORES DE RHODES TROUVEES A NYMPHAEUM
(Fouilles de 1970-1974)

Résumé

Cet article est consacré à la publication d'un nouveau groupe de marques d'amphores de Rhodes provenant des fouilles exécutées à Nymphaeum de 1968 à 1974, et qui sont actuellement conservées à l'Ermitage. Nous avons étudié chaque estampille à part, selon les catégories, et nous avons cherché à la dater et à donner une correspondance chronologique avec l'éponyme (si c'est le fabricant) ou avec le fabricant (si c'est l'éponyme).

En tout 108 estampilles sont étudiées dans cet article. Toutes les marques qui ont été déchiffrées, à l'exception de deux, sont datées. La classification chronologique des estampilles de Rhodes appartenant à ce nouveau groupe, de même que les données contenues dans notre première publication de marques semblables provenant de Nymphaeum, nous ont permis de tirer quelques conclusions sur les relations commerciales de ce centre avec Rhodes à l'époque de l'hellénisme.

Б. Ф. ЖЕЛЕЗЧИКОВ, В. А. КРИГЕР

КАТАКОМБНЫЕ ЗАХОРОНЕНИЯ УРАЛЬСКОЙ ОБЛАСТИ

Летом 1976 г. археологическая экспедиция Уральского пединститута исследовала три катакомбных захоронения в курганной группе у с. Новопавловка Теректинского района.

Группа из семи насыпей располагалась в 0,6 *км* к востоку от села, на небольшой возвышенности. Все курганы раскопаны. Погребения раннего железного века были обнаружены в двух курганах, в каждом из которых встречены катакомбные захоронения (кург. 5, погр. 1, 2; кург. 7, погр. 3).

Курган 5 (*d* 30, *h* 1,25 *м*) находился в юго-восточной части группы и содержал три погребения.

Погребение 1 являлось самым восточным в кургане (рис. 1, *1*). Входная яма ориентирована длинными сторонами с СВ на ЮЗ. Длина ее 2,8, ширина 1,58, глубина 2,1 *м*[1]. Засыпь мягкая, рыхлая На стенках заметны следы орудия, которым копалась яма. Это было орудие типа кайлы с рабочей частью длиной 10—12 *см*, шириной 2,5 *см*. С северо-восточной стороны входной ямы находились три ступеньки (рис. 1, *3*).

Входная яма была перекрыта досками-горбылями. Один конец их лежал на уровне 1,6 *м* на первой ступеньке в северо-восточной части ямы, другой, вероятно, опирался на поперечную доску, укрепленную в свое время на двух вертикальных столбах, стоявших по обе стороны входа в камеру и имевших высоту 0,8 *м*. Под давлением земли поперечная доска упала на дно входной ямы. Поверх горбылей был положен довольно толстый слой камыша.

Камера располагалась под углом 45° к юго-западной стенке входной ямы и ориентирована длинной осью С—Ю. Длина ее 2,5, ширина 1,35 *м*, высота у входа 1,05 *м*, в центре 1,23 *м*. Дно камеры находилось на глубине 2,2 *м*. На дне лежал костяк мужчины в деревянном гробовище[2], которое было сделано из продольных и одной поперечной досок, стоящих на ребре, в некотором отдалении от стенок камеры. Каждая его боковая сторона состояла из двух досок, скрепленных в торец посредством системы вырезов, пазов и клиньев. Дно у гробовища отсутствовало, только череп погребенного лежал на поперечной доске. Длина гробовища 1,4 м, ширина сверху 0,5, снизу 0,5 м, гробовище доходило только до уровня бедренных костей погребенного (рис. 1, *2*, *3*). За его пределами в юго-восточном углу камеры были положены три ребра лошади и кости передних ног с лопатками барана.

Костяк лежал вытянуто на спине головой на юг. Левая рука слегка согнута в локте и кистью лежит под бедренной костью. Правая рука

[1] Все глубины могильных ям в тексте и на чертежах даются от уровня погребенной почвы.

[2] Все антропологические определения произведены старшим преподавателем кафедры анатомии и физиологии человека Уральского пединститута А. С. Коваленко.

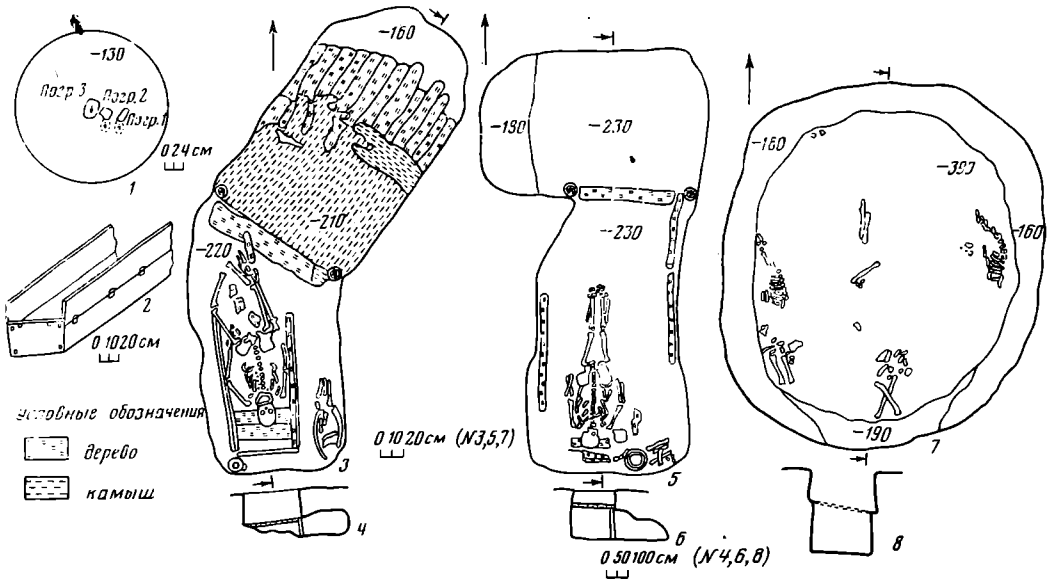


Рис. 1. Новопавловка, круг. 5. *1* — общий план; *2* — реконструкция деревянного гробовища из погр. 1; *3*, *4* — план и разрез погр. 1; *5*, *6* — погр. 2; *7*, *8* — погр. 3

чуть отставлена от туловища. Кости ног согнуты в тазобедренных суставах. Справа у середины берцовых костей лежали ребра барана.

За пределами гробовища, в юго-западном углу камеры, стоял деревянный сосуд. Он сохранился не полностью, остались дно и боковая ручка с частью тулова. Вероятно, сосуд был выдолблен из одного куска дерева. Высота его 17,4, диаметр устья 18,6, тулова 24 *см*, дно округлое (рис. 2, *12*). Справа от погребенного лежал железный меч, рукоять которого находилась у головки бедра. Он имел небольшое серповидное навершие и брусковидное, сломанное под тупым углом перекрестие. Клинок обоюдоострый, с ребром посередине. Длина меча 98—100 *см* (рис. 2, *5*). Сохранность плохая, он почти полностью распался.

Между бедер, у кисти левой руки, был найден железный нож длиной 14,5 *см* с горбатой спинкой и прямым, скошенным к краю лезвием (рис. 2, *6*). Рядом с ножом лежали: железная пряжка диаметром 3 *см*, круглой формы с подвижным язычком (рис. 2, 15) и кусок необработанного камня.

Погребение 2 находилось юго-восточнее центра кургана (рис. 1, *1*). Входная яма его ориентирована длинными сторонами по линии З—В. Она имела прямоугольную форму, со слегка закругленными углами. Длина ее 2,1, ширина 1,36, глубина 2,3 *м*. На уровне 1,8 *м* вдоль западной стенки шла ступенька шириной 0,4 *м*, встречены следы деревянного перекрытия, состоящего из поперечных плах. Поверх них был обнаружен фрагмент лепного сосуда (рис. 2, *1*). В засыпи входной ямы найдены кости барана.

Вход в камеру находился в южной стенке входной ямы и располагался под прямым углом к ней. Его ограждали два вертикальных столба, стоящие по бокам, между ними лежала деревянная доска шириной 12—15 *см*. Камера ориентирована длинными сторонами по линии С—Ю. Длина ее 1,9 *м*, ширина в северном конце 1,15 *м*, в южном 1,5, глубина 2,3, высота в центре 1,1 *м* (рис. 1, *5*, *6*). Вдоль длинных сторон камеры стояли на ребре три доски, с одной стороны две, с другой — одна. Следов поперечного перекрытия нет. На дне камеры лежал костяк женщины вытянуто на спине, головой на юг. Правая рука слегка согнута в локте, левая вытянута. За черепом погребенной стояла на ребре еще одна доска, а голова лежала на небольшом обломке доски. Все дно

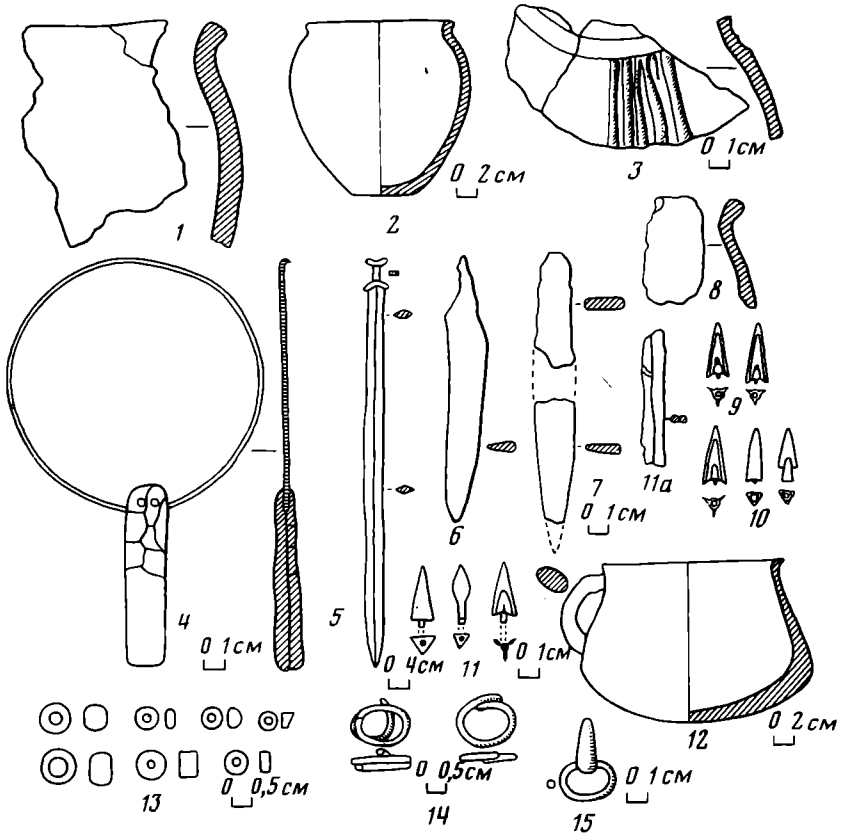


Рис. 2. Инвентарь из погребений у с. Новопавловка: *1, 2, 4, 13, 14* — кург. 5, погр. 2; *5, 6, 12, 15* — кург. 5, погр. 1; *7, 10, 11, 11а* — кург, 5, погр. 3; *3, 8, 9, 11а* — кург. 7, погр. 3; *1—3, 8* — керамика; *4* — бронза и кость; *9, 10, 14* — бронза; *5—7, 11, 11а, 15* — железо; *12* — дерево; *13* — стекло, гешир, керамика

камеры было обильно посыпано мелом. В юго-восточном углу лежали кости ног барана.

За черепом погребенной между доской и стенкой камеры стоял лепной сосуд яйцевидной формы с небольшим уплощенным дном. Поверхность его коричневого цвета, тщательно заглажена, тесто черное рыхлое с небольшой примесью талька. Высота сосуда 19,2 *см*, диаметр устья 17, дна 8 *см* (рис. 2, *2*). У правого плеча погребенной лежало бронзовое зеркало в виде круглого плоского диска с небольшим бортиком по краю. С одной стороны к нему крепилась костяная ручка прямоугольной формы, состоящая из двух пластин, скрепленных железными гвоздиками. Диаметр его 13 *см*, высота бортика 3 *мм*, длина ручки 10 *см*, ширина 2,2 *см* (рис. 2, *4*). Зеркало было помещено в два чехла: внутренний из материи, наружный — кожаный. На шейных позвонках и запястьях обеих рук были найдены бусы (306 шт). На шее обнаружено 220 бусин: две из них круглые стеклянные светло-фиолетового цвета, непрозрачные (*d* 4 *мм*), 8 — керамический бисер, остальные гешировые (*d* 2,5, *h* 1—2 *мм*). На запястье левой руки найдено 38 бусин: 12 из них стеклянные непрозрачные, светло-фиолетового цвета, круглой формы (*d* 7 *мм*), 26 гешировые (*d* 6 *мм*, *h* 3,5 *мм*). На правой руке найдено 48 бусин: 13 стеклянных, 35 гешировых, таких же, как и на правой руке (рис. 2, *13*). Бусы, найденные на запястьях рук, расположены в два ряда, один ряд из стеклянных бус, другой — из гешировых, Это была, вероятно, обшивка рукавов одежды. Справа и слева у черепа лежало по паре бронзовых серег в виде колец в 1,5 оборота, диаметром 1,1—1,5 *см*

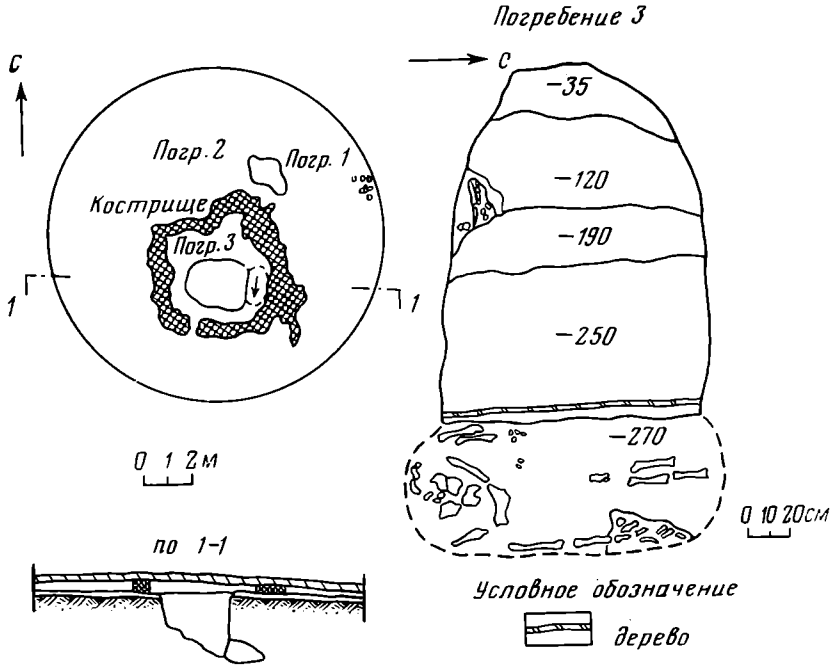


Рис. 3. Новопавловка, кург. 7

(рис. 2, *14*). У левого плеча обнаружен небольшой кусочек дерева, прошитый бронзовой проволокой.

Погребение 3 (основное) располагалось в большой овальной яме с уступами вдоль четырех сторон, ориентированной длинными сторонами по линии С—Ю. Длина ее 3,4 *м*, ширина 3, глубина 3,9 *м*. На уступы опиралось деревянное перекрытие, от которого в засыпи могильной ямы остались довольно большие куски деревянных плах, перекрытые сверху толстым слоем камыша. Погребение оказалось разграбленным (рис. 1, *7*, *8*). Кости человека были разбросаны по всему дну могильной ямы. In situ сохранились лишь кости левой ноги и части таза, судя по которым погребенный здесь мужчина лежал вытянуто на спине, головой на юг. Вдоль средней части восточной и западной стенок располагались непотревоженные обезглавленные тушки баранов. Дно могильной ямы было устлано кошмой, посыпанной сверху мелом.

На дне в беспорядке найден инвентарь: мелкие невыразительные фрагменты керамики, три бронзовых втульчатых наконечника стрел (рис. 2, *10*), железные наконечники стрел с длинными черешками, которые были обломаны (рис. 2, *11*), фрагменты железного меча или кинжала, восстановить форму которого не удалось. Рядом с костями барана найдено два обломка железного ножа (рис. 2, *7*), две железных пластинки в виде накладок, обломок железного стержня и часть костяной рукоятки от какого-то железного орудия.

Курган 7 располагался в 420 *м* юго-восточнее основной группы из шести насыпей (*d* 16, *h* 0,42 *м*). Сразу же под пахотным слоем, на глубине 0,35—0,4 *м* от вершины насыпи, встречено большое кольцевидное кострище (рис. 3, 1). Внешний диаметр его 6 *м*, внутренний — 4 *м*. Наибольшую ширину оно имеет в восточной части — 1—1,7 *м*, в западной не более 0,6—0,7 *м*. При зачистке внутренней части кострища встречались довольно большие куски обожженной почвы, зола, уголь, необожженные кости барана и фрагменты лепной керамики (рис. 2, *3*).

В кургане обнаружено три погребения. Первые два впускные (№ 1 и 2) были безынвентарными и располагались за пределами кострища. Определить их время только по обряду не представляется возможным.

Катакомбное погр. 3 (основное) находилось внутри кострища. Входная яма его прямоугольной формы была ориентирована длинными сторонами по линии З—В. Длина ее 3,4, ширина 2,4, глубина 2,5 *м*. Камера была вырублена в восточной стенке ямы. С западной стороны ямы ко входу в камеру вели три ступеньки. В засыпке во множестве встречались куски обгоревшего дерева, прокаленной почвы, зола, фрагменты керамики, подобные найденной в насыпи. Они принадлежали сосуду, вероятно, шаровидной формы. В месте перехода шейки к тулову проведены два горизонтальных желобка, от которых спускались ко дну пять вертикальных. Тесто черное, с небольшой примесью талька (рис. 2, *3*). Там же в засыпке встречены кости черепа, ребра барана и ребра лошади.

Камера примыкала к восточной стенке входной ямы и располагалась перпендикулярно ее оси по линии С—Ю. Длина камеры 2,9, ширина 1,05, высота 1 *м*. Дно ее ниже дна входной ямы на 0,2 *м*. Вход в камеру перекрывался деревянными досками и камышом. Погребение оказалось разграбленным. Кости человека были разбросаны по всему дну. In situ находились лишь кости нижних конечностей. Судя по ним, погребенный мужчина лежал вытянуто на спине, головой на юг. У восточной стенки камеры найдены передние ноги барана и ребра с лопаткой лошади (рис. 3).

На месте предполагаемой левой кисти лежало два бронзовых втульчатых наконечника стрел. Оба они трехлопастные, со скрытой втулкой (рис. 2, 9). По всему дну могильной ямы были разбросаны железные черешки наконечников стрел (не менее 15—20 шт), подобные найденным в погребении 3 кург. 5. Некоторые из них достигали в длину 11 *см* (рис. 2, *11а*).

Основное погребение 3 кургана 5 имеет ряд черт, сближающих его с погребениями савроматского времени (большая овальная яма, обезглавленные тушки баранов, обилие загробной пищи). Но сочетание южной ориентировки погребенного, конструкции могильной ямы (уступы вдоль четырех сторон) и, главное, наличие наконечников стрел, датирующихся по типологии М. Г. Мошковой, IV—III вв. до н. э.[3], позволяют нам отнести данное погребение к этому же времени. В целом не противоречат этой дате и железные наконечники стрел с длинными черешками.

Впускные катакомбные погребения 1 и 2 кург. 5, вероятно, очень близки по времени с основным захоронением. Катакомба 1 по своим конструктивным особенностям очень близка катакомбе 3, в кург. 3 Новоникольского могильника в Заволжье[4]. М. Г. Мошкова датирует ее IV в. до н. э. и относит к ранним прохоровским погребениям[5]. На стенках новопавловской катакомбы заметны следы рабочего орудия, подобные найденным и в новоникольской катакомбе. И здесь и там захоронения произведены в деревянных гробах, встречены длинные мечи. Железный меч из погр. 1, кург. 5 может быть отнесен к раннепрохоровскому типу мечей.

Точных аналогий по форме катакомбе из погр. 2, кург. 5 нет. Однако по плану она похожа на катакомбу из кург. XV, погр. 10 в могильнике Старые Кипшки в Башкирии, датируемую III—II вв. до н. э.[6] Но форма перекрытий входных ям в катакомбах 1 и 2 из кург. 5, особенно столбовая конструкция у входа, неоднократно встречалась в южноприураль-

[3] *Мошкова М. Г.* Происхождение раннесарматской (прохоровской) культуры. М., 1974, рис. 2, 77.

[4] *Шилов В. П.* Очерки по истории древних племен Нижнего Поволжья. Л., 1975, с. 9, рис. 4, *3*.

[5] *Мошкова М. Г.* Памятники прохоровской культуры.— САИ, вып. Д1—10. М., 1963, с. 21.

[6] *Садыкова М. Х.* Научный отчет о работе сарматского отряда археологической экспедиции в Кармаскалинском, Стерлитамакском, Макаровском районах Башкирской АССР. 1961. Архив БФ АН СССР, ИИЯЛ, ф. 3, оп. 29, ед. хр. 37, р. 124.

ских погребениях V—IV вв. до н. э.[7] В пользу даты IV—III вв. до н. э. может свидетельствовать наличие лепного сосуда в погр. 2. По форме он близок ко II типу круглодонных сосудов, выделенных для IV—III вв. до н.э.[8]

Зеркало, найденное в той же камере, относится к VII типу (по А. М. Хазанову). Он назвал такой тип зеркал савроматским, но встречаются эти зеркала и в прохоровское время. Этот тип, по его мнению, складывается в Южном Приуралье под скифосибирским влиянием[9]. По-

Распространение типов катакомбных захоронений в междуречье Илека – Волги

Время	Типы						Всего
	I тип		III тип		II тип		
	Нижнее Поволжье	Южное Приуралье	Нижнее Поволжье	Южное Приуралье	Нижнее Поволжье	Южное Приуралье	
III–II вв. до н. э.			3	2	3	8	16
IV–III вв. до н. э.	1	2		2		2	7
IV в. до н. э.		1	1				2
V в. до н. э.		5					5
Всего	1	8	4	4	3	10	30

этому зеркало из Новопавловки тоже можно датировать IV—III вв. до н. э.

В целом дата IV—III вв. до н. э. для нас представляется наиболее убедительной в определении времени для катакомб 1 и 2 в кург. 5.

Катакомбное захоронение в кург. 7 интересно прежде всего тем, что сопровождалось огромным кострищем, что свойственно главным образом южноприуральским памятникам савроматского времени. Считается, что эта особенность ведет свое происхождение от погребального обряда андроновской культуры, для которой была характерна большая роль огня[10]. К сожалению, погребение оказалось разграбленным. Но по отдельным элементам обряда и бронзовым наконечникам стрел его можно датировать IV—III вв. до н.э. Данный тип катакомб более характерен для памятников Южного Приуралья и, в частности, для Илекской группы памятников V—III вв. до н. э.[11] Позже указанного периода этот тип катакомб пока не встречен (таблица).

Таким образом, все новопавловские катакомбы датируются в пределах одного периода IV—III вв. до н. э.

Много споров возникает в настоящее время в вопросах единства и различия сарматских памятников Нижнего Поволжья и Южного Приуралья. Несомненно, и то и другое имело место. Но сходства все же больше, чем различий, и новые раскопки дают все больше тому подтверждений. Так, В. П. Шилов в числе различий памятников раннесарматского времени двух указанных регионов назвал наличие только в Нижнем Поволжье дощатых гробов[12]. В настоящее время это различие отпадает, так как сразу в двух новопавловских катакомбах встречены

[7] *Смирнов К. Ф.* Савроматы. М., 1964, с. 336, 337, рис. 42, *1, 2*; 43, *1, 2*.
[8] *Мошкова М. Г.* Памятники прохоровской культуры, табл, 9, *11*.
[9] *Хазанов А. М.* Генезис сарматских бронзовых зеркал.— СА, 1963, № 4, с. 61, рис. 2, *2*.
[10] *Мошкова М. Г.* Памятники прохоровской культуры, с. 23.
[11] *Смирнов К. Ф.* Сарматы на Илеке. М., 1975, с. 98, рис. 34, *4*.
[12] *Шилов В. П.* Ук. соч., с. 132.

дощатые конструкции. Обычай хоронить в гробах встречается в Южном Приуралье с савроматского времени. Захоронения в дощатых конструкциях (деревянные рамы) были исследованы К. Ф. Смирновым в Западном Оренбуржье [13].

В конце 40 — начале 50-х годов четыре катакомбных захоронения исследовал в Уральской области И. В. Синицын (погребения в кург. 2; погр. 2, кург. 3; погр. 4, кург. 4 у с. Калмыково и кург. 13 в могильнике Кара-оба) [14]. Первый исследователь этих погребений датировал катакомбы I в. до н. э.—I в. н. э. и отмечал, что они свидетельствуют о наличии гуннских захоронений между Волгой и Уралом [15]. В другом месте И. В. Синицын писал, что калмыковская группа погребений подтверждает наличие в Заволжье могильных сооружений среднеазиатского типа [16].

К. Ф. Смирнов датирует калмыковские катакомбы более ранним временем II—I вв. до н. э. и отмечает на их примере тесную генетическую связь сусловской и прохоровской культур [17].

М. Г. Мошкова эти же погребения датирует еще более ранним временем. По предметам вооружения и керамике III—II вв. до н. э.[18], не останавливаясь в деталях на анализе калмыковских и караобинской катакомб, только отметим, что дата, предложенная М. Г. Мошковой, нам кажется более убедительной. Что же касается локализации данных захоронений, то мы согласны с исследователями, что калмыковские катакомбы следует относить к региону Южное Приуралье, а караобинскую считать связующей между южноприуральскими и нижневолжскими памятниками прохоровского времени [19].

Со времени появления статьи К. Ф. Смирнова о катакомбах [20] прошло немало лет. Раскопки за это время принесли новые катакомбные захоронения, и настал, по-видимому, момент снова вернуться к вопросу о происхождении этого интересного типа могил.

В настоящее время в степях между Волгой и Илеком нами учтено 30 катакомбных захоронений. Из них 22 в Южном Приуралье и 8 — в Нижнем Поволжье. Все они датируются в пределах с V по III—II вв. до н. э. К V в. до н. э. относятся 5 катакомб, к IV в. до н. э.—2, к IV—III вв. до н. э.— 7, к III—II вв. до н. э.— 16. Таким образом, более 50% катакомбных захоронений приходится на период III—II вв. до н. э.

Из таблицы видно, как распределяются катакомбные захоронения во времени и пространстве по типам. За основу взята классификация, разработанная К. Ф. Смирновым [21].

К I типу относятся 9 захоронений, из них 8 в Южном Приуралье и 1 в Нижнем Поволжье. В V в. до н. э. этот тип катакомб встречается только в Южном Приуралье, в илекской группе памятников. К IV в. до н. э. относится одна катакомба в кург. 6 из I Альмухаме-

---

[13] *Смирнов К. Ф.* Савроматы. с. 94, рис. 42, *2*.

[14] *Синицын И. В.* Археологические памятники на реке Малый Узень.— КСИИМК, вып. XXXII, 1950, с. 101, 102; *его же.* Археологические исследования в Саратовской области и Западном Казахстане.— КСИИМК, вып. 45, 1952, с. 66—72; *его же.* Археологические исследования в Западном Казахстане.— Тр. ИИАЭ АН КАЗ ССР, т. 1, Алма-Ата, 1956, с. 87—139; *его же.* Археологические исследования Заволжского отряда.— МИА, № 60, 1959, с. 147—155.

[15] *Синицын И. В.* Археологические исследования в Саратовской области..., с. 92.

[16] *Синицын И. В.* Археологические исследования Заволжского отряда, с. 202.

[17] *Смирнов К. Ф.* Ранние кочевники Южного Урала.— АЭБ, т. IV, 1971, с. 73; *его же.* Сарматские катакомбные погребения Южного Приуралья — Поволжья и их отношение к катакомбам Северного Кавказа.— СА, 1972, № 1, с. 79.

[18] *Мошкова М. Г.* Памятники прохоровской культуры, с. 16—21.

[19] *Смирнов К. Ф.* Сарматские катакомбные погребения..., с. 77, 78; *Шилов В. П.* Ук. соч., с. 128.

[20] *Смирнов К. Ф.* Сарматские катакомбные погребения...

[21] *Смирнов К. Ф.* Сарматские катакомбные погребения..., с. 74.

товской группы в Башкирии [22]. К IV—III вв. до н. э. относятся три катакомбы, из них две — в Южном Приуралье, в том числе новопавловская катакомба в погр. 3, кург. 7. Как показали исследования на левобережье Уральской области, памятники этой территории при наличии специфических черт имеют большое сходство с илекскими. В Нижнем Поволжье катакомба I типа исследована у с. Визенмиллер (кург. 4, погр. 3). Но она по конструкции значительно отличается от южноприуральских и происхождение ее неясно.

Таким образом, I тип катакомб является наиболее ранним и, за исключением визенмиллеровской катакомбы, характерен для междуречья Урала—Илека.

Катакомб III типа обнаружено 8: 4— в Южном Приуралье и 4 — в Нижнем Поволжье [23]. К IV в. до н. э. относится только новоникольская катакомба. К IV—III вв. до н. э. относятся обе новопавловские катакомбы из кург. 5. К III—II вв. до н. э. относятся 5 катакомб: 2 — в Южном Приуралье, 3 — в Нижнем Поволжье (одна из них — кара — обинская в Уральской обл).

Более многочисленными являются катакомбы II типа, их 13: 10 — в Южном Приуралье и 3 — в Нижнем Поволжье. Наиболее ранние катакомбы этого типа появляются в IV—III вв. до н. э. Их 2, это катакомбы в кург. 2 у с. Прохоровка и в кург. 5, погр. 2 в I Альмухаметовской группе в Башкирии [24]. Большая часть катакомб этого типа приходится на III—II вв. до н. э. В Южном Приуралье их 8 (7 в илекской группе), в Нижнем Поволжье — 3.

Исходя из данного разбора, можно сделать вывод, что Южное Приуралье является регионом, где получили наиболее широкое распространение катакомбные захоронения, в отличие от других территорий расселения племен савромато-сарматской культуры, к тому же в более раннее время.

Из всего огромного региона Южного Приуралья следует выделить степи между Илеком и Уралом, между г. Уральском и с. Калмыково, где сосредоточена подавляющая часть южноприуральских катакомб: 16 из 22. Именно с этой территории известны как наиболее ранние, так и наиболее развитые типы катакомб. Может быть, в прохоровское время именно отсюда они распространяются в Нижнее Поволжье по линии Илек — район с. Калмыково — р. Большой и Малый Узени — заволжские степи.

Сложным является вопрос о происхождении катакомбных захоронений.

В советской ахреологической литературе 40—50-х годов долгое время господствовала точка зрения А. Н. Бернштама, который связывал появление и распространение катакомб в Средней Азии с гуннами [25].

В середине 50-х годов С. С. Сорокин высказал противоположную точку зрения. Он считал, что А. Н. Бернштам сильно удревнил дату Кенкольского могильника, материал которого имеет несомненные генетические корни в местной культуре IV—I вв. до н. э. Кроме того, он отметил, что местные племена имели тесные контакты с носителями сарматской культуры, что в основе сходства среднеазиатского материа-

---

[22] *Пшеничнюк А. Х.* Научный отчет об археологической экспедиции на территории Башкирии в 1975 г. Архив БФ АН СССР ИИЯЛ, рис. 70.

[23] Используя классификацию катакомб, предложенную К. Ф. Смирновым, мы позволили себе поменять II и III типы местами, так как считаем, что хронологически катакомбы III типа более ранние, чем II, хотя и сосуществуют некоторое время.

[24] *Пшеничнюк А. Х.* Ук. отчет, с. 66.

[25] *Бернштам А. Н.* Археологические работы в Семиречье.— КСИИМК, IV, 1940, с. 45, 46; *его же.* Историко-археологические очерки Центрального Тянь-Шаня и Памиро-Алая.— МИА, № 26, 1952, с. 207.

ла первых веков нашей эры с сарматским лежат тесные контакты и, возможно, генетическая общность [26].

Почти тогда же О. В. Обельченко на основе анализа погребального обряда Кую-Мазарского и Лявандакского могильников обращал внимание на «сарматообразный» облик подбойно-катакомбных могил Средней Азии [27].

Нам представляется, что в настоящее время в вопросе о происхождении среднеазиатских катакомб необходимо учитывать также открытие их в могильнике эпохи бронзы Заман-Баба, расположенном в низовьях Зеравшана [28]. Пробел между эпохой бронзы и ранним железным веком заполнило исследование А. М. Мандельштамом катакомб в Тулхарском могильнике, датируемых IX—VIII вв. до н. э.[29]

Завершает единую цепь развития катакомбных захоронений в Средней Азии катакомба V—IV вв. до н. э. в одном из курганов Чирик-Рабада [30].

Б. А. Литвинский считает, что генетические корни катакомбных захоронений Средней Азии следует искать в местной среде, а контакт с сарматами мог ускорить процесс их распространения, но в целом он шел спонтанно [31].

Все высказанное позволяет нам рассматривать Среднюю Азию как один из регионов, где встречаются наиболее ранние катакомбы, и отсюда вполне вероятно их влияние на происхождение катакомб первого типа Южного Приуралья.

Прототип катакомб, подобных первому типу, мог зародиться еще у саков. Бесшатырские деревянные сооружения со специальными входами, заваленными сверху камнями и землей, в плане похожи на катакомбы, только наземные [32]. Подобные формы могильных ям известны и в Южном Приуралье [33].

Западные соседи савромато-сарматов также знали катакомбные типы могил, но главным образом II и III типов. Такие катакомбы известны на Никопольском курганном поле и в курганах около Борисполя [34]. В последнем случае В. И. Ильинская выделяет два типа: трапециевидные и продолговатые. Продолговатые в плане катакомбы очень похожи на сарматские.

В. С. Ольховский в статье, посвященной скифским катакомбам Северного Причерноморья, также выделяет ряд типов катакомб, близких савромато-сарматским, но отмечает, что ранние катакомбы у скифов очень редки, всего 6—7 и относятся к VI—V вв. до н. э., массовое же расп-

---

[26] *Сорокин С. С.* Некоторые вопросы происхождения керамики катакомбных могил Ферганы.— СА, XX, 1954, с. 131—147; *его же.* О датировке и толковании Кенгольского могильника.— КСИИМК, № 64, 1956, с. 113.

[27] *Обельченко О. В.* Кую-Мазарский могильник.— Тр. ИИА АН УзССР, вып. VII. Ташкент, 1956, с. 226, 227; *его же.* Лявандакский могильник.— ИМКУ, вып. 2. Ташкент, 1961, с. 122—129, 170—176.

[28] *Гулямов Я. Г., Исламов У., Аскаров А.* Первобытная культура и возникновение орошаемого земледелия в низовьях Зеравшана. Ташкент, 1968, с. 120—129, табл. IV.

[29] *Мандельштам А. М.* Памятники эпохи бронзы в Южном Таджикистане.— МИА, № 145, 1968, с. 94.

[30] *Толстов С. П.* По древним дельтам Окса и Яксарта. М., 1962, с. 139, 143, рис. 76.

[31] *Литвинский Б. А.* Курганы и курумы Западной Ферганы. М., 1972, с. 72.

[32] *Акишев К. А., Кушаев Г. А.* Древняя культура саков и усуней долины р. Или. Алма-Ата, 1963, рис. 13—16.

[33] *Смирнов К. Ф.* Савроматы, рис. 20, *1*; *Мошкова М. Г.* Сарматские погребения Ново-кумакского могильника близ г. Орска.— МИА, № 153. 1972, с. 29, 30, рис. 2, *1* и 3; *Пшеничнюк А. Х.* Раскопки курганов на юго-востоке Башкирии.— АО 1974. М., 1975, с. 173, 174.

[34] *Граков Б. Н.* Скифские погребения на Никопольском курганном поле.— МИА, № 115, 1962, с. 83—85; *Ильинская В. И.* Скифские курганы около г. Борисполя.— СА, 1966, № 3, с. 154—159.

ространение они получают только в V—III вв. до н. э. Он не отвергает определенного влияния восточных кочевников на погребальный обряд ранних скифов [35]. Действительно, заимствование у западных соседей, вероятно, исключается, так как между южноприуральскими катакомбами ранних развитых типов и скифскими нет связующих звеньев. Как уже указывалось, Нижнее Поволжье не дает катакомб ранее IV в. до н. э.

В отношении наиболее ранних катакомб Северного Кавказа К. Ф. Смирнов убедительно показал их зависимость от сарматских [36].

Северные и северо-восточные соседи савромато-сарматов не дают могильных ям, близких по конструкции к катакомбам, поэтому говорить об их влиянии не приходится.

В археологической литературе, посвященной исследованию сарматской культуры, имеются различные точки зрения по поводу происхождения катакомб. К. Ф. Смирнов считает, что сама идея сооружения подземных камер со входом могла зародиться под влиянием больших грунтовых могил с деревянными перекрытиями и специально устроенными входами. И возникнуть эта идея могла у савроматов самостоятельно [37]. Распространение же катакомб на широких просторах объясняется близостью идеологических, религиозных представлений степных народов [38].

М. Г. Мошкова, отмечая, что катакомбы появляются еще в савроматское время, также считает вопрос об их происхождении открытым [39].

В. П. Шилов связывает происхождение катакомб и подбоев савромато-сарматов с эпохой бронзы. Однако здесь же оговаривается, что между ними лежит большой хронологический разрыв, еще ничем не заполненный [40].

Нам кажется, что на данном этапе невозможно полностью разрешить вопрос о происхождении катакомбных захоронений на всей территории расселения племен савромато-сарматской культуры. Однако это не исключает возможности более конкретно рассматривать этот вопрос в отношении отдельных регионов.

Среди учтенных в настоящее время 970 погребений савроматского и прохоровского времени в Южном Приуралье на катакомбные захоронения приходится самый незначительный процент — 2,4.

Обращает на себя внимание факт, что незначительное количество катакомбных захоронений распространяется на огромной территории и в относительно большом хронологическом отрезке времени — V—II вв. до н. э. Все это свидетельствует о том, что данный способ захоронения не был массовым и характерным для южноприуральских племен, и объяснить его, вероятно, можно, скорее всего, заимствованием у соседей.

Именно потому, что большинство ранних катакомб известно в междуречье Илека и Урала, мы не исключаем определенного влияния племен Средней Азии на появление катакомб I типа. Так, в савроматское время именно в илекской группе памятников появляется много новых черт, нехарактерных для всей территории расселения «савроматов». Это и южная ориентировка костяков, круглодонная керамика, и в том числе более широкое распространение подбойно-катакомбных могил. Именно в это время племена, расселявшиеся по Илеку, поддерживали тесные контакты с племенами и государствами Средней Азии [41].

[35] *Ольховский В. С.* Скифские катакомбы в Северном Причерноморье.— СА, 1977, № 4, с. 126, 127, рис. 2.

[36] *Смирнов К. Ф.* Сарматские катакомбные погребения..., с. 78.

[37] *Смирнов К. Ф.* Савроматы, с. 83, 84.

[38] *Смирнов К. Ф.* Сарматские катакомбные погребения..., с. 75, 76

[39] *Мошкова М. Г.* Памятники прохоровской культуры, с. 21.

[40] *Шилов В. П.* Калиновский курганный могильник.— МИА, № 60, 1959, с. 428; *его же.* Очерки по истории..., с. 114.

[41] *Савельева Т. В., Смирнов К. Ф.* Ближневосточные древности на Южном Урале.— ВДИ, 1972, № 3, с. 106—123; *Смирнов К. Ф.* Савроматы и сарматы.— В сб.: Проблемы археологии Евразии и Северной Америки. М., 1977, с. 136.

B. F. Jéleztchikov, V. A. Krigher

LES SEPULTURES EN CATACOMBES DANS LA REGION DE L'OURAL

Résumé

Au cours de l'été 1976, trois sépultures en catacombes ont été étudiées près du village de Novopavlovka (région de Térektino) (fig. 1-3). Qutre autres catacombes ont été étudiées par I. V. Sinitzyn près du village de Kalmykovo, ainsi que dans le champ funéraire de Kara-Oba.

A l'heure actuelle, dans la région comprise entre l'Ilek et la Volga, on connaît en tout trente sépultures en catacombes, dont vingt-deux dans la région sud de l'Oural et huit dans celle de la basse Volga. Dans la région sud de l'Oural, pour la fréquence des catacombes, on doit distinguer la région située entre l'Oural moyen et l'Ilek, où il s'en trouve seize sur vingt-deux.

Le type le plus ancien est le type I; viennent ensuite les types III et II. Les plus anciens existent seulement dans la région sud de l'Oural (pl. I).

La question de l'origine des sépultures en catacombes est très compliquée. Mais il nous semble cependant que, à l'époque sarmate, les tribus de la région sud de l'Oural ont pu emprunter les catacombes du type I aux tribus de l'Asie Centrale.

Р. Б. ИСМАГИЛОВ

КИНЖАЛЫ ПОЗДНЕСАВРОМАТСКОГО ВРЕМЕНИ ИЗ БАШКИРИИ

Лесостепные и степные районы Башкирской автономной республики, заселенные в эпоху раннего железа савроматскими племенами, дали в последние годы немало случайных находок савромато-сарматского оружия, в первую очередь мечей и кинжалов. Некоторые из них повторяют хорошо известные в пределах евразийского региона формы, другие же, напротив, достаточно своеобразны. Несколько находок с юга Башкирии, относящихся в целом ко второй половине существования савроматской культуры, включены нами в настоящую публикацию. Условно все они отнесены к категории кинжалов на основании того, что их длина не превышает 40 *см*. Морфологически публикуемое оружие может быть сведено к двум видам с зооморфным (когтевидным) и уплощенно-овальным навершием. В указанной последовательности мы его и описываем.

Осенью 1972 г. в 1,2 *км* к юго-востоку от пос. Дадановка (20 *км* к северо-западу от г. Стерлитамака), у опушки леса, рядом с дорогой в с. Кармаскалы учителем А. М. Никитиным и его сыном М. А. Никитиным была найдена верхняя часть сломанного короткого меча или кинжала (рис. 1, *1*) [1]. Летом 1976 г. место находки было осмотрено автором статьи. Установлено, что кинжал был выпахан из небольшого кургана, насыпанного на вершине пологого сырта, с которым, по утверждению местных жителей, связаны находки еще нескольких мечей и кинжалов, случайно обнаруженных в окрестностях поселков Дадановка и Сосновка и хранящихся теперь в Меселинской средней школе Аургазинского р-на.

Длина кинжала, от которого сохранилась рукоятка с примыкающей частью клинка, составляет в настоящее время 21,5 *см*; можно предположить, что первоначальная длина его не превышала 40—50 *см*. Навершие, обломанное с одной из сторон, зооморфное, в виде пары птичьих лап с горизонтальной перекладиной, соединяющей обе волюты (высота 2,3 *см*, ширина, очевидно, была около 6 *см*). В основании лап с обеих сторон выбиты два сильно испорченных коррозией кружочка, изображающих глаза. Рукоятка представляет собой железную полосу длиной 7,0 и толщиной 0,5—0,6 *см* со слабо углубленной центральной частью, отделенной от боковин неглубокими вертикальными врезными линиями. Ромбический в сечении клинок, имевший скорее всего форму сильно вытянутого к острию треугольника, снабжен вертикальным ребром жесткости, проходящим по его центру. Обращает на себя внимание большая длина (8,3 *см*) узкого (2,2 *см*) бабочковидного перекрестья.

Подобный же кинжал (рис. 1, *2*) был найден летом 1975 г. учеником Р. Абдульмановым близ дер. Тляумбетово Кугарчинского р-на на высоком правом берегу р. Накас (правый приток р. Большой Ик, впадающей в

[1] Кинжал хранится в Стерлитамакском краеведческом музее. Приношу искреннюю благодарность А. М. и М. А. Никитиным за помощь в осмотре места находки.

Сакмару), на пашне. Возможно, что он своим происхождением связан с интенсивно распахиваемой курганной группой, открытой автором статьи во время археологической разведки 1973 г., во всяком случае сопоставление плана могильника и описания места находки делают это предположение очень вероятным [2].

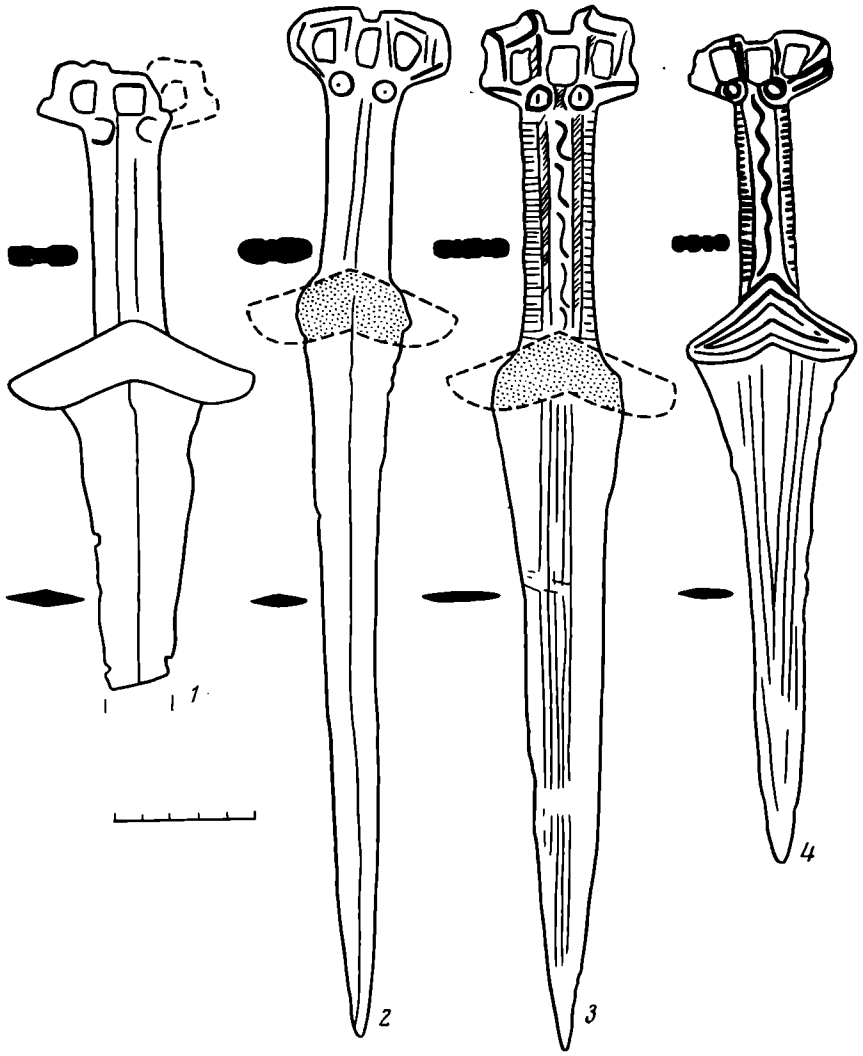


Рис. 1. Савроматские кинжалы с когтевидным навершием из Южной Башкирии: *1* — пос. Дадановка возле Стерлитамака; *2* — дер. Тляумбетово Кугарчинского р-на (р. Накас); *3* — дер. Акназарово (Байзигиткино) Мелеузовского р-на (верховья р. Белой); *4* — место находки неизвестно, хранится в Уфимском ИИЯЛ БФАН СССР

Длина кинжала 36,9 *см*. Зооморфное навершие имеет ширину 5,6, высоту 2, 6 *см*. Рукоятка длиной 6,7 и шириной 2,2 *см* в сечении подпрямоугольной формы. На одной из ее сторон сверху над навершием размещена пара глаз, а по центру не совсем симметрично пробиты две вертикальные линии. Перекрестье, от которого сохранился ясный след, утеряно. Клинок длиной 26,7 и шириной в основании 3,3 *см* представляет собой сильно вытянутую к острию треугольную фигуру. Клинок приблизительно на три четверти длины был обточен уже после находки; судя по примыкающей к рукоятке части, он имел ромбическое сечение.

[2] Кинжал передан на хранение в Стерлитамакский краеведческий музей. Благодарю учащегося Стерлитамакского культпросветучилища С. Сулейманова за содействие в опубликовании этой находки.

Еще один железный кинжал (рис. 1, *3*) был случайно найден во время сельскохозяйственных работ летом 1977 г. учениками Сарышевской восьмилетней школы в 3 *км* к северо-западу от дер. Акназарово (Байзигиткино) Мелеузовского р-на на распахиваемом склоне пологого холма, недалеко от старого русла р. Белой, отмеченного в настоящее время цепью небольших старичных озер [3].

Длина кинжала 36,5 *см*. Навершие высотой 3,5, шириной 5,6 *см* той же конструкции, что и описанных выше акинаков. Плоские волюты в местах сгиба выделены небольшими округлыми выступами с отходящими от них углубленными линиями, которыми, видимо, мастер старался подчеркнуть рельеф мускулатуры когтистых птичьих лап. Глаза переданы кружочками с удлиненными зрачками-вдавлениями посредине. Узкие полоски, отделяющие середину украшенной S-овидными значками прямоугольной в разрезе рукоятки (длина 8,3, ширина 2,5 *см*) от ее гофрированных краев, покрыты мелкой наклонной насечкой; такого же рода орнаментация сохранилась частично на волютах навершия и в промежутке между птичьими глазами (рис. 2). Перекрестья на кинжале в настоящее время нет, но ясно заметное углубление не только позволяет утверждать о его существовании в древности, но и дает достаточное основание для восстановления формы перекрестья, в данном случае бабочковидного. Клинок двулезвийный, линзовидного сечения и покрыт с обеих сторон пятью углубленными линиями, опущенными через центр от перекрестья до самого острия.

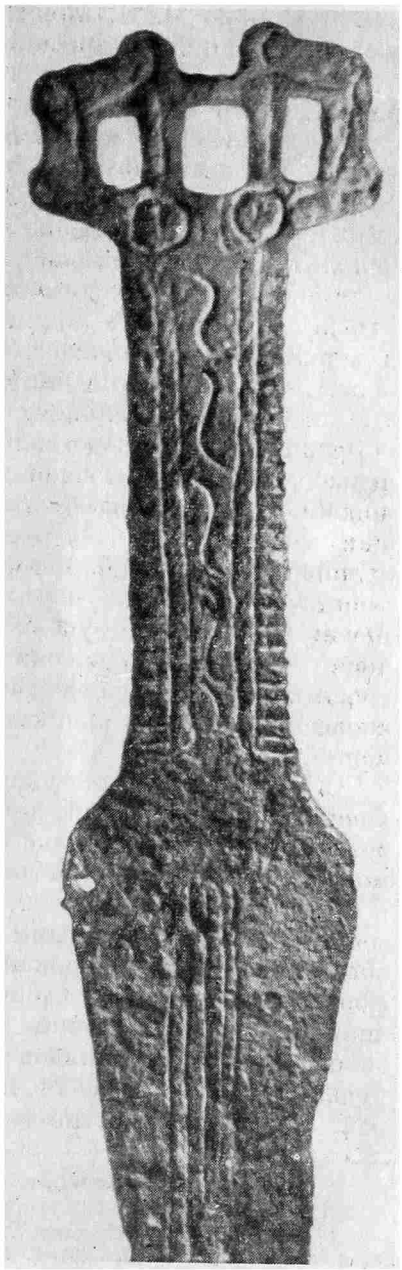


Рис. 2. Кинжал из дер. Акназарово

Наиболее яркая черта, характеризующая наши находки,— когтевидное навершие, созданное по единой схеме,— позволяет отнести все их к одному отделу, а узкое бабочковидное во всех случаях перекрестье уточняет их место среди евразийского оружия с зооморфным навершием.

Мечи и кинжалы с когтевидным навершием и бабочковидным или ложнотреугольным перекрестьем были довольно широко распространены в эпоху раннего железа у степных и лесостепных племен Восточной Европы. Особенно популярными они были среди скифов [4], а также среди савроматов Южного Приуралья и Нижнего Поволжья [5]. В меньшей степени по-

[3] Находка передана на хранение в Стерлитамакский музей.

[4] *Мелюкова А. И.* Вооружение скифов.— САИ, вып. Д1-4. М., 1964, с. 55 сл., табл. 20.

[5] *Смирнов К. Ф.* Вооружение савроматов.— МИА, № 101, 1961, с. 21, 22, рис. 4; *Горбунов В. С., Исмагилов Р. Б.* Новые находки мечей и кинжалов савроматосарматского времени в Башкирии.— СА, 1976, № 3, с. 240, 241, рис. 1, *9*, *10*.

добное оружие было известно древнему населению Нижнего Дона [6], Зауралья [7], городецкой [8], ананьинской [9] и ряда других культур.

Долгое время оставался неясным вопрос о смысле волют, образующих навершие мечей указанного типа, и понадобилась специальная работа Н. Я. Мерперта, в которой волюты убедительно были трактованы как завитки птичьего когтя, скорее всего орлиного. Этим же автором были названы и причины, заставлявшие украшать оружие таким образом [10]. Однако Н. Я. Мерперт, как и все остальные исследователи, прошел мимо одной интересной детали, а именно — перекладины, соединяющей обе волюты. Между тем для удовлетворительной, на наш взгляд, расшифровки последней достаточно обратиться к принципу устройства скифских мечей с золотыми рукоятками, имевшими волюты с перекладиной. Тонкая золотая фольга накладывалась на рукоять и оббивалась до тех пор, пока железная основа не оказывалась обтянутой со всех сторон плотно прилегающим к ней мягким металлом (иногда, возможно, использовалось какое-либо вязкое вещество типа смолы), что закономерно привело к необходимости создания жесткой конструкции навершия. Это было достигнуто путем соединения когтевидных волют между собой в верхней части горизонтальной перекладиной, происхождение которой носит, таким образом, чисто утилитарный характер и лишено возможности любого рационального толкования с позиций развития художественно-религиозных представлений причерноморских номадов. Изложенное позволяет прийти к очевидному выводу о выработке и существовании подобного новшества первоначально лишь в греческих или греко-скифских мастерских по изготовлению парадного «царского» оружия с последующей реализацией принципа в практике выделки железных акинаков собственно скифами, перенявшими это новшество. Сплошные навершия мечей с золотыми рукоятками формально приближаются к брусковидным [11], будучи фактически связанными с зооморфными угловатыми контурами, повторяющими форму волют, углублениями на месте отверстий железной основы и нанесенными на золоте с помощью резца рисунками когтей [12].

В соответствии с приведенными выше соображениями находится и хронологический аспект проблемы, заключающийся в том, что навершие без перекладины должно быть более ранней и одновременно исходной морфологически формой для навершия, этой перекладиной соединенного. В качестве критерия для формального членения скифских мечей с зооморфным когтевидным навершием, относящихся ко II отделу, согласно общепринятой классификации А. И. Мелюковой, выступает, как известно, форма и массивность бабочковидного перекрестья, не оставшегося неизменным на протяжении нескольких столетий своего существования. На основе мечей и кинжалов с довольно массивными перекрестьями, датирующимися с конца VI по начало IV в. до н. э., складывается второй, более поздний тип мечей и кинжалов, дата которого определяется

---

[6] *Миллер А. А.* Раскопки в районе древнего Танаиса.— ИАК, № 35, СПб., 1910, с. 115.

[7] *Стоянов В. Е., Фролов В. Н.* Курганные могильники у дер. Воробьево.— ВАУ, № 4, 1962, с. 53 сл., рис. 30, *1, 2*.

[8] *Граков Б. Н.* Бронзовая рукоять меча из-под Мурома.— СА, 1961, № 4, с. 140; *Гуляев В. И.* Мечи скифского типа с территории городецкой культуры.— СА, 1961, № 4, с. 236, рис. 1, 2.

[9] *Збруева А. В.* История населения Прикамья в ананьинскую эпоху.— МИА, № 30, 1952, табл. XXX, *21*.

[10] *Мерперт Н. Я.* Акинак с когтевидным навершием.— КСИИМК, XXI, 1948, с. 7.

[11] Впервые на это обратил внимание Б. Н. Граков. См. *Граков Б. Н.* Ук. соч., с. 140.

[12] Только нежеланием стереть отличия между когтевидными и овально-брусковидными навершиями можно объяснить тот факт, что перекладина ни одного из мечей не находится на одном уровне с верхним краем когтей, а всегда опущена немного ниже.

концом V — началом III в. до н. э.[13] Для нас важно здесь то, что среди мечей первого типа нет ни одного, рукоятка которого была бы обложена золотом (хотя этот металл начинает употребляться для декорирования рукоятей мечей с брусковидным навершием во всяком случае не позднее рубежа VII—VI вв., как об этом свидетельствуют известные мельгуновский и келермесский акинаки), и соответственно отсутствуют полностью и навершия с перекладиной.

Выше уже отмечалось, что схема навершия в виде когтистых орлиных лап получила значительное распространение и в савроматской среде, особенно среди кочевников Приуралья и Башкирии, причем почти все кинжалы здесь, как и у скифов, снабжены перекладиной. У савроматов известно всего два кинжала с когтевидным навершием, лишенным этой детали, причем оба они, очевидно, относятся к более раннему времени, чем остальное оружие этого типа[14]. Учитывая их немногочисленность, заметное отличие их округлых сильно загнутых и более реалистических наверший от схематизированных угловатых наверший более позднего оружия, трудно поставить экземпляры обоих савроматских разновидностей в прямую зависимость друг от друга. Более предпочтительной, на наш взгляд, выглядит возможность объяснения происхождения савроматских кинжалов и мечей с когтевидными волютами, соединенными перекладиной, от однотипных скифских, учитывая их ближайшее сходство между собой.

В первую очередь это относится к короткому мечу из Новой Богдановки быв. Оренбургского у.[15] и кинжалу из ст. Талачево в Башкирии[16], перекрестье и рукоятка которых украшены изображениями птиц и зверей (предельно схематизированных на талачевском кинжале). К. Ф. Смирнов, вновь недавно обратившийся к новобогдановскому мечу, поместил рисунки животных на его рукояти в таблице, характеризующей савромато-сарматский звериный стиль, с чем, безусловно, следует согласиться[17]. Но несмотря на возможность соотнесения рисунков на рукоятке меча с предметами прежде всего савроматского звериного стиля, нельзя в то же время не сопоставлять их с некоторыми изображениями на золотых рукоятках скифских акинаков различных типов[18]. Сильная стилизация изображений на последних, не всегда позволяющая достоверно определить вид животного, дает тем не менее возможность уловить ряд черт сходства между ними и двумя хищниками — волками на новобогдановском мече. Звери, изображенные на рукоятках скифских мечей, нереально тонки, сильно профилированы, пасти их лишены клыков, а лапы — когтей, т. е. перед нами уже в общем не реальный хищник, а фантастический образ. Все это явственно отличается от приемов стилизации савроматскими мастерами изображений животных вообще и хищника в частности, с характерной для их иконографии зубастой пастью, мощными когтистыми лапами и известной «полнотой» всей фигуры. Наконец, перекрестья новобогдановского и талачевского мечей украшены изображениями фантастических существ — грифонов, которым никаких, даже отдаленных аналогий в Савроматии просто нет, но которые обычны на перекрестьях скифских парадных мечей различного типа, бытовавших в IV—III вв. до н. э.[19]

---

[13] *Мелюкова А. И.* Ук. соч., с. 55; *Мерперт Н. Я.* Ук. соч., с. 74—79.

[14] *Смирнов К. Ф.* Ук. соч., с. 20, 21, рис. 4. *1, 2.*

[15] Там же, с. 22, рис. 4, *5.*

[16] *Горбунов В. С., Исмагилов Р. Б.* Ук. соч., с. 240, 241, рис. 1, *9.*

[17] *Смирнов К. Ф.* Савромато-сарматский звериный стиль.— В сб.: Скифо-сибирский звериный стиль в искусстве народов Евразии. М., 1976, рис. 1, *м.*

[18] *Мелюкова А. И.* Ук. соч., с. 51—53, табл. 18, *3*; *Бобринский А. А.* Отчет о раскопках в Чигиринском у. Киевской губ. в 1908 г.— ИАК, № 35, 1910, рис. 8, *а*; *Ростовцев М. И.* Воронежский серебряный сосуд.— МАР, № 34, 1914, табл. V, *1—6; Шилов В. П.* Раскопки Елизаветовского могильника в 1959 г.— СА, 1961, № 1, рис. 11.

[19] *Ростовцев М. И.* Ук. соч., табл. 5, *2, 6.*

И все же, несмотря на греко-скифский характер рисунков животных на кинжалах из Новой Богдановки и Талачево, невозможно отрицать, как уже было сказано выше, несомненную савроматскую «окраску» и савроматское происхождение обоих кинжалов, относящихся к изделиям местных приуральских мастеров, хотя и созданных под сильным и непосредственным влиянием скифских образцов [20]. Остальные приуральско-поволжские мечи и кинжалы с антенным навершием с перекладиной, выполненные уже более упрощенно, находятся, видимо, дальше от тех скифских прототипов, которые вызвали к жизни мечи типа новобогдановского и талачевского, или, что менее вероятно, оригиналами для их изготовления послужили скифские же, но уже рядовые мечи [21].

Для датировки публикуемого оружия с когтевидным навершием из Южной Башкирии определяющая роль должна принадлежать западным аналогиям. Дата бытования скифских мечей детально рассмотрена в известной работе А. И. Мелюковой, поэтому подробно останавливаться на этом вопросе мы не будем. В целом они, появившись еще в конце V в., наибольшее распространение получили в следующем, IV в. до н. э.[22] Такова же датировка однотипного савроматского оружия, установленная К. Ф. Смирновым [23] для ряда приуральских и нижневолжских акинаков и справедливая, как нам кажется, и для башкирских находок из Дадановки и Тляумбетово.

Короткий кинжал с когтевидным навершием, найденный где-то на территории Башкирии (более точный адрес находки неизвестен), хранится в Секторе археологии и этнографии Уфимского института истории, языка и литературы Башкирского филиала АН СССР (рис. 1, *4*). Длина кинжала 28,8 *см*. Навершие длиной 5,0 и шириной 2,4 *см* изготовлено в виде пары стилизованных птичьих когтей, соединенных друг с другом горизонтальной перекладиной. В основании каждой волюты помещены изображения глаз, показанных вписанными один в другой кружочками. Уплощенная рукоять имеет длину 7,0 при ширине 1,9 *см*. Бортики рифленые, отделенные от середины вертикальными желобками. По центру рукоятки пробит еще один неглубокий волнообразный желобок. Своеобразно перекрестье, откованное из одной полосы совместно с клинком, рукоятью и навершием и созданное путем крутого расширения основания клинка с последующим нанесением на него при помощи углубленных линий изображения трех вписанных друг в друга геометрических фигур, напоминающих контуры бабочки. Треугольный обоюдоострый клинок длиной 17,3 *см* имеет в разрезе линзовидную форму. На его поверхности выбито несколько неглубоких бороздок, повторяющих изгибы лезвия,— три с одной стороны и четыре (?) с другой.

Выше уже говорилось о широкой популярности в эпоху раннего железа мечей и кинжалов с когтевидным навершием и бабочковидным (ложнотреугольным) перекрестьем. Все детали публикуемого экземпляра из Башкирии находят близкие параллели на подобных мечах Причерноморья, Приуралья и других территорий, вплоть до вертикальных бороздок на клинке [24]. На фоне этой типологическо-стилистической близости с оружием различных районов Восточной Европы необычно выглядит перекрестье, созданное за счет расширения основания клинка, но если от-

---

[20] Небольшая длина савроматских кинжалов с зооморфным навершием на фоне господства в Южном Приуралье, и особенно с IV в. до н. э., длинных кочевнических мечей может быть удовлетворительно объяснена лишь с позиций признания скифских истоков оружия указанного типа.

[21] Необъяснимым до сих пор остается факт отсутствия в самой Скифии простых, чисто железных мечей с рукоятками, украшенными изображением животных, которые бы копировали золотые мечи.

[22] *Мелюкова А. И.* Ук. соч., с. 55—58.

[23] *Смирнов К. Ф.* Вооружение савроматов, с. 21, 22.

[24] *Мелюкова А. И.* Ук. соч., с. 55—58, табл. 20, *8, 11*.

влечься от этой детали, то в целом он совершенно не выходит за пределы круга обычных савроматских мечей с наварными перекрестьями узкой бабочковидной формы. Показательны в этой связи и интересны, хотя, впрочем, не решающи, соответствия таким деталям оформления, как желобки на клинке (кинжалы из Новокумакского могильника возле Орска [25] и помещенные в настоящей работе из Акназарово (рис. 1, *3*) и Петропавловки (рис. 3) и зигзаг на рукоятке, встречающийся только на башкирских мечах [26].

Датировать описанную находку неизвестного происхождения из Башкирии, как и все аналогичное оружие [27], можно V—IV вв. до н. э.

К иному типу относится кинжал длиной 34,5 *см*, найденный где-то в окрестностях дер. Петропавловка Стерлитамакского р-на и переданный в 1960 г. в Стерлитамакский краеведческий музей гр. Шваревым (инв. № 726; рис. 3). Навершие длиной 4,5 и шириной 1,7 *см* представляет собой уплощенный овал. На его поверхности острым орудием нанесено какое-то животное, скорее всего волк, с перекрученной задней частью тела и с длинным хвостом. Рукоять длиной 7,0 и шириной 2,2 *см* имеет в сечении прямоугольную форму. Рифленые края с обеих сторон отделены от срединного поля вертикальными врезными линиями. Той же техникой нанесены на рукоятке профильные рисунки двух животных, изображенных лежащими один за другим, мордами к навершию. Мощные когтистые лапы, стоячие уши, опущенные вниз хвосты и длинные оскаленные морды выдают в них хищников, скорее всего волков (рис. 4). Верхняя часть клинка примерно на четверть своей длины с обеих сторон была еще в древности обрублена, судя по явным следам работы острого предмета типа зубила, но мы вполне уверенно можем восстановить ее форму, благодаря хорошо сохранившемуся кинжалу неизвестного происхождения из Башкирии (см. рис. 1, *4*). Предлагаемая нами на рисунке реконструкция надежно корректируется перекрестьем, созданным за счет расковки основания клинка, и имевшим, как это можно установить по сохранившимся близ рукоятки тройным углубленным линиям, контур узкобабочковидной фигуры. Края клинка украшены тройными полосками неглубоких желобков, спускаю-

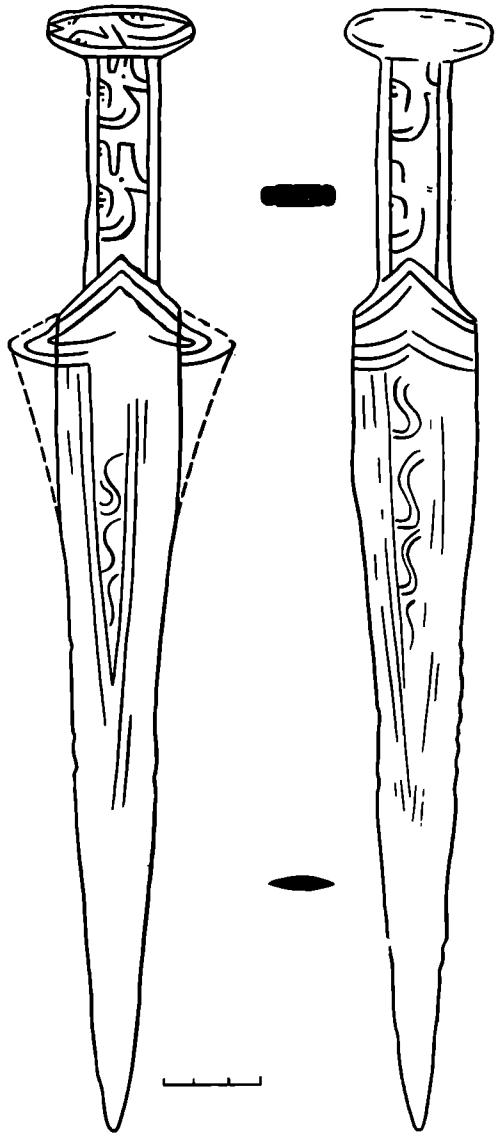


Рис. 3. Кинжал из дер. Петропавловка возле Стерлитамака. Лицевая и оборотная сторона

[25] *Мошкова М. Г.* Сарматские погребения Новокумакского могильника близ г. Орска.— В сб.: Памятники Южного Приуралья и Западной Сибири сарматского времени. М., 1972, с. 40, 42, рис. 6, *4*.

[26] *Смирнов К. Ф.* Вооружение савроматов, рис. 5, *4*. Второй кинжал хранится в Стерлитамакском краеведческом музее. Он не опубликован.

[27] *Мелюкова А. И.* Ук. соч., с. 55—58; *Смирнов К. Ф.* Вооружение савроматов, с. 21, 22.

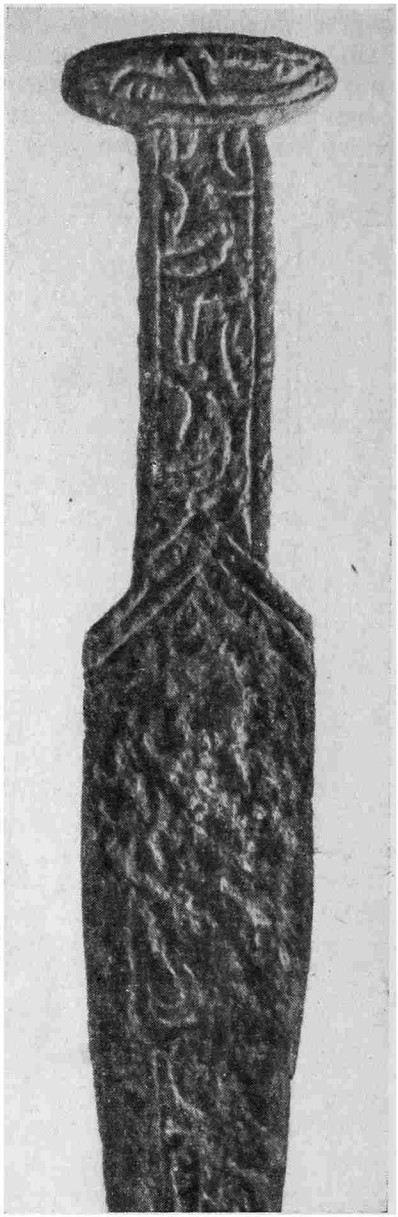


Рис. 4. Кинжал из Петропавловки. Лицевая сторона

Рис. 5. Кинжал из Петропавловки. Оборотная сторона

щихся от перекрестья вниз параллельно лезвиям и сходящихся вместе недалеко от острия, а середина — парно-одинарными S-овидными фигурами, теряющими свою ширину по направлению от перекрестья соответственно уменьшению свободного пространства между полосками. Ширина клинка у основания 3,5, длина 25,8 см (рис. 5).

Отсутствие наварного перекрестья, бесспорно установленное орнаментированностью верхней части раскованного клинка, формально сближает петропавловский кинжал с меотским оружием. В могильниках Прикубанья часто встречаются мечи с брусковидными навершиями и без металлического перекрестья [28]. Такие же находки имеются в савроматских

[28] *Смирнов К. Ф.* Пашковский могильник № 3.— КСИИМК, XXVI, 1952, с. 89, рис. 37, *1*; *его же.* О некоторых итогах исследования могильников меотской и сарматской культуры Прикубанья и Дагестана.— КСИИМК, XXXVII, 1951, с. 153, рис. 48,

памятниках северного Кавказа[29] и даже Южного Урала[30]. В деталях они обычно отличаются от башкирской большей длиной, более узкими и длинными навершиями и отсутствием желобков на клинке. Правда, лезвия архаического меча из-под Ставрополя[31] и кинжала из Новокумакского могильника возле Орска имеют продольные неглубокие канавки, но поскольку первый, в отношении которого, кажется, еще сохраняет силу установленное Т. М. Минаевой доказательство его происхождения от кавказских мечей эпохи поздней бронзы, датируется слишком ранним временем для непосредственной привязки к нему экземпляра из Башкирии, а второй, напротив достаточно поздним, не исключающим уже возможности проявления на нем инокультурных (скифских или даже савроматских) влияний, постольку мы не имеем достаточных оснований приписывать этой детали безусловно меотское происхождение.

Довольно широкое и короткое уплощенное навершие петропавловского кинжала, отличаясь от брусковидных наверший ранних скифских и савроматских акинаков VI—V вв. до н. э., заставляет вспомнить экземпляры 3-го типа первого отдела причерноморских[32] и пятого отдела поволжско-приуральских[33] мечей и кинжалов, более распространенных все же на западных относительно Волги территориях. Не чужд был для скифского оружия и такой интересующий нас прием декора, как нанесение на клинок узких и неглубоких канавок[34], причем, заметим, клинки скифских и савроматских мечей, в отличие от синдо-меотских, к тому времени приобретают строго выдержанную треугольную форму.

На всех скифских мечах рассматриваемого типа с золотыми рукоятями имеется традиционный, уже знакомый нам по мечам с когтевидным навершием ряд зооморфных изображений: грифонов на перекрестье и животных на навершии и рукоятке[35], в ряде случаев композиционно идентичных нашим. Для них характерна сильная стилизация в духе греко-скифского искусства, что совершенно не удивительно, если учитывать, что все они вышли из стен греческих мастерских по изготовлению золотого оружия.

Налицо, таким образом, западные истоки происхождения петропавловского кинжала. Образцом для его изготовления могли служить скифские акинаки с художественно оформленными рукоятками благородного металла или их скифские копии, выполненные в железе, хотя, впрочем, ни те ни другие ни разу до сих пор не найдены на савроматском востоке, а последние вообще пока неизвестны и в самом Причерноморье.

Признание савроматского заимствования скифской модели меча никоим образом не служит делу доказательства скифского изготовления петропавловского, да и других сходных с ним волго-уральских мечей. Косвенно этот вывод напрашивается уже из факта отсутствия железных

3; его же. Меотский могильник у станицы Пашковской.— МИА, № 64, 1958, с. 304, 305, рис. 5, *6*; 8, *10*; 9; *14*; 10, *22*; *Анфимов Н. В.* Меото-сарматский могильник у станицы Усть-Лабинской.— МИА, № 23, 1951, с. 166, 167, рис. 4, 5; *Гущина И. И.* Находки скифского времени из Прикубанья.— СА, 1970, № 1, с. 242, рис. 1, *1—3.*

[29] *Виноградов В. Б.* Сарматы Северо-Восточного Кавказа. Грозный, 1963, с. 16, рис. 3.

[30] *Мошкова М. Г.* Ук. соч., с. 42, рис. 6, *4.*

[31] *Минаева Т. М.* Железный меч из коллекции Ставропольского музея.— СА, 1958, № 1, 231, 232, рис. 1.

[32] *Мелюкова А. И.* Ук. соч., с. 51—53, табл. 18, *1—3; 7—10.*

[33] *Смирнов К. Ф.* Вооружение савроматов, с. 23, 24, рис. 6; *Кадырбаев М. К., Нурманкулов Ж. К.* Захоронения воинов савроматского времени на левобережье р. Илек.— В сб.: Прошлое Казахстана по археологическим источникам. Алма-Ата, 1976, с. 150—156, рис. 4, *3.*

[34] *Мелюкова А. И.* Ук. соч., табл. 18, *1, 10.*

[35] *Ростовцев М. И.* Ук. соч., табл. V; *Мелюкова А. И.* Ук. соч., табл. 18, *3*; *Шилов В. П.* Ук. соч., рис. 11; *Филатов О. П., Черненко Е. В.* Скіфський курган на Ворошиловградщині.— В сб.: Археологічни дослидження на Україні в 1969 р. Київ, 1972, с. 123, 125, рис. 1.

оригиналов в собственно Скифии, а прямые доказательства прекрасно выводятся из анализа изображений животных на петропавловской рукоятке.

Образ волка достаточно широко представлен восточнее Волги в искусстве многих племен раннего железного века Евразии, однако наибольшей популярностью пользовался он у савроматов, где наряду с изображением хищной птицы занимал господствующее место. Недавно этот вопрос подробно осветил К. Ф. Смирнов. Большинство вошедших в его сводку изображений хищников могут служить частичными или полными аналогиями изображениям волков[36] на описанном экземпляре. Животные на разобранном нами скифском оружии выглядят гораздо более далекими от образцов савроматского звериного стиля как в смысле выбора объекта изображения, так и его стилизации.

Последним доводом в пользу изготовления петропавловского кинжала не в Скифии, Прикубанье или еще где-либо, а на месте, в Приуралье или, если быть более точным, в Башкирии, служит оригинальная конструкция перекрестья, уже знакомая нам по кинжалу неизвестного происхождения (см. рис. 1, *4* настоящей статьи), найденному в пределах также БАССР.

Датировка петропавловского кинжала не вызывает особых затруднений. Многочисленные скифские аналогии, отмеченные выше, существовали в пределах IV — первой половины III в. до н. э.[37] Эта дата вполне может быть принята и для нашей находки, но с некоторыми коррективами. Дело в том, что у савроматов уже с конца IV в. до н. э. господствуют длинные всадннческие мечи прохоровского типа с навершиями и перекрестьями новых форм, причем господствуют безраздельно, демонстрируя удивительное единообразие оформления. Трудно предполагать возможность существования в таких условиях мечей старых савроматских типов, к одному из которых относится и петропавловский кинжал. С учетом сказанного дату его бытования следует, на наш взгляд, ограничить IV в. до н. э., а возможно, и первой половиной этого столетия.

R. B. Ismaghilov

LES POIGNARDS DE BACHKIRIE DE LA FIN DE L'EPOQUE SARMATE

Résumé

Dans cet article on décrit quatre poignards, découverts par hasard dans la région sylvo-steppique et steppique du Sud de la République autonome de Bachkirie. Trois d'entre eux appartiennent au groupe des épées et des poignards au pommeau zoomorphe (ici en forme de griffes); le quatrième a un pommeau plat et ovale.

Trouvés l'un dans le village de Dadanovka, près de Sterlitamak (fig. I, 1), et l'autre dans les environs du village de Tliaoumbetovo, région de Kougartchinskoïé (fig. I, 2), deux de ces poignards à pommeau en forme de griffes ont de proches analogues dans les armes scythes du même genre; cependant leur appartenance scythe est douteuse. Le fait est que, à en juger par les trouvailles de ces dernières années, les épées ayant de tels pommeaux à «antennes» étaient non moins répandues sur le territoire proprement sarmate, et avant tout dans la région de l'Oural, qu'en Scythie.

A côté des exemplaires «classiques», dans la région de l'Oural apparaissent des variantes locales, ce dont témoigne un original poignard de Bachkirie: la garde, en forme de «papillon», à la différence des autres armes de ce type, n'est pas soudée mais obtenue au moyen du forgeage de la base de la lame (fig. I, 3). On estime que ces armes à pommeau à «antennes» étaient en usage vers la fin du Ve s. ou au VIe s.

Un autre poignard datant du IVe s. ou de la première moitié du IIIe s., a été découvert près du village de Pétropavlovka, dans les environs de Sterlitamak (fig. I, 4). Bien qu'on n'ait pu trouver d'autres spécimens entièrement analogues, y compris dans la région de la Volga et celle de l'Oural, la déduction que ce poignard serait de production locale est nettement réfutée par les représentations de carnassiers (ici des loups) sur sa poignée, exécutés dans l'esprit du style animalier sarmate.

[36] *Смирнов К. Ф.* Савромато-сарматский звериный стиль, рис. 1, 8, 9, 11, 12, 20, 23.
[37] *Мелюкова А. И.* Ук. соч., с. 55–58.

Заметки

А. К. ДЖАФАРОВ

МНОГОСЛОЙНАЯ ТАГЛАРСКАЯ МУСТЬЕРСКАЯ СТОЯНКА В АЗЕРБАЙДЖАНЕ

Летом 1976 г. палеолитическая экспедиция Института истории АН АзССР и Ленинградского отделения Института археологии АН СССР под руководством М. М. Гусейнова и В. П. Любина возобновила исследование многослойной мустьерской стоянки в Тагларской карстовой пещере, расположенной на периферии Тугской котловины, в юго-восточных предгорьях Карабахского хребта, в дальней восточной оконечности Малого Кавказа, в пределах Гадрутского р-на Нагорно-Карабахской автономной области Азербайджанской ССР.

Пещера находится на левом берегу р. Куручай (бассейн Аракса), (по Н. Ш. Ширинову) на уровне четвертой, нижнехвалынской, 24—30-метровой террасы этой реки [1], на абсолютной высоте около 650 *м*, относительной — около 30 *м* [2]. Она имеет южную экспозицию, широкое входное отверстие, коробчатый свод (рис. 1). Район расположения пещеры представляет собой сложенную известняками зону предгорий с неширокими, местами каньонообразными ущельями.

Пещера была открыта М. М. Гусейновым в 1960 г. и исследовалась им в течение нескольких сезонов. К настоящему времени вскрыто 35 *м*² площади стоянки.

Тагларская пещера образована карстом плотных верхнеюрских известняков [3], и формирование ее, по предположению геоморфолога Н. Ш. Ширинова, относится к нижнехвалынскому периоду. В образовании пещерной полости, судя по нынешним ее очертаниям, участвовало несколько карстовых каналов, которые выработали серию смежных, соединенных между собой разновеликих камер, тянущихся вдоль стены каньона на расстоянии до 25 *м*. Эти камеры имеют скальное дно и не представляют интереса в археологическом отношении. Земляное дно имеет лишь обширная восточная камера этой системы — так называемый Восточный зал. В создании полости этого зала участвовали, видимо, не только карстовые, но и тектонические процессы: карстовые воды расширили и углубили здесь исходную тектоническую трещину. Длина основного хода этого зала достигает в настоящее время 20 *м*, ширина устьевой части 8—11 *м* (ширина эта выдерживается вглубь до 8—15 *м*), высота (от потолка до

[1] *Ширинов Н. Ш.* О геоморфологической датировке возраста Азыхской пещерной стоянки палеолитического человека. Материалы сессии, посвященной итогам археологических и этнографических исследований 1964 г. в СССР, Баку, 1965 (тезисы), с. 54.

[2] *Гусейнов М. М.* О палеолитической стоянке в пещере Таглар.— МКА, т. VII, 1973, с. 11.

[3] *Султанов Р. Г.* Геологическое строение палеолитических карстовых пещер Азыха и Таглара в Нагорном Карабахе Азербайджана.— МКА, т. VII, 1973, с. 39.

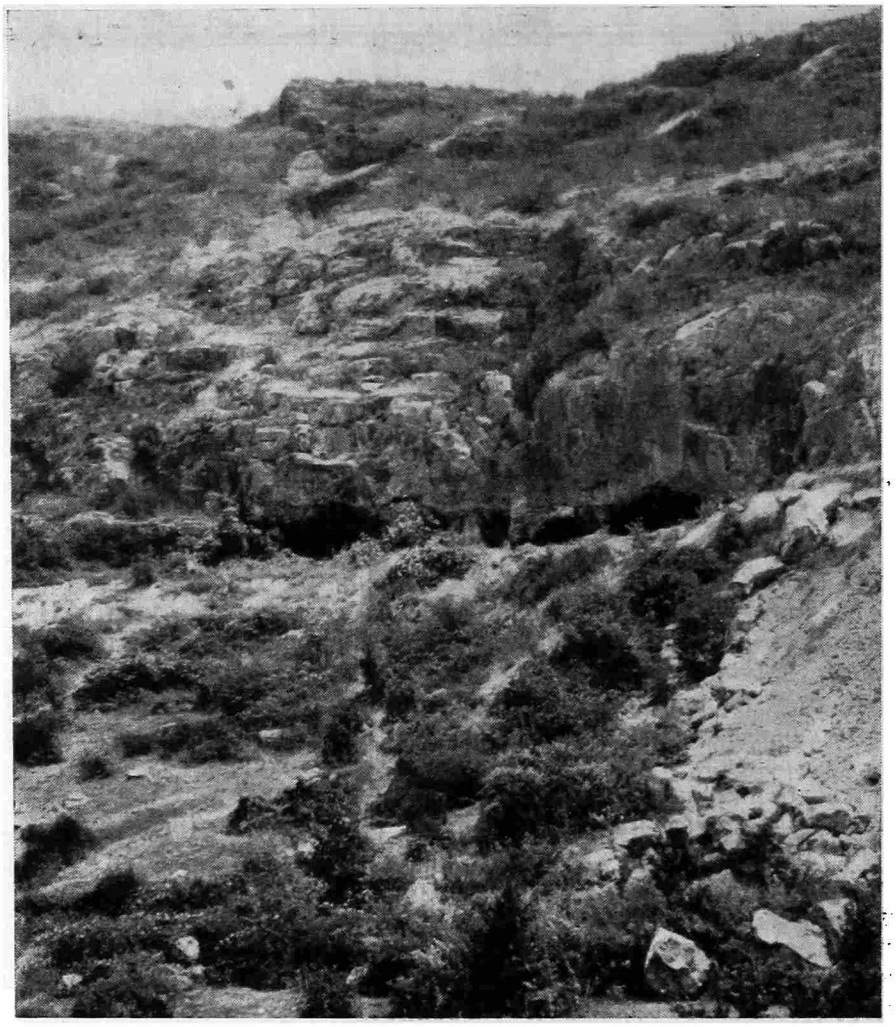


Рис. 1. Тагларская пещера. Общий вид

скального дна у выхода), судя по зондажу, 12 *м*. Бóльшая часть полости Восточного зала (от $^1/_2$ до $^4/_5$ и более) заполнена многометровой толщей плейстоценовых отложений, содержащих обильные культурные остатки мустьерской эпохи. Площадь зала превышает 100 $м^2$ [4].

В 1976 г. была произведена тщательная зачистка опорных разрезов с целью изучения стратиграфии и литологии отложений, особенностей залегания культурных остатков. Пятиметровая толща седиментов (разрез по линии Д—Е—М—Н; рис. 2) подверглась предварительному расчленению на шесть слоев: 1 — позднеголоценовый; 2 — поздневюрмский (начало вюрма III—?); 3—6 — ранне-средневюрмские (?) [5] (рис. 2).

В общем вся толща мустьерских культурных слоев (слои 3—6) литологически тождественна: это легкий суглинок с небольшим количеством известнякового щебня; по вертикали он незначительно варьирует по цвету (благодаря, главным образом, большему или меньшему количеству органических антропогенных остатков) и условно расчленяется на слои по лентам субгоризонтальных прерывистых натечных корок и очажным горизонтам и линзам. Слой 5, впрочем, имеет в кровле, в средней части и в подошве маркирующие линзы и прослойки иловатой супеси

[4] *Джафаров А. К.* О мустьерской стоянке Таглар.— Изв. АН АзССР, серия обществ. наук. Баку, 1977.

[5] *Любин В. П., Джафаров А. К.* Возобновление исследований Тагларской пещеры.— АО — 1976. М., 1977.

зеленовато-болотного цвета, а слой 6 отличается слабой комковатостью, а ближе к выходу заполняется сильно сцементированной брекчией [6] (рис. 2).

Наблюдения показывают, что в древности устьевая часть пещеры находилась на несколько метров дальше современной. Об этом говорит тот факт, что отложения нижних слоев уходят за пределы современной капельной линии и частично перекрыты обвалом привходовой части свода пещеры. Древний обвал произошел в период отложения слоя 4, так как подошва огромного блока обвала находится всего лишь в 25—30 *см* выше кровли слоя 5. Под блоком обвала наблюдается деформация илистых прослоек и других отложений.

По мере отступания скального козырька бытовые центры пещерного жилища, фиксируемые углистыми линзами с очажными горизонтами, сдвигались в северном направлении, жилая площадь стоянки сокращалась и смещалась в глубь карстовой полости. Наиболее интенсивное заселение пещеры имело место во время отложения слоя 4б и верхней части слоя 5. Именно в этих слоях наблюдаются наиболее мощные очажные прослои, скопления костей, углей и кремней (рис. 2.)

В слоях 3—6 все очажные горизонты, углистые линзы, натечные покровы лежат почти горизонтально, в то время как в слое 2 все эти своеобразные антропогенные и климатогенные признаки исчезают. Отсутствие в слое 2 натечных покровов, увеличение количества щебня и исчезновение характерных очажных линз свидетельствует, видимо, об изменении климата в сторону сухости и похолодания, об изменении характера пребывания человека в пещере.

В плейстоценовых слоях пещеры найдено около 5 тыс. костей позвоночных животных, которые принадлежат более 20 видам [7] животных, обитавшим, судя по их составу, в полосе степей и лесистых гор. К числу этих животных относятся [8] (определения Д. В. Гаджиева и С. Д. Алиева): хищные — волк, шакал, пещерная гиена, пещерный медведь, бурый медведь; парнокопытные — кабан, лань, кавказский благородный олень, безоаровый козел, бык (бизон?); непарнокопытные — дикая лошадь; рукокрылые — большой подковонос, остроухая ночница, обыкновенный длиннокрыл, ночница Наттерера; земноводные — зеленая жаба, квакша Шелковникова; зайцеобразные — заяц и пищуха. Особый интерес представляет челюсть пещерного льва, найденная в четвертом слое в 1976 г. Это первая находка костных остатков этого животного в палеолитических памятниках Малого Кавказа.

При раскопочных работах и в 1976 г. собрана коллекция каменных изделий. В ее составе: леваллуазские остроконечники, леваллуазские ретушированные остроконечники, мустьерские остроконечники, лимасы, скребла прямые, скребла поперечные, скребла простые выпуклые с натуральным обушком, скребла простые прямые на сколе с утонченными базальным и дистальным концами и правым боковым краем, скребла угловатые с утонченным основанием, скребла простые выпуклые с реберчатым обушком, пластины (рис. 3).

Исходным сырьем для изготовления орудий служили кремнистый сланец, кремень, обсидиан, андезит и базальт. В течение всех раскопочных работ в Тагларе (1963, 1964, 1966, 1967, 1973, 1976 гг.) найдено 3798 каменных изделий. Преобладающую часть коллекций составляют сланцы зеленоватого цвета и кремни светло-серого цвета. Количество обсидиановых изделий в более ранних отложениях увеличивается. Некото-

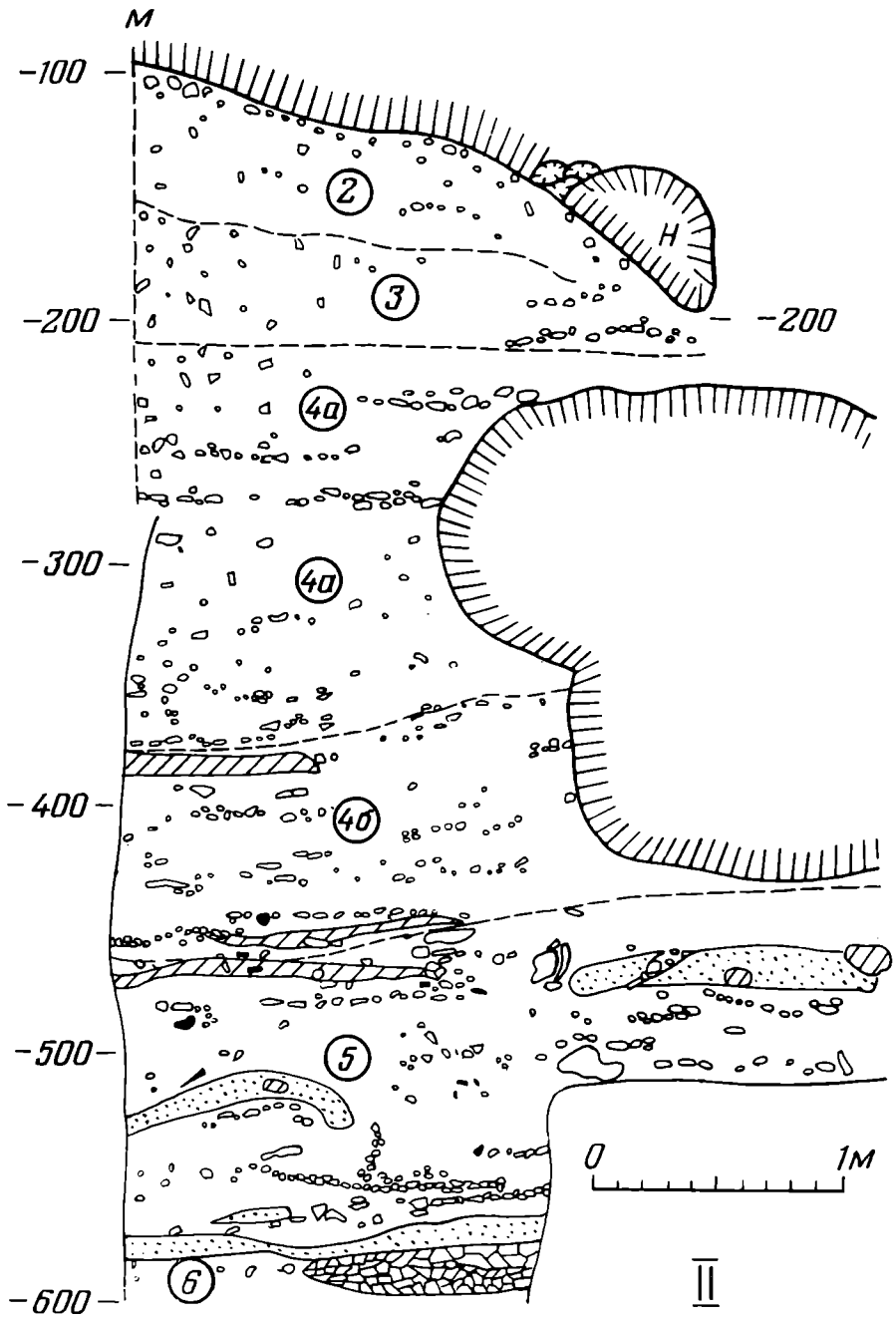
---

[6] *Любин В. П., Джафаров А. К.* Ук соч.

[7] *Гаджиев Д. В., Алиев С. Д.* Ископаемые остатки рукокрылых из Тагларской пещеры.— Уч. зап. Азгосмединститута, т. XIX. Баку, 1966, с. 18.

[8] *Алиев С. Д.* Фауна Азыхской палеолитической стоянки. Автореф. канд. дис. Баку, 1969, с. 8.

Рис. 2. Тагларская пещера. Продольный разрез отложений (по линии Д — Е — М — Н). Слои (сверху вниз): *1* — гумусный (на данном разрезе отсутствует); *2* — коричневато-бурый легкий суглинок; *3* — палево-зеленоватый легкий суглинок; *4а*, *б* — желтовато-палевый легкий, менее известковистый



суглинок; *5* — зеленовато-болотный суглинок; *6* — палево-серый опесчаненный суглинок; *а* — очажные линзы черного цвета; *б* — очажные линзы красного цвета; *в* — очажные линзы розоватого цвета; *г* — кремни; *д* — кости; *е* — угли; *ж* — камни; *з* — илистые линзы и прослойки; *и* — скала

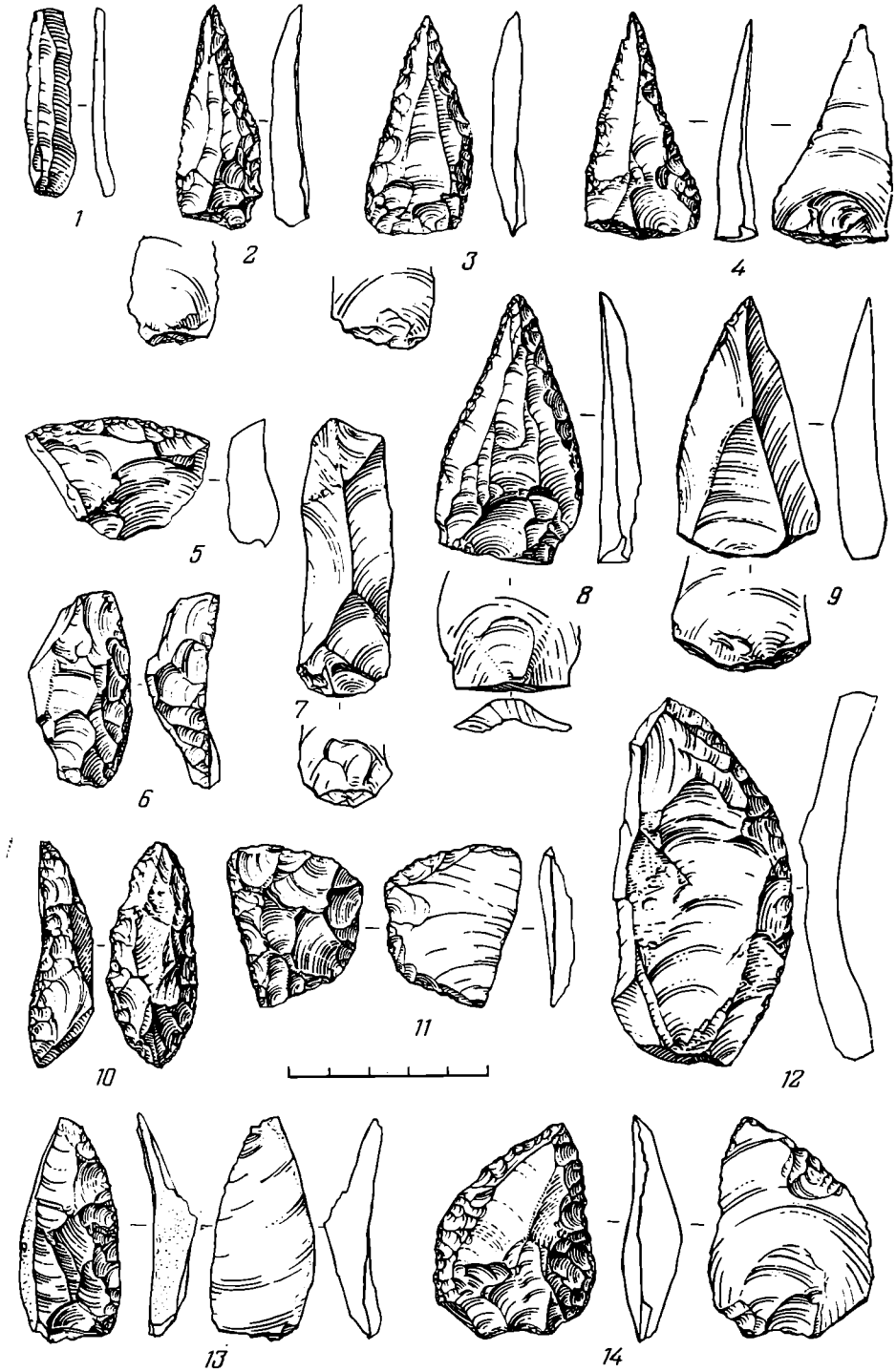


Рис. 3. Тагларская пещера. Каменные орудия: *1*, *7* — пластины; *2—4*, *8*, *9* — остроконечники (*3*, *4* — леваллуазские ретушированные; *3* — мустьерский на леваллуазском треугольном сколе, второго снятия, с утонченным основанием; *4* — мустьерский на леваллуазском сколе первого снятия; *9* — леваллуазский; *8* — мустьерский на леваллуазском треугольном сколе); *5*, *6*, *11—14* — скребла (*5* — поперечное; *6*, *13* — простые выпуклые с натуральным обушком; *11* — простое прямое на сколе с утонченными базальным и дистальным концами и правым боковым краем; *12* — простое выпуклое с реберчатым обушком; *14* — угловатое с утонченным основанием); *10* — лимас

рые породы имеют местное происхождение (русло р. Куручай), источники других пород (обсидиан, хороший цветной кремень) пока неизвестны.

Первичное расщепление камня частично производилось в пещере. На это указывает наличие небольшого количества отходов производства: нуклеусов, осколков и обломков сланца, кремня и андезита.

Все ядрища предельно сработаны или остаточные. Ввиду этого нет соответствия между характером ядрищ и характером заготовок. Большинство последних крупные и пластинчатые, тогда как ядрища небольшие и носят негативы мелких отщепов. Нуклеусы делятся на следующие группы: дисковидные односторонние, дисковидные двусторонние, одноплощадочные и двуплощадочные. В более древних мустьерских уровнях размеры нуклеусов увеличиваются в полтора — два раза (от 3—4 *см* в слоях 2—3 до 5—7,3 *см* в слоях 4—6). Среди нуклеусов нет ни одного из обсидиана. Обсидиан, видимо, приносился откуда-то издалека в виде готовых изделий или заготовок. Техника раскалывания камня была в основном леваллуазской.

Остроконечники Таглара в большинстве удлиненные, узкие. Ретушь преимущественно краевая, чешуйчатая (с заломами) или пологая, иногда субпараллельная. Многие остроконечники имеют ударные площадки типа Chapeau de gendarme. Некоторые из скребел оформлены весьма пологой ретушью и функционально являются режущими орудиями. Нередко встречаются обушковые формы (скребла с обушком — рис. 3, *6, 13*, ножи с обушком). Отмечена техника утончения концов и краев заготовок.

Каменные изделия самого верхнего четвертичного слоя (слой 2) характеризуют некоторые признаки раннего верхнего палеолита. Налицо большая серия пластин, среди которых бросаются в глаза узкие и тонкие ножевидные. Наряду с этим во втором слое встречаются типичные мустьерские орудия: остроконечники, скребла выпуклые и вогнутые, скребла угловатые и др. Каменные изделия слоев 3—6 носят мустьерский характер. В этих слоях пластины более широкие, мустьерского типа, заготовки более примитивные, появляются более крупные и массивные остроконечники и скребла, плоские (двойные) брюшковые анкоши на массивном сколе.

Среди других мустьерских стоянок Кавказа Тагларская пещерная стоянка выделяется многочисленными очажными горизонтами, углистыми линзами, мощностью культурных напластований (мощность по линии разреза Е — Н — 8,64 *м*). Каменную индустрию стоянки отличают главным образом узкие, тонкие, изящные формы. По составу орудий индустрия может быть отнесена к типичному развитому мустье в его своеобразной «грацильной» фации.

Ю. Б. СЕРИКОВ

О НАХОДКАХ ПРОИЗВЕДЕНИЙ ИСКУССТВА НА СТОЯНКЕ ЮРЬИНО IV

(Зауралье)

Стоянка Юрьино IV уже несколько лет является объектом пристального внимания археологов. Обнаружена она в 1973 г. экспедицией Нижнетагильского краеведческого музея под руководством автора. Стоянка расположена на северном берегу Юрьинского озера и на правом берегу р. Юрьи, вытекающей из этого озера, в 9 *км* от пос. Басьяновского Верхнесалдинского р-на Свердловской обл. Северная и центральная часть стоянки разрушена бульдозером. Судя по керамике, она существовала с раннего неолита до эпохи позднего железа. В подъемном материале преобладает керамика позднего неолита, энеолита (липчинского типа) и ран-

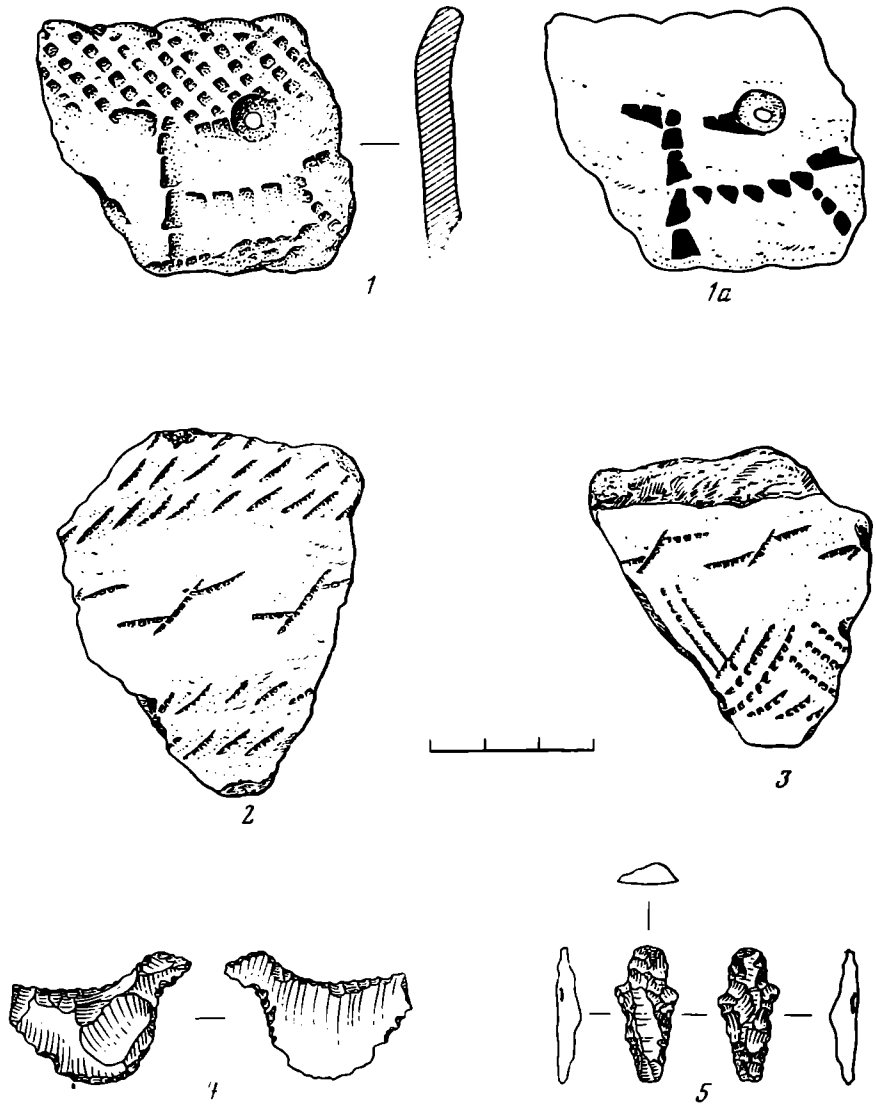


Рис. 1. *1* — фрагмент керамики с изображением лося; *1а* — прорисовка изображения лося; *2, 3* — фрагменты керамики с изображениями уточек; *4* — кремневая фигурка птички; *5* — кремневая антропоморфная фигурка

ней бронзы. Шурфы, заложенные на сохранившейся части стоянки, свидетельствуют о наличии довольно мощных слоев позднего неолита, энеолита и ранней бронзы. Количество находок, собранных на стоянке, превышает 9 тыс. Некоторые находки уникальны для Среднего Зауралья — костяная игла длиной около 13 *см* с прорезанным ушком, серия штампов для орнамента глиняной посуды, изделия из талька [1].

В данной заметке публикуются произведения искусства, найденные в качестве подъемного материала. Первое из них представляет собой изображение животного на венчике сосуда ранней бронзы (рис. 1, *1*). Изображение нанесено углом гребенчатого штампа (прослежены слабые отпечатки второго зуба гребенчатого штампа). Судя по ширине отпечатков изображение выполнено тем же штампом, которым орнаментирована и остальная поверхность сосуда. Животное изображено с длинным туловищем, длинной шеей, вскинутой головой и поднятым хвостом. По опре-

[1] *Сериков Ю. Б., Арефьев В. А.* Работы на территории лесного Зауралья.— АО—1973, М., 1974.

делению Р. Л. Потапова,— это лошадь [2]. Однако за головой животного у сверлины имеется еще один оттиск штампа, который, по-видимому, имеет отношение к данному изображению и может быть понят как изображение рогов. В таком случае изображение можно трактовать как бегущего оленя или лося с вскинутой головой. Такая поза характерна для бегущего оленя, который вынужден закидывать рога к спине, чтобы они не мешали при беге. Следует отметить полное отсутствие аналогий рассматриваемому изображению на территории Среднего Зауралья.

Два других изображения также выполнены на фрагментах керамических сосудов ранней бронзы и представляют собой плывущих уточек (рис. 1, *2, 3*). Изображения уточек достаточно широко известны как на территории Зауралья, так и за его пределами [3]. Однако публикуемые изображения имеют ряд своеобразных черт. На первом фрагменте керамики сохранилось одно полное и два неполных изображения уточек. Уточки располагаются цепочкой одна за одной и образуют пояс из плывущих птиц, который шел, вероятно, вокруг всего сосуда. Изображения уточек очень схематичны, выполнены одинарными отпечатками гребенчатого штампа. Середина отпечатков вдавлена в тесто сосуда глубже, чем края. Причем почти все отпечатки гребенки дают неодинаковое количество отпечатавшихся зубцов штампа. Это свидетельствует о том, что отпечатки выполнены округлым гребенчатым штампом путем неполного его прокатывания по поверхности сосуда. И действительно, на стоянке найдено два керамических гребенчатых штампа коленчатой формы, которыми могли наноситься подобные отпечатки. Отпечатки гребенки, показывающие голову, туловище и шею, направлены под тупым углом друг к другу, и этим они отличаются от большинства известных изображений [4]. Другой особенностью публикуемых уточек является то, что линия, обозначающая шею, не только опускается ниже линии, обозначающей туловище (как у уточек с Федоровского поселения [5]), но и поднимается выше линии, показывающей голову. Уточки на втором фрагменте керамики полностью аналогичны описанным выше изображениям (рис. 1, *3*). Единственное отличие уточек на другом фрагменте керамики — очень короткая шея. Линия, обозначающая шею, состоит из отпечатков всего четырех зубцов штампа. Другие аналогии нашим изображениям мы находим на Южном Урале (стоянки Латочка, Иткуль I) [6]. Любопытно отметить, что ни в одном случае публикуемые изображения уточек не связаны с горизонтальными или волнистыми линиями, изображающими, по мнению многих авторов, воду.

Вторая группа произведений искусства — кремневые скульптуры. До последнего времени на восточном склоне Урала не было известно ни одной кремневой скульптуры [7]. В 1976 г. на стоянке Юрьино IV была найдена кремневая фигурка птицы (рис. 1, *4*). Длина фигурки 3,4 высота 2,5 *см*. Она изготовлена на тонком изогнутом отщепе кремнистого сланца. Один из предыдущих сколов оставил на отщепе негатив, по форме напоминающий крыло птицы. Возможно, что именно этот скол помог древнему мастеру в изогнутом отщепе увидеть будущую фигурку птицы.

В дальнейшем отщеп почти по всему периметру был обработан ретушью, которая и придала ему форму птицы. Наиболее тщательно обработана

---

[2] Все определения для данной работы выполнены Р. Л. Потаповым (Зоологический институт АН СССР, Ленинград).

[3] *Гурина Н. Н.* Водоплавающая птица в искусстве неолитических лесных племен.— КСИА АН СССР, № 131, 1972; *Китицына А. С.* Находка изображения уточек на стоянке Сахтыш I.— В сб.: Восточная Европа в эпоху камня и бронзы. М., 1976.

[4] *Гурина Н. Н.* Ук. соч., с. 43.

[5] *Гаврилова И. В.* Зооморфные изображения на керамике Федоровского поселения.— КСИА АН СССР, № 131, 1972, рис. 35, *2*.

[6] *Крижевская Л. Я.* Южно-Уральская экспедиция.— АО — 1966. М., 1967, с. 110.

[7] *Мошинская В. И.* Древняя скульптура Урала и Западной Сибири. М., 1976, с. 4.

головка, спина и шея — с двух сторон. Несмотря на то что изображение птицы сильно схематизировано, специалисты легко узнают в нем представителя отряда куриных семейства тетеревиных. В сводной работе С. Н. Замятнина о кремневых скульптурах нет аналогий публикуемому изображению [8]. В его работе отмечены изображения водоплавающих, а не боровых птиц.

Поскольку данная скульптура найдена в подъемном материале, можно говорить о ее датировке только в широких хронологических рамках: от позднего неолита до ранней бронзы. Принимая во внимание, что ретушь, которой обработаны края фигурки, имеет слабо выраженный пильчатый характер, можно отнести ее к эпохе ранней бронзы. Именно в эту эпоху на территории Среднего Зауралья распространяется пильчатая ретушь,

Вторая кремневая фигурка была найдена в 1973 г. и первоначально принята за черешковый наконечник стрелы. Уже тогда были отмечены его необычная форма и отсутствие аналогий среди кремневых наконечников стрел с черешком. Находка в 1976 г. на этой же стоянке кремневой фигурки птицы заставила нас вновь вернуться к упомянутому «наконечнику стрелы», предложить для него новое толкование и отнести его к антропоморфной скульптуре.

Фигурка имеет высоту 2,5, ширину 1,2 *см* (рис. 1, *5*). С двух сторон она обработана уплощающей ретушью, которая покрывает почти всю поверхность скульптуры. У фигурки округлая голова, руки показаны слабо намеченными выступами, один из которых расположен выше другого, ноги не выделены. Интересно отметить наличие между головой и руками слабовыраженных выемок. Возможно, что данными выемками древний мастер пытался показать шею. В нижней части фигурки имеется крохотный участок, покрытый галечной коркой. Он может служить свидетельством, что данное изображение не было наконечником стрелы, иначе его перо было бы заостренным и более тщательно обработанным. Можно также сослаться на С. Н. Замятнина, который считал, что «подавляющее большинство кремневых изображений не только по технике изготовления, но и по размерам приближаются к наконечникам стрел, а в некоторых случаях можно допустить, что последние являлись исходным материалом, заготовкой для выполнения фигурок» [9]. Обращает на себя внимание также асимметричный профиль данной фигурки. Выпуклость профиля с одной стороны можно рассматривать как попытку показать живот или отвисшую грудь женщины.

Проводя аналогии с другими кремневыми скульптурами, легко заметить, что данная фигурка отличается от других неразделенностью ног. В этом отношении юрьинская скульптура больше всего приближается к изображениям, которые С. Н. Замятнин рассматривал в качестве мифологических персонажей [10].

Возраст антропоморфного изображения также определяется в рамках позднего неолита — ранней бронзы. Учитывая, что фигурка так или иначе связана с наконечниками стрел, ее следует отнести к энеолиту или ранней бронзе, так как в позднем неолите черешковые наконечники стрел не были известны. Предположение о возрасте обоих скульптурных изображений не противоречит выводам С. Н. Замятнина, согласно которым кремневые фигурки бытовали в позднем или пережиточном неолите и одновременны появлению и постепенному распространению металла [11].

---

[8] *Замятнин С. Н.* Миниатюрные кремневые скульптуры в неолите Северо-Восточной Европы.— СА, X, 1948.

[9] Там же, с. 100.

[10] *Замятнин С. Н.* Ук. соч., рис. 3.

[11] Там же, с. 122.

А. Л. НИКИТИН

СТОЯНКА ПЛЕЩЕЕВО I

Стоянка Плещеево I, открытая во время разведки 1957 г. в Переславском районе [1], расположена в 400 *м* к югу от р. Векса и многослойного поселения Польцо [2] на всхолмлении древнего берега Плещеева озера, по которому проходит линия узкоколейной железной дороги Переславль — Купанское. Пологий песчаный мыс, вдававшийся некогда в озеро, порос густым молодым сосняком и в настоящее время отстоит от современного берега озера и истока Вексы более чем на 1 *км*.

Уже при первом обследовании памятник привлек внимание собранным подъемным материалом. Наряду с массивными нуклевидными куска-

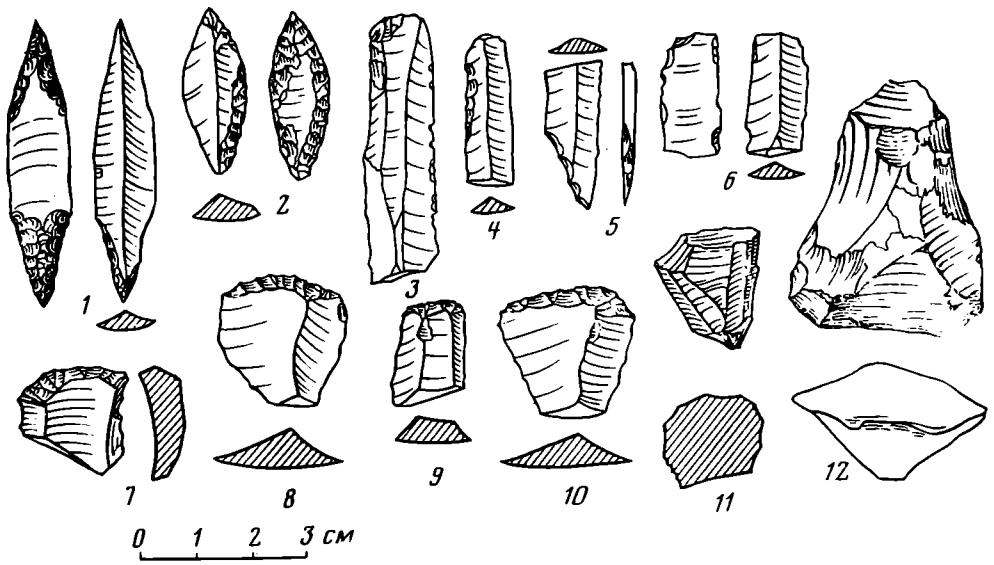


Рис. 1. Орудия из кремня

ми серовато-желтого зернистого кремня со следами скалываний пластинчатых отщепов, на территории стоянки был найден изящный наконечник стрелы с частичной подработкой жальца и черешка мелкой ретушью, сделанный из тонкой прямой ножевидной пластинки серого яшмовидного кремня (рис. 1, *1*). Не менее интересной была керамика, впоследствии обнаруженная в слоях эпохи бронзы первого раскопа Польца (первая терраса) [3]. Она представлена фрагментами крупных толстостенных сосудов, украшенных углами или зигзагами, нанесенными неглубокими вдавлениями «отступающей лопаточки» (рис. 2, *3*). В толстом черепке, плотном, но не очень крепком, хорошо заметна примесь песка и в меньшей степени органики.

Находки создавали впечатление, что в верхних горизонтах дюны залегают остатки двух разновременных поселений: мезолитического, что явствовало из находки характерного наконечника стрелы и нескольких обломков ножевидных пластин с тонкой ретушью по краю, и более позднего, с орудиями на отщепах из серовато-желтого кремня и керамикой энеолитического облика. Правильность такого заключения была подтверждена разведочными раскопками 1964 г., когда на стоянке была вскрыта

[1] *Никитин А. Л.* Отчет об археологической разведке в Переславском районе Ярославской области в 1957 году. Архив ИА АН СССР, р-1, № 1637. Материал в Переславль-Залесском историко-художественном музее.

[2] *Никитин А. Л.* Многослойное поселение Польцо.— СА, 1975, № 3, с. 118—140.

[3] Там же, с. 137

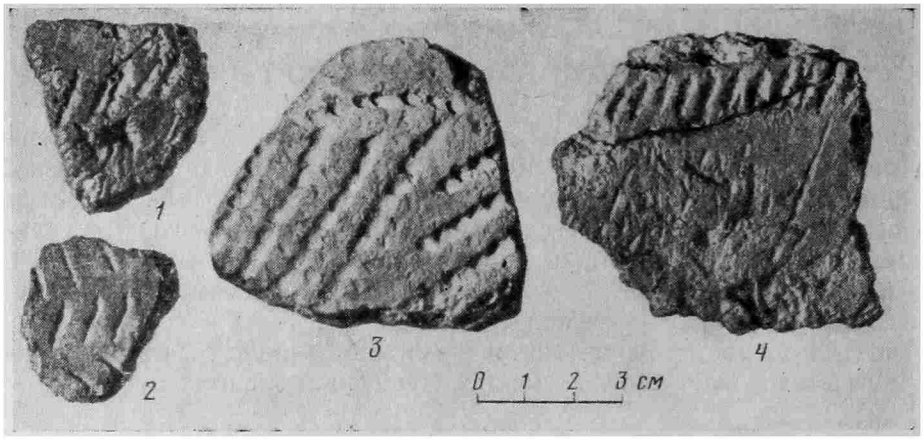


Рис. 2. Керамика

площадь 32 *м*², а стратиграфия на месте основного раскопа [4] предстала в следующем виде:

0—0,35 *м* — хорошо развитый подзол без находок;
0,35—0,59 *м* — ярко-оранжевый песок с угольками, редкими кремневыми орудиями и керамикой в нижних горизонтах;
0,59 *м* и ниже — слоистые пески озерных отложений.

Разведочные шурфы, отнесенные в стороны от раскопа на расстояние около 10 *м*, показали иную картину. Там поверхностный слой подзола непосредственно переходил в слоистые пески озерных отложений, на поверхности которых были найдены редкие кремневые отщепы и предметы из кремня мезолитического облика.

Сравнивая стратиграфию раскопа 1964 г. со стратиграфией шурфов и верхних слоев других памятников группы «Плещеево», находящихся в аналогичных условиях (Плещеево II [5] и IV [6]), можно думать, что разведочный раскоп был впущен в неглубокую впадину наземного жилища, заполненную оранжевым песком эолового происхождения. Это подтверждается довольно четкой дифференциацией находок. Так, наконечники стрел мезолитического облика (рис. 1, *1—2*) и наиболее характерные пластинки с ретушью (рис. 1, *5*) найдены за пределами впадины, тогда как вся без исключения керамика (рис. 2, *1*, *2—4*), все нуклеусы (рис. 1, *11*) и топоровидное орудие (рис. 1, *12*) — только на территории раскопа или, как это было при обследовании 1957 г., в линзах оранжевого песка обнажений кюветов узкоколейной железной дороги.

Хотя окончательное заключение о характере памятника и залегающих на нем археологических комплексов требует специальных раскопок, имеющийся материал позволяет поставить вопрос о времени его обитания. Для Плещеева I имеются две радиоуглеродные даты — 260±60 и 1530±30 (ГИН-114). Первая относится к затронутому одним из шурфов комплексу смоловарни конца XVII в., представленному ямой с углем и обломками корчаги со смолой, обмазанной глиной с отпечатками на ней плетеной бересты. По всей вероятности, эти предметы связаны со строительством Петровской флотилии на Плещеевом озере, как и сопла горнов на береговом валу близ р. Куротни. Вторая дата явно ошибочна. Отсутствие иных радиоуглеродных датировок и невозможность получения сколько-нибудь полной пыльцевой диаграммы для верхних горизонтов древней

[4] *Никитин А. Л.* Отчет о работах Переславского неолитического отряда в Переславском районе Ярославской области в 1964 году. Архив ИА АН СССР, р-1, № 4178. Материал в ГИМ.
[5] *Никитин А. Л.* Неолитическое поселение Плещеево II.— СА, 1976, № 2.
[6] *Никитин А. Л.* Неолитическое поселение Плещеево IV,— СА, 1977, № 1.

дюны заставляет воспользоваться данными о 1850-летних циклах колебаний общей увлажненности, связанных с трансгрессивно-регрессивными циклами внутренних водоемов [7].

Среди других неолитических памятников района стоянка Плещеево I занимает одну из наивысших позиций над современным уровнем Плещеева озера — 3,36 *м*, что соответствует высотной отметке второй озерной террасы (3,65 *м*). Это означает, что человек использовал для обитания древний мыс в периоды наивысшего поднятия уровня грунтовых и озерных вод, которые приходятся на первую половину VIII, начало VI, рубеж V—IV, конец III, вторую половину I тысячелетия до н. э., а также на середину II тысячелетия н. э. (конец XVI—XVIII в) [8]. Последний период соответствует радиоуглеродной дате смоловарни, а предшествующий (конец III — начало II тысячелетия до н. э.), определяемый керамическим комплексом, подтверждается положением аналогичной керамики в слоях эпохи бронзы на Польце, связанных уже с развитием очередной регрессивной фазы Плещеева озера [9]. Что касается наиболее раннего комплекса, согласно типологической классификации Л. В. Кольцова относящегося к позднему мезолиту [10], то наиболее вероятным временем его появления на древнем мысу озера следует считать рубеж V—IV тысячелетий до н. э.

---

[7] *Шнитников А. В.* Изменчивость общей увлажненности материков северного полушария.— Зап. Геогр. о-ва СССР, т. 16. М.—Л., 1957.

[8] *Шнитников А. В.* Многовековой ритм развития ландшафтной оболочки.— В кн.: Хронология плейстоцена и климатическая стратиграфия. Л., 1973, с. 7—36.

[9] *Никитин А. Л.* Многослойное поселение Польцо, с. 138, 139; *его же.* Древнейшие поселения и природные ритмы гидросферы. «Природа», 1978, № 1. с. 33—34.

[10] *Кольцов Л. В.* Среда и материальная культура финального палеолита и мезолита в Волго-Окском междуречье.— В кн.: Первобытный человек, его материальная культура и природная среда в плейстоцене и голоцене. М., 1974, с. 275—279.

С. И. ТАТАРИНОВ

ДРЕВНИЙ МЕДНЫЙ РУДНИК «ВЫСКРИВСКИЙ» В ДОНЕЦКОЙ ОБЛАСТИ

В настоящее время в Донецкой области известно 34 рудопроявления меди [1]. Еще в прошлом веке у сел Клиновое, Покровское, Пилипчатино рядом с рудопроявлениями были открыты древние рудники [2].

В 1974—1976 гг. автор вместе с геологами треста «Артемгеология» В. В. Грабянским и А. М. Эдельманом изучил большинство рудопроявлений в Бахмутской котловине и на тех из них, которые имели выраженные окисленные зоны, найдены не только следы добычи медных руд в древности в виде больших разносов и небольших шурфов, но и поселения горняков-металлургов середины — конца II тысячелетия до н. э. [3]

Небольшими разведочными раскопками, проведенными на поселениях горняков-металлургов у Клиновского, Пилипчатинского и Гореловского рудников, выявлены шлаки, остатки медеплавильных горнов, обломки горных орудий — молотков и молотов, пестов и терочников, глиняных и

---

[1] *Грабянский В. В., Эдельман А. М.* Медистые песчаники Донбасса.— В сб.: Рудоносность Русской платформы. М., 1965, с. 173.

[2] *Носов 2-й.* О древних рудниках на территории Донбасса.— С.-П. Ведомости, № 250, 1865; *Носов 2-й.* Открытие медной руды с древними разработками в Бахмутском уезде Екатеринославской губернии.— Горный журнал, № 11., СПб., 1865.

[3] *Татаринов С. И.* К вопросу о существовании в Северном Причерноморье горно-металлургического центра в эпоху бронзы (во II—I тысячелетии до н. э.).— Сб. 150 лет ОГАМ. Киев, 1975, с. 64, 65.

каменных литейных форм, металл (два слитка в Пилипчатино, один в Выскривке), большое количество фрагментов орнаментированной керамики как первого, так и второго периода срубной культуры [4].

Рудопроявление «Выскривское», обследовавшееся в 1976 г., представляет особый интерес, поскольку в геологической литературе о существовании разработок на «Выскривке» никаких упоминаний не было. Рудопроявление площадью 1×0,5 *км* (рис. 1) расположено в 4 *км* к юго-востоку от хутора Выскривка Артемовского р-на Донецкой обл., на безводном высоком плато. Здесь зафиксированы 4—5 распаханных рудников-разносов. Не распахивается только рудник № 1 (рис. 2), крайний северо-во-

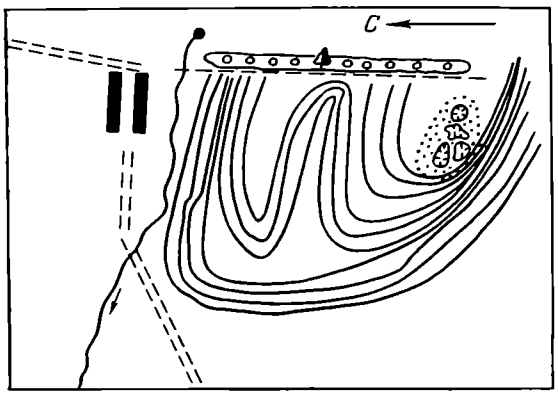


Рис. 1. Схема расположения рудопроявления «Выскривское» и древних рудников

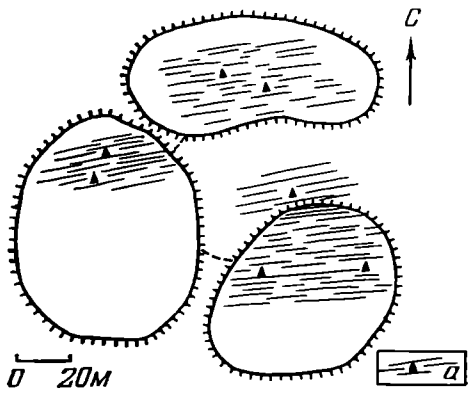


Рис. 2. Рудник № 1 на рудопроявлении «Выскривское». *а* — культурные остатки поселения эпохи бронзы

сточный, имеющий вид впадины глубиной 5—7 *м* и диаметром около 50 *м*, с востока, севера и юго-запада прослежены отвалы.

Следы поселений эпохи бронзы были открыты не за пределами рудников, как это было в Покровском, Клиновском, Пилипчатинском и Картамышском рудопроявлениях, а прямо на отвалах и внутри рудников-разносов. Все отвалы и внутренние площади рудников на «Выскривке» усыпаны обломками керамики эпохи бронзы, шлаками и кусками печины с медной корочкой. На поверхности восточного отвала рудника № 1 В. В. Грабянским найден слиток меди в виде лепешки, образовавшейся от слива меди в земляную ямку, весом 155 *г*. На поверхности юго-западного отвала обнаружено медное шило длиной 8 *см* (рис. 3, *1*) и крупный обломок стенки горшка-тигля с ошлакованностью (рис. 3, *2*).

На руднике № 1 вскрыто 44 $м^2$ (траншеи 1 и 2, раскопы 1, 2). На восточном отвале прослежена следующая стратиграфия: от дневной поверхности до глубины 0,2—0,35 *м* лежит культурный слой красновато-серо-зеленого цвета, который состоит из красной рухляковой глины, пепла, порошковой окиси меди, руды. Слой насыщен фрагментами керамики, костями животных с зеленой окисью, медными шлаками и обломками глиняных и каменных стенок плавилен с ошлакованностью. Культурный слой лежит на материковой и отвальной глине. На отдельных участках культурный слой имел мощность до 0,5—0,7 *м*, повторяет рельеф поверхности отвала. Следы жилищ или хозяйственных построек пока не обнаружены. В раскопе-шурфе 1 (площадью 12 $м^2$), располагавшемся в чаше рудника № 1, открыто линзообразное скопление переработанной медной руды в виде «пульпы», размером 3×3 *м* и мощностью до 0,2—0,4 *м*. Рядом была найдена плита с выточиной, служившая для обогаще-

[4] *Татаринов С. И., Копыл А. Г.* Работы Артемовского отряда.— АО—1975. М., 1976, с. 341, 342; *Кривцова-Гракова О. А.* Степное Поволжье и Причерноморье в эпоху поздней бронзы.— МИА, № 46, 1955.

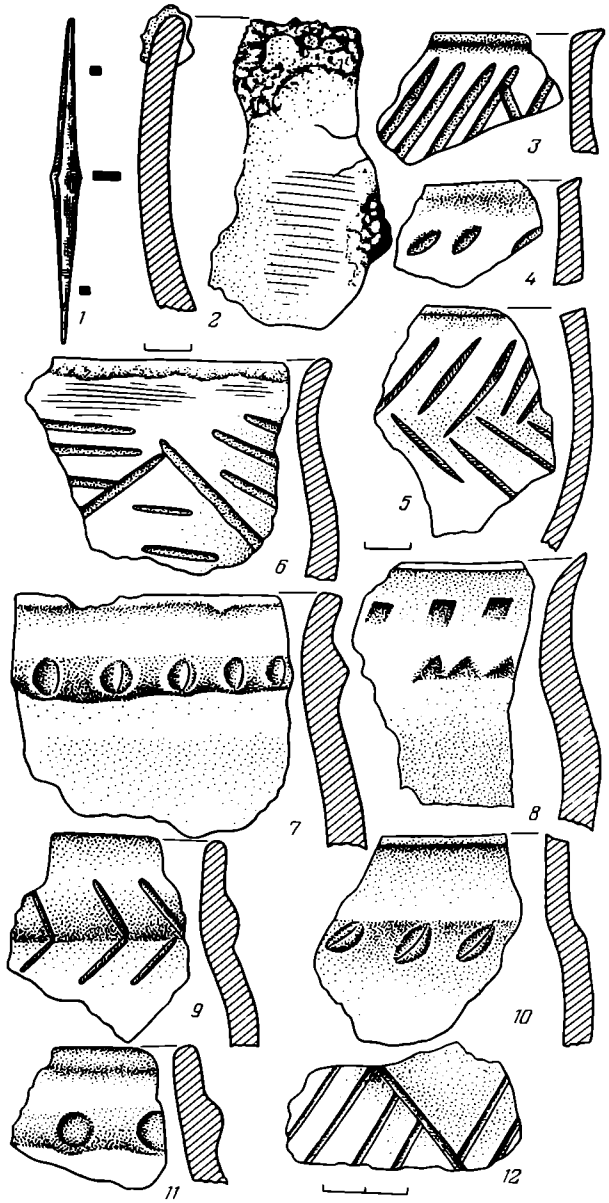


Рис. 3. Керамика эпохи бронзы. Рудник № 1, с. Выскривка

ния руды (рис. 4, *10*), вместе с обломками терочников из песчанника и гранита (рис. 4, *8*).

На поверхности рудника «Выскривский» и при раскопках найдена серия горных орудий труда, которые по производственному назначению разделяются на массивные молоты-кувалды с перехватами, весом до 5 *кг* (рис. 4, *1*, *2*), для первичного раздробления рудного тела; молотки с более тщательной отделкой поверхности, служившие для раздробления руды на первом этапе ее обогащения (рис. 4, *3—5*); песты для дробления и растирания руды (рис. 4, *6*, *7*), терочники для растирания руды (рис. 4, *8*, *9*). Молоты и молотки имеют следы многократных ударов и изломы. Для изготовления горных орудий использовались твердые породы камня — гранит и кремнистый песчаник, а также местный песчаник, сопровождающий рудное тело.

Это позволяет предположить, что какая-то часть орудий труда приносилась издалека (в Бахмутской котловине нет, например, гранита),

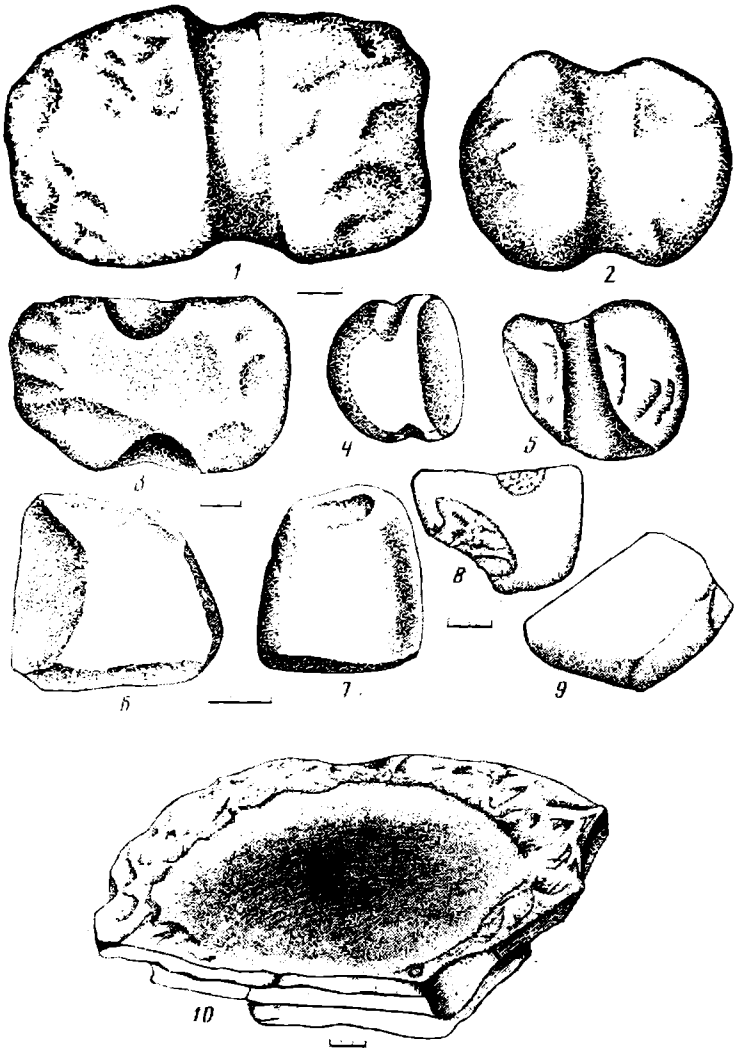


Рис. 4. Орудия для добычи и переработки медной руды.
Рудник № 1, с. Выскривка

а большая часть изготавливалась прямо в руднике. Точечная многократная избитость на терочниках из гранита свидетельствует, что они служили и как маленькие наковаленки для расковки лезвий отлитых изделий.

Керамика, собранная на поверхности рудника № 1 и при раскопках, неоднородна. Всего из слоя получено более 350 фрагментов керамики, из них 27 венчиков, 7 орнаментированных стенок и 20 донышек, в том числе и с закраиной.

Классическая керамика срубной культуры представлена слабопрофилированными банками (рис. 3, *3—5*) с орнаментом в виде прочерченных линий, насечек и треугольников или без орнаментации. Часть банок имеет суженное горло и раздутые плечики, край венчика заострен (рис. 3, *8*), что, возможно, является признаком перехода к валиковой керамике. Орнаментация ряда срубных по форме горшков находит аналогии в абашевской керамике[5] (рис. 3, *3, 6*).

[5] Это мнение нам высказано А. Д. Пряхиным, *Либеров П. Д.* Племена Среднего Дона в эпоху бронзы. М., 1964, с. 20, рис. 8, *1;* 9, *2—5*; 56, *5*.

Горшки с сильно раздутым туловом и стянутым венчиком составляют до 35% керамики. Они орнаментированы острыми или овальными в сечении налепными валиками с насечками (рис. 3, *9*), ногтевыми защипами (рис. 3, *7*), пальцевыми вдавлениями (рис. 3, *11*) и имеют серую или оранжевую, слабо заглаженную поверхность. Хотя данная керамика принадлежит к типам, характерным для так называемого «сабатиновского» этапа[6], наличие на валиках защипов, типичных для орнаментации валиков на горшках позднекатакомбной[7] (или «бабинской», по С. Н. Братченко[8]) культуры, позволяет предполагать ее возраст не позднее рубежа XIV—XIII в. до н. э., т. е. временем появления собственно «сабатиновской» валиковой керамики — в массе типичной, классической срубной.

С андроновским влиянием[9] связывается орнаментация горшков зигзагом (рис. 3, *5, 12*), нанесенным мелкозубчатым штампом, и один фрагмент венчика с хорошо выраженным уступом и защипами по нему (рис. 3, *10*).

Комплекс керамики позволяет ориентировочно датировать поселение в руднике № 1 XIV—XIII вв. до н. э.

В то же время размещение поселения прямо в руднике свидетельствует, возможно, о его большей древности и, следовательно, о том, что племена срубной культурно-исторической общности, пришедшие с востока, не только создавали новые разработки медных руд в Донбассе, но и эксплуатировали уже существовавшие в более раннее время.

---

[6] *Лесков А. М.* Кировское поселение. Древности Восточного Крыма. Киев, 1970; *Мелюкова А. И.* Работы в Поднестровье в 1958 г.— КСИА АН СССР, № 84, 1961, с. 119—121; *Шаповалов Т. А.* Поселение срубной культуры у с. Ильичевка на Северском Донце.— В сб.: Энеолит и бронзовый век Украины. Киев, 1976, рис. 6, *8*. Валик появляется на Востоке значительно раньше, чем на юге.

[7] *Березанская С. С.* Новые памятники эпохи бронзы и железа в бассейне Сейма.— КСИИМК, № 67, 1957.

[8] *Братченко С. Н.* Нижнее Подонье в эпоху средней бронзы. Киев, 1976, с. 107—115, рис. 60, 61.

[9] *Кузьмина Е. Е.* Относительная хронология андроновских поселений Еленовского микрорайона.— СА, 1965, № 4, рис. 2; *ее же.* Андроновское поселение и могильник Шандаша.— КСИА АН СССР, № 98, 1964, рис. 30; *Матюшин Г. Н.* Давлеканово IV — новое поселение эпохи бронзы в Южном Приуралье.— КСИА АН СССР, № 142, 1975, рис. 7, *14—25*.

В. А. ИВАНОВ, А. Х. ПШЕНИЧНЮК

ГОРОДИЩЕ ФИНАЛЬНОЙ БРОНЗЫ НА р. МИАСС

Летом 1964 г. экспедицией Башкирского филиала АН СССР производилось исследование городища, открытого руководителем краеведческого кружка Миасской средней школы В. К. Егоровым.

Памятник расположен в 5 *км* вверх по р. Миасс от с. Миасского Красноармейского р-на Челябинской обл. на высоком (около 35 *м*) мысу подчетырехугольной формы, образованном двумя оврагами, по дну которых протекают впадающие в р. Миасс ручьи (рис. 1).

С юго-восточной, напольной стороны городище защищено сильно оплывшим валом и рвом, выявить который удалось только в профиле траншеи, прорезавшей вал.

Площадка городища ровная, незаросшая и незастроенная. В центре площадки — глубокая яма овальной формы, возможно — геологический шурф. Площадь городища 1600 $м^2$ (40×40*м*). На северо-западном и юго-западном его краях культурный слой полностью разрушен во время сооружения плотины для мельницы, находящейся напротив городища, на левом берегу р. Миасс.

В северо-восточной части городища были заложены два раскопа общей площадью 110 $м^2$.

Стратиграфия раскопов идентична, за исключением траншеи, прорезавшей вал (раскоп 1, кв. Ж 5 — Ш 5): под слоем дерна (12—15 *см*) залегает однородный культурный слой, состоящий из насыщенного находками чернозема. Мощность его в раскопе I — 20—30 *см*, в раскопе II — 25—35 *см*. Траншея, прорезавшая вал, позволила выявить ров, на-

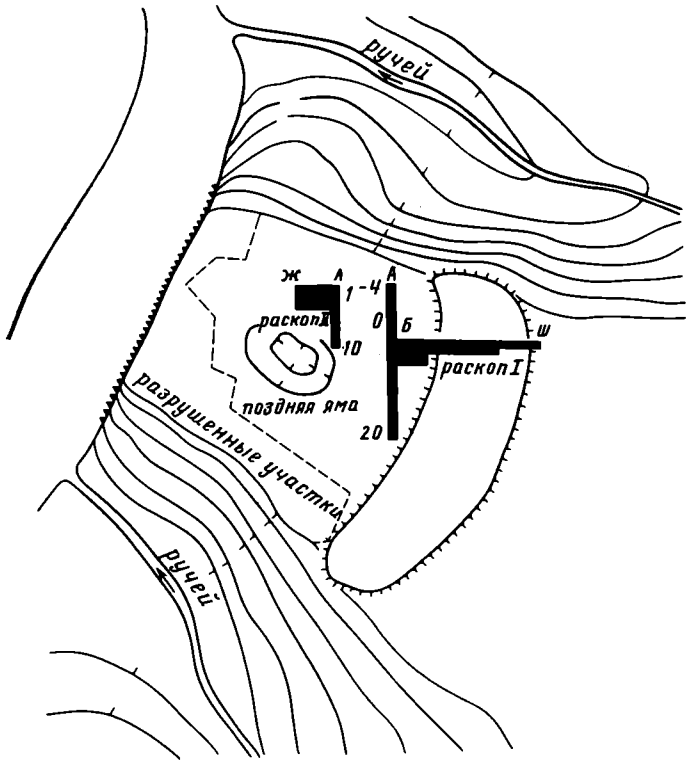


Рис. 1. План Миасского городища

ходящийся с внешней стороны перед валом, а также некоторые детали конструкции насыпи вала. Ров довольно широкий (2,5 *м*), с полукруглым дном, углублен в материк на 0,7 *м* (рис. 2).

Вал насыпался из стерильного чернозема. Он сооружался в один прием, каких-либо прослоек в насыпи не обнаружено. Определить его истинные размеры сейчас затруднительно. Если считать, что обнаруженное на внутреннем склоне вала, на глубине 0,5—0,6 *м* от современной поверхности, скопление камней является каменной обкладкой основания вала, а за внешнюю границу взять край рва, то полученная ширина основания вала будет равна 8 *м*. Современная высота насыпи над уровнем материка — 1,25 *м*. В центре насыпи, на глубине 0,6—0,7 *м* от современной поверхности, обнаружены остатки обугленных жердей, лежащих горизонтально вдоль вала (рис. 2).

Основную массу находок на городище составляют фрагменты керамики, из которых по обломках венчиков выделено 180 сосудов. К сожалению, фрагментов, позволяющих восстановить форму сосудов, собрано немного. Имеющиеся обломки днищ и один восстановленный сосуд указывают, что это были плоскодонные горшки, с невысокими отогнутыми шейками, плавно переходящими в раздутое тулово, венчик закруглен или слегка приострен (рис. 3). Орнамент, покрывающий, как правило, верхнюю часть сосудов, богат и разнообразен.

Всего по характеру и элементам орнамента выделяются четыре группы сосудов: I группа — 63 сосуда (или 35% всей керамики) — украшены сложным орнаментом из оттисков горизонтальных и вертикальных «елочек», «струек», «волн», полулунниц, «жемчужин», в сочетании с круглыми ямками или защипами у основания шейки (рис. 4, *4—6, 11—13*); II группа — 31 сосуд (17,2%), украшенные глубоким горизонтальным резным зигзагом в сочетании с рядом косых насечек по венчику, шейке и тулову. У основания шейки — ямки или защипы (рис. 4, *7, 8*); III группа — 11 сосудов (6,1%) украшены резной сеткой у верхнего края шейки и ямками неправильной формы в средней части или у основания шейки (рис. 3; 4, *14;* 5, *2—4*); IV группа — 8 сосудов (4,5%) украшены горизонтальными рядами вертикальных или косых насечек по шейке и плечикам и защипами по основанию шейки (рис. 4, *2*).

Кроме того, найдены фрагменты одного сосуда с крестовым орнаментом (рис. 5, *5*) и сосуда, украшенного пояском резных флажков (рис. 5, *1*).

Остальная керамика — фрагменты единичных сосудов, имеющих косые насечки по венчику, ямки или «жемчужины» по шейке, грубые бесформенные вдавления у основания шейки или без орнамента (рис. 4, *1, 3, 9, 10*).

Примесь в тесте сосудов городища встречена двух типов: первый (сосуд группы I) — ярко выраженный тальк (поверхность сосудов лоснящаяся и жирная на ощупь), второй (все остальные сосуды) — песок с мелкими блестками слюды или талька.

Помимо керамики в культурном слое памятника найдены кремневый наконечник стрелы удлиненной формы с прямым основанием и обломанным концом, края обработаны мелкой ретушью (рис. 5, *10*), кусок шлака и несколько изделий из кости. Очень интересны костяные изделия, напоминающие по размерам и форме бронзовые кельты (рис. 5, *9*). Их обнаружено 3 экз.— два целых и один обломок. Основания и боковины их срезаны прямо и имеют неглубокие «пазы», по бокам нанесены зарубки. Видимо, к этой части прикреплялся деревянный черенок. Рабочая часть заострена и частично разбита, вероятно, от употребления. Аналогии этим изделиям нам неизвестны. Вероятно, они выполняли роль мотыжек, во всяком случае, использовались для земляных работ. Ни для охоты, ни для войн, ни для обработки дерева подобные орудия непригодны.

Неизвестны нам аналогии и другому костяному предмету — изогнутому плоскому остроконечнику с вырезами в средней части (рис.5, *6*).

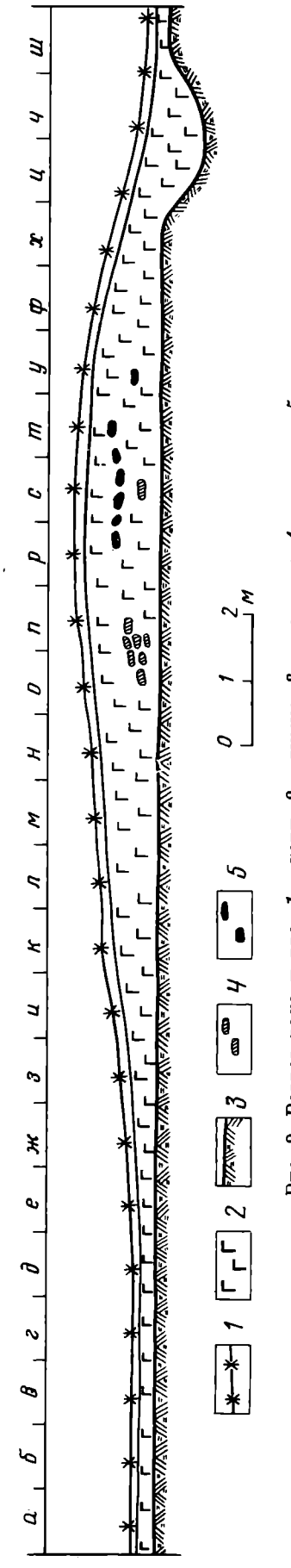


Рис. 2. Разрез вала и рва. *1* — дерн, *2* — гумус, *3* — материк, *4* — камни, *5* — дерево

Эти вырезы позволяют предположить, что данная поделка выполняла роль псалия.

Найдены также две костяные проколки (рис. 5, *7, 8*).

Как мы видим, никаких вещевых находок, позволяющих датировать городище, не обнаружено. Поэтому в вопросе хронологии, равно как и в вопросе культурной принадлежности памятника, мы вынуждены обращаться исключительно к керамическому материалу.

Сосуды группы I совершенно аналогичны керамике с памятников выделенной К. В. Сальниковым каменогорской культуры [1], причем на ее раннем (по Е. М. Берс) этапе [2].

Аналогию сосудам остальных трех групп мы находим на памятниках эпохи поздней бронзы Зауралья и Западной Сибири, относящихся к концу

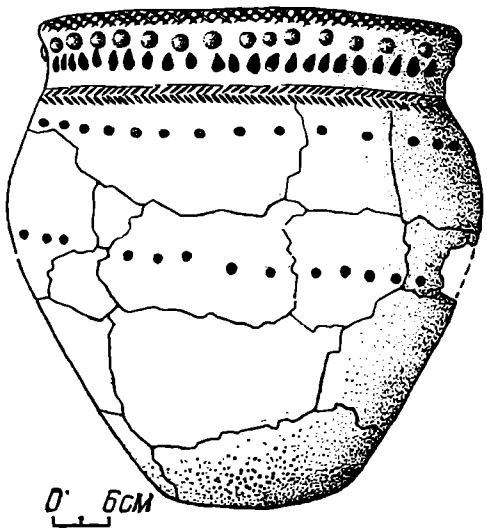


Рис. 3. Реставрированный сосуд

II тысячелетия до н. э. [3]. Вместе с тем памятники каменогорской культуры исследователи единодушно датируют концом бронзового — началом железного века [4]. Таким образом, мы получаем довольно широкую дату памятника.

Но в то же время В. Ф. Генинг и Н. И. Совцова считают, что каменогорская культура в Среднем Зауралье приходит на смену культурам эпохи поздней бронзы (с керамикой типа II—IV групп Миасского городища) не ранее XI—X вв. до н. э. [5]

Учитывая тот факт, что на Миасском городище керамика всех четырех указанных групп стратиграфически совершенно не расчленяется, можно предположить их синхронность. Сравнивая каменогорскую керамику Миасского городища с керамикой других известных памятников данной культуры, в частности исследованного Е. М. Берс Палкинского левобережного селища, мы видим, что характерный для сосудов указанного селища крестовый орнамент [6] совершенно отсутствует на Миасском

---

[1] *Сальников К. В.* Опыт классификации керамики лесостепного Зауралья.— СА, 1961, № 2, с. 46.

[2] *Берс Е. М.* Памятники и керамика гамаюнской культуры.— В сб.: Из истории Урала. Свердловск, 1960, с. 85.

[3] *Генинг В. Ф., Совцова Н. И.* О западносибирском компоненте в сложении ананьинской этнической общности. Уч. зап. ПГУ, № 148, 1967, с. 63—65.

[4] *Сальников К. В.* Ук. соч., с. 46; *Берс Е. М.* Ук. соч., с. 75; *Генинг В. Ф., Совцова Н. И.* Ук. соч., с. 63; *Стоянов В. Е.* Зауральские лесостепные поселения раннего железного века.— КСИА АН СССР, № 119, 1969, с. 60.

[5] *Генинг В. Ф., Совцова Н. И.* Ук. соч., с. 63.

[6] *Берс Е. М.* Ук. соч., табл. 1, *1—6*.

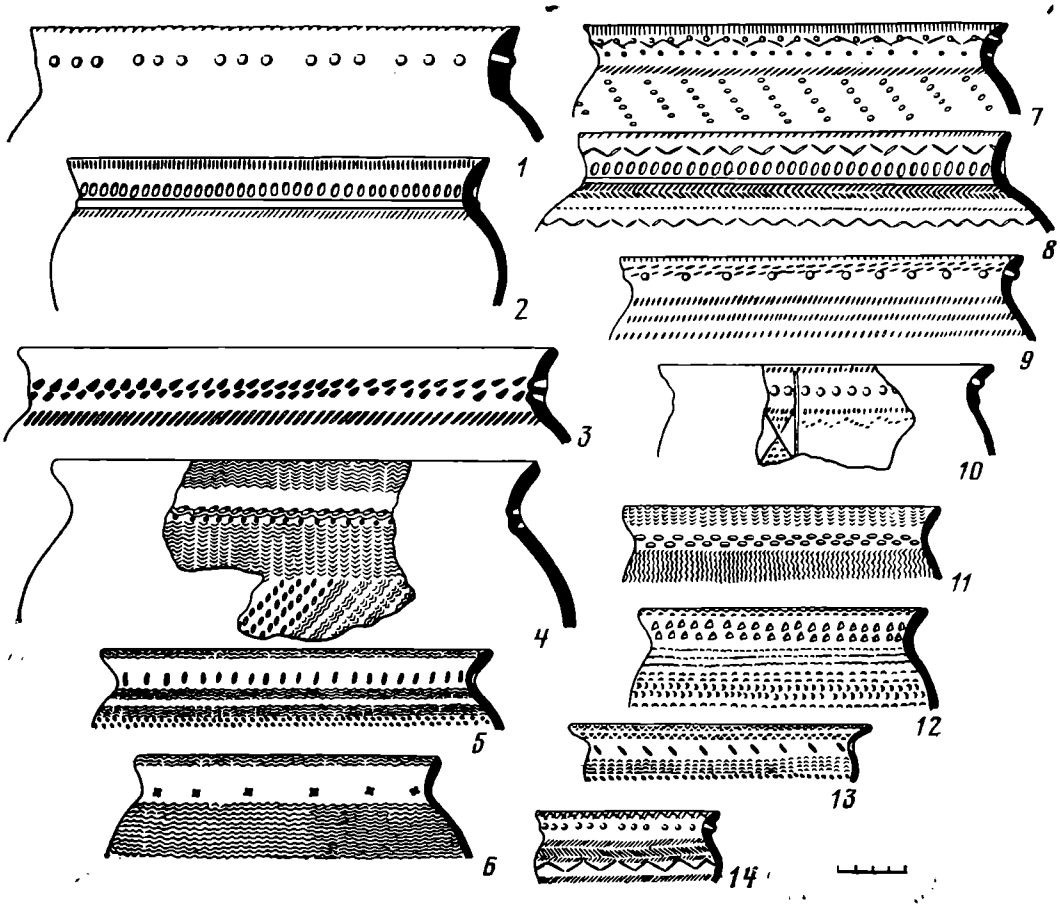


Рис. 4. Керамика Миасского городища

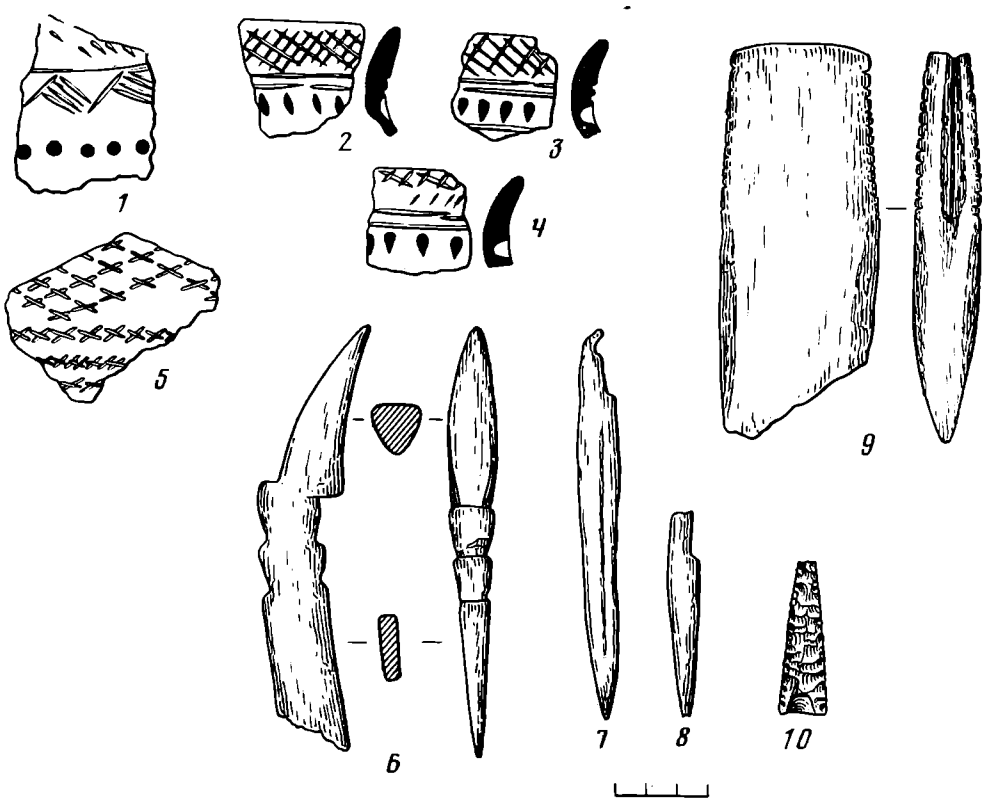


Рис. 5. Керамика и вещи с Миасского городища. *1—5* — фрагменты сосудов, *6—9* — кость, *10* — кремень

городище. Палкинское селище исследователь датирует в пределах VI—IV вв. до н. э.[7], считая его позднейшим памятником каменогорской (гамаюнской по Е. М. Берс) культуры[8]. Отсутствует на Миасском городище (за исключением одного фрагмента) и керамика периода перехода от эпохи бронзы к эпохе железа, где «...тонкие волнистые линии сочетаются с орнаментом из косого креста..»[9].

Опираясь на приведенные выше факты, мы можем определить время существования Миасского городища — не ранее XI и не позднее VIII в. до н. э.— и с большой долей вероятности отнести его к памятникам конца эпохи бронзы.

[7] Там же, с. 79.
[8] *Берс Е. М.* Археологические памятники Свердловска и его окрестностей. Свердловск, 1963, с. 76.
[9] *Берс Е. М.* Памятники и керамика гамаюнской культуры, с. 85.

К. И. КОРЕПАНОВ

ФИГУРКА МЕДВЕДЯ С ВЕРХНЕ-УТЧАНСКОГО ГОРОДИЩА

В бассейне р. Тоймы, в Южной Удмуртии, у дер. Верхний Утчан Алнашского р-на Удмуртской АССР расположено городище I тысячелетия н. э.[1]. Здесь, в 1974 г. Южным отрядом Удмуртской археологической экспедиции были обнаружены фрагменты керамики пьяноборского и мазунинского типов, подвеска, железный бронебойный наконечник стрелы, нож и вилы[2]. Внимание среди находок привлекает подвеска в виде полой фигурки медведя, найденная совместно с керамикой мазунинского типа (рис. 1, *1, 2*).

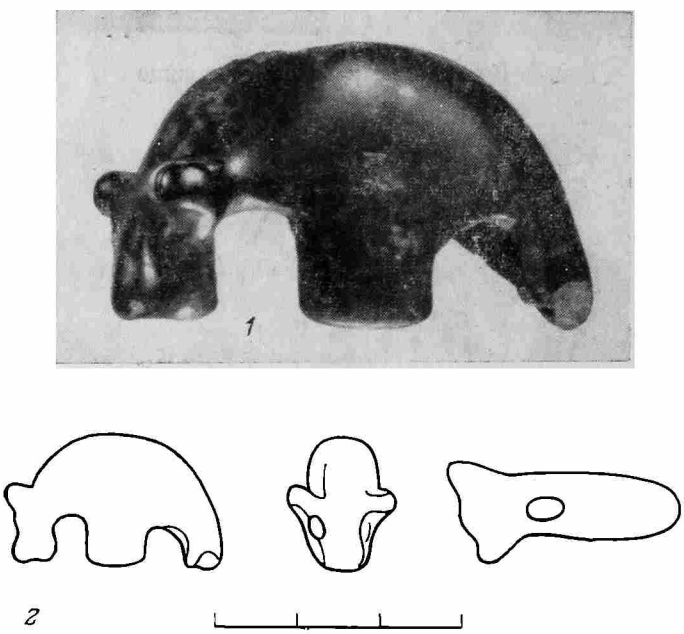


Рис. 1. *1* — фото (двукратное увеличение); *2* — прорисовка в натуральную величину

[1] *Генинг В. Ф.* Археологические памятники Удмуртии. Ижевск, 1958, с. 160.
[2] *Корепанов К. И.* Отчет о работе Южного отряда Удмуртской археологической экспедиции в 1974 г. Ижевск, 1975, с. 19, 20, табл. 1, *11*, рис. 16, *3*; 18, *1, 2*.

Длина фигурки 2, 8, высота 1,6, ширина 1 *см*. По-видимому, фигурка отлита по восковой модели из сплава бронзы и серебра. На спине имеется отверстие для подвешивания.

Фигурка схематична и стилизована. Лицевая часть морды, вероятно вследствие деформации, повернута влево. Средняя часть морды плоская, края сильно загнуты и слегка утолщены. Левый глаз показан слабым овальным вдавлением. Справа — выемка (возможно, дефект), заполненная каплевидной массой, сплющенной сверху. Уши торчат в разные стороны, правое ухо чуть больше левого.

Изображения медведей широко распространены в пластике многих племен и народов лесного Севера, средней полосы Восточной Европы, Приуралья и Западной Сибири с эпохи неолита до позднего средневековья. При этом подвески в виде полых фигурок медведей встречаются только в памятниках I тысячелетия н. э. [3]

Наиболее близкая аналогия фигурке медведя с Верхне-Утчанского городища имеется в материалах Бирского и Бахмутинского могильников начала и середины I тысячелетия н. э. северо-западной Башкирии [4]. Публикуемая фигурка является пока уникальной для Южной Удмуртии находкой и свидетельствует о культурных связях и контактах населения этих двух тесно связанных исторически районов.

---

[3] *Трубникова Н. В.* Фигурка медведя из Иваньковского могильника.— В сб.: История и культура Восточной Европы по археологическим данным. М., 1971, с. 149; *Васильев Б. А.* Медвежий праздник.— СЭ, 1948, № 4, с. 78—104.

[4] *Смирнов А. П.* Железный век Башкирии,— МИА, № 58, 1957, с. 51; *Мажитов Н. А.* Бахмутинская культура. М., 1968, табл. VII, *1—4*.

К. И. КРАСИЛЬНИКОВ

РАННЕПЕЧЕНЕЖСКОЕ ПОГРЕБЕНИЕ В с. ГОРШКОВКЕ

Во время земляных работ в с. Горшковке (на левом берегу р. Айдар) Новойдарского р-на Ворошиловградской обл. был частично поврежден курган. Приостановив разрушение памятника, нам удалось почти полностью его исследовать. В результате раскопок были прослежены форма могилы и погребальный обряд [1].

Над погребением был насыпан небольшой курган из чернозема со значительной примесью песка. Центральная часть кургана оказалась разрушенной строительством. Со слов очевидцев, высота насыпи не превышала 0,5 — 0,6 *м*.

Под курганной насыпью слабо выделялось пятно могильной ямы (по более темному заполнению, просматриваемому в светлом песке). Входная часть, «колодец», была почти прямоугольная, 2,35×1,60 *м*, ориентированная по линии восток — запад. На глубине 0,75 *м* яма сужалась на 0,60 *м*, образуя широкую ступеньку вдоль всей длины южной стенки. Дно ямы находилось на глубине 1,60 *м* от уровня погребенной почвы. Внизу, вдоль северной стенки, прослежен подбой глубиной 0,20 *м* (рис. 1). Таким образом, в данном случае мы имеем ямное подкурганное погребение с полуподбойной формой могилы, сочетающейся с высокой ступенькой. Аналогии такой сложной конструкции могилы могут быть отмечены в захоронениях в ямах с полуподбоями в Беловежском кочев-

---

[1] Материалы хранятся в пединституте г. Ворошиловграда.

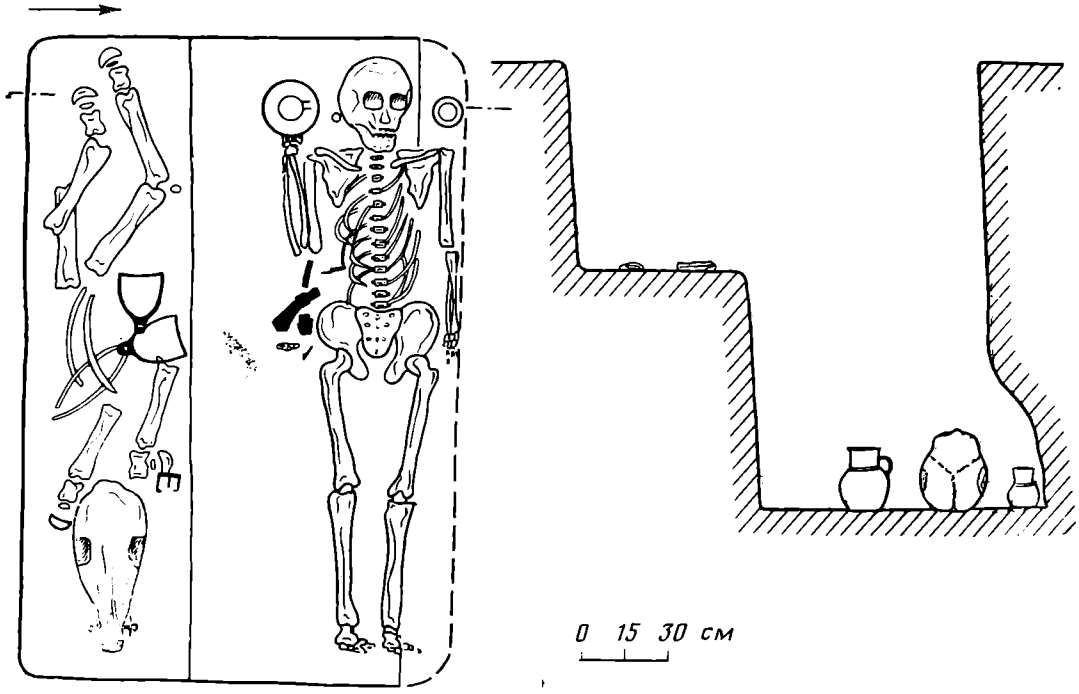


Рис. 1. План и разрез погребения

ническом могильнике [2] и на других аналогичных памятниках смежных территорий [3], в том числе среди захоронений кочевников на Донце [4].

На дне ямы, вдоль северной стенки, частично в подбое, лежал на спине в вытянутом положении костяк, ориентированный головой на запад. Сохранность скелета хорошая. Правая рука, согнутая в локте, как бы поддерживает кувшин, поставленный справа у головы, левая вытянута вдоль туловища. Довольно разнообразный могильный инвентарь обнаружен рядом с погребенным, а также на ступеньке вместе с костями коня. С правой стороны на уровне таза компактно сложены железные вещи: боевой топор, обломок сабли, мотыжка, нож, кресало вместе с кремнем. У головы, на уровне виска, с обеих сторон была поставлена посуда, с правой стороны — кувшин, с левой — кружка. С правой стороны черепа найдена серьга.

На ступеньке обнаружены кости коня — череп, кости конечностей и несколько ребер (рис. 1). Череп коня ориентирован в противоположную сторону по отношению к ориентировке человеческого костяка, т. е. на восток. В зубах лошади найдены удила. Слева от черепа лежала металлическая пряжка. Здесь же, возле черепа, были положены передние конечности коня. В средней части ступеньки обнаружены два стремени, за ними, ближе к западной стенке, лежали задние конечности коня.

Боевой топор (рис. 2, *1*) имеет удлиненный (3 *см*) и утяжеленный обушок прямоугольного сечения и несколько треугольное лезвие. По нижней торцовой плоскости можно видеть слабо выраженный изгиб от проуха к лезвию. Согласно типологии, разработанной С. А. Плетневой, его можно отнести ко второму отделу первого типа топоров, датируемых середи-

---

[2] *Плетнева С. А.* Кочевнический могильник близ Саркела — Белой Вежи.— МИА, № 109, 1963, с. 227 (кург. № 43).

[3] *Плетнева С. А.* От кочевий к городам.— МИА, № 142, 1967, с. 96, 97.

[4] *Городцов В. А.* Результаты археологических исследований в Изюмском уезде Харьковской губернии в 1901 году.— Тр. XII АС, т. I. М., 1905, с. 211—213; 250—260; *его же.* Дневник археологических исследований в Бахмутском уезде Екатеринославской губернии. Тр. XIII АС, т. I. М., 1907.

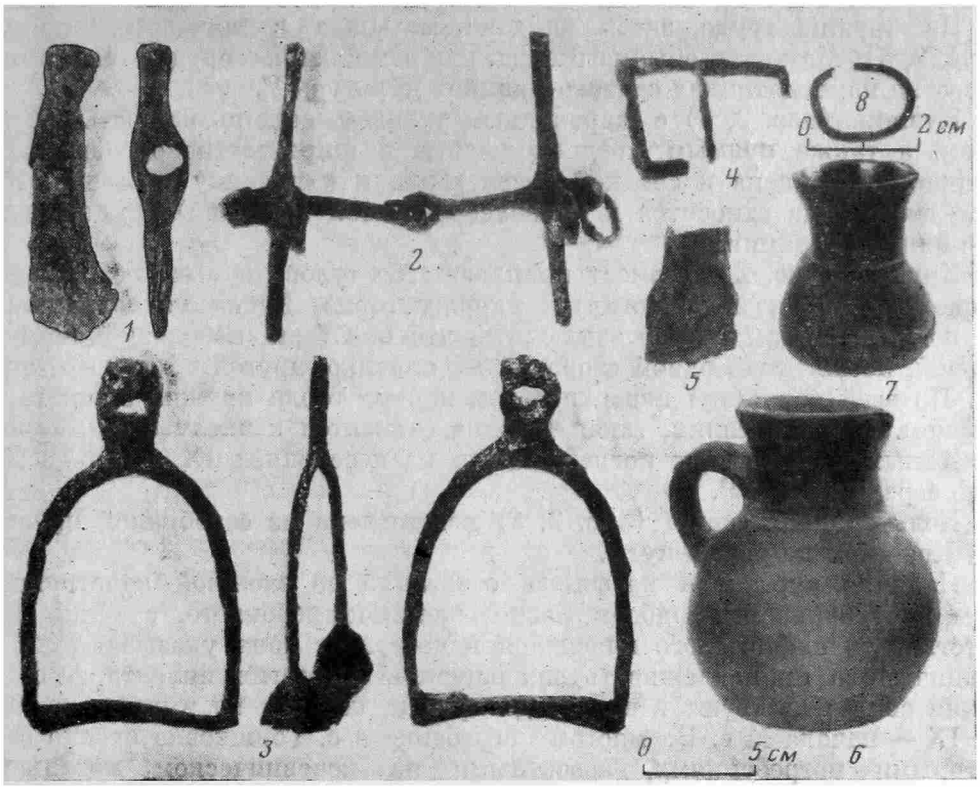


Рис. 2. Вещи из погребения: *1* — боевой топор; *2* — удила; *3* — стремена; *4* — пряжка; *5* — мотыжка; *6* — кувшин; *7* — кружка; *8* — серьга (серебро)

ной IX — началом X в., т. е., завершающим периодом существования салтово-маяцкой культуры [5]. Сходный топор, но с несколько более удлиненной обушковой частью, был найден на полу сгоревшего жилища 12 селища салтово-маяцкой культуры у с. Рогалик [6]. Еще один предмет вооружения — небольшой (8 *см*) обломок сабли. Ширина полосы 2, 7 *см*.

Конская сбруя представлена удилами, стременами, пряжкой. Удила (рис. 2, *2*) были вставлены в зубы лошади. Мундштук двусоставный с перегибом, сделан из кованого четырехгранного прута с кольцами на краях. Псалии прямые стержневые, гвоздевидного типа. Такие удила получили распространение с конца VIII в., но особенно прочно вошли в состав конской сбруи в IX в. как у оседлого, так и кочевого населения [7].

Два стремени (рис. 2, *3*) характеризуются широкой дуговидной аркой, выделенной петлей, несколько вогнутой внутрь подножкой и ребрами жесткости по середине и краям подножки. В подножках были проделаны отверстия. Петля для путалища высокая, прямоугольно-овальная. Вырез для путалища прямоугольный. Стремена из погребения относятся к IX—X вв.[8].

Подпружная пряжка имеет трапециевидную форму (рис. 2, *4*). Аналогии ей известны как в памятниках салтово-маяцкой культуры, так и в позднекочевнических курганах XI—XIII вв. [9].

---

[5] *Плетнева С. А.* От кочевий к городам, с. 137, 142, рис. 36.

[6] Селище салтово-маяцкой культуры находится в 5 *км* на север от с. Горшковки, исследуется автором с 1974 г. Результаты раскопок обрабатываются.

[7] *Плетнева С. А.* От кочевий к городам, с. 141, рис. 36; *ее же.* Печенеги, торки и половцы в южнорусских степях.— МИА, № 62, т. 1, 1958, с. 155, 156, рис. 10; *Мерперт Н. Я.* Из истории оружия племен Восточной Европы в раннем средневековье.— СА, XIII, 1955, с. 142.

[8] *Мерперт Н. Я.* Ук. соч., с. 142, 143; *Плетнева С. А.* Кочевнический могильник, с. 247, 248; *ее же.* От кочевий к городам, с. 167.

[9] *Плетнева С. А.* Кочевнический могильник..., с. 248—250.

Из орудий труда здесь найдена мотыжка в хорошем состоянии (рис. 2, *5*). Мотыжка обычного вида, как землекопное орудие она широко известна на памятниках салтово-маяцкой культуры [10].

Кувшин (рис. 2, *6*) с шаровидным туловом, сплошь покрытым лощением, а также прямым, средней высоты и ширины горлом без слива. Ручка прикреплена к средней части горла и к плечику кувшина. Кувшин этого типа относится к наиболее развитой (поздней) группе салтово-маяцкой керамики [11].

Кружка (рис. 2, *7*) имеет приплюснутое тулово и высокое, широкое, несколько коническое отогнутое наружу горло. Ручка не сохранилась, но по ее остаткам можно заключить, что она была небольшой петлеобразной, посаженной одной стороной на плечико, другой на тулово кружки. По всей наружной поверхности и внутри горла кружка покрыта лощением. Как и кувшин, такая кружка относится к числу форм, хорошо известных в салтовских погребениях и на поселениях IX — начала X в. и до середины X в. [12].

Кольцевидная серьга (рис. 2, *8*) изготовлена из серебряной проволоки. Края кольца разомкнуты.

Наличие курганной насыпи в сочетании со сложной конструкцией ямы со ступенькой и подбоем, расположение погребенного, а также присутствие специфического инвентаря и частей от коня указывают на кочевническую принадлежность захоронения. Аналогии инвентарю погребения свидетельствуют в пользу датировки, которая не выходит за рамки IX — начала X в. Во многом погребение в с. Горшковке сходно с некоторыми погребениями, известными на кочевническом могильнике Саркела — Белой Вежи и на Донце. Оно может синхронизироваться с наиболее ранними погребениями кочевников Беловежского могильника.

Можно предположить, что погребение принадлежит печенегу и относится к началу завоевания печенегами южнорусской степи, к тому времени, когда они уничтожали салтовскую культуру и при этом могли широко использовать вещи из разграбленных поселений.

Гибель салтово-маяцкой культуры в огне пожарищ хорошо зафиксирована на селищах, расположенных поблизости от горшковского кургана — у с. Подгаевка у р. Деркул, у с. Рогалик у р. Евсуг [13]. Датируется это событие довольно точно не только благодаря находкам погребения, подобных описанному выше, но и по свидетельствам письменных источников. В частности, Константин Багрянородный в своем труде «Об управлении государством», написанном между 948 и 952 гг., сообщает, что печенеги появились в степях Причерноморья за 50—55 лет до этого [14], т. е. в 90-х годах IX в.

---

[10] Наибольшее количество мотыжек найдено в катакомбах Дмитриевского могильника, где они встречались в каждой второй катакомбе; *Плетнева С. А.* От кочевий к городам., с. 146, рис. 38, 7.

[11] *Плетнева С. А.* От кочевий к городам, с. 115, 116.

[12] *Плетнева С. А.* Керамика Саркела — Белой Вежи.— МИА, № 75, т. II, 1959, с. 214—217; *ее же.* От кочевий к городам, с. 115—118.

[13] *Красильников К. И.* Гончарная мастерская салтово-маяцкой культуры.— СА, 1976, № 3.

[14] *Константин Багрянородный.* Об управлении государством, гл. 14.— ИГАИМК, вып. 91, 1934.

Критика и библиография

Первобытный Туркменистан. Под редакцией В. М. Массона и Е. Атагарриева. Ашхабад, изд-во «Ылым», 1976, 154 с.

В истории Средней Азии VI—II тысячелетия до н. э. Южной Туркмении принадлежит такое же исключительное место, на какое в эпоху античности может претендовать Бактрия, а в раннем средневековье — Согд. В период от неолита до поздней бронзы подгорная полоса вдоль Копетдага, а на отдельных исторических этапах также дельты Теджена и Мургаба, являются культурным и экономическим центром, из которого прогрессивные влияния распространяются на восток и на север. В VI—II тысячелетиях до н. э. население Южной Туркмении, в основном сохраняя культурную преемственность, проходит путь от небольших раннеземледельческих общин до формирующегося классового общества и создает своеобразную цивилизацию Намазга IV—V. Подобно ряду синхронных ей культур Ирана и Афганистана, эта цивилизация может быть причислена к цивилизациям вторичного порядка. В то же время Южная Туркмения в рассматриваемый период, да, собственно говоря, и раньше, в эпоху присваивающего хозяйства, выступает как неотъемлемая часть единого комплекса ближне- и средневосточных культур, как его северо-восточная периферия.

Все это превращает Южную Туркмению в один из тех регионов, на материалах которых с наибольшим успехом могут разрабатываться такие фундаментальные проблемы, как развитие земледельческих обществ и сложение на их основе цивилизации, становление городов, роль и механизм внешних влияний и др. Велико значение южнотуркменских археологических материалов и для прояснения этнической истории Передней и Южной Азии VI—II тысячелетий до н. э., во многом пока загадочной.

Публикация рецензируемого сборника преследовала цель дать обзор истории и культуры Южной Туркмении по археологическим источникам с мезолита до поздней бронзы, заострив внимание на тех новшествах, которые определяли специфику культуры на каждом этапе и в каждом районе. Авторы в значительной мере оперируют ранее неопубликованными материалами, которые ныне впервые становятся доступными читателю. Речь идет о коллекциях и архитектурных планах с ряда поселений времени Анау I-А, поселения Ак-депе периода Намазга IV, с самого городища Намазга-депе эпохи развитой бронзы и др. Все эти материалы, в ряде случаев десятилетия пролежавшие в архивах и запасниках, имеют принципиальное значение для исследования древних культур южнотуркменской области. Рассматриваемый сборник задуман вместе с тем и как проблемный, акцентирующий внимание на спорных вопросах и выявляющий пробелы в наших знаниях.

«Первобытный Туркменистан» открывается статьей Г. Ф. Коробковой, посвященной эпохе мезолита. Автор выделяет две группы каменных индустрий: комплексы типа IV «низ» — VII слоев пещеры Дам-Дам-Чешме II, с одной стороны, и типа IV слоя «верх» Дам-Дам-Чешме II — с другой. Индустрия первой группы при наличии некоторого сходства с инвентарем нижнего горизонта Гари-Камарбанда и Хоту в основном восходит к местной позднепалеолитической традиции и выделяется Г. Ф. Коробковой в особую прикаспийскую или прибалханскую культуру, в то время как вторая имеет явные аналогии с ближневосточными памятниками зарзий-

ского типа, представляя, очевидно, локальный (прикаспийский) вариант зарзийской культуры. Доказывая отсутствие преемственности между туркменскими памятниками данных типов, автор приходит к выводу о сосуществовании в прикаспийском мезолите по меньшей мере двух технических традиций, что скорее всего свидетельствует о наличии здесь разных племенных групп, одна из них, вероятно, иранского происхождения.

Памятникам неолита и раннего энеолита (Анау I-А) посвящена статья О. Бердыева, одна из наиболее информативных в сборнике. Не останавливаясь на многократно описанном Джейтуне, автор суммирует ранее почти не публиковавшиеся данные по Чопану- и Тоголок-депе и по собственным раскопкам на Песседжик-депе. Исходя из более крупных, чем в среднем в неолите, размеров последнего памятника и наличия там святилища с настенными росписями (иконографически и сюжетно того же «охотничье-мезолитического» характера, что и на анатолийском Чатал-Гуюке), делается вывод, что Песседжик был не рядовым поселком, а центром земледельческого оазиса.

Основная часть статьи О. Бердыева посвящена описанию и публикации материалов периода Анау I-А. Автор выделяет комплекс нововведений этого времени: прямоугольный сырец, металлургия меди [1], развитое ткачество, уличная планировка (в отличие от беспорядочно разбросанных джейтунских домов), каменные мотыги, лучше, чем в неолите, обожженная керамика с примесью песка, а не самана и с совершенно иной орнаментацией. Вывод о том, что создатели культуры Анау I-А попали в Туркмению из Ирана, не нов, однако впервые со всей ясностью продемонстрированы значительное превосходство культуры мигрантов и роль этой миграции для дальнейшего поступательного развития южнотуркменского общества. Подробно рассматривается вопрос о взаимодействии пришлого и аборигенного населения, которое, безусловно, не было полностью вытеснено или истреблено. На поздней фазе Анау I-А (Монжуклы-депе) и особенно в следующем периоде Намазга I возрождается ряд джейтунских традиций (джейтунские элементы орнамента, саман в черепке, исчезают не прижившиеся в Туркмении каменные мотыги). Ряд домостроительных приемов джейтунцев был воспринят анаусцами с самого начала. Вывод автора о постепенной взаимной ассимиляции двух групп населения весьма убедителен, хотя, если его принять, встает вопрос о поисках или выявлении пережиточных джейтунских памятников, которые должны были бы существовать по крайней мере до конца Анау I-А.

В статье, посвященной периоду ранней бронзы, В. И. Сарианиди особое внимание уделяет двум памятникам: Хапуз-депе в Серахском районе и Ак-депе у Ашхабада. Хапуз был основан выходцами из Геоксюрского оазиса с энеолитической культурой. Этот финальный геоксюрский комплекс вскоре сменяется культурой типа Намазга IV. Учитывая генетическую связь форм сосудов и орнаментов на них, которая прослеживается между керамикой двух периодов, сохранение традиций в погребальном обряде и пр., можно с уверенностью предполагать этнокультурную преемственность. Тем более резко бросаются в глаза нововведения, прежде всего использование гончарного круга, который входит в употребление уже с самых ранних этапов Намазга IV, т. е. приблизительно с середины III тысячелетия до н. э. Эпоха Намазга IV — это также время появления двухъярусных гончарных печей, повозки, запряженной верблюдами, печатей, время культурной унификации в пределах всей подгорной полосы, а также изменения канона в коропластике, что, очевидно, отражает значительную эволюцию идеологии. Вместе с тем, согласно новейшим исследованиям, ряд прогрессивных явлений в общественной жизни и технических достижений, которые ранее было принято связывать лишь с наступлением эпохи бронзы (выделение помимо обычных небольших поселений отдельных очень крупных, площадью до 20 *га*, если не более [2]; высокоразвитая техника литья,

[1] Данные, приводимые Н. Н. Тереховой (*Терехова Н. Н.* История металлообрабатывающего производства у древних земледельцев Южной Туркмении. Автореф. канд. дис. М., 1975, с. 6), свидетельствуют о том, что создатели культуры Анау I-А были не только знакомы с ковкой, но и умели выплавлять медь из руды и отливать заготовки.

[2] *Массон В. М.* Цивилизация древневосточного типа на юге Средней Азии.— В сб.: Памятники культуры. Новые открытия. М., 1976, с. 443.

широкое внедрение медно-свинцовых и медно-мышьяковистых сплавов [3]), появились уже в период Намазга III.

Чрезвычайно важна публикация В. И. Сарианиди материалов с Ак-депе, прежде всего сероглиняной керамики с процарапанным орнаментом, которая близка посуде североиранских памятников. Тот факт, что керамика этого типа в Туркмении встречается в основном в западном регионе, ближайшем к Тюренг-тепе, заставляет автора предполагать ее иранские истоки.

И. С. Масимов рассматривает материальную культуру Южной Туркмении развитой и поздней бронзы. По его мнению, в конце III — начале II тысячелетия такие протогорода, как Алтын-депе и Намазга, стояли в одном ряду с городскими цивилизациями древней Месопотамии и долины Инда, с чем нельзя согласиться. Культура Южной Туркмении, опиравшаяся на крайне скудную экономическую базу, заметно отставала от ведущих мировых центров по ряду важнейших показателей (степень развития городской жизни, степень развития письменности, точнее, в данном случае протописьменности, масштабы социального расслоения, вероятный уровень общественной организации). Вместе с тем и данные, приводимые И. С. Масимовым, и новые материалы, полученные за время, прошедшее с момента написания рецензируемых статей [4], свидетельствуют о том, что крупнейшие южнотуркменские поселения развитой бронзы безусловно могут быть названы городами. Большой интерес представляют публикуемые И. С. Масимовым данные о памятниках поздней бронзы, демонстрирующие, с одной стороны, явную культурную преемственность с Намазга V, с другой — значительный регресс общества (резкое сокращение размеров поселений, огрубление керамики, хотя и по-прежнему изготавливавшейся на круге).

Статья В. М. Массона является итоговой для сборника, в ней рассматриваются общие черты развития материальной культуры первобытного Туркменистана. Автор отмечает последовательное накопление культурных достижений, завершающееся в Намазга IV—V окончательным сложением культурного комплекса, характерного для формирующейся цивилизации древневосточного типа (крупные поселения с монументальной архитектурой, развитое специализированное ремесло, довольно сложная знаковая система, могущая служить основой для появления настоящей письменности, и др.). Отмечается влияние передовых цивилизаций, которое проявилось, в частности, в копировании на Алтын-депе уже выработанных архитектурных форм (зиккурат). Вообще же, касаясь вопросов связи Южной Туркмении с ирано-месопотамским миром, В. М. Массон особо выделяет два периода их активизации: время Намазга III (влияния в керамической орнаментации и в мелкой пластике) и время Анау I-А. В обоих случаях говорить о кардинальном разрыве традиций не приходится. В. М. Массон фактически выделяет две категории заимствуемых черт. Одни не имеют стадиального значения, но определяют культурное (отражающее этническое) своеобразие, например стиль росписи посуды. Заимствование подобных черт в общем случайно и определяется конкретными межэтническими связями. Признаки второй группы (металлургия, гончарный круг и т. п.) заимствуются только в том случае, если общество внутренне подготовлено к их освоению и «когда уже не важно, импортированы ли эти новшества со стороны или изобретены заново».

Соглашаясь в принципе с таким подходом, нельзя не добавить, что последнее обстоятельство «не важно» скорее для нас, поскольку в обоих вариантах проявляются одни и те же закономерности общественного развития, однако оно, естественно, не было безразлично для самих древних обществ. Возможность заимствования уже готовых достижений означала гигантское ускорение темпов эволюции общества и обеспечивало выравнивание уровня развития центральных и периферийных областей ойкумены. На примере изолированных обществ доиспанской Америки видно, что фундаментальные открытия далеко не всегда могут быть сделаны самостоятель-

---

[3] *Терехова Н. Н.* Ук. автореф. канд. дис., с. 8, 9.

[4] *Массон В. М.* Ук. соч., с. 432, 433; *его же.* Изучение жилых кварталов и оборонительных сооружений Алтын-депе.— АО — 1976, М., 1977.

но, даже если в них и возникает необходимость (отсутствие металлургии в Мезоамерике классического периода или такого, казалось бы, элементарного приспособления, как кузнечные меха, в культурах древнего Перу). В других случаях вырабатываются эрзацы, по-видимому, способные лишь отчасти заменить отсутствующие технические приспособления (изготовление в Перу сосудов в формах, а не на круге). Нам представляется, что южнотуркменские культуры, основанные на ирригации, но крайне бедные водными ресурсами, могли столь успешно и сравнительно быстро развиваться только потому, что решительно все принципиальные технические достижения заимствовались ими сразу же, как только в них появлялась необходимость. Как складывался бы ход исторического процесса в Южной Туркмении при отсутствии такой возможности, гадать бессмысленно, но несомненно, что прогресс был бы гораздо более медленным.

В свете сказанного, к двум основным периодам внешних культурных взаимодействий, о которых пишет В. М. Массон, по-видимому, необходимо добавить третий — время Намазга IV, когда в Южной Туркмении появляются сразу в развитом виде гончарный круг и токарный станок для обработки камня, двухъярусная гончарная печь, начинает использоваться тягловая сила верблюдов. Эпоха Намазга IV принадлежит к наименее изученным, что ясно видно и по данным рецензируемого сборника. Объясняется это объективными причинами: на большинстве памятников слои ранней бронзы перекрыты более поздними. В ближайшие годы этот пробел будет, очевидно, ликвидирован, поскольку на Алтын-депе в настоящее время сразу на трех раскопах исследование слоев Намазга V заканчивается и в перспективе стоит изучение более ранних строительных горизонтов. При этом было бы весьма интересно определить, насколько одновременно внедряются все упомянутые достижения. Если они осваиваются в течение какого-то времени, одно за другим, можно предполагать инфильтрацию, обусловленную острой потребностью в них общества, постепенно заимствовавшего у более развитых соседей соответствующие изобретения, если же одновременно, то скорее допустимо предполагать интенсивное взаимодействие с какой-то одной культурой, обладавшей всем набором данных черт и комплексно передавшей его намазгинцам. В этом смысле пристального внимания заслуживает культура, послужившая источником проникновения в подгорную полосу сероглиняной керамики.

Нам представляется также, что лишь рассматривая культуру эпохи бронзы Южной Туркмении как часть более широкой ближнесредневосточной общности, можно понять причины упадка в период Намазга VI. По-видимому, вне этой сложившейся системы культур, очевидно, пронизанной разнообразными экономическими и идеологическими связями, южнотуркменская цивилизация не могла сколько-нибудь продолжительное время успешно развиваться и регрессировала сразу же, как только система стала распадаться. Во всяком случае, вряд ли такие события, как касситское нашествие, упадок Хараппы и деградация культур бронзового века Ирана и Туркмении были независимы друг от друга. Правда, остается непонятным, какие конкретно экономические выгоды имело южнотуркменское общество от связей с цивилизацией долины Инда (более прямых и тесных, судя по импорту) и Тигра — Евфрата (более опосредованных) и, главное, в обмен на что они могли быть получены. В подгорной полосе нет полезных ископаемых, а мирный характер жизни (сейчас это уже несомненно) исключает возможность экспорта рабов [5]. Примем, однако, в расчет три обстоятельства: 1) возможность транзитной торговли, 2) возможность экспорта каких-то земледельческих или скотоводческих продуктов, 3) пробел в наших знаниях относительно археологии Иранского Хорасана. Зона распространения культур эпохи бронзы подгорной полосы скорее всего простиралась и за Копетдаг, поэтому не исключено, что мы имеем дело с «периферией перифе-

[5] Кияткина Т. П., обследовавшая костные материалы из более чем 300 погребений с Алтын-депе, отметила, что ни на одном из скелетов нет следов травм, нанесенных оружием. Результаты этих обследований готовятся ею к публикации. С данным выводом согласуется и отсутствие оружия в погребальном инвентаре, равно как и слабое развитие фортификации на поселениях подгорной полосы.

рии» и не можем пока достаточно верно оценить ни масштабы намазгинской цивилизации, ни характер ее взаимоотношений с более развитыми центрами [6].

Так или иначе, материалы рецензируемого сборника неизбежно заставляют читателя задуматься над вопросами формирования и упадка южнотуркменской культуры эпохи бронзы как исключительно важными и пока не получившими должного разрешения.

Таким образом, следует отметить, что авторы «Первобытного Туркменистана», безусловно, выполнили поставленную задачу — не только суммировать накопленное, но и выявить лакуны, заострить нерешенные проблемы. Особо следует отметить осторожность большинства авторов в проведении разного рода социологических интерпретаций, разумный подход в оценке возможностей реконструкции общественных структур по одним археологическим данным.

Ю. Е. Березкин

---

[6] В энеолите геоксюрский культурный пласт прослеживается, как известно, на значительной части Ирана (*Массон В. М.* Цивилизация древневосточного типа..., с. 443, 444, *Biscone R.* Dynamics of an early South Asian urbanism: the first period of Shahr — i Sokhta and its connections with Southern Turkmenia.— In: South Asian Archaeology. London, 1973).

Васильевский Р. С., Голубев В. А. Древние поселения на Сахалине (Сусуйская стоянка). Новосибирск, «Наука», 1976, 270 стр.

Эта книга в значительной своей части посвящена описанию и анализу материалов из новейших раскопок Сусуйской стоянки, однако значение ее гораздо шире этой темы, и по существу в книге дается развернутый очерк истории древнего населения о. Сахалина и его связей с сопредельными территориями. Уже 10 лет прошло с момента выхода в свет книги Р. В. Козыревой «Древний Сахалин». Для своего времени эта книга была большим научным достижением, но за истекшее десятилетие накоплены важные новые материалы, которые позволяют по-новому взглянуть на древнюю историю острова. Обобщение этих материалов и дается в книге Р. С. Васильевского и В. А. Голубева.

Десять лет назад мы не знали на Сахалине памятников населения более древнего, чем II тысячелетие до н. э. Теперь найдены гораздо более древние памятники, данные о которых обобщены в главе I, «К вопросу о первоначальном заселении Сахалина». Это Такое II, давшее докерамическую культуру с пластинчатой техникой, датируемое 8000 лет до н. э. и ранее, и Имчин I с возрастом порядка 6—7 тысяч лет— памятник, полностью сохранивший мезолитический облик. В книге приводится целая серия радиоуглеродных дат для памятников раннего неолита, уже с керамикой.

Все эти памятники, включая и древнейшие из них, обнаруживают отчетливые связи, с одной стороны, с культурами Нижнего Амура, с другой — имеют черты сходства с синхронными культурами о. Хоккайдо. Становится ясным, что позднеолитические памятники Южного Сахалина и развившаяся на их основе охотская культура, наиболее ярким памятником которой является Сусуйская стоянка, генетически связаны с неолитом Северного Сахалина. Это позволяет говорить о том, что 12—10 тыс. лет тому назад, когда Сахалин и Хоккайдо были связаны с Приамурьем и Приморьем материковыми мостами, через эти мосты осуществлялось первичное заселение этих территорий. Их дальнейшее этническое и культурное развитие, как показывают материалы охотской культуры, было более тесно связано с восточными районами Сибири, чем с лежащими южнее островами (Хонсю и прилежащие острова), развитие которых пошло по иному, существенно отличному пути, связанному с формированием культур протодземон и дземон.

В плане критических замечаний следует лишь отметить, что описание этих чрезвычайно важных открытий дается в порядке хронологии их открытия, что несколько нарушает последовательность изложения.

Хотя изучение Сусуйской стоянки и ее материалов ведется уже более 100 лет как русскими, так и японскими исследователями, следует отметить, что эти исследования велись эпизодически, с большими перерывами, чаще всего на любительском уровне, и имеющиеся в разных музеях коллекции плохо документированы. Поэтому авторы поступили правильно, ограничившись анализом главным образом тех материалов, которые были получены ими самими в течение работ последних лет. В то же время ими досконально изучена и учтена не только отечественная литература по археологии Сахалина и сопредельных территорий, но также японская и американская литература по охотской культуре.

Генезис и связи охотской культуры представляют важную тему в круге проблематики археологии Северной Пацифики. Японские исследователи довоенного периода рассматривали ее как отражение заселения Сахалина с юга, из Японии. В этом случае она должна была связываться этнически с айнскими компонентами населения. Однако несостоятельность такого сопоставления стала ясна достаточно рано. В послевоенные годы многие японские и американские исследователи, базируясь на данных раскопок тех памятников охотской культуры, которые находятся на северном побережье Хоккайдо, и прежде всего на материалах стоянки Мойоро, утверждали, что наибольшие связи эта культура имеет с эскимосско-алеутским кругом культурных форм. В течение длительного времени этот вывод представлялся заслуживающим серьезного внимания, однако авторы рецензируемой книги убедительно показывают, что если какие-то связи с эскоалеутами и можно проследить в некоторых памятниках охотской культуры, они вряд ли являются решающими в отношении истоков ее формирования.

Сусуйская стоянка, датированная радиокарбоном VI—I вв. до н. э., является древнейшим памятником охотской культуры, во всяком случае значительно более древним, чем памятники Северного Хоккайдо и Курильских островов.

Следует, однако, заметить, что в вопросе о стратиграфии этой стоянки в книге нет достаточной ясности. По таблицам XXXVI—XXXIX можно видеть, что в ее материалах имеются в числе прочих также и сосуды, относящиеся к поздним этапам охотской культуры, не ранее чем к концу I тысячелетия н. э. Очевидно, Сусуйская стоянка была обитаема в течение более чем полутора тысяч лет. Это могло бы дать богатейший материал для диахронного анализа эволюции охотской культуры, и жаль, что читатель не получает из рецензируемой книги должного представления о стратиграфической динамике памятника. Аналогичные замечания можно сделать в отношении не только керамики, но описания и документации условий и места обнаружения каменного инвентаря, в самом составе которого, между прочим в соотношении числа скребков и ножей, наконечников стрел и топоров, много интересного и необычного.

Хотя в характеристиках, даваемых авторами, в некоторых случаях имеются спорные моменты (в частности, сомнительным является включение в круг охотской культуры стоянок типа Стародубского II), тем не менее авторам удалось привести немало довольно убедительных аргументов в обоснование своего тезиса о том, что охотская культура в своих истоках связана прежде всего с Сахалином и опосредованно через него с приморско-приамурским кругом культурных форм и распространение ее шло отсюда далее на восток, на Хоккайдо и Курилы. Это самый важный вывод, который делается в этой книге.

Авторы также указывают на связи охотской и древнекорякской культуры, считая их ветвями одного корня (с. 169), причем корнем выступают культуры Приамурья. В то же время авторы не отрицают возможностей различных влияний извне на охотскую культуру. На с. 113, правда очень вскользь, говорится о частичном сходстве некоторых наконечников гарпунов с эскимосскими, что «объясняется, по-видимому, культурными связями более позднего времени». Склонны принять они и высказанное нами с Д. А. Сергеевым ранее мнение о двух волнах айнского проникновения на Сахалин: первой, несшей традиции протодземона, но ассимилированной носителями охотской культуры, и второй, несшей культуру нейдзи, которая в конечном счете возобладала на юге острова.

Соглашаясь с основными положениями книги, следует отметить некоторую излишнюю прямолинейность в этнической аттрибуции охотской культуры, которая

связывается авторами с палеонивхами. Как правило, прямые увязки археологической культуры и этноса мало перспективны, и, на наш взгляд, вполне возможно, что если создатели ее на Сахалине и были действительно палеонивхами, то на Хоккайдо и на Курилах среди населения, относящегося к охотской культуре, могла быть значительная доля людей иного этнического происхождения, в частности эскоалеутского. Во всяком случае гарпунные наконечники соответствующих форм там представлены гораздо обильнее, чем на Сахалине.

Последняя глава книги, «Проблемы адаптации древнего населения к прибрежным условиям в северной части тихоокеанского бассейна», имеет не только конкретно-историческое, но и существенное теоретическое значение, далеко выходя за рамки проблем одной только охотской культуры. Здесь дается классификационная типология вариантов адаптации, имеющая большую методическую ценность, и делается вывод, что есть прямая зависимость между глубиной ориентации на ресурсы побережья и моря и стабильностью культуры. С выводом этим можно полностью согласиться. В этой главе, однако, как и в предыдущей, взгляды авторов на эскимосскую культуру, ее генезис и соотношение с другими береговыми культурами Северной Пацифики представляются несколько односторонними. Вряд ли можно сейчас по-прежнему связывать генезис эскимосской культуры лишь с Юго-Западной Аляской и отрывать его от зоны Берингова пролива, по-прежнему говорить о более древнем возрасте культуры оквик по сравнению с древнеберингоморской, говорить о конвергентном появлении приморской адаптации в различных малых ареалах и, наконец, противопоставлять эскимосскую линию адаптации алеутской и охотско-корякской. Совместно с Д. А. Сергеевым и Ч. М. Таксами мы уже писали о глубоких и древних нивхско-эскимосских параллелях и остаемся при мнении, что они не только не случайны, но что все проявления приморской адаптации в Северной Пацифике, будь то у охотцев, у нивхов, у коряков, у алеутов, у эскимосов и у других народов, представляют в конечном счете единый взаимосвязанный процесс, отношения внутри которого еще предстоит детально изучать и который нельзя разрывать на независимые части. Однако это несогласие с авторами в некоторых частных положениях не может помешать весьма высокой общей оценке рецензируемой книги, которая является ценным вкладом в изучение истории Дальнего Востока.

С. А. Арутюнов

Jh. Popilian. Ceramica Romana din Oltenia. Scrisul Romanesc. Craiova, 1976.

Рецензируемая публикация Дж. Попилиана посвящена тщательной разработке массового археологического материала — керамики римского времени с территории Олтении. Римский импорт широко представлен во всех имперских провинциях, поэтому рассматриваемая книга представляет интерес и для исследователей античных памятников Северного Причерноморья.

Область Олтении, занимающая часть Валахии, входила в состав Дакии. В начале II в. при Траяне Дакия была завоевана Римом. Римское владычество в Дакии продолжалось приблизительно в течение полутора веков. Книга посвящена керамике именно этого периода. К сожалению, в книге нет очерка истории памятников Олтении. Процесс романизации Дакии чрезвычайно интересен и своеобразен. В эпоху завоевания Дакии римская культура была в значительной мере варваризована. Кроме того, сразу после завоевания Дакии туда двинулись многочисленные переселенцы из разных провинций. Риму это было необходимо для того, чтобы в кратчайший срок возобновить работу золотых и железных рудников, которые после римского завоевания перешли в собственность императора. Колонисты были также заинтересованы в освоении земель этой провинции[1]. В Дакии обосновались вы-

[1] *Кругликова И. Т.* К вопросу о романизации Дакии.— ВДИ, 1947, № 3, с. 219.

ходцы из Галатии, Каппадокии, Коммагены, Вифинии, Сирии, дунайских областей и т. д.[2]. В то же время именно Дакия была первой провинцией, откуда римляне вынуждены были уйти в тяжелые для империи времена. Автор остановился только на керамике периода римского завоевания, хотя, вероятно, было бы интересно проследить и то, как изменилась керамика Дакии после ухода римлян.

Несомненным достоинством книги является большое количество изученного материала и четкая классификация керамики. Книга снабжена справочным аппаратом и является очень удобным для работы справочником.

Перейдем к рассмотрению отдельных глав. Начинается книга Дж. Попилиана предисловием проф. Д. Тудора, который дает общую оценку книги (с. 9—11). За кратким введением следует первая часть книги, посвященная изучению импортной керамики. Первая глава этого раздела названа «Керамика terra sigillata» (с. 23—37). Дж. Попилиан придает большое значение выявлению центров, импортирующих такую керамику в Олтению. Проблемы, поставленные автором,— это время и пути проникновения этого вида керамики в Дакию и, в частности, в Олтению. В книге определены некоторые мастерские керамики, импортирующие свою продукцию в города Олтении. Так, в Дробете были найдены фрагменты terra sigillata I в. до н. э. из мастерских Северной Италии (табл. I), вплоть до II в. н. э. экспортировала свою керамику Южная Галлия (табл. I) и особенно Центральная Галлия (табл. I—VII).

Terra sigillata, по мнению автора, особенно распространена среди населения первых римских гарнизонов в Дакии. Поскольку вокруг римских укрепленных лагерей зачастую вырастали города, Дж. Попилиан связывает распространение керамики этого типа с проблемой урбанизации Дакии. II в. н. э. является временем, когда Дакия интенсивно ввозила керамику, причем максимум экспорта terra sigillata — 61,03% — дает Галлия, особенно центр Лезу. В конце II в., в эпоху Северов, распространяется продукция мастерских Рейнзаберна и Вестерндорфа. В заключение автор подчеркивает, что керамика рассматриваемого типа — один из важнейших видов продукции, экспортировавшейся в восточные провинции. Во втором разделе автор рассматривает тарную керамику (с. 37—46). Дж. Попилиан выделяет шесть наиболее важных типов амфор. Эти типы показаны на табл. XV—XVI. Попилиан отмечает, что многие формы бытовали длительное время, но для некоторых форм, например III и IV типа, хронология вполне ясна. Амфоры IV типа (табл. XV, 201) найдены во многих городах Олтении: Ромуле, Славени, Сучидаве, Горойу-Ноу. Автор предполагает, что эти амфоры происходят откуда-то с юга Дуная, причем через нижнюю Мезию они проникают в Северное Причерноморье (с. 44). Такие амфоры найдены также в Афинах. Попилиан приводит датировку амфор IV типа В. Ф. Гайдукевичем — III в. н. э. и Н. Робинсоном — середина III—IV в. н. э. Д. Тудор датирует некоторые экземпляры из Славени 205—251 гг. Таким образом, дата амфор IV типа — III в. н. э. Автор приводит амфорам VI типа аналогии из Северного Причерноморья, а именно: из Мирмекия, ссылаясь на И. Б. Зеест и В. Ф. Гайдукевича, причем В. Ф. Гайдукевич датировал их III в., И. Б. Зеест — II—III вв. (с. 45).

Отметим, что амфоры, изображенные на табл. XV, 197, 198, тоже имеют аналогии в Северном Причерноморье, в Херсонесе [3].

Сосуды, названные mortaria, описаны в следующей, третьей главе (с. 46—49, табл. XVII). Автор также называет эти сосуды pelves, что можно перевести как таз. Сосуды эти, часто снабженные клеймами, Дж. Попилиан считает невозможным точно датировать и относит их ко всему римскому периоду.

Четвертая глава (с. 50—55) названа «Другие категории импортных сосудов». В ней рассматриваются: а) сосуды, украшенные барботиновым орнаментом; б) сосуды, украшенные рельефными фигурами; в) сосуды со штампами на дне; г) сосуды, орнаментированные колесиком; д) тонкостенные сосуды из хорошо отмученной глины; е) керамика, покрытая глазурью. Дж. Попилиан считает, что критерием для классификации сосудов с барботиновым орнаментом при учете стратиграфиче-

---

[2] *Колосовская Ю. К.* О романизации Дакии.— ВДИ, 1957, № 1, с. 86.

[3] Коллекция ГХМ, инв. № 63/36360.

ских данных может быть форма венчика, и на основании этого признака делит олтенскую керамику этой категории на шесть типов. Он датирует сосуды с барботиновым орнаментом II в. н. э. (с. 52) и указывает, что они производились в Нижней Мезии, особенно в районе Бутово — Хортица — Павликены. Б. Султов, изучавший материал Нижней Мезии, расходится с автором рецензируемой работы в датировке. Так, Попилиан датирует сосуд, изображенный в его книге на табл. XX, *234*, II в., а Султов идентичную форму из Бутова датирует в своей новой работе III—IV вв.[4]. То же самое относительно еще одной формы: у Попилиана табл. XX, *240*; у Султова — с. 43, 44.

Далее речь идет о сосудах, украшенных рельефными изображениями, а именно: о тарелках, часто имеющих на дне рельефную голову Медузы. По мнению автора, это культовые сосуды, они были распространены в восточных провинциях империи. Один сосуд из Столничени автор считает местным изделием, но выполненным в технике, характерной для Рима.

Следующая категория керамики — сосуды со штампом на дне. Штампы, исследованные Попилианом, представляют собой изображение ступни, иногда в сандалии, окруженное одним или несколькими кругами. Круги нередко выполняются колесиком. Такие сосуды имеют многочисленные аналогии в афинском материале, в Бутово, Диногеции и греческих городах Северного Причерноморья. Автор датирует сосуды из Ромулы и Орлеи III в. н. э. (с. 53). Дж. Попилиан ссылается при этом на керамику из Ольвии, опубликованную Т. Н. Книпович, и из Мармекия (публикации В. Ф. Гайдукевича). Однако эти исследователи датируют подобные сосуды первой половиной I в. н. э. Такую дату можно подтвердить и другими опубликованными находками [5].

Небольшую группу керамики составляют сосуды, орнаментированные колесиком. Это небольшие сосуды, цвет которых варьируется от красного до каштанового, чаще всего чаши и тарелочки полусферической формы. В Олтении среди них встречается импорт из Нижней Мезии.

Интересной и редкой группой является керамика, покрытая глазурью. Небольшое количество черепков от нее было найдено в Ромуле, Славени и Горойу-Ноу. Большинство фрагментов слишком малы, чтобы можно было с уверенностью говорить о форме сосудов, преобладающий цвет — желтый. Довольно много фрагментов от светильников. Автор считает все глазурованные сосуды импортными, привозившимися во II—III вв. н. э. из Паннонии и Галлии. Доживают подобные сосуды до IV в., о чем свидетельствуют находки в некрополе Сучидавы первой половины IV в. н. э.

В конце главы автор пишет, что ввоз в Олтению из восточных провинций с территории к югу от Дуная значительно превосходил импорт с запада.

Во втором разделе книги (с. 56—138) исследуется местная керамика, которая и в римское время продолжала играть большую роль в хозяйственной жизни Дакии. Дакийские мастерские сохраняли местные традиции изготовления керамики, причем можно легко отличить локальные черты керамики разных областей провинции, кроме того, без труда выделяется керамика, привезенная, например, из Нижней Мезии.

Среди мастерских Дакии, несомненно, существовали такие, где вырабатывали местную керамику типа terra sigillata (табл. XXIV—XXVI). Изыскания, проведенные в последние годы в Ромуле, дали формы, с помощью которых изготавливали блюда, подобные блюдам из Драгендорфа, а также из Бутово в Нижней Мезии. Причем автор объясняет идентичность сосудов из Ромулы и Бутово передвижением гончаров из Нижней Мезии в Олтению.

По мнению автора, способ изготовления terra sigillata существовал в Дакии до прихода римлян. Да и в период римского завоевания дакийские сосуды этого типа не являлись копиями римских образцов, но во многом отражали местные традиции.

---

[4] *Султов Б.* Античные центры керамики в Нижней Мезии. София, 1976, с. 42.

[5] *Книпович Т. Н.* Краснолаковая керамика первых веков нашей эры.— МИА, № 25, 1952, с. 299, рис. 4, 4а; *Кадеев В. И.* Очерки истории экономики Херсонеса в I—IV веках н. э. Харьков, 1970, с. 132, 133, рис. 18.

Керамика с накладным рельефным орнаментом составляет довольно большую группу (табл. XXVII—XXX). Много образцов таких сосудов найдено в Ромуле и Орлеи. Они чаще всего орнаментированы изображениями змей и медальонами, иногда между змеями на стенках встречаются фигуры людей. Эти сосуды автор рассматривает как ритуальные, связанные с культом Митры. Керамика с медальонами открыта во многих местах Олтении. Например, в Ромуле найдены сосуды, украшенные медальонами с изображением Меркурия и также являющиеся культовыми.

Керамика, орнаментированная штампами (табл. XXXI—XXXII), по мнению автора, бытовала в Дакии задолго до римского завоевания, и была заимствована из эллинистических центров еще в IV в. до н. э. Розетки и елочки — наиболее распространенные мотивы декора на дакской керамике римского времени. Дж. Попилиан различает штампованную керамику двух видов: сосуды из хорошо отмученного теста и сосуды из грубого теста с примесями; первые обычно датируются II в. н. э., а вторые — III в. н. э. (с. 79).

Наиболее редкую группу составляет расписная керамика. В Олтении некоторое количество фрагментов найдено в Дробете, Ромуле и Славени.

Большое внимание в книге уделено бытовой керамике (табл. XXXIII—LXXV). Автор отмечает многочисленные виды бытовой керамики: банкообразные горшки, одноручные и двуручные горшки, кувшины одноручные и двуручные, кружки одноручные и двуручные, маленькие кувшинчики одноручные и двуручные, кубки, тигли, копилки, жбаны, курильницы, подражания terra sigillata, котелки, миски, тарелки, цедилки, блюда, крышки. Все они имеют многочисленные варианты. Более 90 типов сосудов датированы. Автор не ставит своей задачей дать полный перечень вариантов каждого типа, но старается определить типы сосудов, встреченные в Олтении. Бытовая керамика, несомненно, имеет более четко выраженные местные черты. Автор считает возможным разделить всю бытовую керамику на две группы: 1) сосуды, форма которых является общей для многих провинций Римской империи; 2) сосуды формы, характерной именно для Южной Дакии (с. 151).

В первую группу входит прежде всего местная terra sigillata. Сосуды второй группы отражают развитие местных форм. Автор подчеркивает, что керамика Южной Олтении ближе всего керамике Нижней Мезии. Одним из основных центров керамического производства являлась Ромула (с. 152), где открыты керамические печи, остатки сосудов terra sigillata и форм для их изготовления, а также формы для изготовления статуэток и светильники. Продукция Ромулы широко распространена в юго-восточной Олтении.

Для северо-восточной Олтении наиболее важным центром производства керамики являлся городок Столничени. Здесь производились двуручные горшки, кубки, одноручные кувшины.

Южная Олтения имела свои мастерские в Горойу-Ноу, Бирке, Гидиче, причем керамика этого района имеет свои отличительные черты. Аналогичные кубки, кувшинчики, банковидные горшки найдены в северо-восточных районах Нижней Мезии.

Четвертый и последний район Олтении, который выделяет автор,— это западная часть, где керамику производили Бумбешти и, особенно, Дробета. Это подтверждается и археологическими и эпиграфическими данными. Найденная здесь местная керамика сближает лучшие дакийские образцы с собственно римскими сосудами. Формы, наиболее часто встречающиеся в Дробете,— это двуручные горшки, которые имеют аналогии в Трансильвании, и двуручные кружки.

Имеются определенные трудности в датировке керамики римского времени, а также в изучении развития отдельных элементов той или иной формы. Особенно это касается сосудов II и III вв. н. э. В III в. разнообразная местная керамика Олтении вытесняет средиземноморский импорт; в IV в. в Данубе распространяется импортная керамика, покрытая зеленой глазурью. Некоторые формы, бытовавшие во II—III вв. н. э., продолжают существовать и в IV в., но, к сожалению, малый объем материала затрудняет их исследование. Счастливым исключением является, пожалуй, только некрополь в Сучидаве, датируемый II—IV вв. н. э. Автор выделяет группу сосудов со знаками и надписями. Попилиан делит надписи на три

категории: имена собственные, цифры, отдельные буквы или группы букв. Самая многочисленная категория — имена, причем большинство из них латинского происхождения (Antoninus, Martinus, Aurelius и др.).

Цифры, как правило, процарапываются на горлышках амфор и указывают, по мнению автора, на объем сосудов. Смысл надписей, состоящих из одной или нескольких букв, остается неясным.

Заключая этот большой раздел книги, автор излагает некоторые общие положения. Местная дакийская лепная керамика из грубого теста продолжает существовать и в римское время, и не только в сельских поселениях, но и на территории лагерей и городских центров. Сосуды ручной выработки продолжают традиции доримского времени и в основном сохраняют формы I в. до н. э. — I в. н. э. Особенно распространенные формы: банковидные горшки и типично дакийские чаши. Интересный материал дают сельские некрополи, например некрополь в Локустени. Большинство захоронений этого некрополя дает одновременно дакийские банковидные горшки и римские одноручные красноглиняные кувшинчики. В этом же могильнике погребальные урны, выполненные в римской технике, покрыты дакийскими чашками. Дж. Попилиан делает вывод, что местное население оказалось довольно восприимчивым к римской культуре. Это отразилось и в керамическом производстве — дакийские сосуды, сделанные на круге, почти не отличаются от римских.

Небольшой, но очень важный третий раздел (с. 139—145, табл. LXXXII) посвящен изучению керамических печей. Дж. Попилиан разделяет все печи, найденные в Олтении, на пять типов: 1) печь круглая с подпоркой в центре; 2) печь круглая с перегородкой посередине; 3) печь круглая с тремя пилястрами, поддерживающими переборку, имеющую отверстия; 4) печь прямоугольная с перегородкой посередине; 5) печь прямоугольная с обжигательным каналом посередине (с. 140). Печи первого типа, относящиеся к III в. н. э., наиболее часты, они встречаются в Сучидаве, Славени, Дробете, Буридаве, Бумбешти. Второй тип был исследован в Локустени, он датируется III в. н. э. (с. 141). Третий тип, который относится ко II—III вв. н. э., найден в Сучидаве (с. 142). Наиболее редкие типы — это четвертый и пятый. Такие печи служили главным образом для обжига строительных материалов. Печи этих типов обнаружены в Ромуле, и автор датирует их III в. н. э.

Керамические печи в Олтении существовали не только в городах, но и в сельских поселениях, и даже на villae rusticae (с. 144). В четвертом разделе кратко изложены выводы.

По мнению автора книги, наиболее важное место в импорте занимает керамика terra sigillata (с. 146). Проблемы, касающиеся этой керамики, следующие: время ее проникновения в Дакию, период бытования импортной керамики этого типа и время прекращения ввоза. Ни одно поселение доримского периода в Дакии, исследованное на сегодняшний день, не дало фрагментов terra sigillata. Эта керамика проникает сюда вместе с солдатами первых гарнизонов римских лагерей и крепостей. Ее фрагменты, идентичные дакийским, найдены также в Нижней Мезии, в Паннонии, причем в первой их больше, чем во второй. В. В. Кропоткин указывает районы распространения аналогичной terra sigillata в других районах восточной Европы[6]. Дж. Попилиан предположительно считает, что ввоз terra sigillata в Дакию прекратился в середине III в. н. э.

Автор выделяет шесть основных типов привозных амфор, причем говорит о возможности датировки их лишь при тщательном изучении стратиграфии или при наличии закрытого комплекса, как, например, для амфор III и IV типов; датируются они III в. н. э., и если амфоры III типа в первые десятилетия III в. н. э. довольно редки, то амфоры IV типа найдены в большом количестве и не только в Олтении, но и в Дакии к северу от Карпат, и существуют они по IV в. н. э. (с. 148).

О керамике, орнаментированной в технике барботина, говорится, что она распространена очень широко: и в Дакии, и в Паннонии, и в Добрудже, и в Италии и т. д.; использовалась она во всех провинциях еще до римского завоевания, так что ее существование вряд ли можно связывать с римской оккупацией.

[6] *Кропоткин В. В.* Экономические связи восточной Европы в I тысячелетии нашей эры. М., 1967, с. 69, 70.

Из Нижней Мезии происходят сосуды со штампом на дне и орнаментированные «колесиком», хотя автор оговаривается, что нельзя на основании одинаковости теста утверждать, что все эти сосуды из мастерских Бутово (с. 148).

Дж. Попилиан утверждает, что объем импорта в Дакию из южного Подунавья и восточных провинций намного больше, чем из западных. Автор объясняет этот факт тем, что связи Дакии с восточными районами начались задолго до римского завоевания. Наличие поселенцев восточного происхождения — вероятно, второй фактор, способствовавший развитию отношений с восточными провинциями Римской империи.

Что касается местной керамики, то она всегда сохраняла ряд типично дакийских признаков, но многие сосуды в римское время можно рассматривать как синтез римских и автохтонных форм. Примером может служить дакийская terra sigillata, техника которой была заимствована у римлян, но мотивы декора являлись типично местными. Мастерские по изготовлению местной керамики этого типа были найдены в Ромуле и Сучидаве. Керамика, орнаментированная штампом, хотя и была распространена в Дакии в римское время, но ее происхождение уходит корнями в эллинистическую Грецию, откуда она и была заимствована многими народами, в том числе и римлянами (с. 150).

Бытовая керамика наиболее четко выражает индивидуальность провинциальной дакийской керамики. Автор считает, что бытовую керамику можно разделить на две категории: 1) формы, общие для всех дакийских памятников, и 2) формы, характерные только для Дакии, южнее Карпат. В первую категорию может быть включена terra sigillata, некоторые виды тарелок. Для ряда форм автор считает общей основой Латен и этим объясняет идентичность форм керамики Дакии, Нижней Мезии, Паннонии (стр. 151). Изучение керамического производства Дакии говорит о существовании значительного количества больших и малых центров производства керамики, печи для обжига встречены в крепостях, городах и даже на сельских поселениях. Первое место в производстве керамики в Олтении без сомнения занимала Ромула, где найдены печи для обжига керамики, матрицы для изготовления terra sigillata, формы для статуэток и светильников. Продукция из мастерских Ромулы распространялась во всей юго-восточной Олтении (с. 152). В районе северо-восточной Олтении была распространена керамика иных форм, происходящих из крупного керамического центра в Столниченах. Южная Олтения с городами Горойу-Ноу (Акве), Бирка, Гидичи, Галичеа Маре создают третий район распространения керамики, имеющей специфическую характеристику. Один из важных керамических центров этого района — город Акве. Наконец, еще одна зона в Олтении с характерной керамикой — это западный район с городом Дробета и крепостью Бумбешты, где наиболее крупный керамический центр находился в Дробете (с. 153).

В IV в. в городских центрах появляется глазурованная керамика зеленого цвета, которая была в то время дорогостоящей новинкой.

Сосуществование и смешение черт местной и римской керамики, очевидно, связано с происходившими в это время этническими процессами. В то же время лепная дакийская керамика продолжает существовать в продолжение всего периода римского владычества. В богатом материале могильника II—IV вв. н. э. в Локустенах дакийские лепные сосуды встречаются вместе с римскими привозными (с. 155). В заключение автор отмечает трудности датировки керамики, так как значительное количество материала имеет неточный паспорт, и лишь работы последних лет надежно паспортизованы. В связи с этим Дж. Попилиан говорит о возможности дополнения и уточнения его выводов.

Пятый раздел — каталог (с. 157—221) — дает краткую информацию о каждом публикуемом фрагменте и сосуде.

Значительную часть книги занимают иллюстрации (табл. I—LXXXIII), на последней, LXXXIII, таблице дается карта — схема Олтении. Публикации и исследования керамики, особенно такие полные и обширные, как работа Дж. Попилиана, представляются чрезвычайно важным вкладом в науку.

В. С. Щербакова

Die Germanen. Geschichte und Kultur der germanischen Stämme in Mitteleuropa. Ein Handbuch in zwei Bänden. Ausgearbeitet von einem Autorenkollektiv unter Leitung von Bruno Krüger. B. I. Von den Anfängen bis zum 2. Jahrhundert unserer Zeitrechnung. Akademie-Verlag, Berlin, 1976.

Das Handbuch по-немецки значит справочник, руководство. С появлением рецензируемой книги читатель имеет справочник по древним германцам, по всем вопросам, касающимся их истории и культуры. В 1976 г. в Берлине вышел его первый том, посвященный германцам с того самого момента, когда впервые в неясных данных письменных источников II в. до н. э., а также в археологическом материале можно уловить первые свидетельства о германцах, и до конца II в. н. э., когда они уже прекрасно известны античным авторам, а археология дает достаточно четкое представление о материальной культуре различных группировок германских племен. Справочник создан усилиями большого коллектива авторов, в основном работников Центрального института древней истории и археологии Академии наук ГДР под руководством Бруно Крюгера. Авторы в очень сжатой форме обобщают огромный фактический материал, подводят итог многолетним дискуссиям по разным проблемам, в том числе по таким сложным и трудноразрешимым, как проблема происхождения германцев, вопросы об отождествлении различных ареалов, выделяемых по археологическим данным, с теми или иными германскими или негерманскими племенами.

Построение книги более соответствует нашим представлениям о монографии, чем о справочнике. В то же время она достаточно насыщена информацией, материал освещается под разными углами зрения — историческом, социальном, экономическом, в ней много рисунков, схем и карт. Поэтому книга вполне может выполнять и предназначенную ей роль справочного издания.

После краткого вступления Б. Крюгера книгу открывает глава II «История исследования», состоящая из двух частей. В «Общем обзоре» К. Отто очень сжато дает историю изменения представлений о германцах на широком философско-социально-культурном фоне от античности до наших дней. Здесь формулируется и основная методическая посылка исследования — изучать не ряд следующих друг за другом и сосуществующих рядом друг с другом отдельных археологических культур, а изучать прошлое как единый процесс, динамичный, закономерный, основанный на примате его социально-экономической стороны (с. 95). «История культуры стала исследоваться как составная часть социально-экономической истории, а не наоборот» (с. 30). В этом ключе и стремятся работать создатели труда «Германцы». Вторая часть главы «История исследования» посвящена обзору современного состояния одной из самых сложных проблем — проблеме образования германских племен. Этот раздел написал Фриц Хорст.

В следующей главе «Античные источники» Р. Зейер сводит воедино все данные античных писателей о германцах до рубежа нашей эры, затем о германских племенах I—II вв. н. э. и о самом термине «германцы». Древнейшее достоверное свидетельство о германцах, соседях кельтов на верхнем Рейне, мы встречаем в «Истории» Посидония, охватывавшей период со 146 до 96 г. до н. э. Р. Зейер приводит серию карт расселения германских племен с IV в. до н. э. по II в. н. э.

Далее идет небольшая, но очень важная для решения вопроса о происхождении германцев глава IV — «Общественные отношения на севере Средней и юге Северной Европы перед образованием германских племен». Ее автор Ф. Хорст. Здесь дана краткая характеристика поселений и домостроительства, хозяйства и изделий эпохи поздней бронзы, показано, что так называемый «Северный круг» археологических культур не был абсолютно единым, и выделяются культурные группы Пригнитц, Иминау, Эльбско-Хавельская и др. В конце эпохи бронзы, с IX по VI в. до н. э., происходят важные перемены. Прекращается приток бронзы с юга, и население вынуждено вернуться к изготовлению орудий из камня и кости, а затем перейти к железу. Вначале это было железо, импортируемое из более южных областей, которое поступало в различные территории неравномерно. Это повлекло за собой изменения социальной структуры — наряду с обычными трупосожжениями под каменными выкладками появились могилы с более богатым инвентарем, упорядо-

ченно расположенные рядами, а также очень богатые курганы в Фольдтофте и в Зеддине.

Дальнейший ход исторического процесса прослеживается в следующей главе «Образование германских племен (с VI в. до н. э.)», археологическую часть которой — «Становление ясторфской культуры и одновременных культур в рейнско-везерской области и их географическое расположение» — написал Х. Кайлинг. Не случайно глава начинается с раздела «Гальштаттское и латенское влияние на общественное развитие». Воздействию этих культур, особенно гальштаттской, на экономические и социальные процессы в среде обитателей Центральной и Северной Европы немецкие исследователи придают большое значение. Далее Кайлинг подчеркивает, что ареал культуры Ясторф не имеет четких границ. На территории ГДР и ФРГ, а также современной Дании насчитывается по крайней мере 13 культурных групп, объединенных лишь неким единством стиля изделий, отдельных форм керамики, булавок, поясных крючков и т. д., но в то же время во многом различных. Это ясторфская культура в широком смысле слова. Внутри этих групп население размещается в свою очередь неравномерно, образуя скопления поселений и могильников в микрорегионах, границы которых определяются ландшафтом Siedlungskammer. Каждое такое «скопление» тоже имеет свою специфику. Собственно ясторфская культура в узком смысле слова, т. е. памятники, наиболее близкие эталонному могильнику Ясторф в округе Уельцен, охватывают лишь группы в Гольштинии, северо-восточной Нижней Саксонии, Альтмарке и западном Мекленбурге. На этой территории в районе Нижней Эльбы и в северной части Среднего Приэльбья наиболее отчетливо прослеживается преемственность культуры Ясторф от памятников эпохи поздней бронзы. Целый ряд могильников, такие, как Ланце, Ланц, Болленсен, Молькенберг, Вахов и др., использовались и в эпоху бронзы, и носителями культуры Ясторф. Прослеживается преемственность заселенности и в пределах отдельных Siedlungskammer.

Внутри ясторфской культуры в широком смысле существовали тесные хозяйственные контакты, что вело к определенному единству. Вместе с тем население сосредотачивалось в обособленных микрорегионах со слабозаселенными зонами между ними. И каждая область, каждая культурная группа имела свою специфику. Связывать любую такую группу раннеясторфской культуры с каким-либо политическим единством, с племенем или группой племен Кайлинг не считает возможным (с. 95). Непрерывная преемственность культуры в пределах ареала ясторфской культуры в узком смысле вплоть до того времени, когда письменные источники фиксируют здесь германцев, казалось бы, дает основание считать германцами и носителей этой культуры. Однако автор пишет: «Ретроспективный метод имеет свои достоинства, однако все же нужно твердо определить границы его применения... Без знания закономерностей исторического развития механическое применение ретроспективного метода может вести к ошибочным выводам» (с. 96). Важное значение для кристаллизации культуры Ясторф, по мнению Кайлинга, имело освоение ее носителями в последних веках до нашей эры собственного производства железа. Медленный и постепенный процесс образования германских племен восходит к раннему предримскому времени, т. е. к тому времени, когда произошли важные общественные изменения во всей Евразии и возникли такие этнические образования, как скифы, этруски, кельты. На это же время падает и выделение германской группы диалектов по данным языкознания, как показал В. Моргенрот во втором разделе главы V.

Процесс был медленным и неодновременным для разных территорий, он растянулся с V до I в. до н. э.

Глава VI содержит основные характеристики культуры Ясторф: данные о характере поселений и домостроительства, о земледелии и скотоводстве, охоте и рыболовстве, изготовлении различных изделий из железа, бронзы, дерева, о керамике и ткачестве. Специальные разделы посвящены не очень многочисленным (ввиду господства обряда трупосожжения) антропологическим данным, а также обрядам и культам. Все эти характеристики даны суммарно для всей ясторфской культуры на протяжении с VI в. до н. э. до рубежа нашей эры. Временным различиям уделено, к сожалению, очень мало места. Локальным вариациям этой культуры посвя-

ιцен последующий раздел — «Региональное членение культур предримского времени — племенные территории — первые миграции». Впервые появляется возможность сопоставить отдельные археологические группы с разными племенами, хотя такое сопоставление становится вполне обоснованным лишь для самого конца рассматриваемого периода. Так, данные письменных источников о херусках соответствуют Нинбургерской группе на Везере и Аллере, о лангобардах — группе в низовьях Эльбы, о семнонах — группе Средней Эльбы — Хавеля, о гермундурах — группе междуречья Эльбы — Заале. Здесь же приведены данные письменных источников о войнах кельтского племени бойев, а затем римлян в 113—102 гг. до н. э. с кимврами, тевтонами и амбронами, а также о племенном союзе германцев-свевов и их вожде Ариовисте, появившихся на Рейне в 72—58 гг. до н. э.

Заключает VI главу очерк, посвященный ситуации, сложившейся в Германии после походов Ариовиста, характеристике так называемого переходного времени, «горизонта Гроссромштедт», «прогнутых фибул», «ступени А» и т. д., периода, охватывающего в абсолютных датах промежуток приблизительно от 50—30-х годов I в. до н. э. до 10—30-х годов н. э. Это время многочисленных военных столкновений германцев с Римом, время перемен и последующей унификации культуры германцев, ее территориального расширения. Широко распространяется обряд погребения с оружием, появляются отдельные могильники мужские (тип Ристе) и женские (тип Дарцау), входят в моду красивые чернолощеные высокие сосуды ситулы (Trichterrandgefässe) фибулы среднелатенской схемы вытесняются позднелатенскими прогнутыми (Geschweiftefibel). В начале периода ощущается воздействие восточных соседей, носителей пшеворской и оксывской культур, вплоть до проникновения их отдельных групп далеко на запад, до Майна. Этому процессу, совпадающему по времени с появлением свевов Ариовиста на Рейне, авторы не придают большого значения и говорят о нем вскользь. В целом для этого горизонта «Гроссромштедт» с рубежа нашей эры характерно сильное влияние кельто-римских областей Норика и Паннонии и германско-кельтских Чехии и Моравии. При расширении своей территории на запад и на юг в этот «переходный период» и раньше германцы ясторфской культуры сталкивались с группами другого населения, кельтского или некельтского, но кельтизированного, с народами «между кельтами и германцами». Включение этих народов в процесс формирования отдельных германских племен, а также постоянные передвижения отдельных групп германцев в различных направлениях во время походов против римлян и при отступлении под давлением римских легионов весьма осложняет этнокультурную картину и затрудняет этнические определения различных культурных групп.

Далее, получив дополнительные данные о кельтах и кельто-германских отношениях (VII глава, автор К. Пешель) и об общественной структуре германских племен в последние столетия до нашей эры (VIII глава, авторы Б. Крюгер и Х. Зейер), читатель вступает в собственно римское время.

Глава IX — «Взаимодействие общинно-родового строя германских племен и римского рабовладельческого строя». Ее написали Ф. Вебер и Р. Лазар и построена она в основном на материалах письменных источников, а не на археологическом материале. Здесь читатель найдет и характеристику экономического и политического положения Рима эпохи поздней Республики и Принципата, и описание римско-германских отношений от первых столкновений с германцами Юлия Цезаря до завершения строительства римского лимеса во II в. н. э., и данные о походах Друза, Тиберия, Германика, батавском восстании и о других событиях. Заключает главу раздел «Экономические последствия римско-германских отношений», где рассматривается воздействие римлян на сельское хозяйство, технику и торговлю германцев.

Общая характеристика материальной и духовной культуры германцев I—II вв. н. э. дана в главе X, где описываются поселения и домостроительство, предметы повседневной жизни, одежда и украшения, оружие. Специальные разделы посвящены искусству, культам, идеологии германцев. Во второй части этой главы дается характеристика локальных групп населения этого времени и делается попытка определения их племенной принадлежности. В одних случаях это удается достаточно просто, например с лангобардами, жившими в это время на левом берегу

нижнего течения Эльбы, или семнонами на Хавеле; для некоторых групп не находится подходящего племенного наименования, например для группы в Пригнитце; ряд племен не находит достаточно точных археологических соответствий, а некоторые сопоставления вызывают возражения. Особенно это касается ругиев и лемовиев, помещенных в низовьях Одера. В таком случае не остается места для многочисленных племен лугиев и для готонов. Поэтому на картах Р. Зейер им не нашлось места (рис. 5). А эти племена играли заметную роль в политической жизни Европы I в. н. э. Благодаря призванному римлянами вождю готонов Катуальде было разрушено в 19 г. могущественное «царство» Марбода на территории Чехии, а спустя 30 лет гермундуры и лугии разгромили квадское царство ставленника римлян Ванния в Словакии. Текст «Германии» Тацита (43—44), дающий размещение народов Центральной Европы, дает определенные основания для локализации этих племен. От маркоманнов и квадов, жителей Чехии и Моравии или Словакии, его взгляд направлен на северо-восток. Котины, осы и буры — жители Карпатской котловины и самих Карпат, они «обосновались... на вершинах гор и горных цепей». Далее — лугии, а за ними готоны, а затем, у самого «океана» — ругии и лимовии. Сопоставление многочисленных лугиев за горами с пшеворской культурой или ее частью представляется вполне логичным. Тогда готонов, ругиев и лемовиев нужно искать в составе достаточно гетерогенной и имеющей многообразные связи с Поэльбьем и Данией, вельбаркской культурой.

К сожалению, весь раздел о культуре германских племен I—II вв. не проиллюстрирован картой, которая наглядно показала бы размещение различных культурных групп, а общая карта памятников лишена подразделения на группы.

Авторы на протяжении всей книги остаются верны выбранному ими направлению исследования — социально-экономическому. Поэтому следующая глава посвящена реконструкции экономического базиса германских племен I—II вв. на основании как письменных, так и археологических источников с привлечением данных биологии. Отдельные ее разделы рассматривают виды выращиваемых растений, способы обработки земли и уборки урожая, породы домашнего скота и состав стада, производство соли, изготовление предметов домашнего обихода, производство и обработку железа, изготовление изделий из цветного металла, ткачество, обработку дерева, кож, кости и т. д., а также характер торговли и обмена.

Затем, естественно, следует глава о надстройке — общественном устройстве, его развитии и структуре. Прослежено, как нарастает процесс имущественного расслоения, как выделяется прослойка военных вождей, вначале совпадающая с родо-племенной аристократией, но приобретающая все более самостоятельное значение, обрастающая дружиной, члены которой часто порывают родо-племенные узы. Эта прослойка, сделавшая войну своей профессией, становится определяющей силой, что приводит к этнополитической перегруппировке. Часть племен исчезает с политической арены, появляются новые, образуются тесно спаянные племенные союзы. Меняется политическая карта, происходят новые передвижения, усиливается давление на римский лимес.

Политическим проявлением этих процессов и посвящена XIII глава «Столкновения внутри Германии и нападения на римские провинции». Заключает книгу, в соответствии с заданным ключом исследования, краткий очерк «Уровень развития общинно-родовых производственных отношений к концу II в. н. э.», который мог бы быть уже вводной частью к следующему тому, потому что это уже новый этап общественного развития, с этого момента германцы вступили в новый период, «позднеримский».

Основное достоинство рецензируемого труда, кроме того, что в нем достаточно удачно обобщен огромный материал, и он теперь долго будет служить отправной точкой для всякого, кто захочет что-нибудь узнать о германцах,— в его социально-экономической направленности. В германистике это новый угол зрения, и он оказался перспективным, позволив по-новому осветить с этой позиции целый ряд фактов и явлений, в частности проблему становления германских племен. Отрадно, что в исследовании этой стороны исторического процесса социально-экономический базис не постулируется абстрактно, а исследуется очень конкретно, на конкретном материале, с постоянным привлечением данных о природных условиях, ландшафтных

зонах, почвах и т. д., в результате чего все социальные, политические и этнические процессы наконец как бы спустились на землю.

Приятен сам тон книги, тон объективности, осторожности выводов, хорошего научного скептицизма и основательности. Вместе с тем рецензируемая книга вызывает два критических замечания. Первое — в области хронологии. Издавна немецкие ученые наряду со шведами были основными хронологистами, создававшими европейскую систему хронологии. В последние годы вкус к исследованиям такого рода у археологов ГДР в какой-то мере, к сожалению, утратился, что и сказалось в данной работе. Здесь очень была бы нужна еще одна или две главы, специально посвященные вопросам хронологии эпохи латена и раннего римского времени, обобщающие на современном уровне знаний проблему членения древностей на ступени относительной хронологии и их привязки к хронологии абсолютной; проблемы определения начальной даты позднего латена, датировки Манхинга и горизонта Гроссромштедт, начала римского времени и членения эггерсовских ступеней B_1 и B_2. Введя такую главу, в остальных разделах можно было бы пользоваться терминологией относительной хронологии, что более правильно, чем непосредственное обращение к абсолютным датам. Почему-то не были использованы выводы интересной работы Р. Волангевича об изменениях направления и истоков римских импортов на земли к северу от Дуная [1], хотя она и упоминается в списке литературы.

Достаточно подробно описывая события на западной и юго-западной границе Германии Либера, авторы лишь вскользь говорят о маркоманнах Чехии и квадах Словакии. А роль населения этих земель и событий, происходивших здесь, была отнюдь не последней в формировании культуры германцев римского времени.

Вторая претензия состоит в том, что постулировав необходимость исследования не отдельных культур, а единого исторического процесса, авторы не вполне последовательны, и процессы, протекавшие к востоку и юго-востоку от основного массива германских племен, искусственно исключили из рассмотрения. Картина получилась неполной. В результате и произошли некоторые неувязки, о которых говорилось выше. Ряд германских или, во всяком случае, называемых в античных источниках германскими, племен выпал из поля зрения исследователей — готоны, лугии, бастарны. Справочник «Германцы» оказался неполным. Безоговорочно приняв концепцию Ю. Костшевского о венедской принадлежности пшеворской и оксывской культур, ныне поддерживаемую далеко не всеми польскими учеными, и исключив на этом основании обе культуры из рассмотрения, авторы неоправданно сузили рамки своего исследования.

Авторам следовало бы заново рассмотреть старые дискуссионные вопросы и попытаться решить их на новой методической основе, как это и сделано ими при рассмотрении племен майнско-рейнско-везерского междуречья, которые были германцами по названию, возможно, по языку, лишь частично по культуре и не были германцами по происхождению. На востоке процесс был несколько иным, еще более сложным, имел иные результаты, и восстановление его хода могло не входить в задачи авторов. Это дело их польских и чешских коллег, но краткая обрисовка ситуации, постановка вопроса, сопоставление с процессами, протекавшими на Эльбе, были бы в справочном издании вполне необходимы и уместны.

Трудно понять ход исторического процесса в Центральной Европе, если не учитывать его ход в среде германских племен Скандинавии. Существовал, очевидно, целый ряд важных взаимных контактов и взаимодействий. Эти вопросы тоже слабо освещены в «Германцах».

Впрочем, вряд ли следует ставить в вину авторам то, чего они не сделали. То же, что они сделали, сделано добросовестно, на высоком профессиональном и методическом уровне, в ряде случаев мастерски. Книгой «Германцы», безусловно, еще долго и широко будут пользоваться, и то, что она является весомым вкладом в науку, не подлежит сомнению.

М. Б. Щукин

---

[1] *Wolangiewicz R.* Nap'yw importow rzymskih do Europy na po'noc od srodkowego Dunaju.— AP, t. 15, z. 1, 1970.

Раппопорт П. А. Древнерусское жилище. САИ, вып. Е1-32, Л., 1975.

Рецензируемая книга П. А. Раппопорта является попыткой «свести воедино уже накопленный материал» по истории древнерусского жилища. Древнерусское жилище исследуется немногим более 100 лет и давно обрисовался круг разнообразных источников наших сведений о нем: упоминания древних сооружений в летописях, письменных памятниках и былинах [1], изображения жилищ в древней живописи и миниатюрах [2], традиционные приемы строительства в народном зодчестве и, наконец, остатки самих древних сооружений, открываемые в процессе археологических раскопок.

В соответствии с поставленной задачей книга разделена на три крупных раздела, в которых излагается история изучения древнерусских жилищ, даются описания жилищ на археологических памятниках и на основе изучения жилищ в натуре и по публикациям создается история конструктивного и планировочного развития жилища. Много внимания уделено развитию печи как основного элемента жилища.

Подсчет показал, что в работе учтено свыше 2350 жилищ. Для древнейшего периода VI—VII вв. учтено свыше 270 жилищ, для VIII — первой половины X в. в лесостепной зоне — около 450, в лесной — около 50 жилищ, для второй половины X—XI в. в лесостепной зоне — около 260, в лесной — около 100 жилищ, для XII—XIII вв. в лесостепной зоне около 540, в лесной — около 470 жилищ, более 200 жилищ зафиксировано в структуре оборонительных валов и крепостных стен, наконец, учтено 10 каменных строений. «Богатый и, что самое важное, массовый материал» (с. 13).

История изучения древнерусского жилища начинается с середины XIX в. Первые шаги в изучении истории древнерусского жилища сделали этнографы и историки, но из-за отсутствия полноценного датированного материала обобщения проводились на основе существующих типов народного жилища. На поздних примерах строилась эволюция жилища от простого к сложному, от землянки к куреню, а от куреня к хате на Украине или, наоборот, от клети к избе и от избы к хоромам на севере. Учеными ставится проблема о единой первооснове древнерусского жилища, развивалось ли оно от сруба к мазанке или, наоборот, от мазанки к срубу. В начале XX в. ставится проблема этнических традиций в сложении и развитии типов жилищ.

С самого начала изучения жилища сформировались проблемы, которые хотя еще не нашли своего полного разрешения, но успешно исследуются; среди них важнейшие: первоначальные формы жилища; планировочные типы и разновидности его в различные эпохи; соответствие летописных названий частей хором терминам на-

---

[1] В изложении истории изучения жилищ автор монографии не вполне справедлив к дореволюционным исследованиям, считая, что «ни этнографы, ни искусствоведы не привлекали для изучения истории древнерусского жилища такой источник, как былины», что они якобы «считали, что жилища, описанные в былинах, соответствуют реальной обстановке XVI—XVII вв. и не имеют более древних черт» (с. 8, прим. 10). Как раз наоборот, первый же их исследователь, А. Терещенко, с трудов которого автор начинает историю изучения древнерусских жилищ, широко цитировал этот поэтический источник в комплексе с летописью, создавая красочные образы жилой архитектуры эпохи Киевской Руси. Былины привлекались и в статье А. С. Уварова (*Уваров А. С.* Жилище. Материалы для археологического словаря. Древности.— МАО, т. II, 1870). Эта статья, хотя и не упомянута автором, по существу была первой специальной и долгое время единственной работой в истории изучения жилища, где сведения из летописей, письменных источников, иконографии, этнографии и былин создают яркую картину древнерусского жилища. Собственно археологические материалы по жилищу в статью А. С. Уварова не вошли. Давая характеристику культуры домонгольской Руси, Н. П. Кондаков использовал описания жилищ в былинах (*Кондаков Н.* Русские клады, т. 1. СПб., 1896, с. 24). С. К. Шамбинаго, на которого ссылается автор, выступал против прямого отождествления былин с летописями позднее, выявив в былинных описаниях архитектуры некоторые слои XVI—XVII вв. (*Шамбинаго С.* Древнерусское жилище по былинам.— В кн.: Юбилейный сборник в честь В. Ф. Миллера. М., 1900, с. 149).

[2] Этот источник ввиду неразработанности полностью выпал из поля зрения автора монографии.

родного зодчества; элементы, характеризующие этническую принадлежность жилища; факторы, влияющие на развитие жилища; архитектурные образцы древнего жилища и традиции народного зодчества.

Внимание в книге уделено главным образом важнейшим работам специалистов в области изучения не только древнерусского, но и русского жилища. Автором изложены точки зрения историков, этнографов, архитекторов и искусствоведов на развитие жилища, но справедливо сказано, что «как бы успешно ни работали» эти специалисты, «как бы остро и принципиально не были поставлены ими общие проблемы происхождения и развития форм древнерусских жилищ, но без археологического исследования далеко продвинуться вперед нельзя. Историю древнерусских жилищ надо было изучать на остатках самих этих жилищ» (с. 13).

Основное внимание уделено археологии жилища, которая написана на основе изучения публикаций 258 археологических памятников в широких хронологических рамках, начиная со славянских жилищ VI—VII вв. и кончая жилищами земель древней Руси накануне монгольского нашествия, т. е. речь идет о развитии жилища за семь веков, отделенное от нас еще семью столетиями. По каждому памятнику приведена основная литература, из которой скрупулезно сделана выборка описаний сооружений по единой схеме. Указывается общее количество жилищ и хозяйственных построек, в редких случаях сообщается о других возможных интерпретациях назначения сооружений. Все жилища по устройству основания разбиты на две группы — наземные и полуземляночные, а среди них — на срубные и каркасные сооружения. Для всех построек приводятся площади или размеры — длина, ширина, а для полуземлянок — глубина. В каркасных постройках много внимания уделено способам крепления стеновых материалов к каркасу. Когда позволяют материалы раскопок, указывается место входа в жилище и дается описание его конструкции. В памятниках описаны типы и формы печей, очагов, конструкции отопительных устройств, даны размеры и соотношения между отметками пола в жилищах и подов в печах. В некоторых жилищах выделены планировочные особенности, членения и конфигурация плана, объяснены соотношения между печью, входом и другими компонентами интерьера.

В науке о древнем жилище больше вопросов, чем ответов. Многое еще неясно. Тем не менее изучать древнее жилище в принципе невозможно без реконструкций, не имея самого общего представления о его внешнем облике, а внешний облик, разумеется, складывается только в результате хотя бы мысленного восстановления утраченных наземных частей. Реконструкции позволяют в наглядной форме комплексно выявить соотношения между элементами построек точнее и тоньше в сравнении с простым описанием этих же элементов. Каждая реконструкция — качественное овладение материалом, значительный шаг в приближении к исторической истине. В реконструкциях все ясно и нет места для двусмысленных толкований, которые зачастую позволяют словесные описания. Это концентрированная форма обобщения, позволяющая наглядно проверить разрабатываемые представления о жилищах. Интерпретация археологических материалов — дело сложное, трудоемкое и не всегда бесспорное. Многое приходится домысливать на основании самых различных аналогий, прибегая, когда позволяет материал, к конструированию. Единая схема изучения всего многообразия древнерусских жилищ позволила П. А. Раппопорту четко и убедительно выявить эволюционные процессы в остатках оснований и нижних частей сооружений, показать развитие отопительных устройств и других конструктивных и функционально-бытовых элементов, доступных археологическому наблюдению. Вполне естественно, что в заключительной части в качестве некоторых выводов исследования были приведены три реконструкции наиболее простых жилищ, которые трактуются исследователем как самые распространенные и типичные. Несмотря на использование огромного фактического материала, в обобщающей части работы заметна противоречивость и дискуссионность в трактовке наземных частей сооружений, в решении чисто инженерных — конструктивных, строительно-технологических и архитектурно-функциональных вопросов, в свое время решенных древними народными мастерами в каждом сооружении. Эти же вопросы стоят перед современными исследователями, так как они имеют принципиальное значение для понимания структуры и внешнего облика древнего жилища, поселения, города.

По терминологии, употребляемой в современной археологической литературе, славянские и древнерусские жилища принято разделять на два «типа» — наземные и полуземляночные [3]. Внешний облик простейшего наземного жилища ясен для всех, и единое мнение — высокая срубная клеть со скатной крышей, с печью или очагом, с каким-то оборудованием внутри. Споры идут только лишь о деталях, хотя и существенных. Совсем другое дело с так называемыми полуземлянками. Здесь нет ясности относительно внешнего облика этого типа сооружений.

Одним из принципиальных вопросов реконструкции верхних частей любых сооружений является определение высоты помещения. Для этого необходимо представить себе бытовые процессы, протекающие в нем, и установить высотные параметры пространства, исходя из древних свидетельств и соответствия изучаемых процессов аналогичным процессам в народном жилище. Для воссоздания высоты помещения есть такой важный, если не главный параметр, как высота человека и создаваемые им самим условия для жизни и деятельности.

«Полуземляночное жилище VIII—X вв.» изображено П. А. Раппопортом в виде сруба в восемь венцов. Оно заглублено в грунт на 70—75 *см*, как большинство сооружений этого типа. Несложный расчет показывает, что высота его до несущих конструкций крыши не более 1,40 *м* (рис. 58). Основной недостаток представленного жилища состоит в том, что в нем невозможно жить. Высота реконструируемого жилого помещения такова, что человек должен, по воле исследователя, перемещаться внутри собственного жилища только согнувшись и очень осторожно, все время опасаясь стукнуться головой о конструкции крыши. Не верится, чтобы древние жители не смогли догадаться возвести более высокие стены, особенно учитывая, что при топке по-черному, как справедливо отмечает П. А. Раппопорт, «в помещении нужно было иметь достаточно большую высоту, иначе дым заполнял бы все жилое пространство» (с. 136).

Во втором жилище сомнительна реконструкция стены каркасной полуземлянки X—XI вв. с тесовой обшивкой, зажатой между столбами, и земляной забивкой котлована по периметру (рис. 59). Предложение прижимать к столбам верхние части стен, выходящие на поверхность, путем сооружения насыпи по периметру постройки (с. 132) нельзя признать рациональным. Небольшая в сечении подсыпка не может создать необходимые горизонтальные усилия для прочного примыкания полубревен или досок к столбам (рис. 40). Крепление конструкций гвоздями в принципе возможно, на чем настаивает П. А. Раппопорт (с. 132), но в народном зодчестве, там, где без них можно было обойтись, применение их было показателем плохой работы. Одно из возможных решений — соединение полубревен выше поверхности земли венцами при сохранении в интерьере пластической структуры стены, не нагружая венцы крышей. Рассуждение о том, что «сруб своим давлением сдвинул бы плахи» нижних частей стены, зажатые между грунтом и столбами (с. 132), технически неубедительно, так как давление от сруба должно в принципе передаваться вертикально на горизонтальные постели плах или полубревен, которые в реконструкции отсутствуют. Без устройства горизонтальных затесок на полубревнах опасение сдвижки возможно и в реконструируемом жилище (рис. 59). Сруб может быть поставлен и несколько отступя от края ямы. В этом случае при увеличении нагрузки на грунт в нем должны возникнуть дополнительные горизонтальные усилия, прижимающие тесины к столбам. Тогда нет необходимости тянуть столбы выше уровня земли. Перед древними строителями стояла задача крепления столбов, воспринимающих через плахи и полубревна горизонтальный распор от грунта. Фиксирование столбов в вертикальном положении не составляет технической сложности. Для этого надо поверх них сделать обвязку из четырех брусьев или бревен, закрепив ее на шипах.

В сооружении стены, таким образом, должны были соединяться два типа конструкций — подпорная стенка на столбах и сруб. Наружная присыпка выполняет роль не утеплителя, как сказано в пояснении к реконструкции (толщина тесовой доски в 10 *см* вполне достаточна, чтобы удовлетворительно решить задачу теплозащиты в деревянном зодчестве, на этом принципе основаны венчатые срубные

[3] Этой терминологии придерживается и П. А. Раппопорт.

конструкции), а грунтовой отмостки для водоотвода от стены, что для полуземляночных помещений имеет немаловажное значение. Особенность предложенного технического решения полуземлянки состоит в том, что подпорная стенка и продолжение ее как стены сруба могут быть сделаны любой высоты, необходимой для нормальной организации производственной и бытовой деятельности, а также при строительстве на косогоре. Выше уровня земли возможно возведение стен на плетнево-жердевом каркасе, обмазанном глиной.

История полуземлянок начинается из глубины веков, с памятников VI—VII вв., на которых наблюдается заглубленность жилищ в грунт, доходящих в отдельных случаях до 15—20 *см.* «Малая заглубленность этих жилищ в грунт свидетельствует,— поясняет П. А. Раппопорт,— что значительная часть их стен поднималась над поверхностью земли. Поэтому крыша должна была опираться не на земляные края котлованов, а на стены, тем не менее жилища такого типа, даже очень незначительно углубленные, принято называть полуземлянками. Термин этот, конечно, условен (!). Однако он имеет широкое распространение в научной литературе, так как позволяет достаточно четко разделять два принципиально различных типа жилищ — жилища с полом, пониженным по отношению к уровню земли, и жилища наземного типа с полом, который расположен на уровне поверхности или поднят над ним» (с. 116).

Бóльшая часть работы посвящена описаниям полуземлянок и их частей, но в обеих реконструкциях, графически поясняющих смысловое понятие «полуземляночного жилища», нет эквивалентного описаниям изображения. К удивлению читателя, условная археологическая полуземлянка на рисунках превратилась в натуральную землянку[4]. Несоответствие рисунков и подписей под ними наглядно выявляют путаницу в типах жилищ. Замена полуземлянки землянкой ставит под сомнение выводы книги о соотношениях между наземным и полуземляночным жилищами.

Категорический вывод П. А. Раппопорта, что «жилищ наземного типа на славянских поселениях Восточной Европы VI—VII вв. не обнаружено; все жилища здесь полуземляночные»[5] (с. 116), ввиду «условности термина» (там же) может быть принят только условно, а таблицы «распространения наземных и полуземляночных жилищ VIII—XIII вв.» (рис. 27, 32, 36) могут быть признаны тоже условными, только как отражающие распространение двух частных конструктивных приемов устройства оснований (наземные жилища и жилища с углубленными основаниями).

Кроме различий приемов в устройстве основания наземные жилища и полуземлянки считаются «принципиально различными типами жилищ» (с. 116), двумя «конструктивными типами» (с. 117, 121). Возникает вопрос: такая ли большая между ними конструктивная разница, чтобы считать их различными типами жилищ? Если рассматривать сруб как конструктивную систему, то легко заметить, что сруб характерен не только для наземного жилища, но и для полуземлянок, более того, как пишет П. А. Раппопорт, «в большинстве случаев» для VI—VII вв. (с. 116).

Оказывается, судя по страницам книги и реконструкциям (рис. 58, 60), что срубная полуземлянка — «истопка» — лесостепной зоны по техническому исполнению ничем не отличалась от наземной срубной «пстопки» лесной зоны. Если же

---

[4] «Землянка — выкопанное в земле жилище, иногда выступающее на поверхность» (Словарь современного русского литературного языка. М.—Л., т. 4, стлб. 1206). «Полуземлянка — постройка, нижняя часть которой врыта в землю». «По левую же руку от нас было несколько полуземлянок, над землей возвышался сруб бревен в пять, не больше». (*Успенский Гл.* Письма с дороги. V. 2.— Словарь современного русского литературного языка, т. 10, стлб. 1092).

[5] Попытки реконструировать древнерусскую полуземлянку предпринимались неоднократно. В литературе нередки необоснованные попытки поместить печь в примитивный низкий деревенский погреб, причем утверждается полное соответствие конструкции такого погреба археологическим материалам, а землянка необоснованно называется полуземлянкой. При этом такая реконструкция трактуется как массовое жилище домонгольского времени (*Воронин Н. Н.* Жилище.— История культуры древней Руси, т. I. М.— Л., 1948. с. 210; *Ляпушкин И. И.* Городище Новотроицкое.— МИА, № 74, 1958, с. 201—206). Реконструкции, опубликованные в заключительной части книги, продолжают эту традицию. Отличие их от более ранних реконструкций в том, что в них крыша не сразу венчает яму, а покоится на стенах, возвышающихся над краями ямы.

рассматривать оборудование и внутреннее пространство истопки как помещение для жилья, то разница между ними также проблематична (рис. 58, 59, 60).

«В литературе,— пишет П. А. Раппопорт,— неоднократно предпринимались попытки доказать, что и среди жилищ Среднего Поднепровья XII—XIII вв. большой процент составляют наземные жилища. Детальный анализ археологической документации такие утверждения опровергает» (с. 126). «Опровержение» достигается тем, что любые сооружения, заглубленные в землю, называются полуземлянками (№ 207, с. 85). Обе точки зрения на полуземлянки по-своему правильны. Действительно, большинство построек, даже заглубленные на 1—2 венца,— полуземлянки, а в бытовом, смысловом значении собственно жилища, многие из построек — наземные сооружения, но ни в коем случае не землянки.

Нетрудно видеть из свода археологических памятников, приведенных в исследовании, что так называемые полуземлянки должны возвышаться на значительную высоту своих стен и не могут быть названы иначе, чем наземными сооружениями (№ 51 — полуземлянка заглублена на 15 *см*, с. 30; № 62 — на 20 *см*, с. 33; № 63 — на 35 *см*, с. 35; № 111 — на 25 *см*, с. 48; № 140 — на 30 *см*, с. 57; № 147 — на 20 *см*, с. 59; № 207 — на 20 *см*, с. 82, 85, 142).

В монографии П. А. Раппопорта благодаря широким археологическим исследованиям и картографированию типов жилищ сложилась парадоксальная картина архитектуры жилища на просторах обширного Киевского государства в X—XIII вв. Далеко на севере в лесистых районах обычным явлением признается существование высоких хором на подклетах уже в X в., в момент становления древнерусского государства, а на юге, прежде всего в Киеве, и на не менее лесистом западе считается типичным жилищем, судя по реконструкциям, землянка или что-то близкое к ней (полуземлянка) все еще XII—XIII вв., в период расцвета древнерусской архитектуры (рис. 27, 32, 36). Искусственность деления жилищ только на полуземляночные и наземные можно пояснить примером из этнографии. Не всякое заглубленное в землю жилище — полуземлянка. Нет ни у кого сомнения, что северная изба на подклете — наземное жилище. Очень часто подклет перестраивался для жилья. Для обеспечения необходимой высоты нижней избы крестьяне иногда заглубляли пол подклета ниже уровня земли [6]. Таким образом, наземное жилище на подклете, по «условной» археологической терминологии, превращалось в избу на «полуземлянке» или в двухэтажную «полуземлянку». Нет никакого сомнения, что среди раскопанных «полуземлянок» многие являются остатками подклетов и горниц на них южнорусских хором, известных по летописям. Пока существование «дома на срубном подклете, частично углубленном в землю» признается только для Москвы XII—XIII вв. (№ 270, с. 102). Известно из письменных источников, что уже в X—XI вв. существовала развитая типология жилых и хозяйственных построек и помещений: клети, вежи, одрины, терема, истобки, горницы, палаты и др., причем они отмечаются древними очевидцами там, где при раскопках встречаются в подавляющем большинстве так называемые полуземлянки. В этнографии полуземлянка — конкретный тип примитивного жилища, а в древней Руси заглубление в грунт основания — конструктивный прием. В смысле организации быта условная полуземлянка — такое же полноценное жилье, как современная ей новгородская изба. Лишь признав это положение, можно согласовать наши представления о жилищах на просторах всего Киевского государства с высокой домостроительной культурой, известной по письменным источникам.

Много внимания в работе уделено земляным кровлям, сделана попытка обосновать их существование, опираясь на материалы археологических исследований. В развалах древних жилищ среди явных остатков конструкции крыши находят много глины и земли, которые в сводке памятников трактуются остатками земляных кровель (№ 12, с. 19; № 51, с. 30; № 67, с. 35, 36; № 252, с. 98; № 253, с. 99; № 265, с. 101; № 288, с. 106; № 302, с. 109). В Старой Ладоге была «обнаружена» на крыше прослойка песка (№ 169, с. 65). Помимо подсыпки глина, по мнению П. А. Раппопорта, использовалась и в качестве обмазки кровли (№ 83, с. 40; № 89, с. 42; № 253, с. 99; № 285, с. 105) и в одном случае даже подмазки (№ 251, с. 98).

---

[6] *Габе Р. М.* Карельское деревянное зодчество. М., 1941, с. 42.

Широкая география «подсыпок», «обмазок» и «подмазок» кровель сверху, широкие хронологические рамки, начиная с VI—VII вв. и кончая памятниками первой трети XIII в., создают впечатление глубоких строительных традиций на широких территориях и заставляют отнестись к такой трактовке раскопочного материала очень внимательно и серьезно. Попробуем разобраться.

Прежде всего из списка памятников с земляными крышами надо исключить те, где доказательство основано на вольном обращении с публикациями: Старую Ладогу и Новгород, где четко зафиксированы тесовые кровли с курицами и водосливными желобами, Вщиж, где в исследовании Б. А. Рыбакова говорится не о земляных крышах, а о потолочных засыпках, древнейшем приеме утепления потолка в избе [7].

В подавляющем большинстве случаев археологических «открытий» земляных кровель глина и земля лежат поверх остатков несущего остова крыши (№ 12, с. 19; № 67, с. 35—36; № 283, с. 105; № 265, с. 103; № 285, с. 105).

Для правильного понимания находимых конструктивных фрагментов и строительных материалов определяющее значение имеет воссоздание процесса разрушения жилища, открываемого при раскопках.

Допустим, что действительно существовали скатные, тяжелые, глиняные и земляные крыши на жилищах и что дожди их не размывали. Еще раньше было выяснено, что в так называемых полуземлянках стены могли возвышаться над уровнем поверхности земли на 1,5—2,0 *м* и выше. В случае пожара бревна стен, массивные стропильные ноги или лаги сгорали, очевидно, медленнее, чем тонкие жерди и тес обрешетки, не говоря уже о соломенной или лубяной подкладке, которые должны сгореть и разрушиться еще быстрее, тем более, что при пожаре возникают вертикальные воздушные потоки. Следовательно, земляная засыпка должна обрушиться прежде, чем упадут стропильные части кровли, следовательно, опорные части крыши должны лежать поверх предполагаемой земляной засыпки, а не внизу. В раскрываемой археологами картине гибели и разрушения жилища может сложиться впечатление земляной кровли даже в случае разрушения обычной мазанки с соломенной крышей, если учесть неполное сгорание глиняно-жердевых стен. Во многих полуземлянках, особенно ранних, нет явных следов столбов или срубов. П. А. Раппопорт относит их к срубным постройкам. Многие из них можно реконструировать со стенами, обмазанными глиной по жердево-плетневой основе. Известно, что глина — негорючий материал, и стены после сгорания кровли и перекрытия могут некоторое время стоять, разрушаемые выветриванием и размываемые дождем. Глина из стен в полуземлянках должна в таком случае оплывать вовнутрь котлована, погребая под собой остатки обрушившихся конструкций.

Образование глиняной прослойки могло происходить и естественным путем после разрушения всех конструкций жилищ. В ямах полуземлянок мог проходить процесс осадки взвешенных частиц при движении и скоплении дождевых и талых вод в ямах от жилищ в случае длительного перерыва обитания городищ. В раскопе такая прослойка могла создать иллюзию глиняной кровли или плотной глиняной обмазки (№ 306, с. 111).

В работе сделана попытка изобразить гипотетическую крышу графически на «наземном срубном жилище X—XI вв.» (рис. 60). Хорошо видно, что она не является простой и элементарной и под земляной засыпкой скрывается соломенная кровля. Странно видеть совмещение стропил с рубленым самцово-слеговым порубом, в который вместо возможных шести слег врублено восемь.

Вызывает сомнение и конструкция собственно кровли на курицах с потоками и соломой вместо теса, которая в венчающей части прижимается охлупнем. Проблематична несущая способность тонкой соломенной «дренирующей» подкладки, на которую насыпается земля или глина. Вполне очевидно, что прежде чем начать применять эту кровлю, древним строителям необходимо было научиться возводить не только тесовые, но и соломенные кровли. В то же время, научившись делать последние, а они достаточно теплые, легкие, непромокаемые и практичные, древ-

[7] *Рыбаков Б. А.* Стольный город Чернигов и удельный город Вщиж. По следам древних культур. Древняя Русь. М., 1953, с. 119.

ним строителям не было необходимости «утеплять» их землей или обмазывать глиной. Само отсутствие соломенно-земляных (соломенно-глиняных) кровель в традиционном народном зодчестве не позволяет предполагать их существование в прошлом. Наличие подсыпок убедительно свидетельствует о существовании в глубокой древности утепленных потолков при тесовых кровлях. Это предположить проще, логичнее, технически убедительней и исторически правильнее.

Несмотря на указанные спорные места, монография П. А. Раппопорта «Древнерусское жилище» в своей фактической и исследовательской основе является добротным справочником по истории, теории и археологии древнеславянского и древнерусского жилища.

Г. В. Борисевич

Русский город (историко-методологический сборник). Изд-во МГУ, 1976, 296 стр., 16 рис. 1 вкл. Тираж 4600. Цена 1 р. 68 к.

Рецензируемый сборник статей, вышедший в свет под редакцией члена-корреспондента АН СССР В. Л. Янина, подводит некоторые итоги работ организованной в 1971 г. на историческом факультете Московского университета лаборатории по изучению истории русских городов. Среди важных задач современной исторической науки проблема комплексного изучения истории городов занимает важное место. Над ее успешным решением работают историки, археологи, этнографы, социологи, архитекторы. Отраженное в статьях сборника содружество специалистов разного профиля оказалось весьма плодотворным. Естественно, что читателей журнала «Советская археология» прежде всего интересуют работы, посвященные эпохе феодализма. Их разбору и отведено основное место в данной рецензии.

В статье Р. Л. Розенфельдта «Древнейшие города Подмосковья и процесс их возникновения» широко использован археологический материал. Исследователь наметил узловые этапы развития городов края в домонгольское время. Работе предпослано определение восточнославянского города как укрепленного поселения с характерной планировкой, системой оборонительных сооружений и посадом, являвшегося административным и торгово-ремесленным центром (с. 5). Особенности становления городов Подмосковья, справедливо замечает автор, кроются в сравнительно позднем начале этого процесса (конец X—XI в.) и в том, что он протекал в ходе постепенного расселения славян в иноязычной среде. Р. Л. Розенфельдт кратко характеризует хозяйственную деятельность и особенности планировки поселений местного, дославянского населения. Это помогает ему выявить конкретные отличия первых славянских городищ: мысовое расположение, мощный вал с деревянными конструкциями внутри, въезд сквозь башню с напольной стороны. Оборона, по мнению автора, была важнейшей функцией таких поселков, возникших еще на родо-племенной основе и игравших существенную роль в распространении славянской колонизации. На смену этим протогородам, не получившим сколько-нибудь значительного развития, в конце XI—XII в. пришли города, не связанные с поселениями предшествующего времени. Они занимают бóльшую площадь и являются резиденциями князей или их наместников, быстро превращаясь в крупные административно-хозяйственные центры. Именно развитие процесса феодализации вширь и вглубь, окняжение окрестных территорий вызвали к жизни города, вполне соответствующие этому понятию с социально-экономической точки зрения. Автором убедительно обоснован тезис о решительном примате государственного начала в формировании подлинных городов Подмосковья. Главным недостатком работы Р. Л. Розенфельдта является отсутствие графической документации. Наличие одномасштабных планов славянских и дославянских городищ, а также карты значительно усилило бы аргументацию исследователя.

Большой теоретический интерес в изучении проблемы возникновения первых городов на Руси представляет статья Л. А. Фадеева «Происхождение и роль системы городских концов в развитии древнейших русских городов». На примере новгородского погоста Жабна автор попытался проследить процесс слияния сельских по-

селений в самоуправляющиеся ассоциации — концы, которые при благоприятных условиях консолидировались в единую городскую общину. При этом большое значение придается влиянию пережиточных родовых отношений, прежде всего первобытной дуальной организации населения. Несмотря на обширную географию собранных сведений, точка зрения автора остается весьма спорной, и его вывод о том, что большинство городов Старого Света сохраняет изначальное квартально-общинное деление на протяжении длительного времени и на разных ступенях общественного развития, малоубедителен (с. 23—26). Оперируя отдельными примерами из жизни городов Средней Азии и Ближнего Востока, Л. А. Фадеев упускает из виду, что работы современных исследователей по истории городов этого региона убедительно свидетельствуют, «что с середины VIII по XII в. происходит не только рост города, но и распадение его на изолированные части» в результате постепенного обособления различных корпораций и объединений горожан [1]. Иными словами, не консолидация трансформировавшихся в городские кварталы сельских общин приводит к становлению мусульманского города, а напротив, сами городские кварталы-общины зарождаются и корпоративно оформляются внутри города лишь на определенном этапе его развития.

Если вновь обратиться к новгородской Жабенской волости, в которой Л. А. Фадеев видит зародыш будущей городской организации, нельзя не отметить некоторые обстоятельства, о которых исследователь умалчивает. Волость состояла из 7 концов и погоста, в свою очередь объединявших 232 деревни, насчитывавших вместе всего 750 дворов. На одну деревню в среднем приходилось 3,25 двора, а в действительности деревни из одного-двух дворов были не исключением, а правилом. Столь незначительные размеры сельских поселений русского севера объясняются отсутствием достаточного фонда пахотных земель, широким распространением подсечно-переложных систем земледелия. Избыточное население было вынуждено в поисках новых участков покидать материнские поселения. Л. А. Фадеев сам убедительно показал, что конец в Жабенской волости образовывали отпочковавшиеся от старых поселений новые починки и выселки (с. 27). Следовательно, шло не объединение, а расщепление некогда компактного ядра. В концы, вероятно, формировались группы деревень, имевшие общее происхождение. Однако центростремительные силы среди них начинают действовать с появлением погоста, сосредоточившего в себе административно-хозяйственную деятельность. К концу XV в. в самом погосте Жабна было 14 дворов и к нему непосредственно тянули 14 деревень с 51 двором.

В условиях городской жизни наименование «конец» было перенесено на территориальные объединения горожан, прежде всего бояр-землевладельцев, также объединенных общностью происхождения и именно в городах севера Руси. Пример Новгорода, где к трем ранним концам постепенно присоединились еще два, а внутренняя автономия и самоуправление концов со временем настолько усилились, что приобрели черты корпоративной замкнутости, демонстрирует явление, схожее с развитием городов Средней Азии от арабского завоевания до XIII в.

Любопытен, но весьма спорен пассаж об этимологии слова «конъ» (с. 27—30). Досадна ошибка на 100 лет в дате событий начала XIII, а не XII в. в Новгороде (с. 18). В целом работа Л. А. Фадеева заслуживает серьезного внимания, но проблема происхождения русских городов остается открытой для дискуссии.

Многоаспектному вопросу изучения эволюции русского города как экономического и политического организма в системе феодального государства посвящена статья В. В. Карлова «О факторах экономического и политического развития русского города в эпоху средневековья». В ней читатель найдет и содержательный историографический очерк, и глубокое исследование динамики разнообразных функций города на протяжении X—XVII вв. Автор умело привлекает сведения письменных источников, результаты археологических раскопок, критически использует работы своих предшественников. Подчеркивая, что значение средневекового города менялось в разных исторических условиях, исследователь попытался сформулиро-

[1] *Беленицкий А. М., Бентович И. Б., Большаков О. Г.* Средневековый город Средней Азии. Л., 1973, с. 336.

вать основные характерные особенности русских городов для каждого исторического периода.

Не все выводы В. В. Карлова одинаково обоснованы. Некоторые положения статьи носят гипотетический характер. Например, утверждение, что развитие русских городов до монгольского нашествия проходило в общем для всех раннефеодальных государств Европы направлении, нуждается в развернутой и конкретной аргументации.

Не имея возможности детально рассмотреть каждый раздел этой интересной работы, хотелось бы более подробно остановиться на сложном вопросе происхождения древнерусских городов. В. В. Карлов придерживается мнения о многообразии путей градообразования на Руси в связи с множественностью функций феодального города (с. 37). Исходными для изучаемого процесса типами протогородских поселений исследователь считает феодальные замки, княжеские крепости, погосты, ремесленно-торговые поселки, рядки, торжки и племенные (межплеменные) центры. Однако разнообразие типов предгородских поселений кажущееся. Во-первых, рядки, торжки и ремесленно-торговые поселки — это одно и то же, и в чистом виде они нам неизвестны. Во-вторых, отличить княжескую крепость от погоста или владельческой усадьбы-замка достаточно сложно. Поселений с исключительно военными функциями на Руси в X—XIII вв. не было, хотя в степном порубежье задачи обороны от вторжений кочевников имели важное значение. Но и так называемые княжеские крепости, и погосты, и усадьбы-замки для прилегающей к ним сельской округи всегда оставались средоточием административно-хозяйственной деятельности. Наконец, племенные или межплеменные центры, которым автор отдает явное предпочтение, практически неизвестны и не изучены. Древнейшие русские города — Киев, Новгород, Полоцк, Чернигов, Ростов, Смоленск — теоретически могли быть племенными центрами, но и по письменным источникам, и по археологическим данным их история не прослеживается далее IX в. А это — уже время становления единого древнерусского государства. Таким образом, достоверно установить в настоящее время исходный тип или типы поселений, последующее развитие которых превращает их в феодальный город, можно только гипотетически.

Касаясь конкретных причин, вызвавших к жизни первые русские города, В. В. Карлов вслед за М. Н. Тихомировым полагает, что толчком к градообразованию послужила потребность «в специализированном ремесле и более высокой его организации,— ремесле, обслуживающем близлежащую сельскую округу» (с. 33, 40). Подтверждение этого вывода исследователь видит в размещении городов в местах наибольшей концентрации сельского населения и наблюдениях археологов за распространением отдельных видов ремесленных изделий, преимущественно XII—XIII вв. Второй составляющей изучаемого процесса признается развитие феодализма в сфере общественно-политической.

Утверждение прямой зависимости возникновения русских городов от потребностей земледелия в продукции городского ремесла в статье не доказывается, а постулируется. Без комплексного исследования направления и форм связей города с сельской округой, производительности труда городских ремесленников, соотношения потребления их изделий внутри города и вне его, без изучения роли каждого из градообразующих элементов населения Руси ответить на поставленный вопрос трудно.

Существует альтернатива предложенному решению. Размещение большинства древнерусских городов в гуще сельских поселений отражает успехи феодализации и окняжения Руси, стремление молодого феодального государства «уроками и уставами» охватить в первую очередь наиболее платежеспособные, т. е. густонаселенные земли. В таком случае на раннем этапе социально-политические функции города преобладают над экономическими. Действительно, археологам известны десятки поселений IX—X вв. с зачатками развивающихся ремесел и торговли, окруженных многочисленными сельскими поселениями, так и не ставшими в XII—XIII вв. городами. Зато все без исключения города Руси домонгольского времени, соответствующие известным социально-экономическим критериям, были административно-хозяйственными, политическими, культурными и военными центрами более или менее значительных территорий. Следовательно, в процессе становления городов

преимущество должно быть отдано пунктам, где в виде даней, военной добычи, поступлений от суда, международной торговли и взносов на нужды религии скапливался и затем перераспределялся прибавочный продукт. Недаром древнерусские города с самого начала своей истории были средоточием не только ремесленно-торгового населения, но и формирующегося класса феодалов, непосредственно осуществлявшего перечисленные выше функции.

Из других статей сборника нельзя не отметить работы Н. Б. Голикова и П. Г. Рындзюнского, соответственно посвященные торговым связям городов Подмосковья XVII—XVIII вв. и факторам градообразования в России XVIII в. В статье С. С. Илизарова освещается вопрос об изучении русского феодального города историками XVIII в. Роли крестьян-отходников в росте численности и изменении социального состава населения Москвы в конце XVIII — первой половине XIX в. посвящена статья В. А. Федорова. В работе М. Ф. Прохорова исследуется отклик трудового люда Москвы на крестьянскую войну под руководством Е. И. Пугачева.

Вопросы демографии городского населения, численности городов СССР и перспективы развития городов Московской области нашли отражение в статьях Л. И. Васькиной и В. А. Копылова. В. В. Кириллов обобщил основные идеи реконструкции Москвы в проектах 20-х — начала 30-х годов нашего времени. Методологические проблемы изучения русской архитектуры стали предметом исследования М. А. Ильина. О. С. Евангулова подвергает исследованию особенности Московской архитектурной школы середины XVIII в. М. В. Дьяконов публикует материалы к биографическому словарю московских зодчих XVIII—XIX вв.

Рецензируемый сборник рассчитан на широкие круги читателей, как специалистов в различных областях науки, так и всех интересующихся отечественной историей и культурой. Первый опыт публикации результатов работ лаборатории истории русских городов Московского университета является несомненной удачей. Следует надеяться, что вышедший из печати том открывает целую серию новых публикаций по истории русского города.

А. В. Куза

Хроника

IV МЕЖДУНАРОДНЫЙ СИМПОЗИУМ ПО ПАЛЕОЭТНОБОТАНИКЕ

Очередной, IV симпозиум международной рабочей группы палеоэтноботаников (IWGP — International Work Group for Palaeoethnobotany) [1] состоялся 9—14 мая 1977 г. в г. Вильгельмсхафене (ФРГ) на базе Нижнесаксонского института по изучению маршей и пустошей. В его работе приняло участие 50 специалистов — представители 15 европейских стран, США и Израиля. Согласно уже сложившейся традиции, работа совещания проводилась по двум основным направлениям: а) заслушивание докладов о результатах изучения палеоэтноботанических остатков, полученных в процессе исследования археологических объектов широкого хронологического диапазона (палеолит — средние века), а также истории земледелия отдельных стран и районов; б) демонстрация палеоэтноботанических материалов и дискуссии о критериях определения ископаемых зерен и семян тех или иных родов и видов культурных и дикорастущих растений.

На IV симпозиуме было прочитано 27 докладов, которые условно, по тематике, могут быть разделены на три основные группы: сообщения, посвященные некоторым общим проблемам истории земледелия в странах Европы; сообщения о палеоэтноботанических находках, сделанных на отдельных археологических объектах; сообщения о морфологических особенностях ископаемого палеоэтноботанического материала и основных признаках его идентификации с современными эталонами.

Среди докладов, посвященных истории земледелия, следует выделить обобщающий доклад М. Хопф (ФРГ) об исследовании палеоэтноботанических остатков с многочисленных памятников Южной Европы. На основе анализа состава основных видов культурных растений, в первую очередь злаков, докладчик выделяет на исследуемой территории два района — западный и восточный, история земледелия и культурной флоры которых имеет значительные отличия. Для восточного района, куда входит часть придунайской равнины и Балканский полуостров, т. е. той территории, где отмечается наиболее раннее для Европы становление оседлого земледелия как производящей формы хозяйства, именно по палеоэтноботаническим данным намечаются четкие связи с Передней Азией. В своем докладе автор суммировала итоги многолетних исследований на памятниках Европы и Азии и акцентировала свое внимание на значении и роли земледелия в экономике племен, населявших Южную Европу с неолита до эпохи железа включительно.

Обстоятельные доклады, касающиеся общих вопросов истории земледелия в Англии и Голландии, были сделаны Дж. Ренфрю (Англия) и Дж. Палсом (Голландия). В них, как и в сообщении М. Хопф, подводились итоги многолетних работ по определению палеоэтноботанических остатков с хронологически различных памятников и сформулированы выводы, касающиеся роли и удельного веса земледелия в экономике населения Англии III—I тысячелетий до н. э. и средневековой Голландии. В обоих сообщениях приводились интересные и важные данные о характере естественной растительности, определявшей условия жизни и хозяйственной деятельности человека в отдельных районах этих стран.

К этой же группе следует отнести доклад М. Алто (Финляндия) об использовании новой машины для отмывки образцов культурного слоя во время археологических раскопок с целью получения большого объема исходного палеоэтноботанического материала. Это сообщение, имевшее много общего с докладом Х. Джермен (Англия), прочитанном на III симпозиуме в Кракове, вызвало особенно оживленную дискуссию. Часть исследователей считают, что, несмотря на безусловную эффективность, использование специальных машин для отмывки влечет за собой частичное разрушение самих растительных остатков, осложняющее определение, и не позволяет четко коррелировать эти остатки с соответствующим стратиграфическим горизонтом. Более тщательный отбор, по их мнению, можно производить только

[1] Информацию о I, II и III симпозиумах см.: СА, 1970, № 4; 1972, № 4 и 1975, № 4.

путем ручного просеивания или промывки образцов слоя через сита с разным диаметром ячеек. Другая группа исследователей считает, что применение машины резко повышает возможность сбора палеоэтноботанического материала и поэтому оно весьма желательно.

Большой интерес участники симпозиума проявили к докладу У. Виллердинга (ФРГ), посвященному вопросу о месте палеоэтноботаники в системе естественных и гуманитарных наук, ее связях с ними и значении для решения ряда исторических и ботанико-географических проблем. Как и в любом докладе такого характера, в данном сообщении был поставлен ряд вопросов, связанных с правильной терминологией, определением задач и рамок палеоэтноботанических исследований, выявлением прямых и опосредствованных связей с археологией, генетикой, эволюционной биологией и другими науками. Проблемы, поставленные У. Виллердингом, в ряде случаев требуют специальных разработок.

От СССР на IV симпозиуме был прочитан только один доклад (автором настоящей информации) на тему «Основные типы древнего земледелия на Кавказе». Кавказ и особенно Закавказье, являясь одним из наиболее значительных центров происхождения культурных растений и раннего становления оседлого земледелия в южных, аридных областях, вполне закономерно вызывает к себе повышенный интерес не только у археологов и историков древности, но и у палеоэтноботаников. Этот центр отличается поразительным многообразием остатков культурных растений, датируемых VI—IV тысячелетиями до н. э., и их направленной эволюцией в последующие шесть тысяч лет. Характеристике этих материалов, и в первую очередь анализу видового состава пшениц, а также выделению основных типов земледельческого производства уже в VI—IV тысячелетиях до н. э. на основе комплексных археолого-палеоэтноботанических исследований и было посвящено данное сообщение. С ним тесно перекликался информационный доклад У. Виллердинга (ФРГ), в котором приводились данные об изучении палеоэтноботанических остатков из раскопок Урартской крепости Бастам. Состав определенных видов здесь много беднее, чем на одновременных памятниках нашего Закавказья, что объясняется спецификой местных природных условий. Вместе с тем совместные находки мягкой и карликовой пшениц, многорядных ячменей, ряда орехоплодных и разнообразных дикорастущих видов указывают на существование прямых связей в развитии культурной флоры этих районов.

Вторая группа докладов была посвящена интерпретации определений растительных остатков с конкретных археологических объектов. Выводы, сделанные на основе этих исследований, весьма важны для широких исторических и ботанических обобщений. Особенно интересны работы по изучению палеоэтноботанических коллекций из слоев гальштатского времени в Граде Нитра (Е. Хайналова, ЧССР), из средневековых слоев Вавеля в Кракове (К. Василикова, ПНР), из средневековых слоев г. Осло (К. Гриффин, Норвегия).

Пять докладов и соответственно демонстрация материалов были посвящены вопросам морфологии ископаемых зерен и семян. Эти проблемы, как уже неоднократно указывалось, очень важны, поскольку в результате деформаций обугленные и подвергшиеся отмывке растительные остатки в большинстве случаев трудно сопоставимы с ботаническими эталонами. Разработка специальных критериев для идентификации того или иного вида, оценка этих критериев специалистами с одновременным просмотром исходного материала является очень важным разделом работы каждого симпозиума. На данном совещании большие дискуссии вызвало определение отдельных видов пшениц; много внимания было уделено критериям определения таких важных для европейского земледелия культурных видов, как рожь и овес; специально обсуждалась специфика определения растений рода Prunus.

Интересные результаты получены А. Конноли (Англия) и Е. Ланге (ГДР) при изучении эпидермиса ископаемых семян и зерен, а также пыльцы злаков с помощью электронного микроскопа, что позволило установить видовые отличия для целого ряда культурных и дикорастущих растений. К сожалению, в настоящее время широкое применение таких методов исследований еще невозможно, хотя их значение для специальных работ по морфологии трудно переоценить.

Все доклады были богато иллюстрированы; в ходе оживленных дискуссий высказывалось много интересных положений и рекомендаций.

В целом необходимо отметить, что тематика прочитанных докладов была весьма широкой, несмотря на старания оргкомитета придать симпозиуму более узкую направленность — первоначально предполагалось сделать основным объектом обсуждений исследования палеоэтноботанических остатков со средневековых памятников и основанные на них палеоэкономические выводы. Очевидно, что в данный момент, при сравнительно ограниченном количестве специалистов и принимая во внимание разностороннюю направленность археологических изысканий в каждой стране, проведение международных встреч по узкой тематике невозможно. Вместе с тем, несомненно, организация регулярных симпозиумов, предусматривающих обмен информацией с обязательным обсуждением источников исследований, выводов и проблем, является необходимой формой работы международной рабочей группы палеоэтноботаников.

За прошедшие после III симпозиума в Кракове три года проделана огромная

работа по изучению морфологического строения ископаемых остатков важнейших видов культурных и дикорастущих растений. Если сейчас можно считать достаточно четко установленными критерии для определения таких родов, как Hordeum, Secale, Ovena, Bromus и др., то вопрос об идентификации отдельных видов рода Triticum остается открытым, и естественно общее желание всех участников на следующем V симпозиуме уделить этому вопросу особое внимание.

Заметно возрос интерес к общим вопросам истории земледелия Европы, и в частности к восстановлению путей интродукции отдельных видов культурных растений. Это особенно важно для ранних этапов становления производящих форм хозяйства. Именно в этой связи в докладах и дискуссиях неоднократно затрагивались отдельные моменты истории культурной флоры нашего Закавказья и Передней Азии, сыгравших роль прародины европейского земледелия. Отсюда, из этих областей, основные зерновые культуры, в частности пшеницы-двузернянки, в конце VII—VI тысячелетиях до н. э. были интродуцированы на Балканы, и этим было положено начало развитию здесь земледельческой экономики. К сожалению, эти очень важные вопросы затрагивались на IV симпозиуме явно недостаточно.

Работа совещания проходила в соответствии с теми рекомендациями, которые были выработаны на II симпозиуме [2]. Доклады и материалы, представленные для ознакомления участниками встречи, показали, что в лабораториях разных стран проводятся большие работы по сбору и обработке палеоэтноботанических коллекций, интерпретации результатов, картографированию палеоэтноботанических находок и составлению специальных палеоботанических карт, паспортизации и каталогизации находок.

Регулярно выходит библиография работ по палеоэтноботанике в журнале «Die Kulturpflanze» (ГДР).

Доклады, прочитанные на IV палеоэтноботаническом симпозиуме, будут полностью опубликованы в серии «Berichte der Deutchen Botanischen Gesellschaft».

Г. Н. Лисицына

[2] *Лисицына Г. Н.* II Международный симпозиум по палеоэтноботанике.— СА, 1972, № 4.

Е. А. ХАЛИКОВА

ЕЩЕ РАЗ О ПРОБЛЕМЕ ПРОИСХОЖДЕНИЯ ВЕНГРОВ

(в связи с дискуссией на IV Международном конгрессе финно-угроведов) *

В журнале «Советская археология» (№ 1 за 1977 г.) опубликована информация В. Ф. Генинга «Проблема происхождения венгров», посвященная изложению докладов и выступлений на одном из заседаний археолого-антропологической секции IV Международного конгресса финно-угроведов в Будапеште, состоявшегося в сентябре 1975 г. При изложении содержания моего доклада и выступлений по нему В. Ф. Генинг допустил ряд неточностей и искажений.

Так, он указывает, что выдвинутый мной в докладе тезис о принадлежности вновь открытого Больше-Тиганского могильника древним венграм «основан на ряде совпадений в погребальном обряде и вещевом комплексе». Между тем в докладе были подробно рассмотрены и проиллюстрированы диапозитивами буквально все выявленные детали погребального обряда, весь комплекс которых находит параллели в древневенгерских могильниках [1]. Эти параллели дополняются и такими этнически важными явлениями, как женский костюм и украшения, стилистические особенности и сюжеты изобразительного искусства и т. д. Все это, а не ряд отдельных совпадений позволило мне сделать заключение о принадлежности Больше-

* Редколлегия журнала «Советская археология» приняла решение опубликовать написанную Е. А. Халиковой незадолго до смерти заметку, несмотря на то что не все советские и венгерские археологи считают возможным полностью согласиться с ее интерпретацией материалов Больше-Тиганского могильника. Решение редколлегии обусловлено большим научным значением могильника и острой дискуссией, развернувшейся вокруг интерпретации его материалов.

[1] См. об этом подробнее *Халикова Е. А.* Ранневенгерские памятники Нижнего Прикамья и Приуралья.— СА, 1976, № 3, с. 141.

Тиганского могильника одной из групп ранних венгров, обитавших в VIII — начале IX в. на левобережье Нижней Камы.

Следует заметить, что сам по себе этот тезис, вопреки утверждению В. Ф. Генинга, не вызвал возражений и у венгерских коллег, выступивших по моему докладу. В связи с этим процитирую несколько мест из выступления И. Фодора «К вопросу об этнической интерпретации Больше-Тиганского могильника».

И. Фодор считает, что изучение Больше-Тиганского могильника «без сомнения можно назвать дальнейшим шагом в изучении восточных корней древневенгерской культуры... Особого внимания в этом отношении заслуживают отмеченные Е. А. Халиковой параллели в погребальном обряде. Они подтверждают высказанное автором раскопок мнение об этническом родстве больше-тиганского населения с древневенгерским». И. Фодор отметил также, что новые археологические данные, приведенные в докладе Е. А. Халиковой, «подтвердили свидетельства исторических источников о месте Великой Венгрии (Magna Hungaria) ... Е. А. Халикова убедительно указала и на западносибирские истоки этногенеза древних венгров, подтвердив новыми данными верную гипотезу В. Н. Чернецова».

Следует заметить, что И. Фодор никогда не помещал прародину венгров, так же как и венгров Арпада, «в более южных районах ближе к среднеазиатским центрам», как утверждает В. Ф. Генинг. Наши расхождения с И. Фодором заключаются не в определении места положения «Magna Hungaria», которую и он, и я помещаем в Волго-Уральском регионе, а в интерпретации исторических судеб древних венгров в VII—IX вв. Если я считаю, что основная масса древних венгров до начала IX в. проживала между Волгой и Уралом, то И. Фодор полагает, что венгры покинули эти пределы около рубежа VII—VIII вв. и находились затем в Подонье и Причерноморье, т. е. далеко от среднеазиатских центров. Больше-тиганцев он считает теми группами древних венгров, которые остались на территории «Великой Венгрии».

А. Барта, который также не отрицал большую близость культуры Больших Тиган культуре древних венгров «эпохи завоевания Родины», в своем выступлении пытался совместить новые материалы с уже сложившимися у него и опубликованными концепциями о локализации «Magna Hungaria» в северокавказских и причерноморских степях. Он полагает, что в то время, как основная масса древних венгров оттуда ушла на Дунай, отдельные группы, в том числе, может быть, и тиганцы, откочевали в Прикамье. Не отрицал принадлежности древним венграм Больше-Тиганского могильника и Чанад Балинт.

Единственным из выступавших на конгрессе, кто пытался опровергнуть все основные положения моего доклада, был В. Ф. Генинг. В своей информации о конгрессе на страницах журнала «Советская археология» он развил и дополнил свои возражения. Представляется необходимым ответить по существу его возражений.

Мой доклад был посвящен в основном анализу материалов Больше-Тиганского могильника и их дунайско-венгерским параллелям. Кушнаренковские памятники Западного Приуралья упоминались, лишь поскольку Больше-Тиганский могильник входит в их круг, так как единственным типом лепной керамики, представленной в могильнике, является кушнаренковская керамика и близкая ей кара-якуповская. В кратком докладе не было необходимости и возможности говорить об истории исследования и интерпретации памятников кушнаренковского типа. Следует отметить, что мысль о принадлежности кушнаренковских памятников угорским племенам отнюдь не нова. Этой точки зрения придерживаются С. М. Васюткин, В. А. Могильников, Г. И. Матвеева, Р. Г. Кузеев, Е. П. Казаков[2] и др. Долгое время на этой же позиции находился и В. Ф. Генинг, который, в частности, рассматривая

---

[2] *Васюткин С. М.* Некоторые спорные вопросы археологии Башкирии I тыс. н. э.— СА, 1968, № 1, с. 71.; *его же.* О ранней дате и происхождении керамики Кушнаренковского типа. Доклад на II Поволжско-Уральском совещании археологов и этнографов (Уфа, 1976 г.); *Могильников В. А.* К вопросу о связях населения Башкирии и Зауралья в конце I тыс. до н. э.— I тыс. н. э. — АЭБ, IV, 1971, с. 155; *Матвеева Г. И.* Памятники кара-якуповского типа в Приуралье. Тр. Куйбышевского пед. ин-та, т. 160. Куйбышев, 1975, с. 22; *Кузеев Р. Г.* Происхождение башкирского народа. М., 1975; *Казаков Е. П.* Памятники кушнаренковского типа на территории Татарии. Тезисы докладов научной сессии ИЯЛИ КФАН СССР за 1972 г. Казань, 1973, с. 130.

материалы Кушнаренковского селища и могильника и отмечая присутствие в них двух этнических компонентов — тюркского, представленного плоскодонной керамикой романовско-именьковского типа, и угорского, характеризуемого круглодонными сосудами с изящным орнаментом так называемого кушнаренковского типа, считал возможным связывать последний компонент с мадьярами [3]. Позднее без каких-либо достаточно веских оснований В. Ф. Генинг изменил свою точку зрения и стал считать кушнаренковцев самодийцами [4]. Материалы Больше-Тиганского могильника позволяют говорить о том, что В. Ф. Генинг в то время, очевидно, был ближе к истине.

В. Ф. Генинг указывает, что кушнаренковские материалы в поселениях и могильниках Южного Приуралья всегда выступают в смеси с материалами других культур и что самостоятельного кушнаренковского населения как такового в начале IX в. уже не существовало и оно представляло лишь часть «органически единого, слившегося населения». Это утверждение В. Ф. Генинга вызывает возражения. Помимо памятников, где кушнаренковские материалы выступают в смеси с материалами других культур, в Волго-Уральском регионе известны десятки «чистых» кушнаренковских поселений (например, I Мелля-Тамакское, II Рус. Шуганское, Муслюмовское и др., как правило, со слабо насыщенными культурными слоями) и могильников [5]. Среди последних известны как ранние (VI—VIII вв.) — Такталачукский, Иманлейский, Манякский и др., так и поздние (вторая половина VIII — начало IX в.) — Больше-Тиганский, Хусаиновский, 1 и 2 Бекешевские и др. Эти памятники свидетельствуют о том, что кушнаренковцы-протовенгры, находясь в тесных этнокультурных контактах с другими племенами в Западном Приуралье, тем не менее сохранили этническую и культурную самостоятельность.

Четкая характеристика ранневенгерских могильников на Дунае конца IX—X вв., данная в работах Н. Феттиха, Д. Ласло, И. Диенаша, И. Фодора и др., так же как и имеющаяся сводная публикация по этому вопросу на русском языке И. Эрдели [6], позволили мне использовать их для сравнительного анализа с материалами Больше-Тиганского могильника.

Что же касается самого Больше-Тиганского могильника, то корреляционный анализ, на котором настаивает В. Ф. Генинг, при изучении его материалов едва ли необходим — все исследованные погребения этого памятника единообразны по характеру погребального обряда, инвентарю и керамике.

В. Ф. Генинг приводит характеристику кушнаренковского погребального обряда VI—VII вв. [7], отмечая черты отличия от древневенгерского погребального обряда и не учитывая при этом того совершенно очевидного факта, что на протяжении столетий (VI—X вв.) погребальный обряд не оставался стабильным. Какие-то черты, зародившиеся в раннекушнаренковское время, в дальнейшем получили особенно широкое распространение, другие исчезли или видоизменились. Значение Больше-Тиганского могильника как раз и заключается в том, что, давая множество аналогий древневенгерским могильникам на Дунае, он вместе с тем имеет некоторые черты, не сохранившиеся на Дунае, но характерные для ранних кушнаренковских памятников на Урале. Рассмотрим с этой точки зрения те особенности, на которых акцентирует внимание В. Ф. Генинг.

Частичное захоронение коня (шкура с головой и конечностями), положенное в могилу или зарытое рядом, появляется уже в раннекушнаренковское время (см. Кушнаренковский могильник, поздние погребения Бирского могильника, где сосредоточены захоронения с кушнаренковскими сосудами, и др.). Этот обряд широко распространяется во второй половине VIII — начале IX в. в памятниках типа

---

[3] *Генинг В. Ф., Халиков А. Х.* Ранние болгары на Волге. М., 1964, с. 144, 145; *Генинг В. Ф.* Проблемы изучения железного века Урала.– ВАУ, № 1, 1961, с. 44.

[4] *Генинг В. Ф.* Южное Приуралье в III–VII вв. н. э.– ПАДИУ, с. 272–274.

[5] *Казаков Е. П.* Ук. соч., с. 130; *Матвеева Г. И.* Ук. соч., с. 13; *Сальников К. В.* Итоги и задачи изучения археологии Башкирии.— АЭБ, II, 1964, с. 12; *Иванов В. А.* Новые памятники кушнаренковского типа в низовьях реки Белой.– СА, 1974, № 1, с. 231–233.

[6] *Эрдели И.* Об археологической культуре древних венгров конца IX – первой половины X в.– ПАДИУ, с. 128.

[7] *Генинг В. Ф.* Ук. соч., с. 268.

Больше-Тиганского могильника и сохраняется на Дунае, становясь одной из характерных черт древневенгерского погребального обряда.

Такая деталь погребального обряда ранних кушнаренковцев, как сосуд и кости животных в изголовье погребенных, является одной из характерных особенностей Больше-Тиганского могильника и сохраняется, вопреки мнению В. Ф. Генинга, во многих наиболее ранних могильниках венгров на Дунае (см. Кенезлё II, Орошхаза I, могильник близ Стреда и др.) [8]. В более поздних она исчезает.

Утверждение В. Ф. Генинга, что древневенгерский и больше-тиганский женский костюм характерен для широкого круга прикамско-приуральского населения, весьма показательно и не противоречит нашей идее. Напротив, эта близость говорит об общности происхождения и тесных длительных контактах древних венгров с волго-камскими и приуральскими племенами, т. е. лишний раз свидетельствует в пользу волго-уральской локализации «Magna Hungaria». Вместе с тем следует отметить, что в женском костюме тиганцев и дунайских венгров X в. есть такие специфические детали, которые отличают их от других народов прикамско-приуральского региона и позволяют выделить их в особый, древневенгерский тип. К числу таких деталей следует отнести обычай соединять височные подвески цепочкой, обрамлявшей лицо; широкое распространение в качестве налобных, шейных, нагрудных и поясных украшений подвесок листовидной (сердцевидной) формы. Кроме памятников больше-тиганского типа (Хусаиново, Бекешево, Чишма, Лагерево и др.) единственный экземпляр подобной подвески встречен в Неволинском могильнике на Сылве. Остальные памятники Верхнего и Среднего Прикамья, Чепцы и Поволжья, расположенные вне пределов «Magna Hungaria», этого специфического украшения не знают. В Дунайской Венгрии эта категория украшений, приобретшая некоторые новые, преимущественно орнаментальные, элементы, сохранялась очень долго.

В. Ф. Генингу кажется очень важным аргументом в пользу невенгерской принадлежности Больше-Тиганского могильника отсутствие на Дунае кушнаренковской керамики, столь характерной для Тиган. Между тем последний факт легко объясним, если учесть время и обстановку, в которой происходило перемещение древневенгерских племен из волго-уральской прародины на Средний Дунай, занявшее, по нашему мнению, не менее пяти-шести десятилетий IX в. Их движение и попытки закрепиться на промежуточных территориях в Леведии и Ателькузу проходили в непосредственной близости от салтовских центров [9].

Именно здесь, в районах, сопредельных с салтовскими, венгры, очевидно, вплотную познакомились с гончарным производством и заимствовали многие формы салтовской круговой посуды. Не вызывает сомнения, что именно у праболгар-салтовцев ими были заимствованы котлы с внутренними ушками, ставшие затем характерным элементом материальной культуры венгров на Дунае. Процесс перехода к гончарному ремесленному производству завершился у венгров на Дунае, где салтовские традиции в гончарном деле дополнились традициями местных славянских и позднеаварских мастеров. Те немногие, буквально единичные, экземпляры лепных сосудов, которые известны в венгерских памятниках X в. на Дунае, имитируют формы заимствованной венграми круговой посуды.

Думается, что на этом основании никто, в том числе и В. Ф. Генинг, не возьмется утверждать, что у предков дунайских венгров вообще не было своей традиционной лепной посуды. Она, разумеется, была. Но в процессе длительных передвижений она, очевидно, была утрачена. Учитывая, что Больше-Тиганский могильник, содержащий целостный комплекс кушнаренковской и близкой ей кара-якуповской керамики, по всем основным чертам погребального обряда и инвентаря сближается с древневенгерскими памятниками на Дунае, следует полагать, что такой утраченной традиционной лепной посудой у ранних венгров была кушнаренковская и близкая ей кара-якуповская керамика.

В связи с этим хотелось бы остановиться еще на двух моментах, которые могут быть учтены исследователями.

---

[8] *Халикова Е. А.* Ранневенгерские памятники..., с. 144.
[9] *Халикова Е. А.* «Magna Hungaria».– ВИ, 1975, № 7, с. 41, 42.

На ряде средневековых венгерских поселений X в. (Башхалом, раскопки Ю. Коваловски 1962, 1964, и др.) в массе гончарной керамики обнаружены фрагменты тонкостенной, лепной цилиндрошейной посуды с лощеной поверхностью и тонким резным орнаментом, т. е. близкой по облику кушнаренковской [10]. Вместе с тем эта керамика близка к керамике эпохи бронзы, и поэтому ее находки на средневековых поселениях рассматриваются венгерскими исследователями обычно как признак двуслойности. Хотелось бы, чтобы в дальнейшем на эту керамику было обращено особое внимание. Не исключено, что среди нее удастся выделить и кушнаренковскую.

Следует обратить внимание и на этнографические венгерские материалы. На изделиях из дерева, кожи, металла, ткани мог сохраниться очень специфический кушнаренковский орнамент, отличающийся многозонностью, строгой горизонтальностью, тонкостью и изяществом исполнения.

Говоря о поясных наборах и стиле художественного оформления металлических украшений Больше-Тиганского могильника в целом, я не ставила целью поиски их истоков, хотя и указала на ряд аналогий в позднесасанидском и согдийском искусстве. Этот стиль, находящий прямое продолжение в ранневенгерском комплексе Подунавья, характеризуется рядом оригинальных черт (реалистически исполненный мотив трилистника, бордюр — цепочка из чередующихся овальных и круглых звеньев по краю бляшек, фантастические изображения сенмурвов, крылатых коней и пр.) и существенно отличается от наиболее распространенного в то время в Восточной Европе салтовского стиля украшений поясных наборов и других металлических изделий. Это и позволяет выделять его как ранневенгерский стиль.

Открытие и изучение Больше-Тиганского могильника имеет принципиальное значение для исследования не только истории венгерского народа, но и ранней и средневековой истории народов степной и лесостепной полосы Евразии и особенно Волго-Уральского региона. Выделение ранневенгерского археологического комплекса, ставшее возможным благодаря открытию Больше-Тиганского могильника, дает возможность проследить его истоки, разобраться в сложной картине этнокультурных взаимоотношений в Западном Приуралье и Волго-Камье во второй половине I тысячелетия н. э., выявить взаимоотношения древних венгров с другими племенами этого региона и, наконец, открывает возможность проследить участие древневенгерских компонентов в формировании ряда народов Восточной Европы, в первую очередь средневековых башкир и волжских булгар.

---

[10] Фонды Национального музея в Будапеште, № 64. 27.2.B; № 64. 20.3.B; № 64. 35.1.B.

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

АЕ — Археографический ежегодник
АИМ — Сб.: Археологические исследования в Молдавии
АИУ — Сб.: Археологические исследования на Украине
АЛЮР — Археологическая летопись Южной России
АО — Сб.: Археологические открытия
АП — Археологічні пам'ятки УРСР. Київ
АСб. ГЭ — Археологический сборник Гос. Эрмитажа
АЭБ — Археология и этнография Башкирии. Уфа
АЭС — Археолого-этнографический сборник. Грозный
БФ АН СССР ИИЯЛ — Башкирский филиал АН СССР Института истории, языка и литературы
ВГМГ — Вестник Государственного музея Грузии. Тбилиси
ВДИ — Вестник древней истории
ВЯ — Вопросы языкознания
ГВНиП — Грамоты Великого Новгорода и Пскова. М.— Л., 1949
ГИМ — Государственный Исторический музей. Москва
ГРМ — Государственный Русский музей. Ленинград
ГХМ — Государственный Херсонский музей
ГЭ — Государственный Эрмитаж
ДКІАМ. Зб — Дніпропетровський краєвий Історично-археологічний музей. Збірник
ДонГУ — Донецкий государственный университет
ЗРАО — Записки Русского археологического общества
ИАК — Известия Императорской Археологической комиссии
ИАН ТССР — Известия Академии наук Туркменской ССР
ИГАИМК — Известия Государственной академии истории материальной культуры
ИИАЭ — Институт истории, археологии и этнографии
ИМКУ — Сб.: История материальной культуры Узбекистана. Ташкент
ИОЛЕАиЭ — Известия Общества Любителей Естествознания, Антропологии и Этнографии
ИРОМК — Известия Ростовского областного музея краеведения
ИТУАК — Известия Таврической ученой архивной комиссии
ИФЖ — Историко-филологический журнал. Ереван
КД — Каракумские древности. Ашхабад
КСИА АН СССР — Краткие сообщения о докладах и полевых исследованиях Института археологии АН СССР. Москва
КСИА АН УССР — Краткие сообщения о докладах и полевых исследованиях Института археологии АН УССР. Киев
КСИИМК — Краткие сообщения о докладах и полевых исследованиях Института истории материальной культуры
КСОГАМ — Краткие сообщения о полевых археологических исследованиях Одесского государственного археологического музея. Одесса
ЛОИА — Ленинградское отделение Института археологии АН СССР
МАО — Московское археологическое общество
МАР — Материалы по археологии России
МИА — Материалы и исследования по археологии СССР
МИЗ — Материалы по истории земледелия. Москва
МКА — Материальная культура Азербайджана. Баку
НЭ — Нумизматика и эпиграфика
ОАК — Отчет Археологической комиссии
ОГАМ — Одесский государственный археологический музей
ОМАУ — Сб.: Открытия молодых археологов Украины
Працы III — Труды секции археологии Института археологии Белорусской Академии наук
РАНИОН — Российская ассоциация научно-исследовательских институтов общественных наук
СА — Советская археология
САИ — Свод археологических источников
СЭ — Советская этнография
ТМАО — Труды Московского археологического общества
Тр... АС — Труды... Археологического съезда
ТСА РАНИОН — Труды секции археологии Российской ассоциации научно-исследовательских институтов общественных наук
УСА — Успехи среднеазиатской археологии. Ленинград
Уч. зап. ЛГУ — Ученые записки Ленинградского государственного университета
Уч. зап. ПГУ — Ученые записки Пермского государственного университета
ЮТАКЭ — Южно-Туркменистанская археологическая комплексная экспедиция
ЦГИАЛ — Центральный государственный исторический архив в Ленинграде
AJA — American Journal of Archaeology Institute of America

AMitt.	— Mitteilungen des Deutschen Archäologischen Instituts. Athenische Abteilung
BCH	— Bulletin de Correspondance Hellénique. Paris
IOSPE	— V. Latyschev. Inscriptiones antiquae orae septentrionalis Ponti Euxini Graecae et Latinae
JAOS	— Journal of the American Oriental Society
JIVUF	— Jahresbericht des Instituts fur Vorgeschichte der Universität Frankfurt am Main
EAZ	— Ethnografisch-Archäologische Zeitschrift
ESA	— Eurasia Septentrionalis Antiqua. Helsinki
PBF	— Praehistorische Bronzefunde. München
RA	— Revue archéologique. Paris
Samaria	— Harvard Excavations at Samaria. Harvard, 1924
SA	— Slovenska archeologia. Bratislava

УКАЗАТЕЛЬ СТАТЕЙ, ОПУБЛИКОВАННЫХ В ЖУРНАЛЕ «СОВЕТСКАЯ АРХЕОЛОГИЯ» ЗА 1978 год

	№	стр.
Абрамова М. П. К вопросу об аланской культуре Северного Кавказа	1	72
Авдусин Д. А. VII Всесоюзная конференция по изучению истории, экономики, литературы и языка Скандинавских стран и Финляндии	3	313
Авилова Л. И. К изучению позднетрипольского погребального обряда	3	58
Акишев К. А. Археология Казахстана. Основные направления и итоги	1	5
Алешковский М. Х. Социальные основы формирования территории Пскова X—XVI веков (в связи с проблемой археологического исследования древнерусского города)	2	117
Аникович М. В. Совещание по вопросам классификации и номенклатуры зубчато-выемчатых орудий нижнего палеолита (Ленинград, 1974)	3	303
Арутюнов С. А. Васильевский Р. С., Голубев В. А. Древние поселения на Сахалине (Сусуйская стоянка). Новосибирск, 1976	4	269
Аскаров А. А., Буряков Ю. Ф. Некоторые итоги и перспективы развития археологии в Узбекистане	2	5
Бадальянц Ю. С. Родосские амфорные клейма (раскопки 1970—1974 гг.)	4	207
Бадер О. Н., Черников В. Ф. Новый могильник сейминского типа на Оке	1	250
Бадер О. Н. Музеефикация археологических памятников	3	138
Балонов Ф. Р., Шер Я. А. Doran I. E., Hodson F. R. Mathematics and Computers in Archaeology. Edinburgh, 1975	3	275
Барцева Т. Б. О химическом составе бронзового котла из с. Гайдары	2	256
Белецкий С. В. О рейнской керамике в Пскове	2	292
Березкин Ю. Е. Хронология среднего и позднего этапов культуры мочика (Перу)	2	78
Березкин Ю. Е. [Рец.]. Сб. Первобытный Туркменистан. Ашхабад, 1976	4	265
Бибиков С. Н. Мезин. «Праздничный дом» и костяной музыкальный комплекс	3	29
Блаватский В. Д. Дионисий Ольвианский	3	80
Борисевич Г. В. Раппопорт П. А. Древнерусское жилище. САИ, вып. Е1-32. Л., 1975	4	282
Брашинский И. Б., Марченко К. К. Строительные комплексы Елизаветовского городища на Дону	2	204
Вилинбахов В. Б. Кирпичников А. Н. Военное дело на Руси в XIII—XV вв. Л., 1976	3	294
Вихляев В. И., Мартьянов В. Н. Жиганов М. Ф. Память веков. Изучение археологических памятников мордовского народа за годы Советской власти. Саранск, 1976	2	318
Воронов Ю. Н., Гунба М. М. Новые памятники колхидской культуры в Абхазии	2	257
Галкин Л. Л. Двусторонняя литейная форма XIV века из Сарайчика	2	282
Головачева Н. В. Всесоюзное совещание «Типология и социальная структура древнего и средневекового города»	1	312
Голубева Л. А., Варёнов А. Б. Полые коньки-амулеты древней Руси	2	228
Гольцева Н. В., Букарский В. Б. Два новых экспоната из собрания Кишиневского музея	2	253
Грехова Л. В. Бивень с нарезками из стоянки Елисеевичи	2	249
Григорьева Г. В., Филиппов А. К. Пенская позднепалеолитическая стоянка (Курская область)	4	162
Гришин Ю. С., Матюшин Г. Н. [Рец. на кн.]. Якутия и ее соседи в древности. Якутск, 1975	1	281
Гульмурадов Д. Возникновение и развитие обмена и торговли в Южном Туркменистане	1	142
Дашевская О. Д. Первые исследования Кульчукского некрополя	3	199

	№	стр.
Джафаров А. К. Многослойная Тагларская мустьерская стоянка в Азербайджане	4	239
Дрбоглав Д. А. Эпиграфическое значение меча из Московского Кремля (миф о Гицелине)	2	222
Ершевский Б. Д. Древнейшие печати новгородских посадников (1096—1117 гг.)	2	240
Железчиков Б. Ф., Кригер В. А. Катакомбные захоронения Уральской области	4	218
Журавлев А. П., Врублевская Э. Л. Ранний этап металлообработки в Карелии сланцевых орудий из археологических памятников	1	154
Заверняев Ф. М. Антропоморфная скульптура Хотылевской верхнепалеолитической стоянки	4	145
Зайберт В. Ф., Плешаков А. А. Результаты исследований памятников энеолита и ранней бронзы на р. Чаглинке	1	242
Зарубежные рецензии на советские археологические издания	3	301
Засецкая И. П. О хронологии и культурной принадлежности памятников южнорусских степей и Казахстана гуннской эпохи (Постановка вопроса)	1	53
Иванов В. А. Оборонительные сооружения городищ эпохи раннего железа на северо-западе Башкирии	1	166
Иванов В. А., Пшеничнюк А. Х. Городище финальной бронзы на р. Миасс	4	255
Ильинская В. А. Золотая пластина с изображениями скифов из коллекции Романовича	3	90
Исамиддинов М. Х. Стратиграфия городища Ер-Курган в Южном Узбекистане	3	216
Исмагилов Р. Б. Кинжалы позднесавроматского времени из Башкирии	4	229
Кабанов С. К. Раскопки сельского поселения III—V вв. н.э. близ Карши	1	178
Казаков Е. П. Неолитические погребения в восточных районах Татарии	2	165
Качалова Н. К. Ранний горизонт срубных погребений Нижнего Поволжья	3	69
Кирпичников А. Н., Лебедев Г. С., Дубов И. В. [Рец. на сб.]. Vor- und Frühformen der europäischen Stadt im Mittelalter. Bericht über ein Symposium in Reinhausen bei Göttingen in der Zeit vom 18. bis 24 April 1972, T. I, II. Göttingen 1973, 1974	2	321
Козенкова В. И. VI Крупновские чтения (Краснодар, 1976)	1	308
Козенкова В. И. О южной границе восточной группы кобанской культуры	3	154
Кореневский С. Н. О металлических ножах ямной, полтавкинской и катакомбной культур	2	33
Кореняко В. А., Максименко В. Е. Погребения раннего железного века в бассейне Нижнего Дона	3	167
Корепанов К. И. Фигурка медведя с Верхне-Утчанского городища	4	260
Коробкова Г. Ф. Древнейшие жатвенные орудия и их производительность (в свете экспериментально-трасологического изучения)	4	36
Косяненко В. М., Флёров В. С. Бронзовые литые котлы Нижнего Подонья (К вопросу о типологии и хронологии)	1	192
Косяненко В. М., Лукьяшко С. И., Максименко В. Е. Два шлема из фондов Ростовского областного музея краеведения	2	265
Красильников К. И. Раннепеченежское погребение в с. Горшковке	4	261
Краснов Ю. А. [Рец.]. Работы по археологии в «Трудах Мордовского научно-исследовательского института языка, литературы, истории и экономики» (вып. 48 и 52). Саранск, 1975, 1976	1	286
Краснов Ю. А. Опыт построения классификации наконечников пахотных орудий (по археологическим материалам Восточной Европы)	4	98
Крижевская Л. Я. Письмо в редакцию	1	261
Кудрявцев А. А. О датировке первых сасанидских укреплений в Дербенте	3	243
Куза А. В. [Рец.]. Русский город (историко-методологический сборник). М., 1976	4	288
Кушнарева К. Х., Джапаридзе О. М. Мунчаев Р. М. Кавказ на заре бронзового века. М., 1975	1	268
Кызласов И. Л. Курганы средневековых хакасов XIII—XIV вв. (Аскизская культура в монгольское время)	1	122
Леонтьев А. Е., Пронин Г. Н. Древнерусские памятники района озера Верестово	2	272
Лисицына Г. Н. IV Международный симпозиум по палеоэтноботанике	4	292
Лоллекова О. Неолитическое поселение Песседжик-депе в Южном Туркменистане	4	176
Лунина С. Б. Формы специализации в средневековом гончарном ремесле Средней Азии	3	127
Марковин В. И., Ошаев Х. Д. О местоположении ясского города Дедякова	1	83

	№	стр.
Масленников А. А. Этнический состав населения боспорских городов в VI—V вв. до н. э.	1	24
Мерперт Н. Я. Миграция в эпоху неолита и энеолита	3	9
Минасян Р. С. Классификация ручного жернового постава (по материалам Восточной Европы I тысячелетия н. э.)	3	101
Никитин А. Л. Стоянка Теремки на Плещеевом озере	1	233
Никитин А. Л. Стоянка Плещеево I	4	249
Нечитайло А. Л. Антропоморфные алебастровые статуэтки в ранних памятниках северокавказской культуры	2	178
Новаковская С. М. К вопросу о поздних рельефах в резьбе Дмитриевского собора во Владимире	4	128
Новгородова Э. А. Древнейшие изображения колесниц в горах Монголии	4	192
Обельченко О. В. Мечи и кинжалы из курганов Согда	4	115
Окладникова Е. А. Новые данные по первобытному искусству Аляски	2	304
Ольховский В. С. Раннескифские погребальные сооружения по Геродоту и археологическим данным	4	83
Паавер К. Л. Bökönyi S. History of Domestic Mammals in Central and Eastern Europe. Budapest, 1974	1	279
Палимпсетова Т. Б. Укрепление и поселение «Ясная Поляна» у г. Ессентуки	2	195
Перхавко В. Б. Появление и распространение шпор на территории Восточной Европы	3	113
Петрухин В. Я. Ellis Davidson H. R. The Viking Road to Byzantium. London, 1976	3	289
Пузикова А. И. Городище Марица — памятник лесостепных культур скифского времени в Посеймье (по итогам работ 1973—1974 гг.)	3	183
Пуцко В. Г. Крест-мощевик XIV века	2	288
Русанова И. П. Тимощук Б. О. Слов'яни Північної Буковини V—XI ст. Київ, 1976	2	312
Рыбина Е. А., Хорошев А. С. Янин В. Л. Я послал тебе бересту... 2-е изд. М., 1975	1	294
Савватеев Ю. А., Девятова Э. И., Лийва А. А. Опыт датировки наскальных изображений Белого моря	4	16
Сабиров К. С. Раскопки крепостной стены кушанского городища Зар-тепе	1	254
Сапрыкин С. Ю. О культе Геракла в Херсонесе и Гераклее в эпоху эллинизма	**1**	**38**
Сарианиди В. И. Древнейшие топоры Афганистана	2	186
Седов В. В. Dostál B. Břeclav-Pohansko. Velkomoravský velmožský dvorec. Brno, 1975	1	292
Сергин В. Я. Пидопличко И. Г. Межиричские жилища из костей мамонта. Киев, 1976	2	297
Сериков Ю. Б. К вопросу о технике пиления в неолите и бронзе Лесного Зауралья	1	237
Сериков Ю. Б. О находках произведений искусства на стоянке Юрьино IV (Зауралье)	4	245
Симонова Е. Н. Результаты исследования позднеаварского могильника в Фейсерлак	2	268
Синицин А. А. Вопросы методики и техники исследования каменных орудий палеолита	3	307
Скакун Н. Н. Орудия труда раннетрипольского поселения Александровка (в свете экспериментально-трасологического исследования)	1	15
Смирнов А. С. Неолитическая стоянка Лунево II	2	147
Смирнов С. В. Значение леваллуазской техники в древнекаменном веке	4	5
Спирина Л. М. Клад монет XVII в. из Загорска	2	294
Сымонович Э. А. О культовых представлениях населения юго-западных областей СССР в позднеантичный период	2	105
Татаринов С. И. Древний медный рудник «Выскривский» в Донецкой области	4	251
Терский-Шеломенцев В. С. Исследования детинца Звенигорода Галицкого	1	206
Третьяков В. П. Некоторые стоянки каменного века Посожья и Подесенья	2	155
Третьяков В. П. Неприна В. И. Неолит ямочно-гребенчатой керамики на Украине. Киев, 1976	3	282
Фахрутдинов Р. Г. Новые археологические памятники Волжской Булгарии	1	216
Федоров-Давыдов Г. А. Браслет с надписью с Селитренного городища	2	286
Филиппов А. К. Технология изготовления костяных наконечников в верхнем палеолите	2	23

	№	стр.
Формозов А. А. Новые книги о наскальных изображениях Кавказа и Средней Азии. (Обзор публикаций 1973—1976 гг.)	3	270
Фролов А. С., Жилин М. Г. Новый памятник мезолита на Верхней Оке	1	228
Фролова Н. А. О времени правления Динамии	2	49
Халикова Е. А. Еще раз о проблеме происхождения венгров (в связи с дискуссией на IV Международном конгрессе финно-угроведов)	4	294
Хлебникова Т. А. Рец. на сб. Исследование Великого города. М., 1976	1	299
Хлобыстина М. Д. Некоторые вопросы палеосоциологической интерпретации Оленеостровского могильника	3	47
Хомутова Л. С. Металлообработка на поселениях дьяковской культуры	2	62
Хрушкова Л. Г. Плиты алтарной преграды из Цебельды (Абхазия)	1	105
Чернов Г. А. Мезолитическая стоянка Сандибейю I	2	135
Черных Е. Н. Металлургические провинции и периодизация эпохи раннего металла на территории СССР	4	53
Школьникова Н. А. Стеклянные украшения конца I тысячелетия н.э. на территории Поднепровья	1	97
Шнирельман В. А. Современные концепции происхождения производящего хозяйства (проблема механизации)	3	259
Щапова Ю. Л. Мастерская по производству стекла у с. Комарово (III—IV вв.)	3	230
Щербакова В. С. Popilian Ih. Ceramica Romana din Oltenia. Craiova, 1976	4	271
Щукин М. Б. [Рец.]. Die Germanen. Geschichte und Kultur der germanischen Stämme in Mitteleuropa. Band I, Berlin, 1976	4	277
Якобсон А. Л. К изучению фресок из южного нефа «Базилики 1935 г.» в Херсонесе	2	96
Янин В. Л. О продолжительности строительства Новгородского кремля конца XV в.	1	259
К 70-летию академика А. П. Окладникова	4	142
К 70-летию академика Б. А. Рыбакова	2	127
Памяти Артемия Владимировича Арциховского	3	5
Арутюн Арташесович Мартиросян	2	331
Елена Александровна Халикова	1	316

Адрес редакции:

117036, Москва, ул. Дм. Ульянова, 19
Телефон 126-94-45

Зав. редакцией *Л. М. Бушкина*

Технический редактор *Т. А. Аверкиева*

Сдано в набор 17.06.78 Подписано к печати 29.09.78 Т-18305 Формат бумаги 70×108¹/₁₆
Высокая печать Усл. печ. л. 26,8 Уч-изд. л. 28,6 Бум. л. 9,5 Тираж 3325 экз. Зак. 71

Издательство «Наука», 103717, Москва, Подсосенский пер., 21
2-я типография издательства «Наука», 121099, Москва, Шубинский пер., 10